

П. Г. ВИНОГРАДОВ

РОССИЯ НА РАСПУТЬЕ

ИСТОРИКО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ
СТАТЬИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»
МОСКВА 2008

СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ:

В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

В. Л. Глазычев, Л. Г. Ионин

А. Ф. Филиппов, Р. З. Хестанов

- В 49 ВИНОГРАДОВ П. Г. Россия на распутье: Историко-публицистические статьи / Сост., предисловие, комментарии А. В. Антощенко; перевод с англ. А. В. Антощенко, А. В. Голубева; перевод с норв. О. Н. Санниковой. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). — 576 с.

В книге собраны избранные историко-публицистические статьи известного российского историка Павла Гавриловича Виноградова, выходявшие в отечественных и зарубежных изданиях в конце XIX — начале XX вв. В них выразилось своеобразное видение исторического прошлого страны и важнейших проблем России того времени. В статьях известного своими либеральными взглядами историка даны оригинальные оценки славянофилов и западников, реформаторской деятельности Александра II и ее последствий, университетского вопроса на рубеже столетий, причин и «предметных уроков» русских революций начала XX в. и гражданской войны. Значительная часть статей переведена с английского и норвежского языков и впервые публикуется на родине всемирно признанного ученого. Книга будет интересна и полезна историкам и политологам, всем, кто интересуется историей России.

СОДЕРЖАНИЕ

*А. В. Антощенко. Россия на переломе (о проблемах
русской истории в публицистике П. Г. Виноградова)* . . . 9

СЛАВЯНОФИЛЫ И ЗАПАДНИКИ

И. В. Киреевский и начало московского славянофильства	47
Т. Н. Грановский	69
Русский политический мыслитель	95
Пророческий жизненный путь	98

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ВОПРОС И ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

Учебное дело в наших университетах	107
Что делается и что делать в русских университетах?	141
Новые временные правила	154
Комическая фигура	161
Проект нового университетского устава	167
Университетский вопрос	173
Школа и воспитание	178

ИСТОКИ СИЛЫ И СЛАБОСТИ РОССИИ

Реформаторская деятельность Александра II	185
Значение современных процессов в России	201
Крестьянское сословие в России	218
Рост местного самоуправления	229

УРОКИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Политические письма	237
17-го октября 1905 г.	255
Предметные уроки	265
Россия на распутье — I	271
Первый месяц Думы	281
Возможно ли было образование либерального министерства?	295
Партийное законодательство	300

РОССИЯ И «АРМАГЕДДОН»

Россия: Психология нации	305
Русская проблема	313
Англия и Россия	326
Английское общественное мнение и война	332
Причины войны	342
Вопросы национальности в английской публицистике	352
Англия и русские военнопленные	360
Мечты о мире	366

В РОССИИ ЖЕЛАТЕЛЬНА РЕСПУБЛИКА

Некоторые впечатления от русской революции	377
Некоторые элементы русской революции	388
Освободительное движение в России	403
Русская революция: Ее религиозный аспект	407
Задачи совещания	412

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
VERSUS ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Перспективы России	417
Судьба России	420
Россия на распутье — II	423
Западные и восточные идеалы в России	432
Перспективы в России	440
Положение дел в России	449
Россия на распутье — III	460

РУССКИЙ ВОПРОС И ЛИГА НАЦИЙ

Правовой и политический аспекты Лиги наций	469
Реалии Лиги наций	476
Соглашение о Лиге	485
Сокращения	488
Примечания и комментарии	489

А. В. АНТОЩЕНКО

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

(О ПРОБЛЕМАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ П. Г. ВИНОГРАДОВА)

Всемирную известность выдающемуся русскому историку Павлу Гавриловичу Виноградову (1854–1925) принесли его работы по средневековой истории Англии и историческому правоведению. Однако, как и большинство либерально настроенной профессуры в России конца XIX — начала XX в., он уделял значительное внимание историческому прошлому своей родины, без чего немислимым было определение перспектив ее развития и сознательное участие в общественной деятельности. Если в 1870–1880-е гг. во время учебы в Московском университете, научных командировок в Германию, Италию, Англию шло становление его как ученого, то с 1890-х гг. все более отчетливо обозначилось стремление историка занять активную общественную позицию. «Профессор всеобщей истории не может сидеть у себя в углу», — это обращение к ученикам не было пустой фразой. По справедливому замечанию К. Паркера: «Он не видел разрыва между своей профессиональной и общественной деятельностью: действительно мы можем видеть свободное течение идей между ними»*. Общетеоретические основания исторических построений П. Г. Виноградова следует рассматривать

* *Parker Ch. Paul Vinogradoff, the Delusions of Russian Liberalism, and the Development of Russian Studies in England // SEER. 1991. Vol. 69. No. 1. P. 42.* В отечественной историографии подчеркивалось обратное влияние общественно-политических взглядов П. Г. Виноградова на его историческую концепцию. См.: *Могильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. — начала 1900-х гг. Томск, 1968; *Мягков Г. П.* «Русская историческая школа». Методологические и идейно-теоретические позиции. Казань, 1988; *Моисеев Л. С.* Патриарх российской медиевистики: Жизнь и научное творчество П. Г. Виноградова. Симферополь, 2000.

и как базис для выработки его либеральной программы*, а обращение к истории России — как необходимую основу для определения ее ведущих положений.

I

Причиной первого обращения П. Г. Виноградова к проблемам истории послужил, казалось бы, случайный факт — приглашение прочесть Ильчестерские лекции в Оксфорде о славянофильстве в русской культуре**. Слушавший лекции Г. Фишер вспоминал впоследствии: «Это было, как мне кажется, одно из лучших по построению и самое выразительное из выступлений, которые я когда-либо слышал, и некоторые из его фраз до сих пор звучат в памяти. Он говорил, например, о страсти к «неусеченной жизни» как одном из признаков того романтического славянофильского национализма <...> который отрицал дух западной культуры <...> Виноградов, конечно же, принадлежал к противоположной школе, но он тем не менее рисовал мощную и отнюдь не без симпатии картину славянофильского движения в его различных проявлениях, литературных, философских, политических, художественных, и был полностью готов принять их влияние»***. Таким образом, чтение лекций стало первым шагом на пути определения историком своего места в общественном движении в России.

Со своим отношением к славянофильству и западничеству П. Г. Виноградов по возвращении из Англии познакомил и российскую публику****. Если англичан более заинтересовало славянофильство как проявление загадочной русской души, то в России единомышленники П. Г. Виноградова обратили большее внимание на его выступле-

* См. подробнее: Антощенко А. В. О формировании политической программы П. Г. Виноградова // Исторический ежегодник. Специальный выпуск: 2000. Омск, 2001. С. 78–91.

** Это событие ярко и подробно представлено в письмах П. Г. Виноградова к друзьям и коллегам. См.: ГА РФ, ф. 579 (П. Н. Милуков), оп. 1, д. 3949, л. 1–2 об., л. 13–16 об.; НИОР РГБ, ф. 70 (В. И. Герье), к. 38, д. 11, л. 14–16 об.; там же, ф. 119 (Н. И. Кареев), к. 9, д. 79–80, л. 2 об. – 3 об.; РГАЛИ, ф. 453 (Соллогубы), оп. 1, д. 376, л. 26–31 об.

*** Fisher H. A. L. A Memoir // Collected Papers of Paul Vinogradoff (далее — Col. Pap.). Oxford, 1928. Vol. 1. P. 19.

**** Виноградов П. Г. И. В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. М., 1892. Кн. 11. С. 98–126; он же. Т. Н. Грановский // РМ. 1893. Апрель. Ч. 2. С. 44–66.

ние о Т. Н. Грановском. В воссозданном автором облике признанного лидера зарождающегося российского либерализма западнической ориентации подчеркивались те черты ученого и гражданина, которые стали образцом для последующих поколений московской профессуры. Европейская образованность, позволившая синтезировать лучшие достижения крупнейших предшественников в исторической науке, достоинство, основанное на безупречной честности, прогрессивность взглядов и готовность отстаивать справедливость и истину как в стенах университета, так и вне их, человечность — вот те качества, которые привлекали в Грановском продолжателей его традиции в Московском университете и прежде всего — П. Г. Виноградова*.

Выступления о славянофилах и Т. Н. Грановском были проявлением все более отчетливо осознаваемой П. Г. Виноградовым тяги к широкой общественной деятельности. Не случайно лекция о славянофилах была прочитана «в пользу бесплатных столовых и сельских библиотек в местностях, пострадавших от неурожая и эпидемии»**, а о Т. Н. Грановском — в пользу комитета грамотности. В условиях оживления деятельности общественности в начале 1890-х гг. П. Г. Виноградов не мог уже довольствоваться лишь язвительными историческими параллелями между разлагающейся Римской империей и современным положением России в лекциях и критикой существующих порядков в узком кругу единомышленников. Его деятельная натура стремилась к практическим результатам. Основные направления общественной деятельности историка были тесно взаимосвязаны. Ими стали, во-первых, пропаганда представлений о государственном и общественном устройстве передовых западных стран и, во-вторых, активное участие в просветительских организациях и городском самоуправлении.

Важность просвещения и профессиональная вовлеченность исто-

* М. О. Гершензон писал в письме к брату 19 февраля 1893 г.: «19го числа был на публичной лекции Виноградова: он очень хорошо читал о Грановском». См.: *Гершензон М. О. Письма к брату*. С. 66. В письме к К. Н. Бестужеву-Рюмину от 1 июня 1893 г. П. Г. Виноградов заметил: «Можно было, и даже я мог бы сказать гораздо больше и об общественной деятельности и об отношении его к западничеству и славянофильству. Но меня лично особенно интересовал вопрос о роли Г[рановского] в исторической литературе, и, признаюсь, этому вопросу я пожертвовал многим в последующем». РО ИРЛИ РАН, 24.724/CLXXIXб. 48, л. 2–2 об.

** Лекция о Т. Н. Грановском, опубликованная позже в виде статьи, была прочитана «в пользу бесплатных столовых и сельских библиотек в местностях, пострадавших от неурожая и эпидемии». См.: РГИА, ф. 733, оп. 193, д. 1309, л. 32.

рика в дело образования вполне естественно определили, что именно в этой сфере проявился первоначально общественный темперамент П. Г. Виноградова*. Начав с «малых дел» — написания учебников по истории, создания исторического общества, участия в работе комитета грамотности, руководства училищной комиссией Московской городской думы и педагогическим обществом при Московском университете, — Павел Гаврилович постепенно пришел к выводу о необходимости изменения всей системы школьного образования в России. Основной идеей проекта, представленного им в 1900 г. на заседаниях специально созванной министерством народного просвещения комиссии, была последовательная демократизация школы**. По мысли историка, система школьного образования должна быть целостной, с тесной взаимосвязью всех ступеней и максимально возможной доступностью всем социальным слоям. Опираясь на европейский опыт (особенно скандинавских стран***), он последовательно проводил мысль, что школа должна содействовать не дифференциации общественных слоев вследствие получения ими различного по объему и качеству образования, а, напротив, их сближению и расширению среднего образованного класса.

Напряженная работа в общественных просветительских организациях, городской думе, участие в разработке проекта реформы среднего образования не отодвигали в жизни П. Г. Виноградова на второй план главный «просветительский орган» — университет. Его роль здесь не ограничивалась чтением ведущих курсов по всеобщей истории или великолепно поставленными в методическом отношении семинара. Все более отчетливо в стенах Круглой залы, где заседал профессорский совет Московского университета, звучал голос ординарного профессора П. Г. Виноградова об общественном значении университета и необходимых преобразованиях в его управлении. Наиболее полно его мысли о назревших изменениях в университетском образовании выразились в статье «Учебное дело в наших университетах»****.

* См. подробнее: Антощенко А. В. Об общественной деятельности П. Г. Виноградова // Общество и власть. СПб., 2001. Ч. 1. С. 15–31.

** См. об этом: Антощенко А. В. «Классицизм» или «реализм»: обращение к европейскому опыту и среднее образование в России (комиссия 1900) // Диалог со временем. М., 2001. Вып. 6. С. 135–154.

*** См.: Виноградов П. Г. Борьба за школу на Скандинавском севере. СПб., 1902. Первоначально работа была опубликована в «Вестнике Европы» (1902. № 3).

**** См. о подготовке публикации: Письмо П. Г. Виноградова к М. М. Стасюлевичу от 18 августа 1901 г. // РО ИРЛИ РАН, ф. 293 (М. М. Стасюлевич), оп. 1, № 339 [л. 6–9].

Сам факт предпочтения публичного выступления возможности подать служебный доклад или записку, как это делали многие из его коллег, свидетельствовал о желании П. Г. Виноградова опереться на общественное мнение*, а не только на свой личный авторитет известного историка, для того, чтобы быть услышанным властями. За этим стояло ясное осознание им той роли, которую играло общественное мнение в выработке правительственной политики в демократических государствах Западной Европы и Америки, и стремление добиться того же в России.

П. Г. Виноградов последовательно отстаивал идею самоуправления университетских корпораций, которая была существенно урезана университетским уставом 1884 г.** Воссоздание автономии университетов, которая признавалась уставом 1863 г., требовалось для последовательной реализации основных начал университетского образования — научной свободы и педагогического авторитета. Сочетание этих двух начал определяло, по мнению Виноградова, значение университета как «центрального просветительного органа», от которого «зависит жизнь всех остальных частей воспитательной системы страны»***. Успешное выполнение этой функции университетом возможно только в условиях устранения вмешательства в учебное дело университетов со стороны бюрократии, которая осуществляла его в политических целях. Выступая за академическую свободу, П. Г. Виноградов понимал ее прежде всего как «свободу преподавания», считая, что определение учебных планов и экзаменационных программ должно быть прерогативой факультетского руководства. В данном вопросе он выступал как против сторонников «свободы слушания», так и против поборников «школьного принуждения». Осуществление идей первых, заимствованных из Германии, в условиях России привело бы к усилению бюрократического контроля в виде отделенного от преподавания государственного экзамена. Реализация намерений вторых означала введение принудительного обучения, которое «убьет свободный интерес

* Об этом свидетельствует и желание П. Г. Виноградова получить оттиски статьи, чтобы «послать их кое-кому из своих знакомых». См.: Письмо П. Г. Виноградова к М. М. Стасюлевичу от 17 октября 1901 г. // РО ИРЛИ РАН, ф. 293, оп. 1, № 339 [л. 10–11].

** См. об этом: Антощенко А. В. П. Г. Виноградов об университетском вопросе в России на рубеже XIX–XX вв. // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 200–220.

*** Виноградов П. Г. Учебное дело в наших университетах // ВЕ. 1901. Т. V. Кн. 10. С. 537–538.

к науке». В своих предложениях П. Г. Виноградов исходил из необходимости расширения свободы выбора лекционных курсов студентами, а также развития самостоятельности их занятий. Самоуправление профессорской коллегии, по его мнению, обеспечивало естественную основу местной университетской власти, связывая ее с авторитетом наставников, поскольку только последний позволял осуществлять правильное руководство студентами. Вместе с тем, считал П. Г. Виноградов, учащимся должно быть предоставлено право на создание собственных студенческих организаций, что отрицалось не только уставом 1884 г., но и уставом 1863 г. Причем мнение профессора в данном вопросе оказалось радикальнее, чем мог допустить даже такой относительно либеральный министр народного просвещения, как П. С. Ванновский. Признавая важность студенческих организаций для материальной взаимопомощи и в культурно-образовательных целях, Павел Гаврилович выступал за превращение курсовых, факультетских и общеуниверситетских представительных собраний студентов в инструмент выработки у них навыков законного выражения общественного мнения под руководством заслуживших их доверие профессоров. Именно так были организованы под руководством комиссии, возглавляемой П. Г. Виноградовым, курсовые и факультетские совещания в Московском университете в ноябре 1901 г., названные одним из участников «студенческим парламентом». При их проведении были последовательно реализованы принципы: выборности, свободного обсуждения вопроса и тайного голосования, подчинения мнению большинства при уважении права меньшинства на особое мнение. Непризнание такого характера деятельности студенческих организаций министром стало одной из причин добровольной отставки историка, решившего вскоре после этого уехать из России*.

II

После отъезда в Канны у П. Г. Виноградова завязалась переписка с П. Б. Струве, который предложил ему сотрудничать в «Освобождении». Павел Гаврилович согласился и высоко оценил статью с программным заявлением редакции. «Статьей я очень доволен и готов подписать каждую ее мысль»**, — писал П. Г. Виноградов, сочувство-

* См. подробно о причинах этого решения: Антощенко А. В. История одной профессорской отставки // Казус. 2002. М., 2002. С. 234–272.

** Переписка П. Б. Струве с П. Г. Виноградовым (1902–1904) // РГАСПИ, ф. 279 (П. Б. Струве), оп. 1, д. 66, л. 57. Письма опубликованы мной: «Каждый обязан

вавший идее объединения всех антибюрократических сил, с патриотических позиций выступающих за новую Россию. В качестве «замечания» историк предлагал пояснить, каким образом могут действовать те, к кому обращался редактор. Собственной конкретной программы у него в этот момент не было. «Способы действия не могут быть, конечно, указаны для каждого конкретного случая, — пояснял свою мысль Виноградов, — но необходимо всеми мерами и при всяком случае заявлять о беззакониях и злых последствиях существующего порядка»*.

Появившиеся вскоре на страницах «Освобождения» статьи П. Г. Виноградова, подписанные «абв», содержали резкую критику правительственной политики в области образования**. Раскрывая непоследовательность мероприятий, осуществлявшихся министрами народного просвещения П. С. Ванновским и Г. Э. Зенгером, историк противопоставлял им собственное видение путей решения университетского вопроса через предоставление университетам автономии, а студентам — права на собственные организации, в которых те могли бы под руководством профессоров выражать мнение по всем затрагивающим их вопросам. Однако полностью решить проблему студенческих выступлений, считал историк, возможно лишь изменением строя общественной жизни.

Важным моментом в определении исторических перспектив развития России, повлиявшим на выработку либеральной программы П. Г. Виноградовым, стало предложение прочесть лекции во время летней сессии 1902 г. в Кембриджском университете. Это позволило ему детализировать собственное видение изменений в России второй половины XIX — начала XX вв. Важнейшим событием, определившим вступление России в новую историю, он считал проведение реформ 1860-х годов. По мнению историка, они были выражением «духа времени»***. Главным условием успеха преобразований он признавал сотрудничество правительства с образованным меньшинством, наделенным идеалами справедливости и независимым мышлением.

бороться на своем месте»: Письма П. Г. Виноградова к П. Б. Струве (1902–1904) // ИА. 2000. № 5. С. 186–201.

* Там же, л. 57 об.

** См.: Что делается и что делать в русских университетах? // Освобождение. 1902. № 2. С. 21–23 и № 3. С. 39–40; Новые временные правила // Там же. № 8. С. 116–119; Комическая фигура // Там же. № 7 (31). С. 113–115.

*** *Vinogradoff P. The Reforming Work of the Tzar Alexander II // Lectures on the History of the Nineteenth Century. Cambridge, 1902. P. 242.*

Основу социального переустройства составило освобождение крестьян, охарактеризованное П. Г. Виноградовым как «мирная революция», которая изменила экономическую структуру общества, вызвав к жизни другие реформы — политическую, административную и правовую. Тем самым было положено начало переходу от общества, основанного на принудительном труде лично зависимых тружеников — крестьян, к обществу, основу которого составлял вольнонаемный труд. Введение земского самоуправления означало первый шаг в движении от старого режима централизованного бюрократического управления, опиравшегося на дворянство и защищавшего его сословные интересы, к новому — с участием общества и в интересах всех его членов. Проведение правовой реформы, в положениях которой нашли воплощение лучшие достижения западноевропейской правовой мысли и практики применительно к российским условиям, должно было привести к утверждению современных политических достижений. Таким образом, реформы рассматривались историком как средство постепенного формирования гражданского общества, основанного на самостоятельности свободных граждан, права которых защищены законом.

Высоко оценивая реформы, П. Г. Виноградов вполне отчетливо видел и их недостатки. Освобожденное крестьянство осталось в особом, приниженном состоянии. Сохранение общины, которое, по его мнению, могло вполне сочетаться с распространением на нее, как юридическое лицо, общих правовых норм, привело к зависимости крестьян от этого древнего института. Законодательством они рассматривались как низшая страта, на которую не распространялись многие нормы права, действующие в отношении других социальных слоев. Наиболее вопиющим примером этого служило сохранение телесных наказаний крестьян. Помимо этого, крестьяне получили земельные наделы и угодья, которые были и меньше по размерам, и хуже по качеству в сравнении с теми, что они имели до освобождения, а усиливающийся налоговый гнет государства приводил к их обнищанию*.

Вместе с тем П. Г. Виноградов подчеркивал, что правительство принимало все меры к тому, чтобы сохранить привилегированное положение дворянства, которое начало терять свои экономические позиции после отмены крепостного права. Наиболее ярко стремление сохранить господство помещиков над крестьянами проявилось

* Детально положение крестьянства в России было охарактеризовано П. Г. Виноградовым в статье «The Peasant Caste in Russia», помещенной в «Independent Review» (1904. Vol. IV. No. 13. P. 89–101).

в создании института земских начальников. Введение этой должности, исполнитель которой сосредотачивал в своих руках полицейскую и административную власть и назначался губернатором из дворян, означало, по его мнению, отход от принципов судебной реформы 1864 г. Закон о земских начальниках означал «установление диктатуры», служащей укреплению центральной бюрократии, с одной стороны, и местного дворянства, с другой.

Важнейшей среди реформ 1860-х годов было введение местного самоуправления. Однако и здесь П. Г. Виноградов отмечал половинчатость и непоследовательность проведенных мер. Половинчатость реформы, отразившая, по его словам, «компромисс между либеральными идеалами и бюрократическими ограничениями», сказалась и в определении компетенции и властных полномочий земских органов. Законодатели исходили из стремления ограничить компетенцию земств решением местных хозяйственных дел, сохранив за государством политические. На практике такое разграничение, как отмечал историк, оказывалось невозможным. Вследствие этого создавались условия для постоянного вмешательства бюрократии в дела местного самоуправления, что делало фикцией положение о их самостоятельности в пределах определенной им компетенции.

Еще одним недостатком, сдерживающим развитие земского самоуправления и открывающим лазейку для произвола чиновников, была незавершенность системы земских учреждений. Они были созданы лишь на уровне губерний и уездов. На волостном же уровне все осталось без изменения. Здесь осуществлялось крестьянское самоуправление. Это консервировало замкнутость крестьянского сословия и, как уже говорилось, создавало возможность утверждения произвола бюрократического управления. Надежным заслоном против поползновений центральной бюрократии восстановить привилегии дворянства и всевластие чиновничества было, по мысли П. Г. Виноградова (впрочем, как и многих других земских деятелей), распространение принципов всеобщего земского самоуправления на волостной уровень.

П. Г. Виноградов рассматривал земства как «школу большей свободы». Он принадлежал к той части земцев, которые видели в земских учреждениях ростки демократического политического устройства. Всякие попытки бюрократии заморозить эти ростки рассматривались им как проявления политической реакции.

Указывая на предпочтительность мирной трансформации российского общества, П. Г. Виноградов ставил ее в зависимость от правительственной политики. Отсутствие политической воли к измене-

нию существующего положения дел привело историка к признанию вины центральной бюрократии за то, что были упущены все имевшиеся с момента создания земств возможности изменения политического порядка в стране. В конечном счете действия центральной бюрократии были одной из главных причин радикализации требований лидеров общественности, что грозило революцией.

III

На развитие событий в России в 1905 г. П. Г. Виноградов откликнулся рядом статей, среди которых выделялись «Политические письма» и «17-го октября 1905 года», где была изложена личная программа политических изменений в России, близкая октябристам*.

Выступая против административного латания государственной машины, П. Г. Виноградов в то же время предостерегал против упований на революцию. Свое собственное место в расстановке политических сил он видел в либеральной центристской группе, представители которой стремятся «к свободе, к активному патриотизму, к раскрытию и врачеванию общественных недугов, но не желающих переворота всех отношений, разрыва с национальным прошлым, рискованной игры неизвестными политическими силами»**. При этом им отчетливо осознавалась сложность положения центристов, которые приобретают «решительное значение» на завершающей стадии социальных преобразований, в то время как на начальных этапах преобладает увлечение радикализмом. Таким образом, П. Г. Виноградов отмежевывался от позиции своих бывших соратников, группировавшихся вокруг «Освобождения».

Выделив три основные социально-политические силы в обществе — правительство, интеллигенцию и народ, он определил принципы анализа взаимоотношений между ними, взаимоотношений, от которых зависит политическая ситуация в стране. Выступая против контрастов в характеристиках этих сил, он стремился отметить не только слабые стороны каждой из них, но и достоинства. В своей основе анализ был направлен не на их размежевание, которое может привести к революции, а на поиск условий, которые позволят объединить их усилия в преобразовании общества. Обеспечить ор-

* См. ее подробный анализ в статье: Антощенко А. В. Политическая позиция П. Г. Виноградова в годы первой русской революции // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2007. Вып. VIII. С. 61–78.

** Виноградов П. Г. Политические письма // РВ. 1905. 5 августа.

ганическую трансформацию всего общества и каждой из составляющих его социально-политических групп может утверждение господства права в стране.

Знаток не только средневековой, но и новой истории, П. Г. Виноградов предпочитал развитию страны по пути Франции 1789 г. изменения, подобные произошедшим в Германии в 1848 г. Однако позиция историка не имела ничего общего с правительственной реакцией или консерватизмом славянофильского толка, что выражалось в его представлениях о возможном политическом устройстве России и полномочиях представительных учреждений. Россия должна была стать конституционной монархией. В решении задачи разграничения полномочий историк выступал с критикой как булыгинского проекта, так и предложений радикальной части либералов. В отличие от консерваторов в правительстве он считал невозможным предоставление представителям лишь права на совет и критику деятельности правительства. П. Г. Виноградов настаивал на конституционных полномочиях для русского народного представительства, закрепления за ним решающего голоса в выработке законов, утверждении бюджета и надзоре за правительственной деятельностью. Однако его позиция отличалась и от взглядов радикальной части либералов, возглавляемой П. Н. Милюковым*. Аргументация историка была направлена на поиск компромисса между противоборствующими сторонами, который должен был опираться на их благоразумие и понимание того, что распря между ними вредно отразится на интересах государства.

П. Г. Виноградов не разделял стремления радикальной части либералов ввести всеобщую и прямую подачу голосов при выборах российского парламента. При этом историк четко определял теоретические основания расхождения во взглядах. Он отмечал, что та-

* Ср.: Волобуев О. В. Революция 1905–1907 гг. в публицистике русских буржуазных историков // Изв. Т. 102. М., 1978. С. 288–291. Наиболее обстоятельный анализ соотношения взглядов П. Г. Виноградова и В. И. Ленина на проблему перспектив первой русской революции см.: *Sargeant E. Russian Liberalism versus Bolshevism: The Debate Between Vinogradoff and Lenin (1905–1907)* // *International Politics*. 1996. Vol. 33. P. 341–371. Хотя общий контекст, как представляется, выбран не совсем верно, так как П. Г. Виноградов полемизировал не с В. И. Лениным, а с радикальными либералами. Сама исследовательница признает, что невозможно установить источники знаний П. Г. Виноградова об идеях большевиков в это время (Р. 347). К тому же последующие публикации П. Г. Виноградова 1905–1906 гг., которые не рассматриваются Е. Саргент, продолжают полемику именно с кадетами, среди лидеров которых было немало его бывших учеников.

кой способ формирования представительства соответствует требованию справедливости и равенства удовлетворения стремлений отдельных лиц и групп, в то время как для него важнее было в данном случае требование целесообразности, объединяющее индивидуумов и общественные группы в прочное и жизненное целое. Именно этим определялось его отношение к вопросам об устройстве парламента и избирательной процедуры.

Как противник механистического взгляда на общество, П. Г. Виноградов особое внимание уделял историческим связям и местным общениям. Поэтому в случае формирования одной из палат российского парламента на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования противовесом ей должна была стать палата, формируемая на основе представительства от земств, как гарантия против слишком смелых законодательных экспериментов. Тем самым опасности превращения парламентских выборов в аукцион, «на котором возьмут верх люди, выкрикивающие самые громкие лозунги»*, противопоставлялась возможность использовать земства как школу политического воспитания масс. Выступая резко против сословного, имущественного или образовательного ценза, он в то же время высказывался в пользу двухступенности выборов с передачей их проведения уездным земским собраниям и городским думами. В отличие от западноевропейских стран, где шли по пути снижения имущественного ценза, в России следует развивать традиции земского самоуправления, повышая значение избрания гласных до уровня государственного. Таким образом, в «Политических письмах» П. Г. Виноградов сформулировал основные принципы, которые можно определить как концепцию земского либерализма, ставшую основой для его последующих политических выступлений.

Во время пребывания в России поздней осенью 1905 г. П. Г. Виноградов встречался с лидерами октябристов — А. И. и Н. И. Гучковыми и Д. Н. Шиповым. Хотя он отклонил предложение редактировать партийный орган «Слово», однако вскоре в газете появилась его статья, в которой излагались программные установки, корректирующие неудовлетворительный, с его точки зрения, проект программы «Союза 17-го октября»**. Не отрицая важности утверждения гражданских прав в России, историк предпочитал, чтобы это произошло не путем выработки конституции Учредительным собранием, а в результате принятия различных государственных актов и зако-

* Виноградов П. Г. Политические письма // РВ. 1905. 19 августа.

** См.: Fisher H. A. L. A memoir. P. 49.

нов. Такой путь, напоминающий формирование неписаной конституции в Англии, был для П. Г. Виноградова явно предпочтительнее обращения к французскому опыту конца XVIII в.

Обеспечить сочетание изменений в обществе с верностью исторической традиции, по мнению историка, позволит широкая децентрализация управления, которая становилась ведущим пунктом его либеральной программы. Средством ее реализации являлось расширение прав земского самоуправления, введение его в регионах, где оно отсутствовало, демократизация избирательной системы их формирования. На земской основе должен решаться и вопрос о расширении прав национальных районов России. Нетрудно заметить, что большинство положений, сформулированных в статье Виноградова, нашли отражение в программе «Союза 17 октября»*.

Таким образом, расхождения П. Г. Виноградова с радикальной частью либералов проявлялись именно в различном определении способов утверждения гражданского общества с господством права, в то время как меры преобразований, предлагаемых по аграрному или рабочему вопросу, в области финансовой политики или народного образования, существенно не отличались**. Поэтому его критика кадетов в I Думе касалась не столько программных положений сколько тактики кадетов***. Он считал, что их деятельность направлена на конфронтацию с правительством и устранение существующей власти, что рассматривалось им как революция. Не возражая по существу предложений кадетов, историк замечал, что их доктринерский характер и форма представления правительству делали их неприемлемыми для последнего. Так же дело обстоит с предложениями по амнистии и изменениям в аграрной сфере. Радикализм преобладающей части депутатов Думы должен был привести или к отставке правительства, или к роспуску представителей. Как известно, случилось последнее, хотя П. Г. Виноградов считал возможным создание кадетского правительства. Это был скорее тактический ход, так как, находясь у власти, кадеты должны были бы либо вести себя более ответственно, либо уйти в отставку в случае невозможности выполнить обещания.

* Ср.: Сборник программ политических партий в России. Под ред. В. В. Водовозова. Вып. 2. Б. м., б. г. С. 42–56.

** Ср.: Виноградов П. Г. 17-го октября 1905 года // Слово. 1905. 15 (28) ноября; Сборник программ политических партий в России. Вып. 1. С. 40–49.

*** Vinogradoff P. The First Month of the Duma // Independent Review. 1906. Vol. X. No. 34. P. 48–63.

Летом 1906 г. П. А. Столыпиным велись переговоры с лидерами октябристов о создании правительства, в котором портфель министра народного просвещения предлагался П. Г. Виноградову*. Однако он отказался. Объяснением отказа стал отрицательный ответ на вопрос, вынесенный в заголовок его статьи: «Возможно ли было образование либерального министерства?»** По мнению П. Г. Виноградова, правительство также оказалось неготовым к мирному обновлению, предпочтя привычно заняться «укрощением общества». Говоря о гипотетической возможности создания либерального кабинета, Виноградов считал, что необходимыми условиями для этого являются: обязательное соблюдение существующих законов впредь до их отмены в целях воспитания у граждан уважения к праву, скорейший созыв Думы для выработки бюджета, введение подобия процедуры *Habeas Corpus*, немедленная отмена специальных ограничений и карательных постановлений против евреев.

IV

Отказ от участия в правительстве очевидно определил отрицательный ответ П. Г. Виноградова на предложение бывших коллег по Московскому университету вернуться для преподавания в стенах *alma mater*. «Тем не менее Совет Университета, — писал в письме к нему 28 апреля 1906 г. давно и близко знавший его новый ректор А. А. Мануйлов, — остается при прежнем своем мнении о желательности Вашего возвращения в родной Университет как скоро обстоятельства позволят Вам принять его предложения»***.

Такие обстоятельства сложились после поездки историка в 1907 г. в Северо-Американские Штаты, где П. Г. Виноградов прочел лекции и провел семинарские занятия в Гарвардском и Колумбийском университетах, в университете Мэдисона (Висконсин)****. «Я не мог отказаться сделать для своего старого университета то, что я уже сделал

* См. об этом: *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 112–120.

** *Виноградов П. Г.* Возможно ли было образование либерального министерства? // Московский еженедельник. 1906. № 20. С. 11–16.

*** ЦГИАМ, ф. 418, оп. 70, д. 563, л. 25 об.

**** См.: *Public Lectures Given in England and Foreign Countries // Vinogradoff P. Col. Pap. Vol. 2.* P. 498; *Paul Vinogradoff's letter to Seligman on April 20, 1907* // Columbia University Libraries. Rare Books and Manuscripts Library. Special Collections. Edwin R. A. Seligman's collection. См. также описание П. Г. Виноградовым сво-

в Америке»*, — писал Павел Гаврилович родным. Причина согласия определялась также восприятием им ситуации на родине. Позже историк охарактеризовал конец 1907 г. как период, когда в университетах «увлечение политической борьбой и беспокойство, при которых невозможны были исследовательские занятия, прекратились, и наступила пора серьезной академической работы»**. Перспективы, открывавшиеся в этой связи, позволяли отринуть некоторые сомнения, высказывавшиеся им в прошлом в ответ на просьбы коллег о возвращении***, хотя и не до конца. Поэтому П. Г. Виноградов принял решение: не оставляя кафедры в Оксфордском университете, где он преподавал два семестра, третий, дополнительный семестр посвящать московским студентам.

Возвращение П. Г. Виноградова в родной университет не могло не вызвать попыток вовлечь его в общественную деятельность. Правда, кратковременность пребывания не позволяла активно включиться в политическую борьбу, да он и не был ее сторонником. Его больше привлекала просветительская работа, поэтому он охотно откликнулся на предложение П. Б. Струве, с которым у него вновь установились добрые отношения, принять участие в так называемых «экономических беседах». Постепенно в них включились министерские чиновники среднего ранга. И хотя политические вопросы обычно «обходились» на этих собраниях, сама их атмосфера способствовала расшире-

его пребывания в Америке в письме к М. М. Богословскому от 5 мая 1907 г. АРАН, ф. 636 (М. М. Богословский), оп. 4, д. 4, л. 13–13 об.

* Цит. по: *Fisher H. A. L. A Memoir*. P. 44.

** *Виноградов П. Г.* Университетский вопрос // *Русские ведомости*. 1909. 1 января.

*** В письме к С. Н. Трубецкому от 18 января 1903 г., перлюстрированном полицией, П. Г. Виноградов писал: «...уезжая, я поставил и условие своего возвращения, быть может неосторожно, но поставил. Я говорил, что вернусь, если вы меня позовете, когда университет выйдет из своего жалкого подчинения министерской канцелярии и попечителю. Этого я и буду держаться в конце концов. Когда придет новый устав или если этот устав *будет возможный* (курсив мой. — А. А.), на что мы все надеемся, я вернусь в Московский университет по приглашению его профессоров, но не иначе. Не говорите, что это слишком отдаляет срок моего возвращения и что я нужен теперь. Возрождение университетов должно совершиться очень скоро, если оно вообще совершится, а при автономии-то как раз и понадобятся “люди, и энергия, и умения”. Но пока нет устава, мало ли что может случиться; все благие начинания могут развалиться как карточный домик, а в карточном домике не стоит устраиваться». ГА РФ, ф. 102, оп. 231 (1903), д. 196, л. 1 об.

нию взгляда на российское общество представителей промышленной буржуазии, осознанию их ответственности как его лидеров*.

Такие цели вполне соответствовали взглядам Виноградова, который выступал за сближение всех сословий и социальных групп путем их возможно широкого просвещения. Эта мысль стала лейтмотивом его выступления 1 октября 1908 г. на торжественном заседании Московской городской думы, посвященном открытию университета А. Л. Шанявского**. Создание народного университета стало логическим продолжением той работы, которая велась под руководством П. Г. Виноградова еще в 1890-е гг. комиссией по организации домашнего чтения. В нем должна была воплотиться давняя мечта Павла Гавриловича об искании истины, свободной «от всяких официальных пут, от всяких профессиональных примесей, от всяких сословных ограничений». Отмечая демократизацию университетского образования в европейских странах и высоко оценивая опыт развития *University Extension* в Англии, П. Г. Виноградов ратовал за просвещение в России всех, кто чувствует в этом потребность. Причем народный университет не должен служить «образовательной лестницей», а быть средством формирования «научного мировоззрения».

Реализации идеи формирования научного мировоззрения у «третьего» и «четвертого» сословий были подчинены публичные выступления историка. В них он вновь обращался в опыту передовых европейских государств и прежде всего Англии. Прочитанная им в народном университете лекция «Господство права» содержала вполне прозрачный намек на необходимость установления в России такого же порядка, когда закон защищает права граждан и не оставляет места для чиновничьего произвола***. Лекционный курс о современной практике английских государственных учреж-

* Pipes R. Struve: Liberal on the Right, 1905–1944. Cambridge (Mass.), 1980. P. 182–184.

** См.: Виноградов П. Г. О значении городского Народного Университет им. А. Л. Шанявского // РВ. 1908. 2 октября. О перипетиях создания университета см.: Исторический очерк возникновения и развития Московского Городского Народного Университета // Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. М., 1914. С. 1–27; Сперанский Н. В. Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914. С. 147–178.

*** Лекция была опубликована как отдельная брошюра: Виноградов П. Г. Господство права. М., 1911.

дений также служил цели пропаганды современного опыта государственного устройства*.

Английский опыт оказывался кстати не только для подкрепления принципов широкого народного просвещения, утверждения господства права и совершенствования политического устройства России, но и в связи с решительными социальными преобразованиями, начатыми в деревне правительством П. А. Столыпина. Аграрная реформа, нацеленная на создание социальной опоры самодержавия путем создания крепкого крестьянского хозяйства в ходе разрушения общинного землевладения, являлась, с точки зрения Виноградова, проявлением партийного законодательства**. Не являясь сторонником сохранения общинной собственности на землю, Виноградов вместе с тем выступал против поспешности и необдуманности мер правительства, которым не предшествовало всестороннее изучение вопроса с общегосударственной точки зрения, как это обычно происходит в королевских или парламентских комиссиях в Англии.

Историк подчеркивал, что из закона о переходе от общинной к частной собственности не следует, что этот процесс нужно ускорять. Законодательство должно облегчить и разумно направить процесс распада общины, который в европейских государствах занял несколько столетий. Освобождение от общины, по его мнению, должно совершаться по собственной инициативе участников, без прямого или косвенного принуждения, без юридического насилия. Особо им отмечалась важность организации помощи тем, кто потеряет землю в ходе реализации реформы. При этом П. Г. Виноградов вновь ссылаясь на опыт Англии, где огораживание общинных земель сопровождалось законодательством Тюдоров о бедных.

Во время своих визитов в Москву в 1908–1911 гг. не обошел вниманием П. Г. Виноградов и вопросов начального образования, с которым была неразрывно связана его прошлая деятельность на посту председателя училищной комиссии Московской городской думы. Проводимые им уже в конце XIX в. меры по обеспечению общедоступности образования в Москве выражали сознание потребности во всеобщем начальном образовании в России, которое было характерно для передовой общественности. Сознание такой необходимости проникало и в правительственные круги, о чем не-

* Лекции были опубликованы: *Виноградов П. Г. Практика английских государственных учреждений // Лоу С. Государственный строй Англии. С вступительными замечаниями и статьей проф. П. Г. Виноградова. М., 1910. С. 3–50.*

** См.: *Виноградов П. Г. Партийное законодательство // Слово. 1908. 6 (19) декабря.*

однократно заявляли в Думе премьер-министры И. Л. Горемыкин и П. А. Столыпин*.

В области образования введение всеобщего начального обучения являлось насущным требованием, которое было очевидно, по оценке П. Г. Виноградова, для всякого наделенного здравым смыслом человека. Причем потребность в этом должна была рассматриваться с общественной точки зрения, что делало ее более важной, чем удовлетворение требований военного, морского ведомств, министерства путей сообщения и т. п., и что следовало осознать правительству и примыкающим к нему октябристским политикам. Поставив перед собой задачу рассмотреть вопросы о типах народной школы, о подготовке преподавательского персонала и о характере государственного и общественного воздействия в указанной области, историк замечал, что заимствование передового зарубежного опыта здесь должно ограничиться способами достижения цели и не затрагивать содержания обучения. Отмечая особо необходимость «так оставить учительский персонал материально и нравственно, чтобы члены его не стремились при всяком удобном случае бежать от ненавистой деятельности и чтобы ряды учителей пополнялись не людьми последнего разбора»**, П. Г. Виноградов указывал на те средства достижения этой цели, которые составляли содержание работы Педагогического общества при Московском университете и которым он содействовал в свое время на посту председателя училищной комиссии Московской городской думы***.

Не мог не откликнуться П. Г. Виноградов и на появление проекта нового университетского устава. В статье, опубликованной в газете московской профессуры, как обычно называли «Русские ведомости», историк подверг резкой критике основные положения предлагаемого министерством проекта****. По его мнению, предложения чиновников от просвещения были возвращением к худшим традициям университетского устава 1884 г., выразившим недоверие к представителям науки и отрицавшим право на автономию за университетскими корпорациями. В нынешних условиях, как подчеркивал

* См. их выступления: Государственная Дума. Стенографические отчеты. Первый созыв. Сессия I. Ч. 1. Стлб. 321–323; Там же. Второй созыв. Сессия I. Ч. 1. Стлб. 109–119; 122–129; Там же. Третий созыв. Сессия I. Ч. 1. Стлб. 308–309.

** Виноградов П. Г. Школа и воспитание // HLSL MD SC. Vinogradoff's Papers, b. 17, f. 4, p. 10.

*** См.: Антощенко А. В. Об общественной деятельности П. Г. Виноградова.

**** Виноградов П. Г. Проект нового университетского устава // РВ. 1908. 17 октября.

историк, апеллируя к священному для бюрократии выражению монаршей воли, это противоречило высочайшему повелению 27 августа 1905 г. Его положения он интерпретировал как гарантию университетского самоуправления.

Первый номер в новом 1909 году «Русские ведомости» предоставили для обзора важнейших итогов года. Университетский вопрос в номере осветил П. Г. Виноградов. Оценивая общие итоги года в рамках исторической перспективы, он охарактеризовал их как наступление политической реакции, которая подрывала положительные тенденции, наметившиеся во второй половине 1907 г. в результате реализации высочайшего повеления 27 августа 1905 г. Реакционные меры историк связывал с назначением 1 января 1908 г. нового министра народного просвещения А. Н. Шварца, имя которого когда-то стояло рядом с именем Виноградова под петицией о восстановлении университетской автономии. Перечисляя признаки наступления реакции, он указывал прежде всего на конкретные факты, характеризующие тенденцию. Эти факты, взятые по отдельности, могли еще в результате противодействия профессуры превратиться в «комедию ошибок», как это было с циркулярами, когда слушательницам все же разрешили закончить их занятия и были восстановлены собрания старост, хотя и без централизующих органов. Однако как тенденция они вели к таким тревожным последствиям, как разъяснение Сената о пределах университетской автономии. Именно в этом правовом по своей природе и последствиям факте П. Г. Виноградов видел наибольшую опасность.

Разъяснение Сената, по мнению П. Г. Виноградова, подрывало основы для самостоятельной деятельности профессуры. Характеризуя предложенный министерством проект университетского устава, он лишь повторил свою более раннюю оценку его как меры, направленной на то, чтобы «устранить совет как главный орган государственного управления и сделать ректора директором, а по отношению к студенчеству диктатором»*. Принятие такого устава вызовет скандал на всю Европу, заявлял П. Г. Виноградов.

Однако такие предостережения не могли остановить правительство, которое стремилось стабилизировать положение, не смущаясь реакционным характером применяемых мер, что не могло не вызвать грустных раздумий ученого. Перед поездкой в Россию в январе 1911 г. он писал дочери своего учителя Елене Владимировне Герье: «Как-то только сложится предстоящий семестр? Судя по всему,

* Там же.

не обойдется без беспорядков, а может быть, и мероприятий сверху. Такой заколдованный круг русской жизни, из которого она, по-видимому, на нашем веку не выбьется»*. Опасения П. Г. Виноградова были вполне обоснованными. Реакционные меры министра народного просвещения Л. А. Кассо вызвали массовый протест профессоров Московского университета, заявивших о своей отставке. Среди профессоров, поддержавших своей отставкой коллег по корпорации, был и Павел Гаврилович Виноградов**, покинувший родной университет теперь уже навсегда.

V

Начало 1914 г. если и обещало значительные события в жизни П. Г. Виноградова, то скорее связанные с его академической работой. Интересная и весьма плодотворная поездка в Индию, где ученый прочел лекции в Калькуттском университете о племенном праве и собрал в результате изучения литературы и непосредственных наблюдений новый материал по данной проблеме, возвращала его к мысли о большом сравнительном исследовании по историческому правоведению***. На обратном пути в Европу он получил приятное известие об избрании его членом Российской Академии наук. Благодаря в письме А. С. Лаппо-Данилевского за поддержку, Павел Гаврилович планировал: «Если буду в России 1 сентября, как предполагаю, не премину приехать в Петербург, чтобы представиться новым товарищам»****. Однако реализации этого намерения помешала начавшаяся Первая мировая война, заставшая историка в Англии.

Созданный вскоре после начала войны Центральный комитет для национальных патриотических организаций обратился к выдающимся представителям интеллектуальной элиты Великобритании с призывом читать лекции и писать о причинах войны с целью оправдания «как исторически, так и морально английской позиции в борьбе». Главной аудиторией этих пропагандистов должны были стать не мало просвещенные массы простых людей, а образованные

* Письмо П. Г. Виноградова к Е. В. Герье от 14 января 1911 г. // РГАЛИ, ф. 2432, оп. 1, д. 433, л. 2.

** РГИА, ф. 740, оп. 7, д. 445, л. 193; оп. 17, д. 48, л. 9.

*** См.: Fisher H. A. L. A Memoir. P. 52–57; Конспекты и наброски в тетради, которую П. Г. Виноградов вел в Калькутте: HLSL MD SC. Vinogradoff's Papers, b. 22, f. 5.

**** Письмо П. Г. Виноградова к А. С. Лаппо-Данилевскому от 15 марта 1914 г. // СПбФ АРАН, ф. 113 (А. С. Лаппо-Данилевский), оп. 3, д. 91, л. 23.

омневающиеся*. В этих условиях П. Г. Виноградов считал необходимым для себя включиться в эту работу, чтобы рассеять у либерально мыслящих англичан сомнения в необходимости союза с Россией, которые порождались представлением о ее культурной отсталости и о политическом деспотизме, господствующем в ней**.

Его первым публицистическим выступлением в период войны стала статья «Россия: психология нации», появившаяся 14 сентября в «Таймс», а затем изданная как брошюра в серии «Оксфордские памфлеты» с переводом на ряд языков стран, тяготевших к Антанте. В духе объективистского подхода, характерного для оксфордских памфлетов, историк пытался оправдать цели России в войне. Объективность и беспристрастность суждений обосновывались, во-первых, его знанием истории и культурной жизни всех противоборствующих стран, а во-вторых, его оппозиционностью к самодержавной власти в России. Однако, несмотря на прокламируемый подход, как всякое пропагандистское произведение, статья имела своей сверхзадачей формирование привлекательного для англичан облика союзника-России и отталкивающего образа врага-Германии на основе противопоставления этих двух стран.

Учитывая высокую оценку кембриджской профессурой культурных заслуг немцев в развитии европейской цивилизации, П. Г. Виноградов сосредоточил огонь критики на обосновании германской пропагандой целей войны ссылкой на необходимость борьбы с отсталостью и деспотизмом России. В его представлении действия Германии становились аморальными, так как основывались на неблагодарном забвении той роли, которую сыграла Россия в освобождении немецких государств от наполеоновских войск, сохранении монархии Габсбургов в 1849 г. и поддержке Германии «доброжелательным нейтралитетом» в 1870 г. Пропаганда насилия в книге Бернгарди и отдельные примеры жестокости немецких войск в отношении мирных жителей использовались Виноградовым, чтобы подчеркнуть нарушение норм христианской морали действиями «завоевателя». Хладнокровному варварству немецкой нации противопоставлялась христианская добродетель простого русского народа — смиренное терпение, являвшее собой то величие духа, которое способно противостоять любому насилию.

* См. подробно: *Marwick A. The Deluge. British Society and the First World War. London, 1965. P. 45 и сл.*

** См. о формировании такого образа у англичан в предвоенный период: *Neilson K. Britain and the Last Tsar. British Policy and Russia, 1894–1917. Oxford, 1995. P. 88–96.*

Понятие «дух нации», который оберегает безопасность и величие Англии, стало основой для сближения образов союзных держав. Наглядный для англичан образ «единой Англии» позволял воспринять как реальность и формируемый Виноградовым образ «единой России», забывшей на время войны о политических разногласиях и национальном угнетении. Ссылка на тот факт, что в Великобритании распри между противниками и сторонниками гомруля отступили на задний план перед сознанием необходимости объединить усилия в защите общей родины, делала в глазах англичан более убедительными указания на готовность к подобным действиям либералов в России и даже российских революционеров за границей.

Образы объединенных общностью «национального духа» Англии и России позволяли показать отсутствие разумной основы во внешней политике и дипломатии Германии, надеявшейся при подготовке войны на внутренний раскол в них. Неприглядная «глупость» дополнялась указанием на цинизм немецких политиков в отношении международных соглашений и обязательств, что позволяло П. Г. Виноградову без каких-либо резких выражений представить англичанам весьма нелестный портрет «культурной нации». Усилению привлекательности образа «единой России», которой принадлежит не меньшая чем Германии заслуга в развитии европейской культуры, должны были служить указания на исторические тенденции политических изменений в стране и достижения в литературе, искусстве и науке. По убеждению П. Г. Виноградова, Россия, вступившая на путь современного политического развития позже Пруссии и Австрии, достигла значительных успехов после реформ 1860-х гг. Объединение всех слоев общества вокруг национального лидера — императора — выступало залогом того, что период реакции, наступивший после революции 1905 г., завершен и страна находится на пороге духовного, а значит и политического обновления. Перечисление имен выдающихся русских писателей, художников и ученых подкрепляло «культурные основания» такого национального возрождения. Суть его наиболее полно представляли лидеры общественного мнения, взгляды которых выражали миролюбие, космополитизм и гуманизм русской интеллигенции.

Включившись в пропагандистскую кампанию, направленную на формирование привлекательного в глазах англичан образа России, историк был вынужден подчиниться ее правилам и внутренней логике. Это проявилось вполне отчетливо в последующих публичных выступлениях. В ноябре журнал «Йель ревью» опубликовал основные положения лекций, прочитанных историком в Шеффилде и Ноттин-

геме. Обращаясь к «образованным сомневающимся», он вновь пытался показать, что Россия ненамного отстала в культурном и политическом развитии от своих западных соседей. Рассмотрение современного состояния политики и культуры страны «в свете истории Европы», особенно восточной ее части, позволила историку обратиться к ранее сформулированным им представлениям о распространении социального прогресса и опереться тем самым на «исторические законы». Зарождаясь в районах со сложными береговыми линиями — в дельтах рек, на островах и полуостровах, — социальный прогресс, по мысли П. Г. Виноградова, постепенно распространялся на континентальные массивы. В этом процессе заимствование играло весьма важную роль, причем воспринимающие цивилизацию народы могли обогатить ее и пойти в своем развитии быстрее и дальше, чем те, кто породил или передал ее достижения. В новой истории французы заимствовали политические идеи у итальянцев, англичане — у французов, немцы — у англичан и французов, русские — у немцев.

Такой ход развития позволял увидеть общее в исторически сложившемся государственном устройстве и современных политических изменениях в Австрии, Германии и России. Все эти государства, решая задачи колонизации и обороны, добились успехов больше в деле укрепления дисциплины и военной мощи, нежели личной свободы. Формирование «остановившегося в своем развитии» конституционализма в Пруссии и Австрии, подталкиваемое с середины XIX в. революциями, военными поражениями или победами, давало Виноградову обильный материал для сравнения и общего вывода, что Россия с 60-х гг. XIX в. шла тем же путем и объединение общества в победоносной войне приведет к политическому обновлению страны*.

Эмоциональность личного восприятия стала одним из важных средств в убеждении английской публики в «огромной силе самоуправления и независимой деятельности» общественных организаций «за фасадом официальной иерархии», о чем писал П. Г. Виноградов в апреле 1915 г. по возвращении из поездки в Москву и Петроград в статье «Визит в Россию»**. Характерно, что в ней под влиянием неблагоприятных для англичан слухов о возможности сепаратного мира между Россией и Германией он стремился уже не к сближению черт их политического быта, а напротив — к противопоставлению. Сознательное объединение всех социальных слоев в работе земского и городского союзов, добровольных общественных организа-

* *Vinogradoff P. The Russian Problem // Yale Review. NS. 1914. Vol. 14. No. 1. P. 271.*

** См.: *Vinogradoff P. A Visit to Russia // Quarterly Review. 1915. No. 443. P. 544–554.*

ций, кооперативов, народное единение, связывающее фронт и тыл, не имело ничего общего с принудительной организацией и дисциплиной прусского образца. Идея сепаратных переговоров могла быть поддержана лишь теми реакционерами и консерваторами, которые боялись, что союз с великими демократическими державами подорвет традиции бюрократического управления, сложившиеся за долгие годы дружбы России и Пруссии. Чтобы нагляднее представить англичанам спонтанную и органическую мобилизацию русского общества, П. Г. Виноградов обращался к образам «Англии в хаки» и «России Красного Креста», которые вызывали ассоциации силы с жертвенностью и христианской добродетелью.

Из статьи вырос целый лекционный курс «Местное самоуправление в России», читавшийся историком в Кембридже, Лейчестере, Лондоне и опубликованный в 1915 г.* Здесь уже аргументация носила строго научный характер, раскрывая исторические корни явления и убеждая читателя магией сухих цифр и логикой доказательств в том, что «активное и патриотическое общество желает и готово внести свой вклад в возрождение политической системы»**.

Относительно правительства П. Г. Виноградов вновь высказывался с учетом условий войны и с оглядкой на пропагандистские цели. Инстинкт самосохранения нации требовал, по его мнению, объединения ее вокруг исторического лидера, что делало недопустимым антимонархическую, антидинастическую агитацию. Тем самым проведение средней линии в управлении, крайними максимумами которого при монархии являлись известные формулы «*le roi règne, mais ne gouverne pas*» и «*l' état c' est moi*», ставилось в полную зависимость от государственной мудрости и доброй воли царя.

Преобразования требовались в отношении Государственной думы, как считал П. Г. Виноградов. Изменение закона о выборах ее депутатов, возвращался он к своим мыслям 1905 г., должно было предусматривать не реализацию требований «четыреххвостной формулы», а, возможно, ценз домовладения или проведение выборов в два этапа. Верность своим взглядам П. Г. Виноградов хранил и в отношении верхней палаты, которая должна была состоять из представителей «общественных органов и интересов», а именно — губернских земских управ, профессиональных и экономических организа-

* *Vinogradoff P. Self-Government in Russia. London, 1915.* См. также очень сжатый очерк в «Таймс»: *Vinogradoff P. Rise of the Zemstvos // The Times Russian Supplement. 1915. April 26. P. 3.*

** *Vinogradoff P. Self-Government in Russia. P. 118.*

ций. Формирование кабинета не могло быть предоставлено ведущим политическим партиям, поскольку это прерогатива царя, но министры «должны по крайней мере выбираться таким образом, чтобы не пренебрегать ясно выраженным общественным мнением»*. Так в мягкой форме высказывалась мысль, вполне созвучная формуле «министерства доверия», которой впоследствии руководствовался «Прогрессивный блок». Нетрудно заметить, что вся программа П. Г. Виноградова, с включением в нее положений об ограничении произвола бюрократии, об утверждении господства права и гражданских свобод, об уравнивании в правах евреев и т. д., в основных своих положениях предвосхищала программные заявления этого думского объединения. Его предостережение от упования на силу «иерихонских труб», обращенное к лидерам кадетов, в условиях «священного единения» в начальный период войны было излишним**. Профессор мог быть доволен действиями своих бывших учеников — А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова, которые, как могло ему казаться, усвоили его уроки, отказавшись от партийных пристрастий и объединив возглавляемые ими партийные фракции в Думе вместе с националистами в «Прогрессивный блок». Однако умеренная политика блока, как известно, не дала ожидаемых результатов. Прекращение очередной сессии Думы 3 сентября 1915 г. и последовавшие за этим действия правительства могли вызвать только возмущение историка, у которого и до этого нередко «кровь закипала от чувства негодования, что русский народ, который с такой готовностью жертвует собой, который так величественно выступил на защиту своей страны, вынужден находиться в руках людей, которые стремятся сохранить классовые привилегии, деспотическое правление и всякого рода гонения»***.

* Ibid. P. 281; *Vinogradoff P. Rise of the Zemstvos.*

** В 1906 г. в статье «Московского еженедельника» П. Г. Виноградов использовал этот библейский образ для критики лидеров кадетской партии и прежде всего П. Н. Милюкова. После визита в Англию в 1909 г. разногласия были сняты в значительной степени заявлением Павла Николаевича, что кадеты представляют «оппозицию Его Величества, а не оппозицию Его Величеству» (см.: *Pares B. My Russian Memoir. London, 1931. P. 203; Idem. A Wandering Student: The Story of a Purpose. New York, 1948. P. 168*). Формально восстановление личных добрых отношений между Виноградовым и Милюковым произошло во время визита последнего в Англию в 1916 г. См.: *Miliukov P. Political Memoirs: 1905–1917. P. 371; Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 231.*

*** Crucible. New Liberating Movement. Interview with Professor Paul Vinogradoff of Oxford University by Percy Alden, M. P. // HSL MD SC. Vinogradoff's Papers, b. 7,

Разочарование в возможности повлиять советом на изменение политической ситуации к лучшему привело его к отказу от каких-либо публичных выступлений в английской прессе или в университетских аудиториях по вопросам внутренней политики России. Это отнюдь не означало разрыва с родиной, куда он ежегодно приезжал, где выступал с лекциями и со статьями в печати.

Деятельность П. Г. Виноградова в военные годы не ограничивалась публицистическими выступлениями, направленными на укрепление взаимопонимания между народами союзных держав. Еще в апреле 1915 г. после первого посещения родины во время войны П. Г. Виноградов писал: «Кровь людская не водица; и, как русский, я остро чувствовал желание вступить в непосредственное соприкосновение с русским обществом, узнать о его нуждах и целях, сообщить новости из Англии и, возможно, помочь делом и советом»*. Такая возможность помочь не только советом, но и делом представилась историку, когда в августе 1915 г. по инициативе графини Бенкендорф, жены посла России в Великобритании, в Лондоне бы создан Комитет помощи русским военнопленным. П. Г. Виноградов с готовностью откликнулся на предложение выполнять обязанности его почетного секретаря.

Активная пропагандистская кампания привлекла внимание не только англичан. Среди жертвователей были: общества Британского, Канадского и Австралийского Красного Креста, церкви, предприниматели и фирмы, Lady Paget's Russian Day Fund (специальный фонд по проведению Дня России в Великобритании, сборы от мероприятий которого пошли на покупку необходимого пленным), военный журнал «Хаки», Шеффилдский фонд военной помощи и др. Средства поступали не только из Британии, но и даже от жителей Гибралтара и Цейлона. За год (к 1 июля 1916 г.) было собрано более 67 669 ф. ст.**

Собранные деньги направлялись на закупку продуктов питания (прежде всего хлеба, сухарей и сахара), а также табака, просьбы о присылке которых содержались в большинстве писем от военнопленных. «Милостивый Комитет, — писал один из них. — Я Никифор Фомин православный нахожусь в плену в Германии 20 месяц и помощи ни от куда

г. 8. Установить газету, в которой было опубликовано данное интервью, пока не удалось.

* *Vinogradoff P. A Visit to Russia. P. 544.*

** *Kharitonoff P. Eating the Bitter Bread of Banishment // Graphic. September 23, 1916. P. 364.*

не имею; а потому осмеливаюсь просить Комитету в помощи мне в съестных продуктах. Так как крайне нуждаюсь»*. При посредничестве Бернского (Березников) и Гаагского (В. А. Шелгунов) комитетов помощи узникам войны Лондонский комитет обеспечил постоянным дополнительным питанием русских пленнх тринадцати больших лагерей в Вестфалии, Ольденбурге, Мекленбурге, Ганновере и отчасти Бранденбурге, в которых содержалось более 100 000 человек.

Помимо централизованных поставок продовольствия многие англичане хотели лично отправлять посылки, для чего запрашивали у П. Г. Виноградова адреса лагерей. В одном из упоминаемых историком писем парализованная женщина писала, что она хочет откладывать два-три шиллинга в неделю, чтобы отправлять по одной посылке английскому и русскому солдату, попавшим в плен. Школьники из Фонтхила посылали подарки русским пленным в лагерь Доберитц**. Всего около 200 жителей Великобритании персонально отправляли посылки более чем 800 русским солдатам, оказавшимся в плену.

«Не хлебом единым жив человек» — истинность этой библейской мудрости с особой силой продемонстрировала война. Вместе с обращениями о помощи продуктами в письмах в Лондонский комитет направлялись и просьбы прислать «книжечек популярного содержания, произведений русских классиков для грамотных обитателей лагеря»***. Эту работу взял на себя комитет, созданный при Лондонской библиотеке, возглавил который библиотекарь доктор Г. Райт. На собранные комитетом 415 ф. ст. были закуплены книги прежде всего элементарного содержания, по которым можно было обучаться грамматике, арифметике, основам других знаний. Такой подход был полностью оправдан, поскольку, по данным анкетирования, проведенного в лагерях русской секцией Женевского общества защиты узников войны, от 30 до 60 % русских военнопленных были неграмотны****. В дополнение к приобретенным комитетом изданиям около 1500 книг поступило от сочувствующих делу помощи русским военнопленным*****.

* Письмо Н. Фомина в Лондонский комитет помощи русским военнопленным от 20 апреля 1916 г. // HSL MD SC. Vinogradoff's Papers, b. 1, f. 2. Орфография источника сохранена.

** Copy of a letter from M. Ivanoff to Jefferson. November 27, 1915 // Ibid.

*** Письмо М. Выгодского к П. Г. Виноградову от 20 сентября 1915 г. // Ibid.

**** Письмо А. Полякова к П. Г. Виноградову от 12 мая 1916 г. // Ibid.

***** *Kharitonoff P. Eating the Bitter Bread of Banishment. P. 364.*

VI

Начало Февральской революции 1917 г. П. Г. Виноградов наблюдал собственными глазами в Петрограде, находясь здесь как председатель исполнительного комитета Российско-английского общества для организации лекций о сотрудничестве союзников в ходе войны. Революционные события в России оказались полной неожиданностью для англичан, для которых известия о них прозвучали как «гром среди ясного неба»*. Общий подход к происходящему в России, не зависевший от политической ориентации изданий, определялся тем, что события в Петрограде оценивались с позиции их влияния на возможности союзницы по Антанте вести успешные боевые действия против общего противника. Именно через призму такого подхода анализировались взаимоотношения между Временным правительством и Советами. Причем стремление последних активно влиять на правительственную политику вначале отнюдь не вызывало резких протестов даже консервативной прессы, поскольку в самой Англии представители лейбористской партии входили в состав «военного» кабинета министров. Важнее был вопрос о легитимности и устойчивости Временного правительства и перспективах развития двоевластия.

С учетом этих мнений освещал ход событий П. Г. Виноградов. Прежде всего историк выступил против утверждения о неожиданности революции. «Ничего не могло быть более постепенного и неизбежного, чем нарастание революционного духа в России»**, — заявил он. Позже на страницах «Британской энциклопедии» П. Г. Виноградов в деталях развил это положение, заключив, что «разложение бюрократической системы управления, запутанность внешней политики империи, распространение экстремистских настроений среди образованных классов, нищета и недовольство простого народа»*** сделали революционные потрясения неизбежными для России.

Главным виновником революции являлось царское самодержавие, отгородившееся от общества придворной камарильей, отмечал историк. Он возражал попыткам некоторых консервативных английских газет показать его положительную роль в предотвращении гражданской войны в стране. П. Г. Виноградов достаточно убедительно

* См.: *Arnot R. P. The impact of the Russian revolution in Britain. London, 1967. P. 9.*

** *Vinogradoff P. Some Impressions of the Russian Revolution // Contemporary Review. 1917. Vol. CXI. No. 115. P. 553.*

*** *Vinogradoff P. Russia // Encyclopaedia Britannica. 12th edition. 1922. Vol. XXXI. P. 309.*

доказал, что царь предпочел опереться на бездарную бюрократию, а не общественность, лидеры которой стремились к компромиссу на основе умеренной конституционной монархии, а отнюдь не к республиканскому устройству. Подчеркнуть стремление и готовность лидеров либерального блока, объединяющего кадетов, октябристов и националистов в IV Государственной думе, к сотрудничеству было важно для П. Г. Виноградова не только в силу его приверженности этой идее, но и для того, чтобы создать благоприятное мнение у англичан о думском большинстве. Компромисс, считал он, был отвергнут как из-за слепоты монарха, так и цинизма влиятельных бюрократов, не способных справиться с нарастающими проблемами и надеявшихся силой оружия подавить выступления. «Секретная служба Протопопова хотела бунтов, — писал П. Г. Виноградов, — а вместо этого получила Революцию»*.

Главный вывод, к которому пришел историк, звучал так: «Республика стала неизбежной формой управления для Новой России»**. Отметим, что П. Г. Виноградов считал более приемлемой для России «французскую модель» с шести- или семилетним президентством и ответственным парламентским кабинетом, нежели «американскую модель», с ее порождающей тупики теорией разделения властей, преувеличенной независимостью исполнительной власти и частыми выборами. Главным препятствием для использования американского опыта он считал неприемлемость для российской ситуации принципа федерализма, который являлся одним из базовых оснований американской демократии. Это свидетельствовало о неизжитых унитаристских взглядах П. Г. Виноградова и отсутствии у него четкого ответа на вопрос о путях решения национального вопроса в России.

Свою приверженность республиканскому устройству историк затем неоднократно подтверждал даже во времена, когда в стране разгорелась гражданская война и в лагере поддерживаемых им морально белогвардейцев усилились реставрационные настроения***. Это требует корректировки оценки его политических взглядов как монархических. Сторонник органической эволюции общества, историк неоднократно отмечал, что наиболее благоприятным путем политического переустройства России было бы постепенное введение

* Ibid. P. 555.

** Ibid. P. 558.

*** Ср.: *Виноградов П. Г. «За» и «против» республики* / Публ., предисл. и ком. А. В. Антощенко // ИА. 1991. № 2. С. 53–62; *Vinogradoff P. Prospects in Russia* // *Contemporary Review*. 1919. Vol. CXV. P. 606–612.

конституционной монархии. Революционные потрясения, причина которых в России заключалась в патологической неспособности старого режима изменить что-либо к лучшему в стране, воспринимались им скорее как неизбежное зло, нежели как сознательное творчество нового, более прогрессивного общественного порядка. Не случайно П. Г. Виноградов называл революцию переходом к нормальному состоянию общества*. Поэтому угрозу новой России он видел не в контрреволюции, а в деструктивных элементах. Устремлениям радикальных социалистов, перед которыми возникал иску́с воспользоваться плодами революции в узкоклассовых интересах, мог противостоять лишь крепкий союз конституционных партий (октябристов и кадетов прежде всего), которые должны были приступить к социальным реформам при поддержке умеренных социалистов.

Требованиям «демократического давления» на Временное правительство со стороны Советов и опасностям двоевластия П. Г. Виноградов противопоставлял идею расширения социальной базы Временного правительства. Широкую общественную поддержку правительству могли обеспечить земства. Необходимость такого подхода к российским делам Виноградов вновь подтвердил в статье, помещенной в либеральной «Новой Европе». В ней историк отмечал, что союз с «западными демократиями» является залогом не только победы над Германией и ее союзниками, но и условием либерального развития российского общества. Такая жесткая связь возможностей либеральных преобразований в России с участием ее в войне на стороне Антанты порождала довольно своеобразную логику суждений П. Г. Виноградова. Если самодержавие осуждалось им за то, что пожертвовало цивилизацией и правовым порядком ради сохранения бесплодных завоеваний и угнетающего господства, то революционные экстремисты — за стремление положить конец роли России как великой державы путем поддержки ее распада и отказа от национальной истории ради интернациональных мечтаний. Желание мира становилось как бы несовместимым с либеральными изменениями в обществе, поэтому вполне логичным было приветствие тех социалистических фракций, которые становились по вопросу о продолжении войны в один ряд с буржуазными партиями. В этих оценках, как и в отношении к федерализму, можно заметить пункты, ослаблявшие либеральную программу Виноградова. Во-первых, непонимание негативного отношения к войне общества в целом порождало иллюзию, что достаточно устранить неурядицы, созданные бездарным

* [Конспект лекции] // HLSL MD SC. Vinogradoff's Papers, b. 22, f. 6, p. 47.

управлением царских чиновников, и она будет успешно завершена. Во-вторых, переоценка значения внешнего фактора для либеральной эволюции российского общества практически лишала этот процесс внутренних оснований.

Правда, последнее положение отчасти преодолевалось указанием на возможности активной работы городского и земского самоуправления по преобразованию социального порядка, а также на потенциальную поддержку демократической власти и порядка «весомым голосом» крестьянства, которое «менее крикливо, менее распропагандировано, менее подвижно, чем городские рабочие»*. Однако основным пафосом статьи была мысль о необходимости интеллектуального общения Англии с Россией, которое должно вытеснить германское влияние и содействовать продвижению последней по пути либеральных преобразований.

Вновь к освещению положения в России П. Г. Виноградов обратился во время июльских событий. Историк вновь подтвердил свой вывод о всенародном характере революции. «Мы и они» — так он определил размежевание в дореволюционной России между народом, с одной стороны, и самодержавием и бюрократией, формировавшейся по принципу «исключения лучших», с другой. Возвращаясь к резким критическим оценкам бюрократии, звучавшим из его уст, начиная с лекций в Кембридже в 1902 г., П. Г. Виноградов особенно подчеркивал германское проникновение в ее среду, приобретенное «пропорции и вид иностранного завоевания»**. Рассматривая нарастание антагонизма между обществом и властью, он намечал традицию освободительного движения, идущего от декабристов через идеалистов 1840-х гг. (славянофилы и западники) к деятелям пореформенного периода, среди которых постепенно произошло размежевание на радикально настроенных социал-демократов, опирающихся на доктрину марксизма, и умеренных, активно работающих над практическим строительством новой России в рамках земств.

Дальнейшее смещение акцентов под влиянием июльских событий можно заметить в статье «Некоторые элементы российской революции», которая развивала конспективный набросок предшествующей публикации. Среди элементов революции были названы бюрократия, интеллигенция и крестьянство. Рабочим же, которым им отдавалось должное в успешной борьбе на улицах Петрограда весной,

* Ibid. 330.

** Vinogradoff P. The Liberation Movement in Russia // Manchester Guardian. 1917. July 7.

теперь не нашлось места из-за небольшого объема статьи и того факта, что «городской пролетариат, хотя и находится на переднем плане сейчас, возглавляется интеллигенцией и зависит от конечной поддержки крестьянского большинства населения»*. В целом значение уличных боев в осуществлении революции, как считал П. Г. Виноградов, должно отступить на второй план перед либеральным земским движением, которое было основой думской оппозиции, развивавшейся от реформаторства к революции.

П. Г. Виноградов подтвердил свою мысль о том, что «самоуправная бюрократия страдала моральным недугом задолго до крушения в 1917 г.», уступая влияние интеллектуалам. Поэтому он сосредоточил свое внимание на отношениях внутри интеллигенции и связях последней с народом. Объединяющим элементом, сплачивающим все слои населения России в позитивной работе по переустройству общества, историк считал ту часть интеллигенции, которая связала свою судьбу с земским движением. К ним примыкали умеренные социалисты, дорожившие чувством патриотизма. Наибольшую опасность представляли радикально настроенные социал-демократы, в оценке которых теперь звучал тот же мотив пособничества Германии, что совсем недавно он использовал при оценке бюрократии. «Российские экстремисты, опьяненные их победой над царизмом, находят возможным поднять знамя восстания против средних классов и правительств Европы, вопреки факту, что тем самым они помогают спасти от уничтожения единственное реально опасное и агрессивное правительство»**.

Экстремизму социалистических радикалов и городских рабочих, как полагал П. Г. Виноградов, могло противостоять крестьянство. Критически оценивая результаты освобождения крестьян в 1861 г. и особенно проведение аграрных преобразований Столыпиным, которые стали прологом к революции, историк уповал на нравственные силы народа, которые неоднократно проявлялись в истории и спасали Россию. В такой туманной надежде вновь проявлялись слабости его либеральной позиции. Органическое видение исторического процесса, при котором общество представлялось как целостный организм, не позволяло историку заметить реальные особые интересы крестьянства.

Указание на моральные качества народа имело большое значение для П. Г. Виноградова в связи с тем, что он видел культурную про-

* *Vinogradoff P. Some Elements of the Russian Revolution // Quarterly Review. Vol. 228. No. 452. 1917. P. 184.*

** *Ibid. P. 193.*

пасть, которая разделяла народные массы и интеллигенцию. Это создавало угрозу принятия народом лозунгов борьбы с буржуазией, средним образованным классом, который со времен петровских реформ воспринимался в народном сознании как чужеродное явление (отметим, что Виноградов отождествлял средний класс и интеллигенцию). Поэтому неудивительно, что в августе, накануне проведения Всероссийского поместного собора, он писал о необходимости глубокой церковной реформы в России. Она должна была содействовать сближению мировосприятия народа и интеллигенции*. Немалые надежды возлагались им на московское совещание, которое историк оценил как начало понимания «многими, если не всеми, что пришло время прекратить „разрушительную работу революции“ для того, чтобы собрать воедино ее положительные достижения»**. В таком взгляде было больше надежды на поворот к лучшему, чем трезвого понимания ситуации в стране, надежды, которой не суждено было сбыться. Захват власти большевиками был незаконен и вел к полному разрушению государства, а значит и гибели России, считал П. Г. Виноградов.

Таким образом, в оценках П. Г. Виноградовым революционных событий в России 1917 г. проявились особенности его мировоззрения и положения добровольного эмигранта. Для их правильного понимания нужно учитывать то, что, во-первых, это был «взгляд из Англии». В своем стремлении повлиять на складывание благоприятного общественного мнения у англичан о происходящем в России историк вынужден был учитывать другие подходы к событиям, появлявшиеся на страницах английской прессы. Во-вторых, его оценки определялись его политическими пристрастиями, о которых он открыто заявил еще в 1905 г., указав на близость своей позиции к октябристам. Сохраняя приверженность умеренному либерализму, П. Г. Виноградов, однако, под влиянием революции вносил коррективы в свою политическую программу. Наконец, в-третьих, рассмотрение им событий 1917 г. в России опиралось на органическое видение исторического процесса, при котором общество представлялось как эволюционно развивающийся организм, воплощающийся в национальном государстве. Такой взгляд допускал возможность лишь назревших и утвердившихся в общественном сознании политических изменений, которые не затрагивали бы основ существования государст-

* См.: *Vinogradoff P. The Russian Revolution. Its Religious Aspect // Land and Water. 1917. August 2. P. 43–44.*

** *Vinogradoff P. Tasks of the Conference // Times. 1917. August 28.*

венности. Поэтому в оценке революционных событий «по горячим следам» можно увидеть не только эмоциональное отношение к ним, но и стремление раскрыть их исторические предпосылки, определить тенденции дальнейшего развития. За всем этим проглядывает вера П. Г. Виноградова в то, что революция будет протекать по историческим законам, зная которые можно определить ее рамки. Однако более глубокие социальные преобразования превращали революцию в стихийную силу, разрушающую органическую целостность общества и, как следствие, государственность. Именно с таких позиций он оценивал ход революции после прихода к власти большевиков.

В это время Павел Гаврилович сблизился с созданным в Лондоне обществом «Народоправство». Целью общества являлось объединение тех, кто отвергал большевистское правление, как ведущее к распаду российской государственности, кто поддерживал демократически избранное Учредительное собрание и считал республику надежной гарантией мирного и свободного развития России.

VII

Гражданская война была для П. Г. Виноградова естественным продолжением революций 1917 г. Как историк, он стремился найти историческую аналогию для понимания современных событий. Ни Парижская коммуна, несмотря на кажущееся внешнее сходство, ни Великая Французская революция не могли служить ей. В первом случае силы разрушения не были столь значительны, как в России, где к относительно маленькому слою рабочих присоединились многочисленные крестьяне и деморализованные толпы солдат. Во втором — революционеры-монтаньяры были все же патриотами, тогда как «ленинцы осмеивают идею России и совершенно равнодушны к развалу страны»*. Историческая аналогия лежала в прошлом самой России. «Смутное время» — вот та призма, через которую смотрел на гражданскую войну историк**. Тем самым сутью явления становилось разложение социального организма и развал государственности. Причем опасность этого была значительно сильнее, так как немецкая агрессия (на начальном этапе гражданской войны) была страшнее польской интервенции XVII в., а духовные основы единства общества слабее из-за падения авторитета церкви.

* *Vinogradoff P. The Outlook in Russia // Welsh Outlook. January. 1918. P. 18.*

** См.: *Vinogradoff P. Troubled Time in Russian History // History: Historical Association. New York, 1918. P. 1–9.*

В соответствии с таким подходом определялись глубинные психологические причины гражданской войны. Они крылись в разрыве культурного уровня наиболее образованного слоя русского общества и его основной массы, истоки которого восходили к петровским реформам и даже к допетровским временам никоновского раскола. Это позволяло определить гражданскую войну как восстание необразованных классов против образованных, которое было спровоцировано безответственной демагогической пропагандой большевиков, которых историк называл «*Calibans*»*. В историческом плане большевики были наследниками той радикальной части интеллигенции, которая с самого начала ставила перед собой лишь разрушительные задачи, ничего не делая для реального блага народа. Этой линии противопоставлялась деятельность той ее части, которая работала в земствах для улучшения народной жизни. За такой оценкой явно проглядывает собственная судьба П. Г. Виноградова, активно содействовавшего, несмотря на противодействие бюрократии, развитию народного просвещения на посту председателя училищной комиссии Московской городской думы. Этим объяснялось моральное осуждение власти большевиков и определение им цели гражданской войны.

Целью должно было быть устранение большевистского правления, которое П. Г. Виноградов определял как «погром». Средством — военная борьба объединившихся антибольшевистских сил внутри страны при поддержке, в том числе и вооруженными силами, со стороны союзников по Антанте. Любая попытка оправдать «реалистическую политику» поддержки большевиков, как единственной силы, способной противостоять немецким войскам (не говоря уже об изменнической попытке П. Н. Милюкова вступить в контакт с немцами), встречала резкую критику историка**. Призывая союзников к активному вмешательству в дела России, П. Г. Виноградов использовал в качестве аргументов указания на моральный долг перед русскими солдатами, не раз спасавшими их армии во время Первой мировой войны, и на возможность того, что искры революционного пожара могут долететь и до Британских островов***.

Однако оправдание антибольшевистских сил и интервенции была не безусловной. П. Г. Виноградов выступал в поддержку тех сил

* *Vinogradoff P. Russia and the Future // Observer Sunday. March 10. 1918.*

** *Vinogradoff P. «The Bolsheviks»: A Protest // New Europe. Vol. VII. No. 81. P. 71–72.*

*** *Vinogradoff P. The Manner of Intervention in Russia // New Europe. Vol. VII. No. 86. P. 176–178.*

внутри страны, которые были готовы и способны провести реформы в интересах народа, а не реставрировать прошлое. Во внешнеполитическом плане усилия лидеров стран Антанты должны были быть направлены на изоляцию и крушение большевистского режима, а также на создание такого международного порядка, который способствовал бы возрождению на демократической основе сильного русского государства*. Это была отнюдь не контрреволюционная позиция, поскольку в результате победы над большевиками «земля останется в руках крестьян, которые ее обрабатывали веками; самоуправление будет завоевано интеллигенцией, которая жертвовала благополучием и жизнью в борьбе за него; свобода мысли и социальная справедливость одержат верх над насилием, идущим как слева, так и справа»**. Признавая право на независимость поляков и финнов, П. Г. Виноградов также делал значительные уступки принципу федерализма в будущем государственном устройстве освобожденной страны, тогда как в дореволюционный период он неоднократно подчеркивал неприемлемость его для России. Правда, при этом он считал, что выработка Версальской системы должна исходить из признания принципа «самосохранения и самосознания государств как исторических организмов»***.

В таком определении задач и условий борьбы с большевиками крылись ростки будущего видения им причин поражения антибольшевистских сил. В 1921 г. он свел их к трем основным: «несогласованности действий их [большевиков. — А. А.] русских противников, психологическим последствиям всеохватывающей революции и колебаниям враждебности к ним иностранной коалиции»****. Фатальное отставание белых в восприятии результатов революции вело к тому, что поддержка населения, которую могло укрепить проведение аграрных преобразований в отвоеванных районах, оборачивалась недовольством и ненавистью после продовольственных реквизиций. К тому же формирование окружения А. В. Колчака, А. И. Деникина, П. Н. Врангеля из представителей прогнившего *ancien régime*, коррумпированной бюрократии и своекорыстных помещиков воспринималось как возвращение дореволюционных порядков. В условиях, когда произошло

* *Vinogradoff P. The Fate of Russia // Times. 1918. October 22.*

** *Vinogradoff P. The Policy of the Pro-Bolsheviks // The Russian Commonwealth. 1919. Vol. I. No. 9. P. 206.*

*** *Vinogradoff P. The Situation in Russia // The Reconstruction of Russia. London et al., 1919. P. 9.*

**** *Vinogradoff P. Russia at the Cross-Roads // Contemporary Review. Vol. CXIX. 1921. P. 739.*

крушение всех освященных временем институтов и верований — самодержавия, церкви, традиционной производственной дисциплины, семейных связей, торговли, денег, утверждение идеалов нового времени напоминало историку *danse macabre*, ведомый под аккомпанемент насилия, лицемерия, кощунства и похоти. Если даже образованные классы в этих условиях «потеряли голову», то что можно было требовать от неграмотных крестьян, полуобразованных рабочих и отчаявшихся солдат. Вновь возвращаясь к сравнению со Смутным временем, историк подчеркивал, что тогда ведущие идеи религии, морали и социального порядка были проще и яснее. Наконец, союзники могли и должны были помочь, но среди их политических лидеров не оказалось фигур калибра Питта или Веллингтона. Некоторые империалисты по старинке стремились к ослаблению России любой ценой; радикалы, верившие в абсолютное стремление русского народа к свободе, готовы были поддержать Ф. Э. Дзержинского, который подчинил страну репрессивному контролю; социалисты, боготворившие В. И. Ленина, готовы были приветствовать его тиранию — давал расширенное объяснение непоследовательной политике союзников историк.

Разочарование в ходе дел на родине привело к тому, что в 1918 г. П. Г. Виноградов принял английское подданство, а с 1921 г. практически перестал публично откликаться на события в России, которые шли не так как виделось и желалось им в дореволюционный период. В последние годы он много путешествовал, читая лекции по приглашению ведущих университетов мира. В 1921 г. его аудиторию составляли студенты Лейдена, Брюсселя, Гента. В 1923 г. он совершил большой тур через всю Америку, выступая с лекциями и проводя семинары в Уильямстаунском институте политики (Массачусетс), в университетах Калифорнии (в Беркли), Мичигана, Мэдисона (в Висконсине), в Йельском и Колумбийском университетах, в университете Дж. Хопкинса. В следующем году он вновь посетил Уильямстаун, а также институт сравнительного изучения культуры в Осло и университет г. Упсала (Швеция).

Новым знаком признания научных заслуг П. Г. Виноградова стало присуждение ему докторской степени *honoris causa* Сорбонной. Подготовленный историком для чтения в клубе истории права в Париже доклад «Некоторые проблемы истории англо-нормандского права» свидетельствовал, что он по праву заслужил это высокое звание*. Однако текст был зачитан французским профессором П. Колине из-за болезни Павла Гавриловича. Простуда, которая не вызывала сначала опа-

* См.: Barnes Th. Notes from the Editors for the Collected Papers of Paul Vinogradoff. Derlan, New Jersey, 1995. P. 18–19.

сений, обернулась осложнением, приведшим к смерти историка 19 декабря 1925 г. Отпевание прошло в русском храме на улице Дарю. После кремации прах историка был перевезен в Оксфорд, где и захоронен.

* * *

П. Г. Виноградов был воистину гражданином *respublicae litterarum*, космополитичной по своей сути. Жизнь его оказалась разделенной между Россией и миром, что требует при публикации его работ некоторых уточнений чисто технического свойства, касающихся вопросов датировки и написания имен. Датировка событий, произошедших до 1 февраля 1918 г. в России, и документов, относящихся к ее истории (исключая международные соглашения), приводится в данном издании по Юлианскому календарю. События заграничной жизни и письма, отправленные из-за рубежа, датируются по Григорианскому календарю. В ряде случаев, когда П. Г. Виноградов в зарубежных публикациях использовал датировку по Григорианскому календарю относительно российских событий до 1918 г., она дополнена датами по Юлианскому календарю или это оговаривается в комментариях. Написание иностранных имен и фамилий сохранено в авторской версии с указанием в комментариях возможных изменений в их написании. Цитаты из произведений русских литераторов и ученых, приводимые П. Г. Виноградовым в иностранных публикациях обычно в сокращении, найдены и выверены по современным автору изданиям или, в случае невозможности это сделать, по авторитетным современным републикациям. В них сделаны купюры, отмеченные многоточиями в квадратных скобках, чтобы было понятным использование цитат П. Г. Виноградовым. В издании сохранены примечания, сделанные автором. Они приводятся в виде постраничных сносок и отмечены звездочкой. Комментарии оформлены в виде концевых сносок, причем по техническим причинам в ряде случаев знак сноски ставился после указания в тексте на авторское примечание, а комментарии давались к упомянутому в этом примечании именам.

Помощь в переводе цитат с немецкого языка была оказана моим другом Игорем Ермаченко, а с французского — моей коллегой Ольгой Смирновой, которым я искренне благодарен.

СЛАВЯНОФИЛЫ И ЗАПАДНИКИ

И. В. КИРЕЕВСКИЙ И НАЧАЛО МОСКОВСКОГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

Нашему поколению досталась в истории тяжелая и неблагодарная задача. Было время, когда русская жизнь казалась незыблемо прочной в своих основах, и потому стремления отдельных лиц и групп легко укладывались в общих рамках: и вера, и знание, и мысль, и деятельность получали свое определенное направление, люди не запутывались в отыскании мерил нравственности, а заняты были гораздо более простой задачей — сообразовать свое поведение с хорошо известными мерилami. Были и другие времена, когда над всем господствовал дух изменения, когда сознание неправды и несправедливости поднимало общество против укоренившегося зла, и всякий знал, где неправда и несправедливость, и воодушевлялся сознанием, что идет в ногу с несметным множеством к историческим реформам. Мы не так счастливы, как люди тех времен, — мы не застали ни старого порядка, ни кризиса, его опрокинувшего; мы вышли из патриархальной опеки сословного строя, успели уже разочароваться во многих иллюзиях и увлечениях реформенного периода и заняты частичными, специальными работами, применением к новым условиям со всеми их местными особенностями и временными неудобствами. По необходимости работа идет вразброд и довольно случайно. Даже передовые люди не в состоянии обзреть ее и уяснить себе отношение ее отдельных проявлений к целому. А в исторической психологии такая разрозненность — условие роковое: она тотчас отражается на самом свойстве достигаемых результатов. Утрачена не только ясность, но и согласие: группы, на которые разбивается общество, мельчают, связующие интересы слабеют, отдельные люди или отдаются без дальних рассуждений интересам личного эгоизма, или терзаются своей нравственной беспомощностью и скудостью общественной жизни, или прилепляются к первому попавшемуся общему делу, хотя бы и неразумному, для того, чтобы найти хоть какое-нибудь удовлетворение идеальным потребностям души.

Не мудрено, что в такое время распадаения и розни внимание невольно обращается к эпохам, когда велика была организующая сила

идей. Эта таинственная сила объединяет людей, подсказывает открытия, внушает энтузиазм художнику и самопожертвование гражданину, и ее можно разве только сравнить с теми властными мотивами, от которых зависит стройный лад музыкального произведения: благодаря им хаос звуков обращается в привлекательное и живое целое. И если мы, не дожидаясь приговора потомства, уже сами строго судим свое время и свое дело, то великим ободрением для нас, благотворным указанием на лучшее будущее должен служить тот факт, что наше русское общество, в котором мы являемся только временным звеном, в течение одного XIX века пережило по крайней мере две эпохи культурного подъема, разнохарактерные по своим стремлениям и результатам, но тесно связанные друг с другом и одинаково замечательные по объединяющему и организующему влиянию идей. Я разумею сороковые и шестидесятые годы. Всем известно, что эти цифры имеют более, чем хронологическое значение: к сороковым годам причисляются отчасти и тридцатые и начало пятидесятых, к шестидесятым годам по праву принадлежит конец пятидесятых. Тут дело не в цифрах, а в приблизительном обозначении двух исторических моментов, из которых один знаменует образование главных теоретических направлений русской мысли XIX века, а другой — появление нового социального строя русской жизни. Сегодня я желал бы обратить ваше внимание на очень характерное явление первой эпохи — на зарождение так называемой славянофильской школы. Основатели ее, братья Киреевские¹ и Хомяков², являются в то же время весьма характерными представителями всего поколения сороковых годов наравне с знаменитейшими западниками — Станкевичем³, Грановским⁴, Герценом⁵ и Белинским⁶.

Дело идет о сравнительно недавнем прошлом, а между тем имена этих деятелей сияют уже каким-то легендарным блеском. Особенно вызывают удивление духовная самостоятельность и плодотворность этих людей во время строгой правительственной опеки, их гуманное, всестороннее развитие, их могущественное влияние на окружающее общество. Много причин собралось, чтобы возвысить это поколение. Впервые высшее образование, научное и художественное, стало национальным в ту пору — как с Пушкиным⁷ и Гоголем⁸ Петровская реформа осуществилась в литературе, так с Грановским и Хомяковым стала на ноги научная и философская мысль в русском обществе. Высшее образование этого времени является уже не случайным украшением нескольких высокопоставленных людей, а результатом жизненного процесса в самом народе, с одной стороны, просветительной силой для народа, с другой. Первая культурная жатва, есте-

ственно, отличается особенным обилием и свежестью, и в настроении людей сороковых годов чувствуется какая-то даже наивная радость по поводу нового приобретения. Вспомним, как восторженно описывает Герцен московские кружки сороковых годов. Эти мыслители, жизнь которых была поглощена изучением и обсуждением Гегеля⁹ и Шеллинга¹⁰, Гёте¹¹ и Шекспира¹², это общество, для которого лекция Грановского или критическая статья Белинского были главным предметом интереса и разговоров, вносят в свои интеллектуальные занятия опьянение молодости, культурной молодости народа, вступающего наконец в свое умственное совершеннолетие. Надо прибавить, что все-таки были кружки не особенно многочисленные и потому легко поддерживающие общение друг с другом: тем легче было возбудить и разогреть их. Голос с кафедры и слово журналиста раздавались звучнее в небольшом помещении, отведенном для самостоятельной деятельности тогдашнего общества; даже словесные споры и беседы становились важным фактором распространения мыслей. Все деятели были на виду и на счету, не приходилось бороться с подавляющим влиянием массы и с разнообразием занятий и интересов. Наконец нельзя не отметить аристократическую постановку этой культуры — она была по существу дворянская принадлежность людей большею частью досужих и обеспеченных, опиравшихся на фамильную преемственность образования и воспитанности, людей с утонченными вкусами, широкими запросами и значительными средствами. Позднейшая культура «разночинцев» имеет более грубый, ремесленный, но и более деловой характер.

Как бы то ни было, не в умаление заслуг людей сороковых годов указываю я на эти черты, а в объяснение их особенностей. Они выдвинули в нашей истории своего рода гуманизм, литературный и философский, который, не задерживаясь частностями и мелочами, заботился прежде всего об установлении общего мирозерцания. И в этом отношении сделано было так много, что мы до сих пор в значительной степени принуждены считаться с законоположительными взглядами этого времени.

Славянофильство, например, имеет до сих пор убежденных представителей и оказывает влияние далеко за пределы собственной школы, по множеству воззрений, сделавшихся более или менее общим достоянием или усвоенных другими группами, иногда даже противниками. Но для оценки сущности славянофильских построений всегда придется восходить к принципам учения, как они изложены первыми его поборниками. Только при этом условии выясняются обстоятельства, которые дали учению известное направление, а вместе

с тем подготавливается почва для оценки как положительных, так и отрицательных сторон его. Я думаю, что в настоящее время можно уже стать на такую «историческую» точку зрения. Она во всяком случае имеет право на существование наряду с партийной защитой и полемическим разбором.

Значение такой постановки задачи должно чувствоваться, как скоро мы спросим себя, что главное в славянофильстве, что составляет его исходную точку? Система сложная и охватывающая все стороны жизни. Не все равно, где мы будем искать конец, чтобы размотать клубок.

Заграничная пресса довольно легкомысленно понимает все дело, как продукт панславянской агитации, русской ненасытности, стремящейся поглотить все славянские племена, чтобы затем поглотить Европу. Самая простая историческая справка показывает, что панславистская тенденция является в славянофильстве далеко не необходимым придатком, что славянский вопрос играл сравнительно скромную роль в теориях славянофилов, несмотря на соблазнительное имя школы, что течение практической жизни выдвигало, конечно, и его, но что как раз в этом отношении можно усмотреть существенные разногласия между ее главными представителями и, например, указать на некоторых украинофилов, всегда отрешивавшихся от московского славянофильства и тем не менее проводивших действительно панславистские идеи (Костомаров¹³). Для русской публики нет, впрочем, особенной надобности настаивать на том, что панславизм и славянофильство совсем не синонимы, а западная публика впала в эту ошибку главным образом потому, что в сущности знает из славянофилов только одного Ивана Сергеевича Аксакова¹⁴.

Зато среди русской публики чрезвычайно распространен взгляд, по которому славянофильство есть только слегка замаскированное московофильство. И без сомнения, осуждение петербургского порядка и петербургского периода, искание положительных идеалов в допетровской Руси, оппозиция западным заимствованиям, преклонение перед исконно-народной тысячелетней стихией, создавшей необыкновенно выносливое, сплоченное общество — все эти черты вновь и вновь выдвигались в сочинениях славянофилов. Но, во-первых, идеализация московского строя XVII века такова, что переходит уже в «археологический либерализм», развивает такие понятия о «земле», ее нравственной самостоятельности и вытекающих отсюда юридических условиях и учреждениях, что не может быть и речи о том принесении в жертву всех интересов государственной силе и единству, которое обыкновенно ставится в упрек московско-

му порядку. А главное, является вопрос, отчего именно в таком свете рисуется для славянофилов русская старина? Если бы их доктрина представляла действительно только «ползучее» учение, применяющееся к данной обстановке, рассчитанное на то, чтобы обелить действительность во что бы то ни стало и заглушить порицание совести, то не было бы надобности и уходить в московскую древность и аранжировать ее на довольно фантастический лад — можно было удовольствоваться и петербургским благоустройством.

Для того, чтобы понять К. Аксакова¹⁵ и Ю. Самарина¹⁶, надо обратиться к Хомякову и Ив [ану] Киреевскому.

А у них мы найдем только сравнительно небольшое число страниц, посвященных политическим темам. Историей ни тот, ни другой не пренебрегали, но интересовались они историей в ее самых общих и, так сказать, философских очертаниях. Даже странные специальные изыскания Хомякова в области средних веков¹⁷ имеют в виду никак не равномерное изучение материала, а подготовку доказательств для философски-исторических обобщений. Нельзя также сказать, чтобы исходный пункт был богословский, хотя религиозное мышление играет видную роль и для того, и для другого. Центр тяжести их интересов в установлении нового философского мирозерцания: история и богословие разрабатываются в той степени, как это нужно для проведения идей этого мирозерцания. У Хомякова все получает более определенную и боевую форму, подробности развиты больше, и собственно богословские определения выдвигаются на первый план. У Киреевского лучше видна философская основа, лучше можно оценить положение системы среди других мировоззрений. Довольно трудно решить в отдельных случаях, кто из вожаков направления первый выставил ту или другую мысль — они думали и работали в постоянном общении и перекрестных влияниях друг на друга. Но, кажется, нельзя усомниться в том, что Ив [ан] Вас [ильевич] Киреевский является руководящим философом школы и всего более сделал для указания ее отношения к западной метафизике и быту.

На первый взгляд роль эта как будто слишком тяжела для Киреевского. Его личность и жизнь производят впечатление грустной неудачи: молодость полна надежд, бодрости, дарований, а затем собираются тучи, и жизнь проходит мрачно, неполно, с долгими перерывами деятельности, в резком несоответствии между силами и достигнутыми результатами. Семейные влияния со всех сторон наводили на литературные занятия и в то же время развивали религиозное настроение: над этой семьей как бы носился дух рано умершего отца¹⁸, знатока языков и естественных наук, ненавидевшего отрица-

тельную философию XVIII века и покупавшего сочинения Вольтера и энциклопедистов, чтобы уничтожить их*. И мать, и отчим Киреевских были замечательные и высокообразованные люди — кружок Елагиных сделался одним из самых привлекательных и интеллигентных центров московской жизни¹⁹, и нет надобности объяснять, как много этим сказано. Жуковский²⁰, дядя по матери, внимательно следил за воспитанием Киреевских и рано развил в них эстетические наклонности. «Пиши стихи, Кошелев²¹», — повторяет на все лады двадцатидвухлетний Иван Васильевич своему сверстнику, будущему деятелю эпохи реформ. «Я уверен, что не только для усовершенствования слога, но и для образования ума и воображения, для развития чувства изящного (которое, как мы знаем, есть начало, причина, мера и цель всякого усовершенствования), следовательно, для счастья жизни, для возвышенности жизни, для красоты жизни необходимо писать стихи»**.

Любимым поэтом Киреевского долго был беззаботный, фантастический Ариост²². «Это единственная книга, которой эпитет друга не натянут. Он греет, утешает и рассеивает. Мир его — фантазия. Это теплая, светлая комната, где можно отдохнуть и отогреться, кого мороз и ночь застали на пути... Я совсем не удивляюсь, что Ариост не для всех величайший из поэтов. Для большей части людей его вымыслы должны казаться вздором, в котором нет ни тени правды. Но мне они именно потому и нравятся, что они вздор и что в них нет ни тени правды»***.

Ознакомление с литературой и философией пошло так успешно, что во время поездки за границу в 1830 году Киреевский мог сознательно и критически относиться к европейским великанам, среди которых ему пришлось вращаться²³. И Гегель, и Шеллинг, и Шлейермахер²⁴ вызывают его удивление, но он умеет замечать и сильные, и слабые их стороны; письма его из-за границы интересны тем, что в них нет и тени кичливой и поверхностной придирчивости или сомнения. Немецкая общественная среда его отталкивает, нравы не симпатичны, но к ученым руководителям Германии он относится с должным вниманием. Молодой человек вдумывается, рассматри-

* Биография А. И. Кошелева, том I, книга II, стр. 4.

** Материалы для биографии И. В. Киреевского при первом томе его сочинений, стр. 16 [Материалы для биографии Ив. Вас. Киреевского // Полное собрание сочинений Ивана Васильевича Киреевского. М., 1861. Т. I. Изданный А. И. Кошелевым].

*** Материалы, 73.

вается и критикует, потому что понимает. По возвращении в Россию Киреевский сразу становится на видное место среди московских литераторов. Он задумывает журнал, который послужил бы проводником истинного европейского просвещения. И с этого момента начинаются злоключения. «Европейца»²⁵ Киреевского постигло запрещение на второй книжке. Запрещение было, по выражению Погодина²⁶, «исторической бумагой»²⁷. В ней сказано: «сочинитель, рассуждая будто бы о литературе, понимает совсем иное; под словом просвещение он понимает свободу, деятельность разума у него означает революцию, а искусно отысканная середина не что иное, как конституция»²⁸. В 1845 году новая попытка взять в руки повременное издание. «Москвитянин»²⁹ переходит от Погодина к Киреевскому, но только на 4 месяца, и в данном случае виноват был Погодин. В конце сороковых годов Иван Васильевич добывается кафедры философии в Москве — тщетно. Его считают человеком опасным. Трудно объяснить себе административную строгость, которая преследовала этого благонамереннейшего и скромнейшего человека, никогда не питавшего симпатии к «глупому либерализму» и мечтавшего только о господстве закона. Но трудно извинить и пассивность, обнаруженную при этих обстоятельствах Киреевским. Цензурные невзгоды почти отнимали у него способность к деятельности. В течение одиннадцати лет после запрещения «Европейца» он не написал ничего, кроме двух-трех беллетристических отрывков; да и потом он выражает свои мысли только в отдельных статьях, появлявшихся с большими перерывами в журналах. «Мне надоело быть немым», пишет он, и все-таки немота стала правилом в этой жизни, а речь исключением. И самая речь эта, как будто сделанная, уменьшенная в своем естественном объеме и силе. Герцен нашел страшное слово, чтобы характеризовать это состояние. Он говорит, что жизнь Киреевского напоминает зыбь моря над затонувшим кораблем³⁰. Иван Васильевич с особенной охотой жил в деревне и искал утешения в глубокой религиозности и в общении с лучшими представителями религиозной жизни. Особенно повлияли на него старцы Оптиной пустыни³¹. Однако и связи с московскими кругами не порывались. Этот праведник сумел снискать себе дружбу даже людей другого лагеря; ни с кем из славянофилов западники не поддерживали таких хороших отношений, как с Ив[аном] Киреевским, несмотря на то, что по взглядам и натуре он принадлежал совершенно к другому миру, чем Герцен или Грановский. Для нас эта личная сторона имеет значение грустного объяснения отрывочности дошедших до нас работ. Важно то, что несмотря на эту отрывочность и несовершенство статьи Кире-

евского остаются главным памятником для раскрытия философски-исторических мотивов славянофильства. Поучительны они в двух противоположных отношениях: с одной стороны, к ним пристраиваются позднейшие философские попытки славянофилов, с другой — они раскрывают зависимость всего направления от некоторых общих движений европейской мысли. Сопоставим же вкратце главные взгляды нашего автора, поскольку они затрагивают философию истории и историю философии.

Вместе со всеми мыслящими людьми своего времени Киреевский думал, что жизненным вопросом для русского общества является вопрос об истинном отношении его к европейской цивилизации. Плюсами, между которыми расходились мнения, можно обозначить Чаадаева³² с одной стороны, требовавшего восприятия католицизма как воспитательной силы, объединившей Европу, и без которой нет единения с Европой, Погодина с другой стороны, собиравшегося победить Европу уже не штыками, а словами, и мечтавшего чуть не о личном препирательстве с Гизо^{*33}. Киреевский не доходил до крайностей и стремился составить продуманное мнение вместо голословных утверждений, но он побывал в обоих лагерях. В ранние годы вопрос не особенно затруднял его, и он отвечал просто: нечего нам бояться потерять свою национальную особенность. Условия нашей жизни так глубоко отличаются от жизни остальной Европы, что нам физически невозможно сделаться французами, англичанами или немцами. Но до сих пор народность наша была грубая, первобытная и такая же неподвижная, как китайцы. Чужеземное влияние должно быть усвоено и привести к просвещению. В этом духе был задуман и несчастный журнал 1832 года — «Европеец». Когда Киреевский выступил опять на литературном поприще через одиннадцать лет после запрещения «Европейца», мнения его существенно изменились, главным образом под влиянием брата и Хомякова. Он по-прежнему с горечью порицает существующую заимствованную культуру: «мы переводим, подражаем, изучаем чужие словесности, следим за их малейшими движениями, усвоаем себе чужие мысли и системы, и эти упражнения составляют украшения наших гостиных, иногда имеют влияние на самые действия нашей жизни, но, не быв связаны с коренным развитием нашей, исторически нам данной образованности, они отделяют нас от внутреннего источника отечественного просвещения и вместе с тем делают нас бесплодными».

* Барсуков, Жизнь и труды Погодина, IV, 9, 10 [Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Кн. IV].

ми и для общего дела просвещения всечеловеческого. Произведения нашей словесности, как отражения европейских, не могут иметь интереса для других народов, кроме интереса статистического как показания меры наших ученических успехов в изучении их образов. Некоторые думают, что полнейшее усвоение иноземной образованности может со временем пересоздать всего русского человека, как оно пересоздало некоторых литераторов... и тогда вся совокупность образованности нашей придет в согласие с характером нашей литературы. Стоит ли опровергать такое мнение? Уничтожить особенности умственной жизни народа так же невозможно, как невозможно уничтожить его историю. Заменить литературными понятиями коренные убеждения народа так же легко, как отвлеченной мыслью переменить кости развившегося организма. Впрочем, если бы мы и могли допустить на минуту, что предположение это может в самом деле исполниться, то в таком случае единственный результат его заключался бы не в просвещении, а в уничтожении самого народа. Ибо что такое народ, если не совокупность убеждений, более или менее развитых в его нравах, в его обычаях, в его языке, в его понятиях сердечных и умственных, в его религиозных и общественных отношениях, одним словом, во всей полноте его жизни?»* Европейский склад мышления и русский как-то органически непримиримы, вследствие чего и невозможно для России полное и простое усвоение европейской цивилизации. Падает ли в этом упрек главным образом на Россию? Анализ условий европейского развития показывает, что и там обнаруживаются коренные односторонности, которые следует всячески устранять, а никак не заимствовать.

Три элемента придали Западной Европе ее особый отпечаток: влияние классической древности, католическая организация церкви и образование государства из германского завоевания. Наш автор начал с чрезвычайно выгодной оценки классического влияния и доказывал, что истинное усвоение классического образования более всего остального способно сделать заимствование европейского просвещения плодотворным. По мере того, как развивалась его система, античная цивилизация стала все более и более представляться ему как одностороннее, жалкорассудочное понимание жизни. Римская сторона классического мира всего сильнее повлияла на западные народности. А в Риме с его пресловутым правом сердечному элементу было предоставлено весьма мало места сравнительно с эгоизмом и холодным рассудком. Величайшим несчастьем для челове-

* Сочинения II, 33, 35.

чества было бы, если бы Римская империя удержалась и не погибла в борьбе с народным переселением.

Как бы то ни было, римское понимание нравственности и права всеми возможными путями проходило в жизнь Западной Европы — через школы, судилища и, главное, через церковь. Римский католицизм есть христианство, подчинение узкому и сухому духу логики. И догмат об исхождении Духа Святого от Отца и Сына, и развитие личного папского правления, и притязания на господство церкви над государством, и догматические дополнения в роде учения о чистилище — все это добыто логическими выводами, логической работой над писанным преданием церкви, а не решением совокупности церковной. Но раз люди стали на рассудочную точку зрения, не мудрено, что выводы они стали делать в противоположных направлениях — и в пользу неограниченного авторитета, и в пользу свободы личного мнения. С одной стороны, средневековый католицизм воздвигал здание своей бесплодной схоластики; с другой, реформация разрушала самое основание церкви, допустив свободу толкования Священного Писания. Все эти факты со своими кажущимися противоречиями идут от одного и того же корня — от рационализма, от стремления основать жизнь на рассудке и логике. Можно сказать, что папа Николай I³⁴, разделивший церкви, Лютер³⁵, поднявший Реформацию против римской церкви, и Штраус³⁶, восставший против самого христианства, — все это плоды одного и того же логического древа, звенья одной и той же логической цепи.

Тот же дух узкого формализма обнаруживается во внешнем устройстве европейского общества. Государство создано на Западе завоеванием, т. е. резким столкновением общественных элементов. Столкновение, борьба, ограничение и перемирие или договор — вот к чему сводится вся политическая история Европы. Каждый проводит свои индивидуальные права до крайних пределов своей мощи. Хозяйство основано на полнейшем индивидуальном эгоизме. Государство является договором между противоречивыми интересами сторон. Даже в нравственной области Запад имеет особенностью своею понятие личной чести, понятие и высокое, и одностороннее в одно и то же время. Оно суживает широкие требования добродетели, применяя их к миру, в котором все зависит от способности защищать и возвышать свою личность.

Но несовершенство западной цивилизации становится особенно очевидным, когда мы вглядываемся в ее окончательные результаты. Если бы она была здорова в корне, то чем объяснить, что ее раскрытие, ясное и последовательное проведение ее посылок вызывает общее чувство недовольства, обманутой надежды? «Не потому западное

просвещение оказалось неудовлетворительным, чтобы науки на Западе утратили свою жизненность; напротив, они процветали, по-видимому, еще более, чем когда-нибудь; не потому, чтобы та или другая форма внешней жизни тяготела над отношениями людей — никогда, кажется, внешняя жизнь не устраивалась послушнее и согласнее с их умственными требованиями. Но чувство недовольства и безотрадной пустоты легло на сердце людей, которых мысль не ограничивалась тесным кругом минутных интересов, именно потому, что самое торжество ума европейского обнаружило односторонность его коренных стремлений. Холодный анализ разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение, так что собственные его коренные начала, из которых оно выросло, сделались для него посторонними, чужими, между тем как прямою собственностью его оказался этот самодвижущийся нож разума, этот отвлеченный силлогизм, не признающий ничего, кроме себя и личного опыта»*.

Киреевский обобщает историю европейских метафизических систем, чтобы показать, что она постоянно двигалась по пути отвлеченной логики. В начале ее стоит Аристотель³⁷, представитель точного наблюдения и логического процесса, в конце — Гегель, завершивший развитие рационализма системой, в которой законы диалектической мысли становятся законами природы и истории. И в самом деле, что остается человеку, если он будет отрицать всякий авторитет, кроме силы отвлеченного рассуждения? Придется видеть в мире результат диалектической игры мысли и видеть в разуме сознательное отражение вселенной. До этого пункта и дошли философы в наше время. И именно в минуту победы западные люди почувствовали пустоту своих стремлений. Величайший мыслитель Германии Шеллинг уже сознал односторонность логической мысли. И повсюду замечается движение к непосредственному пониманию жизни, к пополнению логики чувством, к вере. Но откуда взять на Западе эти здоровые элементы? Возвратиться к устаревшим и опровергнутым взглядам совершенно невозможно. Это значило бы обставить себя театральными декорациями и уверять, что вокруг живая природа. И вот даже такие великаны мысли, как Шеллинг, изнемогают под бременем непосильной задачи составить религию для своего личного употребления и средствами своего личного духа.

Спасительным является для нас ввиду этой трагической истории сознание, что Россия обладает в простой вере своего народа как раз тем залогом жизни, которого недостает Западу, и просвещен-

* Сочинения II, 231.

ное стремление ее руководителей, ее образованных людей должно быть направлено к развитию религиозного достояния, около которого сосредотачивается вся жизнь народа. Именно возможность такого вклада, такой поправки и дополнения обеспечивает общение и взаимодействие между русской народностью и европейской культурой. Именно потому, что Россия имеет положительное содержание для обмена, она может открыто признать свои несомненные слабости в прошедшем и все-таки надеяться на великую роль в будущем. Нельзя не признать, что отчуждение от Запада было источником великих несчастий, что оно объясняет низкий умственный уровень народа. Мало того, христианство сузилось благодаря ему в византийские формы, ханжество и поклонение букве проникло в религиозную жизнь и нашло свое завершение в расколе. Бессмысленно было бы также бороться против западной науки и общественных усовершенствований. «В стремлении к русскому народному духу есть возможность недоразумения, которое, к сожалению, часто встречается и многое путает. Под русским духом разумеют не одушевление общечеловеческого ума духом православного истинного христианства, но только отрицание ума западного. Под народным разумеют не целостный состав государства, но одно простонародное — смешанный отпечаток полуизглаженных прежних общественных форм, давно изломанных и, следовательно, уже невосстановимых. Дух живет, но улетает, когда им хотят наполнить разбитые формы»*.

Значит, надо пустить в оборот капитал, который до сих пор пассивно хранился в народе, надо усвоить принципы, не раболепствуя перед частностями. В России сохранилась церковь, которая не ищет светской власти и тем не менее воспитала государство и общество. Богословская традиция греческих отцов никогда не угасла, а в творениях этих отцов содержится множество данных для развития метафизики и психологии: их необходимо сопоставить с результатами западной науки и сделать основанием для исправления и пополнения этой науки. Монастыри, рассеянные по широкой земле, были как бы университетами этой культуры. И они выставили духовные требования более полные и живые, чем логическая философия Запада. Они всегда понимали стремление к истине, как сосредоточение всех способностей человеческого духа, как гармоническое выражение ума, чувства и воли, а не простое логическое мышление.

И действительно только тот, кто понял мысль чувством, понял ее вполне. Иначе она остается безжизненной отвлеченностью. Эле-

* Письмо Погодину 1855 года. Материалы для биографии Киреевского, 109.

менты душевного движения, поэтического волнения, восторга много раз и в различных формах подчеркиваются Киреевским в противоположность рассуждению с его логическими сцеплениями. Прекрасным примером психологического процесса, которым он думал пополнить сухость логических выводов, служит, по моему мнению, знаменитое место из «Былого и дум» Герцена, в котором передана защита Киреевским почитания икон.

«Я раз стоял в часовне, смотрел на чудотворную икону Богоматери и думал о детской вере народа, молящегося ей; несколько женщин, больные, старики стояли на коленях и крестясь клали земные поклоны. С горячим упованием глядел я потом на святые черты, и мало-помалу тайна чудесной силы стала мне уясняться. Да, это не просто доска с изображением... века целые поглощала она эти потоки страстных возношений, молитв людей скорбящих, несчастных — она должна была наполниться силой, струящейся из нее, отражающейся от нее на верующих. Она сделалась живым органом, местом встречи между Творцом и людьми. Думая об этом, я еще раз посмотрел на старцев, на женщин с детьми, поверженных во прах, и на святую икону — тогда я сам увидел черты Богородицы одушевленными; она с милосердием и любовью смотрела на этих простых людей... и я пал на колено и смиренно молился ей»³⁸.

Все в этом отрывке характерно: и горячая потребность в личном, конкретном общении с божеством, которое не довольствуется отвлеченной формулой или бесформенным чаянием, а ищет знакомого лика человечности и сострадания; и поучение премудрого и разумного от младенцев; и бессловесная передача этого поучения в виде непосредственно-охватывающего чувства. Если Киреевский искал в положительной религиозности не доказательств, а убеждения, то и боялся он для нее не отрицательной полемики, а слабости духа.

«Весьма редки случаи, чтобы православно-верующий утратил свою веру единственно вследствие каких-нибудь логических рассуждений... Он теряет веру не от умственных рассуждений, но вследствие соблазнов жизни, и своими рассудочными соображениями ищет только оправдать в своих глазах сердечное отступничество... Покуда он верит сердцем, для него логическое рассуждение не опасно»*.

В общем взгляды Киреевского резюмируются в два-три предложения. Культура Западной Европы грешит односторонним рационализмом; русская народная жизнь, напротив, отличается цельностью своего духовного начала и требует гармонического соединения

* II, 321.

ума, сердца и воли; именно этой цельностью держится православие, и будущность цивилизации зависит от дальнейшего развития ее под влиянием православия.

Критика каждого произведения мысли, в том числе и работы Киреевского, может быть двоякая: она может, так сказать, уединить произведение, взять его само по себе как связь предпосылок и выводов, и раскрывать неполноту или недостоверность данных, непоследовательность, превратность, преувеличения в рассуждении. Или она может задаться целью поставить произведение в его историческую обстановку и судить его как выражение известных идей и стремлений, сообразно с относительным значением этих идей и стремлений, применительно к тому, насколько они сами оказались крепкими и плодотворными. Мне кажется, что нет особенной надобности в настоящее время входить в подробный разбор отдельных положений и доказательств Киреевского. Весьма легко было бы подобрать у него массу странностей и преувеличений: и презрение к политической экономии, и самодовольная характеристика русской мерности и европейской суетливости, и ненависть к американцам, и определение рыцарства как честного разбойничества, и множество других подробностей могли бы дать повод к насмешливым замечаниям. Самое изображение русского быта страдает, несомненно, чрезвычайной бледностью и неопределенностью, а изображение хода европейских дел схематично и во многих отношениях несправедливо. Будто чувство не играло роли на западе Европы, хотя бы в истории крестовых походов и религиозных движений, например! Можно ли сводить развитие западной мысли на историю разлагающегося метафизического анализа? Худо или хорошо, но XIX век больше всего характеризуется ростом опытных наук и связанных с ними эмпирических и позитивных взглядов. Это движение совсем не рассмотрено Киреевским, хотя начало его относится уже к его времени. Главная поправка, которую он вносит в теорию познания и на которой строится все его здание, отличается такою неопределенностью, что ее даже формулировать трудно. Что такое его целостная деятельность духа? В нее входят по схеме и чувство, и воля. При ближайшем рассмотрении понятие воли, которое играло такую роль у Хомякова, обыкновенно устраняется и остается требование эмоции, душевного движения. Крайняя туманность этого центрального пункта сопровождается соответствующим дилетантизмом в проведении его последствий. Нужно воспользоваться метафизикой греческих отцов, нужно преобразовать западную философию с точки зрения восточного идеала. Все это великие требования, и поучительно было бы видеть хоть

некоторые попытки к их осуществлению. А их нет, и вместо дела являются столь частые в русском образованном обществе и столь бесплодные общие рассуждения.

Но, если я и намечаю возможность разнообразных возражений против отдельных взглядов Киреевского, то никак не для систематической критики. Для нее было другое время.

Мы уже отделены от этих работ таким продолжительным промежуток времени, что имеем и другие более интересные задачи по отношению к этому мыслителю. Мы видим, с одной стороны, что его основные положения были восприняты обширной и, несомненно, плодотворной во многом славянофильской школой, с другой стороны, что положения эти стояли в связи с известными условиями эпохи и тем самым выдвигались до большего значения, чем мог бы им придать даже самый блестящий личный талант автора. Киреевский замыкает цепь между некоторыми коренными взглядами славянофилов и умственным движением Европы в первые десятилетия нашего века. В этом главный интерес его произведений.

В самом деле откуда является ожидание и предначертание обновляющей, всемирно-исторической роли России? Откуда представление о народной личности, сложившейся в такую же неподатливую форму, как кости взрослого организма? Откуда преклонение перед религиозным элементом как первенствующим в личной и исторической жизни? Откуда, наконец, попытка освободиться от рассудочности и выдвинуть значение других сторон духа?

Без всякого сомнения, многое в этом складе воззрений подготовлялось на месте, в самой нации. Задолго до Киреевского и славянофилов русские патриоты выступали с притязаниями на особое избрание Святой Руси, завещанное Римом и Царь-градом и ставившее ее в преемственность всемирного владычества. Уже царь Иван Васильевич Грозный³⁹ исповедовал этот философски-исторический взгляд⁴⁰. Постоянная противоположность между усвоенным строением и иноземными порядками, которым к тому же приходилось во многом подчиняться, давно побуждала высказаться и против никоновских нововведений, и против петровской реформы, и против всей петербургской системы. Про религиозную гордость православия и говорить нечего. Но все эти элементы являлись при несомненном бытовом значении все-таки только материалом для теории. Они поднялись до значения теории, сомкнулись в философски-историческое учение тогда, когда навстречу им двинулись волны издалека, со всех сторон самого западноевропейского мира. Уже незадолго до славянофильства и даже одновременно с ним мы видим писателей, усвоивших поч-

ти те же национальные идеи, но не принадлежащих к школе, потому что их не коснулось в этой форме или в этой степени движение европейской мысли. Ни Шишков⁴¹, ни Карамзин⁴², ни даже Погодин не славянофилы. Славянофильство как европейская школа начинается с Ивана Киреевского и по всем вопросам примыкает к определенным течениям в западноевропейской литературе, примыкает не в силу заимствования или рабского подражания, а как ветвь к стволу. Можно сказать, что в некоторых отношениях нигде идеи начала века не выражались так закончено и последовательно, как в московском славянофильстве.

Я отметил четыре коренных положения, переходящих от нашего писателя через всю школу. Посмотрим, как они относятся к европейской литературе.

Сам Киреевский признает, что его осуждение рассудочной философии опирается на последнее слово немецких философов. И действительно, как биография и переписка Киреевского, так и его статьи обличают постоянное влияние Шеллинга. Великий немецкий мыслитель прошел длинный метафизический путь в течение своей долгой жизни — приходится отличать четыре или пять эпох его философского понимания. Но среди всех этих эпох красною нитью является его стремление расширить границы человеческого ведения путем освобождения его от исключительного господства рассудка и обычной логики. В 1803 году Шеллинг писал в предисловии к своим лекциям о методе университетского изучения⁴³: «На предполагаемом безусловном значении логики основывается „Критика чистого разума“ Канта⁴⁴, которая познает разум только в подчинении рассудку. Если бы не было иных способов познавать абсолютное, кроме выводов рассудка, и не было бы иного разума, помимо формы рассудка, о, конечно, нам пришлось бы вместе с Кантом отказаться от всякого непосредственного познания в области безусловного и сверхчувственного». Еще находясь под влиянием Фихте⁴⁵, он выделял особую способность или состояние внутреннего или умственного воззрения, непосредственного и цельного, не подчиненного обычным условиям образования знания из опыта. Этой способности соответствует творческий акт художника, который также ведь не подчинен логическим правилам и меркам, а между тем имеет непосредственную убедительную силу. В этом акте слиты отгадывающее познание действительности и ее творческая переработка, сливаются начала необходимости — общих законов, которым удовлетворяет художественное произведение, — и свободы в условиях его создания из индивидуального духа. Поэтому художественный акт есть собственно психологическое объ-

яснение существующего. Рассматриваемое с этой стороны, учение Шеллинга развивается из замены рассудка фантазией, логики чувством, общеобязательных законов мышления гениальным произволом. Мы не будем следить за видоизменениями доктрины Шеллинга, за применением ее к философии природы и к учению о Боге. Для нашей цели достаточно обозначить то расширение принципа познания в область чувства, с которым роднится искание цельного знания и поэтического откровения у Киреевского. И необходимо отметить, что в данном случае Шеллинг является только знаменитейшим представителем целого направления, того романтического направления, которое возмущалось трезвостью, сухостью, низменностью просветительской философии XVIII в., с завистью смотрело на поэтическую действительность средних веков, отказывалось от однообразия и условных правил классической литературы и выше всего ставило личную гениальность художника^{*46}. Фридрих Шлегель⁴⁷, Тик⁴⁸, Новалис⁴⁹ — каждый по своему — боролись против рационализма за непосредственное чувство и фантазию. У Шеллинга из этого романтического стремления вылилась целая система метафизики.

Отрицательная сила такого рода принципа, конечно, велика, но велики и его опасности. Гегель, который некоторое время шел с шеллингистами, скоро отвернулся от них. В своей «Феноменологии» он выражается ясно и резко: «Философия, которая мнит себя слишком высокой для того, чтобы действовать понятиями, которая отсутствие понятий считает созерцательной или поэтической формой мысли, такая философия просто выдвигает произвольные комбинации разнузданной фантазии, создает нечто такое, что не рыба и не мясо, не поэзия и не философия». «Красота, святость, вечность, религия, любовь — все это только приманки; не логическое понятие, а экстаз, не спокойно развивающаяся необходимость, а восторженное брожение — вот в чем думают найти закон развития субстанции»^{**}.

Лучшей критикой романтического направления является то, что оно было поставлено в необходимость тотчас искать выхода из крайнего субъективизма и личного произвола: от признания такой роли за чувством и воображением, которая подрывает логическую связь людей между собою и собственно изолирует каждого в пределах сво-

* Отношение Шеллинга к романтикам прекрасно характеризовано у Гайма: [Haym R.] *Die romantische Schule. [Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Geistes. Berlin, 1870.]*.

** Ср.: Haym [R.] *Hegel und seine Zeit [Vorlesungen über Entstehung und Entwicklung, Wesen und Wert der Hegel'schen Philosophie. Berlin, 1857. S.]* 216.

их личных аффектов, — от такого полного индивидуализма романтика принуждена была перескочить в противоположную крайность и отыскивать внешним образом наложенные общие нормы именно потому, что она потеряла нить внутренней идейной солидарности. И в истории и в системе вышло то же самое. Романтика отказывается от формально-принудительной логики и от указаний рассудка. Чтобы мир не распался на атомы, она принуждена выработать своеобразное отношение к религии, которая позаботится о связующих условиях. Еще в 1799 году Новалис оплакивает пагубный рационализм современной культуры и мечтает о восстановлении христианской теократии⁵⁰. Разнузданный гений, Фр [идрих] Шлегель, бежит от сомнений на лоно единственно спасающей католической церкви⁵¹. Шлейермахер пытается оживить протестантизм мистикой чувства⁵², Шеллинг разрабатывает положительную философию мифологии и откровения⁵³ в пополнение чисто отрицательной философии рационализма. Франц Баадер⁵⁴, оправляясь от изучения средневекового мистика Якова Бёме⁵⁵, совсем близко подступает к восточной церкви, ратует против папского примата, входит в сношения с импер [атором] Александром I⁵⁶, принимает участие в подготовке Священного союза для обуздания революции и утверждения религии светскими средствами⁵⁷, пытается основать в России общество для воссоединения религии и науки. В сравнении с самым разнообразием этих попыток русский романтизм, конечно, имел существенное преимущество. Ему приходилось считаться с одной установленной религиозной формой, и потому колебания и свобода выбора прекращались тотчас, как признавалась необходимость искать убежище в религии. Зато, конечно, трудно было захватить с собою в это убежище многое из того, что было приобретено на свободе до обращения. В положении русских романтиков было менее компромисса и более подвига.

Но и те, и другие, и немцы, и русские не могли остановиться на одной идее религиозного обновления, хотя и считали ее главной. Они не смотрели на свое дело, как на попытку отчаяния и удаления в пустыню. Им представлялось, что они начинают новую эру в истории человечества. Им приходилось заботиться не только о примирении противоречий собственной души, но также об устройении общества и государства. В этом отношении также нужно было найти новые элементы связи. Одностороннее господство рассудка и логики осуждалось в политике не менее решительно, чем в теории познания. Выход был найден опять-таки в переходе от логики к психологии, и именно в коллективной психологии — в однообразии, которое дей-

ствие одинаковых условий и наследственности вносит в жизнь народных групп. Однообразие это невольное, часто бессознательное, а между тем оно представляет могущественный фактор в истории. Те же романтики, которые протестовали против общеобязательной рассудочности, охотно подчинялись иррационализму, таинственному влиянию среды. И к ним на помощь явилось могущественное влияние исторических событий. В начале века раскрываются новые и плодотворные точки зрения на жизнь народов. Значительные неудачи в деятельности французской революции и империи заставили на время забыть о положительных заслугах и той, и другой. Реакция происходила не в одних правительствах, но и в обществе. Историческое изучение получило совершенно новый толчок оттого, что заметили, насколько отвлеченным политическим идеям приходится считаться с привычками, с интересами, с настроением людей. Революция выставила известную рассудочную программу — оказалось, что эта программа не годится по своей отвлеченности и общности. Народы Европы проявили себя не как собрания людей, всегда готовых перестроиться и измениться по соображению с теоретическими требованиями, а как своеобразные организмы, созданные веками, имеющие особые нравы и характеры. Чтобы влиять на них, приходилось прежде всего знакомиться с этими особенностями характера. И вот в тесной связи с романтикой возникает историческая школа права и изучения народной психологии. Чистые представители романтизма вроде Стеффенса⁵⁸ и Шлегелей⁵⁹ активно участвовали в этом движении, слава которого связана главным образом с великими именами Савиньи⁶⁰ и Гримма⁶¹. На время этнографический вопрос подчинил себе все историческое изучение. На основе народного характера воздвигали политическую теорию неподатливого консерватизма. Выходило, что и сословные привилегии, и политическая разрозненность Германии, и прусская военно-патриархальная монархия должны остаться вечно народными учреждениями.

В это время усиленно изучается история завоеваний и определяются степень и результаты племенных смешений, возникают школы романистов, германистов и, наконец, славистов, для которых эти антикварные вопросы получают значение злобы дня, перемешиваются с идеями патриотизма и отступничества. В общем великое историческое открытие повело, с одной стороны, к рассмотрению исторического материала с новых точек зрения, но также к несомненным, научным и политическим преувеличениям. Состав народной личности, «неизменный, как кости взрослого организма», оказывается при свете современной историографии иллюзией. В истории всех великих

народов, несмотря на несомненное влияние традиции, происходили идейные и фактические перевороты, взаимодействия, применение к изменяющимся потребностям и условиям, которые свидетельствовали только о жизненности народа. Подстановка якобы неподвижных формул может только тормозить развитие; она в сущности оказывается проявлением именно своего рода рационалистической рефлексии в борьбе с жизнью. Николай Станкевич метко выразился по этому поводу: «Чего хлопочут люди о народности? Надобно стремиться к человеческому: свое будет поневоле. На всяком искреннем и непроизвольном акте духа невольно отпечатывается свое, и чем ближе это свое к общему, тем лучше»*. Заметьте, что национальный элемент при этом не только не отрицается, но признается необходимым исходным пунктом всякой деятельности. Только цель надо ставить выше его, а не гнаться сознательно за особенностями, о которых позаботилась сама природа.

Упрек, заключающийся в приведенных словах Станкевича, еще чувствительнее, если обратиться к последнему из основных положений Киреевского. У него уже намечается провиденциальная роль России в общей связи мирового развития. Представление о великой смене народов, из которых каждый получает в свою очередь культурное руководство и двигает цивилизацию, дополняло историческое учение романтиков. Оно слабее выражено у Шеллинга, нежели у Гегеля, но тем не менее и у него есть попытка разбить историю на мировые периоды и распределить принципиальное движение идей между народами. Ближайшим образом повлиял на Киреевского в этом случае Чаадаев, которому, с его особой точки зрения, рисовалась новая эра международного единения под влиянием католической России, эра, способная устранить элементы раздора и отрицания, внесенные Реформацией и революцией. Киреевский, конечно, подставлял иное содержание под это решительное вступление России в историю. Но, подобно Чаадаеву, он интересовался более всего идейной ролью своего отечества и был весьма далек от увлечения материальной перспективой новых побед, завоеваний и господства. И он, и другие славянофилы все значение исторического будущего ставили в провозглашении новых принципов. Они думали, что эти принципы уже найдены. Обновление цивилизации православием и связанное с ним восстановление цельной и здоровой мысли — вот что видел Киреевский заложенным уже в русском народе и имеющим

* Анненков: Биография Н. В. Станкевича, стр. 169 [Н. В. Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857. С. 169 (отд. pag.)].

разрастись до мирового значения. Прочие вожди славянофильства добавили иные начала — своеобразное отношение между землей и государством, общинность. Против всех таких определений было давно сделано возражение, что странно формулировать результат культурного водительства народа, когда это водительство еще и не началось, когда народ вообще едва вступает на путь высшей культуры. Не лучше ли пока стремиться просто к разрешению открытых вопросов философии, науки, политики, хозяйства — стремиться по крайнему разумению и с напряжением всех сил, а затем предоставить отдаленному потомству подвести итог и определить особенность. Как трудно подводить такой итог на ходу, показывает хоть пример немцев, которые гораздо раньше стали работать над культурой и пока, несомненно, больше для нее сделали, а между тем их попытки выразить историческое назначение германской нации обыкновенно находят сочувствие только среди них самих, а у всех других народов вызывают иронические возражения. Даже такое вошедшее было в общую моду определение, как то, что германцы внесли принцип индивидуальной свободы в историю, в настоящее время едва ли найдет много защитников. Если философски-исторические характеристики такого рода, особенно вошедшие в ход после Гегеля, вообще представляются слишком схематичными и произвольными, то провозглашение культурной задачи начинающего народа прямо неуместно. История России заложена в таких громадных размерах и рассчитана, очевидно, на такие обширные периоды, что нет надобности спешить с некрологом.

В заключение считаю необходимым вновь напомнить, что моя цель была представить попытку исторической оценки исходного момента славянофильства. Такая оценка включает элементы критики, потому что показывает факт в развитии и раскрывает его преходящий характер. В этом смысле метод Гегеля действительно господствует над историей. Но тот же метод учит, что крупные исторические явления имеют всегда свое оправдание. Они не явились даром и не проходят бесследно, хотя впадают в искажения и вызывают оппозицию. Школа, которая выставила таких мыслителей, как Хомяков, и таких деятелей, как Юрий Самарин, без сомнения, заслуживает названия крупного исторического явления. И подобно сродным ей немецким школам, она выдвинула точки зрения, имеющие и отрицательную, и положительную стороны. Ее построения оказались весьма существенными как противовес рассудочной схоластике, беспочвенному космополитизму и узкой государственности. Практические заслуги ее, может быть, еще значительно теоретических.

И все-таки критика может уже показать ее смертную сторону. Образование славянофильства связано с романтическим течением, безмерно преувеличившим значение иррациональных элементов в жизни и истории.

Фаустовская неудовлетворенность давно тревожит европейскую культуру: раскол между знанием и жизнью, ограниченность самого знания, медленность науки, противоречия философии — все это беспокоит и соблазняет мысль. Но про себя дух-соблазнитель говорит другое:

Да, презирай познания и ум,
Источник главный сил, прельщайся мишурою...
Тогда, любезнейший, ты мой! ⁶²

Чтобы не оканчивать словами злого духа, хотя бы поучительными, сошлюсь в заключение на благородного, безвременно умершего современника Киреевского — Николая Станкевича, который в ярких выражениях указал на руководящее значение умственного начала: «Человек, который имеет душу, любит искусство и сознает что-то похожее на разум и гармонию в куче разных разностей, которую он называет природой, человек, который верит иногда уму, например, хоть в том, что $5 \times 5 = 25$, не должен бояться свободного хода мысли ни в каком отношении... Ты, который признаешь разум и любовь мира, ты отрицаешь совершенно, находишь нелепость в организации ума, который есть венец создания — один ум имеет потребности, которых он удовлетворить не может, один он урод в Божьем создании, изгнанник из общей гармонии, и это оторванное звено Вселенной называется частицею Божества. Такое убеждение — нелепость»⁶³.

И все, что пережито Россией с того времени, как велись эти споры, утверждает нас в убеждении, что дорога к всемирно-историческому призванию остается по-прежнему одна — от мрака к свету!

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ

Человеку свойственно стремление подняться над своею ограниченою мелкою жизнью, примкнуть к высшему целому, более долговечному и значительному, пожертвовать этому целому своими интересами и силами. Народ и церковь, государство и город, сословие и семья, даже хозяйственные, литературные, военные соединения сдерживают личный эгоизм и в то же время раздвигают рамки человеческого существования.

Но нельзя не заметить в людях и другого, как бы обратного стремления. Если отдельная личность живет не только в себе, но и в обществах, к которым принадлежит, то, с другой стороны, общественная связь тогда становится особенно сильною и обязательною, когда она перестает быть отвлеченным, рассудочным, безличным понятием: у людей есть средство придать ей горячую жизненность, они постоянно стремятся «воплотить» государство, народ, могущественную корпорацию в лице вожаков или руководителей. Языческие боги, человекообразные представители сил природы, пали, но «представительные» люди, герои появляются и теперь, и не только для того, чтобы стать во главе войска или правительства: всякая организованная общественная сила, которая обнаружила свое значение и жизненность, наверное, выставила таких великих людей, к которым обращается ее гордость, в личности которых живут ее дух и стремления.

Россия не особенно богата такими организованными общественными силами: сама география позаботилась о том, чтобы общество вышло гладкое. На громадной русской равнине естественно сложились единое государство и единая церковь, которые подавили второстепенные группы. Тем более важны и дороги те соединения, которые проявили самостоятельную жизнь и деятельность под охраной общих политических условий: без них общество рисковало бы впасть в мертвенное однообразие. Одним из таких сильных союзов, которые имеют свою славную историю и оказали благотворительное влияние на историю отечества, является Московский университет. Конечно, в известном смысле университет учреждение государственное, составленное правительством по известным правилам и руководимое состоящими на общей государственной службе лицами. Но всякий

настоящий университет опирается еще на другое основание для своей деятельности: он служит науке, а наука имеет свои правила и законы, никакому государству не подведомственные. Московский университет в течение почти полуторавекового существования потому и стал таким видным и авторитетным учреждением, что в нем сложилась и держалась самостоятельная научная традиция. Могущественному государству Русскому, конечно, нечего было опасаться подобной самостоятельности, оно только выигрывало от того, что в его среде образовалось соединение, оказывавшее бескорыстное, благородное, идеалистическое влияние на своих членов.

В истории своей Московский университет прошел через различные периоды, не все одинаково благоприятные и славные; имел он за свое долгое существование много более или менее достойных представителей, но едва ли мы ошибемся, сказав, что в общем мнении лучшею эпохой в жизни университета были 40-е годы нашего века и что в эту эпоху самым достойным и блестящим представителем корпорации был Грановский. Слышались иногда и протесты против такой оценки, но протесты единичные. Если даже предположить, что и время, и герой подверглись некоторой идеализации со стороны потомства, что придирчивая критика могла бы там и сям поубавить восхвалений, в основании факт останется не поколебленным. К подобному возвеличению всего лучше приложима пословица: глас народа — глас Божий. Очевидно, мы имеем тут дело с крайне важным и характерным моментом в жизни университета, имеем дело с личностью, которая, во всяком случае, удовлетворила главным из требований, предъявляемых русским обществом к профессору. Мне хотелось бы не изложить перед вами биографию Грановского, это превосходно сделано А. В. Станкевичем⁶⁴, а отметить наиболее характерные черты его деятельности как историка, преподавателя, университетского деятеля и, наконец, участника русской общественной жизни.

Надо признаться, что знаменитый профессор попал на московскую кафедру в значительной степени благодаря случайности. В молодости его чуть не сгубила беспечность отца, который совершенно не заботился о его воспитании. Да и впоследствии юридический факультет Петербургского университета, на который он поступил, ничего ему не дал для будущей деятельности, и что он приобрел в студенческие годы, то приобрел самостоятельным и беспорядочным чтением по истории и философии. Выход был прямой — в чиновники, и Грановский начинает службу секретарем гидрографического департамента при морском министерстве. Надо думать, что он,

во всяком случае, не удовлетворился бы канцелярской работой и повышением, но трудно сказать, каким путем пошло бы его дальнейшее развитие, если б его не наметил, как и многих других выдающихся людей того времени, граф Строганов⁶⁵. В помещики он тоже не годился, для журналистики у него не хватало задора и спешности. Как бы то ни было, в 1837 г. он был командирован за границу и тут в сущности в два года положил основание своему историческому образованию. Повторяю, он уже раньше читал много, преимущественно французских и английских историков — Тьерри⁶⁶, Гизо, Мишле⁶⁷, Гиббона⁶⁸, Юма⁶⁹, но за два года пребывания в Германии он уже не собирал сведения только, а вырабатывал основы своего научного мировоззрения. Этим основам он остался верен и впоследствии, хотя постоянно следил за литературой, восполнял пробелы и совершенствовался. Во всяком случае, у него не произошло тех резких перемен в образе мыслей и основных построениях, которые имели место в жизни многих ученых. Эта цельность его умственной личности сильно облегчает ее изучение.

Как световые лучи собираются в фокусе человеческого глаза, так в голове мыслителя сосредотачиваются и своеобразно преломляются лучи идей, которые надают на него с разных сторон, из различных умственных центров его времени. Особенность Грановского как историка выяснится, когда мы познакомимся с его отношением к пяти-шести руководящим школам первой половины нашего века.

История не так давно еще подверглась полному превращению. Из второстепенной разновидность изящной литературы она сделалась вдруг великою общественною наукой и косвенный толчок к этому был дан переворотом в конце XVIII века. Французская революция оказалась каким-то колоссальным и непроизвольным опытом, произведенным над европейскими порядками и учреждениями. Значительная часть их рушилась, но не менее значительная обнаружила совершенно непредвиденное сопротивление. Оказалось, что, кроме расчета и устройства, приходится принимать во внимание в политике привычки, инстинкты, наследственность, преемственность. Все это отсылало к изучению истории, и XIX век принялся за это изучение с энергией, о которой не помышляли века предшествовавшие. Прежде всего выдвинулось под этими влияниями учение о *своеобразности* исторических форм. XVIII век рассуждал о едином и отвлеченном человеке, XIX стал присматриваться к особенностям государств, народов, классов и лиц. Это сказалось на отношении к самой передаче фактов. Нибур⁷⁰, а вслед за ним и Ранке⁷¹ исходили из наблюдения, что всякий рассказ о событиях своеобразен, т. е. налагает на событие известную окраску,

которую надо определить и устранить, чтобы добраться до истины. Отсюда пошла историческая критика, перекрестный допрос свидетелей, который иногда, особенно в руках Нибура, приводил к совершенному крушению общепринятых взглядов на события.

Молодой русский, вступивший в Берлинский университет, прямо встретился там с критическим направлением в лице Ранке. Он принял участие в упражнениях по разбору источников, из которых вышло столько первоклассных немецких историков, слушал и лекции Ранке и понял высокое значение этого учителя, что далеко не всем удавалось. О лекциях по истории французской революции он писал: «Я ничего подобного не читал об этой эпохе; ни Тьер⁷², ни Минье⁷³ не могут сравниться с Ранке. У него такой простой, не натянутый, практический взгляд на вещи, что после каждой лекции я дивлюсь, как это мне самому не пришло в голову. Так естественно. Ранке, бесспорно, самый гениальный из новых немецких историков»*. Но, поучаясь самой технике исторической работы, удивляясь трезвости взгляда Ранке, Грановский не в состоянии был следовать за ним безусловно и не сделался его учеником в настоящем смысле слова. Когда Ранке от предварительной критики переходил к комбинациям фактов, к указанию их внутреннего смысла, он не вполне удовлетворял нашего молодого ученого. «Его главное достоинство, — говорил Грановский студентам в 1843 году, — состоит в живописи характеров: лица воскресают у него. Другая характеристичная черта его состоит в критическом такте, в выборе и отделении истинного от ложного. В нем есть и замечательные недостатки: неестественный слог, и он увлекается страстью к характеристикам. Преследуя историческое лицо, он выпускает из вида общую идею»⁷⁴.

Отношение Грановского к делу еще более выясняется, если от Ранке перейти к Нибуру, истинному родоначальнику критического направления. Биографический очерк, напечатанный в «Современнике» [18]50 года⁷⁵, начинается так: «С именем каждого оставившего прочный след в литературе писателя мы привыкли соединять какое-нибудь представление, характеризующее особенности его таланта. Такого рода представления и выражающие их постоянные эпитеты не всегда бывают справедливы. Кто скажет, например, почему при имени Нибура неизбежно приходит в голову мысль о сухой, разрушительной критике, отвергающей поэтические предания древнего Рима? Пора бы, кажется, свести итог всех этих явлений и предста-

* Биография, стр. 72. [Станкевич А. В. Тимофей Николаевич Грановский: (Биографический очерк). М., 1869.]

вить верный отчет о заслугах Нибура в науке, снять с него странное обвинение в скептицизме и показать, сколько было положительного в его выводах и сколько поэзии в его воззрении на историю»*. Выясняя положительную сторону работы Нибура, Грановский обращался по преимуществу не к утомительным исследованиям великой «Римской истории», а к живым очеркам нибуровских лекций. Там он находил симпатичные для себя черты. «Нибур был одарен необыкновенною способностью переноситься в прошедшее не только воображением, но личным участием. В этом заключается творческая, чисто поэтическая сторона его таланта. Когда он начинал говорить о каком-либо значительном лице греческой или римской истории, он тотчас извлекал из своей изумительной памяти всю современную обстановку, припоминая малейшие подробности и отношения, и становился сам в ряды горячих приверженцев или врагов описываемого лица. О нем можно без преувеличения сказать, что он пережил сердцем борьбы всех великих партий Греции и Рима»**. Таким образом, указана была необходимость пополнить односторонность критических работ, в самой деятельности творца критического метода подчеркнуто положительное творчество. Являлся, однако, вопрос, есть ли эта созидаящая работа следствие только художественной силы писателя, его личного поэтического дарования, его обширного знакомства с жизнью и способности представлять себе прошедшее как настоящее или можно установить формулы, правила общего характера, которые выводили бы к истине и деятелей менее одаренных, обеспечивали бы научную доказательность построений?

Рядом с Нибуром и Ранке стояли другие корифеи исторической науки, которые подробнее формулировали поучение, данное XIX веку опытом французской революции. По мнению Савиньи и Эйхгорна⁷⁶, история раскрывает не только своеобразность исторических форм, но и основное начало их развития. Начало это — бессознательный, органический рост. Мало сказать, что люди не похожи друг на друга, что нельзя говорить о человеке вообще. Люди стали не похожи, обособились в племена, народы и государства не под влиянием уговоров или сознательных решений, или преднамеренных расчетов, или открытий законодателей, а в силу медленного влияния условий, стихийного творчества народной массы, которая приспособляется к условиям, наконец, давления наследственности, которое с каждым новым поколением все растет и все более стесня-

* Соч [инения Т. Н. Грановского. М., 1892. Третье дополненное издание. Ч.] II, 7, 8.

** Соч. II, 49.

ет область сознательного изменения. Как слагается язык, так создаются право и учреждения: при появлении народа в истории вырабатывается известный склад, основа, народный характер, с которым волей или неволей согласуется последующее. Признавая бесконечную силу исторической преемственности, школа Савиньи естественно сделалась школой исторического консерватизма. Грановский сочувствовал протесту против отвлеченной рассудочности XVIII в. и глубоко усвоил учение об органическом росте народной личности, но он не расположен был останавливать этот рост слишком рано и не признавал, чтобы народ находился в течение всей своей деятельности под роковым и неизбежным влиянием привычек, приобретенных в его младенчестве. Полное уподобление государственных форм и права с языком казалось ему сильно преувеличенным. Вообще, признавая заслугу направления для выяснения идеи исторической преемственности, он считал необходимым отметить и противоположное влияние — постоянную и чем дальше, тем более сознательную работу каждого поколения над материальными условиями. Если растет бремя наследственности, то растет и сила сознательного воздействия; в борьбе того и другого и состоит история. Своим университетским слушателям Грановский выразил это, между прочим, так: «Глубоко знакомые с памятниками древности, с постепенным развитием права, они по чувству весьма извинительному пристрастились к этой старине, не допускали никакого уклонения от прошедшего. Главный упрек, который можно сделать этим корифеям исторической школы и их приверженцам, заключается в том, что они хорошо понимали прошедшее, но не понимали настоящего и будущего»^{*77}

Естественный противовес одностороннему консерватизму школы Савиньи нашел наш ученый в трудах французских либеральных историков. Тьерри, Гизо, Мишле самостоятельно выработали историческую литературу, которая могла поспорить с немецкой по достоинству и влиянию на умы. «Никогда французская историография не стояла так высоко», — свидетельствовал Грановский. Отличительной чертой, проходившей во всех ее произведениях, были интерес к современности, надежды на будущее и желание повлиять на его течение, попытки объяснить современность как результат издавна подготовленных движений, в частности изучение исторической филиации либеральных начал, которые оказывались совсем не продуктом внезапной вспышки XVIII столетия, совсем не результатом умозре-

* Курс 1843–[18]44 гг.

ний одного или двух поколений. Гизо выяснял исторический рост представительной системы и противоположность в развитии Англии и Франции — противоположность, глубоко отразившуюся в их современном положении; Тьерри углубился в изучение средних классов и в особенности в историю городского строя, их воспитавшего; Мишле воссоздал с художественною силой культурную историю французских народных масс. Много раз отзывалось в позднейшей деятельности Грановского влияние французской школы. Успех французов он прямо приписывал оживляющему влиянию великих исторических событий, совершившихся на их глазах. На публичных лекциях 1845 года он сказал про «Lettres sur l'histoire de France»⁷⁸: «Там находится несколько писем об освобождении городов — это лучшее место у Тьерри и, может быть, лучшее во всей исторической науке».

В конце 30-х — начале 40-х годов Грановский замыслил и подготовлял обширную работу о городе в древней, средней и новой истории. План не осуществился, но и в том, что осуществилось, многое объясняется духовным общением с французскими учеными. Докторская диссертация об аббате Сугерии⁷⁹ составлена и проведена в духе Тьерри и именно его «Писем о французской истории». Заметно и влияние Гизо, которое также отразилось на средневековых курсах русского профессора и на публичном его курсе 1845–46 года. Последний представляет, однако, в то же время поучительный контраст с курсами Гизо; он гораздо менее схематичен, чем «История цивилизации во Франции» или «История представительных учреждений»⁸⁰, больше обращает внимание на явления духовной жизни, которая у Гизо, как известно, стушевывалась перед жизнью политической. Построение не так ясно и стройно, но зато целостнее, разнообразнее. Грановский не любил «резать по живому», как он сам выражался, и потому избегал рубрик и резкого дробления на периоды и стороны предмета. Его сочувствие к французам не мешало ему, таким образом, относиться к ним самостоятельно.

Помимо отдельных несогласий, он не находил у них одного капитального условия, которое уже вступило в историческую науку и вполне оценено было Грановским по своему значению. Исторические работы критической, консервативной, либеральной школ далеко продвинули изучение отдельных исторических явлений, эпох, народов. Они подготавливали и крупные обобщения: учение об исторической своеобразности, об органической преемственности, о народном духе или характере, об эволюции сословно-представительных учреждений далеко выходили за пределы разрозненных и случайных наблюдений. Но как ни широки были эти обобщения, они

не давали достаточных оснований для систематического учения о жизни человечества. А между тем за таким учением обращалось к истории образованное общество и попытки такого общего построения были сделаны в Германии. Гегель дал философскую формулу, которая должна была объяснить все мироздание, природу и историю. Он провел через все формы жизни закон диалектического развития, по которому всякое определение или утверждение вызывает сначала противоположное утверждение или определение, а затем обе крайности примиряются на третьем, объединяющемся и высшем определении, которое, в свою очередь, становится исходным пунктом подобного же процесса. Основания такого движения идеи Гегель находил в логике, в человеческом мышлении, но законы этого мышления считал основными и для всей внешней природы, которая есть тоже проявление духа, мысли божественной. В истории, с этой точки зрения, не было беспорядка и случайности. В ней проглядывала необходимая последовательность идей, носителями которых являлись народы и поколения. Идеи эти возникают, отталкиваются, побеждают друг друга, примиряются в высших определениях не сообразно с случайною встречей и силой их носителей, а по своему внутреннему значению, по требованиям диалектической последовательности развития. Эта смелая и стройная теория оказала громадное влияние на жизнь XIX века, и можно сказать, что нигде это влияние не было так сильно, как в России. Русские мыслители более всех других требовали у науки полных и общих решений. Они нетерпеливо относились к технике отдельных наук, не хотели затеряться в частностях и с восторгом восприняли общие формы Гегеля. Вместе с другими увлекался и Грановский. Его, как и многих других, направлял к Гегелю Николай Станкевич. Грановский жаловался другу на свои сомнения относительно громадного запутанного материала, который ему приходилось преодолевать. Станкевич отвечал: «Оковы спали с души, когда я увидел, что вне одной всеобъемлющей идеи нет знания. Другое дело — прагматический интерес к науке, тогда она — средство, и это занятие имеет свою прелесть; но для этого надо иметь страсть, преодолевающую все труды, а к этакой страсти способны люди односторонние. Ты не из этого рода людей: это можно узнать, взглянувши на тебя. Больше простора душе, мой милый Грановский! Теперь ты занимаешься историей, люби же ее, как поэзию — прежде, нежели ты свяжешь ее с идеей, — как картину разнообразной и причудливой жизни человечества, как задачу, которой решение не в ней, а в тебе, и которое вызовется строгим мышлением, приведенным в науку. Поэзия и философия — вот душа суще-

го»*. В Германии от всех специальных занятий Грановский постоянно возвращался к Гегелю. Здоровый и больной, он не покидал этого путеводителя. «Сочинил себе какое-то преглупое правило, что не покоряться должно природе, а идти ей наперекор, и с этим правилом не хочет ни на минуту оставить своего Гегеля и историю», — писал о своем товарище Я. М. Неверов⁸¹, сильно встревоженный его болезненным состоянием**. Испытав на себе благотворное влияние этой философии, молодой ученый рекомендовал ее и другим. Он писал своему товарищу Григорьеву⁸²: «Меня мучили те же вопросы, над которыми ты ломаешь голову. Ты говоришь, что ты во всем сомневаешься, но ты убежден в невозможности знать что-нибудь. Имеем ли мы право доверять отрицательным результатам наших сомнений? Нет. Мы можем, мы должны сомневаться — это одно из прекрасных прав человека, но эти сомнения должны вести к чему-нибудь; мы не должны останавливаться на первых отрицательных ответах, а идти далее, действовать всею диалектикой, какую нас Бог одарил, идти до конца, если не абсолютного, то возможного для нас. Хаос в нас, в наших идеях, в наших понятиях, а мы приписываем его миру. Точно как человеку в зеленых очках все кажется зеленым, хотя этот цвет у него на носу только. „Wer die Welt vernünftig ansieht den siet sie auch vernünftig an“⁸³, — говорит Гегель. И это едва ли не величайшая истина, сказанная им. Положим даже, что при всех твоих усилиях ты теперь не пойдешь далее отрицательных ответов, которые были результатом твоих первых исследований. Что же это доказывает? Только то, что твоя диалектика еще не укрепилась, что ты не умеешь еще перейти из одного определения в другое, противоположное. Займись, голубчик, философией... Это вовсе не пустая, мечтательная наука. Она положительнее других и дает им смысл. Учись по-немецки и начинай читать Гегеля. Он успокоит твою душу. Есть вопросы, на которые человек не может дать удовлетворительного ответа. Их не решает и Гегель, но все, что теперь доступно знанию человека, и самое знание у него чудесно объяснено...»⁸⁴

Но опять-таки и преклонение перед Гегелем разве в первое время было безусловным. Оно воспитало в Грановском стремление к объединению исторических знаний. Он остался верен взгляду, что каждый народ и эпоха являются носителями известных идей, что политическое соперничество народов и смена деятелей на исторической

* Анненков: Н [иколай Владимирович] Станкевич []. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857], стр. 197 [отд. паг.].

** Биография, стр. 62.

сцене должны быть рассматриваемы не как результаты случайных обстоятельств, а в их отношении к идейному прогрессу культуры. Но он был слишком причастен работе историков-специалистов, чтобы остаться вполне во власти философа, распорядившегося историческим материалом по своему произволению. Русскому легко было, конечно, протестовать против распределения мировых периодов и задач в философии истории — распределения, при котором германскому племени оставалась великая и печальная честь сказать последнее слово культуры. Убежденному либералу прусская монархия не представлялась венцом политических форм, и первая половина XIX в. казалась временем еще весьма далеким от осуществления лучших надежд человечества. Главное — и по натуре, и по подготовке Грановский не мог принести жизненность конкретных фактов в жертву отвлеченному, философскому плану. Он видел прошедшее слишком ясно, чтобы не заметить, что он гораздо богаче содержанием, чем допускала диалектическая схема Гегеля. Он не в состоянии был так пригибать и урезывать историческую жизнь какого-нибудь народа, чтобы она вошла без остатка в отведенное ей по плану место. Ему свойственно было не раздавать народам и поколениям приличные им в общем строе идеи, а прислушиваться к голосу каждого, изучением и сочувствием доходить до исконных стремлений и заветных мыслей. Потребность и надежда на объединение истории остались, но достигнуть его становилось намного труднее историку, внимательному ко всякому праву, чем деспотическому философу. Надо было, по меньшей мере, определить, насколько процесс мышления, диалектический процесс, осложняется в действительности материальными условиями, при которых мыслят люди. Ведь ход мыслей, конечно, зависит не от одного логического сцепления их, а значительно определяется обстановкой: голодный думает не совсем то, что сытый, праздный — не совсем то, что рабочий, мореплаватель — не совсем так, как земледелец, лапландец — не совсем так, как негр. При оценке материальных факторов нельзя было не столкнуться с значением и методами наук естественных.

Первый том Бокля⁸⁵ вышел в 1857 г. Грановский не дожил до него. Но «История цивилизации в Англии» готовилась задолго до ее выхода из типографии, готовилась, как все крупные явления умственной жизни, попытками целого ряда мыслителей. К этой подготовительной работе Грановский отнесся чутко и сочувственно.

Уже в Берлине, несмотря на Гегеля, Грановский стал пристально заниматься тою почвой, на которой развивается история. Преподавание Риттера⁸⁶ показало ему землю, как храмину, созданную Прови-

дением для рода человеческого. Приходилось убедиться, что устройство земной поверхности, распределение вод, условия климата, плодородие почвы и тому подобные факты, совсем не диалектические, оказывают самое решительное влияние на судьбу людей. Положим, чем значительнее человеческая культура, тем лучше она справляется с природой, но как долго воспитываются племена под преобладающим давлением этих естественных условий! Очевидно, от этого долгого воспитания должен сохраниться глубокий след в характере и взглядах народа. Да и до сих пор не ясно ли, что громадные массы людей связаны и определены в своей жизни именно естественными условиями? Внимание к естественно-историческому фактору, раз возбужденное Риттером, не ослабело, а, напротив, возрастало. В лице Фролова⁸⁷, организовавшего в России географический журнал «Магазин землеведения», Грановский имел близкого товарища, который поддерживал в нем интерес к географическим занятиям. В 1847 году Ефремов⁸⁸ открыл географический курс в Московском университете и мотивировал свое начинание в выражениях, которые являлись как бы отголоском Риттера и Грановского. От географии был один шаг до этнографии: племя наряду со страной являлось естественно-историческим элементом, определяющим человеческое развитие. Необходимо было заняться изучением так называемых диких племен, т. е. как раз того громадного большинства человеческого рода, которое жило или живет под преобладающим влиянием естественных условий и не поднялось до диалектической разработки идей в истории цивилизации. Грановский живо интересовался «малыми сими». Он читал о множестве путешествий, и его лекция об Океании и ее жителях может свидетельствовать об его этнографических познаниях⁸⁹. Во введении к своему учебнику он определял историю как науку о земной жизни человечества. При таком широком определении она включает общую этнографию. При этом оставалось во всей силе значение культуры, приобретаемой историческими народами, но подчеркивалось, что нет препятствий для культурного возвышения и диких племен. Гуманное чувство Грановского не допускало радикального разделения человечества на привилегированные и низшие расы. Он, безусловно, вооружался против теорий, которые находили немало приверженцев в то время как среди гордых своим образованием европейцев, так и на рабовладельческой почве Америки. «Человечество, имеющее слиться в лоне христианства в одну духовную семью, уже составляет семью естественную, соединенную общим праотцом Адамом. Допустим такое родство, существующее между обитателями земного шара, мы должны необходимо

принять и истекающую из этого родства равную способность всех пород к образованности и совершенствованию»*. Обширные этнографические сведения Грановского давали ему возможность подойти к вопросу о племени с научной точки зрения. Он с восторгом приветствовал начатки антропологии, перевел и снабдил примечаниями письмо Эдуардса⁹⁰ к Амедю Тьерри⁹¹ о физических признаках пород и их устойчивости⁹². Вопрос о племени был жгучим вопросом в то время, когда особенно интересовались определением племенных характеров и часто определяли их пристрастно и произвольно. В связи с этими занятиями у Грановского являлся план написать монографию о галлах и на примере этого племени показать значение племенных признаков. Дело не состоялось, но в курсах нашего учебного немало следов работы над этими вопросами. В публичном курсе 1845 года, наприм [ер], видное место занимает определение племенного состава французской и английской национальностей, особенно первой. Разнообразие племенных элементов приписывается большое влияние в истории.

И так, через посредство географии, этнографии, антропологии, Грановский приходил в соприкосновение с естествознанием и получил возможность значительно умерить философское увлечение гегельянства. Следуя за знаменитым биологом Бером⁹³, он в актовой речи 1852 года признал, что «ход всемирной истории определяется внешними физическими условиями, влияние отдельных личностей в сравнении с ними ничтожно»**. Но, освобождаясь от односторонней и произвольной схемы Гегеля, Грановский по всему складу своего образования не способен был предоставить себя и в исключительное руководство естественникам. В общении с Герценом он признавал великие результаты естествознания, но протестовал против материализма, как философского, так и научного, настаивая на том, что явления мира духовного и нравственного, при всей своей зависимости от физических условий, не разлагаются без остатка на последствия этих условий, а вносят, кроме того, в мировую жизнь своеобразные элементы, которые требуют и своеобразного изучения. «У истории две стороны: в одной является нам свободное творчество духа человеческого, в другой — независимые от него, данные природою условия его деятельности. Новый метод должен возникнуть из внимательного изучения фактов мира духовного и природы в их взаимодействии. Только таким образом можно достигнуть прочных, основ-

* Соч. II, стр. 462.

** Соч. I, стр. 14.

ных начал, т. е. ясного знания законов, определяющих движение исторических событий. Может быть, мы найдем тогда в этом движении правильность, которая теперь ускользает от нашего внимания»⁹⁴.

Мы перебрали основные направления исторической науки первой половины нашего века и показали отношение к ним Грановского. Повсюду обнаружилась отзывчивость нашего ученого, свобода и широта его мысли, способность оценить крупное и плодотворное без предрассудков и пристрастий. Но повсюду обнаружилась и самостоятельность ума, критическое отношение, которое предохраняло от крайностей или, по меньшей мере, освобождало рано или поздно от их господства. Остается спросить, как под всеми этими влияниями, среди всех этих спорящих начал окончательно сложилась личность мыслителя, как определились для него задачи науки, к чему направилась и чего достигла его личная работа?

Помимо отдельных мест в сочинениях, лекциях, переписке, можно воспользоваться тремя главными источниками для характеристики его основных взглядов: подробным конспектом введения к курсу всеобщей истории, который Грановский составил перед тем, как начать чтения в университете в 1839 году; конспект этот пополняется студенческими записями — и то, и другое пока не издано⁹⁵. Затем, на акте 1852 г., произнесена была речь о современном состоянии и значении всеобщей истории⁹⁶. Наконец, составляя в 50-х годах учебник по своему предмету, Грановский предпослал ему введение, которое вкратце резюмирует его взгляды⁹⁷. Между этими тремя характеристиками есть разница в подробностях, главные идеи остались те же.

Грановский ищет закона и порядка в колоссальной массе фактов, переданных историей. Что в ней важно и что неважно? Всего знать нельзя и не стоит. Какие мерилы можно установить для выбора и оценки? XVIII век подбирал факты с точки зрения их непосредственной пользы для человека. Но что такое польза? То, что полезно для одного, может быть вредно для другого. То, что полезно для многих, может быть вредно для массы; то, что полезно для ума, может быть вредно для сердца; то, что полезно для одного поколения, вредно для другого. Очевидно, нельзя свести историю на сообщение о бесспорных открытиях, изобретениях, частных усовершенствованиях. Не лучше мерило влияния, которое предлагали другие представители XVIII века. В руках замечательного ученого — Шлецера⁹⁸ — это мерило обращалось на оценку чисто материального давления человеческих обществ. Измерение площади государств и численности населения приобретало первостепенную важность. Чингисхан⁹⁹ и Та-

мерлан¹⁰⁰ становились по своей силе разрушения высшими деятелями истории, маленькие Афины затерялись в ничтожном уголке Балканского полуострова.

Не было недостатка в попытках выйти из таких грубых определений, поставить начала полезности и влияния более косвенным и тонким образом. Уже древние занимались так называемую прагматическую историю, стремились подвести причинное объяснение для отдельных фактов и полагали пользу истории в том, что своим восхождением от следствий к причинам она научит политических деятелей влиять на причины, чтобы произвести следствия. В действительности эта прагматическая литература всегда грешила двумя капитальными недостатками: во-первых, при постоянном изменении исторических комбинаций никак не удавалось установить непосредственного перехода от анализа прошедшего к обработке настоящего; во-вторых, сам анализ прошедшего сводился к определению мелких условий, второстепенных влияний, случайных вмешательств; в нем не выдвигались элементы постоянные и потому главные, объединяющие.

Средневековое церковное понимание первое выдвинуло могучую объединяющую идею, которая тотчас организовала исторические сведения. Средневековая церковь, начиная с Августина¹⁰¹, поняла историю как взаимодействие двух сил — греховной человеческой природы, которая влечет светскую жизнь человечества к неудержимому упадку, и божественной благодати, которая через посредство церкви подготавливает спасение избранных в Граде Божиим. Новая история отказалась от такого понимания. За немногими исключениями, ее мыслители уповают, что природа человека имеет в себе залог и возможность совершенствования, что самая земная жизнь человечества не обречена на роковое разложение. XVIII век в лице Лессинга¹⁰², Гердера¹⁰³, Кондорсе¹⁰⁴ выразил горячую веру в прогресс¹⁰⁵. История была понята как воспитание рода человеческого, а не как его развращение. Идея прогресса оказалась благотворным, спасительным заветом, способным воодушевить людей, дать им силу в борьбе со злоключениями жизни или бедствиями времени. Кондорсе исповедовал эту светлую веру в тюрьме, приговариваясь умереть, — он одержал духовную победу над жалкими случайностями людского существования.

Идея прогресса является первою основой исторического мирозерцания. Под ее влиянием история распадается на всемирную и на всеобщую. Всемирная обнимает все народы, захватывает весь этнографический материал. Всеобщая выделяет то, что вошло вклада

дом в человеческую культуру, описывает и объясняет прогрессивное движение человечества. Но как совершается это движение? Очевидно, не по прямой линии и даже не под теми правильными углами, которые предполагала диалектика Гегеля. Поступательное шествие обуславливается тем, что идет вперед не единый народ, а сменяющие друг друга путники. Идея прогресса осложняется идеей органического развития. Каждый народ принимает участие в шествии, вступает в него в юности, проходит свою дорогу, в период роста и образования вырабатывает более или менее своеобразным и односторонним образом свои цели и идеи, мало-помалу костенеет в них, останавливается, опускается и уступает место более свежим деятелям. Путь длинный и конца его не видно, но видно направление к свету, свободе и правде, и этого довольно для стремящихся. В чем же значение истории, всеобщей истории? Она не научит разрешить сегодняшнюю задачу и предотвратить завтрашнего несчастья. Но она покажет, что в длинной веренице есть смысл, единый и благодетельный, и что потому стоит жить, стоять биться над задачами, претерпевать несчастья. Пусть попробуют образованные, снабженные всеми средствами люди воспитать в себе дух Кондорсе. Пусть помнят они, что история есть великая воспитательница человечества и что отдельный человек не имеет лучшего средства усвоить себе результатов этого воспитания, как продумав и прочувствовав последовательность его развития. Много поколений прошло к великому кладбищу истории, — они изведали и радость жизни, и бремя труда, и муку смерти, и надежду бессмертия. Завещали они и нам, своим потомкам, стремиться к добру и бороться со злом и оставили нам на помощь лучшее, бессмертное, что сами выстрадали. Но чтобы принять завещанное, мало протянуть руку к готовым результатам, перенять открытия, сноровки, сведения. Нравственной силой становится завещанное только для тех, кто вник в самый процесс борьбы. Нельзя стать культурным человеком, не овладев так или иначе историей. И если бы она занимала свое истинное место в образовании юношества и общества, культура стояла бы тверже — не подвергались бы постоянно вопросу самые ценные и бесспорные ее приобретения.

Так выяснялась для Грановского руководящая идея его занятий — идея всеобщей истории. Самая постановка задачи до некоторой степени определяла методы изучения и изложения. Мало привлекал анализ исторических явлений. Грановский не пренебрегал критикой источников, толкованием актов, разъединением условий исторической жизни для более удобного изучения их порознь. Но все это имело для него второстепенное и подготовительное значение. Он избегал слож-

ных аргументаций, не любил резко проведенных разделений, восставал против чисто логических схем, в том числе и против гегелевской. Может быть, самую слабую его работой была магистерская диссертация об Иомсбурге¹⁰⁶, в которой он взялся за мало свойственную ему роль аналитика, представил в угоду ученому цеху ряд соображений о подлинных и ложных элементах предания и в конце концов не вытерпел — вставил длинную живописную сагу о норманнских набегах.

Другая его работа — о родовом быте у германцев¹⁰⁷ — также характерная: он выставляет ряд положений по спорному вопросу об отношениях между родом и сельскою общиной, выставляет для ученых и в специальном журнале, принимая во внимание специальную аргументацию Эйхгорна, Вайца¹⁰⁸, Зибеля¹⁰⁹. Точка зрения выбрана очень удачно, основные взгляды определены с большою осторожностью, знанием дела, чувством меры. Но ученый аппарат сведен к минимуму и потому статья более возбуждает мысль, чем доказывает ее.

Истинная сила Грановского заключалась в историческом синтезе, в способности сводить разрозненные и разнохарактерные факты в одно целое, указывать взаимодействие, зависимость. Эта драгоценная его способность нужна для истории не менее, нежели сила анализа; нужна она, в сущности, и в других науках, хотя в основе эта способность художественная, поэтическая. Нельзя ни в каком знании обойтись одним логическим процессом. Самые замечательные открытия делаются чутьем или отгадыванием, за которым уже впоследствии следует логическое оправдание. Особенно велика область художественного творчества в истории, потому что она охватывает все формы жизни в прошедшем и главною своею задачей ставит не характеристику отдельных сторон хозяйств, права, литературы, науки, религии — порознь, а изображение сложного взаимодействия, так называемой *жизни*. И вот именно чувством жизни и умением раскрыть ее другим обладал Грановский в редкой степени. Нельзя сказать про его курсы и статьи, посвящены ли они внешней или внутренней истории, учреждениям или идеям, материальным условиям или духовному процессу. Они посвящены историческому взаимодействию всех этих факторов и сторон.

В связи с этим его особенно интересовали переходные эпохи, когда совершается смена старого новым, когда приближается крушение давнего, когда-то славного и плодотворного порядка и обрисовывается уже физиономия нового, молодого строя. Конец Римской империи и выступление на историческую сцену христианства и варваров, крестовые походы как переходное время от феодальной и рыцарской культуры к новой — промышленной, государственной, гумани-

стической, XV век и Реформация — зарождение новой Европы, — вот сюжеты, на которых он останавливался с особенною любовью. Здесь была богатая пища и его таланту рассказчика, его умению создавать образы живые и многозначительные; в драматическом переломе борьбы находило удовлетворение его поэтическое чувство; его волновал контраст мировых идей и трагическая судьба лиц и народов, которым приходилось их представлять и вынашивать; в этих эпохах, наконец, всего заметнее слышался шаг всеобщей истории, ее движение от одной культурной формы к другой, более совершенной.

Грановский был именно создан для всеобщей истории. В его руках эта наука была не трудолюбивою компиляцией чужих мыслей, как у Вебера¹¹⁰ или Беккера¹¹¹, не беспощадным судоразбирательством, как у Шлоссера¹¹², не искусственным выделением международных явлений, как у гениального Ранке, не обширным введением к современности, как будет у Лависса и Рамбо¹¹³. Любопытно, что именно русский историк проявил необыкновенное дарование в этой области — любопытно и естественно. Не будет парадоксом сказать, что именно всеобщая история должна быть русскою наукой. Русские имеют еще менее права уединяться в своей отдельной национальной культуре, нежели англичане, французы или немцы, на которых, впрочем, такое уединение действует достаточно вредно. С другой стороны, если русским нужна и близка вся общая гражданственность человечества, то им нет основания связывать себя изучением одной какой-либо отрасли или нации. Грановский всегда так и смотрел на дело и при своем из ряда вон выходящем таланте усвоил и передавал всеобщую культурную историю как никто из иностранцев.

Но, к сожалению, на нем сказались и другие, менее благоприятные условия русской жизни. Вебер, Шлоссер, Беккер написали всеобщие истории, Лависс и Рамбо, наверное свою напишут¹¹⁴. Грановский не написал, не напечатал, не закрепил свое изложение. Перед нами остались обломки, положим, обломки благородные. По поводу какой-нибудь бесцветной книжки, какой-нибудь диссертации Медовикова¹¹⁵ о латинских императорах Грановский написал классические страницы о Византии в эпоху крестовых походов¹¹⁶. Разбор сочинения Шмидта по истории Римской империи обращался в красноречивую характеристику культурного брожения перед принятием христианства¹¹⁷. Публичная лекция о Людовике IX¹¹⁸ может поспорить с лучшими произведениями французской литературы по изяществу, продуманности, многозначительности данного в ней изображения¹¹⁹. И все-таки это обломки, которые тем более заставляют жалеть о несделанном и недоконченном. Краткий срок был дан Грановскому

для его славы и дела: 42 года прожил он, 16 лет преподавал в Московском университете. Много пришлось ему бороться с собой, со своею страстною натурой, с неудовлетворенною жаждой деятельности, практической борьбы. Часто посещала его тяжелая тоска, сознание беспомощности, отвращение к себе и к своему положению. Человек тонкой чувствительности, самостоятельного характера, выше всего ставивший право и человеческое достоинство, должен был быстро израсходоваться в тесной политической обстановке, предшествовавшей великим реформам Александра II¹²⁰. В последние годы он чувствовал усиленный запрос на деятельность, внутренне оживал вместе с русским обществом, мечтал и подготовлял обширные работы. И тут его взяла смерть.

Нужно ли строить предположения о том, что бы он написал и сделал в освободительные годы? У нас есть более благодарная задача. Грановский не напечатал ни всеобщей истории, ни очерка переходных эпох. Но он 16 лет преподавал и оставил этим преподаванием глубокий след в истории русской мысли. Мы старались разобрать, в чем состояли его исторические идеи; нам остается коснуться их приложения в живом влиянии на людей в университете, в Москве, в России.

Московский университет 30-х годов представлял довольно безотрадное зрелище, в особенности по отделу гуманитарных наук. Историю читали Каченовский¹²¹ и Погодин. Первый совершенно устарел и сбился с толку. Его лекции описывает Юрий Федорович Самарин: «Каченовский в это время до того состарился, что не был в состоянии прочесть о чем бы то ни было лекции для слушателей своих; он читал про себя, над развернутою книгой, горячо спорил с автором ее, бранил его, одобрял, улыбался ему, но о чем трактовала книга, что нравилось или не нравилось профессору — все это для нас оставалось тайной»¹²². Погодин был человек знающий, умный и хитрый, но полудиккий, без всякого чувства достоинства, с весьма сомнительными нравственными взглядами. Особенно некстати было то, что он читал и всеобщую историю. Пока он следовал изложению Герена¹²³, дело еще шло, но он пробовал и отделиться от него, и тогда происходило нечто совершенно несообразное.

Зато сороковые годы были не бедны замечательными людьми. В Москве собралось в это время блестящее общество, которому подобного нельзя было отыскать и в великих западных центрах. Киреевский, Хомяков, Константин Аксаков, Юрий Самарин, Герцен, Крюков¹²⁴, Кавелин¹²⁵, Соловьев¹²⁶, Леонтьев¹²⁷, Кудрявцев¹²⁸ и другие представляли самые разнообразные оттенки мнений, но все были люди отборные. И между ними перед общественным мнением,

по крайней мере, первое место занял Грановский. Он был обязан таким положением не учености, не глубокомыслию, не своеобразности взглядов, а в значительной степени своему нравственному складу, который просвечивал в его статьях и еще более в его преподавании. Его любили слушать, потому что в его речи сказывался весь человек.

Нам трудно теперь составить себе понятие об этом обаянии. Остались студенческие записи его курсов, несовершенные, отрывочные, как большая часть таких записей. При просмотре их особенно поражает простота плана, отсутствие исконных эффектов, обстоятельность и добросовестность, с которой лектор касается всего существенного. Не видно никакого желания прикрасить предмет для аудитории. Нет намеков, эпохи взяты обыкновенно отдаленные от действительности. Автор, впрочем, нисколько не скрывает своих симпатий. Рыцарство и рыцарская честь, конечно, получают прочувствованную оценку в словах человека, который сам был рыцарем в лучшем смысле этого слова. Низшие классы, обремененные трудом и заклеянные презрением «лучших людей», везде вызывают глубокое сострадание. «В XII столетии монахи монастыря св. Германа вытребовали дозволение своим крепостным людям выходить на поединки с людьми какого бы то ни было сословия. В первый раз раб, несчастный раб был поставлен наравне с другими». Покаяние Генриха II Английского¹²⁹ у праха Бекета¹³⁰ является удовлетворением духовного права со стороны внешнего могущества. «Это было смирение грубой, материальной силы перед мужеством идей, которых носительницей была церковь в средние века. Сколько пути надо было пройти Генриху от того времени, когда он вырывал своими руками глаза у пажей, до того времени, когда он позволял себя бичевать перед телом Фомы. Церковь смягчила и укротила этого зверя». С особенным вниманием останавливался лектор на подвигах просветителей народа. Эпоху Карла Великого¹³¹ он считал самым великим временем в истории. Альфред Великий¹³² занимает чуть не главное место в публичном курсе 1845 года.

О внешней форме лекций и об ораторском даре преподавателя дают некоторые понятия 4 напечатанные лекции 1851 года. Форма классическая, единственная по соединению простоты и меры с гибкостью, образностью и силою. Странно далее подумать, что Грановского упрекали во фразе. До нас не дошло ни единого его слова, которое было бы сказано ради звона, и это решает дело: фразер не скрылся бы от потомства. Он всегда себя выдаст, потому что не знает цены словам и тратит их охотно. Это мы легко можем сообразить и теперь. Но что нам совершенно недоступно, это неотразимое впечатление

живой речи, ее таинственная, волнующая вибрация, наслаждение публики, присутствовавшей при импровизации, к которой не подходит шаблонный эпитет — блестящей, потому что дело было не в блеске отдельных периодов или сравнений, а в классической законченности и музыкальной гармонии всей речи. Единственное средство приблизить к себе те впечатления, это спросить хорошего ценителя тех времен, человека, который сам и умел сравнивать. Вот что говорил о Грановском как человеке и ораторе Сергей Михайлович Соловьев, по сообщению лица, близкого к знаменитому историку России. Он сравнивал Грановского с другим замечательным профессором, с Крюковым, который читал древнюю историю и словесность. Между талантом Крюкова и талантом Грановского такая же большая разница, как и между их наружностью: Крюков имел чисто великороссийскую физиономию, круглое полное лицо, белый цвет кожи, светлорусые волосы, светло-карие глаза; талант его более поражал с внешней стороны, поражал музыкальностью голоса, изящною обработкой речи; к нему как нельзя более шло прилагательное *elegantissimus*¹³³, как студенты его величали; но при этой элегантности, щегольстве в нем самом, в его речи, в чтении было что-то холодное; его речь производила впечатление, какое производит художественное изваяние. Грановский имел малороссийскую южную физиономию, необыкновенная красота его производила сильное впечатление не на одних женщин, но и на мужчин. Грановский своею наружностью всего лучше доказывает, что красота есть завидный дар, очень много помогающий человеку в жизни. Он имел смуглую кожу, длинные черные волосы, черные, огненные, глубоко смотрящие глаза. Он не мог, подобно Крюкову, похвастать внешнею изящностью своей речи: он говорил очень тихо, требовал напряженного внимания, заикался, глотал слова; но внешние недостатки исчезали пред внутренними достоинствами речи, пред внутреннею силой и теплотой, которые давали жизнь историческим лицам и событиям и приковывали внимание слушателей к этим живым, превосходно очерченным лицам и событиям. Если изложение Крюкова производило впечатление, которое производят изящные изваяния, то изложение Грановского можно сравнить с изящною картиной, которая дышит теплом, где все фигуры ярко расцвечены, дышат, действуют перед вами. И в общественной жизни между этими двумя людьми замечалось тоже различие: оба были благородные люди, превосходные товарищи; но Крюков мог внушать большое уважение к себе, только не внушая сильной сердечной привязанности, ибо в нем было что-то холодное, сдерживающее; в Грановском же была неотразимая притягательная сила, которая со-

бирала около него многочисленную семью молодых и немолодых людей, но, что всего важнее, людей порядочных, ибо с уверенностью можно сказать, что тот, кто был врагом Грановского, любил отзываться о нем дурно, был человек дурной.

Положение такого преподавателя в университете было и блестящее, и трудное. Все взоры обращались к нему. Не только его лекции, но и его поступки задавали тон, проверялись и обсуждались всем университетом. Но Грановскому нечего было бояться этой требовательности. Он был чист и честен и если вредил кому, так только себе. Студенты молились на него и порядочно мешали своему кумиру. Он был нарасхват, целые дни проводил в разговорах, совещаниях по всевозможным вопросам. Это, может быть, было и неудобно, и тягостно, но Грановский не умел отказывать. Зато у него и образовалась со студенчеством связь не только умственная, но и нравственная. В биографии приведено трогательное место из письма 1855 года, последнего года. Грановский ехал из деревни в Москву полный тяжелых впечатлений несчастной крымской кампании и раскрытого ею общественного распада. По дороге он встретил нижегородское ополчение и говорил с офицерами. Бывшие студенты горячо его приветствовали, говорили, что память о нем живо сохранилась в них, что она и в настоящее время одушевляла и поддерживала их в решимости служить Отечеству. Он писал жене: «Я сам видел (по дороге сюда) нижегородское ополчение и толковал с офицерами. Между ними очень много бывших студентов. Вот что сказал мне один из них, Х-ъ: „Ни один из проживающих в Нижегородской губернии воспитанников Московского университета не уклонился от выборов. Мы все пошли. Зато другие над нами смеялись“. Я гордился в эту минуту званием московского профессора»*.

Понятно, что этот «московский профессор» и среди товарищей стремился поддерживать чувства достоинства и высокого призвания. Он смотрел на университетскую корпорацию отчасти теми глазами, какими офицеры смотрят на свой полк. Честь университета едва не заставила его выйти в отставку в 1848 году. Один из ближайших к Грановскому людей и из самых даровитых преподавателей университета оказался взяточником и вообще запятнал себя низкими поступками. Редкин¹³⁴, Кавелин и Грановский объявили, что не будут служить с ним, и подали в отставку. Редкина и Кавелина так и лишился университет. Что касается Грановского, то начальство удержало его на службе, и притом связав его честью. Ему было поставле-

* Биография, стр. 293.

но на вид, что он не отслужил еще за командировку, которою пользовался в конце 30-х годов. Если в данном случае Грановский поставил на карту свое положение, то характерно, что он и не думал об отставке в печальные годы, следовавшие за «февральской революцией». Это движение отозвалось в России целым рядом стеснений, из которых главные пали на университет. Известно, что число студентов было ограничено 300, что некоторые кафедры были закрыты. Общее положение обрисовывается, например, в истории, происшедшей с преподавателем философии в Московском университете, адъюнктом Катковым. Одной из мер для устранения вредных начал в университетах было истребование программ преподавания от профессоров. Между прочим, и адъюнкт Катков¹³⁵ подал программу по логике, психологии и истории философии. Программу эту рассматривал петербургский профессор философии Фишер¹³⁶, немец, и нашел ее не соответствующею началам истинного христианства. Факультет вступился за своего члена. «По единогласному мнению факультета, основанному на самом внимательном наблюдении за преподаванием г. Каткова, сей последний никогда не отступал как в началах своей науки, так и в подробном изложении ее от истин христианской религии и церкви и не заслужил ни малейшего упрека в этом отношении, но снискал совершенную похвалу, особенно же в отношении к тому духу, который распространял он между учениками своими и который засвидетельствован был и публично рассуждением студента Бессонова¹³⁷, прочтенным в присутствии его сиятельства г. бывшего министра народного просвещения С. С. Уварова¹³⁸ в 1848 году по предмету психологии»*. Это, однако, не помогло. Адъюнкт Катков вскоре подал прошение о том, чтобы его освободили от чтения по логике, психологии и истории философии. Кончилось тем, что он вышел из университета, а его курсы были переданы профессору богословия Терновскому¹³⁹, хотя тот всеми мерами старался отказаться от них. Чувства Грановского в это время понятны. «Есть от чего сойти с ума, — писал он. — Благо Белинскому, умершему вовремя»¹⁴⁰. Он, однако, считал себя обязанным оставаться на своем посту. И, странное дело, авторитет его был так велик, что как раз в это время ему удалось не только поддерживать на прежней высоте свое преподавание, но даже влиять на строгое начальство, отстаивать перед ним интересы университета. В 1850 г. ему даже было поручено министром составление учебника по всеобщей истории, в 1855 году он был избран и утвержден деканом словесного факультета.

* Архив историко-филологического факультета 1850 года, заседание 3 июня.

Говоря о значении Грановского как университетского деятеля, мы в то же время касаемся и его общественной роли. Университеты всегда были не только педагогическими и учеными учреждениями, но до некоторой степени и центрами общественной жизни, так как на них особенно сильно отражаются идеи, двигающие и волнующие общество. И никогда это свойство не было так заметно, как в Московском университете в 40–50-х годах. Особые условия тогдашнего русского строя давали университету значительное положение. Гласность почти не существовала, государственная деятельность имела чисто бюрократический характер, литература и журналистика стояли под строгой цензурой. Общество поэтому прислушивалось к голосу с кафедры гораздо более, чем стало делать впоследствии.

Но понятно, что университетскими делами и деятелями не исчерпывалось общественное движение того времени. Оно находило и другие своеобразные формы. Это было время кружков. Никогда в Москве столько не собирались и не спорили. Это обсуждение общих вопросов изо дня в день одними и теми же собеседниками наложило определенный отпечаток на сами теории и их выражения в литературе. Мало-помалу взгляды отшлифовывались, если можно так выразиться, приобретали правильность, диалектическое развитие и некоторую искусственность. Не было того разнообразия, беспорядочности, необработанности, которые поражают в наше время.

Всем известно, что главная борьба происходила между лагерями славянофилов и западников. Здесь не место входить в подробное изложение и критику этих теорий. Но мы не можем не коснуться общей их противоположности уже ввиду того, что Грановский вместе с Белинским и Герценом являлся главным оплотом западничества.

На поверхности спора лежал вопрос об усвоении Россией западной культуры. Но дело не состояло просто в том, что одни считали всякое усвоение полезным, а другие — вредным, что одни защищали древнюю Россию, а другие — новую. Разница сводилась не к таким грубым противоположностям, чтобы уяснить ее себе, надо прежде всего указать, что об теории были в целом ряде пунктов согласны друг с другом. Славянофилы, подобно западникам, допускали усвоение полезных приемов, знати, памятников литературы и искусства. Западники, подобно славянофилам, во многом упрекали новую Россию — и тем, и другим был не по сердцу петербургский бюрократический строй. И те, и другие, наконец, признавали по Гегелю возможность и необходимость исторической смены дряхлеющих народов более свежими и сильными. Но одни находили, что все основные культурные начала Россия должна искать в себе самой, что религи-

озный и политический материал достаточен для дальнейшего развития. Другие утверждали, что удовлетворяться этим материалом значит останавливаться на первоначальных ступенях развития, отказываться от западноевропейских идей значит отречься от великого наследия общего культурного развития, которое прошло через Западную Европу раньше, чем через Восточную, и потому должно быть усвоено Востоком с Запада. Одни восставали против всей практики петербургского периода и примирались с организацией правительственной власти, поскольку она перешла к петербургскому периоду от московского; другие горячо защищали дело Петра¹⁴¹ как культурное обновление и в то же время желали продолжения этого дела как политического обновления. Одни думали, что в преемственности великих народов не только найден наследник для дряхлеющего Запада — Россия, но что дряхлый Запад умер, гниет, и остается только вступить в наследство. Другие находили такое притязание очень преждевременным и советовали подождать, пока действительно заглохнет в Европе духовное творчество, а Россия обнаружит свою силу не только в предварительной работе государственного и хозяйственного строительства, но и в сфере высшей культуры, выдвинет новые и плодотворные идеи, создаст свои духовные памятники. И в сущности в глубине этих споров лежало коренное разномыслие в понимании основного принципа — культуры. Славянофилы имели в виду культуру народную, которая усваивается непосредственно большинством, широкие религиозные и политические обобщения, которые почти бессознательно вырастают в народе под влиянием его племенного предания, общего исторического и географического положения, форм труда, климата, наконец, начальной школы или проповеди. Эти формы действительно определились уже в древней России, и славянофилы считали прямо вредным подвергать их дальнейшим видоизменениям. Западники отталкивались от понятия культуры как сознательного творчества человечества. Дело великих мыслителей было для них не простою надставкой к общей жизни людей, а высшим ее выражением. Различая народы дикие и исторические, они различали дальше полусонную жизнь темного люда, беспомощного и несчастного от своей темноты, и сознательную самодеятельность людей, которые знают, какая великая сила человеческая мысль. Они видели в истории, как духовные приобретения немногих делались достоянием всех и как высшие идеи становились рычагом для улучшения в быте масс. Не будь высшей, идейной культуры, до сих пор существовало бы рабство. Ни один из этих идеалистов и в уме не имел отгородиться от массы, этим требованием высшей культуры создать

основание для умственной аристократии, для самодовольного господства меньшинства. Напротив, вся их деятельность была направлена на то, чтобы поднять массы до себя, дать им досуг и образованность, дать им личность.

Понятно, на какую сторону в этом споре должен был стать Грановский. «Многочисленная партия подняла в наше время знамя народных преданий и величает их выражением общего непогрешимого разума. Такое уважение к массе неубыточно. Довольствуясь созерцанием собственной красоты, эта теория не требует подвига. Но в основании своем она враждебна всякому развитию и общественному успеху. Массы, как природа или как скандинавский Тор¹⁴², бессмысленно жестоки и бессмысленно добродушны. Они коснеют под тяжестью исторических и естественных определений, от которых освобождается мыслью только отдельная личность. В этом разложении масс мыслью заключается процесс истории. Ее задача — нравственная, просвещенная, независимая от роковых определений личность и сообразное требованиям такой личности общество»*. Он не мог не быть западником. К этому вела не заграничная командировка и не занятие иностранным материалом, а все понимание истории, основной принцип этого понимания — идея всеобщей истории. Грановский признал, что существует некоторое общее историческое движение в отличие от всех частных, признал, что показателем этого движения служит прогрессивная выработка идей, признал, что каждый шаг вперед отправляется от предшествовавшего, признал, что в жизни народной это равносильно усвоению чужеземной культуры вступающим на смену народом. Практические приложения к России были очевидны. Необходимо было сделать западную цивилизацию своею, чтобы одолеть ее и пойти дальше. И Грановский был слишком взыскателен, чтобы ошибиться относительно того, в какой степени эта подготовительная работа пополнена. Он не видел еще в России той «новой науки», которую провозглашал Хомяков, возмущался, когда говорили о гражданском распадении Запада люди, сидевшие в грязи крепостного права.

Мы уже настолько отошли от этих споров, что можем попытаться взглянуть на них беспристрастно. Великою несправедливостью было бы признать заслуги и победы только за одними и презирать других. Увлечения были и на той, и на другой стороне, но в то же время и та, и другая стороны выражали своим спором борьбу двух широких мировоззрений. В известном смысле сталкивались философия

* Соч. II, стр. 220.

бессознательного и философия сознательности. А в жизни России и та, и другая партии сделали свое дело. Славянофилы первые обратили внимание на народ как целое, на его привычки и учреждения; с энергией и правдой отстаивали значение его «роковых определений» в противоположность попыткам как правительства, так и образованного общества; наконец, смело исповедовали самостоятельное значение религиозных идеалов, религиозной жизни. Главная сила западников была в их требовательности; они напоминали, что для справедливости и истины «несть Эллин и Иудей, раб и свобод»¹⁴³, не давали успокоиться на полдороге, требовали подвигов высшей духовной жизни, искали, прежде всего, гуманности.

Прежде всего человечность, — сказал Грановский, и за одно это слово о нем никогда не забудут в России. Высока была цель, велики препятствия, но несокрушима была вера в свой народ и силу добра.

Еще лежит на небе тень,
Еще далек прекрасный день,
Но благ Господь: Он знает срок,
Он вышлет утро на Восток¹⁴⁴.

РУССКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Группа так называемых славянофилов, возникшая в Москве примерно в середине девятнадцатого века, заслуживает внимания во многих отношениях. Ее приверженцы оказали значительное влияние на ход внутренних и внешних дел. Но, помимо этого, они обнаружили в своем отношении к проблемам их времени определенные склонности и привычки мысли, от которых едва ли можно отказаться даже сейчас. Я бы хотел сказать несколько слов об одном из этих интересных мыслителей — Константине Аксакове, наиболее замечательном представителе славянофильской концепции русского политического развития.

Имя Аксаковых хорошо известно. Я сомневаюсь, чтобы какое-либо другое имя стало столь характерным для славянофильства в Англии и вообще на Западе. Такую большую известность приобрел Иван Аксаков, председатель Славянского комитета в Москве¹⁴⁵. «Таймс» не опубликовала ни одной длинной телеграммы о какой-либо из речей, произнесенных его старшим братом Константином, и все же он был до некоторой степени более замечательной личностью из них двоих. Как в случае всех этих московских дворян мы должны принять во внимание семейные традиции. Аксаковы вышли из Оренбургской губернии, с дальнего востока европейской России. Их отец¹⁴⁶ был первоклассным писателем и имел весьма своеобразный характер. Он был великим спортсменом, страстным любителем театра и одним из наиболее гостеприимных людей в Москве, городе всегда и заслуженно известном замечательным гостеприимством. Он не проявлял какого бы то ни было интереса к политике и обольщался заблуждением, что он изменил своему призванию, когда стал чиновником и сельским помещиком вместо того, чтобы пойти на сцену. Только в конце жизни он обратился к описанию вещей, которые он знал лучше, чем кто-либо еще. В своих публикациях о рыболовстве и охоте на дичь¹⁴⁷ он предстал не просто как прекрасный спортсмен, но как любитель Природы, который знает, как сделать каждое слово в своих описаниях выразительным. Другой великий спортсмен, Тургенев¹⁴⁸, открыто выражал безграничное восхищение им: «Эту книгу нельзя читать без какого-то отрадного, ясного и полного ощущения, — говорит он, — подобного тем ощущениям, которые возбуждает в вас сама природа; а выше этой по-

хвалы мы никакой не знаем»¹⁴⁹. Аксаков превзошел все в двух книгах воспоминаний о тихой, патриархальной жизни его семьи в далекой губернии¹⁵⁰, из которой он приехал. Эта семейная хроника была переведена на французский и немецкий языки¹⁵¹, и она является классической, как простая, точная и жизненная картина провинциальной семьи в начале девятнадцатого века — ничего выдуманного, ничего скрытого — история, полная правды, простоты и, так сказать, благоухающая свежим бодрящим воздухом степного края. Биография Константина Аксакова поистине неразрывно связана с биографией его отца. Константин был вроде титана-идеалиста, совершенно не годного для чего-нибудь, кроме исследования. Он никогда не женился, никогда не пытался сделать карьеру, жил до сорокалетия в доме своего отца и сразу же потерял силы, когда его отец умер. Это была поучительная и исключительная история — это увядание человека, который выделялся как своим высоким духом, так и своей физической силой! Такой же фанатичной серьезностью пропитана литературная деятельность Константина: он не замечал многих вещей, он не воспринимал значение понятий, он просто отдал все свое сердце нескольким предметам своих занятий — ребенок и титан одновременно.

Главным делом Константина Аксакова стало выдвижение новых идей относительно русской истории. Он начал с того, что выступил против тех ученых, которые хотели сделать древнюю историю страны результатом родовой организации и развития, похожего на развитие кельтских кланов. Эта теория имела весомых сторонников в лице историка Соловьева и правоведа Кавелина. Казалось, что дискуссия обратилась к древним вопросам, но на деле это было не так. Аксаков доказывал, что в то время как род управляется вождем или старейшинами, основополагающим элементом русской истории с самых древних времен была община, управляемая демократическим собранием, на котором председательствует вождь. Такие общины он находил на различных ступенях русской политической организации — таких как сельская община, демократический совет или вече киевского периода и национальное представительство или Земский собор московского периода. И поэтому он искал редкие фрагменты свидетельств, подходящих для того, чтобы доказать, что народ был организован в демократические общины и вполне способен сделать свое мнение услышанным в политических делах.

В то же время Константин Аксаков отвергал всякое желание развивать республиканскую теорию. Он даже не хотел быть либералом в европейском смысле слова — он ненавидел любые такого рода призывы западников. Относительно России он открыл любопытную двойст-

венность принципов: с одной стороны — земля, с другой — государство. Земля состоит из общин и является общинной организацией самого народа, но она сама по себе не касается исключительно политических дел. Все, что касается права, принуждения, внешней власти, передано в руки государства, и в таких вопросах земля имеет только совещательный голос. Аксаков считал, что добровольное подчинение государству является отличительной чертой русской истории. Она начинается не с завоевания, а с призвания варяжских вождей русскими племенами. Нравственное единство народа существует помимо силы меча; оно зависит от убеждения, от братской любви. Но мир не может быть удовлетворен таким единством, это мир вражды, поэтому внешний порядок должен вмешаться, чтобы сделать единство совершенным — внешний порядок с его государственным управлением, его тюрьмами и солдатами. Русский народ поддерживает нравственное единство на высоком уровне, но не придает слишком большого значения правовым формальностям. Именно поэтому он удовлетворен политической организацией, которая сосредотачивается вокруг царя. Чем яснее и проще структура государственной власти, тем лучше. Со стороны народа не предпринимаются попытки вести государственные дела непосредственно им самим, это ошибка, характерная для европейского либерализма. Это романтическое представление русского развития не соответствовало реальному положению дел в николаевской России, и даже такой мечтатель, как Константин Аксаков, не мог ничего поделать, замечая этот факт. Его объяснение состояло в том, что современная Россия была направлена по ложной колее благодаря влиянию германских элементов, допущенных в течение петербургского периода. Аксаков никогда не переставал противопоставлять московское прошлое петербургскому прошлому и настоящему. Его надежды на будущее сосредотачивались в убеждении, что царь, исторический лидер народа, поймет основополагающий дуализм русской жизни и приведет проявления государственной власти в соответствие с устремлениями, происходящими из свободного самосознания нации.

Я обращаю внимание на эти взгляды не для того, чтобы защищать их. Они непрактичны и романтичны. Но в них есть зерно истины постольку, поскольку они признают значение, по крайней мере, двух аксиом русского развития — необходимости мощной центральной власти, способной удержать империю вместе, и жизненной важности общественного мнения, свободного от принуждения и формализма.

ПРОРОЧЕСКИЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Ход событий в современной России обращает нас все чаще и чаще к памятникам политической мысли и политической деятельности середины девятнадцатого столетия.

Так называемые московские славянофилы, которые были поистине русскими националистами, преисполненными чувством величия их народа и его призвания в мире, представляют особенно интересную галерею выдающихся личностей, выражающих многие тенденции, которые они сами вновь и вновь отстаивали самым решительным образом. У меня уже была возможность в последнее время рассказать об Иване Киреевском и о Константине Аксакове¹⁵², философе и историке этой группы. Сейчас я хотел бы описать кратко дела Юрия Самарина, величайшего государственного деятеля из славянофилов.

Когда официальные власти обратились за поддержкой интеллектуального класса во время периода реформ шестидесятых годов, московская группа выступила вперед, и интересно проследить, как теоретические споры подготовили ее к участию в управлении. Самарин был выдающимся представителем славянофильства в этом отношении.

Как и Киреевские, Хомяковы, Аксаковы, он принадлежал к этому замечательному классу русского дворянства, которому так долго принадлежало первенство как в умственных поисках, так и в социальной жизни. Его личное развитие было замечательно ранним. В возрасте двадцати лет он удивил французского либерала Могена¹⁵³ разнообразием своих знаний, ясностью и силой своих высказываний, решительностью своего характера. И последующие события показали, что он не был из числа тех блестящих и поверхностных людей, которые рано развиваются, но быстро истощают свои силы. Как раз напротив, он постоянно углублял и усиливал свой характер, и действительно может рассматриваться как яркий представитель политических способностей великой русской расы. Он стал выдающимся благодаря своей железной воле, четкости целей, неутомимой деятельности, благодаря своеобразию понимания, высокой культуре и литературным достоинствам. Он был красноречивым в выступлениях и публикациях, но его красноречие было отмечено особой печатью — оно заключа-

лось не в плавности или гладкости высказываний, которые так поражают, не в поэтическом вкусе и богатстве красок. Его манера напоминала прочный, острый клинок, который сверкает, так как сделан из блестящей, отполированной стали. Его идеи нельзя отделить от его биографии, и я дам краткую оценку того и другого.

Первое стремление молодого человека было направлено к деятельности ученого. Ему хотелось стать профессором Московского университета, игравшего ведущую роль в литературном движении. И он действительно начал заниматься, чтобы получить степень магистра, которая в России является первым шагом к профессорскому званию и для получения которой нужно сдать экзамен и подготовить исследование. Самарин получил степень на основании очень хорошей биографии Феофана Прокоповича, архиепископа времен Петра Великого. Выбор и трактовка предмета достаточно характерны: это исследование теологической жизни в России во время великого кризиса в ее истории, и автор изучает Прокоповича и Стефана Яворского¹⁵⁴, соперничающих иерархов этой эпохи, как представителей протестантской и католической тенденций в Русской церкви. Его собственная цель — поразить одного с помощью другого и превознести православие в его особом положении. Таким образом, эта книга не просто биография, она направлена на то, чтобы проанализировать догматические различия и поместить их в обстановку национальной истории. Влияние гегельянства сильно чувствуется, и Самарин сам упоминал об этом и других исследованиях своих ранних лет с добродушной иронией: «Построение русской истории по гегелевскому закону двойного отрицания занимает [...] первое место [в исследованиях этого времени]. [Молодой друг Константина Аксакова] трудился над сочинением, в котором доказывал, что Гегель, так сказать, угадал православную церковь и *a priori* поставил ее [...] одним из моментов [...] в логическом развитии абсолютного духа»¹⁵⁵.

Это было схоластической тренировкой, тем не менее и прогресс мысли Самарина вскоре вывел его за пределы искусственных концепций. Он без устали читал о религиозных предметах и обсуждал их, но он думал, довольно многозначительно, что период творческой теологии прошел и что просто необходимо объяснить то, что было сделано ранними отцами церкви. Римская католическая доктрина догматического развития вызывала у него в высшей степени отвращение, и он уверял, что великой целью являлось усиление личной стороны религии, чувства личной связи с Богом через Церковь. Его работа была прервана желанием его отца, чтобы он начал служебную карьеру. Во многом вопреки своим склонностям он вынужден был ос-

тавить мысль о преподавании в университете и переехать в Петербург, где он вступил в министерство юстиции. Петербург оказался ему совсем не по душе, как и следовало ожидать в случае с молодым человеком, только что покинувшим московские собрания, где каждая ночь приносила какой-нибудь спор по вопросам об основном начале и учении. Самарин нашел петербургское общество уставшим от жизни из-за иссушающей работы в канцеляриях и министерствах.

Он воспользовался первым случаем, чтобы покинуть столицу. В 1846 году его назначили в комиссию в Риге, целью которой было подготовить отчет о положении крестьян в Лифляндии и предложить необходимые изменения в аграрном устройстве, сложившемся в результате освобождения крестьян в 1819 году. Юрий Самарин, несмотря на то, что был всего лишь молодым секретарем комиссии, стал ее духовным лидером. Его работа в этот период просто удивительна, и она заложила основание большинства его убеждений и великих дел его жизни. Он составил длинный отчет об истории освобождения в Лифляндии, изучил вопрос во всех балтийских губерниях и в Пруссии, написал очерк об аграрном законодательстве Штейна¹⁵⁶ и Гарденберга¹⁵⁷, наметил вчерне основные выводы комиссии, к которой он был прикомандирован. Едва он закончил все это, как ему поручили изучить городское устройство Риги, работу, которой он посвятил себя с таким же усердием и исследовательским увлечением.

Результаты его наблюдений относительно балтийских губерний были по своему характеру поразительными и революционными. Он пришел к выводу, что немецкое население, составляющее маленький правящий и мыслящий класс в стране — фактически землевладельцы и купцы, — было стойко предано своим особым национальности и институтам, совершенно враждебным по отношению к какому-либо объединению с Россией и преисполненным пренебрежения и презрения к русской жизни. Представители правительства вместо того, чтобы бороться за единство государства, обычно становились на сторону баронов и бюргеров немецкого происхождения, отчасти потому что они рассматривали их как представляющих привилегированные классы, которые всегда должны поддерживать правительство, отчасти потому что балтийские немцы имели сильное влияние в Петербурге через своих членов в высших учреждениях и через свои придворные связи. Результатом являлось совершенно ненормальное положение вещей. Русские элементы были практически изгнаны из губерний; русский язык не признавался даже в официальной переписке, православная церковь вынуждена была играть унижительную роль рядом с лютеранским вероисповеданием, признанным *Landeskirche*¹⁵⁸, признан-

ная церковь в губерниях; огромное большинство населения, местные латыши и эсты, находились полностью в руках немецкого меньшинства, отрезанные насколько это было возможно от прямой связи с русским правительством и систематически трактуемые как подчиненная раса, единственная надежда которой на достижение прогресса заключается в присоединении к немецкой культуре. Социальные проявления этой балтийской автономии были столь же ненормальны, как и национальные проявления. Крепостные крестьяне были действительно освобождены в 1819 году, но их освобождение было только личным и таким, что явилось изменением к худшему, потому что они потеряли все свои земельные владения и опустились до положения зависимых работников. Земля была без привлечения всеобщего внимания признана исключительной собственностью немецкого землевладельца, и крестьянин вынужден был заключать сделку с ним, чтобы иметь право пользования хозяйством и лугом. На деле он был во власти барона, который стал хозяином не только земли, но и мирового суда и полиции. Самарин отметил все проявления этого курьезного *ancien régime*¹⁵⁹, созданного и защищаемого на почве превосходства немецкой культуры. Он подготовил записку с оценкой этих фактов и в то же время с обвинением официальных властей этих губерний. Она ходила в рукописи в Петербурге и в Москве. Непосредственным результатом стало то, что молодой чиновник был вызван в Петербург и заключен в тюрьму как политический преступник. Однако он находился там только две недели. Император Николай¹⁶⁰ вызвал его на аудиенцию. Встреча произвела на Самарина глубокое впечатление. Несмотря ни на что, император был очень любезен с ним, хотя он открыто заявил, что оскорблен случившимся.

«Понимаете ли Вы, в чем Вы виноваты? — спросил он. — Вы были посланы с поручением от Вашего начальника [...]; но рядом с этим Вы вели записи и вносили в них свои суждения о предметах, которые до Вас не касаются. [...] Вы составили [...] книгу и сообщили ее своим близким знакомым. [...] Это уже было преступление против служебных обязанностей Ваших [...]. Вы хотите принуждением, силой сделать из немцев русских, с мечом в руках как Магомет [...]. Мы должны любовью и кротостью привлечь к себе немцев. [...] Ваша книга [...] стремится подорвать доверие к правительству и связь его с народом, обвиняя правительство в том, что оно национальные интересы русского народа приносит в жертву немцам.

[...] Я хотел узнать, не ожесточились ли Вы, [...] что у Вас доброе сердце; я не ошибся. [...] Теперь это дело конченное. Помиримся и обнимемся»¹⁶¹.

Можно предположить, что Самарин не возражал царю настойчиво и что он был счастлив, что отделался так легко. Однако он не был переубежден, и мы увидим, что он вновь вернулся на свои позиции, как только обстоятельства позволили это.

В это время он оставил службу, вернулся в Москву, присоединился к кружку своих друзей славянофилов и написал ряд журнальных статей в защиту своего учения. Мы находим его, упрекающим западников в бессердечии по отношению к бедным людям из низшего класса: «Они нужны вам только в дни суровых испытаний». Он обсуждает относительные достоинства индивидуализма, представленного в истории германских народов, и духа общины, который пропитывает прошлое славянских народов. Одна идея повторяется постоянно, а именно то, что в эволюции человечества славяне намерены оставить свой след, оказав содействие принципу общины. Он замечает, как общественное мнение на Западе начинает отвергать эгоистическую политику *laissez faire, laissez passer*¹⁶², как революционное движение становится угрозой европейскому обществу, потому что низшие классы не считают существующий общественный порядок ни справедливым, ни выгодным, как сами правительства начинают допускать в свои программы определенные положения социалистической доктрины. И он приходит к выводу: европейская жизнь ищет то, что мы уже имеем. Наша история сохранила общинное устройство крестьянства, и это устройство усилено религиозной организацией народа, которая так же основана на понятии братства. Этот общинный принцип, возможно, еще существует в какой-то степени среди западных наций, но они необдуманно отказались от него, в то время как русские оказались способны сохранить и развить его сознательно.

Изучение Самариным крестьянской общины не было просто пустым разговором, но основывалось на глубоком знании сельской жизни и на выводах, сделанных из различия между русскими и балтийскими работниками. Несмотря на крепостное положение первых, они были в лучших условиях, чем последние, потому что они были собраны в сельские корпорации и наделены землей. Все эти исследования и теории стали очень важны, когда крушение николаевского режима привело к реформам. Самарину принадлежит слава служения своей стране с неутомимым усердием, всесторонним знанием и прозорливой предусмотрительностью в великой работе освобождения. Он был во всех значительных комиссиях конца 50-х — начала 60-х годов. Он всемерно содействовал успеху политики, которая защитила земельные интересы крестьянства и оградила их новую свободу путем усиления общинной организации. Я не могу сказать

больше, поскольку мне пришлось бы входить во все детали мер, связанных с социальным возрождением России, но даже общий намек на его работу в это время может быть полезным.

Приобретенный опыт вскоре оказался полезным в другой области и в совершенно иных условиях. То же крушение николаевского режима, которое породило реформаторское движение в России, привело к революции в Польше. Поляки не хотели смириться с тем, чтобы оставаться разорванными и зависимыми от трех держав, разделивших их страну. Отношение Франции и Англии давало им некоторую надежду на иностранную помощь. Даже среди русских либералов они встретили много симпатии. Но когда пришло время для действия, оказалось, что сами поляки далеко не одинаково думали и раскололись на Белую и Красную партии, представляющие консервативные и радикальные принципы. Европейские доброжелатели не пошли дальше того, чтобы посылать протесты, вызывавшие раздражение России, поскольку они были лишены практического смысла. И в России угрожающее западной границе движение вызвало взрыв национального чувства и сосредоточение народа вокруг царя, чтобы встретить все возможные случайности. Самарин восхищался мужеством и отчаянным патриотизмом поляков, он отзывался о них: «Современные поляки — высокотрагическое явление»¹⁶³, но он не сомневался ни на минуту относительно его и каждого русского обязанности в данном случае. Он подготовил набросок адреса царю от имени дворянства его губернии, в котором он категорически заявил о решимости отстоять национальное дело, если понадобится, в борьбе со всей Европой. Когда реальная борьба подошла к концу, правительство вынуждено было обратить свои мысли к трудной работе переустройства страны, и оно пошло привычным путем, назначив для этой цели комиссию, составленную главным образом из людей, которые зарекомендовали себя как лидеры общественного мнения, а не как бюрократы. Во главе ее был Николай Милютин¹⁶⁴, статс-секретарь и один из решительных проводников крестьянского освобождения, но человек нелюбимый и третируемый придворными кругами. Его главными помощниками были Юрий Самарин, князь Черкасский¹⁶⁵ и А. Кошелев, все в это время не связанные с официальной службой и представители московского славянофильского направления.

Условия были довольно трудными, особенно для людей, которые не верили в простое усмирение, а хотели сделать какое-нибудь реальное дело. Их ведущая идея заключалась в том, что неприязнь к русскому правительству и постоянные вспышки восстания происходили из высших классов, тогда как польское крестьянство являлось сопро-

тивляющейся им стороной и на самом деле хорошо расположенным к правительству как средству защиты от панов, больших и мелких землевладельцев, которые обращались с ним даже намного хуже, чем русские помещики привыкли обращаться со своими крепостными. Поэтому правильная политика совпадала с требованиями социальной справедливости. Необходимо было освободить крестьянство, наделить его землей и организовать в общины в какой-то мере по русскому образцу для того, чтобы оно могло сохраниться в будущей конкурентной борьбе. Это означало бы создание широкой и прочной основы для русского влияния в Польше. Эта точка зрения, хотя и преувеличивала антагонизм между классами польского народа и была слишком оптимистична относительно завоевания симпатий крестьян, являлась тем не менее сильной концепцией и могла дать значительные результаты, если бы реформаторам позволили не только начать воплощать ее на практике, но и следить за ее дальнейшим развитием. Во всяком случае, действие Милютина и его коллег было во многих отношениях революционным, но их не пугали слова и сопротивление русских придворных, которые представляли их настоящими якобинцами. Они не получили официальной признательности, но они и не стремились к этому, и их работа, во всяком случае, была важным вкладом в социальное развитие русской Польши.

Элементом, который нелегко было искоренить и который противостоял русскому воздействию, было церковное влияние. Самарин сожалел об этой силе, которая во многом содействовала тому, чтобы изменить славянские особенности Польши и обратить ее переловые позиции против православной славянской державы. В то время было уже поздно предпринимать что-либо подобное активной пропаганде против католицизма, но сильное чувство, направленное против римского клерикализма, нашло свое выражение в книге об иезуитах, которая была написана после возвращения Самарина из Польши. В ней подробно исследуются моральные доктрины иезуитов казуистов и прослеживается связь между ними и общей политикой Римской церкви.

Тот же польский опыт еще раз указал Самарину на первостепенную важность балтийского вопроса. В 1869 году он начал публикацию своей наиболее известной книги «Окраины России». В появившихся томах балтийские проблемы обсуждаются в том же духе, которым диктовались его ранние работы в 40-е годы.

«Мы сохранили все, но потеряли Польшу из-за правительственной политики, которая упускает из виду реальную трудность положения

и обращает внимание лишь на слова, которая не проявляет сочувствия к союзникам России, потому что они крестьяне, и следует указаниям врагов, потому что они дворяне, священники и купцы. Правительство всячески старается подготовить немецкую аннексию балтийских губерний политикой подчинения немецкому меньшинству. В то же время единственно правильную политическую линию в этих краях не трудно найти. Россия должна сделать друзьями местное большинство латышей и эстов, должна защитить и действительно помочь им в аграрном вопросе, должна открыть дорогу православной пропаганде, где это возможно, честными средствами. Ненормальное положение губерний, управляемых в значительной степени на средневековой основе, предоставляет наиболее прочную почву для возрождения права и порядка. Россия только должна взять на себя задачу энергичной, бескорыстной и справедливой реформы»¹⁶⁶.

Самарин прожил недостаточно долгую жизнь, чтобы завершить жестокую войну, которую он вел против германизма на Балтике. Он скончался после непродолжительной болезни в Берлине в 1875 году. Характерно, что его последняя работа вновь была посвящена религии. По просьбе немецких друзей, которых у него было много, он написал очень интересный очерк о теории религиозного развития Макса Мюллера¹⁶⁷, которая его глубоко заинтересовала. Его главное возражение состояло в том, что основная идея религии трактовалась, как казалось ему, как абстракция, тогда как личный элемент, связь человека с личным Богом, является главным чувством, из которого проистекают все религии.

Это неслучайное выражение мнения — одно из *obiter dicta*¹⁶⁸, сказанных умному человеку его обширным чтением. Сама суть понимания Самариним жизни и политики как части жизни, проявляется в этом ревностном обращении к личному, справедливому и деятельному Богу. У человеческого стремления к свободе и справедливости нет основания, если Божественное Провидение не является источником свободы и справедливости. Почему соединение химических элементов должно стремиться к справедливости? — в этом заключалась суть известного письма к Герцену, лидеру радикалов-материалистов в России. Когда в дни его молодости он вел духовную борьбу с сомнениями, постоянно преследующими его рассудок, он с горечью признавался Константину Аксакову (1843): «Безделицу мы вычеркнули из нашей жизни: Провидение. И после этого может быть легко и спокойно на сердце?»¹⁶⁹

Незадолго перед смертью (1872) он написал своему верному другу, баронессе Раден¹⁷⁰, слова, которые объясняют, почему, вопреки об-

разованию и культуре, он готов склонить свою гордую голову перед по-детски наивной верой крестьянина.

«Что за мистерия религиозная жизнь такого народа, как наш, неграмотный и предоставленный самому себе! Наши священники не учат; они просто совершают богослужение и выполняют обряды. Для неграмотного человека Евангелия не существует, и единственной связью, остающейся между церковью и верующими, являются обряды и несколько молитв, передаваемых от отца к сыну. И следует добавить, что народ даже не понимает языка церкви; даже «Отче наш» повторяется с такими пропусками и дополнениями, которые лишают ее смысла. И все же во всех этих темных душах существует где-то, как в Афинах, алтарь, посвященный неведомому Богу. Для них всех реальное присутствие Провидения является до такой степени бесспорным фактом, принимаемым как должное, что когда приходит смерть, люди, которым никто не говорил о Боге, распаивают ворота и приветствуют пришельца как знакомого и желанного гостя; „Они отдают Богу душу“ в буквальном смысле слова»¹⁷¹.

Теологические сочинения таких славянофилов, как А. Хомяков и Юрий Самарин, нелегко читать в наши дни; они устремлены более или менее сознательно к конфессиональной ортодоксии, и они полны диалектических упражнений. Но эти люди почитали Слово Вселенной не своими устами, но своими сердцами. Когда в пасхальную ночь они слушали первую главу Евангелия от Иоанна, мистическое послание «Слово было Бог»¹⁷² имело для них реальное значение.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ВОПРОС И ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

УЧЕБНОЕ ДЕЛО В НАШИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Если что-либо должно быть бесспорным в России, так это истина, что путь к благосостоянию и могуществу открывает народам просвещение: чтобы действовать, надо знать и уметь. Для нашей новейшей истории необходимость нагнать в этом отношении западных соседей сделалась со времен Петра Великого руководящим заветом. Тем печальнее, что на этом безусловно указанном нам пути мы встречаемся не только с колоссальными препятствиями, воздвигаемыми громадностью пространства при малочисленности населения, скудостью материальных средств, отсталостью, но наталкиваемся, кроме того, на затруднения, созданные нами самими — невыясненностью наших образовательных программ, шаткостью мнений, неудовлетворительною организацией учреждений. Нельзя не признать национальным несчастьем, что до сих пор мы стоим перед «университетским вопросом»; что несмотря на пять попыток в течение ста лет определить постановку высшего образования в стране, несмотря на уставы 1804-го и 1835 годов, изменения 1849-го, уставы 1863-го и 1884 годов, опять становится необходимым пересмотр самих основ университетского быта. А между тем от функционирования университета как центрального просветительного органа зависит жизненность всех остальных частей воспитательной системы страны: все общеобразовательные и специальные школы, все высшее, среднее и низшее преподавание, все профессии, поскольку они основаны на знании и умении, более или менее получают свое направление и жизненные импульсы от университета. Тревожная постановка университетского вопроса для общества — все равно, что диагноз порока сердца для больного.

Длительные недуги и часто повторяющиеся кризисы обыкновенно объясняются не каким-либо одним злокозненным влиянием, а, как говорится, «целым рядом» условий. Нетрудно увидеть, даже при самом беглом обзоре, что в нашем государстве и в нашем обществе есть многие укоренившиеся свойства, которые вносят противоречия

в жизнь университетов и затрудняют в России, более нежели где-либо, удовлетворительное разрешение университетского вопроса.

Наше правительство стяжало некогда свои лучшие лавры тою руководящей просветительной деятельностью, без которой не было бы современной России. Ясное сознание и твердая воля Петра, Екатерины¹⁷³, Александра II и других самодержцев прокладывали новые пути обществу, даже когда оно не понимало своих истинных нужд. В умах государей и наиболее славных их сподвижников при этом никогда не возникало опасения, что они своей просветительной работой подкапывают почву под собственными ногами: они чувствовали свою силу и видели ясно, что их путь к величию лежит там же, где идет путь страны к свету и самостоятельности. Поэтому университеты как рассадники просвещения имели в государях своих основателей и главных покровителей и содействовали им в проведении всех крупных государственных начинаний XIX века. Но в том же правительстве, которое основало университеты и в широкой мере ими пользовалось, стало сказываться все сильнее и сильнее иное течение: недоверие к свободному духу университетского исследования и преподавания, опасение, что закваска, вносящая брожение мысли в умы народа, подорвет начала порядка и власти. С этой точки зрения — сближение с Западом представлялось не только прогрессом, но опасностью. Под влиянием борьбы этих направлений в наших государственных сферах отношение правительства к университетам, первоначально простое и благосклонное, стало изменяться. Получился ряд оттенков среди представляющих его государственных людей. Реже стали смелые ревнители просвещения и свободной науки, строго разделявшие вопрос о власти от вопроса о влиянии подведомственных органов, уверенные в исторической силе русского правительства и не смущавшиеся проявлениями жизненности в находящихся под его руководством учреждениях. Чаще стали появляться люди подозрительные и пугливые, проявлявшие свою силу в неугомонном вмешательстве в жизнь подчиненных органов, тратившие время на надзор и опеку, одержимые постоянной боязнью, как бы не поступиться в чем-нибудь правами и достоинством. Наконец, встречаются и такие представители государственной власти, которые, как бы затеявшись в сложных задачах, поставленных временем, видят практическую и понимание жизни в смешении всевозможных систем, в переходах от одного направления к противоположному.

Подобные же разлагающие влияния приходится наблюдать в отношении общества к университетам. Было время, и не так еще давно, когда уважение к культурной роли университетов проникало во все

образованное общество, когда сравнительно немногочисленная культурная среда смыкалась около университетов в своего рода масонстве, гордом своими особенностями и солидарностью. Но мало-помалу наступил раскол. Передовой класс общества стал дифференцироваться. Среди него появились увлекающиеся, непримиримые, для которых университетский строй казался слишком тесным, слишком правильно организованным, слишком связанным с отвлеченной наукой. В самой университетской молодежи, вследствие вполне естественных свойств возраста и темперамента, эти течения нашли известную почву для деятельности. При этом в пылу споров и столкновений для многих затемнялось первенствующее значение университета как организованной общественной силы, как проводника знаний и образованности, а временные интересы партий и рискованные соображения политической игры выдвигались на первый план.

Одним словом, и правительство, и общество, пришли в замешательство вследствие того усиленного бега вперед, который сделался для России исторической необходимостью: одни стали отставать и тормозить, другие — порываться вразброд, и от этого массового движения прежде всего пострадали университеты, судьба которых связана с движением вперед, но с движением организованным.

Если эти общие наблюдения верны, то правильное и прочное решение университетского вопроса должно совершиться в смысле развития его просветительных задач и самостоятельности, и в то же время — укрепления его внутренней организации. Только такой самостоятельный университет будет верным помощником правительства в его культурных предначертаниях и авторитетным руководителем общественного воспитания.

С целью показать, что рассмотрение частных условий университетского быта приводит к выводам, согласным с этой общей характеристикой, обратимся к разбору одной из важнейших сторон современной университетской жизни и постараемся выяснить ее главные недостатки и наиболее подходящие меры к их устранению.

При этом драгоценным средством для того чтобы составить себе правильное суждение, должна быть, наряду с наблюдениями над действительностью, проверка тех положений и доказательств, которые были положены в основу этой действительности как ее руководящее начало. Было бы наивно начинать рассуждения и споры всегда сначала, как будто они не велись в преемственной последовательности лет двадцать-тридцать назад, когда вырабатывался теперешний строй. В сопоставлении с выяснившимися теперь результатами тогдашние аргументы сторон получают новое и поучительное освещение. Для

того чтобы восстановить эти положения и аргументы в их истинном значении, нельзя, конечно, обращаться к громким преувеличениям боевой прессы, необходимо черпать из официальных источников, из записок и соображений, определивших самый исход дела. Лишь таким способом можно установить связь между принципами и фактами и гарантировать основательность полученных из этого сопоставления выводов.

I

У всех еще свежо в памяти возникновение господствующего ныне устава 1884 года. Он был прежде всего не педагогическою, а политической мерою. Правда, ему предшествовало расследование состояния университетов, произведенное в 1875 году отделом Высочайше учрежденной комиссии под председательством статс-секретаря И. Д. Делянова¹⁷⁴, объездившего все университеты и собравшего довольно объемистый материал¹⁷⁵. Но, как указывалось в самой комиссии, материал этот представлял непроверенную массу самых разнородных показаний и документов. Наряду с интересными наблюдениями, в нем встречалось множество голословных обвинений, необоснованных впечатлений и тенденциозных преувеличений. Попытки установить главные, преобладающие факты с помощью критического разбора этого материала сделано не было, а из этой весьма богатой сокровищницы были извлечены кое-какие эффектные данные, чтобы их якобы документальным авторитетом подкрепить нарекания меньшинства комиссии, добивавшегося преобразования университетов. Присутствовавшие в комиссии ректоры университетов, с покойным С. М. Соловьевым во главе, единогласно протестовали против подобных приемов и основанной на них характеристики преподавания в университетах.

Действительно, огульное порицание университетского преподавания за «путаницу и несообразность» представлялось по меньшей мере неожиданным в применении к университетам, которым отдавали свои лучшие силы такие ученые, как С. М. Соловьев, Тихонравов¹⁷⁶, Буслаев¹⁷⁷, Срезневский¹⁷⁸, Потебня¹⁷⁹, Каченовский¹⁸⁰, Таганцев¹⁸¹, Сергеевич¹⁸², Бутлеров¹⁸³, Менделеев¹⁸⁴, Столетов¹⁸⁵, Боткин¹⁸⁶, Захарьин¹⁸⁷ и т. д., и т. д. К нему, по-видимому, не были первоначально подготовлены и сами министры, проводившие реформу, потому что еще в 1874 году граф Толстой¹⁸⁸ во всеподданнейшем отчете высказал «взгляд вообще благоприятный для ученой деятельности университетов и для умственного и нравственного уровня слушателей университетских лекций». Что же касается статс-секретаря Деляно-

ва, то он открыл само заседание комиссии 1875 года¹⁸⁹ восхвалением университетов, на которые «лучшая часть нашего общества смотрит с некоторым почтением», так как с самим «словом „университет“ для их бывших воспитанников многое сливается и многое отзывается». И в течение совещания он не один раз возражал против преувеличения укоров по адресу принятой в университетах системы образования, которая «при всех толчках, ими неоднократно перенесенных, дала то, что мы видим и слышим». И тем не менее при обсуждении дела в Государственном совете¹⁹⁰ тем же статс-секретарем Деляновым, уже в качестве министра народного просвещения, была представлена характеристика университетского быта, по резкости не уступавшая статьям «Московских ведомостей»¹⁹¹.

«С величайшим прискорбием, — говорил он, — должно заметить, что университеты наши за последнее время вовсе не находились на высоте своего призвания и далеко не служили государству в той мере, в какой должны были бы ему служить. Даже самим себе они не давали, ни по качеству, ни по количеству, тех ученых деятелей, которых должны были бы готовить и для себя, и для других высших учебных заведений... Та же несостоятельность была обнаружена университетами и в деле приготовления преподавателей для средних учебных заведений... Если от учебной сферы обратиться к судебной, то едва ли и здесь не оказалась та же несостоятельность наших университетов, если не в количественном, то в качественном отношении... Из сферы административной нельзя не привести нижеследующее свидетельство одного из высокопоставленных администраторов: умственный уровень лиц, поступающих из высших учебных заведений на службу, в настоящее время так низок, что безотлагательный подъем его становится делом первой государственной необходимости. Не говоря уже о том, что большинство этих лиц не приносят с собой на службу никакого специального приготовления, редкостью является ныне способность изложить правильно и связно какую-нибудь вовсе незатейливую бумагу. Скудость нашей ученой и учебной литературы, за немногим исключением, крайняя неудовлетворительность всей нашей журналистики и периодической печати, главными деятелями которой являлись большею частью питомцы наших университетов, равно как и вообще низкий уровень и в большинстве превратность мнений нашей, так называемой, интеллигенции, — все это общеизвестные факты, которые нельзя не признать лишь дальнейшим доказательством несостоятельности наших университетов».

Так резюмировал в решительную минуту свое мнение об университетах министр народного просвещения, сам воспитанник Мос-

ковского университета, свидетель и сотрудник реформ императора Александра II, юрист по специальному образованию, имевший все данные для того, чтобы оценить заслуги университетов, хотя бы в судебной области, хотя бы на необыкновенном превращении суда ляпкиных-тяпкиных в суд новых судебных уставов.

Не подлежит сомнению, что центр тяжести вышеприведенной характеристики лежит в ее конце — в возлагаемой на университеты ответственности за «низкий уровень и в большинстве превратность мнения нашей, так называемой, интеллигенции». Университеты явились козлом отпущения за грехи всей нашей интеллигенции, за прискорбные инциденты нашего духовного роста. Университетская наука и управление оказались виноваты в том, что в России появились радикальные взгляды и террористические кружки. В своей настойчивой кампании против всех видов общественной самодеятельности «Московские ведомости» и их последователи указывали на университеты как на главные очаги крамолы, требовали над ними деятельной административной опеки. Важно, что эти нарекания не только служили средством, чтобы запугать и запутать публику, но переходили в государственные учреждения, становились лозунгом для законодательных работ и глубоких преобразований.

Так, например, основание учреждения, своего рода парника, для приготовления желательных педагогов и юристов в Лейпциге и в Берлине мотивировалось необходимостью окружить воспитанников особой политической атмосферой, не свойственной русским университетам¹⁹². «Студенческая среда в лейпцигском университете настолько чужда тому духу нерадения, праздности, распушенности и оппозиции наставникам и правительству, который, по несчастью, так распространен в нашей студенческой среде, что она не только несочувственно, но и крайне враждебно относится к тем нигилистическим и социалистическим учениям, которым, к прискорбию, слишком нередко поддаются некоторые из наших студентов». Уже в особом совещании 1874 года под председательством статс-секретаря Валуева¹⁹³ была намечена необходимость борьбы против студенческого пролетариата. В 1880 году граф Д. А. Толстой так характеризовал этот класс, на который «направляются усилия пропаганды, среди которого вербуются новобранцы вредных учений. При скитальческом существовании, перебиваясь изо дня в день, студенты этого класса, предоставленные себе, находящиеся вне всякого нравственного надзора, живут Бог знает где, знакомы Бог знает с кем, нередко образуют гнезда недовольства и раздражения, откуда выходят явления, заботящие правительство и общество». В соображениях министерства народного про-

свещения, представленных Государственному совету в 1884 году, при обсуждении нового устава, краски еще более сгущены: «При возможности без всякого правильного постоянного и серьезного учения достигать весьма существенных прав и преимуществ для государственной службы, среди полнейшей праздности, предоставленные самим себе, никем не направлявшиеся и не управлявшиеся, в борьбе нередко с крайнею материальною нуждою и при распространявшейся нередко и с кафедр, а чаще всего периодическою печатью наклонности винить во всем общие условия нашей общественной и государственной жизни, многие из студентов наших университетов легко могли поддаваться всякого рода увлечениям и лжеучениям и становиться готовою добычею даже для крамольной пропаганды».

По-видимому, проступки и ложные мнения «некоторых» или даже «многих» не давали основания обращать взысканий против целых учреждений, целого ученого сословия. Казалось бы также, что против отдельных проступков имелись в распоряжении различные законные меры наказания и пресечения, а ложным мнениям и увлечениям молодежи следовало противопоставить нравственное влияние. Но ответственность за проступки и увлечения было возложена на самые университеты и виною всему выставлена их организация, антипатичное бюрократии коллегиальное самоуправление. «Корень зла, — по мнению министра, — заключается в том, что правительство совершенно устранило себя от учебного дела в университетах и предоставило его личному произволу профессоров, столь же произвольному усмотрению факультетских собраний и университетского совета и существовавшему лишь на бумаге наблюдению ректора и деканов, которые, как выборные от профессоров должностные лица, никоим образом не могли наблюдать над их деятельностью с каким-либо начальническим авторитетом. Вследствие такого самоустранения правительства от учебного дела университетов один произвол, профессорский, неминуемо должен был вызвать другой произвол, студенческий».

На счет университетской автономии были поставлены, с одной стороны, «отчуждение от власти», с другой — неряшливое и бестолковое ведение учебного дела, вследствие которого студенты будто бы сделались жертвами политической агитации. Отсюда получилась и руководящая точка зрения для задуманных министерством преобразований — она сводилась к бюрократизации университетов.

Если поэтому, по замечанию статс-секретаря Головнина¹⁹⁴, реформа 1863 года исходила из доверия и уважения к профессорскому составу и из желания усилить его нравственное влияние на студентов, то реформа 1884 года принята как выражение недоверия к добросове-

стности и благонадежности профессорских коллегий. Большинство общего собрания Государственного совета указывало на это и обращало внимание на один неотразимый вывод из такой постановки дела: «Если такое обвинение было бы справедливо, то издавать новый устав для университетов, служащих местом противоправительственных стремлений, не следовало бы. С такими заведениями нужно бы распорядиться иначе: профессоров, оказывающих явное противодействие мероприятиям правительства, должно бы немедленно уволить от должностей, как несоответствующих ни своему назначению, ни условиям государственной службы, а самые университеты закрыть впредь до того времени, когда представилась бы возможность иметь ректорами и преподавателями лиц, отдающих свою деятельность в полное распоряжение правительства». Рассуждения, положенные в основу преобразования 1884 г., имели то неудобство, что при допущении их правильности доказывали слишком много, гораздо больше того, что предлагало министерство. Для того политического исцеления, которое имелось в виду, надо было не реформировать, а уничтожить университеты. На это не решились, вероятно, по педагогическим соображениям. Но в таком случае новый устав как мера политическая оказывался недостаточным или ненужным.

II

Проведение подобных мер, заключающих в себе внутренние противоречия, имело ту хорошую сторону, что как бы ни были они тягостны и вредны, в соприкосновении с жизнью они неудержимо разлагаются. История устава 1884 года представляет поучительную иллюстрацию к этой истине. Прежде чем явилась надежда на его законодательную отмену, прежде чем была официально признана необходимость отнестись к нему критически, он разошелся по швам во всех своих частях, и это разложение для некоторых существенных его сторон началось чуть ли не со дня его вступления в силу.

Бюрократизация университетов представлялась настолько ненавистною мерою — трудно подобрать иное выражение, — что проводившие ее сочли необходимым снабдить свое преобразование еще другим, более привлекательным элементом, и устав 1884 года явился под двумя флагами: правительственной опеки и академической свободы. Застрельщики движения обрушились с такой же усердной критикой в комиссии 1875 года на «крепостной быт наших студентов», как и на «путаницу» профессорского преподавания. «Втесняя всех и каждого в искусственные и произвольные рамки, факультеты пре-

пятствуют естественному ходу их научного образования и развития дарований и одним дают черезчур много, а другим черезчур мало, и не то, что каждому нужно. Нельзя всех и каждого в ту пору, когда должны быть приобретаемы основы для высшего образования, заставлять идти одним и тем же путем и усваивать себе одни и те же предметы. Одни по свойствам своей натуры могут наиболее преуспеть, сосредотачивая силы сначала на одной группе предметов, потом на другой; другие же, напротив, находят отдохновение, изучая одновременно несколько разнородных предметов... При несомненной даровитости русского народа не системе ли нашего университетского крепостного быта мы обязаны тем, что до сих пор не приобрели достаточной самостоятельности в деле науки?» По поводу свободной записи на профессорские курсы и соединенного с ней гонорарного вознаграждения высказывались самые смелые надежды. «Плата за учение в виде гонорара сразу установит нравственные и вполне добросовестные отношения между ними на почве науки. Студенты, записываясь на лекции профессора и при этом взнося причитающиеся именно за эти лекции деньги, тем самым будут заявлять свою надежду наилучше у него научиться; профессор же, естественно, будет прилагать все усилия сколь можно полнее оправдать возложенные на него надежды» (Мнение меньшинства в общем собрании Государственного совета). К этому благодушному оптимизму примешивались, однако, замечания, показывавшие, что умысел иной тут был. Для сторонников свободы слушания она неразрывно соединялась с представлением о поставленных правительством экзаменационных требованиях. «Дабы побудить профессора с оными сообразоваться, нет иного средства, кроме предоставления студентам свободы учения. Преподаватели принуждены будут сообразоваться с потребностями слушателей, соответствующими экзаменационными требованиями». Самую беспощадную критику этих положений представил И. Д. Делянов. Он указывал в комиссии 1875 года, что так как студентам не будет выбора между преподавателями, то свобода выбора останется номинальной; так как придется установить обязательные учебные планы факультетов, то свобода слушателя останется пустым словом. Он шел дальше и раскрывал непримиримое противоречие во взглядах сторонников реформы. «Как согласить предложение об удивительном умственном и нравственном превращении (ввиду предполагавшейся свободы слушания) с требованиями усиления власти и надзора за столь зрелыми людьми? Казалось, что одно из двух: или одни платонические советы без инспекции, посещения квартир, педелей и т. д., или вся эта нравственная инспекционная

обстановка с некоторой понудительной силою в распоряжении учения». Такие здравые суждения не помешали этому государственному человеку в 1884 году проводить те самые начала, вывесочный характер которых он так прекрасно понимал. В представлении в Государственный совет свобода преподавания и учения фигурировала на видном месте рядом с усилением правительственного влияния. Свобода преподавания, допущенная в Германии, заключается в том: «1) что каждому профессору предоставлено вести преподавание по своей части вполне самостоятельно, без предписанной программы, в том объеме и по тому методу, которые указывают ему собственные его научные убеждения; 2) что чтение лекций по известной науке не составляет монополии лица, занимающего соответствующую кафедру, а может быть предпринимаяемо и другими преподавателями; и 3) что профессора не имеют обязательных слушателей, приписанных к их курсам и ими из прочитанного экзаменуемых». Известно, насколько были осуществлены эти широкие принципы в наших университетах при действии устава 1884 года. Все указания большинства членов комиссии 1875 года и затем большинства членов Государственного совета, возражавших против введения предложенных мер, оправдались. В действительности «крепостной быт» студентов стал лишь более тягостным и принял определенную форму оброчных отношений. Под влиянием частью условий, которых нельзя было устранить, но следовало предусмотреть — немногочисленности преподавательских сил и скудости преподавательского вознаграждения, — частью вследствие опеки, установленной министерством и факультетами, сохранились и развились и монополия преподавателей, и прикрепление слушателей к обязательным курсам, и испытания из прочитанного, да в довершение картины прибавилась оброчная повинность слушателей в пользу профессоров — так называемый гонорар. Едва ли противники устава 1884 года сумели бы сами придумать более злую карикатуру на неискренность и внутренние противоречия этого устава, нежели оброк, установленный его составителями во имя свободы преподавания и сближения между профессорами и студентами.

Новый устав ставил себе одною из главных целей подчинить преподавание деятельному и постоянному контролю правительства. Наиболее подходящим для этого средством признаны были экзамены. Мысль естественная: ни департаментские чиновники, ни попечители и их помощники не могут с удобством и приличием следить за лекциями и семинарами профессоров, но представилось заманчивым раз в год ставить результаты профессорского преподавания на суд назначенных со стороны экзаменаторов, обязанных одинако-

во критически отнестись и к окончившим курс, и к их учителям. Поэтому экзаменная реформа была поставлена как бы во главе угла новой системы. Статс-секретарь И. Д. Делянов ссылаясь для характеристики ее значения на слова французского педагога Биго: «Aussi n' y a-t-il de réforme sérieuse pédagogique que celle qui porte d' abord sur la réforme des examens; vous n' aurez rien fait, tant que vous vous serez borné a réformer l' enseignement lui même»¹⁹⁵.

Меньшинство Государственного совета, сочувствовавшее планам гр. Толстого и И. Д. Делянова, так изображало будущие испытательные комиссии. «Состав комиссий, начиная с председателей до последнего из членов, вполне зависел бы от правительства. В противоположность уставу 1863 года, который все дело наблюдения за занятиями студентов изъясил из рук правительства и отдал на волю университетских коллегий, новый устав передавал бы это дело, от его начала до конца, в руки правительства, предоставляя ему самому вначале устанавливать испытательные требования и в конце удостоверить через посредство им самим учреждаемых комиссий в усвоении студентами знаний, необходимых для удовлетворения означенным требованиям». На этих соображениях была построена система испытаний окончательных, так называемых полукурсовых и зачетов полугодий. В течение 17-летнего действия устава все части этой системы подверглись перерождению и вырождению. Полугодия стали сливаться в года, зачеты обратились большею частью в стеснительную формальность, полукурсовые испытания преобразовались постепенно в курсовые переходные экзамены, и министерство само санкционировало эти изменения. Государственные экзаменационные комиссии превратились сразу в факультетские с депутатом от министерства в лице председателя, со случайным и несправедливым разделением на членов комиссии профессоров и приглашаемых экзаменаторов и, что хуже всего, с неподходящими программными требованиями и стеснительными правилами. Об этом еще будет речь впереди. Теперь предстояло лишь отметить, как мало соответствовала действительная форма предначертаниям составителей устава.

Кроме экзаменов, вмешательство министерства в руководство преподаванием должно было выражаться в просмотре учебных планов и обзоров преподавания. В первое время это надзор «центральных учреждений» за деятельностью «местных» ученых подавал повод к многочисленным инцидентам. Профессорам, пользующимся все-российской, а иногда и европейской известностью, приходилось выслушивать не только внушительные наставления по предмету преподаваемых ими наук, но иной раз даже строгие замечания, вроде того,

что такой-то предмет особенно слабо поставлен в таком-то университете. Но мало-помалу рвение в этом смысле улеглось, и дело приняло обычный вид общения — исходящими и входящими бумагами... Грознее представлялись попытки определить содержание преподавания распоряжениями относительно учебных планов и требованиями экзаменационных программ. Любопытный пример представлял расписание занятий и подразделений, установленный для историко-филологического факультета, составлявшего предмет особых забот тех сотрудников университетской реформы, которые видели в ней продолжение гимназической. Напомнить о созданной ими недолговечной классической школе без классического отделения, с урезанным курсом по «дополнительным» предметам по истории и словесности, без общих курсов философии и истории новой философии, которая была достойным образом оценена на страницах «Вестника Европы»¹⁹⁶ при самом ее появлении. Ей суждено было просуществовать только пять лет: против нее восстали самые испытанные по своей благонамеренности профессора, и она уступила место выработанному при старом уставе порядку распределения занятий на общих курсах и специальных отделениях. Менее счастливым оказался юридический факультет: на нем до сих пор держится расписание кафедр и распределение занятий, намеченные с начала введения устава и рекомендованные педагогическому миру знаменитым введением к программам для юридических испытательных комиссий, достопримечательность по своему циническому отношению к науке (Ср. статью «Старого профессора» в «Русской мысли» за декабрь 1899 года)¹⁹⁷. Зато именно по поводу этого факультета и раздаются наиболее громкие жалобы, и притом не только в обществе, но и в правительственных сферах.

В общем, как раз в той своей части, которая, по заявлению реформаторов 1884 года, вызывалась непосредственными практическими потребностями и вопиющими недостатками университетского строя, новый устав потерпел полное крушение без всякой формальной отмены в эпоху бесспорного господства проведенной его партии и беспрекословного исполнения его распоряжений. Остались в силе его бюрократическая и дисциплинарная стороны, и неустройство их дает себя чувствовать главным образом в студенческих беспорядках, против которых принято бороться. Но эти беспорядки все-таки беспокоят: они играют приблизительно ту роль в педагогическом мире, которую железнодорожные катастрофы играют в министерстве путей сообщения: они разрушают официальную фикцию, что все обстоит благополучно. Так или иначе, теперь и общество, и правительство призваны обсуждать устав 1884 года во всех

его частях. При этом обсуждении нельзя не иметь в виду некоторых предварительных вопросов: какую цену имеет организация, которая не выдержала пробы в руках своих инициаторов по тем задачам, которые признавались главными, практически существенными? Какого отношения заслуживают обломки этой подвергающейся саморазложению системы и попытки подновить и распространить испробованные ею средства?

III

Посмотрим, как поставлено в действительности при уставе 1884 года учебное дело, ради которого существуют университеты. При выработке устава указывалось с ударением на неудовлетворительность студенческих занятий на то, что большинство студентов на лекции не ходит, наукою не интересуется, а готовится кое-как по жалким литографированным запискам к экзаменам, рассчитывая на снисходительность профессоров и удачу в лотерее избрания билетов. И. Д. Делянов с обычной прозорливостью отметил во время домашнего обсуждения этого дела в комиссии 1875 года значительные преувеличения такой характеристики, указав, что она мало применима к медицинскому и математическому факультетам, на которых студенты работают систематически и усердно, и особенно применима лишь к юридическому. Замечания эти следовало бы особенно держать в памяти в настоящее время, когда сплошь и рядом порицания, относящиеся к студентам юридического факультета, применяются ко всему университету. Как бы то ни было, в официальных представлениях и заявлениях по делу преобразования министерство всецело поддерживало вышеупомянутую отрицательную характеристику. Беда в том, что преобразование 1884 года, основанное на изменении экзаменов и экзаменационных программ, нисколько не устранило отмеченных недостатков. Праздных студентов, пробивающихся через университет при помощи разных военных хитростей, теперь не меньше, а скорее больше, чем при порядке 1863 года, а это доказывает, что меры против зла были приняты неподходящие.

В настоящее время учебные занятия в университетах складываются, помимо прямого действия профессоров на слушателей, в зависимости от трех факторов: давления министерства, забот факультетов и отношения студентов. Министерство обеспечило себе значительное участие в распорядке занятий установлением программ и организацией экзаменационных комиссий. Факультеты заботятся о полноте и последовательности преподавания и с этой целью устанавли-

вают обязательные учебные планы; студенты реагируют на все эти постановления и приспособляют их так или иначе к своим потребностям. Можно сказать, что если министерству не удалось провести того плана полного заведывания учебным делом через посредство экзаменных комиссий, о котором мечтали инициаторы устава 1884 года, если ему пришлось в значительной степени сделать уступки местным особенностям и самостоятельности факультетов, то, с другой стороны, и факультеты никогда не в состоянии действительно овладеть ходом учебных занятий студентов при помощи учебных планов и обязательных указаний: студенты обезвреживают возложенные на них тяжелые требования, освобождая себя фактически от посещения значительной части указанных им занятий. В пределах обширных обязательных планов они по разным соображениям выкрикивают себе свои собственные учебные планы и выдерживают или не выдерживают их, смотря по интересам и характеру. Слишком часто выдерживают плохо, но, помимо лени, в данном случае несомненно сказывается ненормальность порядка, вытекающего из нагромождения неисполнительных требований и просеивания этих требований самою «жизнью». Неуважение к распоряжениям сверху и фикции всякого рода играют при этом слишком большую роль. Своеобразное взаимодействие между действиями властей и действиями студентов заслуживает внимательной оценки.

Начнем с централизирующего влияния министерства. Руководящая мысль составителей устава 1884 года в этом отношении заключается в том, что министерство, которое ограничивается проведением общих правил, надзором, случайными ревизиями и вмешательством по отдельным случаям, устраняется от главного заведывания учебным делом. Чтобы осуществлять это заведывание, оно должно вмешаться в научную область и «властно» установить цели, объем и характер окончательных требований к различным научным предметам, а затем проводить эти требования, отделив окончательные экзамены от текущего преподавания и поручив их не факультетским, а особым «государственным» комиссиям. Главные черты плана были резюмированы в Государственном совете следующим образом:

«Мера, предложенная министерством народного просвещения, изобретает сообразное природе злоцеление, а именно:

- 1) Она предполагает установление от имени правительства общих для всех университетов и вполне определенных экзаменационных требований, для удовлетворения коим студент должен ознакомиться с главными основаниями изучаемой им науки в ее целостности. Требования сии,

публикуемые во всеобщее известие, студент знал бы еще прежде своего вступления в университет и вследствие того с первого дня своей университетской жизни имел бы перед своими глазами весь объем предстоящего ему труда. В этих экзаменационных требованиях содержался бы крайний предел того, что правительство признает за благо требовать от лица, ищущего сопряженность с университетским образованием преимуществ, и за приобретением им этого низшего предела знаний установлено было бы обязательное и ответственное наблюдение факультетов, которое, в свою очередь, стояло бы в этом отношении под постоянным наблюдением попечителя округа и министра народного просвещения.

2) Коль скоро правительство определило бы само, чему студенты должны выучиться во время пребывания своего в университете, и через назначаемые им испытания комиссии ежегодно проверяло бы результаты всего их учения, этим самым оно и профессоров поставило бы в необходимость заняться как следует обучением молодых людей и устранило бы все те неправильности, коими страдало у нас при действии устава 1863 года университетское преподавание.

При этом изменились бы и столь неудовлетворительные взаимные отношения между профессорами и студентами. Перестав быть решителем судьбы студента, профессор обратился бы в доброжелательного руководителя студента на пути к его цели; со своей стороны, студент, чувствуя постоянную в профессоре нужду, естественно, стал бы дорожить указаниями и лекциями, которые при прежнем порядке столь неисправно посещались и никем не записывались, за исключением одного или двоих, принявших на себя их составление и литографирование для распространения потом между товарищами.

3) Испытания производились бы не из случайно избранных отрывков науки, а из целого объема в главных и крупных линиях предмета, обозначенных в экзаменационных требованиях».

Самые веские возражения были, по обыкновению, представлены лицом, которое взяло на себя главную ответственность за проведение нового устава. И.Д.Делянов заметил между прочим, что девять десятых студентов ищут в университете единственно достижения практических целей, и их еще более «духовно иссушат» заранее известные экзаменные требования. «Хотя он и разделяет мнение о необходимости определенных экзаменных требований, но не может скрыть от своей совести, что эта наперед, еще на гим-

назической скамье, известность всего, что потребуется на университетском выпускном экзамене, в наш век акций и облигаций будет со своей стороны способствовать уменьшению идеальных стремлений в науке и жизни». Большинство членов комиссии 1875 года, с С. М. Соловьевым и Кремлевым¹⁹⁸ во главе, указывало на другие недостатки указанной системы, которые действительно и обнаружили со всею силою при введении ее в действие. Основные точки зрения были при этом выражены с такой силою и достоинством, что и теперь, при пересмотре вопроса, нельзя не возвратиться к этим доводам.

Большинство восходило в своем суждении к назначению университетов в отличие их от специальных школ. «В университетское преподавание необходимо и существенно входит дух научного исследования, — оно неразрывно связано с самой разработкой науки, чего нет в школьном преподавании, которое направляется лишь к сообщению знания, к решительной цели. Рассуждают так: для государственной службы нужны учителя, юристы, медики — приготовление молодых людей для этих профессий составляет задачу университета как учреждения государственного, следовательно, университетское преподавание и экзамены должны быть приноровлены к этой цели. Отсюда вывод, что на экзаменах должно требовать только таких знаний, какие нужны для начинающего государственную службу по той или другой отрасли ее, а университетское преподавание должно быть приноровлено к этим экзаменным требованиям, значит, со степени научного должно быть сведено на степень профессионального преподавания, механической выучки для определенной, утилитарной цели. И это, говорят, должно совершаться во имя прогресса, это низведение университетского преподавания с его высоты, это освобождение университета от науки, от обязательной для них, а не дозволительной только службы науке, именуется отменой крепостного быта университета».

Образование особых «государственных» комиссий для производства окончательных испытаний заключало в себе унижение университета еще и в другом смысле. Соловьев и его товарищи рассеяли поверхностное сближение с германским порядком, при помощи которого сторонники нового устава старались прикрыть свои начинания авторитетом высокой немецкой культуры. Они доказали, что комиссионные экзамены не будут штатс-экзаменами ни в немецком смысле — так как в Германии существует свобода преподавания и с прохождением университетского курса не связаны никакие экзамены, — ни в том ограниченном смысле, в каком практикуются

у нас испытания при поступлении на службу, например, на службу дипломатическую. «Штатс-экзамены не унижают университета, ибо штатс-экзамен есть экзамен на должность... Испытуемому говорят: вы, может быть, знаете очень много, но мы желаем увериться, знаете ли вы именно то, что нам нужно. Но совершенно отдельная комиссия, без значения штатс-экзамена, а прямо для испытания кончившего курс в университете, прямо, следовательно, для проверки его познаний, здесь приобретенных, уничтожает университет, отнимает у него право, которого не отнимают ни у какой казенной школы». Действительность в некотором смысле даже превзошла опасения, так как в 1875 году еще предполагали, что комиссионные экзамены будут введены действительно в связи со свободой слушания, что придавало бы им известный смысл, с точки зрения ограждения государства от дурных последствий произвольных комбинаций, подсказанных интересами отдельных слушателей. Но на деле получилось совершенно своеобразное соединение обязательного слушания с отделенным от преподавания экзаменом. При этом истинный смысл меры — выражение недоверия преподавателям, хотя бы под условием унижения университета — раскрывался ясно. Но в таком случае оставалось заметить вместе с большинством Государственного совета: «Нельзя не обратить внимание на ту необъяснимую двойственность воззрений, которую обнаружило бы правительство, оказывая профессору величайшее доверие разрешением самостоятельно преподавать науку целым поколениям и тем самым влиять на умственное их развитие, и в то же время не доверяя ему экзаменовывать, т. е. контролировать результат своего преподавания».

Двенадцатилетняя практика государственных комиссий вполне оправдала все указанные опасения и, кроме того, раскрыла недостатки, которые при обсуждении нового устава не предусматривались или предусматривались не в достаточной степени. Было бы достаточно говорено о том, что по целому ряду пунктов предположенную систему не удалось осуществить, так что ныне действующий порядок представляет не обдуманное и законченное целое, а неорганический компромисс. Но в других отношениях система комиссионных испытаний, несомненно, оказывает влияние на занятия, едва ли только благоприятное. Влияние это сводится главным образом к следующим условиям:

- 1) выработанные министерством однообразные программы обезличивают преподавание;
- 2) стремление вместить в программу предмет в полном его объеме влияет на выработку элементарных и поверхностных курсов;

- 3) накопление материала на окончательных испытаниях обращает их в пробу памяти;
- 4) отделение экзаменационной процедуры от текущего преподавания усиливает все неизбежные неудобства экзаменационной оценки познаний и умений и уменьшает значение реальной подготовки;
- 5) исключительная важность комиссионных экзаменов для приобретения прав расстраивает ход учебных занятий высших курсов, сосредотачивая внимание студентов на приготовлении к приближающемуся искусству.

Каждое из этих наблюдений требует несколько более обстоятельного обсуждения.

В истории выработки устава одною из самых поразительных черт является невозмутимость, с которой его виновники одновременно ратовали *против* принудительной школьной системы наших университетских занятий и *за* принудительное однообразие программ окончательного испытания, которые должны дать тон всему преподаванию. Каким-то фокусом разнообразие и свобода обращались в принудительность и шаблон; то, что считалось вредным, когда исходило от факультетов и университетов, становилось панацеей, когда исходило от министерства и его ученого комитета. При этом не принималось во внимание ни разнородность местных условий и сил, ни личные взгляды преподавателей, ни движение наук, ни трудность формулировать в короткой программе научные требования, ни странность роли профессора, которую принимало на себя министерство. Тяготение бюрократии к централизации было слишком велико, и русская университетская наука получила определенные указания из подлежащих канцелярий.

По вопросу о необходимости требовать на окончательных экзаменах знания предметов «в их полном объеме» как-то мало было разногласий между защитниками нового устава и противниками его. Между тем представление, что можно и следует стремиться к изложению наук в полном объеме, отзывается некоторою наивностью. Дело, очевидно, сведется на практике к весьма поверхностным обзорам, так как для научной постановки таких курсов потребовалось бы время, которым ни один преподаватель не располагает, и способности усвоения, которыми не располагает ни один студент. Всеобъемлющие требования программ приводили поэтому в действительности к различным более или менее нежелательным исходам. Одни профессора стремятся к рекомендованной энциклопедичности и разжижают для этой цели свои курсы до такой степени, что они те-

ряют университетский характер. Другие сосредоточивают чтения на известных отделах, избранных по степени их важности или типичности, опуская остальные, или касаются их лишь слегка; в таком случае приходится устраивать разные фикции на окончательном экзамене. Третьи, наконец, предоставляют студентам приготовляться не по курсам, а по сокращенным учебникам, и в этом случае окончательный экзамен не имеет никакого значения «окончательности», а лишь отвлекает от университетских занятий. Помимо всего сказанного, возникает вопрос, тесно связанный с уже рассмотренным первым: какое есть разумное основание понуждать всех и каждого профессора читать общие и даже всеобъемлющие курсы, когда многие вполне достойные профессора ни по взглядам, ни по способностям не считают эти курсы для себя подходящими? Как смотреть, например, с точки зрения положений, получивших официальное признание, на курсы покойного знатока византийской истории в России, который всегда и по принципу читал так называемые специальные курсы?^{*199} Повторяю, известное смягчение требований было внесено жизнью, но зачем ставить требования, которые придется обходить?

Особенно вопиющим злом современных окончательных испытаний является подавляющая масса материала, по которому предстоит дать отчет перед экзаменаторами. Правила составлялись с видимою боязнью пропустить хоть какую-нибудь часть важнейших предметов, как будто таким пропуском будет определено, что испытуемый никогда к соответствующей части науки не обратится, или что она получит в университете нежелательную, с точки зрения правительства, постановку. В результате это *окончательный* экзамен, это испытание взрослых людей в усвоении ими высшего образования обращается в самую ребяческую передачу затверженных уроков, в пробу памяти и нервов, несказанно мучительную для экзаменующихся, но тяжелую и для экзаменаторов. Как оценивать подобные познания? Как определить уровень физических требований, которые могут быть предъявлены различным пациентам? Во всех этих отношениях окончательное испытание в государственной комиссии поставлено несравненно хуже, чем были поставлены те действительно довольно жалкие курсовые экзамены, над которыми иронизировали составители нового устава, как над испытаниями памяти, как над проверкой затверженных чужих слов.

* См. статью И. М. Гревса о В. Г. Васильевском в «Журнале министерства народного просвещения» за 1899 г.

Основное начало современных окончательных испытаний — отделение их от текущего преподавания — не выдерживает критики с педагогической точки зрения и порождает множество затруднений. Уже в комиссии 1875 года была установлена большинством правильная точка зрения на этот предмет. «Высшая правительственная комиссия 1874 года под председательством статс-секретаря Валуева, обсуждая недостатки организации учебных заведений, в пункте 1-м своих соображений указывает на необходимость упрочить органическую связь между учащими и учащимися; в пункте 5-м в ряду способов влияния преподавателей на учащихся — ставить оценку преподавателями умственного развития учащихся; в пунктах 6-м и 7-м не одобряет стремления учащихся к утилитарным целям, когда работы учащихся направлены не столько к самостоятельным научным занятиям, сколько к выдержанию экзамена для практических целей, так что экзамен становился для учащихся вопросом первой важности». Между тем как раз в комиссии Валуева гр. Д. А. Толстой провел положение о необходимости отделения окончательных испытаний от текущего преподавания. Это отделение совершилось, как мы знаем, не вполне, потому что экзаменуют все-таки профессора и экзаменуют в значительной степени по своим курсам, но оно совершилось в том смысле, что обзор элементарных сведений по предметам выдвинулся, безусловно, на первый план и своей количественной тяжестью задавил все остальное, всю самостоятельную работу, которую ведут студенты в университете. Единственный сколько-нибудь реальный остаток этой работы, подлежащий оценке комиссии, это сочинение. Затем все идут ответы устные и письменные — ответы по затверженному материалу. Какое понятие может дать такое испытание навыков к работе, знакомства с методами и умения пользоваться ими?! А между тем самостоятельное чтение и исполнение практических работ признавались существенными средствами обучения самими инициаторами новых экзаменных порядков, вводились в курсы университетов задолго до преобразования 1884 года, и с каждым годом развиваются в университетской практике. Когда же дело доходит до окончательного испытания, все это приходится отбросить по «однородной» программе. Сторонний председатель комиссии не имеет понятия об этих самостоятельных занятиях и не имеет времени в четыре-пять недель пересмотреть и оценить рефераты и семинарские работы, если таковые представлены. Члены комиссии, надо надеяться, имели время и возможность познакомиться с испытуемыми и сблизиться с ними, но оценку свою они принуждены давать на основании совершенно других данных, которые далеко не всегда приводят к одинаковым результатам с указания-

ми, подчеркнутыми из близкого будничного знакомства с студентами. Всякий профессор из своей практики приведет множество случаев, когда лучшие студенты оказываются мало способными держать окончательные испытания с их калейдоскопом ответов по самым различным частям университетского курса. Бывает и наоборот: беспристрастный член экзаменационной комиссии скрепя сердце принужден писать: «весьма удовлетворительно» и присуждать диплом первой степени молодым людям, про которых, как профессор, отлично знает, что они ничем толком не занимались и не интересовались, а «приналегали» к экзамену и с успехом отпрапортовали по билетам «однородной программы». Оговорки экзаменных требований относительно оценки специальных работ студентов не вносят действительной поправки в это зло, потому что специальные или, лучше сказать, самостоятельные занятия нельзя оценивать в полчаса и у экзаменного стола: цена им обнаруживается в аудиториях и лабораториях в течение самого хода занятий. Итак, отделение окончательного испытания от текущего преподавания осуждает себя по самой своей постановке и во всяком случае стоит в полном противоречии с желанием поднять интенсивность и значение самостоятельных занятий студентов.

Защищая план государственных экзаменационных комиссий, меньшинство Государственного совета, между прочим, ставило в упрек существовавшему по уставу 1863 года переходным испытаниям значительную потерю времени. «На такого рода испытания университеты тратили полтора и два месяца драгоценного времени, которое отнималось у преподавания. Особенно страдало от этого второе полугодие, которое сокращалось при таких порядках до трех месяцев, не говоря уже о том, что с приближением времени испытаний студенты переставали посещать лекции и принимались за изучение готовых литографических записок». *Mutato nomine, de te fabula narratur*²⁰⁰: можно подумать, что дело идет именно о теперешнем порядке.

Трудно даже приблизительно подсчитать количество времени, которое непроизводительно отнимается у преподавания в настоящее время. Переходные экзамены восстановлены в прежней силе и с прежними вычетами из курса, за единственным исключением третьего года, а грозная тень окончательных испытаний падает на весь четвертый год и мешает занятиям в то время, когда они могли быть особенно производительны.

Обратимся теперь к деятельности факультетов. Проводя новый устав, министерство призвало их к особенному контролю за полнотою и последовательностью преподавания, и, благодаря этому контролю, под покровом официальных требований и отделенных ко-

миссий в значительной степени сохранилась система обязательных учебных планов, которую в пух и прах разносили ревизоры 1875 года. Студентам по-прежнему указывается в подробностях, какими предметами они должны заниматься, каких профессоров слушать; для проверки этих занятий существуют экзамены и зачеты; переход с одного семестра на другой, с одного курса на другой совершается в силу действительных или номинальных испытаний и разрешений факультета. Одним словом, студенты поставлены по отношению к своим занятиям под полную опеку факультетов. Не будем пока высказываться о принципиальной пользе или принципиальном вреде системы. Укажем только на ее очевидные недостатки и преувеличения. Не подлежит сомнению, что наши факультеты применяют ее с избытком рвения. При выработке учебных планов они впадают постоянно в одни и те же ошибки, неизменное повторение которых доказывает, что они вытекают из положения. Факультетские планы всегда имеют характер указаний к обширным энциклопедиям по тому или другому разряду наук. Все важнейшие предметы представлены хоть понемногу — все ведь имеют научную важность, между всеми есть внутренняя связь. Факультетские заседания для определения распорядка занятий носят своеобразный характер — точно собираются в дальний путь и набивают чемоданы всем, что когда-нибудь при каком-нибудь случае может понадобиться. Молодому словеснику, конечно, надо слушать историю, русскую и всеобщую, и историю литературы, русской и всеобщей. Но для студента-филолога обязательно значительное знакомство с древними языками. Пусть же он занимается древними языками. Необходимо серьезное философское образование — назначить им столько-то часов философии и истории философии. В методологическом отношении важно всем познакомиться с самой научной из наук этого разряда — с сравнительным языкознанием. Но неприлично было бы русскому филологу оставаться незнакомым с славянским миром: пусть послушает славянскую грамматику и славяноведение... Кроме естественной защиты каждым профессором прав своего предмета, играют роль и другие соображения. Какой-нибудь почтенный, заслуженный профессор хорошо помнит, какое благотворное влияние на его развитие имели занятия тем или другим из родственных предметов, посещение лекций того или другого знаменитого в истории русских университетов преподавателя. Это будет веским аргументом для того, чтобы включить соответственную науку в число обязательных. И в результате получится учебный план, какой дай бог одолеть лет в восемь, если равномерно и добросовестно следовать всем его указаниям. Все

в нем предусмотрено, кроме того, что голова студента имеет пределы вместимости. Объективные, всесторонние связи между науками не дают еще прав каждому отдельному субъекту рекомендовать изучение всех наук, между которыми есть связи. И следовало бы начинать с обратного положения, что в обширных рамках четырех факультетов возможны и необходимы многочисленные комбинации предметов, соразмеренные с интересами и силами учащихся. Существование отделений на некоторых факультетах вызвано этой потребностью, но уступки, которые делаются в данном случае требованиям разделения труда, весьма недостаточны. Факультеты в своей сфере, так же, как и министерство с программами окончательных испытаний, противоречат известному требованию: *non multa, sed multum*²⁰¹. Об одном результате, однако, постоянно говорят и на факультетах, и в министерстве, и в обществе, но говорят как о факте самостоятельном, не имеющем никакой прямой связи с формами министерской и факультетской опеки: это о нехождении студентов на лекции. Явление это объясняется обыкновенно студенческой ленью, но помимо нее и помимо недостатков отдельных курсов, которые отгоняют от них слушателей, оказывается своего рода реакция самосохранения со стороны студентов на факультетские требования. Едва ли будет ошибкой сказать, что ни один отличный студент не следует вполне факультетскому плану. Все держат экзамены, но каждый выполняет, насколько возможно, свой собственный план, не имея в виду выражать этим неуважение к профессорам и предметам, которых он не слушает, а для того, чтобы сосредоточить свои занятия на том, что ему под силу и по склонности.

IV

Выяснив по мере возможности недостатки действующей в силу устава 1884 года системы, мы можем сознательно отнестись к мерам, предлагаемым для ее исправления. Представляются, по-видимому, три возможных выхода из затруднений: ввести действительную, а не номинальную свободу слушания; ввести действительную, а не фактическую систему школьного принуждения; улучшить исторически сложившуюся в русских университетах систему факультетского руководства.

Против заманчивой мысли реорганизовать университеты по немецкому образцу, на начале полной свободы преподавания — говорит многое. В комиссии 1875 г. и в Государственном совете в 1884 г. ее безусловно осуждали защитники университетской автономии.

Указывалось на то, что мы не готовы для реорганизации ни по составу преподавателей, ни по составу слушателей. Для того, чтобы действительно провести свободный выбор между преподавателями, необходимо иметь возможность, по крайней мере, дублировать преподавание всех важнейших предметов. Располагаем ли мы таким запасом ученых, хотя бы даже между приват-доцентами, не говоря уже о профессорах, чтобы устроить между ними действительную конкуренцию? В Германии конкуренция эта существует не только в пределах каждого отдельного университета, но и между самими университетами. Если в каком-нибудь Вюрцбурге или Ростоке нет средств, чтобы дать слушателям хороших руководителей по всем специальностям, то слушатели, не получающие удостоверения своим потребностям, уйдут в Мюнхен или Геттинген. Слава Германии — в том, что и Вюрцбург имел Либиха и Ренгена²⁰². У нас конкуренция еще в таком жалком, зачаточном состоянии, что применяется даже удивительный порядок прикрепления к округам, и введен этот порядок министерством, поддерживавшим устав 1884 года, при составлении которого столько было толков о свободной конкуренции.

По поводу неподготовленности наших студентов к проведению полной свободы слушания защитники устава 1863 года высказывались очень энергично. «Как показывает практика Киевского университета, где в прежнее время отчасти практиковалась свобода слушания, студенты наши склонны проводить первые годы без всяких систематических занятий, а под конец делают усилия наверстывать потерянное время выслушиванием громадного числа лекций... Свобода слушания при нравах нашей учащейся молодежи способна повести лишь к полной дезорганизации и без того слабых сил и средств большинства наших университетов».

И. Д. Делянов, не сочувствовавший свободе слушания, хотя и пользовавшийся ее призраком в своих официальных заявлениях, указывал на любопытное психологическое объяснение несовместимых со свободой свойств наших студентов. На первом месте он ставил «лень, прирожденную человеку, и в особенности молодому, вышедшему из-под гимназической или семинарской ферулы». Нет надобности возводить лень или склонность разбрасываться в народно-психологические черты русских студентов. Немало могут рассказывать о тех же свойствах знатоки немецкой университетской молодежи: там тоже большинство студентов тратит первые семестры довольно бесполезно, а многие специализируются в студенческие годы не на изучении наук, а на поглощении пива и на корпорационных экскурсиях. Но в Германии относятся философски к этим неизбеж-

ным явлениям в жизни молодежи, в уверенности, что радикальных педагогических средств против них нет, а жизненная борьба исправит кого нужно. У нас эти явления, конечно, выразились бы гораздо сильнее и оказали бы более вредное влияние; общество само еще так неустроено, что нуждается скорее в благотворительном воздействии со стороны университета, чем способно оказать на него такое воздействие; идейные противоположности резче, смута в умах и отношениях слишком велика, темпераменты нервные. Было бы плохой услугой нашей молодежи оставить ее совершенно без указаний во время прохождения университетского курса.

К этому присоединяется и другой ряд соображений, выяснившийся с особенной силой за последнее время: свобода слушания в университете обратит наших студентов в вольных слушателей. Между теперешним предоставлением оканчивающим курс в университете служебных профессиональных прав и определенным руководством и контролем над их занятиями существует неразрывная связь. Нельзя требовать от государства, чтобы оно предоставляло права и преимущества лицам, которые занимались чем хотели и как хотели. Оттого полная свобода слушания может совмещаться, с государственной точки зрения, лишь с совершенно не зависимыми от прохождения курса государственными экзаменами. Оттого система комиссионных экзаменов проводилась у нас под флагом свободы слушания. Положим — флаг защищал в данном случае контрабанду; но чем искреннее и полнее будет осуществляться свобода слушания, тем сильнее обособятся требования государства и тем неизбежнее станет отделение всякого рода прав и преимуществ от прохождения университетского курса.

Мы уже столько посвятили места доказательству, что порядок отделенных государственных испытаний вреден, что считаем лишним возвращаться к этой стороне дела. Но вопрос может быть освещен и с другой стороны. Что бы ни говорили враги университетов, не подлежит сомнению ни для кого из беспристрастных наблюдателей, что наши университеты имеют за собою великую и, может быть, главную заслугу — насаждение в правящих кругах нашего общества высшего образования. Эта заслуга крупнее всех тех значительных результатов, которых они достигли в служении науке и в распространении профессиональных сведений. Это великое историческое дело на пустынной и загроможденной препятствиями почве связано именно с их историческим складом, с почетным местом, которое было предоставлено их воспитанникам в государственной деятельности и профессиях, связанных с функциями государства. Эти права и преимущества университетского курса сформировались пото-

му, что Россия нуждается для пополнения своего государственного персонала не только в людях, обладающих определенными знаниями или выдержавших тот или другой экзамен, но прежде всего в людях с высшим образованием, с культурным достоянием, которое было бы не ниже того, какое получают руководящие люди на Западе. Приобретением этих прав университеты не принижают своих стремлений до ступеней табели о рангах, но возвышают культурное значение государственной службы и либеральных профессий. Отнятие этих прав было бы равносильно покровительству стремлениям, которые ничего общего ни с высшим образованием, ни с свободой знания не имеют. Не мудрено, что за отнятие прав поднимаются голоса людей, не расположенных к университету и его воспитанникам. И было бы очень наивно со стороны убежденных сторонников университетов увлечься словами: «свобода слушания», «разрыв с практическими стремлениями» — и сдать заслуженную университетами позицию их врагам.

В связи с агитацией в пользу отнятия прав университетских воспитанников стоит характерное предположение отбирать в университет только тех, кто интересуется наукой, а остальных, ищущих практической деятельности и прав, направлять экзаменоваться в государственных комиссиях, допуская их слушать лекции, сколько они хотят и как хотят, в качестве вольных слушателей. За эти проекты надо быть глубоко благодарными их составителям, потому что они приводят всю заманчивую проповедь свободы слушания и государственных экзаменов к ее конечным последствиям и — к чему-то нелепому... Вместо университетов получаются какие-то ученые семинарии для приготовления «людей чистой науки», вполне равнодушных к практической жизни и деятельности. Вместо студентов — не только «отдельные», но и «временные» посетители университетских аудиторий, могущие быть удалены из них без всяких осложнений при первом недоразумении или неудовольствии. Вместо совместной работы профессоров со слушателями — испытательные комиссии, которые будут фабриковать дипломы и отказывать в них в совершенном неведении относительно того, как проводит время испытуемый до появления перед экзаменным столом и каким путем приобрел умение отвечать на вопросы программы. Я думаю, что многие даже из тех, кто не совсем доволен традиционными порядками русских университетов, присмотревшись к этой картине, предпочтут продолжать занятия с молодыми людьми, ищущими, между прочим, и прав в практической жизни. Их, быть может, утешит соображение, что и практическая жизнь нуждается не в одних людях, упразднивших в себе

всякие помыслы о высшем образовании, и что большинство тех, кто не гнушается дипломом и нуждается в нем, совсем не так цинически равнодушно к идеям высшего образования, как изображают строгие цензоры нашего студенчества. Будем надеяться, что последним не удастся провести программу, истинным девизом которой может быть тацитовское: «*pacem vocant, solitudinem faciunt*»²⁰³.

Если свобода слушания и соединенные с нею отделение государственных экзаменов и отнятие у университетских воспитанников прав не годятся для наших университетов, то является вопрос: не следует ли подчинить последние строгой школьной системе? Можно, пожалуй, распределить всю массу студентов между преподавателями, ассистентами и тьюторами, следить за всеми подробностями занятий каждого кружка, задавать уроки, производить репетиции. Мне кажется, подобная организация так же мало годна для наших университетов, как и свобода слушания.

Во-первых, ее едва ли будет под силу осуществить с нашим довольно скудным преподавательским составом. Чтобы провести ее сколько-нибудь достойным образом, нужен весьма многочисленный штат руководителей, способных разрешить чрезвычайно трудные педагогические задачи занятий с взрослыми людьми. Конечно, номинально во главе будут стоять профессора, но при множестве студентов они должны будут передоверять большую часть занятий ассистентам и тьюторам, а помощь последних, как бы она ни была полезна при постоянном руководстве профессора, не может ни в каком случае быть заменой этого руководства. Попытка перестроить университетское преподавание таким способом повлияет неизбежно на понижение его качества. Во-вторых, нельзя не принять во внимание и то, что студенты, в общем, едва ли отнесутся сочувственно к подобной реформе. Помимо дурных побуждений, в данном случае скажется совершенно естественное стремление молодых людей к известной самостоятельности и свободе располагать своим временем и способностями. Проводить школьную систему в университете можно было бы только путем постоянного и педантического гнета, ежегодной борьбы с отклонениями, с оппозицией. На это можно было бы решиться только при неимении никаких других средств и при уверенности в громадной пользе подобного порядка, а надо сказать в заключение, такого убеждения быть не может. Наоборот, такая попытка совершенно убьет свободный интерес к науке, которым живут не только ученые исследования, но и воспитание юношества. Что бы ни говорили об университетской молодежи, в большинстве ее представителей в той или другой форме, в той или другой степени, проявляются

идеальные стремления. Все эти лучшие будут подавлены школьной муштровкой, а чернь, которая есть везде, немного выиграет от того, что ее прогонят сквозь строй репетиций. Подчинять организацию университетов желанию подгонять худшую часть их состава едва ли уместно и полезно.

Остается подумать об усовершенствовании выработавшейся у нас исторически системы факультетского руководства. При этом придется пользоваться и учебными планами, и экзаменами, и практическими занятиями, но пользоваться так, чтобы по возможности ослабить, если не устранить, присущие каждому из этих педагогических средств недостатки.

Мы видим, например, что руководство обращается в деспотизм или в фикцию, если связывать с ним слишком обширные и неподатливые требования и тем самым закрывать студентам возможность удовлетворять свободную любознательность. Первым указанием, отсюда вытекающим, должно быть составление учебных планов, обнимающих лишь предметы строго необходимые для подготовки по каждой отдельной специальности, а не совокупность предметов, имеющих более или менее отдаленное отношение к ней. Иначе говоря, вместо общих планов по факультетам или хотя бы даже по отделениям, в том обширном смысле, как у нас употреблялось до сих пор слово «отделение», планы обязательных курсов должны быть *групповые* на менее широком, но прочном фундаменте.

Например, на историко-филологическом факультете можно было бы разрешить, быть может, следующие комбинации предметов, кроме логики и психологии, которые должны слушаться всеми:

- 1) *Древние языки* (и литература), сравнительное языкознание, история древней философии, древняя история.
- 2) *Славянские наречия*, славяноведение, сравнительное языкознание, история всеобщей литературы (или история русской литературы).
- 3) *Русский язык*, история русской литературы, история всеобщей литературы, история философии, русская история.
- 4) (*Германские*) (или романские) языки, сравнительное языкознание, история всеобщей литературы, история философии, всеобщая история.
- 5) *История*, всеобщая и русская, история философии и древние языки (или русский язык и литература, или история искусства).
- 6) *Философия*, история всеобщей литературы, всеобщая история, древние языки.

7) *История искусств*, история философии, всеобщая история, история всеобщей литературы, древние языки.

В каждой группе один предмет будет главным и на него должно быть обращено особенное внимание занимающегося.

При такой системе студенты будут значительно облегчены по отношению к числу обязательных часов, и тем самым получают возможность записываться на необязательные курсы по свободному выбору. Само собой разумеется, что они главным образом будут подбирать дополнительные часы по родственным специальностям, — историки, быть может, запишутся на некоторые курсы юридического факультета, философы иной раз будут слушать физиологию и т. п. Всех возможных комбинаций в этом случае нельзя ни предусмотреть, ни предписать, но необходимо расчистить им дорогу. На других факультетах будет, быть может, несколько трудно провести такое дробление, но очевидно, и на них можно будет допустить несколько обязательных комбинаций вокруг центральных наук, например: вокруг математики, физики, химии, астрономии, геологии, биологии и географии — на математическом факультете; вокруг гражданского права, уголовного, государственного и политической экономии — на юридическом. Всего труднее раздробить предметы медицинского факультета, вследствие его профессиональных задач, которые не допускают специализации для большинства врачей. Но и тут, вероятно, можно расположить преподавание так, что одни и те же предметы будут изучаться в большем или меньшем объеме, смотря по выбору преимущественной специальности. Во всяком случае, если бы задача и не допускала совершенно однообразного решения для всех факультетов, необходимо обратить серьезное внимание на предлагаемое решение там, где оно возможно, потому что оно несомненно облегчит серьезное прохождение главных, обязательных предметов и откроет доступ к занятиям предметами необязательными.

Возражения против подобной системы могут быть тройкого рода. Можно сказать, что она придает университетским занятиям слишком специальный характер: желательно, чтобы все проходящие, например, филологический факультет занимались древними языками, чтобы все слушали историю русской литературы, всеобщую и русскую историю. Но, по пословице, «le mieux est l' ennemi du bien»²⁰⁴.

Лучшее пожертвовать обязательностью этих предметов, которые при талантливых преподавателях, несомненно, будут привлекать и необязательных слушателей, нежели дробить курс на мелкие кусочки и заставлять студентов придумывать обходы факультетской мно-

гопредметности. Другое возражение будет, конечно, представлено с точки зрения профессиональных требований. Можно ли студентам, занимавшимся в группах, давать профессиональные права вне этих групп? Если нельзя, то не будет ли это значительным практическим затруднением для начинающих? Придерживаясь примера филологического факультета, какой ход получат, например, окончившие курс по философской, по эстетической группе? Эти комбинации стоят, конечно, дальше от обыкновенных профессий преподавателей древних языков, русского языка и словесности, новых языков, истории, но, не говоря о лицах, ищущих научной деятельности или просто высшего образования, занимающиеся в этих группах могут получить, быть может, под условием дополнительного экзамена, права преподавания по родственным специальностям, например, занимавшиеся философией — по истории и русской словесности. То небольшое осложнение занятий, которое отсюда возникает, будет для них удобнее, нежели теперешний порядок, при котором они проходят под игом чужого специального отделения, изыскивая обходы и добиваясь снисхождения. Да и в интересах самих профессий едва ли будет хуже, если историю, например, иногда будет преподавать и тот, кто ревностно занимался в университете философией. Мы привыкли и не к таким перемещениям специальностей, и не у нас одних они практикуются: в Англии значительная часть практикующих юристов в университете занималась филологией или математикой. Главное — сделать университетские занятия интенсивными и плодотворными, а некоторые приспособления к профессиональным требованиям всегда легко будет устроить.

Наконец, третье возражение, или скорее недоумение, может возбудить вопрос об организации курсов для большего числа возможных комбинаций. Ясно, что при сильной дифференциации учебных планов, которую я рекомендую, не всегда возможно будет вести предполагаемые группы, как теперь ведутся отделения. Нельзя обеспечить особыми курсами все эти комбинации, из которых некоторые будут, конечно, представлены небольшим числом студентов, некоторые могут в данный момент не быть представлены вовсе. Но так как важнейшие факультетские предметы будут появляться в разных комбинациях, то основные курсы по ним можно будет читать для слушателей с разными учебными планами, а кроме того по каждому предмету потребуются специальные курсы и практические занятия, вроде немецких *privatissima*²⁰⁵, на которых придется работать и с весьма небольшим числом слушателей. Во всяком случае задача будет однородна с той, которую разрешают с полным успехом немецкие университеты, но значительно легче последней.

Я убежден, что уже предлагаемая разверстка учебных планов будет значительно содействовать оживлению интереса и увеличению успешности занятий в наших университетах. Вторым могущественным средством в том же направлении должно быть, несомненно, развитие самостоятельных занятий студентов. Не может быть и речи об отмене лекционного способа преподавания. Лекции всегда сохраняют свое громадное значение для общего ознакомления с науками, и совершенно напрасно в последнее время ведется поход против них. Ни книги, ни учебники никогда их не заменят. Помимо личной талантливости изложения, которая играла и играет слишком видную роль в университетской жизни, чтобы ее можно было игнорировать, профессорские курсы, даже средние, представляют незаменимое руководство, потому что каждый курс является в результате не только научного знания, но приспособления к условиям данного времени и места, чем не может быть книга, даже отличная. Пусть некоторые курсы застывают, пусть другие страдают некоторой неряшливостью и нескладностью, пусть цитаты подведены менее точно, обороты речи употреблены менее обдуманно, чем это делается в издаваемых для большой публики книгах. В общем, русским профессорам не приходится стыдиться своих курсов ни перед кем: они вкладывали в них лучшее достояние своего знания и труда, делали для них даже больше, чем для специальных исследований или печатных изданий. Сколько можно у нас назвать талантливых профессоров, которые именно в этой-то форме проявляли свою ученость и умение!

Но несмотря на громадное значение лекций, вполне признано теперь, что истинно плодотворными университетские занятия становятся, только если студенты принимают в них активное, сознательное участие. Из лабораторий и клиник практические занятия перешли в семинары, и в настоящее время даже самый отсталый в этом отношении из наших факультетов, юридический, усиленно заботится об организации разного рода практических занятий для своих слушателей. Надо только в этом отношении, более чем в каком-либо ином, остерегаться переполнения, однообразной регламентации и школьного педантизма. Предложенная выше подвижная группировка предметов сама по себе будет содействовать главному условию успешности: студент будет заниматься тем, что его интересует и что сам выбрал. Но к этому надо прибавить, что *обязательные* практические занятия должны назначаться даже в пределах группы еще с большею осторожностью, нежели курсы, так как дело в этом случае — не только в слушании и пассивном усвоении, но и в определенном активном участии. Едва ли студент будет в состоянии справлять-

ся более чем с двумя семинарными одновременно: само собою разумеется, впрочем, что ближайшие указания могут быть выработаны лишь факультетами по соображениям всех наличных условий.

Способы ведения практических занятий так же различны, как различны методы наук и преподавания, с одной стороны, индивидуальности преподавателей — с другой. У одного профессора будет разбор исследовательских работ, у другого — интерпретация памятников, у третьего — сочинения на темы пропедевтического или общеобразовательного характера, у четвертого — упражнения, приспособленные для будущих педагогов, у пятого — анализ юридических казусов, у шестого — состязательные обсуждения тезисов, у седьмого — репетиция с целью усвоения курса или дополнений к нему и т. д. Все эти виды занятий могут вызвать величайший интерес, и каждый из них может стать в тягость, если предписывать его единственно пригодным.

Особенно велика опасность впасть в школьный педантизм по отношению к занятиям репетиционного характера. Они сами по себе менее рассчитаны на самостоятельность суждения, нежели на приобретение и выяснение полезных сведений, и как раз потому следует придавать их организации возможно непринужденный вид — иначе эти занятия будут наказанием. Один профессор рассказывал мне, что он с большим успехом практикует перед своим экзаменом его репетицию, на которой отвечают лишь желающие, и дело сводится на толковое повторение курса. Студенты охотно принимают участие в этих репетициях, но попробуйте сделать их общеобязательными и сопроводить взысканиями — они тотчас обратятся в невыносимую тягость.

Затронув экзаменный вопрос, мы прибавим лишь немного к тому, что было сказано по поводу действующих в настоящее время порядков: наблюдения над недостатками последних само собою наводят на желательные улучшения.

Без проверок и испытаний обойтись нельзя, раз дело идет о даровании прав, служебных или профессиональных, но руководящим началом при организации испытаний должна быть *возможно тесная связь с текущим преподаванием*.

Окончательное испытание из всех предметов курса за один раз, даже если курс будет взят в объеме группы, а не отделения или факультета, должно быть совершенно отменено. Поэтому не представляется никакой нужды в государственной испытательной комиссии с сторонним факультету председателем, хотя министерство всегда может прислать своего делегата на любой экзамен и, если найдет нужным, может даже систематически командировать своих делегатов на последние экзамены. Оспаривать или опровергать это право нет

никакого основания до тех пор, пока университеты будут находиться в заведывании министерства народного просвещения: подобные делегаты могут быть полезны министерству различными сообщениями о нуждах преподавания, его характере, замеченных недостатках и желательных изменениях и т. п. Что роль делегата будет щекотливая и трудная — не подлежит сомнению; что на этой почве могут быть большие злоупотребления и неприятности — также верно, но самое право естественно вытекает из положения министерства.

Ввиду того, что экзамены не скучатся в форме окончательного испытания, было бы крайне желательно предоставить студентам сдавать их по мере приготовления в указанные периоды, хотя бы весною, но без оставления на второй год на курсы. Такое оставление теперь ведет иногда к совершенно нелепым последствиям. Весьма часто случается, например, что оставленный слушает во второй год не повторение тех курсов, ради которых он был оставлен, а совершенно другие, затем выдерживает экзамен по последним и идет дальше с теми самыми проблемами, которые были обнаружены неудачным экзаменом. Если студент не выдерживал, например, экзамен из древней истории, то пусть он слушает еще раз древнюю же историю, а не среднюю или новую. С другой стороны, за что заставляют студента, выдержавшего удовлетворительно по всем предметам курса, кроме одного или двух, слушать вновь не только предметы, по которым обнаружились слабые знания, а также и те, по которым приобретены уже достаточные знания? Если засчитывать предметы по мере приготовления по ним, без отношения к курсам, то будут, конечно, случаи засидевшихся студентов, будут скучные повторения одних и тех же испытаний, распределение последних будет не так просто и с внешней стороны компактно, но все это ведь второстепенные неудобства, меньшее зло сравнительно с осаживанием студентов на целые годы без определенно поставленной им при этом цели, а против злоупотреблений предложенной постановкой дела нетрудно принять меры.

Особенный вес при оценке должна играть самостоятельная работа студентов, их сочинения, рефераты, свидетельства об их участии в семинариях и практических занятиях: все это имеет несравненно больше значения, чем ответы по затверженным курсам или учебникам. Даже на самих испытаниях желательно возможно часто применять письменные клаузурные работы — приблизительно вроде того, как это делается в Англии. Письменный ответ имеет преимущество обдуманности, менее подвержен влиянию экзаменационных случайностей, наконец, ему может быть придан задачный характер с тем, чтобы работа обнаружила скорее ориентированность экзаменуемого в предмете и уме-

ние обращаться с его данными, нежели способность отрапортовать по книге. Сказанного, кажется, достаточно, чтобы установить мысль, что в этом направлении возможны весьма существенные улучшения даже при факультетском руководстве занятиями и при соединении их с приобретением служебных и профессиональных прав.

В заключение нельзя не отметить, что устав 1884 года имеет странную историю. Он не достиг того, что составляло его цель, а к тому, чего он достиг, едва ли следовало стремиться. Политические соображения, которыми он был вызван, не оправдались: радикальные идеи могут продолжать существовать в университете, потому что, в зависимости от разнообразных условий, они существуют в стране; социальный состав студенчества не изменился, потому что нет силы, которая могла бы сделать русское общество богатым и аристократическим.

С педагогической точки зрения, реформа принесла вред учебному делу, так как заключала в себе непримиримые противоречия и очевидную фальшь: ни качество преподавания, ни успешность студенческих занятий не возросли, хотя профессиональные требования были выдвинуты вперед в ущерб научным; попытка непосредственного вмешательства центральной власти в руководство преподаванием привела лишь к неприятностям для факультетов и профессоров, к изданию нескольких документов, которых лучше было бы не издавать, и к ухудшению порядка экзаменов.

В частности, не только не было достигнуто успокоение студенчества, а наоборот, столкновения между учащейся молодежью и учебными властями стали чаще и обострились. Полный успех имела только одна сторона преобразования — бюрократизация университетов; но и в правительстве, и в обществе возникают сомнения, чтобы этот результат был сам по себе таким благом, ради которого стоило пожертвовать всем остальным. Трудно уклониться от вывода, что порядок, так дурно выдержавший короткое испытание семнадцати лет, подлежит коренному пересмотру и изменению.

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ И ЧТО ДЕЛАТЬ В РУССКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ?

В русской обстановке общественные факты получают часто такое смутное освещение, что приходится долго и внимательно присматриваться, чтобы уяснить их смысл. Университетские дела последнего времени представляются именно в таких неопределенных очертаниях. Признавать ли реформенные начинания министерства народного просвещения значительным шагом вперед против прежнего застоя или считать эти начинания запоздалыми и недостаточными? Приветствовать ли студенческие волнения в качестве последовательного и бесстрашного протеста против бесправия или сожалеть о них как о подрыве высшего образования в стране, которая прежде всего нуждается в распространении образования? Эти и подобные вопросы навязываются тем настоятельнее, чем свободнее относится наблюдатель к явлениям русской жизни, чем менее он связан теми или другими готовыми решениями.

Для выяснения дела установим прежде всего, что приблизительно с начала девяностых годов стало формироваться своеобразное направление студенчества, не похожее на его состояния в предшествовавшие десятилетия. Постепенно повторяющиеся и распространяющиеся по всем русским высшим учебным заведениям волнения показывают даже самым равнодушным и легкомысленным людям, что совершается нечто более серьезное, нежели вспышки молодой горячности.

В начале шестидесятых и в начале восьмидесятых годов, правда, политическое брожение, охвативши общество, захватило, между прочим, и студенческие круги, но это было делом сравнительно скоропреходящего настроения, главные центры движения находились в других местах, и студенческие программы не получили руководящего значения. Иное дело теперь: на академической почве из года в год повторяются протесты, демонстрации, к которым присоединяются всевозможные злобы дня общественной жизни. Совокупность этих явлений объясняется, видимо, комбинацией трех движений — развитием солидарности в среде молодежи, влиянием реакционного устава 1884 года, распространением общего недовольства российскими порядками.

Рост студенческих организаций достаточно известен. Его моменты намечены были, например, в Киевской записке профессора князя Евгения Трубецкого²⁰⁶; сначала отдельные землячества и кружки самообразования, преследующие частные цели товарищеской поддержки в материальном и духовном отношениях; затем, с конца восьмидесятых годов, при понижении авторитетов профессоров и академических властей, объединение товарищеских кружков и образование союзных организаций, направляющих и формулирующих общественное мнение студенчества; наконец, сношения между союзными организациями разных университетов, политическая агитация всероссийского студенчества. Характерна смена преобладающих интересов: сначала стоят на очереди вопросы материальные и теоретические; во втором периоде преобладают вопросы университетской нравственности, если можно так выразиться; в последнее время политические интересы обозначаются все яснее и выдвигаются политические требования, тогда как друзья «академической свободы», мало-помалу теряют почву под ногами. В этом развитии политического элемента сказывается отчасти неправильная постановка, данная студенческому быту администрацией. Удовлетворение неустраимых стремлений молодежи к общению и взаимопомощи объявлено было нелегальным и оттеснено в область подпольных заговоров. Как хорошо показывает князь Трубецкой, это имело два последствия: подорвано было уважение к закону, закону неисполнимому, и неудержимо образовывавшиеся студенческие товарищества приняли характер противоправительственных организаций. Кроме того, как настаивают все университеты в своих ответах на разосланные весной 1901 года вопросы²⁰⁷, отрицательное отношение устава к студенческим организациям лишило массу так называемого спокойного студенческого голоса и влияния, предоставив их всецело тем, кто решился нарушать устав и оказывать неповиновение властям. По этим очевидным соображениям министерство ген [ерала] Ванновского и признало необходимым узаконить известные формы организации²⁰⁸. И если бы студенческие волнения обуславливались лишь пробелами и ошибками законодательства по вопросу об университетских кружках, то начинания министерства при всей своей скудости, может быть и имели бы некоторый успех.

Однако, как уже сказано, дело осложнялось тем, что налицо не только упомянутые пробелы и ошибки, но общее расстройство академического быта под влиянием «консервативной» политики Катковых, Толстых, Деляновых и Боголеповых²⁰⁹ и общее сознание

упадка государства под господством пережившего свой смысл самодержавия.

Понятно, что чиновничий режим, введенный уставом 1884 г., не мог не вызвать враждебности и сопротивления со стороны студентов. Учебные власти потеряли всякий нравственный авторитет в университетах с тех пор, как правительство сочло нужным обособить их положение исключительно на зависимости от министерства. То недоверие к профессорам, которое проходило красной нитью через «новый устав» и меры его сопровождавшие, шло дальше цели, поставленной близорукой политикой Катковых и компании. Выходило одно из двух. Или профессора заслужили враждебное и презрительное отношение, которое обнаруживалось по отношению к ним в каждом действии правительства, но в таком случае как можно было оставлять в их руках дело воспитания юношества? Или они были достойны доверия в этом важнейшем деле, но в таком случае какое было основание ставить их, подобно студентам, отдельными посетителями университета? Циническая уверенность, что достаточно приказаний и наказаний, чтобы поддерживать порядок, очень скоро оказалась совершенно неосновательной в применении к университетам. Наказания все усиливались вплоть до временных правил и массовых исключений 1899 года включительно²¹⁰, а вместо ожидаемого от них воздействия получилось нечто как раз обратное. В критических обстоятельствах власти вновь и вновь стали прибегать к помощи тех же профессоров, которых унизили, но воззвания профессоров «in extremis»²¹¹ с каждым разом становились все менее внушительными, потому что фальшь их была слишком очевидна²¹². Студенты не могли понять, что профессорская «коллегия» призвана, по щедринскому выражению, лишь кричать «ура» и «караул»²¹³; немудрено, что они придавали мало значения ее увещаниям. Чтобы восстановить нравственный, а не внешний порядок в университете, необходимо было вновь связать его с началами свободной науки и самостоятельной профессуры. Не даром самое название «профессора» напоминает об исповедании²¹⁴ — исповедывать же можно лишь свои убеждения, а не чужие приказания. Неотложность коренных изменений в этом смысле становилась до такой степени очевидной, что и в этом отношении министерство Ванновского признало желательность некоторых реформ.

Но чего новое министерство не признало и не могло признать, так это настоятельной необходимости изменить невозможный строй общественной жизни. Можно ли удивляться тому, что молодые люди, собирающиеся со всех концов России, представляющие

все классы и состояния русского общества, испытывавшие на себе тяжкие условия русской действительности — оскудение, разграбление, беззаконие, произвол, продажность, молодые люди, к которым с кафедры и из книг несется проповедь идеальных стремлений, нравственности, гуманности, самостоятельности, патриотизма, которые силою вещей собраны в многоголовое, смелое своей солидарностью общество, чтобы эти молодые люди могли относиться безучастно к византийщине, которая смотрит на них из правительственных мест и церквей, и не только смотрит, но согладательствует, подготавливает расправы, совершает казни? Говорят, дело незрелой молодежи учиться, а не заниматься политикой и производить политические демонстрации, это замечание, быть может, и имело бы смысл, если бы у нас возвышали свой голос о вопиющих нуждах государства зрелые граждане. Но так как последние возвышают свой голос лишь в тех случаях, когда предстоит благодарить Всевышнего за посрамление «бессмысленных мечтаний»²¹⁵, то немудрено, что незрелая молодежь пользуется Казанским собором для политических демонстраций. Притом не только чужие и более или менее отдаленные бедствия волнуют студентов, не только то, что они знают о крестьянской нищете, налогах и недоимках, о хозяйничанье земских начальников, о соращениях в православии, о лжи официальных славословий, о циническом гаерстве и тупой бессодержательности подцензурной печати и т.д., и т.д. В самом университетском быту они знакомятся со всевозможными проявлениями русской кривды. Они лицом к лицу встречаются со шпионами и провокаторами, с душеполезной опекой инспекции и с кулачными расправами полиции. Они могут оценить реальный смысл в России принципа равенства граждан перед законом — на судьбе своих товарищей еврейского и польского происхождений²¹⁶. Они знают, что значит усиленная охрана и генерал-губернаторская власть, не раз были свидетелями внезапного исчезновения товарищей неизвестно почему, неизвестно куда, а иногда испытали на себе общественную силу нагайки. И, так как они молоды, то все эти «порядки» возбуждают в них не столько страх, сколько негодование. Изменить эти условия уже не входит в компетенцию министерства народного просвещения. А между тем его министру суждено считаться с единственными в России обществами, членам которых нельзя закрыть рот, — с массами студентов высших учебных заведений. Нельзя не задуматься над неблагоприятной ролью министра.

Что же предполагает он сделать и что сделал? Апрельский рескрипт 1901-го возвестил широкие реформы в области народного про-

свещения при личном участии императора в их проведении²¹⁷. Университетам предоставлено было высказаться обо всех частях своего быта, и для сводки обширного материала, доставленного ими, образована была чисто департаментская комиссия, в которой не нашлось места ни для одного представителя университетской науки и жизни²¹⁸. Какие же намечаются результаты? Передается за верное, что в строе университетов предполагается расширить в значительной степени деятельность советов, сохранить во главе университета назначаемого бюрократа-ректора. Нет причины сомневаться в верности этих известий. С их точки зрения получает смысл назначение товарищем министра Г. Э. Зенгера, за которого говорит лишь то, что он искусился в Польше в роли бюрократического начальника профессорского совета²¹⁹. Иначе пришлось бы объяснить назначение этого яркого классика евангельским правилом, что левая рука не должна ведать о том, что творит правая*. Не менее характерны усиленные попытки министерства устроить в Петербурге и Москве некоторую пробу предполагаемой системы в форме комиссий для попечения о быте студентов под председательством ректоров и в непосредственном общении с правлениями и инспекциями, но в составе профессоров, которые призваны к тому, чтобы подновить кредит обанкротившейся администрации и разделить *odium*²²⁰ репрессивных мер. В Москве совет после малодушных благодарений отказался от этого подарка, а в Петербурге принял его, чем и заслужил в министерстве репутацию активности, весьма, впрочем, недолговечную, так как лекции почти сряду после этого пришлось прекратить.

Нельзя было не остановиться на отмеченных выше слухах и симптомах, потому что они предвещают вероятное направление университетской реформы в ближайшем будущем.

Представители бюрократического принципа, начиная от министра и кончая помощником инспектора, все научились за время господства устава 1884 года тяготиться своим безраздельным заведыванием университетскими делами. Они все стремятся вновь привлечь профессоров к участию в распределении стипендий и пособий, в устройстве общежитий, в постановлении приговоров суда, в руководстве инспекцией, в работах о смете и т. п. Помимо значительного облегчения труда администрации, ясен расчет на то, что вмешательство преподавательской коллегии смягчит резкую противоположность между властями и студенчеством и отклонит на профессоров

* Переход Г. Э. Зенгера в роль министра показывает, что к нашим порядкам можно применить и другое евангельское изречение: «довлеет дневи злоба его».

ответственность за непопулярные меры. Но от этой смешанной системы до самоуправления университетов далеко, и на почву автономии руководящие люди министерства нисколько не намерены переходить. Такая автономия, бесспорно, не отвечала бы традициям бюрократии, которая не только привыкла пожинать то, что другие посеяли, но и не терпит рядом с собою, даже в почтительной второстепенности, какойлибо самостоятельности, радующейся и гордящейся своей собственной жизнью. Беда в том, что эти полуперемены, облегчив слабость отживающего порядка, не достигнут цели его возрождения. От двусмысленной роли соучастников гнилой администрации, спутников назначенного ректора профессора не выиграют, а проиграют, да и сама администрация не получит от этого союза с дискредитированными профессорами никакой действительной поддержки. Насколько все это вытекает из самого положения вещей, показывает любопытная история профессорских комиссий, которые пытались в Москве установить некоторый порядок в университете. Весной 1901 г. первой из этих комиссии удалось, держась в стороне от негодного правления, успокоить студентов тем, что им была дана возможность высказаться об университетском быте²²¹. В виде благодарности комиссия получила нагоняй от местного начальства. Осенью того же года другая комиссия положила почин к тому, чтобы придать выражению студенческих мнений и просьб определенность и правильность и тем устранить предъявление необдуманных и крайних требований²²². На этот раз пришлось все дело бросить вследствие прямого вмешательства министра, который усмотрел в этом начинании нежелательные черты университетской автономии. Как понимает министерство допустимые, с его точки зрения, реформы студенческого быта и университетского управления, показывают изданные им в декабре прошлого года «временные правила» о студенческих организациях.

В силу этих правил открывается возможность устраивать на законном основании целый ряд, несомненно, полезных учреждений — кассы, столовые, чайные, научно-литературные, художественные и гимнастические кружки. Кроме того, студенты получают некоторую общую организацию для научно-вспомогательных целей. Все это хорошо и представляет шаг вперед сравнительно с односложным «не дозволено», которым учебная администрация отвечала на все студенческие запросы в деяновское и боголеповское время. Тем не менее по каждому отдельному пункту возникают сомнения и возражения. Разрешаются кассы взаимопомощи, и ими, очевидно, имеется в виду заменить исторически сложившиеся землячест-

ва. Но участникам кассы могут быть лишь студенты того или другого учебного заведения, а это идет наперекор бытовым потребностям и обычаям земляческих ассоциаций, участники которых всегда принадлежат к разным заведениям и даже разным поколениям. Надо думать, что эта черта землячеств не случайная, что живые местные связи не так легко подрубать применительно к образцам форменной одежды и годам рождения. Положим, задача уместить на признанной официальной почве нечто подобное провинциальным земляческим кружкам нелегкая, но, по-видимому, она не совсем неразрешима: ведь знают же немецкие корпорации «старых господ» и допускают же самые различные общества, наравне с членами действительными, сотрудников. Наконец, учреждение землячеств в составе учащихся различных учебных заведений могло бы вызвать и попечительство над этими землячествами от разных учебных заведений. Открытие научно-литературных кружков составляет давно назревшую потребность молодежи, и в этом отношении имеется даже некоторый опыт, особенно в истории университетского общества под председательством профессора Ореста Миллера²²³ в Петербургском университете*. Об этом кружке все его члены сохранили на век самые лучшие воспоминания. Но именно опыт упомянутого учреждения и заставляет усомниться в возможности вести подобное дело в наших университетах с достаточной свободой и в то же время с некоторой гарантией против репрессивного вмешательства. Мы так привыкли к разным формам опеки, цензуры и доноса, что не верим в возможность спокойного существования студенческого общества, в котором обсуждались бы свободно вопросы государственного права и политической экономии, философии и религии. А чтобы молодежь согласилась соблюдать все предосторожности, оговорки и умолчания, которыми сопровождается обсуждение этих вопросов в обществах «граждан», в этом позволительно усомниться.

Временные правила ген[ерала]-адъют[анта] Ванновского предусматривают организацию по курсам, но для каких целей? Исключительно для производства выборов и разрешения вопросов технического характера. В этом, очевидно, раскрывается полное несоответствие между тем, к чему стремятся студенты, и тем, что предлагает министерство. Кто не понимает, что движение, которому правительство открывает такое узкое русло, по существу, направлено на то,

* Автор имеет в виду Студенческое научно-литературное общество при Петербургском университете, закрытое в 1887 году за то, что некоторые его члены оказались участниками покушения 1-го марта. — *Ред.*

чтобы вырабатывать и выражать мнения студенчества по волнующим его вопросам? Оттого и суть реформы должна бы состоять в открытии способов для выработки и выражения подлинных мнений студентов. Если хотят разумно ответить на запросы, а не просто затушить их, если хотят прекратить эру сходок, демонстраций и забастовок, если хотят уравновесить влияние зажигающих речей и конспиративных приемов, то надо организовать студенчество как целое, во всем его составе, провести эту организацию в форме правильных собраний и правильного представительства и опираться на разумное сознание и свободное мнение большинства студентов. Если найдутся вопросы, по которым взгляды властей и студентов разойдутся, пусть имеют право и мужество настоять на своем, но только при свободе образования студенческого мнения можно добиться уважения к непопулярным решениям властей. То, что мы говорим, конечно не обращается к трусливым поклонникам заведенных порядков. Мы знаем, что они с ужасом увидят в таком отношении к совести и взглядам студентов отречение от порядка, передачу управления университетов в руки студентов. Но людям, знающим практику заграничных студенческих ассоциаций и сознающим неизлечимое зло теперешнего положения, равносильного разложению академической жизни, предлагаемые меры не покажутся ни неосуществимыми, ни пагубными. Попытки именно в этом направлении делались на курсовых совещаниях и общеуниверситетских собраниях 1901 года с вольного или невольного разрешения властей. Но при составлении правил все это было оставлено без внимания и единственным намеком на возможность совещаний по общеуниверситетским вопросам являются §§ 16 и 17, допускающие какие-то совещания старост по их инициативе или по предложению начальника заведения, без обозначения цели или компетенции этих собраний, и при том в такой форме, которая, очевидно, должна лишить эти совещания всякого авторитетного характера²²⁴: в самом деле, могут ли студенты смотреть на старост, избранных для исполнения известных обычных и чисто практических обязанностей*, как на своих представителей для решения вопросов исключительной важности? Странная постановка всей этой сторо-

* Таковыми являются старосты с формальной стороны, по «временным правилам». В действительности министерство, как показали январские происшествия в Петербургском университете, имело в виду сделать старост агентами университетского начальства для успокоения студентов. Студенческая среда, однако, не приемлет такого толкования, и петербургским старостам ничего не осталось, как уйти тотчас после избрания.

ны дела в какой-то полутьме весьма характерна для русской бюрократии, но не обещает успеха самому начинанию.

Не менее характерно и неудачно то, что касается руководства студенческими обществами и собраниями. «Начальник заведения» повсюду на первом плане, и роль ректора по будущему «новому уставу» обозначается весьма недвусмысленно. Зато для «командируемых» им членов учебного персонала создается поистине удивительное положение. Они призываются к обязанностям полицейских комиссаров за одно с «членами административного персонала», т. е., говоря просто, с помощниками инспектора, и присутствуют в роли пассивных наблюдателей при действиях студенческих собраний, но обязуются доносить о всем случившемся и, в частности, об отклонениях от порядка. Ясно, с какой точки зрения высшее учебное начальство смотрит на профессоров, но не понятно, почему оно рассчитывает на авторитетную поддержку со стороны таких командируемых им согладатаев^{*225}. По уставу 1884 года унижали профессоров, устраняя их от дел. По новому уставу XX века имеют в виду унизить их еще больше, заставляя их стирать грязное белье для «учебных властей». Нет, начинаниям такого рода нельзя сочувствовать: они лишний раз показывают, до какой степени министерство народного просвещения проникнуто традициями петербургского чиновничества — его близоруким самомнением и циническим формализмом. Про Францию говорят, что, несмотря на все перемены в составе министерств и даже в формах правления, она в действительности управляется неизменным составом централизованной бюрократии, над которой все политические волнения проходят как рябь над поверхностью воды. В России мы присутствуем при подобном же любопытном зрелище: реформенные министерства получают запас идей и исполнителей от реакционных и нисколько не смущаются своим бессилием пред косностью административных привычек. Это несомненно придает государственной жизни последовательный, независимый

* Положение получилось настолько невозможное, что министерство сделало попытку истолковать правила в менее оскорбительном смысле дополнительным циркуляром. Но это характерное «циркулярное дополнение» к «временным правилам», изданным министерскою властью в обход закона, лишь еще более запутывает дело и отнимает всякую почву для суждения о том, какой именно порядок действует в настоящее время в университетах по разбираемому вопросу. Ср. «Право», № 6, где напечатано разъяснительное предложение м [инист] ра н [ародного] п [росвещения] на имя попечителя Харьковского учебного округа.

от случайности характер, но не обнадеживает относительно участи реформенных начинаний.

Чего же, однако, держаться тем, кто призван действовать в это смутное время? Нечего и говорить, что лучшим средством против недуга было бы общее возрождение организма, общая реформа гражданского и политического строя. К этой мысли приходится постоянно возвращаться мыслящим русским, как когда-то римлянину приходилось по всем поводам повторять, что Карфаген должен быть разрушен²²⁶. В рассматриваемом нами случае это особенно очевидно. Надо во что бы то ни стало восстановить порядок, чувство законности и уважения к авторитету наставников среди учащейся молодежи. Но чтобы это сделать, надо, чтобы существовали закон, порядок и авторитет, достойные уважения. Прошло время, когда безобразия русской государственной жизни можно было маскировать благодушными славянофильскими антитезами. Мало и накладывать заплаты на ветхое рубище, как предлагают чиновники. Надо отречься от старых грехов и подумать о жизни на новых началах. Тогда только замолкнут обличительные крики в университетах, прекратятся самоубийственные проявления русского недовольства, эти забастовки и голодовки, которым едва ли найдется что-либо подобное в истории, кроме, может быть, голодной смерти заимодавцев перед дверями злостных должников в Индии. Только тогда появится вновь в России патриотическая гордость, законная привязанность к родному вместо того стыда и отчаяния, которые в настоящее время составляют удел русских патриотов.

Но нам не хотелось бы оставлять нашу печальную тему, не ответив на вопрос: что делать? — в менее общей, более конкретной форме. Трудно думать, чтобы вопли студентов вразумили русское правительство, раз не вразумляет его обнищание народа. Час политической реформы настанет, но после более чувствительных толчков, нежели демонстрации, в которых протестующих бьют нагайками. Но даже в России самодержавия возможны частичные перемены в университетском быту под влиянием страшной картины положения высших школ в стране. Студенты ведь все-таки являются своего рода невольными депутатами от всех слоев общества, их невзгоды и жалобы отзываются во всех слоях общества, даже в «высшем кругу», несмотря на существование разных лицеев и на здравые принципы тех студентов, у которых еще Щедрин подметил привычку говорить: «чем мы хуже пажей?»²²⁷ И к частичным реформам не приходится относиться свысока. Они не могут закрыть требований другого рода, но они представляют этапы на пути, их надо до-

бываться и ими надо пользоваться. В этом смысле нельзя не указать на некоторые условия, без осуществления которых все замышляемые в ближайшем будущем изменения университетского строя окажутся бесполезными и даже вредными.

Прежде всего ясно, что в основу университетской реформы должно быть положено начало автономии. Университеты в своих докладах единогласно высказались в этом смысле и не из властолюбия, потому что мало удовольствия в распоряжении властью в теперешних высших учебных заведениях. Если еще отдельные личности могут прельщаться ею, то коллегиальное большинство отлично понимает, что дело идет преимущественно об увеличении труда и ответственности. Но это подавляющее большинство профессорских голосов, высказавшееся в пользу автономии, показывает, до какой степени извещены на месте плоды бюрократической системы и до какой степени сознано, что лишь самостоятельная, проникнутая сознанием права и достоинства корпорация может внушить к себе уважение в университете. Начальники университетов надоели не одним студентам.

Во-вторых, при организации студенчества совершенно необходимо открыть пути для выражения мнений и желаний по вопросам, его касающимся — в самом широком смысле этого слова. Пусть студенты получают право рассуждать и делать заявления не только по местным практическим нуждам, не только по вопросам чести или по протестам против оскорбительной статьи или даже оскорбительного отношения начальства, вроде известного объявления петербургского ректора в 1899 году²²⁸, но и по тем сторонам университетского быта, которые иллюстрируют общее состояние нашей гражданственности, — по поводу приемов инспекции, арестов и высылки, ограничений, лежащих на студентах — евреях и поляках, кулачных расправ и т. д. Несомненно, если будут открыты эти пути, то пойдут нескончаемые жалобы, одним из выражений университетской жизни будет участие в заявлениях, не особенно приятных начальству, но с этим придется примириться, а быть может, и подумать об исправлении некоторых из зол, указания на которые будут постоянно повторяться. Картина получится своеобразная, но строго обусловленная другими своеобразными свойствами русского быта. Во всяком случае, только при этом условии может быть речь и о возобновлении сколько-нибудь правильной учебной деятельности университетов и о смягчении форм вмешательства молодежи в область общегражданских вопросов.

В-третьих, профессорам нельзя уклониться в это смутное время от прямого участия и воздействия в студенческих делах. Речь

не о том, конечно, чтобы навязывать студентам опеку и руководство в обычных случаях: пусть они сами ведут свои землячества и образовательные кружки, свои кассы и клубы. Но воображать, что профессорам можно отстраняться, когда поднимаются экстренные вопросы и формулируются общестуденческие заявления, что возможно предоставить студентам одним заниматься этими делами, а затем считаться с совершившимися фактами в совете и суде — это значит, по выражению петербургского профессора Бодуэна-де-Куртенэ²²⁹, услаждаться идиллиями. Не мало будет в ближайшем будущем раздаваться разных голосов и пускаться в ход разных влияний, призванных направлять русскую университетскую жизнь, и профессорам не годится удаляться на священную гору, хотя бы для научных занятий. В горящем доме неудобно читать книжки, надо и дежурить, и тушить, хотя бы и рискуя иной раз попасть в неловкое положение, чего так опасаются в Петербурге проф[ессор] Боргман²³⁰ и многие другие его товарищи. Что делать, невесело быть профессорами в России, нелегко соединять с государственной службой представительство научной истины. Естественно, найдутся люди, которые найдут это прямо невозможным и удалятся, но те, кто остается, должны признать последствия своего положения. И одно из самых ясных последствий, что нельзя уклоняться от своевременного совета студентам не для того, чтобы читать им старческие увещания, а для того, чтобы внести свой вклад, вклад людей опытных, в их суждения. Свободное же решение должно все-таки остаться за студентами.

То, что мы указываем в данном случае, представляет программу, которую не так легко осуществить. Не лишено вероятия, что ближайшее будущее принесет совсем другое — закрытие университетов, драконовские «временные правила», открытие специальных школ в Костроме, Пензе и т. п., перечисление студентов на положение вольных слушателей, замену университетов экзаменационными комиссиями. Весьма вероятно, что под влиянием тех или других мер строгости движение разобьется, затихнет, воцарится зловещая гладь, вроде той, которая установилась в России после истребления террористов в 80-х годах. Но все это не будет развязкой и до добра не доведет, а только преумножит капитал разочарования и озлобления, который растет и растет в России. Когда-нибудь настанет и день генеральной расплаты, который раскроет глаза даже и пребывающим в вольной слепоте. Все же, кто умеет и хочет видеть, уже теперь видят, что наступило нравственное банкротство самодержавной бюрократии, банкротство, в которое, к сожалению, вовлечен весь народ.

И, в конце концов, нельзя не вернуться к основной мысли: пока не будет срублено ядовитое дерево самодержавной бюрократии, которое душит жизнь вокруг себя, не будет в России места ни для какой самостоятельности, не будет места и для университетской науки.

НОВЫЕ ВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА

За последние годы правительство проявляет в области народного просвещения поистине лихорадочную деятельность: каждый год приносит новые комиссии, новые циркуляры и новые временные правила. Но главным симптомом лихорадки является резкая смена температуры, и, подчиняясь повышению и понижению температуры, одни временные правила являются быстро на смену другим, и сами тотчас побуждают ожидать новых и т. д. Временные правила о солдатчине, навязанные г. Витте²³¹ Боголепову, уступили место временным правилам Ванновского о студенческих обществах под полицейским надзором профессоров. Теперь положен конец их существованию даже на бумаге и являются временные правила г. Зенгера об университетском суде и кураторах²³². Сколько времени будут действовать эти последние и что явится им на смену в правительственном калейдоскопе? Чтобы дать ответ на эти вопросы, можно воспользоваться историческим приемом, который мы научились ценить по достоинству в настоящее время: мы все знаем, что лучшее средство оценить смысл и искренность всяких заявлений — сопоставить их с прошлыми заявлениями, лучшее указание на то, как известная сила будет проявлять себя в будущем, — справиться с ее образом действий в прошедшем. Применяя это правило к настоящему случаю, позволительно предположить, что правительство, которое издало правила г. Зенгера, не совсем переродилось с тех пор, как оно вырабатывало идеи и меры, описанные, например, в только что изданных «Освобождением» извлечениях из книги г. Георгиевского о «правительственных мерах и предначертаниях против студенческих беспорядков»²³³. Можно также сказать с уверенностью, что в отношении профессоров и студентов к новым правилам весьма важную, определяющую роль будут играть воспоминания о прежней «благотворной» деятельности мудрого ведомства, предлагающего им профессорский суд и кураторов. С точки зрения этих естественных сопоставлений, предстоит и нам высказаться о временных правилах тайного советн[ика] Зенгера.

Посмотрим, во-первых, что обещают постановления о профессорском дисциплинарном суде. Нет сомнения, что признание необходимости некоторых процессуальных гарантий, например, до-

проса свидетелей и присутствие обвиняемого при производстве следствия²³⁴, так же как и попытка отделить судебную власть от администрации университета, является шагом вперед против долгого господства полнейшего административного произвола правления, ректора и инспектора. Эти признания бросают лишнее перекрестное освещение на недавние порядки, в силу которых признавалось ненужным и невозможным разговаривать с обвиняемыми, признавалось достаточным навести справки по кондуитным спискам инспекции или выслушать доносы педелей, чтобы «установить факты», распределить ответственность и налагать кары, которые для многих осужденных означали прекращение образования и начало карьеры административно-ссылного и поднадзорного. Но официальное отречение от прежней практики педагогического суда высших учебных заведений не составляет еще такого приобретения, которое заставило бы всецело забыть об этой практике, уповать, что никогда ничего подобного больше повторяться не будет, и с нераздельным восторгом принять новейшие временные правила об университетском суде. Не будем останавливаться на некоторых довольно крупных недоразумениях, возбуждаемых правилами, например, на выяснении вопроса о том, в каком отношении стоит карательная юрисдикция «начальника заведения» к юрисдикции суда и, в частности, какое значение будет иметь предоставленное начальнику право делать «предложения подать прошение об увольнении из заведения»²³⁵. Не будем распространяться и относительно очевидного желания «учебных властей» переложить на профессоров ответственность за непопулярные карательные меры, уже в статье «Что делать и что делается в наших университетах»* было указано на характерное стремление установить «разделение труда» в этом направлении: профессорам — опасные позиции и щелчки, а администрации — спокойное пребывание на саваннических вершинах и награды «за отличие» и без отличия.

Заслуживает внимания странное предоставление профессорскому дисциплинарному суду значения суда чести — заметим только, что понятие суда чести неразрывно связано с представлением о суде товарищеском: взгляды на честь и требования, нарушение которых ведет к порицаниям и карам, с точки зрения чести, весьма различны, смотря по среде, и далеко не одинаковы у профессоров и студентов. В данном случае значение имеют взгляды студенческой среды, так как дело идет о чести ее членов. Никакими временными правилами нельзя заставить студентов искать решение по таким вопросам

* «Освобождение» № 2–3.

у профессоров или подчиняться нравственно внешним предписаниям профессорского суда в этих вопросах. Это особенно интересно в сопоставлении с 5-м взысканием, налагаемым на студентов судом, — с нравственным порицанием сверх наказаний по п. 3 и 4²³⁶. Г. Зенгер, очевидно, любит обращаться к нравственным и религиозным побуждениям, в которых он ищет как бы общей почвы между министерством и его «подчиненными», как профессорами, так и студентами. Мы боимся, однако, что это представление об общей нравственной почве основано на совершенном недоразумении. Не думаем, чтобы киевские студенты, например, освиставшие г. Зенгера и ректора Фортинского²³⁷, признали силу нравственного осуждения, которое произнес бы над нами хотя бы профессорский суд: они ведь привыкли отлично различать материальную силу правительства и его нравственное оправдание холопами, которые запрещают студентам вмешивать политические вопросы в университетский научный обиход, а сами стараются обратить науку в *instrumentum regni*²³⁸ татарского правительства.

Но самой важной стороной дела является в данном случае следующая: какие собственно наказания будет налагать университетский суд — те ли, о которых постановляют временные правила г. Зенгера, или после закуски различных увольнений и удалений те, которыми располагают темные силы, заботящиеся о политическом благосостоянии нашего отечества, — административные высылки, насильственные водворения на место жительства, содержание в тюрьмах гражданского ведомства и отдача с «исправительною» целью в части военного ведомства? Эти пустяки не предусмотрены в лестнице взысканий, изложенной в циркуляре г. Зенгера. Он и не имеет права предусматривать их, и его судьи-профессора будут стыдливо постановлять свои приговоры, как будто люди, выброшенные ими в тьму кромешную, не сделаются тотчас жертвами истязаний, в которых соображения педагогики и гуманности не играют никакой роли. Что положение профессорского суда в данном случае будет более чем тяжелое, нравственно безысходное, об этом нет надобности догадываться: об этом может засвидетельствовать справка хотя бы с документами г. Георгиевского. Суд этот существовал и бездействовал или мирволил обвиняемым, и не мог поступать иначе, потому что за всеми складными положениями о взысканиях и формах процедуры выдвигалась мрачная перспектива российской административной расправы, перспектива, которая лишала якобы судебную процедуру университетского трибунала всякого нравственного авторитета, обращала ее, в сущности, в умывание рук по рецепту Пилата²³⁹.

В 1879 году петербургский университетский совет, в 1899 г. десять московских профессоров в записке, поданной на имя министра Боголепова, обращали внимание на организацию беспорядков, создаваемую такими порядками. Так как у всех в руках книжка Георгиевского, то сошлемся лишь на стр. 7 этой книжки, где приведено следующее место из донесения попечителя Петербургского округа о беспорядках 1878 г.: «Мне стоило большого труда, чтобы убедить назначить суд, чего я достиг, лишь получив заранее словесное обещание главного начальника III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, а равно и С.-Петербургского Градоначальника не высылать тех студентов, которые оказались бы удаленными университетским судом». А совет университета, «указав на несколько случаев долговременных предварительных арестов по политическим делам студентов, оправданных впоследствии решениями судебных мест, а также на административные высылки оправданных по суду, прибавляет: подобные случаи, конечно, не могут действовать на молодежь в смысле развития уважения к закону и к судебным решениям, являясь притом нередко непосредственными источниками волнений». Оттого, между прочим, совет ходатайствовал: «крайне необходимо обеспечить самостоятельность и авторитетность действий университетского начальства и суда по прекращению беспорядков в стенах университета. Для достижения этой цели должно быть устранено всякое усиление дисциплинарных взысканий мерами полиции... Желательно устранить применение административных кар к учащейся молодежи. Административная высылка учащегося губительно отражается на всем его будущем, лишая возможности образования и ставя его в условия, делающие его врагом существующего порядка» (стр. 9). А попечитель вполне согласился с мнением совета, что «наложение еще особых административных взысканий на студентов, обвиненных университетским судом, должно крайне стеснять университетское начальство», и что оно «равносильно отмене университетского суда» (стр. 12). Посмотрим, будут ли делать представления в этом смысле современные советы и попечители, но опасаемся, что всякая попытка завести речь об этих «посторонних» обстоятельствах будет рассмотрена как посягательство на политические особенности той «святой Руси», о нравственных запросах которой по отношению к наказаниям дал разъяснения европейским криминалистам московский ректор Тихомиров²⁴⁰.

Обратимся теперь к новой системе студенческих обществ, установленной временными правилами 27 августа. Опять-таки характерно заключающееся в этих правилах признание полной несостоятель-

ности системы «отдельных посетителей», которой так усердно следовали министры недоброй памяти Толстой, Делянов, Боголепов. Характерно также устранение унижительного полицейского надзора, придуманного для профессоров странными сотрудниками ген. Ванновского. Но и та форма, в которой является разрешение устраивать студенческие организации в «Временных правилах» тайного советника Зенгера, наводит на основательные сомнения в целесообразности и долговечности этих правил.

Во-первых, всей организации придать неуместный характер начальнической опеки со стороны профессорского персонала. Куратор является опекуном, который поставлен курсу со стороны совета. Между тем во всяком случае необходимо было трудную роль посредника между административной организацией и студенческими обществами поставить в зависимость прежде всего от доверия студентов. Профессора являются в подобных случаях естественными, но не обязательными посредниками, и, чтобы сделать положение председателей курсовых собраний возможным, необходимо было сделать их выборными: студенты сами должны были бы избирать своих председателей. Между тем ректору, как председателю комиссии, и кураторам, как «классным наставникам» курсов, придано такое положение, в котором ясно сказывается желание в самом начале поставить студенческие собрания под ферулу университетских властей. А на этой почве едва ли удастся построить что-нибудь независимое и живое, способное конкурировать со сходками, землячествами, союзными советами и другими нелегальными организациями.

Не мешает обратить внимание и на положение профессоров как кураторов. Очевидно, имеется в виду создать такой порядок, при котором они бы отвечали за свои курсы, были как бы поручителями за них пред начальством. Такая роль совершенно невыполнима и только послужит поводом к дальнейшему дискредитированию профессоров и перед студентами, и перед начальством. Студенты будут смотреть на куратора как на замаскированного инспектора, призванного следить и доносить как о настроении своего курса, так и о свойствах его отдельных представителей, как на человека, злоупотребляющего своей ролью наставника, чтобы оказать услуги ненавистному политическому режиму. Начальство будет требовать от кураторов сведений о поступках, знания сердец и так называемой «стойкости убеждений», т. е. внутренней солидарности с омерзительным порядком, который истязает и развращает русское общество. Та неискоренимая двусмысленность, которая всегда отличала положение русских профессоров, служивших если не Богу и маммоне²⁴¹, то науке и татар-

скому игу, выступит особенно ярко при новом порядке. В этом случае стоит опять сделать несколько справок в книге г. Георгиевского. Вот Д. И. Менделеев, который в 1887 году говорит, не стесняясь присутствием студентов, что полиция не имеет права производить аресты в стенах университетов, и в 1890 году берется для успокоения своих слушателей передать их петицию министру народного просвещения, но получает начальнический укор за то, что принял документ, который «никто из состоящих на службе Его Императорского Величества не имеет права принимать», и выходит в отставку (55, 57). Вот ректор Казанского университета Кремлев, который вслед за нанесением пощечины инспектору Потапову²⁴² читает студентам целую лекцию об основных принципах общежития к видимому неудовольствию попечителя²⁴³, находившего, что «красноречию ректора и некоторых его коллег не предвиделось конца», и с нетерпением ожидавшего слушая ввести в университет полицию, а если нужно, и войска. Едва ли, впрочем, речи Кремлева послужили и к умиротворению студентов, которые находили, что им навстречу тут шла та «наука для науки», благодаря которой можно спокойно и бесстрастно смотреть на гнет и страдания родины (с. 47 и сл.). Увидим, чьему примеру последуют кураторы в тех многочисленных случаях, когда студенты, по выражению Петербургского совета в 1879 г., будут действовать под влиянием «ложной мысли, что молодежь должна делать то, чего не может или не хочет делать общество взрослое, что она должна протестовать против тех или других неустройств и ненормальных явлений». И через посредство курсовых собраний под председательством кураторов, и через курсовых старост будут, конечно, производиться попытки говорить правду о разных порядках святой Руси. И тогда, вероятно, опять наступит черед тех мер к нравственному возвышению университетов, которые были так блистательно иллюстрированы владиславлевским «очищением» Петербургского университета в 1887 году. Припомним, что это лечение железом и огнем было совершено во имя «нравственности». Его инициатору предносилась мысль сокращением числа студентов осуществить план, к которому рано или поздно должно прийти министерство народного просвещения: устроить при Петербургском университете на «глазах власти нечто вроде профессорского института». «При надлежащем подборе студентов и профессоров С.-Петербургский университет сможет получить такой характер и достигнуть такой нравственной высоты, что всякого рода либеральная болтовня, а тем более разрушительные идеи станут в нем невозможностью» (с. 41). Если не г. Зенгер, то кто-нибудь из его преемников, наверное, вспомнит об этом глубоко

комысленном пророчестве и приведет его в исполнение, тем более что почва для него в среде профессоров С.-Петербургского университета и других апробированных петербургских ученых достаточно подготовлена: нигде не чувствуется так ясно возможность соединения выгодной ученой профессии с департаментами и полицейскими заботами.

Но для проектов г. Зенгера это обстоятельство едва ли окажется благоприятным. Они могут встретиться с одним непредвиденным затруднением. Насколько нам известно, для большинства курсов трудно будет найти в русских университетах кураторов, которые имели бы хоть какой-нибудь нравственный авторитет. Места, конечно, будут замещены, потому что все должно обстоять благополучно, одобрительная оценка начальства обыкновенно бывает противоположна оценке студентов и общества. Но тем скорее выяснится крушение всей затеи, которую спохватились пустить в ход после того, как разогнали лучших и имевших действительное влияние профессоров и вполне подготовили университет к возвышению до того нравственного уровня, о котором мечтал Владиславлев²⁴⁴.

Вот почему мы думаем, что, несмотря на временные правила г. Зенгера, на заключение образованной под его председательством комиссии, египетские казни будут продолжаться в России и страна по-прежнему лишится своих сынов первородных. Русские университеты могут быть умиротворены только коренным политическим преобразованием страны.

КОМИЧЕСКАЯ ФИГУРА

В исторической трагикомедии, которая разыгрывается в настоящее время в России, находят себе применение самые разнообразные таланты. Гг. Плеве²⁴⁵ и Победоносцев²⁴⁶ являются протагонистами в сценах задушения, российский самодержец с успехом исполняет увертюры на граммофоне, а русскому народу приходится играть привычную роль Иванушки-дурачка. Есть между актерами и клоуны, над ужимками которых нельзя не посмеяться. На клоунском амплуа состоит, например, министр народного просвещения, Г. Э. Зенгер. И его личная карьера, и его министерская деятельность служат прекрасной иллюстрацией к тому, как в России понимают значение и задачи просветительной политики. Ушиб головы положил конец его ученым трудам по переделыванию Горация²⁴⁷, но твердо поставил его кандидатуру на пост главноуправляющего русским просвещением, и оставалось только поворожить доброй фее, чтобы наследие Делянова и Боголепова перешло в его руки²⁴⁸. Вот уже полтора года, как этот очаровательный министр подновляет традиции Скалозуба и Держиморды²⁴⁹ сладкими речами и отменными манерами. Эффект этой фантастической комбинации получается удивительный, и достигнутые до сего времени результаты заслуживают обзора в «Освобождении».

Как и надлежит министру, Г. Э. Зенгер посвящал внимание как высшей и средней, так и низшей школе. В области последней совершился за это время прямо переворот. Государь император предписал министру озаботиться подъемом материального и нравственного положения народных учительниц, и такую высочайшую волю г. министр не замедлил циркулярно довести до сведения попечителей округов²⁵⁰! Какие еще после этого нужны возвышения окладов, хлопоты о правах, о самообразовании, о съездах? Обо всем этом будут впредь толковать для раздражения умов лишь агитаторы. Не хватает хлеба — пусть живут словом любвеобильного монарха! Сокрушаются о своем принижении и темноте — пусть вспомнят, что о нравственном подъеме заявлено в подлинных циркулярах попечителям!

Жалко, что г. Зенгеру не удалось добиться таких же щедрот для удовлетворения преподавателей средней школы, о нуждах которых вот уже лет шесть говорят и пишут не только в министерских и ок-

ружных комиссиях, но даже в печати и среди самих преподавателей. А то при чтении распоряжения об увеличении учительских окладов рублей на сто в год невольно приходит на ум басня о горе, разродившейся мышью²⁵¹. Положим, на чай получить лучше, нежели не получить ничего, но неблагодарные учителя чего доброго подумают, что российское правительство, со свойственной ему практической сметкой, надолго отыгралось этим «начаем» от забот о человеческом существовании презренных педагогов. Едва ли послужит для них утешением, что нищенский результат хлопот о повышении окладов объясняется не случайной неудачей, а самую сущностью русской государственной мудрости. Может ли Россия тратить деньги на такие пустяки, как приличное вознаграждение учителей или устройство достаточного числа школ для возрастающего населения, когда этим деньгам предстоит сыпаться без счета и меры на покрытие расходов первой «железной» необходимости — на постройку бездоходных дорог, на хищников-инженеров и администраторов, на откармливание блестящего сонма великих князей и сановников, на воспомоществование прокутившимся дворянам, на насаждение русской «культуры» в Желтороссии? Привыкшему к своей комической роли г. Зенгеру остается только испускать слабый писк в ответ на ходатайства об учреждении новых учебных заведений: учреждайте мол сами, нам министр финансов не позволяет. А пока будем по-прежнему процветать в деле воспитания своеобразная русская политика — так как дознано, что для успешной борьбы с иностранцами необходимы не только ружья и солдаты, но силы ума и духа, то мы будем делать все от нас зависящее, чтобы плодить недорослей и ташкентцев²⁵².

Но если нашему министру народного просвещения и не дано расширить область своего влияния, то он принимает меры, чтобы заявить о себе качественным усовершенствованием образования. К нему перешло ответственное дело реформы средней школы, и он уже достиг в проведении ее крупных результатов. У всяких неудобных споров и возражений по существу, заранее отнята почва обычным в последнее время фортелем высочайшего повеления. Основные положения реформы провозглашены неизменно в результате частных бесед министра с императором, и Государственному совету как высшему законодательному учреждению империи остается только вращаться в круге этих основных положений. Что же касается до разработки учебных планов и всех технических деталей, то она поручена ученому комитету и совету министра²⁵³, активная роль которых при осуществлении реформы, очевидно, объясняется тем, что они составлены из ветеранов толстовского и деяновского режима, подлежащего

отмене. Такая парадоксальная постановка дела реформы и составляет собственно оригинальный вклад зенгеровского творчества. В остальном намечается сплошная компиляция, по русской пословице: «всякого жита по лопате». Тут и несколько гимназий с двумя классическими языками, но без того минимума сведений по русскому языку и истории, который признается необходимым в менее гуманитарных заведениях. Тут и преобладающий тип «надломленного» классицизма, ставящий себе целью приобщить лучших своих питомцев к культуре Горация и Овидия²⁵⁴ и призванный, вне всякого сомнения, питать всех учеников усвоением на время неправильных глаголов и последовательности времен. Тут и патриотическая история для малых ребят, придуманная генералом Ванновским, и обрывки естествознания, чтобы отвязаться от любителей природы, и телесные упражнения, которыми так удобно затыкать проблемы в таблице часов, и объединение программы первых трех классов, так недостаточное, хотя и невольное, признание идеи, что основание среднего образования должно быть единое и общеобязательное. Но тут же и коренная разница типов заведений, противопоставление «ученой» школы с надломленным классицизмом, практической школы с реальным образованием и еще какого-то прихвостня, шестиклассной школы для приготовления к «службе в губернии»²⁵⁵.

Если европейское общество, как видно, напр[имер], из реформы средней школы во Франции, из допущения реалистов в университеты в Германии, перерастает эти классовые противоположности школ, то как же русскому правительству в лице Г. Э. Зенгера не проводить начал школьной сословности и профессиональной обособленности различных типов заведений?

Особого внимания заслуживает в Основных положениях усиление религиозных и нравственных элементов воспитания, так как в данном случае мы имеем прямо личное указание монарха²⁵⁶. Некоторый материал для уразумения смысла этого указания дает опубликованный летом циркуляр министра к попечителям округов по поводу распушенности учеников средних учебных заведений²⁵⁷. Свидетельствуя о весьма распространенном среди молодежи неуважении к наставникам и властям и об успехах революционной пропаганды в средних школах, министр не ограничивается выговором педагогам за послабления и истолкованием сердечного попечения об учащихся в смысле применения к ним строгих репрессивных мер. Со свойственной ему велеречивую елейностью он рекомендует наставникам обращаться к религиозности в сношениях с «нравственно растерянными» учениками и подавать им личный пример религиозности в образе жиз-

ни. Если это не «слова и слова», то это призыв начальства заведений следить за образом мыслей и богопочитанием преподавателей. Какие формы примет эта забота о православном направлении школы, будет ли обращено особенное внимание на богослужебные наряды и *bellets de confession*²⁵⁸ или на негласный надзор законоучителя, или на усиление уроков Закона Божия, которые кто-то удачно назвал противорелигиозными прививками, — это покажет будущее. Но в разбираемом циркуляре есть и другие, менее туманные указания на предпринимаемые зенгеровской школой *политические* задачи. Преподаватели призываются обстоятельно разъяснять ученикам их нравственные обязанности по отношению к старшим, к школе и к государству. Уроками истории и русского языка, домашними сочинениями, домашним чтением надо пользоваться, чтобы внушить ученикам одобренные властями взгляды на «известные» вопросы и сообщать им духовную пищу, «более питательную», чем та, которая преподносится врагами «известной» школы. Эти поучения открывают привлекательную перспективу политической деятельности для наших педагогов. По кивку министра народного просвещения они рассеют все недоумения и обратят все упреки в вящее прославление русской гражданственности. Умилительно думать, как по всей России будет победоносно доказывать ученикам, что особенность русской свободы в отличие от английской состоит в праве быть побитым, засаженым в тюрьму и высланным в места более или менее отдаленные без всякой возможности прекословия; что свобода совести русского гражданина заключается в запрещении верить иначе, чем отмечено в его метрическом свидетельстве; что свобода печати в России отпускается, как сильные яды, по рецепту из Цензурного комитета; что газеты гг. Суворина, Грингмута, кн. Мещерского²⁵⁹ выражают подлинное общественное мнение страны; что для того, чтобы сделать государство могущественным, надо разорять народ; что лучшая опора правительства в невежестве и ничтожестве подданных; что под законами следует разуметь правила, угнетающие слабых и нарушаемые сильными; что внутренняя политика России должна быть направлена к возбуждению ненависти к государству среди природных русских и инородцев, а внешняя политика должна руководствоваться двумя началами — хватать, что плохо лежит и покровительствовать притеснителям, кого бы они ни притесняли, что военная сила России предназначена к тому, чтобы придавливать производительную жизнь народа и уничтожать малейшие проблески его самостоятельности и т. д., и т. д. Завидная задача досталась на долю русских педагогов! И как это они сами не догадались обратить свои уроки

в школьную публицистику и ожидали, чтобы Г. Э. Зенгер разъяснил им, до какой степени это превращение составляет их элементарную обязанность? Как просто разрешится, благодаря этому приему, тяжелое положение, о котором свидетельствует министерский циркуляр! Молодежь немедленно поймет, что нет смысла отказывать в уважении отдельным начальникам, когда вся система русского правления основана на подборе недостойнейших и на истреблении достойных. Таково уже обусловленное историей отличие России от Европы.

Высшие учебные заведения также не оставлены вниманием г. министра. О первых его опытах в деле их устранения было уже говорено в «Освобождении». Высказанные тогда предположения о судьбе новых «временных правил» оправдались с буквальной точностью. Кураторов так и не удалось посадить, за исключением тех немногих случаев, когда их не только посадили, но и спрятали. А университетский суд оказался новой ловушкой для несчастных профессоров, которым никак не удастся разрешить известную задачу о том, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. При этом высшее учебное начальство обнаружило по случаю петербургских весенних волнений обычное пренебрежение к своим клиентам, давши им поручение судить участников беспорядков и затем перечеркав решения этих «судей». Кроме того, г. министр «не затруднился» дать циркулярное разъяснение того, как он понимает отношения между академическими и политическими провинностями, академическими и административными карами. Сущность этого разъяснения сводится к тому, что хотя приговоры университетских судей не могут никоим образом иметь последствием высылку и других административных мероприятий, но гг. профессорам-судьям нечего беспокоиться: кого следует уберут и помимо их приговоров просто за неблагонадежность. А затем ректорам предоставляется почетная обязанность вести с жандармами дела об очищении университетов от неблагонамеренных элементов. Для этого опять никакого суда, ни академического, ни общего, не нужно. Любопытнее всего, что такая процедура провозглашается как нечто нормальное и необходимое в циркуляре министра накануне реформы, долженствующей возродить организацию университетов.

Канун этот, впрочем, грозит быть весьма продолжительным. Было время, и не так давно, когда реформу считали делом не только необходимым, но настоящим, спешным. Теперь уже говорят, что ученый комитет и совет министра соберутся пережевывать материал для нового устава лишь после того, как закончат свои плодотворные труды по средней школе. К тому времени подоспеет, вероятно, и новый материал в виде беспорядков и репрессивных мер. Если же ко-

гда-нибудь настанут греческие календы для нового устава российских университетов, то ввиду обнаруженной деятелями министерства самостоятельности мысли и воли, а также в виду благоприятной обстановки, созданной для обновления университета господствующими направлениями гг. ф [он] Плеве и Победоносцева, трудно сомневаться, что на свете появится нечто поистине необыкновенное.

А пока в ожидании греческих календ остается, по русскому обычаю, радоваться, что роль министра народного просвещения исполняется комиком, а не трагиком.

ПРОЕКТ НОВОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО УСТАВА

Лет сто назад, когда казалось, быстро выросшему Прусскому государству грозила гибель, когда преемнику Фридриха Великого²⁶⁰ приходилось испить до дна чашу унижения, государственные люди, стоявшие во главе побежденного народа, подумали о духовном возрождении, о создании мощного центра научной жизни. Основан был Берлинский университет, и со дня его основания можно считать не только начало деятельности одного из крупнейших просветительских учреждений Европы, но и первый успех Германии на новом пути, на том пути, который привел ее к теперешнему величию. России в настоящее время также приходится переживать годину тяжелого испытания: мы дожили до полного крушения правительственной системы и нравственного авторитета власти, живем изо дня в день, гордимся лишь тем, что еще существуем.

И в наше время, как тогда в Пруссии, взоры политических руководителей обращаются к университетам, признается необходимость позаботиться о главных очагах просвещения в стране. Недобрая эпоха восьмидесятых и девяностых годов проходила под знаменем устава 1884 года. Правительство освобожденной манифестом 17 октября России преподнесло русскому обществу проект университетского устава 1908 года. Посмотрим, как справились с этой задачей русские подражатели Вильгельма Гумбольдта²⁶¹.

Не может быть сомнения относительно причины всеобщей ненависти к уставу 1884 года. Общество постоянно осуждало обращение университета в приказное учреждение, обращение профессоров и студентов в отдельных посетителей этого учреждения, обидное недоверие к представителям науки и безусловное доверие к мудрости и авторитету бюрократических начальников. Негодность устава 1884 года выразилась не только в отзывах о нем со стороны всевозможных заинтересованных лиц, но и в наглядных фактах — в понижении научного уровня, в гонениях на людей с самостоятельным характером, в озлоблении учащихся, в беспомощных обращениях облеченных диктаторскими полномочиями властей к содействию унижаемых ими профессоров. Банкротство устава 1884 года было, наконец, при-

знано официально, и Высочайшее повеление 27-го августа 1905 года определенно указало путь реформы, поручив управление университетами и организацию студенчества вместо попечителей и назначаемых ректоров советам²⁶². Политический кризис, переживаемый страной, осложнил и затруднил применение созданной повелением 27 августа автономии: университетам не менее, а более всех других учреждений пришлось считаться с накопившимся в обществе раздражением, с нетерпением неопытной и горячей молодежи, с отражением политических волнений. Но хотя автономные советы не нашли и не могли найти таких средств, от которых бы «как рукой сняло» общественные недуги в университетском быту, но в этом быту обнаружили давно уже заглохнувшие силы: товарищеская солидарность в кругу преподавателей, нравственное воздействие на студентов, решимость деятельно защищать закон и порядок, оживление научных интересов. Университеты ожидали, что им дадут время оправиться и после двух десятков лет бюрократической несостоятельности не будут взыскивать за всякий недочет каких-нибудь трех лет автономной практики, прошедших в прямо невозможных условиях. Что же однако готовят им составители давно обещанного «нового» устава?

Что осталось в проекте этого устава от совета, на который Высочайшим повелением 27 августа возлагались заботы и ответственность за поддержание учебной жизни в университете? Собрание, утверждающее в ученых степенях, присужденных факультетами, избирающее председателя библиотечной комиссии и редактора университетских изданий, назначающее ежегодно день для торжественного собрания университета, «составляющее» годовой отчет о деятельности университета, изготовленный секретарями, составляющее проект библиотечных правил и инструкций университетскому врачу, избирающее секретаря совета и его помощника, составляющее проект правил для студентов и посторонних слушателей для представления в министерство, просматривающее предложения о соединении и разделении кафедр, подготовленные факультетами, избирающее почетных членов университета, возводящее известных лиц в степень почетного доктора, устраивающее торжественные собрания в память лиц и событий, имеющих значение для науки, передающее ходатайства факультетов об учреждении ученых обществ на усмотрение министерства народного просвещения. Наконец, совету принадлежит избрание ректора и проректора, если министру не благоугодно будет устранить предложенных советом кандидатов и наметить своих. Сравнительно с этим собранием статистов для торжественных случаев даже совет по уставу 1884 года был деятельным учреждением:

ему все-таки принадлежали некоторые реальные права по избранию в известных случаях профессоров, по временному обеспечению преподавания по вакантным кафедрам, по устройству учебно-воспитательных учреждений, по рассмотрению университетского бюджета.

На кого же возлагается забота и ответственность о поддержании учебной жизни, которая отнимается у профессорской коллегии? Прежде всего на бюрократические органы: на ректора, на попечителя и на министра. Ректор «нового» устава не назначается, а подбирается из числа ординарных профессоров. Вместо откровенной формы назначения сверху изыскан обход в виде устранения неугодных кандидатов и назначения после двукратного устранения. Это нечто иное, нежели простой отказ в утверждении, который был всегда в распоряжении высшей учебной власти, но по существу своему являлся мерой исключительной. Постановлением нового проекта готовится почва для удобного разрешения предусматриваемых конфликтов между министерством и советами, и нетрудно видеть, что министерство, способное проводить такой устав, как предлагаемый в настоящее время, не стеснится подбирать угодных себе ректоров при помощи уставной статьи о двукратном устранении. Но в таком случае не достойнее ли было бы просто вернуться к назначению согласно уставу 1884 года?

Если избрание ректора является плохо замаскированным подбором, то насчет полномочий этого должностного лица не может быть никаких сомнений. Это единоличный начальник университета, на котором лежит ответственность за все, что совершается в последнем, и который, естественно, обязан следить за всем и всем руководить. Студентов он может увольнять после напоминания и без ононого. Профессорам и преподавателям он делает напоминания и замечания и доносит на них попечителю, факультетам и почему-то совету. Одним словом, «сосредоточение власти» предполагается полное, и остается только недоумевать, где и как предполагает министерство найти чиновников, которым было бы под силу бремя этой изолированной, деспотической власти, за все ответственной, всем угрожающей и ни на кого не опирающейся. Ведь едва ли можно ожидать сильной нравственной поддержки от попечителя, которому ректор в порядке административного подчинения должен представлять и доносить об университетских делах. В лучшем случае эта промежуточная бюрократическая инстанция будет умножать канцелярскую «волокиту»; в худшем случае при ревности не по разуму университетам придется быть вновь объектами того попечительства, с которым они достаточно ознакомились в период действия устава 1884 года. Ис-

тория лет, прошедших со времени утверждения этого устава, по-видимому, убедила составителей проекта 1908 года, что высшее учебное начальство может и должно играть роль Провидения в университетах. Эта твердая уверенность во всемогуществе и всеведении центрального управления особенно ясно обнаруживается в статьях проекта, посвященных деятельности министерства народного просвещения. Оно не только подбирает ректоров, проректоров и деканов всех российских университетов, оно назначает профессоров или определяет число кандидатов, имеющих быть рекомендованными на вакантные кафедры, оно устанавливает планы преподавания, проверяет программы курсов и испытаний, не говоря уже о множестве других случаев начальнического попечения. Такой полноты власти не знали даже министры, опиравшиеся на устав 1884 года. Отныне профессора будут получать выговоры, поправки и указания не только по поводу перечисления пособий в «Обозрениях преподавания», как это практиковалось до сих пор, а во всех проявлениях своей научно-преподавательской деятельности. Они узнают из министерских бумаг, какие предметы важны и какие нет, в каком объеме следует их читать, на что именно обращать внимание в курсах и чего не касаться. А на местах наблюдение попечителя, ректора и деканов будет наставлять их и тому, *как* следует читать и как думать. Счастливые русские профессора! Такого стройного здания государственной науки нет ни в одной из так называемых образованных стран Западной Европы и Америки! Пусть каждый из представителей науки чувствует себя ничтожным; из суммы этих ничтожеств сложится величие министерства народного просвещения.

Вся совокупность мер по постановке преподавания, очевидно, внушена одною мыслью. Необходимо искоренить в университетах вольнодумство радикальных профессоров. Правительство возводит против этого вольнодумства несколько рядов укреплений. Диплом университета не будет впредь давать никаких прав, кроме права искать ученой должности в самом университете. Поступление на государственную службу будет ограничено экзаменационными комиссиями отдельных ведомств. При этих условиях казалось бы естественным разделить понятие свободы преподавания и государственных требований, как это, хотя и лицемерно, предлагали составители устава 1884 года. Но авторы нового проекта, умудренные опытом, идут дальше своих предшественников: превратив университет в лишенную служебных преимуществ школу наук, они накладывают руку на самые науки. Им известна сила идейных стремлений, и они не отчаиваются подчинить их интересам существующей правительственной системы

путем цензуры программ, надзора за курсами, строгого отношения к вольнодумцам и награждения достойных. Характерным выражением этой правительственной точки зрения на университет является самое определение последнего. Опущена мысль: участие в разработке науки. Может быть, составители решили, что это дело в России находится в ведении Академии наук. Возможно также, что о научно-исследовательской работе умолчали потому, что еще не найдено средств подчинить ее контролю министерства народного просвещения.

Таково отношение составителей проекта к университетской науке и ее представителям. Как же отнеслось министерство к чрезвычайно сложному вопросу об организации учащейся молодежи? Ведь в этом случае оно стоит лицом к лицу уже не с сравнительно немногочисленными членами ученого сословия, а с десятками тысяч юношей, представляющих все состояния и группы русского общества, страдающих всеми его болезнями и обидами, одушевленных его чаяниями и запросами, с десятками тысяч людей молодых, неустановившихся, симпатичных даже в своих увлечениях. Сколько терпения и мудрости необходимо в обращении с этой разгоряченной русской молодежью! Как трудно проводить по отношению к ней границы между мерами, необходимыми для поддержания академического порядка, и суровыми репрессиями! В чем же секрет воспитательной политики нового устава? Надо отдать справедливость его составителям: они обошлись простыми средствами и применили их с последовательностью. Вся их политика сводится к двум мыслям: обеспечить порядок в университете увольнением студентов; подчинить учащихся во всех их гражданских запросах действию общих узаконений и надзору общей администрации.

Для проведения первой мысли пришлось до крайности упростить судебно-дисциплинарное устройство университета. Дисциплинарный суд, созданный правилами 11-го июня 1907 года и существовавший в зачатке даже по уставу 1884 года в виде суда правления, уничтожен. Предполагается, что проступки студентов в университете однообразны, что фактическая обстановка их во всех случаях вполне ясна, что к делам, в которых обвиняемым грозит лишение высшего образования, не стоит применять освященных юридической наукой форм судопроизводства, что с возмущением против суммарных, несправедливых, жестоких приговоров нет надобности считаться. И вот забота о дисциплинарном суде в университете передана всецело ректору, деканам и факультетским приставам. Единственным фактическим основанием для решения дел о нарушении порядка будут донесения последних деканам и ректору (или прорек-

тору). На основании таких донесений последует напоминание провинившимся, а за вторым напоминанием — увольнение. Просто и решительно. В случае «действий скопом», т. е. сходок и манифестаций, дело поставлено еще проще: увольнение наступает немедленно, без каких бы то ни было различий и предупреждений. Судя по тому, что известно из предшествующей истории студенчества, применение этих правил сразу увенчается успехом: ректор, деканы и пристава на первых же порах останутся одни с кучкой студентов из лагеря союза русского народа, и в университетах воцарится мир пустыни — *solitudinem faciunt, расем vocant*. Без затруднения разрешаются для составителей проекта и причинившие столько хлопот вопросы о студенческих обществах и собраниях. Студентам «не возбраняется» составлять общества и устраивать собрания, но на общих основаниях, без вмешательства университетских властей. Логически провести это различие возможно, но в действительности при существующих условиях это значит бросить горячий материал в печь: нет надобности быть чрезмерным скептиком, чтобы усомниться в мирном сотрудничестве студентов и полиции. На деле студенческие общества и собрания будут опять загнаны в подполье и станут конспиративными, как при господстве устава 1884 года.

Предлагаемый законопроект рассчитан, очевидно, не на успокоение, не на врачевание больного организма, не на воспитательное влияние, а на полицейское подавление. Ему однако нельзя отказать в крупных достоинствах: в единстве замысла и последовательности исполнения. Его следует либо принять целиком, либо отвергнуть целиком: для частичных поправок, которыми так любят обходиться нерешительные люди, он совершенно не пригоден. Это прекрасно. Будем надеяться, что проект 1908 года никогда не станет законом, но если бы он стал законом, то последствия его дадут себя знать немедленно, и мы уверены, что очень скоро придется позаботиться опять о «новом» уставе.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ВОПРОС

Годовые обзоры бывают иногда неудобны тем, что началом для них приходится брать внешний факт — 1 января данного года, между тем как главы современной истории распределяются независимо от календаря. Это неудобство сильно дает себя чувствовать в нынешнем году как раз по университетским делам: в жизни университетов наступил капитальный поворот гораздо раньше 1 января 1908 года. Поворот этот нельзя приурочить к определенной дате, хотя всего удобнее считать его приблизительно с весеннего семестра 1907 года. По содержанию этот фазис развития университетской жизни отмечен определенными чертами. Увлечение политической борьбой и беспокойство, при котором невозможны были последовательные занятия, прекратились, и наступила пора серьезной академической работы.

Выяснилось, что необходимые реформы придется добывать не натиском, а упорным трудом; выяснилось, в частности, для студенчества, что главные задачи университета — ученая и культурная, что без науки и образования немислимо мечтать об общественном прогрессе. При этих условиях созданный Высочайшим повелением 27 августа 1905 г. гуманный строй возымел, наконец, свое благотворительное влияние: в университетах пошла полным ходом оживленная работа, профессорские корпорации в общем удачно применились к новому складу своей автономной жизни, неизбежные уклонения и недочеты ступеньки вывалились в общей картине правильного и быстрого оздоровления.

Но наперекрест этому благотворительному движению выступило другое влияние — давление политической реакции. Забыв о недавнем банкротстве, о своих грехах и поражениях, правительство выступило в роли непогрешимого и немилосердного судьи, а все группы русской Земщины попали на скамью подсудимых. Естественно, и университетская жизнь попала в полосу «подтягивания» и начальнического устроения. Господство этого течения приходится как раз приурочить к определенной новогодней дате, к 1 января 1908 года, когда вступил в должность новый министр народного просвещения, бывший профессор Московского университета А. Н. Шварц²⁶³.

Первым признаком перемены курса было враждебное отношение к благородному начинанию А. Шанявского²⁶⁴, завещавшего капитал

на устройство в Москве вольного университета, предназначенного служить задачам распространения университетского образования. Министерство народного просвещения в этом деле следовало своей исконной антипросветительской политике. С рвением, достойным времен Д. Толстого и Делянова, были подрезаны крылья нового учреждения, отнята возможность образовать сеть филиальных курсов вне Москвы, введена цензура программ чтений попечителем учебного округа, и все дело едва не погублено проволочками и возражениями²⁶⁵.

По отношению к государственным университетам политика нового министерства определилась в циркулярах 16 мая и 14 июля²⁶⁶. Один из этих циркуляров объявлял незаконными применявшиеся при предшественнике А. Н. Шварца меры по приему сторонних слушателей и в частности допущение к слушанию лекций женщин. Не возбуждая даже вопроса о том, насколько обоснованы возражения против их приема, можно ограничиться указанием, что резкая перемена министерской политики не должна была ни в каком случае иметь ретроспективного характера: нельзя было выгонять из университетов слушательниц, доверчиво отнесшихся к данному им при предшествовавшем министре разрешению проходить университетский курс. Между тем министерство А. Н. Шварца не задумалось поступить именно так и исключило всех уже поступивших вольных слушательниц. Второй циркуляр касался студенческих организаций и собраний и был направлен главным образом против представительства студенческих групп, даже разрешенных. Помимо возражений по существу против этих распоряжений, ими возбуждался общий вопрос о дальнейшем ходе университетской жизни, так как министерство вмешивалось непосредственно в заведование учебным бытом, возложенное повелением 27 августа на заботу и ответственность университетских коллегий. Выходило, что, по мысли новых руководителей министерства, совет и выборные ректоры и деканы должны были выступать не в роли членов самоуправляющихся коллегий, а исполнителями указаний центрального учреждения. Московский университет весной, а Петербургский — осенью высказались в том смысле, что они считают такого рода вмешательство министерства несогласным с Высочайшим повелением 27 августа и потому незаконным.

Семена, брошенные циркулярами 16 мая и 14 июля, дали обильные всходы. Петербургский университет очутился лицом к лицу с задачей уничтожения допущенного им ранее в целях облегчения сношений между профессорами и студентами центрального представительства студенчества²⁶⁷. Во всех университетах стоял вопрос об участии вольных слушательниц. Профессорам было сделано напоминание о не-

обеспеченности их положения: от тех из них, которые в качестве членов первой Думы подписали Выборгское воззвание, потребовали отречения от враждебных правительству партий²⁶⁸. И среди профессоров, и среди студентов распространилось понятное беспокойство: в мерах министерства видели нападение на университетское самоуправление и опасались за его дальнейшую судьбу.

На этой почве возникли грандиозные студенческие беспорядки, принявшие в октябре форму общестуденческой забастовки. Получилось положение, выгодное для крайних партий, — для революционеров и реакционеров. Масса студенчества на некоторое время пришла в сильное возбуждение и прибегла к средству, от которого уже немало пострадали русские университеты. Занятия были прекращены, хотя было ясно, что это прекращение отзовется прежде всего на самих студентах, а не на высшем учебном начальстве, которое в университеты не заглядывает и мало смущается той ненавистью, какую выражают ему студенты. Одно время казалось, что в новой смуте суждено погибнуть только что зародившейся университетской автономии, и притом, — что особенно обидно, — погибнуть столько же от горячности и непонимания учащихся, сколько от злорадной враждебности учебного начальства. К счастью, однако, дружным усилием профессоров и влиянием более благоразумных среди студенчества удалось прекратить забастовку. Вторая половина семестра прошла при нормальном течении занятий.

Между тем по возбужденным весной вопросам происходили очень характерные для русских условий неожиданности. За исключением вольных слушательниц из университетов последовало допущение их в университеты советом министров, правда, на удивительных условиях²⁶⁹. Им разрешалось посещать университетские здания, но не студенческие лекции, слушать курсы профессоров, но не те курсы, которые были организованы для университетских слушателей, а другие, особо устроенные для небольших групп вольных слушательниц. Иначе говоря, последние допускались к занятиям, которые фактически невозможно было вести. Этой «комедии ошибок» был положен конец Высочайшим повелением, допустившим вольных слушательниц к окончанию предпринятых ими занятий²⁷⁰.

По вопросу о студенческом представительстве совет министров также вынес довольно неопределенную резолюцию, которою однако открывается путь к восстановлению этого полезного звена в университетском быту²⁷¹.

Допущено было избрание старост или представителей для отдельных групп студентов, хотя совет настаивает на запрещении каких бы

то ни было центральных или объединяющих учреждений. Форма при этом соблюдена, хотя не видно, каким образом можно будет воспрепятствовать соглашениям между легализованными представителями групп, да к тому же эти соглашения, несомненно, представляют шаг вперед сравнительно с хаотическими формами так называемых «частных собраний», т. е. сходок.

Несмотря на эти частные уступки, конец года ознаменовался двумя грозными для университетов событиями, а именно разъяснением сената по вопросу о пределах университетской автономии²⁷² и выработанным в министерстве проектом университетского устава. Перенесение вопроса об автономии в сенат было ответом министерства на протесты университетов против известных циркуляров, которыми министр вмешивался в руководство учебной жизнью в этих заведениях. «Разъяснение» сената стремилось сузить понимание Высочайшего повеления 27 августа. Намечавшееся трехлетней практикой толкование, в силу которого самоуправляющиеся университеты действовали по крайнему разумению и за своей ответственностью, а министр имел возможность и обязанность следить за законностью их распоряжений и оказывать в утверждении важнейших из них, если они представлялись ему нецелесообразными, не было принято. Взамен его сенат разъяснил самоуправление в смысле исполнения непосредственных указаний министерства советами и выборными ректорами и деканами. В такой постановке дела коренится несомненное противоречие и источник слабости, потому что нельзя ожидать от университетов ревности в исполнении мероприятий, продиктованных им свыше и противоречащих, быть может, взглядам самой университетской среды. Нельзя ожидать и возрастания авторитета университетских коллегий при отречении их, по приказанию министерства, от мер, которые они сами установили. Остается ожидать, насколько пожелает министерство воспользоваться приобретенной им благодаря определению сената позицией.

Судя по выработанному в министерстве проекту нового устава, даже это определение представляется недостаточным для искоренения университетского самоуправления. Планы руководителей русского просвещения идут гораздо дальше и уже снискали полное сочувствие собранных в совете министра деятелей эпохи Делянова. Проект предполагает просто упразднить совет как главный орган университетского управления и делать ректора директором, а по отношению к студенчеству диктатором. Министерство будет призвано направлять учебную и воспитательную деятельность университетов путем непосредственных распоряжений, а студенты вновь окажут-

ся отдельными слушателями государственных школ. Все их собрания и общества передаются на милостивое попечение общей администрации. Говорят, у проекта в этом виде мало шансов пройти даже в совете министров и даже в третьей Думе. Указывают на одобренный первым учреждением устав донского политехнического института, который ограничивается подчинением студентов общей участи российских граждан, но не уничтожает выборной системы управления²⁷³. Ссылаются на то, что министры и законодатели постесняются вызвать принятием проекта скандал на всю Европу. Поживем — увидим. Во всяком случае, людям свойственно надеяться даже в самые тяжелые минуты. Пожелаем же университетам, чтобы новый год не принес им такого положения, при котором люди, преданные делу высшего образования, были бы принуждены покинуть это дело, как безнадежное при существующих гражданских условиях.

ШКОЛА И ВОСПИТАНИЕ

Стоит ли писать в настоящее время о школе и воспитании в России? О чем загадывать, что советовать в этом бесконечно важном деле, раз оно, по-видимому, прочно находится в руках нашей несведущей бюрократии? В этом направлении, как и в остальных, государственные люди, управляющие Россией, поразительно напоминают своих австрийских собратьев после поражения 1859 г[ода] и перед поражением 1866 года. Ни доказанная негодность в прошлом, ни несомненный позор в будущем не смущают. Горды сознанием победы... над собственной страной, уповают, что выхолостили Россию надолго, если не навсегда. Пожелания и размышления непосвященных представляются в данном положении досужими мечтаниями. И тем не менее пока люди живы, невозможно не строить планов и не надеяться. Притом затишье и застой могут оказаться не такими продолжительными, как рассчитывают теперешние наши повелители. В конце концов и внутренняя жизнь страны и международные отношения зависят прежде всего от работы исторических сил, и несостоятельность политики подавления может обнаружиться в любой момент. Предположим, что это обнаружение совершится не в результате кризиса, который расстроит все существующие условия, порвет все нити, связывающие с прошедшим. Чего желать, к чему стремиться в деле воспитания в школе.

Некоторые простейшие задачи настолько очевидны и общепризнаны, что о них нет особенной надобности распространяться. Едва ли нужно доказывать, что пора России перейти от средневековых ограничений, наложенных на евреев, к общеевропейскому уравниванию в правах русских граждан. Кто будет отрицать, что надо позаботиться о всеобщем начальном обучении: проект в этом направлении выработан даже существующим министерством народного просвещения и представителями господствующей партии октябристов. Конечно, могут быть разные мнения относительно неотложности предстоящих в последнем случае мер: современное правительство и примыкающие к нему октябристские политики все еще склонны смотреть на эти мероприятия как на нужды второго или третьего разряда, которые следует удовлетворять по мере возможно-

сти вслед за более настоятельными требованиями военного, морского ведомств, министерства путей сообщения и т. п., тогда как, с общественной точки зрения, нет нужды более настоятельной и потому не может быть сомнения, что средства для удовлетворения должны и могут быть найдены без замедления²⁷⁴. Вопрос о 100 или 150 миллионах рублей не представляется серьезным при бюджете в 2 ½ миллиарда и при наличности потребности такого рода. Отговорки обременением бюджета в данном случае лишь напоминают о том, насколько Россия еще в плену у старого порядка, привыкшего тратить деньги на всевозможные бесплодные и вредные затеи и игнорировать первые потребности благоустроенного общежития. Но не стоит тратить времени на обсуждение этих элементарных вопросов, которые могут быть разрешены лишь в одном направлении при наличности самого обыкновенного здравого смысла.

Интереснее подумать о задачах, которые представляют действительные трудности и требуют прозорливой и искусной политики для правильного своего разрешения. В области начального образования, о которой мы заговорили, есть несколько задач такого рода: к числу их я отношу прежде всего вопросы о типах народной школы, о подготовке преподавательского персонала и о характере государственного и общественного воздействия в указанной области. В этих вопросах нельзя ограничиться простым подражанием тому, что сделано и делается у наших более просвещенных соседей. Особенности запущенного положения были в России таковы, что, по крайней мере, в ближайшее время нужно идти самостоятельной дорогою к аналогичной цели. В большей части западноевропейских государств принятые типы начальной школы основаны на обязательном обучении детей в течении шести или семи лет. Можно ли стремиться в России к немедленному проведению плана, в основу которого была бы положена обязательность хотя бы шестилетнего курса. Я думаю, что, не говоря о чрезвычайном осложнении необходимых мероприятий, попытка добиться чего-нибудь подобного встретила бы непреодолимое сопротивление в массе народа, которая отнеслась бы к ней как к рекрутчине любого рода. Народ настолько не привык в России обходиться без хозяйственных услуг населения детского возраста, что трудно бывает выдержать детей в городских начальных школах полные три года теперешнего обучения. Одним росчерком²⁷⁵ пера такие прочно установившиеся привычки искоренить нельзя и колоссальное предприятие проведения всеобщего обучения в России придется разбить на две стадии. Неотложно необходимо покрыть Россию сетью школ, рассчитанных на трехгодовой нормальный курс, и сделать этот курс

обязательным, как только сеть будет готова и достаточно оборудована. Одновременно с этим желательно приступить к устройству добавочных школ с двух- и трехгодичным курсом в городах и больших селах с расчетом на возможно широкий доступ для желающих пройти более обширный и законченный курс начального образования. Где возможно, напр[имер], в Петербурге, в Москве и т. п. следовало бы постепенно переходить к четырехлетнему и пятилетнему курсу в начальных училищах, но так как обязательность может быть введена в первое время лишь в расчете на трехгодичное обучение, то даже в случае устройства пяти- и шестиклассных школ их придется расчленять на младшие отделения с обязательным и старшие с дополнительным курсами. Я касаюсь этой технической подробности потому, что она связана с вопросом о программе и воспитательной грани начального образования в России. Ясно, что нормальная обязательная школа с трехгодовым курсом может задаваться лишь самыми скромными и элементарными задачами. Она должна научить читать и просто излагать мысли речью и письмом, считать. В остальном она может открыть или указать дорогу духовным интересам путем хорошо подобранного чтения, знакомящего с некоторыми крупнейшими фактами из жизни природы и людей. Ни отчетливая внешняя грамотность, [ни] знания церковного начетчика не должны быть целью этого элементарного курса. О первом увлечении нет особенной надобности распространяться, хотя на практике в русских школах слишком часто драгоценное время короткого элементарного курса приносится в жертву наведению внешней грамотности. Но еще вреднее тенденциозное подчинение начальной школы целям церковнополитической пропаганды. Так называемая церковноприходская школа играла печальную роль в истории русского просвещения. Создалась она ради борьбы с светским преподаванием; целью было поставлено углубление пропасти между так называемой интеллигенцией и народом; педагогические результаты оказались в высшей степени скудными. Духовенство, призванное руководить этим ответственным делом, едва справляется со своими прямыми обязанностями и не обнаруживает ни охоты, ни умения вести народную школу, а работающий под его надзором учительский персонал поставлен во всех отношениях хуже нежели соответствующий состав учителей земских и городских школ. В лучших случаях время тратится непроизводительно на церковнославянские тексты и на зубрение тропарей и кондаков, в худших не выходит ничего — ни достаточной русской грамотности, ни церковной подготовки. Необходимо устранить эту пагубную двойственность, устроенную злейшими притеснителями русского обще-

ства. Для разумного и благотворного религиозного преподавания открыта мирская дорога в общей начальной школе, и нет никакой надобности воздвигать крепость против этой общей школы на почве ханжества. Обязательная начальная школа должна быть под контролем государства относительно своих минимальных требований; во-круг этих общественных требований и вслед за ними сможет развиваться частная инициатива, но в этом случае нет основания оказывать государственное покровительство и субсидировать школы с одностороннецерковным направлением. Охотники до такого церковного просвещения пусть устраивают его на свой частный счет²⁷⁶. Таким образом, мы приблизились к вопросу о положении добавочных или высших ступеней народной школы. В той ближайшей стадии развития русской системы, которую мы имеем в виду, нет основания строить однообразный и единственно спасительный план для этих школ. В применении к ним надо было бы представить самое широкое поле действия частной и общественной инициативе. В одном случае центр тяжести будет положен в религиозном совершенствовании, в другом — в профессиональной подготовке, в третьем — в общеобразовательных предметах. Но, однако, нельзя не высказать пожелания, чтобы при создании сети школ второй степени обращено было особое внимание на общеобразовательные потребности. При необходимости на первое время ограничиться в обязательной начальной школе скудным минимумом надо употребить все усилия, чтобы сделать дальнейшее совершенствование, по крайней мере, доступным для желающих. Поэтому даже в ремесленных, торговых, земледельческих училищах, непосредственно примыкающих к начальной школе, необходимо отводить широкое место общеобразовательным предметам — родному языку и словесности, истории, географии, естественным наукам. А кроме того, как мне уже случилось заметить, государство, наиболее просвещенные города и земства должны готовить переход к начальной школе с более полной общеобразовательной программой, аналогичной по характеру и объему программам народных школ Германии, Англии, скандинавских стран. Значение общеобразовательных задач, которые открываются перед начальной школой в этом направлении, едва ли может быть преувеличено. Когда удастся пробиться к тому, чтобы сделать общеобразовательный шестилетний курс обязательным или хотя бы общедоступным, явится возможность устранить одно из величайших зол русской жизни — глубокое культурное разобщение между «интеллигенцией» и «народом», разобщение, которым объясняется главным образом и беспочвенность интеллигенции и бессильная темнота народа. В строительстве народ-

ной школы, достойной этого имени, должны стремиться и примириться эти разобщенные стихии. Десятки миллионов, составляющие народ, будут приобщены к тому, что учит наука и гуманность нашего времени. С другой стороны, в работе народного образования представителям интеллигенции придется считаться с особенностями национального склада и потребностями народной жизни вместо того, чтобы витать в сфере отвлеченностей и подражаний. Предстоящая великая работа не может быть, конечно, достаточно характеризоваться с формальной стороны указаниями на устройство училищ, распределение их классов, число мест, отведенных начальному образованию. Успех дела будет зависеть от энергии, которая будет на него положена, и от положительных результатов взаимодействия между действующими силами. Наиболее правильное устройство школьных учреждений и направление школьной политики не обеспечат успеха, если работники окажутся худосочными, или если не образуется живой связи между руководителями и воспитанниками. Но, допустив это, мы все-таки не освобождаемся от необходимости держаться той или другой политики в устройстве и общем направлении школы. Остается надеяться, что просвещение народа сблизит его и с Европой и с собственной интеллигенцией, и что таким образом хоть в XX столетии завершится, наконец, дело, начатое Петром Великим.

Одним из серьезнейших затруднений на этом пути явится на первых же порах недостаток учителей. Мало ассигновать деньги на школы, построить для них здания, оборудовать их материально, надо позаботиться о том, чтобы нашлись учителя и чтобы учителя эти смотрели на свое положение и дело с интересом и удовлетворением. Очевидно, необходимо не только усиленно открывать учительские институты и семинарии, но так обставить учительский персонал материально и нравственно, чтобы члены его не стремились при всяком удобном случае бежать от ненавистой деятельности и чтобы ряды учителей пополнялись не людьми последнего разбора. Нельзя сказать, чтобы всего этого легко было достигнуть. Во всяком случае, необходимы для этого, во-первых, значительные материальные затраты. Над задачей материального быта учителей начальных училищ в России серьезно подумали пока лишь в немногих передовых городах, да и там еще не разрешили, напр[имер], пенсионного вопроса; в большинстве земских школ вознаграждение совершенно недостаточное и положение заброшенных в медвежьих углах учителей и учительниц прямо трагическое. Кроме открытия учительских семинарий и улучшения материального быта предстоит подумать и о подъеме нравственного сознания в среде этих тружени-

ков. Всеми средствами необходимо содействовать тому, чтобы пробудить в них чувство самостоятельности и собственного достоинства. Средства для этой цели подсказываются, впрочем, сами собою, помимо всякого сентиментального подстраивания. Совместное обсуждение школьных нужд, решение педагогических и материальных вопросов собственными силами, развитие всех возможных форм взаимопомощи и самообразования — вот о чем должны хлопотать и сами учащие и те, кто по тем или другим причинам может оказать влияние на их быт. Разумеется, с развитием курса народных школ, с приращением новых классов и новых предметов кругозор и охват преподавательского персонала будет естественно расширяться. Но, кроме того, этим пионерам народного просвещения всеми средствами должен быть облегчен доступ к деятельности на почве внешкольного образования. Чтения с туманными картинками, школьные экскурсии, съезды и курсы, устройство образцовых библиотек, сношения по переписке с школьными культурными центрами — все это более необходимо России, нежели где-нибудь в мире, так как нигде в мире не предстоит такого крестового похода против одолевающего невежества и недостатка гражданственности. Африканские и австралийские дикари, может быть, еще грубее наших несчастных мужиков, но зато им и не ставится задач, которые падают на граждан великой культурной державы. Только в России правители и законодатели воображали, что можно построить могущество государства на обнищании и невежестве народа. Еще и теперь на практике применяется, в сущности, именно этот принцип. Какие усилия приходится затрачивать, чтобы провести малейшие народнопросветительные начинания. Первая мысль «властей», когда дело идет о каком-нибудь съезде, курсах, лекции, — подозрение в революционной пропаганде, в подкапывании государственных и общественных основ. Как бы то ни было, от этой полицейской точки зрения придется отказаться. Тот, кому необходимо быстро двигаться вперед, принужден сбросить путы, наложенные на ноги. Не обойдется и без излишеств и нелепостей, но дело не в ошибках, которые можно будет всегда исправить, а в общем движении. Движение это должно быть сильное, поступательное, общественное и свободное. Только при этих условиях народная школа и связанные с нею просветительные учреждения сделают свое дело. Из сказанного ясно, как я представляю себе и взаимное отношение государства и общественной инициативы в деле народного образования. По отношению к обязательным организациям необходимы определенные требования и строгий надзор за их исполнением. Программа обязательной начальной школы и посеще-

ние ее учениками должны быть под бдительным надзором государственных инспекторов; в случаях уклонения от посещения школы родители должны преследоваться и наказываться судебным порядком. Затем министерство народного просвещения должно всеми мерами содействовать образованию кадров годных учителей и следить за тем, чтобы негодные устранялись, причем последнее слово в этом случае должно быть предоставлено училищным советам, составленным из представителей земских или городских организаций, государства и учительского персонала. Наконец, в его руках могущественные средства к тому, чтобы оказывать содействие устройству и оборудованию школ, устройству и оборудованию различных связанных с ними просветительных начинаний. Во всех случаях, когда есть государственные затраты на ту или другую часть школьного дела, должен быть и надзор за правильным расходом ассигнованных субсидий. Но с другой стороны, во всех случаях, когда школы открываются, оборудуются и содержатся общественными учреждениями или частными лицами, этим учреждениям и лицам должна быть предоставлена самая широкая свобода распоряжения и заведывания созданными ими учреждениями. Требования государства в данном случае сводятся к наблюдению за тем, чтобы эти учреждения не были прямо вредными, и к тому, чтобы они не обходили норм необходимого минимума.

ИСТОКИ СИЛЫ И СЛАБОСТИ РОССИИ

РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРА II

Ни одна эпоха в истории России не претендует на большее величие, чем время Александра II. Правление Петра Великого, возможно, имело большее значение для развития империи, царствования Екатерины II и Александра I, возможно, принесли более блестящие успехи, но эпоха Александра II навсегда останется непревзойденной попыткой внутреннего возрождения общества. Можно сказать вслед за современником: это было великое время, и смерть не властна над тем, кто был его свидетелем.

Монарх, чье имя начертано на этих страницах нашей истории, был во многих отношениях достойным историческим лидером. Нельзя сказать, что его личность отличалась гениальной изобретательностью или талантами к дальновидному государственному управлению, несгибаемой волей или особой способностью с выгодой использовать любой ход событий. Он был, скорее, представителем, а не руководителем, но в нем глубоко коренилось чувство его великой исторической роли, и по доброй воле он больше стремился к людям, чем к власти и славе. Образование привило ему характерную склонность: он рос в условиях жесткой дисциплины военного правления своего отца, и, какими бы недостатками это правление ни сопровождалось, оно, безусловно, сыграло положительную роль в воспитании чувства долга. С другой стороны, культурное его воспитание было доверено романтическому поэту Жуковскому, и именно отсюда пришло смягчающее влияние, человеколюбивое чувство, которое вызывало своего рода протест против грубого духа николаевского двора.

«[Я почти боюсь], — писал поэт матери молодого князя, — эти воинственные игрушки не испортят ли в нем того, что должно быть первым его назначением? Должен ли он быть только воином, действовать единственно в сжатом горизонте генерала? [...] Когда будут смотреть с уважением на истинные нужды народа, на законы, просвещение и нравственность? [...] Страсть к военному ремеслу стес-

нит его душу; он привыкнет видеть в народе только полк, в отечестве — казарму»²⁷⁷.

Огромная заслуга этого взрослого человека и императора истекает из того, что он всегда поддерживал связь со стремлениями самых просвещенных людей его времени в течение решающего кризиса шестидесятых годов и придерживался курса, которому в его непосредственном окружении не доверяло и противодействовало большинство людей. Секрет этой решительности нужно искать, скорее, в сердце, чем в разуме, скорее в чувствительной природе, чем в ясном сознании всех непредвиденных обстоятельств. Этим можно объяснить также, почему после того, как основное усилие было совершено и самый опасный мыс пройден, рулевой как бы расслабился у штурвала и не смог найти верный курс среди противоборствующих течений общества. Семидесятые годы отмечены противоречиями и неуверенным дрейфом, так же как шестидесятые годы были полны мужественных устремлений и обнадеживающей деятельности. Сам царь пал жертвой этого смутного времени, и, с точки зрения исторического рока, несложно объяснить его ужасную смерть: он вызвал движение, за которым не мог последовать и которое не был способен остановить. Конечно, такие рассуждения не означают отказа от нравственного приговора истории: убийство благодетеля своей страны на деле доказало истинность слов Талейрана²⁷⁸: это было больше, чем преступление, это была ошибка²⁷⁹. Оно не достигло своей цели, и в течение более чем двадцати лет вся страна вынуждена страдать от его последствий.

Целью моей настоящей лекции не является, однако, схематично обрисовать все то, что произошло лично с Александром II, каким бы интересным и характерным это ни было. Мне больше хочется представить вам оценку неличных успехов, которые были достигнуты всем народом, *Nerr Omnes*²⁸⁰, как иногда саркастично говорил Лютер. Но перед тем, как мы приступим к нашему исследованию, я хотел бы указать, что в области руководства царь Александр был действительным лидером и никогда не шел пассивно за одним из своих советников, хотя он прислушивался ко многим и частично следовал советам то одного, то другого. Очень любопытными были его отношения с либеральными государственным деятелями своего времени. Среди всех своих родственников он нашел только одного настоящего помощника в талантливом, амбициозном и неутомимом великом князе Константине²⁸¹ и передал ему значительную часть великой работы по освобождению крестьян, однако как наместник в Царстве Польском во время восстания великий князь сбился с пути и испор-

тил свою карьеру. Николай Милютин, величайший из соратников царя, благодаря глубокому и всестороннему пониманию ситуации, восприимчивому и изобретательному уму, был реальным связующим звеном между реформирующим правительством и реформирующим общественным мнением, но император никогда ему не доверял, как «радикалу», скорее допущенному, нежели выбранному в критические моменты, и держал его на относительно второстепенных позициях. Граф Лорис-Меликов²⁸², появившийся в конце правления, оказывал, возможно, самое большое личное влияние на царя в том ослабленном и нервном состоянии, в котором пребывал последний; но и сам Лорис-Меликов представлял собой то же неопределенное сочетание неоднородных элементов, которое характеризовало Александра II, он был своего рода отражением своего повелителя, более искусным и менее благородным в распоряжениях. Реакционеры сыграли роль инструментов и временных помощников даже в большей степени, нежели либералы. Таким был ужасный Муравьев²⁸³, диктатор Вильны: ему давали свободу действия в случаях особой опасности, но оставляли за пределами круга действительных политических руководителей. Дмитрий Толстой, реакционный министр народного просвещения в семидесятых годах, проявил свою подлинную сущность в царствование Александра III²⁸⁴, а во времена Александра II он был в основном рупором более влиятельного лица, журналиста, выполнившего основную работу при составлении программы реакции и привлечения к ней общественного мнения — Каткова. В последние годы жизни царь все больше и больше прислушивался к его советам, и метания между желчной трибуной реакции и примиряющим Лорис-Меликовым показывают лучше, чем что-либо другое, насколько четкость цели и ясность политической мысли были утрачены в грустном конце его правления. Из других деятелей его времени я скажу пару слов о Валуеве, министре внутренних дел в шестидесятые годы, не потому, что он был таким примечательным человеком, а потому, что он представлял один из крупнейших провалов русской бюрократии того времени — как и всех времен вообще. Он не был примечательным человеком, но он казался таковым и говорил, как будто был таковым; у него не было идей, но было много проектов и контрпроектов, в которых столь нуждалось законодательство, чтобы предотвратить опасности, и, невзирая на беспокойные времена, он очень успешно сделал свою личную карьеру. В этом отношении Александру II не хватало своего Бисмарка²⁸⁵, и хотя в Милютине он, возможно, нашел Штейна, но отказался от него и продолжал собирать помощников из оппозиционных лагерей. Эти наблюдения имеют отноше-

ние к главному объекту этой лекции; они должны показать, что великая работа шестидесятых годов была выполнена силами, которые в большей степени в разных направлениях вел дух времени, а не планы и усилия одной-единственной личности.

Насколько подготовленной была страна к великой работе социального возрождения? Ее условия в конце царствования Николая казались ужасающими. Огромная масса населения испытывала болезненный недостаток производства и обращения как материальных товаров, так и идей. Большая часть людей была прикреплена к земле крепостным правом и невежественностью; средства сообщения находились в таком состоянии, что иногда конвои и эстафеты шли год из севера в Севастополь, и общественные сношения были настолько вялыми, что зерно могло в одно и то же время стоить 1,50 рубля в Курской губернии и 15 рублей в Псковской. Правящий класс был представлен в основном описанными в «Мертвых душах» Гоголя землевладельцами, живущими растительной жизнью на спине своей «крещеной собственности», как называли крестьян, и чиновниками, внешнее описание которых дается в гоголевском «Ревизоре», вносящими ту же праздность, бессмыслицу и взяточничество в рутину своих официальных обязанностей. Но в этом состоянии общества были черты искупления,рывающиеся в эту тьму подобно лучам света. Тот же класс землевладельцев, не проявляющий практически никаких достижений в своей ежедневной жизни, полной невежества и личных интересов, обнаружил здоровые и сильные элементы, когда соприкоснулся с идеалами интеллектуальной и моральной силы. Из этого класса вышли не только военные, верно служившие России на полях сражений, более важно то, что он постепенно проникал в литературу и культуру. Блестящее поколение сороковых годов стало свидетелем своего рода интеллектуального масонства, заложившего основание общественного мнения и сознательной мысли прямо в снегу николаевского режима. Герцен, один из наиболее примечательных представителей этого времени, человек, который вынужден был покинуть Россию из-за своих передовых взглядов, рассказывает нам, что нигде он не встречал центра гуманитарной и философской мысли, подобного тому, который образовывался в Москве в связи с ее университетом. Влияние этого небольшого, но отважного меньшинства чувствовалось все больше и больше благодаря литературе и периодической печати. Эта сила, представляемая такими людьми, как Пушкин, Гоголь и Лермонтов²⁸⁶, Белинский и Герцен, Грановский, Хомяков, Самарин, Тургенев, Гончаров²⁸⁷, Щедрин, и многими другими, не могла остаться незамеченной. Можно даже сказать,

что никогда голос высокообразованного меньшинства не был слышен столь отчетливо и не вызывал такого энтузиазма у общества, как в эти дни, когда правительство не допускало никакого прямого вмешательства в свои дела и у страны было так мало возможностей формировать и выражать свое мнение.

Крах николаевского режима дал этому замечательному интеллектуальному движению практическое направление. Никто не заблуждался по поводу морали Крымской войны — именно потому, что правление Николая было таким всеохватывающим и сопровождалось внешними успехами, его банкротство стало еще более поразительным. Способность страны к лучшему развитию выдержала самое трудное из испытаний, которым история может подвергнуть нации: зло и поражение вызвали моральное возрождение и целительную реформу.

Эра реформ стала возможна благодаря совместным действиям правительства, которое потерпело сокрушительное поражение, но должно было обратиться к долгой истории успешного руководства нацией, страны, бедной материальными ресурсами, но патристичной во всех великих потрясениях исторической жизни, и просвещенного меньшинства, преисполненного идеалами правосудия и независимой мысли. Результат был потрясающим. Ни один народ не пережил столь полного перерождения всех своих институтов, как Россия шестидесятых годов: отмена крепостного права, создание самоуправления, реформа судебного устройства, введение всеобщей воинской повинности и сокращение сроков службы в армии, улучшение финансов империи, строительство железных дорог, изменение закона о печати, образовательная реформа — все эти знаменательные перемены произошли в течение нескольких лет. Нам остается только увидеть, что было действительно достигнуто в ходе наиболее важных из них.

С отменой крепостного права должна была начаться социальная реформа. Крепостное право вовсе не было древним и оправданным временем институтом в России: в Южной России ему не было и ста лет, сюда оно было принесено главным образом просвещенным деспотизмом Екатерины. В Великороссии, основании империи, его истоки уходили в прошлое примерно на двести лет. Но даже здесь оно появлялось постепенно, таким образом, который изначально расшатывал его существование. Оно было результатом объединения повинностей, исполняемых для государства. Крестьяне были обязаны служить дворянам как земледельцы, потому что дворяне были обязаны служить царю как воины. Эти исторические факты имеют больше, нежели просто антикварное значение: они поддерживали в под-

данных чувство собственного достоинства и надежду, что сделанное под тяжелым прессом политической необходимости может быть отменено в лучшие дни. Когда Петр III²⁸⁸ освободил земельное дворянство от обязанности состоять на государственной службе (1762)²⁸⁹, крестьяне были убеждены, что за этим должно было бы последовать соответствующее освобождение земледельческого класса. Они были правы в своих догадках, хотя им пришлось ждать почти сто лет завершения историей того, что было логически необходимо.

И это последнее столетие крепостничества было во многих отношениях худшим из всех. Политическая идея, лежавшая в основании крепостного права, исчерпала себя, но ее последствия — уступка государством самого важного из своих прав в руки землевладельцев — оставались. Помещики, согласно высказыванию императора Павла²⁹⁰, считались лучшими и самыми дешевыми блюстителями порядка. В то же время те же самые помещики имели полное право распоряжаться землей и личностями своей «собственности». Результатом была самая гнусная тирания — деспотическая власть многочисленных мелких тиранов, опиравшаяся на деспотическую власть могущественной империи. И хотя, согласно закону, существовали некие прозрачные ограничения, не позволяющие калечить несчастных крестьян, в реальности с мужчинами, женщинами и детьми обращались исключительно плохо, что иногда оборачивалось их смертью, и даже в этих крайних случаях наказание было исключением, поскольку крестьяне были лишены какого-либо прямого доступа к властям, даже в виде жалоб, не говоря уже о судебных исках против своих господ. Я не буду останавливаться на многочисленных воспоминаниях о причудах, похоти и жестокости, дошедших до нас из этого старого доброго времени. Чтобы вы получили представление о состоянии дел, я упомяну в качестве примера только один случай, в котором представлена отеческая забота помещика о своей «крещеной собственности». В образцовом поместье владелец решил проблему обеспечения семейного счастья: раз в год молодежь обоих полов, достигшая определенного возраста, призывалась в имение — по распоряжению управляющего из них образовывались пары, которые немедленно отправлялись в церковь, где деревенский священник совершал для них священные обряды бракосочетания.

Существовали два основных ограничения, сдерживавшие неразумное использование власти, — существование сельской общины и собственные интересы владельцев. Что касается первой, то она тесно соединяла сельскохозяйственное население: это несколько сдерживало угнетение и поддерживало в людях чувство товарищества

и справедливого порядка, которое полностью отсутствовало в отношении домашней прислуги, самого несчастного класса крепостных. Собственные интересы сдерживали владельцев, не позволяя им калечить людей, по тем же мотивам, по которым они не калечили свой скот. С помощью этих сил почти инстинктивно были выработаны общие правила, отвечавшие экономическим требованиям: там, где земля была очень бедна или существовали возможности к промышленному или торговому развитию, отработки были заменены оброком. При использовании зависимого труда для сельскохозяйственных целей возникли общепринятые системы, касающиеся распределения земли и времени ее обработки: конкретные случаи существенно различались, но в целом можно заметить общую тенденцию к разделению недели на две половины, выполнению крестьянами в течение трех дней «братской» работы для своего хозяина.

Хотя человеческая природа обеспечивала рабочий механизм даже в этом ужасном положении, трудности крепостного права нарастали повсюду с каждым днем. Наделение землей становилось все более недостаточным с каждым новым поколением. Чтобы найти необходимые дополнительные средства к существованию, крестьяне вынуждены были искать работу на стороне, но этот источник был существенно ограничен необходимостью получить у хозяина разрешение уйти и тенденцией к неподвижности, свойственной всем традиционным устройствам. На севере было слишком много едоков, а на юге — слишком мало рабочих рук, но нельзя было свободно переместить едоков в области, где была нужда в рабочих руках. На самом деле все распределение общества оказалось неправильным: оно произошло в то время, когда нужды обороны искусственным образом притянули население к Москве. В изменившихся условиях, когда наступило время развивать сельское хозяйство на черноземье юга, рабочая сила осталась прикрепленной к песку и глине севера. С другой стороны, государство начало понимать, что оно теряло больше, чем приобретало в результате своей политики уступок наследственным «блюстителям порядка». Ему была нужна национальная промышленность и торговля, и оно осознало, что их невозможно приобрести без притока свободной рабочей силы; оно хотело, чтобы Россия последовала за западными странами путями материального прогресса, и увидело, что неограниченная власть землевладельца никак не вела к достижению этой цели. И еще больше оно хотело улучшить свои финансовые ресурсы и обнаружило, что не в состоянии рационализировать их использование, так как помещикам принадлежала львиная доля произведенного народным трудом, и они проматывали значитель-

ную часть национального богатства своим расточительным управлением.

В этих условиях нравственные силы, направленные против крепостного права, приобрели многостороннюю твердую поддержку. Протесты самих крестьян время от времени выражались в актах убийства и восстаний, которые безжалостно подавлялись, но оставляли после себя тяжелое чувство того, что где-то назревает гроза. Сам царь Николай не мог не признать необходимости отмены крепостного права. «Я не понимаю, — сказал он однажды, говоря как „первый дворянин России“, — каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе, как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством — с другой. Этому должно положить конец. Лучше нам отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у нас отняли»²⁹¹. Один за другим назначались секретные комитеты для того, чтобы исследовать условия жизни крестьян и разработать меры по улучшению их участи, и шесть раз добрые побуждения правительства наталкивались на сопротивление дворянства и высшего чиновничества. Воля и энергия императора сковывались в этом случае его страхом потрясти основы государства и его ненавистью к демократическим идеям. Только когда очарование николаевского режима было уничтожено Крымской войной, силы, стремящиеся к освобождению, одержали верх.

Довольно любопытно, что непосредственный импульс к аграрной реформе был дан политикой правительства в западных губерниях, где земельное дворянство является польским, в то время как класс крестьян — русским или литовским. Уже в царствование Николая на юго-западе были введены так называемые инвентарные правила, т. е. обязывающие соглашения между хозяевами и арендаторами по вопросам распределения земли и отработок, а 20 ноября 1857 года был обнародован императорский рескрипт генерал-губернатору Северо-Западного края, в котором провозглашалась необходимость аграрной реформы и создавался местный аппарат, который должен был воплотить это решение в жизнь²⁹². Эффект этого обнародования был огромен, потому что оно вывело этот вопрос из сферы ведения секретных комитетов на всенародное гласное обсуждение. Стало очевидно, что освобождение крестьян необходимо во всей России, но очень многое зависело от того, как оно будет проведено.

Первоначальные намерения правительства были не очень обещающими. Министерство внутренних дел взяло в качестве примера освобождение крепостных немецким дворянством балтийских губерний империи: оно было проведено при Александре I и привело

к освобождению личности крестьянина, оставив его как арендатора или сельскохозяйственного рабочего в полной власти собственника. Простые люди в России боялись такой бесправной свободы, которую они называли волчьей свободой. Лидеры прогрессивного мнения, и особенно петербургский профессор Кавелин²⁹³, заняли соответственно твердую позицию против этой идеи; и, к счастью для русского крестьянства, самые влиятельные из людей, кому была доверена конкретная разработка закона о реформе, признали национальную традицию права крестьян на землю под покровительством сельской общины.

Необходимое рассмотрение фактов и выработка схем развития России были поручены двум группам органов: губернским комитетам, состоящим из представителей земельного дворянства и некоторых членов администрации, и центральной комиссии, так называемой Редакционной комиссии в Санкт-Петербурге, идейным вдохновителем которой был Н. Милютин и которая, благодаря его влиянию, была образована не только из обычных элементов высшей бюрократии, но и из собранных из разных частей России людей, заинтересованных в решении земельного вопроса. Эти последние, хоть и были взяты из класса, в интересах которого было противостоять или ограничить освобождение крестьян, на самом деле выражали просвещенное общественное мнение. Самыми известными из них были Юрий Самарин и князь Черкасский, люди высокой культуры и благородного духа бескорыстного патриотизма. То, что последовало, является впечатляющей иллюстрацией силы хорошо обдуманных идей, упавших на почву, подготовленную к их развитию, пусть и поросшую самыми вредными сорняками корысти и предрассудков. Действия губернских органов привели к разработке противоречивых схем: большая часть земельного дворянства была все еще слишком скована оковами эгоистических помышлений, чтобы принять планы великодушной и всеобъемлющей реформы. Но в то же время на первые позиции везде вышло решительное настроенное меньшинство, которое отвергло мелочные рассуждения о выгоде и постаралось подняться до величия происходящего. В Главном комитете такое же меньшинство боролось против враждебности и равнодушия остальных. Ему удалось привлечь на свою сторону первого председателя, Ростовцева²⁹⁴, генерала с темным прошлым, но с чувством важности и ответственности своей задачи, и после смерти Ростовцева, не выдержавшего работы и хлопот, оно же нанесло полное поражение графу Панину²⁹⁵, самому несимпатичному представителю духа раболопной бюрократии, претендующей на аристократичность. В этом от-

ношении реформа была разработана и осуществлена просвещенным и энергичным меньшинством, добившимся поддержки правительства и использовавшим настроения и положение отсутствующей массы крестьянства как своего рода груз, определявший центр притяжения проблемы.

Давайте обратимся к основным положениям, разработанным в этом отношении и проведенным через Главный комитет, председателем которого был великий князь Константин, и через Государственный совет, в котором сам император использовал свое личное влияние, чтобы способствовать продвижению этой схемы. Они вошли в знаменитый указ 19 февраля 1861 года. Личную свободу получили все крепостные, как крестьяне, так и домашняя прислуга. Первые сразу получили защищенное право владения своими наделами, но для полного выкупа должны были выплачивать деньги и отрабатывать за них до тех пор, пока эти наделы не будут выкуплены полностью по соглашению с собственниками. Большинство соглашений было реализовано в течение 20 лет, и в 1881 году обязательный выкуп потребовался только для сравнительно небольшой оставшейся части прав на наделы. Деньги на выкуп были даны крестьянам в долг государством, которому они должны были вернуть его по частям в течение 49 лет.

Условия соглашения были далеко не легкими: крестьяне получали гораздо меньше, чем было у них до освобождения, при этом минимальный и максимальный надел были определены указом. Мы можем оценить бремя, взваленное на крестьянство, по тому факту, что в конце семидесятых годов крестьянин должен был заплатить в виде налогов на землю 95 копеек с одной десятины (около 2 ½ акра), в то время как десятина, принадлежащая помещику, облагалась налогом всего в размере 17 копеек. В результате этой операции наделы оказались, как правило, слишком малы. Статистика распределения земли показывает участки, которые разительно отличаются от наделов тех крестьян, которые зависели непосредственно от короны. Около 50 процентов прежних крепостных семей (дворов) живут на участках от 5 до 10 десятин, или от 12 до 25 акров. На плодородном юге эти цифры в целом меньше, и на последних этапах законодательного оформления этого вопроса крупному землевладельцу князю Гагарину²⁹⁶ удалось добавить положение, по которому собственники могли списать с крестьян все платежи за счет отрезания у них четвертой части максимального надела. Благодаря этому умному ходу значительное количество землевладельцев на юге живет на так называемых нищенских наделах, состоящих из пары десятин, и экономически полностью зависят от соседних помещиков. Имен-

но это объясняет аграрные беспорядки в Харьковской и Полтавской губерниях, которые произошли прошлой весной.

Освобождение сохранило и укрепило традиционную организацию крестьянства, как она существовала в 1861 году. Большая часть Великороссии осталась в руках деревенских общин, которые имеют право передела земли между составляющими ее семьями в соответствии с потребностями и рабочей силой, а также обладают широкими полномочиями для регулирования сельской жизни. Перед государством община как единое целое отвечает за выплату налогов всеми ее членами. На юге и западе земель владеют совместно несколько хозяйств. Нижняя административная и полицейская единица образуется деревенской общиной с ее сходами и выборным старостой, в то время как следующая инстанция образуется своего рода сотенным союзом, волостью, к которой приписано несколько деревень. Волости принадлежит юрисдикция над крестьянами, проживающими на ее территории, и она осуществляет правосудие по их делам согласно обычному праву, но люди, не принадлежащие к крестьянскому классу, не имеют к ней никакого отношения. Всего около 23 миллионов получили свободу на основании указа 19 февраля 1861 года, и в 1863-м и 1866 годах получили похожие земельные наделы и организацию и крестьяне, зависящие непосредственно от короны²⁹⁷.

Еще одним дополнением к великой реформе был аграрный закон, введенный в 1864 году Милютиным и его друзьями в Польше²⁹⁸, где личное освобождение, проведенное в начале века французами, оставило крестьянский класс в исключительно тяжелых условиях. Этот закон был проведен после польского восстания 1863 года путем более основательной политики наделения землей, чем та, что осуществлялась в России. Можно мимоходом заметить, что село, *gmina* (от немецкого *Gemeinde*²⁹⁹), здесь не является чисто крестьянским институтом, а включает всех, проживающих на его территории.

Все эти грандиозные изменения осуществлялись в целом весьма справедливо мирскими посредниками, избранными из поместного дворянства, и принимались с достоинством и спокойствием крестьянами, и эта сторона их истории по праву заслуживает пристального внимания, показывая, до какой степени (несмотря на суету и возбуждение первого момента) принятые меры оказались удовлетворительными и отвечали требованиям, по крайней мере, ближайшего будущего.

Освобождение было больше, чем реформой, оно было мирной революцией: оно изменило экономическую структуру общества, обеспечив его внезапно свободной рабочей силой, и оно сделало необ-

ходимыми другие реформы — политическую, административную и судебную, — изменив социальный базис, на котором покоилось все устройство предыдущей эпохи. Прежде всего система управления не могла оставаться неизменной. Она представляла собой любопытную смесь бюрократии и аристократических привилегий. Абсолютная власть царя покончила со всеми ее ограничениями в высшей и центральной администрации, но не обладала средствами для осуществления своих распоряжений на всей территории империи. В том же духе, в котором она препоручила благополучие большинства людей руководству и личным интересам землевладельцев, она отдала помещному дворянству каждой губернии право выбора администрации и полицейских, а также судей, хотя само назначение их на должность осуществлялось правительством, и действовать они должны были с оглядкой на его приказы и контроль. Члены класса, заполнившего губернские должности, из *noblesse* — можно назвать его этим старинным французским термином, чтобы подчеркнуть отличие от английской знати, использовали свои административные и судебные должности точно так же для личных интересов, как каждый отдельный помещик управлял своим имением и своей «крещеной собственностью». Взятничество, казнокрадство, злоупотребление властью были прямым следствием системы, и были люди, которые так и не поняли, что поступали дурно, используя административную власть для личной выгоды. Наконец, вездесущее присутствие абсолютизма подкреплялось губернатором, высшим должностным лицом, напрямую назначаемым короной, своего рода пашой, который официально назывался губернатором и, как предполагалось, должен был следить за всем происходящим, по сути дела являясь политическим провидением региона. Нетрудно угадать последствия такого административного устройства: назойливая опека, приносящая только вред свободной инициативе, целый ряд напыщенных, самоуверенных, избалованных и невежественных губернаторов, лучшими из которых были те, кто не воспринимал свою власть слишком серьезно; стремление должностных лиц лестью и обманом скрыть действительное положение в стране и влияние чиновников-бюрократов, заменяющих реальные дела бумажной перепиской.

Импульс, данный освобождением, потряс самые основания этого прогнившего сооружения. Разработка нового плана была поручена комиссии под председательством очень сомнительной личности, Валуева. Преобладающее общественное мнение того времени направило импульс в сторону самоуправления, но ему пришлось столкнуться с могущественной оппозицией петербургских бюрократов, опа-

сающихся независимых действий, которые были абсолютно чужды их привычкам и правилам. Следует учитывать эти обстоятельства, чтобы понять, почему необходимое законодательство было разработано и внедрено без энтузиазма. В любом случае права самоуправления были провозглашены в губерниях и образующих их территориях, уездах, в то время как на местном уровне их получили только города. В деревнях самоуправление существовало только на уровне крестьянской общины, члены других классов остались без общей связи. Предполагалось, что сфера деятельности *земств* или *земских* организаций, как назывались органы губернского самоуправления, в отличие от государственной бюрократии, должна была состоять в управлении теми интересами, которые касались экономических потребностей местного общества, а не политических потребностей государства. На практике было невозможно провести это неопределенное различие, появившееся в результате характерной ревности правительства по отношению к своим отпрыскам. На самом деле земство было призвано взять в свои руки заботу о медицинской и ветеринарной помощи в границах губернии, о начальном образовании, об организации помощи бедным, об экономическом содействии, особенно в случае бедствий, о дорогах, о страховании от пожаров и прочих несчастий, о сборе статистических данных и организации отработочных повинностей, требуемых от населения губернии правительством. Чтобы отвечать всем этим требованиям, у земства было право облагать налогом земельную собственность населения и принимать определенные законодательные акты.

Механизм, посредством которого должны были выполняться эти обязанности, включал в себя собрания, созывавшиеся на короткие сроки в уездах и в губерниях, и управы, которым было доверено исполнение дел. Право участвовать в выборах определялось на основании имущественного ценза, не исключая крестьянство. Исполнение депутатами их обязанностей не оплачивалось, в то время как члены земских управ должны были получать зарплату. Председатели этих управ не могли председательствовать в собраниях, где эту функцию выполняли должностные лица из числа дворянства, так называемые предводители.

Полномочия новых органов были во многих отношениях существенно урезаны. С одной стороны, им было отказано в праве принудительного осуществления их решений. Если кто-либо не хотел подчиняться им, если кто-нибудь пренебрегал уплатой налогов и т. п., земство должно было обращаться за исполнением к обычной полиции, ставшей теперь довольно бюрократичной по своему составу. Власть

губернатора и разных комиссий, в которых он был председателем или которые он назначал, никоим образом не уменьшилась в тех областях, в которые было введено земство, и он должен был наблюдать за действиями земств и утверждать их решения. Везде, на деле «земля» и «правительство» были наделены совпадающими полномочиями и с ревнивым недоверием относились друг к другу. С самого начала было понятно, что реформа губернской администрации, хотя и избавила ее от многих пороков и создала перспективы для хорошего, скорее предоставила место для борьбы между различными слоями общества, чем дала им основание, на котором они могли бы мирно сотрудничать.

Нам остается указать на те изменения, которые были осуществлены еще в одной области, а именно в организации правосудия. Несмотря на значительные усилия, которые были предприняты в правление Александра I и Николая I для улучшения и кодификации права, способы его проведения в жизнь были крайне несовершенными. Мы уже видели, до какой степени суды низшей инстанции были проникнуты олигархическими принципами эпохи крепостничества: поместное дворянство должно было избирать членов этих судов, и они выполняли судебные функции с пренебрежением к человеческому достоинству и чистоте правосудия, с каким они управляли делами своих имений, их произвол и взяточничество стали притчей во языцах в России и за рубежом. В то же время полиция, находившаяся в руках других помещиков, представляла сложную путаницу административных и судебных функций. В ее руках среди всего прочего был сам источник уголовной юрисдикции — предварительное расследование преступлений. Она была предметом презрения для высшего общества, коррупции для среднего класса и ужаса для низших социальных слоев.

Помимо своего неудовлетворительного состава и взяточничества, суды не вызывали доверия из-за их процессуальных норм. Они основывались на инквизиционном процессе, осуществляемом за закрытыми дверями, с помощью бесчисленного количества письменных документов, на принципах формального доказательства, не принимая во внимание здравый смысл и справедливость. Неудивительно, что эпохе реформ пришлось переделать и это сооружение. В начале шестидесятых годов комиссией юристов и государственных деятелей, из которых наиболее талантливыми были Зарудный и Стояновский³⁰⁰, была восхитительно выполнена всеобъемлющая работа по перестройке судебных органов, и 20 ноября 1864 года стал законом новый указ об организации правосудия³⁰¹. Он представлял

на редкость удачное приспособление к российской жизни принципов права и судебных институтов, выработанных и опробованных историей Англии, Франции и Германии. В этом случае не может быть и речи о простом копировании зарубежных образцов: ни одной системе не последовали исключительно, а лучшие западные концепции были приспособлены к потребностям российской жизни.

Я не могу долго останавливаться на законодательной стороне этой великой реформы и должен ограничиться указанием на ее основные аспекты. Она провозгласила гласность судопроизводства и положила тем самым конец крючкотворству и злоупотреблениям старых судов. Вместо инквизиционного судопроизводства, при котором судебные стороны превращались в фикцию, была расчищена дорога для судебных прений между сторонами, которые могли поддерживать свои притязания на основе проведения более тщательного расследования, а не одностороннего рассмотрения дела судом. Предварительное расследование по уголовным делам было поручено судебным следователям, имевшими больше общего с французскими *juges d'instruction*³⁰², нежели с английскими коронерами. Поддержка обвинения в суде была поручена прокурорам, в то же время для защиты обвиняемых и представления гражданских интересов были созданы коллегии присяжных поверенных. Для разрешения мелких дел и наказания мелких проступков и преступлений были созданы мировые суды, и для гарантии их независимости они избирались земствами и городами. То же внимание к независимости суда было продемонстрировано в оригинальном указе положением, согласно которому судей высших судов можно было смещать с должности только решением суда. Для рассмотрения уголовных дел вводился суд присяжных, которые должны были внести в суды элементы здравого смысла и независимого суждения, не испорченного профессиональной узостью. На вершину всего сооружения был помещен Сенат как суд для формального пересмотра дел, *Cour de Cassation*³⁰³, как говорят французы, охраняющий единое и неукоснительное исполнение закона по всей империи. В целом это была великая реформа, великая даже больше проявившимся в ней духом, чем деталями ее положений. Она провозгласила господство права, равенство перед законом и независимость судей, три принципа, абсолютно новые для русской жизни, и которые, если бы они были последовательно претворены в действительность, привели бы к реальному прогрессу страны от полуварварского состояния к благам политической цивилизации.

Но такие изменения невозможны за такое короткое время и таким простым способом. Темное прошлое не утратило силу даже по-

сле поражения. У него в руках было опасное оружие — страх политической реформы и мания революции. С помощью этих орудий было задержано развитие принципов, признанных и провозглашенных самим правительством. Мы уже видели, как свели к минимуму освобождение крестьян и до какой степени ущербным оказалось местное самоуправление. Рядом с реформируемым правосудием были оставлены самые вопиющие противоречия. Гражданин оставался бесправным перед политической полицией: человека можно было обыскать, подвергнуть заключению, административной ссылке, и никакой закон не мог защитить его или подвергнуть взысканию за злоупотребление дискреционной властью. Телесные наказания были отменены для высших классов, но остались в силе для простых людей. В 1865 году вышел в свет закон о печати³⁰⁴, но его положения одно за другим сводились на нет, и цензура была восстановлена во всем ее великолепии. Свобода совести была гарантирована иностранцам, с некоторыми ограничениями, но русским в ней было отказано. В политических и законодательных делах нация оставалась пассивной массой, которая должна была всего лишь выполнять приказы, хотя Александр и оживил автономные институты в Финляндии.

Все эти пагубные противоречия объясняют разочарование и озлобление, которые последовали за эйфорией периода реформ и достигли высшей точки в отчаянной войне террористов против правительства. Однако как несправедливо было бы вынести приговор правительству, которое так многое сделало, за то, что оно не сделало всего, точно так же несправедливо было бы судить нацию за взрыв непокорного духа, приведшего самых горячих представителей ее молодежи к терроризму. И правительство, и нация подверглись настоящей проверке на способность воспринять и развить в более спокойные времена памятные реформы Александра II.

ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Мнения людей относительно значения современной ступени развития России расходятся даже в самой России, для иностранцев же она представляется полной загадкой. Они не могут наблюдать проявления повседневной жизни людей вблизи, потому что не хватает обычных источников, к которым обычно обращаются — парламентских дебатов и высказываний свободной прессы. В этом отношении текущие новости о России далеки от совершенства, и глаз западных наблюдателей обычно достигают официальные заявления (которым обычно не верят) и разного рода «ужасы». Лучшим способом сформировать суждение будет обратиться к великим путям, намеченным историей: и то, что было сказано в моей последней лекции об эпохе реформ, могло, я надеюсь, составить, по крайней мере, впечатление, что Россия наших времен непосредственно связана с Россией шестидесятых годов. Изменения за это время были так велики, что более чем одно поколение должно работать над усвоением их результатов и восприятием их последствий.

Начнем с того, что социальные изменения страны были, несомненно, очень впечатляющими. В течение примерно сорока лет население почти удвоилось, увеличившись с 74 млн в 1858 году до примерно 140 млн в настоящее время. Тогда как в начале царствования Александра II во всей огромной империи было всего около 1000 верст железных дорог, в 1899 году было 48 000 верст действующих и около 8 000 строящихся, и это предприятие позволяло постепенно преодолеть помеху огромных расстояний. Возросли сельскохозяйственные ресурсы, в основном благодаря увеличению пашни и частично, особенно на западе, благодаря переходу к более совершенным методам, и страна сейчас считается одним из основных производителей зерна на мировом рынке. Под высшим покровительством и благодаря притоку иностранного капитала быстро развивалась промышленность, так, за десять лет (1887–1897) удвоилось текстильное производство — с 463 млн рублей до 946 млн, в то же время торговый баланс 1898 года показывает 732 рубля за экспортируемые товары и 617 — за импортируемые, против среднего экспорта 227 и среднего импорта 205 в конце 50-х годов.

Правительство берет больше своей доли из этого огромного прироста национальных ресурсов. В 1857 году его доход составил 260 млн рублей, а расходы — около 350 млн. В 1890 году расходы и доходы были сбалансированы в пределах 1000 млн рублей, но в 1900 году расходы уже достигли 1889 млн, что превышает бюджет 1890 года примерно на 90 процентов.

Реально ли соотносился рост национального богатства с этим исключительным ростом расходов и налогообложением? Как свидетельствуют многие факты, это не так. Нужно заметить для начала, что большая часть дохода поглощается процентами национального долга и нуждами военных учреждений армии и флота, и это, несомненно, в огромной степени сдерживает производительные расходы. Следующим идет строительство железных дорог, рост которого определяется не только коммерческими, но и, как в случае с Транссибирской магистралью, стратегическими соображениями. Неудивительно, что такие нужды, как нужды народного образования, например, сводятся до уровня постыдно ничтожных. Бюджет министерства народного просвещения никогда не превышал 2 ½ процента от всех государственных расходов, и на протяжении многих лет наблюдается его снижение.

С другой стороны, несомненно, что постоянный рост налогов, приходящихся большей частью на бедных, истощает ресурсы самого важного класса империи, крестьянства, до такого уровня, что его представители подталкиваются к краю нужды и в случае любого несчастья или стихийного бедствия впадают в нищенство. Частые неурожаи зерновых и, как следствие, голод являют собой нечто большее, чем случайные последствия плохой погоды. Они показывают, что у людей нет резервов, к которым можно прибегнуть. Доклады так называемых «кампаний помощи голодающим» свидетельствуют об ужасающих условиях. В большинстве случаев поголовье скота и лошадей, принадлежащих крестьянам, уменьшается. В некоторых уездах Самарской губернии, считающейся одной из житниц России, были годы, когда треть и даже половина населения превращалась в нищих. Когда сборщик налогов в разочаровании отворачивается от этих бедных людей, он больше набрасывается на тех, у кого еще что-то осталось. Можно без преувеличения сказать, что для большинства русских крестьян главной целью в жизни является заработать столько, чтобы хватило заплатить налоги, все остальное — чистая случайность. Удивляет не нехватка предприимчивости и экономности, а долготерпение, позволяющее людям, несмотря на все это, трудиться в поте лица в таких условиях.

Это положение дел принимает такой серьезный вид, что даже в среде бюрократии возникают некоторые опасения и вынашиваются проекты по его исправлению. Даже теперь «совещание» под высоким председательством министра финансов обсуждает эти вопросы. Любому, кого волнует этот вопрос, очевидно, что данное затруднение не просто техническое: это не просто вопрос севооборота или удобрения. За необходимыми техническими усовершенствованиями вырисовываются проблемы политической экономии и права, и очень многое из этого был вынужден признать тот самый министр, который должен наблюдать за стрижкой овечьей шерсти и теперь еще призван присматривать за их здоровьем. В одном из своих докладов императору он настаивает на необходимости прочного законодательного и правового основания для жизни крестьян.

И в самом деле, для значительного большинства русских людей такого правового и законодательного основания не существует. Освобождение крестьян не привело к исчезновению особых и неполноценных институтов этого класса. Существование деревенской общины само по себе не предполагает, что крестьян нужно держать вне общего права. Деятельность общины могла бы быть легко приспособлена к общим правилам в виде юридических лиц. Но тем не менее для них была образована отдельная сфера действия обычая: все должно было решаться на основании неопределенного и меняющегося обычая в рамках самой деревни и в волостном суде судьями, избираемыми из среды самих крестьян. Все это было бы прекрасно, если бы рядом с этими экспертами по сельскому обычаю появились представители профессионального юридического знания, чтобы служить как бы посредниками между юридическими концепциями низшего и высшего порядка. Но ничего подобного не существует: волостные судьи, иногда довольно безграмотные, оставлены один на один с проблемами наследования, семейного и брачного права, мелких уголовных правонарушений и ниоткуда не могут получить помощи, за исключением советов чиновников-бюрократов и общего руководства административных должностных лиц. Следует добавить, что в тех немногих случаях, когда законодатели заинтересовывались этой областью крестьянского обычая, результат был неудачным — главным образом усиление архаичных институтов, у которых, похоже, сохранился привкус принципа властного подчинения. Так, например, необдуманно были затруднены разделы между членами семьи и свобода передвижения с места на место.

Основная идея, лежащая в основании всех этих фактов, бесспорно, означает концепцию, что крестьяне отличаются от остальных

людей, что с ними нужно обращаться, как с существами низшего порядка. Теория, процветавшая в южных штатах в отношении негров, имеет своего рода двойника в понятиях российского правительства и дворянства о русском крестьянине, хотя тот же крестьянин сентиментально превозносится, когда из подобных напыщенных речей не нужно выводить никаких практических результатов. Ввиду его животной природы порка кажется подходящим наказанием для него и старательно сохраняется в практике административных должностных лиц и волостных судов, хотя другие классы от нее освобождены, по крайней мере, по закону.

С экономической точки зрения мы отмечаем, что жизнь отдельного крестьянина становится хуже, хотя совокупное сельскохозяйственное производство возросло. Чтобы понять, как это случилось, мы должны взглянуть на положение, сложившееся после освобождения. Крестьяне получили меньше того, чем они владели до освобождения, иногда им навязывали абсолютно непригодные участки; земля, которую они получали, была, как правило, невысокого качества; часто они оставались без подходящих пастбищ и при этом должны были платить огромный выкуп за то, что они получили. Позже были внесены некоторые улучшения. Были несколько снижены выкупные платежи и предоставлены ссуды для их выплаты, в 1883 году был учрежден банк, предоставлявший крестьянам кредиты для покупки земли, в какой-то мере стало регулироваться переселение, но все эти меры были далеко не достаточны, и страна по-прежнему сталкивается с таким положением дел, которое представляет собой нечто большее, чем аграрный кризис, которое угрожает самому существованию ее важнейшего класса.

К сожалению, политика правительства в этом вопросе была не только недостаточна, но и прямо вредна в двух отношениях: были приняты сознательные попытки вернуть земельному дворянству то привилегированное положение, в котором оно находилось до указов об освобождении, и земледельческое население империи вместо возвышения его до уровня других классов было помещено под деспотическую опеку, способствующую его деградации. Эти две особенности настоящего времени заслуживают пристального рассмотрения.

Когда указ 1861 года был принят и начал осуществляться, стало ясно, что в новой России свободного труда и свободного контракта дворянство начало быстро терять то положение, которое оно занимало в век устойчивой организации и неизменного обычая. Нельзя сказать, что члены этого класса были лишены средств для реализации своих интересов: напротив, непосредственным результатом слома старой сис-

темы стало сосредоточение в их руки огромных сумм денег, которых раньше у них никогда не было, и они сохранили бóльшую, чем полагалось бы им по справедливости, долю земли, в которую можно было вложить капитал. Но было очевидно, что большинство не умело и не хотело приспособиться к новым условиям жизни: деньги были промотаны, поместья заложены, а семьи помещиков разошлись по разного рода профессиям, вместо того, чтобы сосредоточить усилия на обработке своих имений. Не удивительно, что из обломков класса выросли различные течения — его члены разделились на три основные группы: некоторые присоединились к среднему классу, который начал образовываться в городах, некоторые, оставаясь в сельской местности, искали другие, отличные от старых, пути к лидирующим ролям, использовали свои средства и свое лучшее политическое образование для приобретения влияния, не прибегая к своим привилегиям, но большинство из тех, кто остался на земле, подняли крик, требуя помощи и возмещения. Вспомнились прошлые заслуги, а прошлые пороки были забыты, и государству пришлось сделать поправки в отношении всех неудобных последствий освобождения. Один из этих господ предложил, например, чтобы каждая волость управлялась собранием местного дворянства, а председатель этого учреждения должен получать вознаграждение в виде освобождения от выплаты всех его долгов государству. Другой проповедовал целесообразность выделения новых поместий, каждое стоимостью в £ 25 000, для создания комфортабельных условий для 4 000 семей дворян. Постоянно повторялось пожелание, чтобы помещикам предоставили полицейскую власть над работниками в их имениях и над соседними крестьянами, очевидной целью которого был возврат к положению дел, аналогичному старому крепостничеству.

В значительной мере правительство позволило увлечь себя этой бесстыдной агитацией. В 1886 году оно учредило Дворянский банк с целью обеспечения помещиков кредитами на самых выгодных условиях. Результат оказался не тем, что ожидалось, поскольку деньги, приобретенные столь дешево, были по большей части растрачены, а жажда большего оказалась тем не менее неутоленной. В 1886 году был также утвержден закон, согласно которому разрыв договора наемными работниками должен был рассматриваться как уголовное преступление и полиция должна была заставлять их выполнять свою работу. В 1897 году было создано особое совещание для рассмотрения нужд дворянства³⁰⁵, которое сформулировало некоторые пожелания относительно условий перехода в привилегированное сословие и образования его детей. Но самым главным благодеянием для привиле-

гированного дворянства, [сделанным] в ущерб обществу и общественному строю, было учреждение в 1889 году института так называемых земских начальников³⁰⁶ (*land-captains*, или *land-administrators*).

В пылу реакции, которая характеризовала царствование Александра III, сочли целесообразным усилить позиции правительства в сельской местности, подчинив деревенское население юрисдикции гражданских чиновников, наделенных как судебными, так и административными функциями. Принцип разделения этих двух властей, фундаментальный принцип, с точки зрения реформы 1864 года, был забыт, от мировых судей, выбираемых уездными собраниями³⁰⁷, отказались, а на их место было помещена очень строгая и деспотическая власть — власть земских начальников, назначаемых губернатором из дворян по совету предводителя дворянства. Это должностное лицо было, с одной стороны, центром всей административной деятельности в своем районе — санитарных мер, помощи бедным, помощи в случаях сельскохозяйственных бедствий, надзора над всеми материальными и моральными интересами населения. С другой стороны, он был судьей первой инстанции по всем мелким гражданским и уголовным делам. В-третьих, он прежде всего должен был выступать защитником и инспектором во всех случаях, которые касались крестьянства. Как остроумно выразился один из земских начальников: они должны были служить няньками для крестьянства. У этих нянек были очень обширные полномочия по применению наказаний. Они имели право приговаривать деревенских старейшин и судей к тюремному заключению и даже по своему усмотрению подвергать крестьян аресту на три дня без какого-либо формального судебного разбирательства и без какой-либо возможности апелляции, просто за предполагаемое неповиновение. Введенная после упорядоченной правовой процедуры, осуществляемой мировыми судьями, — процедуры, которую деревенские жители уже научились уважать, власть земских начальников воспринимается как отрицание правосудия. «У нас больше нет судей, — по словам одного крестьянина, — у нас есть командиры».

Какие существуют гарантии, что этим исключительным положением не воспользуются неправильно? Некоторые гарантии мог бы обеспечить тщательный отбор на посты этих местных диктаторов. На самом же деле только незначительное их меньшинство получило административную или юридическую подготовку или хотя бы какое-либо высшее образование; большинство же выбираются из местных помещиков, служивших в армии или вообще не служивших и ничему, как следует, не обученных. Другая гарантия, как может показаться, обеспечивалась правом жителей подавать апелляцию на ре-

шения земских начальников в собрания, образованные из тех же мировых судей под председательством уездного предводителя и с дополнением нескольких подготовленных юристов. Следует сказать, что даже это незначительное количество юристов оказывает благотворное влияние на незаконные действия земских начальников, но после этого решения этого уездного органа могут сами быть аннулированы губернским органом, в котором правовой элемент совсем не присутствует, после чего процедура прекращается. Область этой особенно произвольной юстиции не находится в прямой связи с Сенатом, возвышающимся над всеми остальными судами.

Все эти особенности в конечном итоге показывают, что целью закона 12 июля 1889 года является не улучшение правосудия или содействие общему благу, а установление диктатуры в каждой местности как поддержки центральной бюрократии, с одной стороны, и местного дворянства — с другой. То, каким образом земские начальники исполняют судебные и полицейские функции, можно увидеть из нескольких фактов. Во время ужасного голода 1892 года земские начальники некоторых уездов Нижегородской губернии систематично противодействовали помощи и ограничивали доставку хлеба, хотя население буквально голодало, потому что они хотели удержать низкий уровень его доходов. Тульский земский начальник, который так образно выразил свое мнение в словах о няньках для крестьян, поставил себе задачей силой заставить крестьян выполнять сельскохозяйственные работы. В другом случае мир в крестьянских семьях был сохранен путем заключения в тюрьму вызывавших недовольство жен. Пресловутая статья 61, которая предусматривает дискреционное наказание³⁰⁸, хорошо заметна в охране порядка. Земский начальник запретил одному из крестьян, находившемуся под его присмотром, ходить мимо своего дома. Однажды ночью крестьянин, несмотря на запрет, был пойман за этим грехом на улице перед домом земского начальника и немедленно помещен в заключение. Один из этих чиновников суммировал свои наблюдения над тем, как правосудие и охрана порядка проводились по всей России, зловещими словами: «Нет ни одного унижения, которое бы в начале двадцатого века не испытал русский крестьянин».

Мы уже заметили, что введение земских начальников вызвало упадок [института] мировых судей. Последние остаются только в некоторых крупных городах. Этот отказ от уставов 1864 года является самым значительным и ничем не обоснованным отступлением от правового духа и институтов эры реформ. Мировые судьи так же как и члены судов вышестоящей инстанции на деле заслуживали лучше-

го отношения. Изменения, достигнутые новым *personnel*⁸⁰⁹ судов и новыми методами административного правосудия, были просто поразительными и навсегда останутся примером мощи гражданского чувства и идеальных стремлений в человеческих делах. Где безраздельно господствовали интриги, крючкотворство и взяточничество, выросла система правосудия, которая предоставляла все необходимые гарантии компетентности и неподкупности, и это несмотря на жалкие вознаграждения судебных работников. Мировые судьи вели незначительные дела и разрешали мелкие споры, но их работа, в целом представлявшая собой повседневное судопроизводство в обществе, проводилась дешевым и быстрым способом с высочайшей справедливостью и здравым смыслом и обеспечила судьям уважение всех — кроме правительства. Реакционное правительство оценивало все по своим стандартам деспотичного правления, и в их отношении мировые судьи не выдержали испытания.

Судебный процесс с участием присяжных был еще большим бельмом в глазу реакционных лидеров: присяжные формировались без различия классов, их вердикт не зависел от приказов коронных юристов, и первоначально они решали дела, даже когда на скамье подсудимых были чиновники и когда рассматривались дела о нанесении морального ущерба прессой. Шумные протесты против этого института, также быстро укоренившегося на российской почве, не привели к его разрушению, но вызвали ряд мер, ограничивавших его.

Но в этом случае, как и в остальных, намерения реакционной партии заслуживают даже большего внимания, чем ее конкретные достижения. Настоящим врагом остается все тот же — закон, закон, независимый от прихоти и протекций, не склоняющий голову перед сильными мира сего, обращающийся к чувству человеческого достоинства и провозглашающий равенство граждан. Такой закон не уstraивает власть предрежащих, и реакция очень постаралась, чтобы подменить его чем-то совсем иным — вынесением ложных приговоров, низкопоклонством перед сильными, покорностью перед силой и протекцией, негодованием по отношению к тем, кем недовольны власти, безжалостностью к слабым. Правительство, создавшее земских начальников и лишившее миллионы своих подданных-евреев самых основных гражданских прав, даже права на образование для их детей, такое правительство не является подобающим покровителем закона и правосудия. То, что оно навязывает, является повиновением порядку, а не закону, и ее презрение к закону проявляется везде. Даже слабые гарантии того принципа, что закон является общим предписанием, обязательным для всех, пока оно не аннули-

ровано, ни во что не ставятся постоянной практикой личных императорских рескриптов, министерских циркуляров и так называемых временных правил. Если что и было разработано в последние годы наиболее тщательно, так это дискреционная власть губернаторов и генерал-губернаторов [в губерниях, объявляемых] на осадном положении. Меры, принятые в 1881 году во время паники, созданной убийством царя, расширились и усилились с тех пор. Никто не защищен от обыска, ареста, заключения и ссылки в отдаленные части империи. От политического надзора попечение властей распространилось до вмешательства во всякого рода личные дела. Сегодня кого-нибудь высылают по приказу губернатора, потому что его подозревают в безнравственном поведении, завтра кого-нибудь еще, потому что он занимается гипнозом, и затем опять молодежь, виновная в беспорядках на улице, приговаривается к месяцам тюремного заключения без такой формальности, как судебный процесс, по приказу начальника полиции. Такова правовая защита, которую мы получаем в России. Нигде выгоды такого правления не бросаются в глаза так, как в отношении к учащейся молодежи. Правду говорят, что все студенты находятся под надзором полиции. И когда полиция решает, что просто следить за ними недостаточно, она исключает их, чтобы они не сделали чего-нибудь плохого. Я не буду говорить об исключениях и административных высылках за участие в студенческих волнениях, как, например, в 1899 году, когда в Москве был исключен каждый пятый студент. Есть еще более нелепые и не менее типичные случаи, как, например, когда студентов в более спокойные времена заставляют покинуть университетский город и прервать свои занятия, потому что ожидается, что этот город удостоит своим визитом император, или когда университетские власти остаются в полном неведении относительно местонахождения своих студентов и не осмеливаются просить объяснений, потому что политическая полиция не допускает никаких расследований.

Нам остается рассмотреть историческое развитие институтов самоуправления, созданных реформой 1 января 1864 года. По словам того, кто сам был пионером самоуправления в России, лучшие представители общества, долгое время мечтавшие о свободном росте его сил, окунулись со всей верой, надеждой и преданностью в работу губернского самоуправления, в которой они увидели утреннюю зарю новой эры. Несомненно, в глазах как правительства, так и общества открытие этой новой сферы общественной деятельности не рассматривалось как самодостаточная цель — земства основывались как своего рода школа для большей свободы. Сам царь Александр несколь-

ко раз указывал на то, что он не собирался останавливаться на этом даровании и просил свой народ с уверенностью ждать дальнейшего развития в том же направлении. Но хотя в мыслях у работников были политические устремления всеобъемлющего характера, было бы неверным полагать, что они не заботились о работе, требующей немедленного исполнения. Наоборот, несмотря на все естественные недостатки, вызванные неопытностью и интригами, российское земство и новые городские объединения в целом выполнили работу, заслуживающую самого большого уважения. Они взялись за проблемы, которые едва ли брались в расчет аристократической бюрократией прежнего времени и в решении которых она была абсолютно бессильна. Сквозь всю их деятельность проходит одна главная идея — стремление к материальному и интеллектуальному прогрессу низших классов, и, естественно, не существовало более достойной идеи, которая могла бы вдохновить тысячи этих скромных тружеников.

Самые поразительные результаты были достигнуты в сфере образования. В шестидесятые годы, когда государство передало земствам долю в организации и управлении начальными школами, они практически не существовали. В настоящее же время, менее чем через 40 лет после этого темного периода, в некоторых частях страны уже достигнут такой уровень, когда начальное образование становится доступным всем и везде органы самоуправления неуклонно и энергично продвигаются к своей цели. Вся работа по постройке школ, обеспечению их учителями и учебными материалами, удовлетворению нужд самых бедных учащихся и удовлетворению в какой-то мере их интеллектуальных потребностей после школы выполняется земствами и городским самоуправлением, и именно в самых демократичных губерниях, в отдаленных восточных уездах Вятской и Пермской губерний, где практически нет земельного дворянства, эти интеллектуальные нужды лучше всего осознаются и удовлетворяются.

Другой областью, в которой земство добилось выдающихся успехов, является организация народного здравоохранения и санитарной службы. Трудно представить себе все те трудности, которые пришлось преодолеть в этой связи. Огромные расстояния, плохие дороги, суровый климат, редкость населения и еще большая нехватка медицинских работников — все это является сложно преодолимыми препятствиями для [создания] чего-либо, похожего на рациональную систему медицинского обслуживания. Тем не менее пионеры этого дела не отчаивались; на него выделялось 30 процентов земского бюджета, и сейчас по стране постепенно растет сеть больниц, фельдшерских пунктов и медицинских центров.

Материальное положение народа не осталось без внимания земских работников. Их демократические тенденции помогают им увидеть корень экономических бедствий: совершенно справедливо было признано необходимым для того, чтобы определить шаги в направлении улучшения ситуации, провести обширные исследования, и земства выполнили чрезвычайно обширную и поучительную статистическую работу, которая может сделать честь любой стране. Благодаря доскональному знанию народных нужд и ресурсов, земства и образованные классы, ищущие поддержку и выход своим силам в местном самоуправлении, оказались способными сделать очень многое в многочисленных случаях неурожая и бедствий в сельской местности. Средства, выделенные правительством и пожертвованные благотворителями, были доставлены пострадавшим в бесчисленные темные уголки обширной страны в первую очередь благодаря земствам и их помощникам, внесшим в эту работу всю свою непритязательную, неутомимую жертвенность, столь характерную для русского народа во время нужды. В более благоприятные моменты экономическая деятельность земств в целом принимает форму содействия аграрному развитию путем создания опытных хозяйств, обеспечения консультантами, организации складов по продаже усовершенствованных инструментов и машин. Земства вновь и вновь стараются воспрепятствовать разрушительным последствиям пожаров, и, хотя они немного могут сделать для изменения методов строительства в этой «стране дерева», многое было сделано для распространения системы страхования. Меньшие результаты были достигнуты в организации помощи бедным и улучшении дорог, и одной из причин отставания в этих областях может являться то, что в этих вопросах компетенция земских управ и обычной полиции безнадежно запутана.

В рамках одной короткой лекции я позволю себе не вдаваться в детали по этим важным вопросам. Время поджимает, а мне еще нужно показать вам обратную сторону медали — грустную историю постоянных ограничений деятельности земств со стороны центрального правительства. Надежда на расширение земств, на рост от губернского самоуправления к политической свободе была обречена на провал. Уже в 1867 году была приостановлена работа Санкт-петербургского земства, потому что оно осмелилось подать петицию о созыве представителей всех губерний для обсуждения общих экономических вопросов³¹⁰. Единственная возможность такого развития событий была предоставлена политикой графа Лорис-Меликова, который в условиях тяжелой борьбы против террористических заговоров прислушался к обращениям из разных губерний и разработал план централь-

ных законодательных комиссий на представительной основе, план, одобренный императором, но уничтоженный несчастным успехом заговора 1 марта. После этого события наступила хорошо известная реакция, и, когда земства высказались за либеральные реформы, они получили резкий выговор за свои «бессмысленные мечтания»*. Даже просьба о мелкой земской единице, самоуправляющемся приходе или волости, не говоря уже о парламентских институтах, встречалась постоянными категорическими отказами; попытки устроить встречу представителей разных губерний для обсуждения общих дел рассматривались как незаконные и запрещались. Комитет министров может похвастаться длинным списком петиций земств, которые были отклонены только на том основании, что они просили о мерах, представляющих общий интерес, и это несмотря на признание того, что во многих случаях жалобы и информация, представленные подававшими петиции, были вполне уместны.

Не довольствуясь этим, правительство осуществляло своего рода систематические гонения на органы самоуправления, используя для этого как свои губернские учреждения, так и законодательный механизм. Везде местная бюрократия находится в постоянной ссоре с земствами, и это тем более серьезно, поскольку последние не имеют других средств для выполнения своих решений, помимо помощи этой самой бюрократии, и вынуждены постоянно обращаться к губернатору за утверждением своих постановлений. Враждебность губернской администрации тем более сильна и постоянна, поскольку действия санкт-петербургских властей явно свидетельствуют об их антипатии по отношению к земству. Уже в 1866 году председателям губернских комитетов были даны очень широкие полномочия по принуждению³¹¹. В том же году у земств отобрали право облагать налогами промышленные и торговые предприятия — они вынуждены были ограничиться налогами на землю³¹². В 1874 году управление образованием в начальных школах было поставлено в прямую зависимость от назначаемых правительством директоров и инспекторов, с одной стороны, и дворянских предводителей — с другой, в то время как органы самоуправления должны были ограничиться материальным обеспечением³¹³. С 1879 году все назначения земских служащих должны утверждаться губернатором³¹⁴. В восьмидесятых годах впервые попытались провести общую реформу, сначала в либеральном направлении, но работу комиссии Каханова, придерживающегося

* Исторические слова царя Николая II дворянским предводителям (17 января 1895 г.).

этой линии, ждала преждевременная кончина³¹⁵, а под руководством графа Дм. Толстого реформа началась совершенно в обратном направлении. Его целью было ни что иное, как сделать земства инструментом в руках бюрократии, потому что, с его точки зрения, институты самоуправления противоречили духу самодержавного правления и являлись причиной раскола административной системы. Ему не удалось выполнить всю свою программу, но в 1890 году Положение 1864 года было заменено новым, оно значительно ослабило органы самоуправления, изменив условия выборов в них и придав им отчетливый аристократический отпечаток. На практике эта мера привела к замешательству крестьянских делегатов, с которыми самым пренебрежительным образом обращаются земские начальники.

И все же, хотя и искаженный во многих отношениях, дух губернского самоуправления не был уничтожен; сохранялась преемственность в развитии, и такие органы, как, например, Московское губернское земство, показывают невероятную способность к выполнению полезной работы в самых сложных условиях. До недавнего времени существование самоуправления было весьма стабильным, но особенно при прежнем министре внутренних дел и нынешнем министре финансов были проведены меры, нанешие удар по самому основанию губернского самоуправления. 12 июня 1900 года стало особенно черным днем для российских губернских свобод: право управ устанавливать налоги было внезапно сокращено совершенно произвольно: ни одна губерния не может повышать налог более, чем на три процента от уровня налогов предыдущего года³¹⁶. Уже указывалось, что у этого метода, привязывающего траты и самообложение к бюджету предыдущих лет, полностью отсутствует рациональное обоснование. Он всего лишь ложится мертвым грузом на схемы развития, и больше всего страдают те, кто по тем или иным причинам раньше воздерживался от обложения и требований.

В тот же день организация снабжения населения продовольствием была полностью отдана в руки губернаторов, назначенных ими попечителей, предводителей дворянства и земских начальников³¹⁷. Таким способом губернской бюрократии, которая уже много раз демонстрировала, насколько нерадива она в признании даже самых насущных потребностей в этом отношении и насколько неповоротлива в их удовлетворении, было доверено проведение всей этой сложной и ответственной работы, в то время как земство, представляющее самый подходящий механизм для мобилизации всех сил общества для оказания помощи населению, абсолютно не принимается во внима-

ние. Эта мера настолько непродумана и вредна, что есть признаки, что правительство будет неспособно поддерживать ее.

Того, что я уже сказал, должно хватить, как я думаю, для демонстрации того, что в течение сорока лет мы жили в России, ведя что-то вроде гражданской войны — войны между нерешительным или реакционным правительством и всевозможными представителями несостоятельных интересов, с одной стороны, и растущими силами национального сознания и самоуправления — с другой³¹⁸. Каков будет результат этой борьбы, которая уже омрачила жизнь поколений и подрывает силы целой империи? Давайте сначала послушаем точки зрения на этот предмет представителей сильных мира сего. Вот один из них, известный прокурор Святейшего Синода Победоносцев. Он позаботился воплотить свои политические идеи не только в форме законов и мер, но и в виде литературных произведений. В очерках «Московского сборника»³¹⁹, написанных или отредактированных им, мы можем найти его оценки основных проблем государства и церкви. Ведущий принцип этих оценок — безграничное презрение ко всем западным институтам. Конституционное правление объявляется величайшей ложью нашего времени. Большинство образовывается мастерами закулисных интриг, понимающими, как обмануть и подкупить избирателей. Невежественную массу призывают выполнить самую сложную и деликатную политическую обязанность: обязанность выбора людей, которые должны будут принять бремя правления. Масса не только не способна сделать этого, но и лучшие люди просто избегают поисков ее благосклонности. Парламент — это всего лишь машина для утверждения непродуманных непоследовательных законов. Пресса, принимающая самое большое участие в формировании так называемого общественного мнения, стала безответственной силой, которой владеют люди, отличающиеся бесстыдной заносчивостью. Все эти виды зла могут быть до некоторой степени смягчены в англо-саксонских обществах благодаря индивидуальной независимости и личной энергии, хотя даже там Соединенные Штаты представляют собой яркую иллюстрацию вопиющих злоупотреблений демократии. Что касается остального западного мира, ее поджидает социализм и социальная борьба. А что следует думать о господстве права, которое так превозносят защитники западных, и особенно английских, институтов? «[...] Лицо, обязанное действовать, на всяком шагу встречается в самом законе с ограничительными предписаниями и искусственными формулировками, если на всяком шагу грозит ему опасность перейти ту или другую черту, из множества намеченных в законах, [...] тогда всякая власть теряется в недоумениях, обес-

сильвается тем самым, что должно бы вооружить ее, т. е. законом [...]»³²⁰. Каков результат всех этих негативных наблюдений? Желание «простых, живых, личных учреждений», абсолютной власти, неприкосновенности предрассудков, благотворности невежества и покорности народных масс, тяга к аристократичности, которая в то же время признается едва ли возможной в наше время. От этих бесплодных псевдоплатонических преувеличений давайте обратимся к другому представителю современной бюрократии, энергичному министру финансов Витте. Он также выразил свою политическую философию в записке, направленной против министра внутренних дел и предназначенной для использования императором и некоторыми высшими должностными лицами. Предполагалось, что она должна была храниться в секрете от остальных смертных, но каким-то образом ее копия попала в руки политических эмигрантов и была ими опубликована³²¹. Несомненно, это документ огромнейшей важности, которым наверняка воспользуются историки для изображения образа мыслей российских политических деятелей в начале двадцатого столетия.

Смысл аргументации состоит в том, что самоуправление, даже местное или губернское, является по своей сути политическим учреждением и, как таковое, враждебно абсолютной монархии. Если самоуправление будет существовать и действовать рационально, оно должно будет развиваться в конституцию. Если нельзя ему этого позволить, нужно заменить его централизованной бюрократией. Признав, что подобная бюрократия приводит к деспотической власти и мертвому формализму, и процитировав презрительные замечания Штейна, называвшего ее машиной для официальной писанины, г. Витте тем не менее высказывает предположение, что российская бюрократия должна произвести новый политический тип, неизвестный истории, который на деле окажется аристократией труда и просвещения. Он рукоплещет иностранным наблюдателям, которые признают сходства между условиями России и условиями Британской Индии или Китая, и основывает свою позицию на том принципе, что русскому народу не хватает индивидуальности и суждено его историей находиться под управлением чиновников, которых будет направлять самодержавная власть. Это правление каким-то образом воздержится от произвола, арестов, чрезвычайных судов и других видов угнетения, оно обеспечит свободу труда, мысли и совести. Что касается общества, ему нужно оставить возможность преследовать личные интересы и в них искать выход для своей энергии. Мы весьма поразимся, узнав, что земству также нашлось место в этой иде-

альной бюрократии: оно не должно и не может быть разрушено. Министр финансов убежден, что система, обрисованная в его записке, не только не позволит России пасть жертвой величайшей лжи нашего времени — конституционного правления, но и излечит его от современных бедствий. Многозначительны его заключительные слова: «[...] Ничто [...] не подрывает в такой мере престижа власти, как частое и широкое применение репрессивных мер. Меры эти — меры опасные и продолжение их применения либо приводит ко взрыву, либо действительно обращает все население в „бессвязные толпы“, в „людскую пыль“»³²².

Это — сильное высказывание, и вся записка полна выразительных эпиграмм и острой критики. Но в ней было бы трудно найти ту искренность и основательность, которые она проповедует всем, кого она касается. Кажется, что ее аргументация основывается на бездоказательных предположениях; не является ли, например, оптимистичная перспектива будущего бюрократии в России подобным предположением? На самом деле, можно даже высказать надежду, что в следующий раз, когда министр финансов захочет обратиться к своим коллегам из министерства внутренних дел, он сможет так же блестяще показать, что самодержавие и бюрократия несовместимы с индивидуальной свободой, как он показал в 1899 году, что они не могут жить в мире с местным самоуправлением. Кажется также, что есть определенная путаница мыслей и в другом предположении, а именно в убеждении, что Россия обречена постоянно оставаться в том положении зависимости от патерналистского правления, которое очень давно миновала Англия и не так давно — Франция и Германия. В целом весьма любопытно, что министры могущественной империи должны быть преисполнены такого презрения по отношению к народу, которым они управляют, что они не способны уготовить ему лучшую судьбу, чем положение китайских плебеев под властью мандаринов или чем положением коренного населения завоеванной Британской Индии. Больше всего поражает в этих наблюдениях за нашими современными правителями полное отсутствие у них позитивных идеалов, их бесплодный скептицизм и безнадежность их взглядов и планов. Они осуждены в большей степени своими собственными признаниями, чем обвинениями их противников.

И в этом кроется надежда на лучшее будущее для России. Страна, несомненно, находится накануне новой стадии развития, и все усилия, направленные против исторических сил, которые выводят ее на новый путь, будут бесполезны. Нельзя больше лишать русских общих прав цивилизованного человека, которые стали самоочевид-

ным элементом европейской жизни, и остается только надеяться, что нынешнее правительство не будет больше упорствовать в своем слепом сопротивлении прогрессу. Чем скорее оно придет к пониманию того, что достоинство и благополучие России действительно требуют не только порядка, но и свободы, и что единственным основанием для объединения их обеих является закон, тем легче ему будет решить проблемы, которые стоят перед нацией, занимающей великое место в судьбах этого мира.

КРЕСТЬЯНСКОЕ СОСЛОВИЕ В РОССИИ

Среди сцен таинственного символизма, который сделал Ибсена³²³ великим представителем своего поколения, одной из наиболее замечательных является страшный сон о борьбе Пер Гюнта с его прошлым, смутным «Böjgen»³²⁴, в котором все слабости, пороки и преступления прошлой жизни соединились в огромную силу. Кажется, как будто русский народ даже теперь вовлечен в такую решающую борьбу. Пути к величию и процветанию заграждены ненавистным наследием прошлых веков; и потребуются вся сила талантливой и терпеливой нации, чтобы освободиться от этого страшного сна и пробудиться еще раз к обнадеживающей и плодотворной деятельности. Одним из средств избавления является ясное сознание опасности. Симптомы и причины упадка должны быть выявлены и ликвидированы в каждом случае; и тягостная обязанность русских патриотов заключается в том, чтобы говорить правду громко дома и за границей, где бы ни появилась возможность быть услышанным. В обычных условиях чувствует-ся склонность всякого промолчать о недостатках собственного народа, особенно в разговоре с иностранцем. Но нынешнее положение дел в России не обычное. Ее недостатки стали хорошо известны всему миру; и они доводятся до полного омерзения лицемерием ее якобы адвокатов, которые стремятся не замечать их. Отнюдь не агрессия иностранцев является реальной угрозой прогрессу и существованию России: ей некого бояться, кроме себя. Усилия ее друзей должны быть направлены против ее собственной самоубийственной политики.

К счастью, многие признаки свидетельствуют, что общественное мнение в России вполне осознает значимость рассматриваемого вопроса и правильное направление, которого должна придерживаться нация. Правда то, что правительство все еще стремится к политике, которая направлена на устранение из нее лучших людей страны, на разрушение независимых политических идеалов и на распространение ненависти и междоусобицы как средств усиления империи. Но хотя духи деспотизма все еще сильны в правительственных дворцах и кабинетах, повсюду рядом с ними народ восстает против их власти.

Поразительный пример конфликта между глубоко укоренившимися административными привычками и общественным мнением представляют современные события при рассмотрении величайшей проблемы наших дней — «крестьянского вопроса», — от правильного решения которого зависит судьба четырех пятых населения империи, прочность основания ее могущества. Но не может быть сомнений, что «что-то неладно в Датском королевстве» в этом отношении, даже с точки зрения официального мира. Еще в 1872 году была создана комиссия под председательством Валуева для того, чтобы изучить положение сельского хозяйства и крестьянства³²⁵. В 1883 году другая комиссия со статс-секретарем Кахановым³²⁶ во главе расследовала деятельность административных институтов, управляющих крестьянами. В 1894 году министерство внутренних дел рассматривало правовое положение крестьянства с помощью специальных дознаний в губерниях. В то же самое время министерство земледелия собирало материалы об экономическом положении сельского населения у губернских *земств* — губернских управ империи. С тех пор «упадок центра» обсуждается как прессой, так и в правительственных коллегиях; министр финансов предупредил Государственный совет в специальной записке, что платежеспособность нации напряжена до предела; государственный контролер выразил неблагоприятное мнение об экономическом положении империи в отчете о доходах и расходах государства; и совсем недавно, в 1902 году, начались «особые совещания» под председательством Витте с тем, чтобы исследовать нужды сельского хозяйства и способы их удовлетворения³²⁷. Этот последний орган обратился за информацией к «местным совещаниям», собранным в уездах и губерниях империи, и собрал материалы, напечатанные для служебного пользования в пятидесяти восьми томах.

Эти «совещания» породили значительное движение в обществе и вызвали массу литературной продукции, обобщающей и доводящей до обычного читателя их результаты. Я упомяну только о лучшем из этих обобщений — сборнике статей под названием «Нужды деревни», написанный выдающимися правоведами и литераторами³²⁸.

Неудивительно, что так много внимания уделяется таким предметам. Все эти дискуссии подсказываются не просто желанием улучшить существующее положение дел, а материальной нуждой самого бесспорного и потрясающего рода. Даже те жители западных стран, которые менее всего знают о русских делах, читали в газетах о неурожаях и голоде, таких, которые, к счастью, не известны в их собственных странах, но которые случаются в России каждый год, и о крестьянских восстаниях, подобных тем, о которых можно

узнать в Западной Европе лишь из истории XVI века. Те, кто лучше знаком с фактами в данном случае, могут дополнить этот общий обзор многими характерными деталями. Они знают, что голод помимо разорения, вызываемого им в экономических и санитарных условиях обширных районов, может стоить империи 179 миллионов рублей в виде денежных ассигнований в год; что для того, чтобы собрать 2 000 000 000 рублей бюджета, раздутого огромными военными расходами, стратегическим железнодорожным строительством и т. д., государство вынуждено напрягать возможности своих подданных до такой степени, что во многих местах, несмотря на всяческое давление, около 150–200 проц. податей признаются недоимками; что двадцатилетие с 1880-го по 1900 год, которое свидетельствует об огромном увеличении государственных доходов, отмечено также постоянным понижением благосостояния народа — таким понижением на деле, что, например, в одной из наиболее благоприятно расположенных губерний (Полтавской) около 30 проц. крестьянских хозяйств остались без лошадей или скота, а около 20 проц. имеют только одну голову скота на хозяйство. Это больше похоже на растраниживание капитала, чем на получение государственного дохода от прибыли; и нам вновь и вновь говорят, что крестьяне в различных губерниях платят в виде налогов значительно больше, чем могут дать им [хозяйства], и что они не всегда могут свести концы с концами при помощи дополнительной работы на фабриках, отхожих промыслах, как сельскохозяйственные рабочие и т. д. Вместе с тем факт постепенного упадка крестьянского класса в большей части России доказан свидетельствами, поступающими со всех сторон. Существуют различные мнения, но не о самом данном факте, они относятся к его причинам. По мнению незначительной группы представителей так называемой консервативной партии, причина состоит в недостатке дисциплины, лености, хищнических привычках крестьянства. Сельские жители описываются как дикари или животные; и в качестве средства для излечения этого зла рекомендуется возвращение к «полезным чертам» крепостничества. Любопытно, что эти самые люди, которые относятся к 80 процентам нации с таким явным презрением, когда они говорят о них как о рабочих «руках», обычно очень громко заявляют о могуществе и достоинствах русской нации, когда она вынуждена играть роль пугала для иностранцев. Поразмыслив, нетрудно примирить эти кажущиеся противоречивыми чувства; стадо скота может вызывать восторженное бахвальство у погонщика, который сильно бы удивился и разгневался, если бы послушные животные требовали что-либо подобное независимости и уважению. И все же

даже погонщику скота следует помнить, что «если ты хочешь, чтобы лошадь быстро бежала, не мешай ей».

Число погонщиков не велико, и их мнение едва ли имело бы какой-нибудь вес, если бы, к несчастью, правительство не было бы склонно черпать свое вдохновение именно у них. Первым плодом возрожденного интереса к положению крестьянства в восьмидесятые годы была не поддержка рекомендаций либерального большинства комиссии Каханова, а закон 1889 года, заменивший мировых судей земскими начальниками с дискреционной властью, реформа губернских управ на основе классового принципа, которая полностью оттеснила интересы и мнения крестьянства на задний план и т. д. Даже когда твердо установленные факты данного дела убеждали наиболее бестолковых бюрократов, что необходимо что-то делать, прибегали к обычной уловке ряда комиссий и «комитетов» с расторопным началом работы и совершенно незначительными результатами, как будто их единственной целью было дать возможность всей энергии реформаторов «расплываться в песке» в соответствии с хорошо известной немецкой поговоркой. Во время «совещаний», инициатором которых выступил Витте, большую заботу проявили о том, чтобы заткнуть рот экспертам, чтобы их голоса не возвысились до протеста. Опрашивались не обычные уездные и губернские управы, а специально тенденциозно подобранные комитеты, в которых земские начальники, податные инспекторы и другие чиновники получили преимущества; председатели наделялись широкими полномочиями останавливать нежелательные дискуссии; и министр внутренних дел решился на ссылку двух экспертов, позволивших давать беспристрастные советы правительству³²⁹.

И все же, несмотря на такие безошибочные симптомы официального характера, вопреки давлению, оказанному на местное общество, ответы местных комитетов были в целом показательны своей смелостью и выразительностью. Для того, чтобы определить общественное мнение, следует обратиться прежде всего к уездным комитетам; губернские комитеты испытывали на себе слишком большое давление со стороны губернаторов, чтобы высказываться свободно, хотя даже здесь имелись случаи открытой и решительной оппозиции, как, например, в Москве, Тамбове, Воронеже, Чернигове и др. Невозможно в небольшой заметке адекватно представить все уездные отчеты; но я хотел бы привлечь внимание к трактовке одного важного вопроса, от правильного решения которого многое будет зависеть в будущем. Я имею в виду не столько вопрос, сколько правовой статус русского крестьянства как класса. Одной из главных причин

упадка крестьянского хозяйства является «неопределенность имущественных и общественных отношений крестьян [...]. Эта неопределенность обусловливается неполнотой законодательства о сельских обывателях, а главным образом — недостаточным его соответствием потребностям населения в прочном правопорядке [...]. Неполнота и недостатки узаконений [...] не могут быть устранены частичными изменениями, а требуют решения общих, принципиальных вопросов сельского устройства, от того или иного направления которых зависит весь ход дальнейшего законодательства»³³⁰. Эти слова взяты из отчета, представленного Витте в 1899 г.

Краеугольным камнем крестьянской проблемы в России, как кажется, является тот факт, что крестьянство, которое составляет четыре пятых населения империи, было лишь частично освобождено в 1861 году; они были освобождены от личной зависимости от помещиков, но, с точки зрения права, они остаются членами подчиненного сословия, отличающегося от остального общества унижительным бесправием и особыми институтами.

Печать унижающего достоинство положения особенно ясно видна в сложностях, сопутствующих переходу из крестьянского сословия в другие сословия общества. Только отказавшись от своего надела в деревенской общине без всякой компенсации, крестьянин имеет право уехать, стать государственным чиновником или торговцем. Если сын крестьянина достигнет успехов в свободных профессиях или в торговле, если он получит диплом университета или станет «почетным гражданином», он должен покинуть свое сословие. «Подобный порядок вещей свидетельствует о таком взгляде на крестьян, при котором принадлежность к крестьянскому сословию признается настолько унижающею человека, что он является недостойным войти в среду лиц, занимающих даже самые незначительные ступени служебной лестницы, или к ним приуготовляющихся...» (Отчет восемнадцати членов московского совещания)³³¹. «Весьма непоследовательно жаловаться на то, что молоко жидко, после того как с него [...] сняты [...] все сливки» (Отчет Елецкого уезда)³³². Нам не следует удивляться, что границы класса так четко определены, когда мы обращаемся к рассмотрению правового положения крестьянства.

Правовая реформа 1864 года упразднила телесное наказание из практики обычных судов; и Государственный совет вполне осознал, что «телесные наказания не могут не быть признаны положительно вредными, препятствуя смягчению нравов народа и не позволяя развиваться в нем чувству чести и нравственного долга, которое служит еще более верною охраною общества от преступления,

чем самая строгость уголовного преследования»³³³. Порка, однако, все еще используется по отношению к закоренелым преступникам и к крестьянам. Последние могут быть приговорены к телесному наказанию их особыми чиновниками и судами*.

Предполагается, что личная свобода граждан защищена, если только они заключены в тюрьму или сосланы в ссылку по усмотрению государства. Неопределенность личного положения еще больше в случае с крестьянами; сельская община имеет право сослать любого своего члена в Сибирь без суда просто как порочного и вредного человека.

В обычных случаях нарушения договора сторона, которая не выполнила обязательств, обязана отвечать по иску; но, если это дело крестьянских работников, бросивших свою работу, их преследуют в судебном порядке и наказывают как уголовных преступников. Обычное различие между законом и моралью, преступлением и пороком признается русским правом в общем; но не в отношении крестьян. Предусмотрительный правитель деревни, земский начальник, должен следить за моралью своих овец и может отправить в тюрьму людей, чье поведение он не одобряет как мотов или пьяниц.

Гражданское право империи не применимо к большей части крестьянского сословия. И не только сельская община, известный *мир*, особый институт, рассматривает собственность на землю с точки зрения, противоположной правилам, господствующим среди других сословий. Существует значительное число других характерных особенностей крестьянского права. Предположим, человек, как это часто случается, хочет покинуть свой дом и найти работу фабричного рабочего, служащего и т. п. вдали от дома, он должен будет получить согласие главы хозяйства — отца или старшего брата; и они могут запретить ему это. Даже если они согласятся, предстоит пройти через второе испытание в виде разрешения *мира*; а его можно получить только, если признают, что проситель полностью выплатил все налоги. И если это не равнозначно прикреплению к земельному наделу, тем не менее это очень похоже; и уездные совещания энергично заявили протест против пережитков крепостничества — пережитков, можно добавить, которые вызвали особую тревогу из-за узаконения 1894 года.

Глава хозяйства играет такую важную роль в этом деле, потому что другой закон (18 марта 1886 года)³³⁴ взял нераздельные хозяйства

* Особая обязанность крестьян страдать от телесного наказания была наконец-то отменена по случаю крещения новорожденного цесаревича. Лучше поздно, чем никогда!

под свою особую защиту. Когда владелец общинного участка умирает, его семья по закону остается неразделенной и должна продолжать сообща владеть семейной собственностью. Если сонаследники найдут такое устройство неудобным и захотят выделиться, они вынуждены будут пройти через сложный процесс выделения из *мира* и подтверждения этого разрешения со стороны земского начальника. Фискальный подход опять очевиден: только тем будет разрешено выделиться, кто уплатил все подати. Эта законодательная попытка остановить ход выделения является, однако, неестественной до такой степени, что, вопреки законам, хозяйственные группы разделяются по взаимному соглашению; но эти выделения, хотя и многочисленные, являются выходящими за рамки закона, и разделенные хозяйства все еще являются единым хозяйством с точки зрения закона и сборщика подати.

То, что сама сельская община в значительной степени трактуется как средство выполнения фискальных требований и предмет опеки, видно из узаконений 1893 г. (8 июня и 14 декабря)³³⁵ против частого повторения переделов пахотных земель и отчуждения владений посредством продажи. Предусмотрительная администрация заботится о том, чтобы крестьяне не ослабили своего хозяйства частыми переделами и продажами. Для всей империи был зафиксирован двенадцатилетний период как подходящий для переделов; и земский начальник должен следить за их регулярностью и справедливостью. Тот же самый земский начальник контролирует *мир* в его отношениях с нераздельными хозяевами и должен предотвращать отчуждение владений посторонним. Едва ли нужно добавлять, что массовое переселение запрещено, если только не будет показано, что прежняя община дала на это согласие и что за возможным переселенцем не числится долгов. Но вопреки этим ограничениям множество людей покидает в отчаянии свои бывшие дома и держит трудный путь на восток в поисках земель, где их будут меньше беспокоить естественные трудности и правительственные требования.

Поскольку общее право, регулирующее отношения других классов, не применимо к крестьянам в их отношениях между собой, необходимо создавать специальный отдел права и особые правовые и административные институты для них. Предполагается, что крестьяне руководствуются местным обычаем, как средневековые вилланы руководствовались обычаем манора. Задача изложение и применения этих обычаев доверена *волости*, местному подразделению, состоящему из нескольких деревень и насчитывающему от 300 до 2000 жителей. На организации *волости* лежит печать низшего сословия.

Она включает только крестьянское население; и люди, принадлежащие к другим классам, находятся вне ее юрисдикции, даже когда они живут на ее территории. С административной точки зрения, *волость* не столько единица местного управления, сколько инструмент, используемый государственными чиновниками всякого рода для передачи их приказаний и требований; *волостной* старшина и его подчиненные, *десятники*, постоянно заняты сбором податей, контролем за состоянием дорог, поставкой лошадей и транспорта для правительственных чиновников, содействием полиции и правосудию в расследованиях преступлений и т. д. Этих десятников, играющих роль констеблей, правительство использует для выполнения почти всех видов дел, но их начальники относятся к ним с высокомерием. Неудивительно, что, несмотря на некоторое вознаграждение, быть назначенным десятником не считается привилегией. Преуспевающие и влиятельные люди не склонны занимать эту должность; и она, естественно, достается людям тихим и слабохарактерным. При отсутствии реального лидера центральное положение в *волости* принадлежит писарю, в большинстве случаев полуграмотному, коррумпированному, занимающемуся крючкотворством чиновнику, который способен извлечь выгоду из своих скудных знаний права на том основании, что среди слепых одноглазый становится поводырем.

Положение судей в *волости* не выше, чем у десятников: поговорка сравнивает их с деревянными чурками³³⁶. Между умственным превосходством писаря и официальным надзором земского начальника не остается места для разума и чувства собственного достоинства в управлении сельского права. Все запутано и противоречиво в местных обычаях при трактовке их волостными судьями; в одном деле они признают одно правило для раздела имущества между наследниками, в другом — другое; в некоторых местностях они допускают передачу по завещанию. А в соседних местах они не допускают этого. Хорошо рассуждать о развитии народных обычаев, обусловленных требованиями жизни и оформленных здравым смыслом народа; на деле невозможно ограничить жизнь крестьянства каким-то замкнутым помещением или предотвратить проникновение в эту жизнь всевозможных влияний извне; и в действительности так называемое обычное право крестьян пронизано фрагментами права, основанного на законодательных актах империи, пронизано искаженными принципами общей судебной практики. Ситуация становится еще более запутанной оттого, что не считалось необходимым оформить какие-либо определенные процедурные правила для крестьянских судов. Можно представить, какие любопытные концепции доказательства воз-

никают в этих условиях. Однажды случилось так, что сторонам в деле о спорном владении суд предложил доказать свои права просто в драке, и поскольку одна из сторон отказалась участвовать в такого рода «разбирательстве», то решение было принято в пользу другой стороны³³⁷. Апелляцию на решения этих неграмотных судей следует подавать не обычным путем в вышестоящую судебную инстанцию, а уездному съезду, в котором преобладают административные элементы, а подготовленные юристы составляют беспомощное меньшинство.

Предполагается, что беспорядку и невежеству сельских судов, примитивным условиям общинного хозяйства противостоит административная предусмотрительность, воплощенная в лице земского начальника. Эта должность была введена вместо мирового судьи в 1889 году с декларированной целью избавиться от правил обычного права и судопроизводства. Он является представителем дискреционной власти в местной администрации, и, как таковой, он вмешивается во все дела селян, контролирует все решения сельских сходов и волостных судов, практически назначает волостных служащих, направляет все сельские выборы в соответствии со своими желаниями, выполняет обязанности судьи в подлежащих его ведению гражданских и уголовных делах и т. д. Одним из наиболее поразительных выражений дискреционного управления этого местного властелина является его право налагать наказание без судебного разбирательства на всех крестьян, находящихся в рамках его юрисдикции (известная статья 61 закона 12 июля 1889 г.)³³⁸. Он может сам решать законно ли использование им этой дискреционной власти; и его решение не может быть обжаловано. Применение этого невероятного правила соответствует теории. В Нижегородской губернии земский начальник заключил в тюрьму весь сельский сход, состоявший из нескольких сотен человек, потому что они были нерадивы в уплате налога, установленного этим самым земским начальником. Другой земский начальник этой же губернии заставил выполнить собственное решение, отмененное волостным сходом, просто заявив, что данное дело является административным, а не судебным³³⁹.

Фактически потребность в общественном порядке, которая вызвала к жизни институт земских начальников, привела к курьезному следствию, доверив заботу о сельской местности власти, которая постоянно нарушает закон. Неудивительно, что крестьяне не верят больше в существование такой вещи, как право. «Закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло», — гласит крестьянская поговорка. „Вы все можете, — говорит вам мужик, когда вы ему толкуете про закон“³⁴⁰, — замечает бывший земский начальник. Какие идеи и чувства

возникают на этой почве беззакония и невежества можно заключить из следующего события. В деле о «сопротивлении властям», рассматриваемом в суде Воронежа, свидетели объясняли суду, почему обвиняемые крестьяне думали, что земля принадлежит им, а не помещику. Они были уверены, что данное поместье не могло быть подарено императором Павлом графу Безбородко³⁴¹, потому что, по их мнению, государственные земли не могут быть предметом дарений: возможно только дарение власти с правом управлять жителями, но не земли, «как нас подарили земским начальникам». Темнота в мыслях крестьян и бесправие их жизни служат в значительной степени причиной аграрных беспорядков, которые стали за последнее время повседневными событиями в России.

Профессор Кузьмин-Караваев³⁴² выразил общее следствие всех этих фактов в следующих словах: «Местные люди, работавшие в уездных комитетах, громко и определенно сказали, что бессилие деревни лежит глубоко. Не в сохах, трехполье, оврагах и песках дело, не в железнодорожных тарифах, не в слабом приливе денег в деревню, не в малоземелье и общинном землевладении даже... *Крестьянин — предмет*. Столетия крепостного права приучили нас так смотреть на него таким образом и его — так смотреть на себя. Он был столетия объектом мероприятий помещичьей власти, без прав, без имущества [...], но без обязанности самому о себе думать и заботиться, без обязанности жить не одной данной минутой, а заглядывая далеко вперед. Манифест 19 февраля объявил его человеком, и тем открыл ему возможность человеком сделаться. Но чтобы он стал человеком, нужно было еще многое другое. Нужно было, чтобы прежний рабовладелец признал его лицом и чтобы он сам сознал себя личностью, не только облеченной неотъемлемыми правами, но несущей не перелагаемые ни на кого обязанности. Отсутствие этого сознания в крестьянине и есть основная современная „нужда“ сельской промышленности»³⁴³.

Или, как говорят сами крестьяне об этом, «главная причина и вина наша в том, что мы [...] всегда находимся под опекой других... Какие мы жители, считаемся хозяевами в своих имениях, а сами собой распорядиться не имеем права... Тоже и на волостных наших судах и сходах, мало мы знаем законов, и не всегда говорить приходится; побаивается народ земских начальников»³⁴⁴.

Трудно поверить, но это факт: в официальных кругах все еще открыто разрабатываются проекты усиления законов в отношении «отдельного гражданского состояния» крестьянства. Но голоса местных деятелей со всех частей России сливаются в требовании долгождан-

ного равенства крестьян в правах, действительного самоуправления и просвещения. Эти требования самоочевидны для европейцев; и характерная черта современной России состоит в том, что такие вещи следует обсуждать и советовать. Иногда чиновников озаряют совершенно естественные мысли такие как, например, когда большинство комиссии 1884 года заявило, что «в результате предлагаемой реформы оказался бы такой произвол на местах, от которого только и оставалось бы бежать из уезда и тем, кто еще в нем остается, не говоря о положении, в котором могли бы оказаться крестьяне»³⁴⁵. Но правительство империи считает, что лучше воспользоваться периодом политического спокойствия, который последовал за террористической атакой, для укрепления социального неравенства и деспотичного правления. Результаты хорошо известны, одним из них является создание «бесправной личности и незаконных толп»³⁴⁶. Остается надеяться, что сам избыток страдания и безумства в конце концов откроет глаза даже тем, кто не хочет видеть.

РОСТ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Первое, что должен осознать иностранец, желающий понять российские условия, это бессмысленность точки зрения, согласно которой единственными существенными факторами в этой стране являются царское правительство и инстинкты толпы *мужиков*. Лучшим способом усвоить эту истину является рассмотрение последовательных стадий, через которые прошло местное самоуправление в России. Такой обзор покажет, что Россия — это не случайное скопление людей, а мощное общество, состоящее из органических клеток. Вместо внешнего фасада с грудой неопределенного материала перед наблюдателем откроется обширный фон и глубокая перспектива.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Будет достаточно нескольких замечаний относительно предшественников местного самоуправления в истории России. Феодальные и городские привилегии, составляющие важный элемент в эволюции западных государств, были подавлены в зародыше ранним ростом центральной власти в Московском государстве, и это развитие было ускорено во время Петра Великого и его преемников. Всё должно было подчиняться идее общественной службы и иерархической дисциплине. Однако к концу XVIII века начинает чувствоваться необходимость поддержки независимой корпоративной жизни в губерниях. Правление Екатерины II отмечено важными изменениями в этой области. Императрица, на которую сильное влияние оказала работа Монтескье «*Esprit de'Lois*»³⁴⁷, считала, что существование «посредников» между народом и правителем является важным для монархии, так как отличает ее от незаконной деспотии.

Такая теория отвечала практическим требованиям политической ситуации, при которой монарх вынужден был опираться на поддержку местного дворянства для управления губерниями. В 1785 году была дана Жалованная грамота дворянству³⁴⁸, согласно которой земельное *дворянство* объединялось в различные «общества» в виде губернских собраний. Дворянство, входившее в каждое из этих обществ, раз в три года должно было собираться для выборов «предводителей дво-

рянства» и различных комитетов, которые призваны были выполнять административные и частично судебные функции в «графствах», как называли бы их в Англии. В том же году города получили самоуправление³⁴⁹. Управление сельскими делами было оставлено в руках деревенских властей и деревенских старост при сохранении общего руководства помещиков и их права наказывать за провинности.

В коротком обзоре невозможно проследить изменения всех этих различных элементов, образующих местное и губернское самоуправление, поэтому мы должны довольствоваться обращением к одному из них, а именно к губерниям.

ГОСПОДСТВО ДВОРЯНСТВА

Господство дворянства, утвержденное указом Екатерины, оставалось основанием российской административной системы в течение первой половины XIX века. Однако Крымская война и провал абсолютистской политики, представленной Николаем I, вместе с прогрессом просвещения среди правящего дворянского сословия привели к значительным изменениям в отношениях между государством и провинциальным обществом. Наконец стало ясно, что принуждение не является подходящим средством для достижения материального и нравственного прогресса, что с великим народом нельзя общаться, как с армией, подчиненной военной дисциплине, и что следует обратиться к личной инициативе, самоуправлению и правовому сознанию. Великая реформа губернских учреждений проводилась вместе с освобождением крестьян. Положение о губернских учреждениях (земствах) было разработано комиссиями под руководством сначала Н. Милютина, а затем П. Валуева и утверждено 1 января 1864 года. Оно не отменило дворянские собрания, но передало управление губерниями в руки выборных органов, составленных из различных классов общества. Дворянские собрания сохранили за собой управление своими классовыми интересами, и помещики продолжали оказывать преобладающее влияние на политику в своих губерниях, но это влияние было косвенным.

Обзор организации земства пояснит тот способ, посредством которого оказывалось влияние. Для краткости рассмотрим только тот порядок, который был установлен в 1890 г. вторым Положением, увеличившим привилегии земельного дворянства и контролирующую власть центральной администрации. Изменения, установленные этим Положением, явились результатом политической реакции, наступившей в царствование Александра III после того разгула террора, которым столь печально заканчивается эра Александра II. Одна-

ко уже первоначальное Положение 1864 года содержало зародыши той особенной комбинации самоуправления, влияния земельного дворянства и бюрократической власти, которая характеризует более стесненное устройство 1890 года.

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Желание обеспечить преобладание дворянства четко выражено в условиях, определяющих право быть избранным в губернские и уездные собрания. Их члены выбирались в двух разных куриях: первая складывалась из лиц, принадлежавших к дворянству, или *noblesse*³⁵⁰, привилегированному классу, пополняемому по наследству или по достижении определенного ранга на государственной службе; вторая состояла из представителей всех остальных классов общества, исключая крестьян. Третья курия формировалась из делегатов от волостей, на которые делилось крестьянство. Классовые различия не только усиливались таким образом, но дворянству было выделено гораздо больше мест в собраниях. В уездных собраниях центральных губерний из всего числа депутатских мест свыше 55 процентов принадлежали дворянству, 31 процент — крестьянству и 13 процентов — другим классам: купцам, ремесленникам, представителям свободных профессий.

Работа земской администрации осуществляется двумя видами органов — собраниями губерний и уездов, из которых они состоят, и исполнительными комитетами (управами), выбираемыми собраниями и функционирующими под их управлением и контролем. Первоначально земское самоуправление получили 34 губернии в Центральной России, позже к ним прибавились три окраинные губернии, и когда Столыпин³⁵¹ был премьер-министром, еще шесть губерний юго-западной России были преобразованы в земские, однако с определенными ограничениями, целью которых было обеспечить преобладающее влияние русского элемента и в определенных районах нейтрализовать численное преобладание евреев³⁵².

ФУНКЦИИ ЗЕМСТВА

Функции земства разделяются по следующим группам: установление и сбор губернских и уездных налогов и повинностей; заведывание имуществами, принадлежащими земствам; надзор за продовольственными запасами и принятие мер в случае их нехватки; постройка и поддержание в порядке дорог, каналов, причалов и других пу-

тей сообщения; заведывание взаимным земским страхованием имуществ; заведывание лечебными и благотворительными заведениями, попечение о призрении бедных и больных; участие в мероприятиях по охранению народного здоровья и предупреждению и пресечению падежей скота; предупреждение и тушение пожаров; распространение народного образования и участие в управлении школами и другими образовательными учреждениями; помощь промышленности и торговле, заботы об охранении полей и лугов от порчи и истребления вредными насекомыми и от болезней растений; удовлетворение возложенных в установленном порядке на земство потребностей воинского и гражданского управлений, т. е. постройка казарм и квартирование солдат.

Эти различные и важные обязанности определялись местными нуждами, а не функционированием государства в целом. На практике было невозможно разделить эти две сферы деятельности определенным образом. Вопросы общественного здравоохранения, например, так же как и вопросы народного образования, представляли предмет как центральной, так местной администрации, и нельзя сказать, что там, где компетенции государства и земств пересекались, они всегда сотрудничали без каких-либо проблем. Согласно Положению 1890 года деятельность земств и выборы в них должны были находиться под руководством и контролем губернаторов не только в отношении вопросов их законности, но и, по существу, центральное правительство, представленное в губерниях губернаторами, всегда старательно заботилось о сохранении своей высшей власти. Легко понять, что подобный надзор порождал постоянные трения, а иногда вражду.

УСПЕШНАЯ РАБОТА

Вопреки подавляющей силе представителей бюрократии, земства выполняли свою задачу с замечательной инициативой, настойчивостью в достижении целей и поразительным успехом. Наибольшие результаты были достигнуты в сфере народного образования. Столь же значительным был прогресс и в области санитарных мер. Чтобы представить работу, проделанную этими неутомимыми пионерами просвещения и общественного усовершенствования, следует привести несколько цифр. Увеличение ресурсов земств само по себе является характеристикой быстрого роста этой губернской системы. Общий доход земств в 1865 г. составил всего 5 ½ млн рублей (примерно £ 550 000), в 1912 г. он вырос до 250 млн рублей (£ 25 000 000). Что

касается расходов, то их значительная часть выделялась на государственные нужды. Но и производственные расходы значительно увеличились. В 1895 г. старые 34 губернских земства израсходовали около 4 млн рублей на дороги, в то время как земства 40 губерний в 1912 г. истратили по этой статье уже 20 млн; расходы на образование в 1895 г. составили 9 млн рублей, а в 1912 г. — 73 млн или 29 % от всего земского бюджета; на общественное здравоохранение в 1895 г. было израсходовано меньше 18 млн рублей, а в 1912 г. — 55 млн. Эта деятельность преобразует сельскую жизнь России. Если мы возьмем в качестве показателя прогресс начального образования, то следующие цифры говорят сами за себя. В 1877 г. в Центральной России на содержании земств было около 10 000 школ, а в 1911 г. — 28 000, в которых работало 43 296 учителей и обучалось 1 800 000 учеников.

Неограниченные усилия земских руководителей испугали правительство, и по предложению покойного графа Витте в 1900 г. был введен в действие указ, согласно которому ни одно земство не могло повышать общий объем своих расходов больше, чем на 3 процента в любой данный год без специального разрешения. На какое-то время это задержало дальнейшее развитие, но запрет не смог сдержать прилив общественного мнения. Эта характерная попытка была больше, чем случайной прихотью влиятельного государственного деятеля, о чем можно заключить из того факта, что Витте оправдывал свое противодействие самоуправлению в записке, в которой утверждалось, что дальнейшая эволюция земской системы представляла угрозу самодержавной власти царя. Эта неудачная кампания подчеркнула антагонизм между развивающимися силами местной жизни и центральной бюрократией. Поворот к лучшему можно датировать Манифестом 12/25 декабря 1904 года, проект которого был написан князем Святополк-Мирским³⁵³, министром внутренних дел. Знаменитый Манифест 17/30 октября 1905 г., своего рода Великая хартия для России, затмил этот документ, но нельзя не обратить внимания на решительное утверждение политической ценности самоуправления, предусматривавшееся более ранним манифестом и до сих пор не потерявшее своего значения.

ВОЗМОЖНЫЕ РЕФОРМЫ

Пришло то время, когда должны быть проведены существенные реформы земств. Эти реформы были до некоторой степени начаты или, по крайней мере, обсуждались в законодательных собраниях империи. Их необходимость связана с тремя основными причина-

ми недовольства, которые нельзя оправдать и которые должны быть устранены максимально быстро и полно.

Во-первых, изжила себя классовая тенденция, выражающая попытки обеспечить постоянное преобладание *noblesse*. *Noblesse* как привилегированный слой, отгороженный от остальной части населения, сейчас можно поддержать только различными привилегиями, даруемыми ему правительством. Оно потеряло экономическое основание своей власти после освобождения крепостных. Имения дворян быстро переходят в руки предпринимателей и крестьян. Его члены свободно смешиваются с другими классами и принимают участие во всех видах их деятельности. Дворянство, несомненно, сыграло ведущую роль в развитии русского общества. Этому не следует удивляться, учитывая то преимущество, которым оно обладало в виде образования и подготовки к общественной работе. Но все это сильно отличается от обладания исключительными привилегиями. Губернская система нуждается в более широком и справедливом представительстве со всех сторон.

Вторая проблема связана с реформой волости, которая образует основание местной администрации. В настоящее время она является институтом, ограниченным крестьянством как классом, и в этом отношении является пережитком крепостничества. Считалось, что невозможно поместить высшие слои общества в те же местные организации, куда входили бы их бывшие зависимые — крестьяне. Однако в наше время больше не существует материальных причин для такой позиции превосходства, и, с другой стороны, неестественной представляется ситуация, при которой высшие классы должны быть организованы в самоуправление в уезде или в губернии и исключены из самоуправления в волости. В качестве необходимого дополнения к системе, начавшей складываться в 1864 г., требуется «мелкая земская единица».

ОТНОШЕНИЯ С ЦЕНТРАЛЬНЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Третий пункт программы реформаторов касается отношений между земствами и центральным правительством. Провинциальные органы стремятся к большей свободе. Политика недоверия и ревнивого надзирательства не приведет к удовлетворительным результатам ни в отношении эффективности решения проблем земств, ни с точки зрения гармоничного сотрудничества между гражданами и правительством. В значительной мере истинны утверждения, что базирующееся на доверии сотрудничество не только образует основу для здо-

рового прогресса, но и смогло бы выработать консервативную силу, направляя внимание образованных людей на практические проблемы местной жизни. Постепенный прогресс в указанных направлениях в настоящее время, кажется, неизбежен, и едва ли нужно объяснять важность такого движения.

Даже сами русские не всегда осознают огромные изменения, происходящие в их стране. Только исключительная ситуация, такая как текущая война, приводит к пробе сил, которые накапливаются народом в достижениях и неудачах. Чувство глубокого удовлетворения вызывается тем, что, несмотря на многие недостатки, российское самоуправление блестяще прошло это испытание.

УРОКИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

I

События последнего времени показывают с полной очевидностью, что русскому обществу наконец надоело представлять заодно с Турцией последний оплот абсолютизма в Европе. Как ни стараются наши самобытники уверить себя и других, что стадо есть общественная организация, наиболее отвечающая духу русского народа, что правовой порядок, гражданская обеспеченность, политическая свобода, — случайная и печальная особенности соседних стран, европейские идеи делают в России свое дело, особенно с тех пор, как их неожиданным союзником явились азиаты Дальнего Востока, опередившие, как оказывается, и Китай, и Россию. Правительству трудно долее претендовать на непогрешимость и бесконтрольное господство, и в ближайшем будущем несомненно предстоит переоценка всех политических сил в стране. Такая переоценка — дело во всяком случае трудное и ответственное, и периодом колебаний, который предшествует ей, общество естественно старается воспользоваться, чтобы навести необходимые справки и составить план действий.

Если я решаюсь высказать по этому поводу несколько мыслей, то моим оправданием да послужит то обстоятельство, что мне приходилось изучать историю и современную действительность различных европейских стран. Многие в России думают, что русским политическим деятелям предстояло просто схватить на лету последние слова передовых партий Европы. Откуда такая гордыня? Не мешало бы поучиться ходить, прежде чем собираться обгонять западную «буржуазию», которая немало сделала для европейской цивилизации. Последние слова прозвучат в воздухе, не оставив после себя прочного следа, а за передними рядами европейских партий нам едва ли угнаться, раз мы начинаем свой пробег так поздно и при крайне невыгодных условиях. Но если даже и невозможно обратить Россию в своего рода Новую Зеландию, зато необходимо усвоить основные начала правового порядка, гражданской обеспеченности и политической свободы, и для успешного их усвоения нельзя не справиться с уроками

ми европейской истории. Наблюдения над процессом развития этих начал окажутся чуть ли не важнее готовых решений, которые по произволу нельзя вырывать из обусловившей их обстановки.

Считаю нелишним прежде всего выяснить свою общую политическую точку зрения. Есть даже и теперь в России люди, полагающие, что достаточно наложить на государственную машину несколько административных заплат, чтобы все пошло вполне успешно. Есть и такие, которые собираются сжечь корабли, чтобы не было отступления, и возлагают упование на революцию. Но я думаю, немало мыслящих людей, не сочувствующих ни тому, ни другому образу мыслей, стремящихся к свободе, к активному патриотизму, к раскрытию и врачеванию общественных недугов, но не желающих переворота всех отношений, разрыва с национальным прошлым, рискованной игры неизвестными политическими силами. Я лично причисляю себя к такой *либеральной* группе и буду говорить с ее точки зрения. Ход событий будет, конечно, зависеть от планов и действий не одной какой-либо партии, а от совокупного влияния всех. Можно однако надеяться, что, если в ближайшем будущем обстоятельства сложатся и неблагоприятно для людей умеренных направлений, если, по обыкновению, в начале будут иметь перевес крайние, зато при подведении итогов и выработке необходимого для всякой системы равновесия стремления центральных групп получают подобающее и, быть может, решительное значение. Нельзя скрывать от себя, что трудности на пути очень велики. В старых романах роли распределялись между действующими лицами по ясным и точным шаблонам: злодеи боролись с благородными и добродетельными людьми, и читатели, не смущаясь противоречиями, ненавидели одних и симпатизировали другим. Такое распределение ролей оставлено в литературе после Толстого³⁵⁴. Современные читатели знают, что никто не без греха и что не бывает полных злодеев. Следовало бы попытаться применять эту точку зрения в политике. Попробуем, хотя бы для разнообразия, собрать более или менее в общественном сознании черты для характеристики трех главных факторов положения — правительства, образованного общества и народной массы. Это может оказать некоторую услугу при суждении об их дальнейшей деятельности.

Слабости правительства так резко обнаружились за последнее время, что о них почти лишне говорить. Поразительное отсутствие людей в его рядах может быть объяснено лишь долгим отбором неспособнейших и развращающим влиянием «высшей среды» даже на способных. Отсутствие убеждений и личного достоинства среди исполнителей предначертаний высшей власти сопровождалось ци-

ническим презрением к убеждениям и идеалам, где бы они ни обнаружились, и растаптыванием малейших зачатков самостоятельности и личного достоинства. Устойчивость административных традиций породила жалкую неустойчивость положительных начинаний. В погоне за призрачным могуществом государство оказалось несостоятельным в исполнении элементарных обязанностей по отношению к людям, которые состоят под охраной русских законов: мы дожили до назиданий султана русскому правительству на тему об охране жизни и имущества лиц, проживающих в России.

И однако бессильная дискредитированная бюрократия продолжает заправлять государством, делает вид, что собирается разрешить самые сложные, самые наболевшие вопросы. Одна комиссия сменяет другую в процессе толчения воды; то тот, то другой сановник «не у дел» выступает на минуту из мрака для преобразования народного просвещения или крестьянского благосостояния, или быта рабочих, или крепости законов и опять погружается во мрак, оставив после себя след в виде более или менее объемистой груды бумаги. Зрелище не менее поучительное, нежели манчжурские погромы! Невольно приходят на память слова басни: «Нет, господа, как ни садитесь, вы в музыканты не годитесь»³⁵⁵.

Нельзя сказать, чтобы все обстояло благополучно в рядах нашей интеллигенции. Долгая неволя во многом испортила ей характер.

Читая знаменитые главы Токвиля о политическом воспитании французской интеллигенции перед революцией³⁵⁶, можно думать, что читаешь характеристику современного образованного класса в России: та же склонность к необычайным фантазиям, прямолинейным шаблонам, отвлеченным построениям, та же вера во всемогущество формальных преобразований, та же желчная нетерпимость к разномыслящим. К этому надо прибавить некоторые местные психологические черты, особенно сильно освещенные Достоевским³⁵⁷ и Чеховым³⁵⁸, — истерические «надрывы», резкие колебания настроения от фанатизма к отчаянности и апатии, вялость, неряшливость в будничном труде. У нас часто говорят, что русский народ одно, а русское правительство другое. Характерно, что при этом не упоминают о третьем — русском государстве, которое включает и народ, и правительство. Это значит, что люди, которым так долго вменялась в преступление малейшая попытка политической деятельности, выработали прямо враждебное отношение ко всему, что сколько-нибудь связано с государственностью. Принципы власти, порядка, государственного интереса потеряли цену, потому что они воплощаются в конкретных формах данной власти, данного порядка, данного

государства. Патриотизм в смысле чувства национальной солидарности по отношению к чужеземцам стал почти неприличным. Общественное настроение в течение настоящей войны едва ли имеет что-либо подобное в истории и до сих пор не совсем понятно за границей. Что русские люди примкнули к хору врагов, злорадно рукоплещущих японским победам, — это кажется иностранцам противозачинственным. Французские республиканцы 1870 г. не просили мира во что бы то ни стало у немцев, а продолжали, пока хватило сил, борьбу (за Францию), легкомысленно и неудачно начатую Наполеоном III³⁵⁹. Эльзаса они не спасли, но засвидетельствовали перед всем миром о силе французско-национального чувства, с которым пришлось и приходится считаться в Европе. В России общество принуждено бояться побед своих генералов более, чем национальных поражений. Не возьмут также в толк англичане, американцы, немцы, французы, что воспитание и просвещение подрастающих поколений должны быть принесены в жертву политической борьбе. Трудно было бы видеть во всем этом признак здоровья.

Относительно наиболее внушительного и загадочного фактора нашего быта тоже не должно быть романтических увлечений. По воле истории русская жизнь раскололась: меньшинство надело немецкий костюм и приблизилось к Европе по идеям и стремлениям, громадное большинство осталось на проторенной московской колее и по настоящее время живет особой темной жизнью, молится своим богам и таит особые социальные и политические стремления. Народ не только воспитан в невежестве, он думает и чувствует иначе, чем интеллигенция, у него своя культура, и много времени пройдет, прежде чем устранится этот роковой раскол. Мы знаем, что материальное и духовное состояние масс становится невыносимым, мы присутствуем при вспышках озлобления, но как велико озлобление и какие требования будут предъявлены «господам», мы узнаем только, когда наступит минута неизбежного расчета. Уповать на благоразумие, умеренность, справедливость народных масс было бы неосторожно, тем более, что мерки благоразумия, умеренности, справедливости могут быть весьма различны, смотря по положению людей. В политическом отношении мы тоже не знаем, насколько еще жива и насколько поколеблена в народе вера в основы существующего строя, которая была силою в прежнее время. Земские начальники, урядники, разорение мобилизации и фискального гнета многое изменили в этом отношении, но легенда о противоположности между царем и господами может еще сыграть роль, и напрасно было бы ду-

мать, что подобные традиционные идеи распадутся при первом дуновении избирательной агитации.

Таковы некоторые из отрицательных соображений, с которыми нельзя не считаться. К счастью, есть немало столь же реальных факторов положительного свойства, и, конечно, их необходимо принять во внимание при подведении баланса. Нет надобности останавливаться на известных всему миру выносливости и здравом смысле русского народа. Напомним лишь, какое испытание выдержали эти свойства при выходе из крепостного права при том условии, конечно, что правящие классы не потеряли и не сняли с себя голову.

Вспомним последовательное, неотразимое стремление к образованию, которое обеспечило успех всех школьных мер, предпринятых на начале «общедоступности». Вспомним колоссальную жизнеспособность гонимых раскольничьих обществ, наиболее верных старой культуре и наиболее здоровых в нравственном и материальном отношении. Вспомним сметливость, деловитость и твердость, которую проявляет народ в тех случаях, когда ему сколько-нибудь дано вздохнуть, напр[имер], в артельных организациях. От развития этой народной массы зависит дальнейший рост России, и если есть пункт, стоящий вне сомнений в гаданиях о будущем, так это вера в стомиллионный народ, на который опирается русское государство. Эта сила не пропадет, хотя бы ей пришлось пробиться к светлому будущему и не теми путями, какие ей указываются в настоящую минуту советниками.

Ярко выступают положительные черты и в той сравнительно малочисленной группе, которую составляют образованные классы в России. Эта группа имеет право на голос и значение не только потому, что из нее по необходимости выходят руководители общественной жизни и что ее роль в истории народного самосознания должна возрастать вместе с распространением образования. Русская интеллигенция проявляет на каждом шагу способность к самопожертвованию, идеализм, силу братского чувства, которым могли бы позавидовать соответствующие классы на Западе. Когда, наконец, будут достигнуты в России правовой порядок и культурный строй, приличные европейскому государству, эти свойства русской образованной среды несомненно скажутся в повышении умственного и нравственного уровня жизни, в славных и плодотворных делах на всех ее поприщах. Но уже в тяжкие годы прошлого русская интеллигенция может с гордостью указать на подвиги, достойные удивления, — на блестящий расцвет литературы XIX века, на более скромный, но значительный рост науки, на великий подъем эпохи преобразований, на плодотворную культурную работу земского и городского самоуправления.

Даже правительственная среда, наиболее выродившаяся за последние годы, имеет за собой известные исторические заслуги. Она сослужила народу службу в эпоху его собирания и культурного младенчества, она поддержала какой ни на есть порядок внутри империи и организовала до некоторой степени ее внешние силы. В чисто техническом отношении услуги административного персонала необходимы; нельзя мечтать о немедленном и полном упразднении его органов: это было бы равносильно удалению подпорок из-под треснувшего свода. Победа освободительного течения в общем направлении государственной политики должна, конечно, сопровождаться изменением духа и состава администрации, постановкой ее в иные юридические условия, но не уничтожением совокупности административных учреждений. Как много может сделать органическая реформа даже на самой неблагоприятной почве, показывает историю судебного преобразования шестидесятых годов, которое в необычайно короткое время вдохнуло новый дух и ввело новые силы в государственную сферу, по-видимому, безнадежно испорченную. Главное, надо помнить, что радикальное упразднение существующей администрации будет первым шагом к попыткам утверждения новых правительственных властей, — попыткам, которые не могут не сопровождаться кровопролитным истреблением непокорных и разномыслящих. Я не знаю, удастся ли еще России пройти к новому строю дорогой, близкой к тому пути, которым прошла Германия в 1848 году, но не сомневаюсь, что надо употребить все усилия, чтобы выйти на эту дорогу, а не на путь, избранный Францией в 1789 г.

Сырому, дурно сплоченному, полному междоусобной злобы русскому обществу грозят на последнем пути неслыханные опасности, если не гибель. Нежелательно дожить до предметных уроков на темы о власти, порядке, национальном единстве, общественной организации, тем более, что эти предметные уроки будет давать или собравшийся с новыми силами урядник, или немецкий вахмистр, которому анархия в России откроет провиденциальную миссию.

II*

От совокупной деятельности правительства, интеллигенции и народа зависит устройство России, и чем больше участники исторической

* См.: Русск[ие] вед[омости], № 210. Настоящее письмо, равно как и следующее за ним, написано и доставлено в редакцию ранее опубликования Высочайшего манифеста 6 августа (*Ред.*).

работы будут проникнуты сознанием своей великой ответственности, тем скорее минует период междоусобной борьбы, тем успешнее будут разрешены основные задачи. Ближайшие годы покажут, в какой мере русские люди способны к политической жизни, — способны не только в смысле самопожертвования личностей, но и в самоограничении партий и общественных групп. При самом начале новой эры необходимо выяснить, что следует считать безусловными требованиями и что представляет сравнительно второстепенные условия, которых можно добиваться с большей или меньшей настойчивостью, но нельзя ставить непременно залогом умиротворения и совместной работы. Прежде всего возникает вопрос о политических представительных учреждениях, необходимость которых признана в настоящее время всеми. Как известно, не только в правительственных, но и в земских кругах довольно распространено мнение, что народному представительству следует предоставить совещательную роль: бюрократы и славянофилы сходятся в том, что русская монархия должна сохранить характер «самодержавия», а народное представительство должно быть лишь земским советом, доводящим до сведения царя о нуждах и взглядах общества. Законы, бюджет, действия правительства будут обсуждаться в земском совете, по мысли наиболее передовых приверженцев такой постановки дела, но окончательные решения по всем вопросам будут исходить от императора. В связи с этим министры являются ответственными лишь перед государем, хотя земский совет получит возможность критиковать их действия. Одним словом, общественное мнение и государственная власть будут разделены и противопоставлены друг другу.

Ненормальность такого раскола между мнением и волей была раскрыта еще Чичериным³⁶⁰, как напомнил в прекрасной статье кн. Евгений Трубецкой³⁶¹. Я хотел бы лишь подчеркнуть некоторые пагубные последствия коренного противоречия, вносимого подобной системой в организацию государства. Ясно, что после реформ, вроде упомянутой, мы останемся по-прежнему без государственного права в смысле юридического определения круга действий правительственных органов. Какое значение будет, например, иметь участие земского совета в выработке законов? Будет ли он своего рода постоянной комиссией сведущих людей, призванных заменить теперешнее «особое совещание» и высочайшие учрежденные комиссии? Или это будет новый департамент Государственного совета, заключения которого будут по произволу приниматься к сведению, оставаясь без внимания или искажаться в высших инстанциях?

В лучшем случае, если не будет устроено «средостения» между государем и земским советом при чисто совещательной роли последнего, предполагается, очевидно, сохранить порядок возможного утверждения государем проектов меньшинства. Согласие с мнением меньшинства со стороны верховной власти не есть простое вето, т. е. чисто отрицательная мера: это передача права выработки закона представителям мнения, против которого высказалось большинство лиц, облеченных доверием общества. Раз допущена возможность для высшей власти руководствоваться взглядами тех или других членов, оставшихся в меньшинстве в народном собрании, открывается, очевидно, и возможность издания законодательных актов, помимо обсуждения их в собрании. Указ и высочайшее повеление по-прежнему сохраняют законодательную силу, и можно быть уверенным, что не будет недостатка в близких к монарху людях придворного или бюрократического круга, которые будут подсказывать чрезвычайные меры и подрывать правовой строй, как это делается в настоящее время. Если нужна законность, то нужно иметь мужество признать ее силу во всех сферах, от низшей до высшей, от права гражданского до права государственного включительно.

Субъективная сторона дела заслуживает не меньшего внимания. Отличительной чертой предлагаемого якобы национального распределения функций между землей и властью должна быть *незаконченность* законодательной и правительственной деятельности земского совета. Удивительно, что этой незаконченностью дорожат люди консервативного образа мыслей. Между тем подобная незаконченность может быть лишь стимулом раздражения. Она не только будет подзадоривать безответственных критиков к крайним мнениям и речам, она прямо рассчитана на возбуждение постепенной враждебности против государя, призванного вырабатывать и принимать свои решения какими-то неведомыми и потому подозрительными путями, вне зависимости от формулированных представителями народа взглядов. Английское конституционное право сводит привилегированное положение короля к принципу: король не может быть ни в чем повинен (*the King can do no wrong*), и мысль этого принципа в том, что вместо короля всегда ответственны члены правительства. В результате предлагаемой постановки власти императора в России пришлось бы сказать, что государь повинен во всем, т. е. несет ответственность за все злоупотребления подчиненных ему властей. Такое сосредоточение ответственности на монархе так же мало желательно, как сложение ее с руководителей отдельных частей административной машины.

Соглашения между задачами представительного собрания и властью монарха следует искать не в разграничении между мнением и волей, психологически несообразным и опасным, а в предоставлении тому и другому фактору определенного круга действий. Прежде всего при сосредоточении законодательной процедуры в руках собрания за монархом может и должно остаться право утверждения законов, прошедших через все стадии этой процедуры, а следовательно, и неутверждения их. Такого рода право вето является охраной самостоятельности самой монархии и не может быть отнято у нее без превращения ее в простое орудие для опубликования законов. Как право исключительное оно применяется весьма редко и не должно вызывать того постоянного антагонизма между облеченными властью учреждениями, к которому привела бы всякая попытка удержать за народным представительством чисто совещательный характер.

Настаивая на строго конституционных полномочиях для русского народного представительства, на необходимости определенных прав и решающего голоса по отношению к выработке законов, утверждению бюджета и надзору за правительственной деятельностью, мы не думаем, однако, что русская конституционная система должна быть скопирована с английской, бельгийской, итальянской или других вариантов конституционного типа, вполне подчиняющего исполнительную власть законодательной.

По условиям исторического прошлого, громадности территории, сложных и опасных международных отношений, для России скорее подходит система, приближающаяся к германскому конституционному типу, т. е. допускающая значительную самостоятельность и влияние монархического фактора. Такой постановки соответствовало бы предоставление императору, помимо общих полномочий по охране и приведению в действие законов, по созванию и распусшению палат, непосредственного руководства военными силами государства и его международными отношениями. Как известно, эти ведомства находятся фактически в заведывании германского императора, хотя выработка бюджета и законов с одной стороны, право запроса — с другой дают возможность рейхстагу существенно влиять на установление порядка в этих областях, проверять и сдерживать требования на военные и морские нужды, высказываться по вопросам международной политики. Конечно, в подобном положении есть неудобства и неясности, не устранена и возможность столкновений, как показал известный прусский конфликт шестидесятых годов, между властью короля, как военачальника и руководителя внешней политики, и народным представительством³⁶². Необходимыми условиями

для такого распределения влияния в известной области между двумя самостоятельными силами служат, во-первых, благоразумное сознание сторон, что распря между ними прежде всего вредно отразится на интересах государства, во-вторых, доказанная компетентность и авторитет каждой из заинтересованных сил в своей специальной области. Громадный авторитет прусского короля и германского императора в военных и дипломатических вопросах, без сомнения, зависит прежде всего от необыкновенных заслуг монархии в эпоху борьбы за национальное единство, а самый конфликт с народным представительством разрешился в благоприятном смысле для прусского короля и его министров лишь потому, что они на деле доказали свою дальновидность, твердость воли и искусство. Если бы войны 1864 и 1866 гг. обнаружили в Мольтке³⁶³ и Бисмарке легкомыслие, неподготовленность и неспособность, то исход конституционного конфликта был бы, несомненно, иной. Точно так же и в последующие годы железный канцлер и талантливый Вильгельм II³⁶⁴ удержали за короной авторитет, потому что действовали согласно немецкой поговорке: «*Amt giebt Verstand*» — «по сану и разум».

Ликвидации России не может желать никто в Европе, за исключением, пожалуй, Германии, которая выигрывает уже теперь от нарушения политического равновесия, вызванного русско-японской войной. Не могут желать этой ликвидации даже поляки, которые тогда бесповоротно подпадут под немецкое владычество. Что же касается до русских, то, как бы они ни были враждебны завоеваниям и милитаризму, как бы они ни были равнодушны к внешнему могуществу и престижу родины, немногие захотят отречься от дела 1812 года и от наследия Петра Великого. А если ввиду надвигающегося монгольского, балканского, австрийского и других вопросов нужна не разваливающаяся федерация, а сильная держава, то нужно и единство командования, нужна единоличная власть, воплощающая национальные интересы и могущество. Подобные власти с диктаторским характером возникают в случае национальных войн даже в республиках, — таковы были власти Линкольна³⁶⁵ и Гамбетты³⁶⁶. Но современные войны еще более прежних зависят в своем ходе от систематической и долгой подготовки, и при этой подготовке последовательность, энергия, иногда скрытность планов и действий играют большую роль.

Все это — свойства, которые чаще встречаются в среде централизованного управления, нежели в широких и подвижных кругах народных организаций. Более отдаленные эпохи военной и дипломатической истории России обнаруживают если не умение экономно

расходовать народные средства, то понимание общих задач, ловкость в пользовании обстоятельствами и организационную силу. Трудно думать, чтобы возникающее народное представительство оказалось способным в ближайшем будущем принять бремя внешней политики государства и заботы об его военных силах: в этих отношениях наше общество всегда менее подготовлено и в силу реакции против правительственного милитаризма настроено слишком отрицательно. Остается надеяться, что бдительная критика правительственных мероприятий в этой области, проверка требований при обсуждении бюджета и возможность раскрытия злоупотреблений ведомств и отдельных лиц, хотя бы высокопоставленных, послужат достаточным обеспечением порядка, деловитости и добросовестности, а общий подъем духа и достоинства в национальной жизни отзовется благотворно на личном составе военных и дипломатических кругов. История покажет, насколько осуществима в действительности попытка установить известное равновесие на этой почве между монархией и народовластием, но во всяком случае такого рода попытка и желательна, и неизбежна. Было бы наивно думать, что роль монархии в русской истории окончена или что она может быть сведена на исполнение церемониальных обязанностей; надо стремиться к тому, чтобы роль эта была благотворительная, а не обструктивная.

В сравнении с задачами, о которых шла речь до сих пор, вопрос о том, должны ли представительные учреждения сложиться в одну или в две палаты, имеет второстепенное значение. Существование сената или Верхней палаты может вытекать из условий двойного рода: оно может отражать глубокие социальные неравенства, как в Англии или Швеции, и служить аристократическим оплотом среди демократизирующего общества, или оно имеет технический смысл, являясь гарантией против опрометчивости решений и подвижности законодательства. В этом последнем случае избирательная система для сената обыкновенно приурочивается не к обычным округам, составленным по числу жителей, а к областным делениям или учреждениям: большинство членов французского сената избирается департаментскими коллегиями, сенаторы Соединенных Штатов представляют отдельные штаты независимо от их населения.

Для России существенно, что в ней отсутствуют элементы для палаты лордов или даже для первой палаты в шведском смысле. Ни крупное землевладение, ни титулованная знать не представляют компактного и внушительного по своему общественному положению и историческим заслугам слоя, которому могла бы быть поручена ответственная задача служить регулятором народного представитель-

ства. Государственный совет или Сенат, как собрания отслуживших сановников, еще менее подходят для такой роли. Русское общество слишком привыкло смотреть на них как на убежище для людей, которые не годятся более на административных должностях, и было бы бесполезно снабжать их конституционными полномочиями.

Таким образом, на демократической почве русского общества разделение палат может иметь лишь техническое значение. Если бы получила осуществление избирательная система, обеспечивающая осторожное и умелое пользование политическим полномочиями, то не было бы необходимости дробить законодательное учреждение на две части. Если бы однако ввиду преобладающих в обществе взглядов пришлось ввести всеобщую и прямую подачу голосов, то оставалось бы хлопотать, чтобы палате, избранной на этих основаниях, была противопоставлена другая, земская палата, получившая полномочия от учреждений местного самоуправления. Это было бы некоторой гарантией против слишком смелых законодательных экспериментов.

Таким образом от вопроса о двух палатах неизбежен переход к вопросу об основах избирательной системы.

III

Вопрос об избирательном праве важен и сам по себе, и потому, что он является своего рода мерилom политического настроения страны и общего направления различных партий. При обсуждении не может быть речи о том, какой избирательный регламент составлен комиссией гофмейстера Булыгина³⁶⁷. Этот случайный устав, кое-как слепленный в петербургских канцеляриях, едва ли удовлетворит самым скромным требованиям. Важно выяснить, чего должны добиваться и избранники этого первого собрания, и граждане, не вошедшие в его состав. Одинаково пагубно было бы поставить ложные требования и отказаться от чего-нибудь существенного для предстоящей освободительной работы.

Представители интеллигенции уже высказались по этому поводу с большим единодушием. Петербургское юридическое общество, Пироговский съезд врачей, частные съезды адвокатов и профессоров, земские съезды и разные другие собрания вновь и вновь заявляли о необходимости избирать народных представителей всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов, без различия национальности, вероисповедания, сословия, имущества и пола. Мотивы этих положений сводятся в главных чертах к следующему: 1) справедли-

вость требует, чтобы взрослые граждане были поставлены в одинаковое положение по отношению к политическим правам; 2) только всеобщее избирательное право отвечает демократическому составу русского общества, и только представительство, вышедшее из всеобщей подачи голосов, отразит реальное отношение сил в этом обществе; 3) только такое представительство обеспечит будущность социального преобразования и сделает невозможным сопротивление ему со стороны привилегированных; 4) в народе таятся творческие силы, которым надо открыть широкий выход; 5) народ следует воспитать в политическом отношении, привлекая его к непосредственному участию в политической деятельности; 6) всякая реформа, основанная на преимуществах в пользу землевладельцев и капиталистов, возбудит против них ненависть масс и вызовет кровавую революцию; 7) только политика, неуклонно и последовательно вытекающая из принципов, соответствует важности исторического момента и может создать почву для разрешения кризиса; всякие оппортунистские попытки лишь затянут и осложнят его; 8) только в непосредственном народовластии можно найти силу, способную уравновесить традиции и привычки правительственной власти и обеспечить вновь созданное представительство от посягательства.

Я должен сознаться, что несмотря на это подавляющее единодушие заявлений мне представляется преждевременным немедленное проведение в России всеобщего прямого голосования. К решению подобного вопроса не может быть применен математический метод. Дело идет не о выводе всех положений политического строя из двух-трех аксиом, а об установлении сложной государственной системы на соображениях как справедливости, так и целесообразности. Справедливость направляется к равномерному удовлетворению стремлений отдельных лиц и групп, целесообразность [требуется] объединения индивидуумов и общественных групп в прочное и жизненное целое. Ввиду такой основной двойственности точек зрения распределение политических полномочий не является таким же безусловным, естественным правом, как уравнивание в гражданском отношении. Ограничения в чисто правовой области, вроде тех, которым подвергаются крестьяне или евреи в России, являются безобразным переживанием старины, от которого необходимо освободиться как можно скорее. По отношению к свободе слова, свободе совести, свободе собраний, личной свободе не может быть допущено никаких различий между лицами или классами общества. Но участие, прямое или косвенное, в управлении государством требует умения и опытности, и потому между гражданами в этом отношении могут быть проводимы

различия. Было бы нелепо утверждать, что поголовное участие взрослого населения в образовании народного представительства необходимо всегда и везде. Всем известно, что избирательные системы, основанные на всеобщей подаче голосов, далеко не составляют общего достояния культурных государств*. Необходимо, чтобы интересы и силы всех классов общества были представлены при формировании государственного собрания, но вопрос о том, в каких отношениях они должны быть представлены, и самые формы избрания зависят не только от счета голов, но также от их удельного веса, от образования, роли в гражданской жизни, способности понимать государственные вопросы и принимать деятельное участие в их разрешении. В государственной науке издавна ведется спор между приверженцами механического и органического понимания; одни будут всегда придавать большое значение статистическим данным, подсчету индивидуальностей, другие — историческим связям и силе местных общений; но как бы мы ни решали вопроса в общей теории, едва ли подлежит сомнению, что чем неопытнее народ в политическом отношении, тем важнее исходить от сложившихся групп и тем опаснее ставить управление государством в зависимость от взглядов и настроений численного большинства. Никакая избирательная агитация, даже самая разумная и просветительная, не в состоянии сразу уравновесить влияние многовекового невежества и унижения. И в странах со старой свободой избирательная борьба представляет часто уродливые черты: в России она может принять при известных условиях характер политического аукциона, на котором возьмут верх люди, выкрикивающие самые звонкие формулы. Нет недостатка в примерах того, какие выводы делает иногда необразованная масса из брошенных в ее среду агитационных лозунгов. Сегодня толпа пойдет за теми, кто обещает золотые грамоты, завтра, быть может, станет на очередь истребление изменников, подкупленных японцами и англичанами, послезавтра откроется поход против жидов, а затем, пожалуй, дождемся челобитий царю, чтобы он избавил от крамолы и правил Россией по старине. Говорят, прогрессивные партии могут быть уверены в поддержке народа, потому что они поставят в своих программах удовлетворение его хозяйственных нужд. Улучшения в хозяйственном быту народа необходимы, но осуществить их можно только путем осторожной и обду-

* Если иметь в виду великие державы, всеобщая подача голосов существует во Франции, в Соединенных Штатах и в Германии при выборах в рейхстаг, но в ландтагах отдельных немецких государств, в Австрии, в Италии и в Англии действуют различные ограничения избирательного права.

манной политики. Как бы в пылу избирательной агитации не пересолить в обещании грядущих благ! Грешно было бы вводить простых и нуждающихся людей в обман или в соблазн.

Безусловно, необходимо приобщить народ, т. е. рабочие классы народа, к политической жизни, но делать это нужно с предосторожностями против путаницы и злоупотреблений, а также с заботой о жизнеспособности и деловитости создаваемых учреждений.

Желательные поправки не могут, однако, быть внесены в России ни сословным, ни имущественным, ни образовательным цензом. О сословных ограничениях было бы странно даже говорить. В русском обществе со времени уничтожения крепостного права нет более сословных ступеней, хотя есть еще сословные перегородки. Политика правительственного обновления дворянства с ее раздражающими привилегиями и подачками была одним из самых неудачных и зловредных проявлений реакционной эпохи. Но и имущественный ценз не годится в смысле устранения от активного гражданства людей, получающих менее известного дохода. Русское общество не привыкло проводить такие цензовые грани, оно, по существу, демократично, т. е. состоит в большинстве своих образованных и необразованных членов из людей малого достатка, и эти малодостаточные граждане не менее, а скорее более богатых нуждаются в представительстве своих интересов в государственном собрании. Единственным здравым имущественным ограничением будет устранение людей совершенно неимущих, состоящих на общественном призрении или отбившихся от всякого определенного дела. Нищие и босяки были бы неподходящими избирателями.

Образовательный ценз не может быть применен, потому что слишком многие были бы забракованы на этом основании в простом народе, и притом оказались бы отстраненными не только люди, не повинные в своей безграмотности, но в большинстве случаев достойные и влиятельные представители старших поколений.

Раз указанные основания для ценза отпадают, остается обратить внимание на отбор избирателей в зависимости от пола, возраста или семейного положения. Положение женщины в русском простом быту настолько принижено и степень их образования и «политической зрелости» настолько низка, что требование общего избирательного права для женщин является далеко не общераспространенным даже в радикальных заявлениях. В этом направлении открывается обширная гражданская работа; но едва ли необходимо усложнять и без того сложное положение немедленным призыванием женщин к урнам. Кое-что можно оставить и для будущих законо-

дателей. В одном случае, однако, женщины могли бы быть допущены к пользованию избирательным правом, а именно: если в основу избирательного права будет положено понятие домохозяйства. Понятие это имеет то преимущество, что оно не новое, а действует уже в настоящее время. Членами сельских сходок являются домохозяева, т. е. главы или представители крестьянских семейств, ведущих самостоятельное хозяйство. Если дом или хозяйство ведет женщина, то она могла бы с полным основанием быть наделена всеми правами, предоставленными домохозяину-мужчине. Как известно, подобные права признаются за женщинами и действующими земским и городским положениями, хотя осуществляются они почему-то через уполномоченных³⁶⁸. Понятие единства хозяйства имеет одно неудобство: оно установит неравенство между сельскими и городскими рабочими с одной стороны, хозяевами — с другой. Городских рабочих нельзя обойти ни в какой системе выборов. Это наиболее деятельная и просвещенная часть низших классов. Единство домохозяйств в данном случае однако неприменимо как избирательный признак или применимо лишь фиктивно. Нет основания делать различия между рабочими, живущими в отдельных квартирах и в фабричных корпусах. В данном случае важна, очевидно, индивидуальность рабочего, а не его принадлежность к семейной организации. В подобном же положении находятся наемные сельские рабочие. Возможным выходом из затруднения представлялось бы установление двойной квалификации для выборов: одной — по признаку самостоятельного хозяйства, другой — для рабочих-одиночек всякого рода при повышенной норме возраста. Первая могла бы быть представлена всеми домохозяевами, с включением женщин с 25-летнего возраста, вторая же — рабочими-мужчинами с 30-летнего возраста. Повышение в последнем случае представляло бы гарантию обдуманности по отношению к той части населения, которая менее заинтересована в сохранении общественного порядка.

Но еще более важно для успешной организации выборов, чтобы они были не прямые, а двухстепенные. Перспектива непосредственного избрания депутата в округах, насчитывающих по 100 тысяч избирателей, не нравится даже некоторым из радикалов, защитников всеобщего избирательного права, и во избежание хаоса и случайностей предлагается передать избрание депутатов съездам выборщиков, намеченных избирателями первой степени. Мне кажется, что вместо того, чтобы устраивать съезды для этой специальной цели, было бы целесообразнее передать выборы постоянным органам самоуправления — уездным земским собраниям и городским думам.

Это было бы важно как раз с точки зрения политического воспитания масс и привлечения их к постоянному участию вместе с образованными классами в общественных делах. Роль гласных при выборах будет более сознательная, нежели деятельность массы избирателей, изредка призываемых к урнам. Процедура же избрания земских и городских гласных только выиграет от того, что она будет иметь не только местное, но и государственное значение. Главное, — подобная мера представлялась бы наиболее подходящим переходом в бессословный, по существу демократической России от старого порядка к новому.

Вместо постоянного понижения имущественных цензов, которое играло такую роль в истории европейского представительства, мы воспользовались бы традициями самоуправления и административной группировкой единственных учреждений старой России, которые имеют такие традиции и группировку.

Вместо скачка в темноту получилась бы возможность перейти по мосту. Весьма вероятно, что со временем на смену этой системы явилась бы другая, основанная на прямой и всеобщей подаче голосов; но со временем, надо надеяться, данные для разумного применения подобной системы будут иные, чем теперь.

Без сомнения, такая постановка выборов требует коренной избирательной реформы самых земских и городских собраний. Все, что было сказано о квалификациях политических избирателей, должно быть перенесено на органы земского и городского самоуправления. Важно воспользоваться организацией и административными традициями этих учреждений, но избирательные порядки, существующие теперь, с их сословными привилегиями и высокими цензами, конечно, никуда не годятся. Не возвращаясь к вопросу об индивидуальных квалификациях избирателей, необходимо лишь подчеркнуть, что выборы должны происходить во всесословных волостях или соответствующих городских участках. На первый раз такие волости или участки могут быть образованы тоже со специальной целью произвести выборы в учредительное государственное собрание, но в общем порядке политические функции собраний, подобно выборам губернских гласных, должны составлять лишь важнейшее из предоставленных им полномочий.

Вторым условием, без которого подобная система не может осуществиться, является распространение земского и городского самоуправления на области, которые в настоящее время лишены их. Необходимость этого сознается даже правительством, а что касается до особенностей в положении и потребностях некоторых окраин,

каковы Польша, Кавказ и т. п., то их лучше рассматривать в связи с вопросом о национальностях империи. При расширении земского строя вглубь и вширь потребуются технические разграничения и переходные меры; но о них нет надобности говорить при обсуждении общей постановки избирательной системы.

В заключении позволю себе заметить, что приурочение избирательной процедуры к деятельности постоянных органов земского и городского самоуправления и обновление последних на демократическом начале представляются мне не только средством, чтобы ориентировать и сгруппировать избирателей, но также гарантией против возможных посягательств на политические права граждан. При самых неблагоприятных условиях старого порядка земские и городские учреждения, пустившие глубокие корни в стране, несмотря на все искажающие мероприятия правительства, свидетельствовали о лучших началах и поддерживали традиции самоуправления. Отменить их или лишить дарованных им политических прав будет нелегко: правительству, которое решилось бы на подобный государственный переворот, пришлось бы считаться с сопротивлением на местах во всех возможных формах, с которым оно не в состоянии было бы справиться. Так как приходится учитывать возможность и подобных реакционных попыток, то едва ли подлежит сомнению, что важно связать систему возникающего представительства с органическими и постоянно действующими общественными телами.

17-го ОКТЯБРЯ 1905 г.

Четыре года тому назад я оставил Россию, потому что пришел к горькому убеждению, что нельзя быть в одно и то же время русским подданным и деятельным гражданином. В настоящее время пагубные последствия старого порядка обнаружены во всех отраслях жизни с беспощадной ясностью и наступила, наконец, эпоха политических преобразований. В это критическое время открывается русским людям широкое поприще для плодотворной гражданской деятельности, и мне хотелось бы подать свой голос о настоятельных нуждах родины.

Я не имел возможности принимать участие в выработке программ земских и партийных съездов, но самая форма, приданная этим программам, представляется мне удобной для изложения общих взглядов и определения точек зрения. Я позволю себе поэтому воспользоваться именно этой формой мотивированной программы, чтобы познакомить читателей с моими мыслями, хотя предупреждаю заранее, что мои предложения составляют результат личной работы, а не формулировку групповых обсуждений. Мне известно, что как раз в настоящее время слагается партия — «Союз 17-го октября» ³⁶⁹, который будет проводить по большинству вопросов подобные же взгляды. Мне кажется, что в практической деятельности я буду иметь возможность выступить союзником, если не членом, именно этой партии. Но по отдельным пунктам мои мнения представляют отличия и оттенки сравнительно с программой партии, и ввиду особенности моего положения как русского гражданина и английского профессора мне будет, надеюсь, позволено изложить мои мысли в отдельном заявлении.

Два великих государственных акта господствуют над новейшей историей России. Манифест 19-го февраля вывел русское крестьянство из рабства, и люди шестидесятых годов сумели так осуществить освободительную грамоту, что благоговеющая память о 19-м февраля до сих пор собирает нас на один из редких русских праздников гуманности и прогресса.

Манифест 17-го октября провозгласил подданных Российской империи ее гражданами, и от нашего поколения будет зависеть, удастся ли превратить начала, возведенные 17-го октября, в действитель-

ное достояние общества, облечь их в плоть и кровь благотельных учреждений и прав.

Мы все чувствуем, что наступил бесповоротный конец старому порядку, тяготевшему над Россией: в будущем хотя и возможны еще реакционные попытки и вспышки диктатуры, ничто уже ни в силах сдвинуть Россию с пути к свободе, намеченного западной цивилизацией. Но задача политического строительства, поставленная нашему поколению, остается тем не менее в высшей степени ответственной и трудной. Предстоит не просто формулировать пожелания и идеалы, а позаботиться о жизнеспособном развитии их на данной не особенно благоприятной почве, указать и провести такое соотношение между силами исторической гражданственности, потребностями настоящего и чаяниями будущего, которое обеспечило бы действительный прогресс гражданственности, а не временное опьянение успехом излюбленных теорий и мечтаний. Русское общество не чистый лист бумаги, на котором мы вольны начертать законы и правила сообразно взглядам, которые мы считаем самыми современными и передовыми, а исторический организм с определенным строением, функциями и привычками, которым предстоит выдержать серьезное лечение. Если направить это лечение к полному пересозданию личности больного, то можно, наверное, сказать, что оно или приведет к смертному исходу, или отпрянет от упорного сопротивления организма, не принеся ему пользы. Лучше поэтому с самого начала не задаваться отвлеченными целями, а принимать во внимание как идеальные запросы, так и особенности данного организма.

Трудно не видеть, что нам предстоит не заново составлять конституцию, а развивать конституционные положения в стране с глубоко укоренившейся монархической властью, которая в прошлом была главным двигателем государственной машины и в настоящем далеко не потеряла своего политического обаяния в глазах народной массы. Такую традиционную власть нельзя свалить без величайших потрясений, без истребления общества целыми классами, да и печальная победа, купленная подобной ценою, едва ли оказалась бы окончательной: как во Франции, и вероятно гораздо больше чем во Франции, над страной тяготел бы постоянный кошмар междоусобия. Точно так же нельзя игнорировать при устройстве России требований, вытекающих из ее положения как великой державы. Из самосохранения и благодаря неизбежным условиям международного общения, наше государство принуждено складываться в более тесный строй, нести более значительное военное и финансовое

бремя, нежели желательно и возможно для маленьких стран, зависящих в своем существовании от снисходительности и взаимной ревности соседей. Наконец, как бы ни жаждали мы широкого развития личной инициативы и индивидуального самоопределения, сложный перекрест экономических, политических, культурных влияний заставит нас во множестве случаев отступать от доктрины личной самостоятельности и подчиниться многообразным формам общественной опеки и принудительного воздействия.

По моему убеждению, акт 17-го октября представляет достаточное основание для того, чтобы приступить к созиданию правового порядка в России при соблюдении условий, унаследованных от ее исторического прошлого, а также требований ее положения как великой державы и особенностей ее социального строя. Если ставить себе целью не подыскивание частных недомолвок и погрешностей, а выяснение главных начал и направления этого государственного акта, то обнаружится полная возможность приступить к положительной работе, и нельзя не приветствовать манифест 17-го октября, как акт, который открывает нам доступ к патриотической работе взамен изнуряющей смуты и нравственного одичания, к которым привела общество усобица последнего времени.

Исходя из изложенных положений, я представляю себе главные пункты политической программы, предуказанной до некоторой степени манифестом 17-го октября и подлежащей разработке в течение ближайших лет, приблизительно в следующем виде.

Прежде всего должны быть сформулированы и обставлены законодательными определениями и гарантиями *основные права гражданина*.

1. Неприкосновенность личности, как непосредственная — по отношению к жизни и свободе передвижения, так и в ее распространении на жилище, имущество и переписку, должна быть осуществлена как главное правило общежития, с указанием простых и действительных средств к восстановлению ее в случае нарушений и карательных последствий для нарушителей. Необходимые, с общественной точки зрения, ограничения личной неприкосновенности должны опираться на судебный акт или на постановление законодательной власти.
2. За выражение своих мнений словом или в печати гражданин может быть привлечен к ответственности лишь в судебном порядке.
3. Каждый волен исповедовать и распространять какие угодно религиозные мнения и выражать их в каких угодно богослужебных формах, если этим не нарушаются общие законы.

4. Собрания публичные и частные свободны, если ими не нарушаются общественный порядок и благочиние. Формальности, устанавливаемые в обеспечение последних, должны иметь свое основание в законе.

По отношению к организации *государственной власти* из манифеста 17-го октября вытекают следующие положения.

1. Народному представительству принадлежит право вырабатывать все без исключения законопроекты, как общеюридического, так и финансового характера.
2. Впредь недопустимы никакие меры чрезвычайного или дискреционного свойства, не основанные на определенном указании закона.
3. Собрание представителей народа, Государственная дума, имеет надзор как за законностью, так и за целесообразностью действий министров и других исполнительных органов. Оно может осуществить свое право надзора путем запросов, резолюций, адресов и т. п. Хотя в манифесте 17-го октября сказано лишь о надзоре за законностью действий министров, но распространение контроля не только на формальную легальность, но и на материальную сторону распоряжений вытекает из существа дела и оправдывается указаниями манифестов 6-го августа и 17-го октября на возможность усовершенствования их положений в законодательном порядке.
4. Выборы в Государственную думу производятся всеобщей, тайной и равной подачей голосов, причем в городских поселениях выборы прямые, а в сельских двухстепенные, ввиду разрозненности избирателей и громадных пространств. Временные или местные исключения из общего правила допустимы лишь в силу определенного законодательного постановления.

Я лично и многие другие не убеждены в том, что всеобщая подача голосов является наиболее подходящим способом для формирования народного собрания в государстве с таким неопытным и частью первобытным населением, как в России. Обыватели, производившие массовые избиения и грабежи в Одессе, Кишиневе, Баку и т. д., или разрушающие дотла экономии Черниговской, Курской, Тамбовской, Саратовской губерний не представляются политически зрелыми для исполнения обязанностей избирателей, и нетрудно предвидеть, что допущение их к урнам не произведет магического переворота в их нравах и понимании. Русские выборы, чего доброго, дадут повод к весьма прискорбным повторениям некоторых эксцессов по-

следнего времени. Но все-таки нельзя не признать, что допущение всеобщего голосования необходимо в настоящее время. Такой подсчет голосов выставлен был подавляющим большинством русских организаций как главное средство от наших зол, и потому нет иного выхода, как произвести рекомендованную пробу. Она во всяком случае направит умы на путь разрешения наших затруднений и противоречий выборной борьбой, а не реальными столкновениями.

Надо прибавить, что лишь при условии такого расширения выборной системы для первого же созыва Государственной думы последняя станет жизнеспособной. Возвещенный уже правительством новый избирательный устав, если он, как надо надеяться, будет поставлен на широкое основание, явится необходимым дополнением к манифесту 17-го октября, и в момент издания его наступит возможность действовать для формирования необходимого звена новой системы — Государственной думы.

Самодержавный монарх сам поставил ограничения своей власти актом 17-го окт[ября] и определил подходящий способ перехода от старого порядка к новому, поэтому не представляется надобности в созыве особого учредительного собрания для составления заново конституции, охватывающей в систематическом порядке все органы и проявления государственного строя. Подобно английской конституции, русская должна выразиться при таком взгляде в своде положений, устанавливаемых различными государственными актами и законами, в числе которых манифест 17-го октября займет главное место. Если такой способ представляет некоторые неудобства, так сказать, с кодификационной стороны, зато он отличается тем великим преимуществом, что в нем найдет выражение преемственная связь между нашим новым конституционным строем и императорской властью, его породившею, а вместе с тем наша конституция признается продуктом соединения деятельности двух начал — народного представительства и императорской власти. Реальное значение такой юридической постановки состоит в том, что царское правительство сохранит свой традиционный и самостоятельный авторитет по отношению к массам народа и не будет низведено до роли более или менее подчиненного учреждения, допущенного к известной деятельности всесильным учредительным собранием. Традиционная монархия не только живуча — она нужна и важна, как воплощение национального единства, многовековой истории и совокупности сохраняемого ей порядка. Если русская монархия вынуждена была признать политическое значение общественного мнения и его роль в общей экономии государственных сил, то, с другой стороны,

общественное мнение должно дорожить тесным единением с властью, представляющей историческое прошлое страны.

Освобождение от бюрократического гнета должно выразиться существенным образом в *возможно широкой децентрализации управления*. Заведывание учреждениями, удовлетворяющими местным нуждам должно быть предоставлено местным людям вне всякого назойливого и педантичного вмешательства центральных учреждений. Народное образование, общественное призрение, устройство и содержание дорог, санитарная часть, меры хозяйственного воздействия на местах должны вестись местными учреждениями, начиная от вновь учреждаемой мелкой земской единицы до губернских земских собраний и городских дум. При этом избирательная система этих учреждений должна быть подвергнута коренному пересмотру в связи с демократизацией всего общества.

Проведение децентрализации не исключает, однако, контроля центральных учреждений над местными для наблюдения за законностью их действий, для вмешательства в исключительных случаях грубого нарушения общественных интересов, почему-нибудь не вызывающих должного воздействия со стороны органов самоуправления, наконец, для составления обзоров и подготовки законодательных мер общего характера по отношению к местному управлению.

Ввиду резкого обособления строя жизни и довольно глубокого и печального антагонизма между польской и русской национальностями желательно дать мирный выход национальным стремлениям поляков, насколько это совместимо с государственным единством и безопасностью России. Наиболее подходящей мерой для этого, помимо полной свободы культурного самоопределения, снятия всех существующих частноправовых стеснений и ограничений и предоставления полякам общих политических прав, является учреждение областного собрания десяти губерний Царства Польского с правом голосовать, отчасти направлять и контролировать деятельность местных учреждений, пользующихся теми же правами, как остальные самоуправляющиеся единицы в составе Империи. При этом должны быть тщательно оговорены права общегосударственного правительства по отношению к областному собранию и прочим органам администрации в польских губерниях.

Финляндия есть автономное Великое княжество, состоящее в реальной унии с Империей. Для последней важно главным образом то, чтобы Финляндия была включена в военно-дипломатическую систему России — в остальном ей принадлежит право политического са-

моопределения на общих основаниях, действовавших до манифеста 3-го ноября 1901 г.

Реорганизация суда в России представляет большие технические трудности. Необходимо сделать суд независимым и в этом отношении несменяемость судей, разделение судебных и административных функций и вообще возвращение к принципам, первоначально провозглашенным судебными уставами 1864 г., окажет, несомненно, благотворное влияние. Труднее будет обеспечить суд от воздействия со стороны политических партий и придать судебной власти нужную авторитетность. Не входя в подробности желательных реформ, можно лишь сказать, что следует восстановить мировых судей, распространить компетенцию присяжных поверенных на все дела с политическим оттенком, как то: на разбор дел о печати, о государственных преступлениях, о нарушении основных законов и т. п. Наиболее подходящим путем для замещения судейских должностей в окружных судах, палатах, высших трибуналах является, по-видимому, избрание самими судебными коллегиями при участии реорганизованной корпорации адвокатов. Для решения спорных вопросов права, требующих толкования конституционных актов и обычаев, следовало бы учредить высший суд как самостоятельное учреждение или как отделение судебного сената, который, во всяком случае, должен быть коренным образом реорганизован.

По отношению к *социальному составу* населения необходимо отказаться от всяких сословных перегородок, кроме почетных титулов и привилегий. Поскольку существующие сословные учреждения связаны с заведыванием капиталами, опекой над малолетними, благотворительными пожертвованиями и т. п., они могут продолжать существовать как частнопровольные корпорации.

Окончательное раскрепощение крестьян и уравнивание их в правах с другими сословиями, а также полное устранение гражданских ограничений, лежащих на евреях и поляках, вытекают из настолько элементарных требований общественной справедливости, что нет надобности распространяться о них.

Аграрный вопрос, так обострившийся на наших глазах, безусловно, требует обширных мер к урегулированию колонизации, с одной стороны, расширению землевладения и землепользования — с другой. Последнее условие, конечно, не может быть удовлетворено не только без дополнительного наделения из фонда государственных и удельных земель, но также без экспроприации в известных случаях частных владений под условием справедливого выкупа. При такой экспроприации, не имеющей ничего общего с национализацией земли,

начало частной собственности не пострадает. Нельзя при этом не высказать пожелания, чтобы в связи с наделением земель были выработаны меры к урегулированию целесообразного пользования добавочными наделами в виде, напр[имер], выдачи их на льготных условиях мелиоративной аренды. Продуманная аграрная политика в этом направлении может оказать благотворное влияние на распространение в населении более интенсивных и усовершенствованных приемов земледелия. Помимо важности подобного результата самого по себе, он особенно существенен ввиду того, что дополнительное наделение при продолжении существующих несовершенных форм обработки было бы равносильно простой отсрочке кризиса на несколько лет, до той поры, как прирост населения обострит его вновь в еще более резкой форме. К тем же целям должно быть направлено развитие мелиоративного кредита в пользу крестьянского населения.

В области *рабочего вопроса* предстоит признание и законодательное урегулирование рабочих организаций и стачек, расширение государственной инспекции в области воспитания, охраны интересов детей и женщин, санитарных мер вообще и в особенности в применении к вредным производствам. Страхование рабочих от несчастных случаев, а насколько возможно, на случай старости и неспособности к труду — нормирование рабочего дня и условий найма и заработка — должны составить задачу изучения специальных комиссий при участии как предпринимателей, так и рабочих, чтобы затем поступить на рассмотрение Государственной думы. Учреждение примирительных камер представляет менее сложную задачу и должно быть осуществлено как можно скорее.

В *финансовой политике* прежде всего намечается пересмотр системы расходов в целях возможного сокращения непроизводительных трат и расширения кредитов на важные отрасли общественного хозяйства, долго остававшиеся в совершенном небрежении. Не следует, однако, предаваться слишком большим надеждам относительно уменьшения системы расходов, так как военные и морские нужды в ближайшее время неизбежно будут еще поглощать очень значительные суммы ввиду необходимости привести в порядок расстроенную войной материальную часть. В системе доходов предстоит, главным образом, произвести более справедливое распределение бремени налогов. С этой целью должны быть отменены выкупные платежи, понижены или отменены косвенные налоги на предметы первой необходимости, пересмотрена система покровительственной промышленности в интересах потребителей, особенно мелких, введен прогрессивный подоходный налог и увеличены пошлины на наследство.

При этом нельзя упускать из вида, что усиление обложения высших классов скорее удовлетворит требования социальной справедливости, нежели значительно увеличит ресурсы государства. При громадном процентном перевесе малодостаточных людей в России над обеспеченными нельзя ожидать от этой политики особенно значительных фискальных выгод. С другой стороны, придется остерегаться значительного увеличения прямого обложения на счет косвенного, так как прямые налоги неудобны в субъективном отношении и раздражают больше косвенных даже при гораздо более скромных требованиях.

Наметим, наконец, некоторые настоятельно необходимые меры, касающиеся *народного образования*. Введение всеобщего, обязательного и бесплатного обучения составит, конечно, первый шаг в этом направлении. В связи с его введением необходима организация материальной помощи в виде пищи, одежды и лекарств для неимущих детей школьного возраста. Система средних и высших школ должна быть приноровлена так, чтобы сделать возможным последовательный переход из низшей школы в среднюю и затем в высшую. В университетах должна быть развита и укреплена автономия и организовано студенчество. На всех ступенях школы должен быть открыт простор для развития самостоятельности, индивидуальной инициативы и корпоративного духа среди преподавателей, при сохранении, однако, твердых форм школьной организации. Образование родительских обществ и кружков в связи со школами должно содействовать сближению между семьей и школой, от розни между которыми так сильно страдала до сих пор наша воспитательная система. Наряду с правильными школами должны быть направлены усилия к развитию сети учреждений для распространения образования и просветительных целей. Частная инициатива получит широкий простор в деле открытия и организации заведений, а также ведения преподавания, но государству и местному самоуправлению придется позаботиться об установлении надзора за строем и практикой учебных заведений в интересах ограждения общества от грубой эксплуатации, некомпетентности и дилетантизма.

Общая задача «Союза 17-го октября» ясна: надо прекратить междоусобие и направить все силы на колоссальную созидательную работу, которая открылась перед русским обществом. Для этой цели необходимо не разбивать общество на его элементы, не приводить его в первобытное состояние, а использовать все его живые силы и источник авторитета. Война против всех может только подготовить пришествие диктатуры. Отложим ненависть и испробуем соглашение, поч-

ва для которого дана манифестом 17-го октября. Попытку в этом направлении обязаны сделать даже те, кто ищет гораздо более полного выражения народовластия, нежели предусматривает манифест, если они имеют в виду не азартную игру, не *va banque* со ставкою национального благосостояния и существования, а действительное улучшение народного быта. Как проповедовать социальную реформу — и вводить в правило приемы, которые разоряют производство и отнимают заработок? Как бороться против голода и нищеты — и равнодушно смотреть на разорение имений, истребление продовольственных ресурсов и дезорганизацию всей хозяйственной обороны страны? Как говорить о ненарушимости закона и правовом порядке — и оправдывать своеволие, насилие, захват? Как мечтать о широком развитии народного образования — и одобрительно относиться к распадению всех наличных учебных и просветительных учреждений страны? Как мечтать о торжестве гуманности — и содействовать одичанию общества, развитию в нем свирепых инстинктов человеческой природы? Как создавать самоуправление общества, разрушая способность людей управлять собой? Как защищать свободу и терпимость мнения, покровительствуя фанатизму и насилию? Нет более грозного врага общественности, нежели фанатизм: он освящает злодеяния в глазах людей, которые не хотят делать добро! Нечего утешаться мыслью, что все эти ужасы — лишь неизбежные и преходящие проявления переходного времени: на ниве, на которой будут посеяны драконовы зубы, взойдет не пшеница. Поколения, возросшие на смуте, будут носить печать смуты до гроба и передадут ее своим детям.

Мы уже были свидетелями таких проявлений человеческого зверства — что должны остановиться, прежде чем начинать новую и великую войну. Пусть люди разных лагерей остановятся, прежде чем вступать в междоусобную борьбу, и попытаются устроить себе достойное и свободное существование по сенью манифеста 17-го октября.

ПРЕДМЕТНЫЕ УРОКИ

Беда начинать учиться не вовремя. Хоть и говорят «век живи, век учись», но школьный период постепенного и доверчивого усвоения в сущности один — детство и отрочество. Если он почему-нибудь упущен, приходится быть самоучкой, т. е. наскоро приравнивать отрывочные сведения к сложившимся уже в период невежества понятиям и привычкам. Русское общество находится в настоящее время как раз в положении самоучки, который принужден и твердит азбуку, и разбирает мудреную грамоту и применяет наполовину понятные указания в практическом устройстве своей жизни. История России так сложилась, что в течение веков народ привыкал к роли подопечного Митрофанушки³⁷⁰, а тут вдруг надо всему зараз научиться и решить все вопросы жизни. Немудрено, что голова кругом идет и что первые попытки самостоятельной работы приводят к ужасающей нескладнице. Немудрено также, что главное направление свое запоздалый курс получает не столько от предписаний учебников и собственных запросов, сколько от хода своеобразных *предметных уроков* — от наглядных и ощутительных последствий приложения тех или других начал. Руссо³⁷¹ в свое время мечтал о применении школой натуральной педагогики к восприимчивому, «свободному от всяких предрассудков» Эмилю: волею судеб великовозрастному русскому народу приходится усваивать элементарные политические истины путем применения на себе их материальных последствий.

На каждом шагу злополучный недоросль путается, путает, ломает, наносит себе раны — дай Бог, чтобы не изувечил себя. Из всех невольных уроков, которые он проделал над собой за последнее время, два не могли не произвести на него сильного впечатления: один на тему о войне, другой — на тему о революции. Перед нашими глазами прошла карикатура войны. В целях научения все факторы успеха и неуспеха были представлены в преувеличенных до невероятного размерах. Самая огромная и самая маленькая державы, самые крупные и самые мелкие люди были поставлены друг против друга, чтобы показать, что победа зависит не столько от числа, сколько от нравственных свойств. Карлики удивили мир своим беззаветным патриотизмом, непреклонной волей, напряжением всех сил и способностей

в стремлении к ясно поставленной, всеми опознанной цели. Что касается до великана, то оказалось, что о жгучей любви к родине нет и помину: вместо нее обнаружались самые разнообразные чувства, в лучших случаях остатки старого наследия упорства в борьбе, фаталистической привычки встречать смерть, но рядом с этим — равнодушие к общему делу, безнадежность, злорадство по поводу позорного крушения постылого русского строя. Правительство, обратившее всю Россию в место административного заключения, предстало перед миром в расслабленности старого развратника и разврата. Ни одного вождя в этом сонме превосходительств, на каждом шагу интриги, казнокрадство, трусость: флот, не умеющий плавать, армия, не умеющая стрелять, государственные люди с амбицией Бисмарка и с амуницией швейцарских адмиралов из оперетки. В результате поражения государства, которое пожертвовало внутренним благоустройством и благоденствием, чтобы вымучить у подданных 4-миллионную армию и 2-миллиардный бюджет, он понял, что дело не в исправлении той или другой специальной части, а в реформе всей государственной машины, понял, что злоупотребления, обнаруженные врагом в войсках и флоте, лишь часть, и притом не самая важная часть неустройства всего политического порядка: чиновники министерств внутренних дел, народного просвещения, юстиции, путей сообщения не лучше от того, что им обеспечена большая безнаказанность, что они не подлежат *ревизии со стороны японцев*. Они поняли, что бюрократия из своей среды, собственными силами не в состоянии произвести этой необходимой всеобъемлющей реформы над самой собой. Поняли, что даже если бы удалось каким-нибудь волшебным способом возродить все части чиновничьей организации, осталась бы в силе самая пагубная сторона обанкротившегося строя — разобщенность его с обществом и безучастное отношение общества к политической жизни страны. Все это понял и усвоил народ, и притом *не только в своих верхних слоях*, но в значительной мере, хотя и не совсем в одинаковых формах — в самых нижних. Борозды, проведенные войной в русском обществе, очень глубоки: долго не забудут крестьяне и мелкие горожане мобилизации 1904 и 1905 годов и напрасных избиений маньчжурской компании. Также ли ясны поучения войны для правительства? Отказалось ли оно всецело и навсегда от фаворитизма и покровительства бездарностям, от отсталости и личной корысти, главное — от издевательства над общественными идеалами и отчуждения от общественных сил? Или оно все еще рассчитывает как-нибудь отвертеться от ответственности, запутать счета и возобновить свои выгодные опекунские операции?

Нет надобности останавливаться на частностях, чтобы доказать, что в правительственных кругах еще жива надежда в этом направлении и что мысленные циники, которых так много среди петербургских администраторов, в последнее время подняли голову и приступили весьма недвусмысленно к проведению соответствующей программы.

Это стало особенно заметно после неудавшейся революционной вспышки конца 1905 года. Между тем, хотя значение этого предметного урока действительно очень велико, было бы близоручно и пагубно истолковать его в смысле возможности и желательности так называемой реакции. Ноябрьские и декабрьские события в связи с условиями, их подготовившими, действительно должны многому научить все партии русского общества. Они показали с очевидностью, как страшны разрушительные силы, проснувшиеся в этом обществе, и как опасно проводить реформу, задаваясь слишком безусловными и отвлеченными требованиями: но настоятельная необходимость капитальной реформы этим самым не устранена и не уменьшена. Оставим пока в стороне реакционные вожеления чиновничества и рассмотрим в общие черты разыгравшейся на наших глазах драмы.

Революционные забастовки и открытые восстания потерпели неудачу не потому, что на стороне правительства оказалось достаточное число дисциплинированных войск и артиллерии — этим можно было бы объяснить подавление движения в той или другой местности, а не общий неуспех движения. Войска действовали против бунтовщиков и следовавшие за первой забастовки распадались потому, что заговорило чувство самосохранения общества, и вызванные им к деятельности силы оказались пока сильнее центробежных стремлений. Хотя и не очень энергично, но страна высказалась против действий, которые открыто вели ее к банкротству, ограблению, экономическому расстройству, диктатуре красных, распадению национальностей и областей. Все эти опасности стали перед ней в виде уже не возможных последствий, а открыто признаваемых и насильственно проводимых стремлений. Появление на свет латышских и эстонских республик, отложение кавказских народностей, революционные, едва прикрываемые словами «автономия» движения в Литве и Польше, по меньшей мере несвоевременные попытки «федерализовать» Украину и Сибирь показали, что существование России как определенного, сплоченного государства поставлено на карту. Общие и частные забастовки отняли у деловых кругов не только уверенность в завтрашнем дне, но прямо приводили к экономической дезорганизации, к подрыву не только интересов капиталистов, но самого суще-

ствования мелких предприятий и рабочего люда. При деятельном участии социал-демократов в селах разворачивались картины погромов, напомнивших время Пугачева³⁷², а в городах социалисты-революционеры принялись осуществлять программу насилия и классовой борьбы. Облик 1893 года обрисовывался еще раньше, нежели закреплено было обладание промежуточной позицией 1789 года³⁷³. Знаменитый манифест революционных организаций прямо провозглашал банкротство и объявлял войну государству³⁷⁴. Крайние партии не стеснялись признавали интернациональный и антинациональный характер своих стремлений: разговор с революционерами, переданный корреспондентами *Daily Telegraph*, не нуждается ни в каких комментариях для всякого, сколько-нибудь знакомого со взглядами и фразеологией русских революционеров. При этих условиях трудно было потребности самосохранения не отразиться на общественном мнении: одни стали протестовать, другие отступились, третьи не то поддерживали, не то отстранялись, и правительство получило как бы полномочие от общества подавить восстания и политические забастовки.

Нам кажется, что из этих горестных событий вытекают два капитальных поучения: одно — общественным реформаторам, другое — правительству. Партиям, стремящимся к реформе, следует быть осторожнее в своих планах и пропаганде. Нельзя направлять все усилия в одну сторону, как будто единственная цель сломить сопротивление чиновничества и единственная опасность грозит от бюрократии. Слишком много говорилось на тему о двух Россиях, непримиримо противоположных и преследующих друг друга с взаимной ненавистью. В России есть разные партии, разные классы, разные силы и между этими партиями, классами, силами могут быть раздоры и борьба, но Россия одна, и ненависть, которая готова жертвовать государственными интересами потому, что интересы эти в данное время доверены неподходящим людям, равносильна политическому самоубийству — одно из двух: или эта ненависть вызовет против себя элементарное самосохранение исторического организма и погубит дело реформы, или она охватит такую значительную часть народа, что расколется его. Тогда горе России: Град, разделенный сам на себя, погибнет³⁷⁵.

Не менее важно провести резкую грань между стремлениями реформаторов и революционеров. Опыт, произведенный нашими политическими радикалами, оказался в данном случае очень прискорбным и унижительным. Разделяя многие послышки социалистов, горячо проповедуя непримиримую ненависть к существующей государственности, объявляя себя революционерами, «протягивая руку налево», политические радикалы не встретили, однако, сочувствия предпола-

гаемых союзников, которые даже не хотели дожидаться, чтобы им уготовили пути, а прямо стали ломать ограду и разбивать двери. Если бы они имели успех в своем предприятии, сомневаемся, чтобы от этого много выиграли их мирные друзья, тем более что в последнюю минуту последним пришлось отойти в сторону и ограничиться ролью наблюдателей завязавшегося боя. Людям, органически не расположенным к употреблению революционных средств, лучше так и считать себя реформаторами, а не революционерами, и искать союзников в центре политической позиции, а не налево от себя. На объем и подробности предстоящей реформы могут быть очень различные взгляды, и все-таки, пока не закрыты пути к ней, люди, желающие серьезных преобразований, а не проведения путем насилия социальных утопий, должны держаться вместе и бороться на два фронта, против крайних элементов направо и налево. Но, могут возразить на это, какие средства у русских конституционалистов, чтобы добиваться необходимых реформ, кроме революционного брожения и союза с партиями, которые могут перейти к революционным действиям? По-видимому, это убеждение, что только в союзе с людьми насилия можно повлиять на правительство, заставляет многих чистокровных конституционалистов искать коалиции с боевыми партиями. Нельзя, однако, избежать вопросов — не слишком ли дорого пришлось бы заплатить за такую комбинацию, даже если бы она состоялась? И как же быть, когда козырная карта сыграна и побита?

Дело, к счастью, в том, что партии конституционной реформы не зависят в своем существовании и успехе от боевых социалистов и радикалов. Существование и сила последних является, конечно, фактором, с которым нельзя не считаться, как нельзя было не считаться с ходом Японской войны. Грозящие революционные взрывы, терроризм, забастовки — все это проявления общественного неустройства, к которому не может быть равнодушно правительство и которых оно не в силах устранить одними пулеметами и жандармами. Из этого, однако, не более следует, чтобы была необходимость преклоняться перед Созоновыми, Каляевыми, Хрустальевыми и Шмидтами³⁷⁶, чем была бы необходимость дружить с адмиралом Того³⁷⁷. Сила русских конституционалистов не в этих противоестественных союзах, а во влиянии на общественное мнение. Против решительного и упорного суждения общества, давления общественного мнения правительство не в состоянии устоять при настоящих обстоятельствах, потому что теперь всякому очевидно, что усестись на штыках ему не удастся. Самим своим временным торжеством над революцией бюрократическое правительство обязано прежде всего обществен-

ному мнению, которое не поддержало революцию, как в свое время победа над террористами 80-х годов была прежде всего результатом поворота общественного мнения. Если бы, однако, наши теперешние правители в самом деле вообразили, что они могут обойтись без общественного доверия и вернуться к порядкам блаженной памяти Плеве и Сипягина³⁷⁸, то им очень скоро придется разочароваться. Ведь все эти вспышки хронической революции, которые на время как будто затихают, свидетельствуют о таком состоянии умов, о таком разочаровании в действующих учреждениях и правящих людях, что сотни тысяч людей готовы решиться на все, даже на политическое самоубийство. Из такого положения и настроения надо во что бы то ни стало найти выход и найти его скоро, а не мечтать о новом изгнании из страны гражданского чувства и стремлений к самоуправлению. Много уже упущено было моментов, когда представлялась возможность вывести страну на путь мирного совершенствования. Упущен был момент 1905 года, упущен момент в 1898 году, когда медленная и скромная работа земств была заподозрена как приступ к упразднению самодержавия; упущен 12 декабря 1904 года, когда не сказано было слово о народном представительстве, упущен 6 августа 1905 года, когда вместо законодательного органа была учреждена комиссия сведущих людей при Государственном совете. Неужели будет упущен [момент] предстоящего созвания Государственной думы, чтобы завершить и закрепить провозглашенное 17 октября?

Еще не поздно.

РОССИЯ НА РАСПУТЬЕ

Я пишу эту статью 12 мая³⁷⁹, через два дня после открытия первого российского парламента. Указать точную дату существенно, потому что именно сейчас история в России движется с такой скоростью, что за время между написанием статьи и ее появлением в журнале могут произойти такие вещи, что рядом с ними ваши размышления, хотя бы только двухнедельной давности, будут выглядеть устаревшими. И все же трудно сильно ошибиться при общей оценке ситуации. Не нужно быть пророком, чтобы читать знамения времени. События набрали такой оборот, что они еще некоторое время должны будут двигаться по линиям столь же жестким, как рельсы железной дороги. Не требуется особой проницательности, чтобы заметить, что тяжелый паровоз, везущий судьбы нации, все еще не направлен на чистый путь, но мчится с нарастающей скоростью под уклон, где нагромождены всевозможные баррикады из исторических *débris*³⁸⁰. Столкновение уже неизбежно, и только расчистив дорогу после катастрофы, сложную машину политической организации можно будет опять привести в движение.

Это зрелище должно произвести особое впечатление на тех его наблюдателей, кто видит значимость упущенных возможностей. Нам нет нужды оглядываться на Средние века или даже на преждевременные проекты реформ Екатерины II и Сперанского³⁸¹ для того, чтобы увидеть какое благотворное влияние монархия может оказать на начала русской свободы. Подходящим моментом для ее введения должна была стать славная эпоха правления Александра II, которая заложила основания не только нового социального порядка, но и самоуправления и независимого правосудия. «Увенчание здания» системы национального представительства предполагалось в неопределенной форме самим императором и предлагалось в определенном виде представителями либерального дворянства Твери, Москвы и Санкт-Петербурга. Появившееся в это время национальное собрание, возглавляемое хорошо образованными и состоятельными помещиками, представлялось бы неоценимым основанием для институтов более прогрессивного типа. Но правительство повернуло назад, пройдя лишь полпути, и оставило страну не только без народного предста-

вительства, но даже без гражданских прав; оно предпочло охранять государство при помощи таких людей как Муравьев и Шувалов³⁸² — при помощи официального терроризма и полицейского произвола. Еще одна возможность была упущена после печальной кончины царя-Освободителя, когда план Лорис-Меликова усилить Государственный совет представителями земств был заморожен на корню политикой Александра III. Вопрос остается открытым: была ли достаточной эта малодушная схема, будь она реализована, чтобы снискать доверие общественного мнения и открыть действительный выход для политических потребностей нации? Но она, возможно, обеспечила бы более здоровый поворот к национальной реакции против революционеров, которая наступила после убийства Александра II. Однако непроизвольное движение раскаяния и сожаления использовалось только для того, чтобы оправдать безмерные репрессии, преследование независимой мысли и самоуправления в любом виде, без надежные попытки вернуть силу и достоинство разбитой [парализованной] аристократии времен крепостничества.

Третий пример слепоты правящей бюрократии был дан кампанией ее передовых представителей — Витте и Плеве — против земств. Первый ограничил продуктивные предприятия губернских органов самоуправления в пользу непродуктивных расходов империи³⁸³ и обличил в известной записке все уступки земствам как шаги в направлении к «великой лжи нашего времени»³⁸⁴ — конституционному правлению. Плеве безжалостно подавил все попытки земств установить сношения между ними для того, чтобы внести некоторое единство и согласованность в их подходе к похожим задачам и попытался доказать с помощью серии предвзятых расследований, что органы самоуправления неумело управляют своими делами и разбазаривают деньги народа. Торжествующая бюрократия препятствовала работе и порочила таких людей, как Дм. Шипов³⁸⁵, подлинной неудачей которых было то, что они, вопреки официальным помехам, действительно добились успеха в превращении самоуправления в источник прогресса и общественного порядка.

Даже когда манчжурское фиаско показало всему миру гнилость всей системы управления «мандаринов», потребовалось некоторое время прежде, чем народ был взбешен до такой степени, что стал отвергать всякие распоряжения и правительства, хоть каким-то образом зависящие от «мандаринов». На первом оппозиционном собрании земцев в ноябре 1904 года³⁸⁶ не звучало никаких требований, кроме национального представительства умеренного вида, и создание центрального земства в Санкт-Петербурге было бы воспринято

с удовлетворением. Князь Святополк-Мирский действительно советовал императору удовлетворить эти умеренные требования. Этого не случилось. Утверждают, что вновь Витте возвысил свой весомый голос против предложения Мирского, и еще одна возможность была упущена: указ 25 декабря 1904 года появился в усеченном виде с многозначительным пропуском какого-либо упоминания о народном представительстве³⁸⁷. Таким образом, монархия отвергла, по крайней мере, четыре раза возможности для постепенного введения нации в политическую работу. Цари и их советники не хотели иметь дело ни с просвещенным, ни с видоизмененным Государственным советом, ни с неофициальными собраниями земцев, ни со средоточением губернского самоуправления: неудивительно, что теперь они оказались лицом к лицу с национальным собранием, избранным вопреки их желанию и политике.

Когда стало невозможным игнорировать растущую агитацию и пришлось созвать Государственную думу, бюрократия вновь действовала так, как будто ее главной целью было довести дело до своего собственного краха. Она была преисполнена сомнений во времена капризной тирании. Она показала, на что она способна в своем безрассудстве и цинизме. Предприимчивые молодые чиновники бросились на поиски подложных документов и опорочили систему представительства. Устаревшее австрийское законодательство, прусское избирательное право, французские конституции времен первой и второй империй, пережитки шведской бюрократии, — все это выискивалось для того, чтобы составить конституцию, которая могла бы сделать из обещанных либеральных институтов простой церемониал, ширму, скрывающую темные дела бюрократии. Прусский парламент основан на плутократии, на таком избирательном праве, при котором политическое влияние различных классов общества оценивается в соответствии с суммой их непосредственного вклада в казну; почему бы в России не попробовать увеличить избирательную власть привилегированного меньшинства и не урезать избирательное право малообеспеченных? Австрийской и другим старомодным системам представительства известен механизм разделения избирателей на антагонистические группы с целью управлять с помощью такого разделения; русское законодательство создало совершенный лабиринт из групп и состояний, из которого представители народа вынуждены с трудом выбираться. Великий Наполеон³⁸⁸ провел распределение функций законодательства между несколькими органами таким образом, чтобы ни один из этих органов не мог эффективно противодействовать намерениям правительства; Госу-

дарственный совет должен вырабатывать закон, Трибунат критиковать его, Законодательный корпус принимать или отвергать его³⁸⁹. Можно заметить нечто подобное, принятое для ослабления противовесов, в Основных законах 19 августа и 5 марта³⁹⁰, предполагалось, что Дума будет совещательным органом, в то время как действительная разработка законов была доверена министрам, независимым от Думы.

Социальная политика русского правительства не отличалась особой предусмотрительностью и здравым смыслом. Когда крестьяне были освобождены от крепостной зависимости, они остались в полурабском положении во всех других отношениях, ничего не было сделано для того, чтобы поднять их до правового и культурного уровня остального общества. Напротив, бюрократические кабинеты министров один за другим подтверждали их оторванность от других условий и принимали меры, чтобы сохранить такое положение. Социалистическая сельская община, гражданское бесправие всякого рода, особые правовые обычаи, сословные суды и административные институты делают их государством в государстве. Постоянная реакция периода правления Александра III, лишь слабым следствием которой являются современные условия, предоставляла высшему сословию средства для удержания населения в должном порядке; земские начальники были назначены как местные диктаторы над сельскими уездами, в то время как на остатки дворянства посыпались привилегии с целью восполнения его экономических и социальных утрат: дешевый кредит, административная монополия, особая полицейская охрана, исключительные преимущества в отношении контрактов и т. д. В то же время кто-то должен был нести тяжесть огромного увеличения расходов империи и налогообложения, которые удвоились в течение десяти лет, и она естественно пала на плечи большинства подданных, составлявшего более 80% всего населения империи. Крестьянские хозяйства демонстрировали тревожные признаки упадка: быстрое сокращение численности лошадей — скота для вспашки и перевозок в деревне, неурожаи, ежегодно случающиеся в том или ином конце империи...

Рано или поздно должен был произойти бунт завоеванных аборигенов, и удивительно только то, что правительство строило всю свою политику в расчете на то, что их покорность будет вечной. Их надежда на улучшение своего положения выступала первоначально в виде требования земли, и их не пугал тот факт, что осуществление их требования повлечет за собой экспроприацию всех других землевладельческих классов в империи. Великороссы в своих сель-

ских общинах привыкли к чередованию и переделу земли в соответствии с потребностями и благосостоянием претендентов, что же касается малороссов, то хотя они и более индивидуалистичны в своем земельном владении, но смотрят на земли своих бывших помещиков более или менее таким же образом как французское крестьянство смотрело на поместья духовенства и эмигрантов во времена Великой французской революции. В конечном счете даже тот аргумент, что в прошлом землевладельцы получили свои поместья за действительную службу, не действует на крестьян: им кажется более естественным, что права должны утрачивать свою силу, когда они не соответствуют обязанностям. Что касается предстоящих страданий и потерь дворянства, то каков может быть их вес в сравнении с веками тяжелого труда и унижения, через которые прошли в борьбе те, кто действительно обрабатывал землю?

Так что же, в русском обществе нет консервативных интересов и сил? Они, конечно, существуют в России, как и везде, но они пока разобщены и парализованы. Промышленники, купцы, землевладельцы, безусловно, консервативны по сути своего положения и роду занятий: они представляют капитал и организацию, они зависят от общественного порядка и непрерывных взаимоотношений. Казалось бы, что они должны оказывать огромное сдерживающее влияние на общественность. Но их интересы и лозунги не обращены ко всему народу во время, когда требования направлены прежде всего на возмещение обид. Не говоря уже об обычном антагонизме между трудом и капиталом, который проявляется в русском обществе в его наиболее острой форме, на последних выборах весьма любопытно проявились настроения приказчиков, управляющих, смотрителей и других служащих торговых и промышленных организаций. Лидеры капитала были уверены в том, что смогут завладеть всем благодаря помощи своих многочисленных работников. На деле их подчиненные в большинстве проголосовали за «кадетов» или за список радикалов, потому что все они не удовлетворены своей участью и мечтают о полном изменении всех условий жизни.

Предполагалось, что духовенство возглавит нацию на прямой дороге православия и обеспечит бесспорной религиозной дисциплиной ее покорность властям. Нынешний кризис полностью продемонстрировал до какой степени священники потеряли всю свою власть. Приняв от самодержавия положение церковных чиновников, отвергнув свободную веру и деятельное утверждение, духовенство опустилось до уровня исполнителей магических церемоний, чьи действия требуются лишь по обычаю и для внешнего приличия, но не влияют

ни на убеждения, ни на характер кого-либо. Само правительство обладало двумя великими источниками силы, которая еще совсем недавно казалась несокрушимой: престижем грозной имперской организации и преданной армией, готовой подавить любые беспорядки своей превосходящей силой. Моральный престиж правительства был безнадежно подорван позором последней войны. Сегодня быть представителем власти в России безусловно значит вызывать противодействие и нападки. Что касается материальных ресурсов армии, то в горячке последних месяцев чувство опасности притупилось у народа: никто, кажется, не думает о смерти, ссылке или тюрьме. Кроме того, даже сотни тысяч войска с трудом справятся с партизанскими налетами с убийствами, грабежами и кражами, осуществляемыми в каждом углу огромной империи. И кроме того, сама армия далеко не непроницаема. Лейтенант Шмидт не стал героем просто так. Ореол народной симпатии, окруживший его, является прямым подстрекательством для других действовать так же и, если возможно, с большим успехом. Даже те, кто высказывался против вооруженного выступления, из соображений целесообразности стремились показать военнотружущим, что народным восхищением окружены не те, кто остался верен присяге и флагу, а те, кто восстал против начальников.

Ясно, что время для консервативной политики еще не пришло. Вполне возможно, что оно не наступит до тех пор, пока нынешняя система не будет разрушена. До тех пор, пока этого не будет сделано, будет существовать козел отпущения, которого можно будет обвинить в грубых ошибках и бедствиях.

Когда мы примем в расчет эти обстоятельства, тогда мы сможем понять реальное значение недавних выборов в Думу. Они принесли руководящее положение в национальном собрании двум группам людей, которые, несмотря на все их различия, равно непримиримы в отношении к остаткам старого — конституционным демократам и крестьянам. Первые — политические радикалы с очень маленьким уважением к приобретенным правам и историческим традициям; они полностью убеждены, что лучший способ исправить нынешнее правительство — покончить с ним. Вторые начинают с утверждения, что единственным средством исцеления общества является передача всей земли тем, кто ее обрабатывает. Союз между ними уже складывается. Даже если некоторые из крестьян попытаются сохранить верность личности царя, то основная масса, несомненно, будет определять свою позицию, исходя из аграрных требований, и это полностью осознали все рассматриваемые партии. «Кадеты» уже одобрили в общем принцип массовой экспроприации для наделения зем-

лей тех, кто ее непосредственно обрабатывает. Они предпочли бы продажу земли, в то время как их союзники выступают за конфискацию или что-то очень похожее; но во всяком случае одним из безусловных результатов нынешнего движения будет исчезновение класса помещиков в России, хотя весьма сомнительно, будет ли обещанной экспроприруемым «справедливой» цены достаточно, чтобы избежать экономического краха. И это отнюдь не единственная революционная мера, включенная в программы ведущих партий Думы. Гомруля и даже обособленного политического существования требуют все подчиненные национальности империи и большие подразделения русской национальности: поляки, литовцы, латыши, эстонцы, грузины, армяне, украинцы и сибиряки — все утверждают свою национальную индивидуальность и ожидают «автономных» институтов. Вопросы регулирования труда в духе социалистических взглядов несколько отступили в тень из-за добровольного отказа промышленных рабочих от участия в выборах, но они, несомненно, вновь появятся с нарастающей силой и будут поддержаны наиболее решительными мерами как естественное следствие аграрной реформы. Все институты местного самоуправления, так же как и вся структура центрального управления, должны быть изменены по образцу передовой демократии. Должна быть изменена вся система народного образования и т. д.

Несомненно, это ни что иное, как полная революция, одно из тех ужасных потрясений, которые происходят в истории только тогда, когда сильное течение политического недовольства встречается с мощным движением общественной и религиозной агитации. Простые политические реформы, похоже, не могут произвести полного изменения прошлого устройства, потому что они обращены к более ограниченной по числу общественности — тем, кто имеет образование и досуг, необходимые для политической деятельности. Но когда глубокие политические реформы сочетаются со стремлениями, порожденными голодом или верой, они захватывают массы, которые в противном случае оставались бы тихими и пассивными. Таковы были великое восстание XVII века в Англии и Великая революция XVIII века во Франции, хотя изменения XIX века в Германии были меньшего размаха, и ее социальная трансформация еще грядет.

Этой общей оценке не противоречит та мысль, что фатальный прогресс даже таких ужасных потрясений можно регулировать до определенной точки и до определенного момента сознательными действиями. Восемнадцать месяцев назад революцию в России, возможно, могло предотвратить сильное и дальновидное правительство,

если бы оно или возглавило политическое движение высших классов и направило его по руслу, приготовленному земствами, или же смело сыграло бы в игру низших слоев и подавило интеллигенцию авторитетом, вытекающим из великих демократических реформ. Но, конечно же, сильные и дальновидные лидеры требовались для проведения любой из этих политических линий, и если бы правительство имело их, то оно не было бы доведено до крайностей, которые делают героические меры совершенно необходимыми. Мера его силы и проницательности определяется, в частности, печальным крахом графа Витте, самой яркой его личности, который лишь один виноват в том, что наградой коллеге г-на Дурново³⁹¹ стало всеобщее недоверие и осуждение. Похоже, Горемыкин³⁹² не избежит грядущего крушения: его достижения не лучше, чем достижения графа Витте, а его способности, несомненно, меньше, хотя рядом с ним появляются такие поразительные представители старого режима, как г-н Стишинский³⁹³ и князь Шихматов³⁹⁴. Но, в конце концов, эти персональные вопросы имеют бесконечно мало значение сейчас. События двигаются по инерции, как прежде, и что-то сродни исторической судьбе управляет действиями главных героев великой драмы.

На поверхности могут быть приняты различные резолюции и политические решения, но не похоже, чтобы они сильно повлияли на главные результаты. Когда страна отвергла на выборах октябристов, она явно высказалась в пользу радикальных программ и революционных методов. Октябристы, которых столько ругали, являются единственной партией, которая постаралась бы согласовать требования реформы с исторической традицией и попыталась бы, может быть безрезультатно, достичь компромисса с сильной монархией. Их представительство в Думе было сокращено до такого незначительного числа, что в настоящий момент их влияние даже не принимается в расчет. Что касается победивших «кадетов», то торжественные заявления об умеренности, сделанные некоторыми из них, означают главным образом отказ от ответственности за использование более грубых методов и защиту права выбора благоприятного времени и места для сражения. Их программа, даже в самом умеренном виде, не может быть принята царем, и, похоже, неизбежное столкновение должно очень скоро произойти. Несомненно, борьба развернется по вопросу амнистии, который стал отправным пунктом прений в Думе. С одной стороны, разговор может идти только о прощении проступков; политические убийцы и мятежные солдаты едва ли подлежат ей. С другой стороны, амнистия очень неудачный термин для освобождения передовых бойцов в борьбе за сво-

боду. А как насчет парламентского расследования преступлений и проступков бюрократических чиновников? Должен ли император отказаться от защиты людей, которые действовали по его команде, а некоторые открыто получили одобрение и награды за их действия? Как насчет отмены законов 5 марта? Конституционного положения высшей палаты? Политической ответственности министров? Основных законов? Действительно, нет ни одного вопроса в пределах возможной политики, который бы не вызывал конфликта между силами традиции и силами революции.

Царем может быть принята одна из двух линий поведения. Или он с самого начала будет отстаивать тот или иной возникший жизненный вопрос против большинства Думы, или же он попытается умиротворить собрание представителей серьезными уступками. Конечный результат не должен слишком отличаться ни в одном из этих случаев. Противоречия быстро достигнут апогея в первом случае, хотя главное решение может быть отложено на некоторое время. Но, несомненно, в конце произойдет столкновение, и возможно, что ключевой вопрос о распоряжении армией может сыграть решающую роль в развязывании борьбы. Суверен не может отдать руководство этой силой без собственной капитуляции, а с другой стороны, собрание представителей постоянно преследовала бы опасность со стороны такой силы даже в случае самых широких уступок. Компромиссы, достигнутые в этом отношении в Германии и Италии, являются главным образом следствием великой службы, которую сослужила монархическая власть в обоих государствах в военной истории этих двух наций. Уже в Австро-Венгрии дело обстоит иначе. Что касается России, то лучшее решение — открыто монархическая организация армии с действенным контролем ее финансовой стороны народными представителями — достижимо чрезвычайно трудно по причине взаимного недоверия рассматриваемых властей и прискорбной неэффективности императорского управления в армии.

Возможно, наиболее зловещий аспект нынешнего положения заключается не в самих фактах, а в чувствах. Спорные вопросы, возможно, можно было бы разрешить за круглым столом на совещании уравновешенных людей. Но ведущие лидеры, которые вынуждены глядеть в глаза друг другу в Таврическом дворце, воспитаны в ненависти и презрении друг к другу: те, кто одержал верх сегодня, так долго и так много страдали в прошлом, что они не способны признать относительные права и разумные возражения своих оппонентов. Прежде чем России будет позволено дальше следовать своим путем, она должна пройти последнее испытание собственной силы.

Мы далеки от мысли, что принятие радикальной программы представляет собой желательное разрешение кризиса, но так или иначе оно ознаменует его этап. Этот этап бездумного восприятия принципов, доставляемых французской демократией, американским федерализмом и немецким социализмом, необходим для того, чтобы избавиться от вредных нелепостей старого *régime*³⁹⁵. Но постепенно русская нация поймет, как это ранее сделали другие нации, что живой организм не может изменить кости и мускулы по желанию, что будущее укоренено в прошлом глубже, чем полагает настоящее, что, как верно однажды заметил император, порядок такое же благо, как свобода, что нельзя обойтись без общественного авторитета и общественной силы, и менее всего — в периоды сильных общественных беспорядков, что Россия не может уступить стремлениям всех национальностей, составляющих ее, без того чтобы не перестать быть Россией. Люди научатся понимать все эти вещи только в результате предметных уроков, и страшно представить, что эти уроки придут не в виде болезненных, но все же последовательных экспериментов, а в виде крушения огромного общественного сооружения, возведенного усилиями столь многих поколений. Было бы опрометчивым предсказывать, как вести работу восстановления — давайте надеяться, что ее будут выполнять государственные деятели, способные следовать возвышенным идеалам и понимать реальные условия, с которыми придется считаться строителям.

ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ДУМЫ

Едва ли в истории была задача, равная по важности и значимости той, которая поставлена перед первым русским парламентом. В условиях религиозной и политической борьбы в Англии XVII века основы общества оставались прочными; устремления, подобные левеллерам и людям пятой монархии³⁹⁶, не были широко распространены, и их нетрудно было сдержать. Лидеры правительства пуритан вышли главным образом из рядов того же среднего класса, который впоследствии осуществил реставрацию; и жестокая гражданская война, которая, как казалось, в какой-то момент угрожала даже существованию страны, завершилась сама собой компромиссом под руководством парламентской олигархии. Французская революция произвела более глубокий переворот общественного порядка и более решительно порвала с историческими традициями, но она никогда не ставила под сомнение национальное единство и оправдала свои наиболее ужасные черты экзальтацией патриотизма, который держал в страхе Европу и примирил с новой Францией многих из ее бескомпромиссных противников. Русское революционное движение нацелено не только на полное изменение политической системы, но и на обновление самого общества посредством наиболее радикальных реформ нового времени. И в то время, когда усилия народных представителей сосредоточены в смертельной схватке с бюрократией в Петербурге, всем завоеваниям и приобретениям, достигнутым Россией за триста лет, брошен вызов малыми национальностями, которые были подчинены русскому правлению, но не примирились с ним. И сам преобладающий народ, как кажется, совершенно утратил чувство национальной индивидуальности, и все стремятся отстаивать его требования. На самом деле было бы странно, если бы в этих условиях действия нового представительного собрания не демонстрировали бы наряду с благородными стремлениями и идеями обновления проявлений насилия и вспышек гнева, односторонних суждений и отсутствие взвешенного подхода, столь характерных для революционных эпох.

По сути, всякое революционное собрание является прямым детищем режима, который оно призвано ниспровергнуть: им движет

обычно закон противоположности, принимающий противоположное тому, что было прежде. Именно поэтому оно точно так же поступает со своим смертельным врагом. Угнетение порождает насилие, централизм — разрушительные тенденции, привилегии — уравнилельные схемы, милитаризм — пацифизм. Этот дух противоречия не ведет к продуманной государственной политике; но в начале революционной эпохи, по-видимому, нужна не такая политика, а действие элементарных сил. Только когда они будут до известной степени исчерпаны, сознательные, планомерные средства политического расчета начнут заявлять свои права.

Помимо сложности вопросов, накопившихся до созыва Думы, не терпящих отлагательств желаний классов и групп, требующих их одновременного признания и удовлетворения, существует изначальная трудность, которая заключается в том, что приходится иметь дело с несостоятельным, но все еще обладающим законной властью правительством. Новая власть должна быть создана во что бы то ни стало вместо обанкротившейся старой, которая тем не менее удерживает свои позиции в формальном и материальном смысле. И эта задача должна быть решена по возможности не средствами гражданской войны, а парламентскими действиями. Георг Брандес³⁹⁷ однажды заметил, что российский герб — двуглавый орел — напоминает ему одно из тех чудовищ, которые, согласно газетам, иногда появляются на свет. Непочтительное сравнение обернулось пророчеством. В современных политических условиях Российская империя определенно имеет две головы и два мозга, и результатом этого чудовищного удвоения является паралич всей системы.

Перед обзором главных действий Думы за первый месяц ее существования давайте бросим беглый взгляд на ее ведущие группы и партии и попытаемся понять их психологические особенности. По сути, Дума состоит не из нескольких партий, а из одной. Едва ли найдется другой представительный орган, в котором было бы зарегистрировано так много единодушных голосований. Люди, приехавшие из столь различных частей огромной империи, люди, которые не имеют ничего общего, с точки зрения социального положения, образования, нравов, люди, которые едва ли понимают речи друг друга, вновь и вновь выступали вместе в почти единодушных резолюциях, когда их призывали осудить политику правительства. Робкое несогласие каких-нибудь семи или десяти из четырехсот депутатов по каким-либо случаям служит только тому, чтобы подчеркнуть подавляющее преобладание духа оппозиции. Дума единодушна как оппозиционная группа, и разногласия начинаются только тогда, ко-

гда она не противостоит правительству, которое, кажется, обладает магической силой устранять все разногласия в ее среде.

Уже в то время, когда страна еще только была на подготовительной стадии выборов, появилось огромное множество объединений, называющих себя партиями: их легко можно было насчитать до девятнадцати или двадцати. Где они сейчас? В большинстве своем они лопнули как мыльные пузыри; но даже те несколько, что сохранились, сузились обычно до очень маленького круга. Крайне правых реакционеров невозможно найти в Думе. Для того чтобы обнаружить их, следует взглянуть на Государственный совет, где все еще можно увидеть стойких приверженцев такого рода политики. Совсем недавно считалось, что большинство крестьян направит в нижнюю палату парламента стойких защитников самодержавия, православия и народности, но если такие элементы и существуют среди наиболее отсталых крестьян и священников, то они не столь многочисленны, чтобы проявить себя.

Более примечательное зрелище представляет собой группа, которая, как казалось в какой-то момент, станет правящей партией в стране, — октябристы. Своим осуждением революционной агитации, своей поддержкой умеренных реформ они, казалось, смогут привлечь большинство тех, кому есть что терять при любой революции, даже самой неизбежной, — имущие и торговые классы, зажиточных крестьян. Своим обращением к исторической традиции они задевали ту струну, звучание которой должно было эхом отозваться в сердцах русских патриотов. На деле они смогли провести в палату лишь два десятка депутатов, и даже это небольшое число значительно уменьшилось в пылу первых дебатов. Нет необходимости долго останавливаться на причинах их поражения. Следует отметить лишь одну, но главную, поскольку она характеризует позицию их оставшихся приверженцев в Думе. Партия умеренной реформы и национальной традиции не может действовать без прочной национальной власти какого-либо вида. Если ее подталкивают к оппозиции и осуждению всех действий должностных лиц монархии, которую эта партия хочет поддержать, то ей не остается ничего иного, кроме как защищать призрак. На деле даже побуждаемые лучшими намерениями октябристы до сих пор не смогли сделать в Думе ничего более, чем придаться к некоторым неудачным выражениям, использованным их более удачливыми конкурентами в их обличении старого режима бюрократии. Не менее значимо и то, что партия даже не смогла начать выпуск своей собственной газеты³⁹⁸. Такое прискорбное положение дел нельзя приписать ни инерции и грубым ошибкам лидеров,

ни недостатку политических принципов, чтобы обосновать программу. Умеренные и консервативные силы России не имеют прочного основания потому, что чиновный мир, в чьем владении все еще остаются исторические институты России, полностью утратил моральный авторитет. Он не вызывает ничего, кроме ненависти и презрения, и приносит вред тем, кого можно заподозрить в желании найти компромисс с ним. И поэтому октябристам и умеренным не остается ничего иного, кроме как поддерживать и присоединяться к той ругани, которая является потребностью дня.

Наиболее многочисленная и влиятельная партия Думы состоит из почти 150 конституционных демократов, представителей Партии народной свободы, как они называют себя сами. Они шествуют сомкнутыми рядами, и во всех важных случаях за ними следуют различные маленькие группы, которые могут роптать на якобинский деспотизм *кадетов*, но вынуждены тем не менее признавать лидерство последних. Это объединение представителей можно связать с политическими радикалами западных парламентов; и любое работающее большинство в парламенте должно было бы строиться на этой основе. Главные идеи этой группы можно обобщить в том утверждении, что Россия должна управляться по конституции наиболее развитого западного типа и что коренные социальные реформы следует провести по возможности парламентскими средствами. Программа *кадетов* и их союзников, составленная главным образом по западным образцам, несомненно, содержит в себе пункты, совершенно необходимые для страны, которая хочет преобразовать свои институты на парламентской основе. В то же время она несет на себе печать *доктринерства*; она является книжной по своему происхождению и не учитывает в достаточной мере те особые условия, в которых должна совершаться политическая работа в России. Несомненно, практика будет выдвигать многие ограничения; и фактически *кадеты* уже вынуждены притормаживать во многих отношениях после своей восторженной гонки на выборах. Но за предметные уроки придется заплатить и, вероятно, очень дорого. В этом другая слабая сторона позиции *кадетов*, которая, возможно, является еще более опасной, чем их доктринерство, — я имею в виду их связь с революционерами. Если умеренным вредит их связь с монархией, не принесшей за последние годы ничего, кроме позора стране, которую она призвана представлять, то политика *кадетов* испорчена теми обязательствами, которые они взяли на себя в отношении революционного движения. Будучи парламентариями, воздерживающимися от реального восстания, они вынуждены угрожать правительству перспективой восста-

ния; и они искренни, когда заявляют, что они стоят ближе к социалистам и террористам, чем к чиновникам и солдатам, которые должны поддерживать существующий порядок. Это, несомненно, опасная и двусмысленная позиция; и если бы *кадетской* партии были доверены функции управления, то ей было бы нелегко отказаться от некоторых из ее современных заявлений.

Другую важную партию формируют депутаты так называемой трудовой группы. Численностью около 100 человек, они являются главным образом крестьянами, но также включают несколько мастеровых, выбранных в Думу. Они вышли из тех миллионов, которые привыкли с непреодолимым недоверием следить за высшими десятью тысячами и без колебания уничтожили бы однажды их искусственное господство. Они не делают большого различия между разновидностями «господ» и не в большей мере снисходительны к либералам, чем к консерваторам. Лидеры группы по своим политическим взглядам намного опережают ее основную массу — некоторые из них являются откровенными социалистами. Но все они сосредоточены на аграрной реформе, которая дала бы землю тем, кто ее обрабатывает; и за этим должно последовать радикальное переустройство труда. Данная группа даже более важна с учетом тех интересов, которые она представляет, чем с точки зрения того, чью сторону она занимает в спорах и размежеваниях Думы. Она находится в прямом соприкосновении с сельским населением и часто воспринимается низшими классами губерний как выразитель их чаяний и интересов. Слабым местом в данном случае является неопределенность отношения большинства крестьянства к конституционным вопросам. Многие из них не склонны принять такой ход событий, который привел бы к разрыву с царем, и более озабочены экономическими уступками, чем политическими правами. И все-таки до сих пор социалистическим лидерам удавалось успешно управлять их массами в соответствии со своими планами и располагать их на позиции значительно левее *кадетов*.

Следует отметить еще одно объединение — так называемую *автономистскую* группу, состоящую из представителей всех малых народностей империи и многих русских; поляки, литовцы, балтийские латыши и эсты, евреи, украинцы объединяются для того, чтобы содействовать своим различным национальным устремлениям; ожидается, что депутаты Кавказа и Сибири войдут в объединение; и даже великороссы, склонные к самой широкой децентрализации и федерализму, будут поддерживать их. Политические и социальные убеждения членов этого «клуба» совершенно разные. Некоторые являются социал-демократами, другие — радикалами *кадетского* типа, третьи — кон-

серваторами; все они остаются более или менее связанными с фракциями, представляющими их различные мнения в Думе, и будут выступать друг против друга и по разному голосовать по многим жизненно важным вопросам. Единственной связью, объединяющей их, является обещание служить развитию автономных институтов для народностей империи. В этом случае клуб опять же приобретает свое значение благодаря связям, объединяющим его с населением, которое он представляет. С его деятельностью придется считаться не только тогда, когда придет время для создания местной администрации, но также во всех вопросах, в которых народности империи представляют значительное разнообразие условий — и это о многом говорит.

Помимо этих более или менее ясно определившихся групп, существует большое изменчивое число независимых членов парламента, «диких», как их называют в Германии, которые перетекают то направо, то налево в соответствии с вдохновением момента — опять же характерная черта независимого политического собрания, в котором разделительные линии еще не проведены четко и чувства призваны играть большую роль, чем твердые убеждения.

Таковы основные размежевания существующих партий и групп. Вероятно, должны произойти некоторые изменения, которые уже издавна заявляют о себе. Конституционно-демократической партии угрожает раскол, если большинство членов партии вынуждено будет совершить заметную эволюцию вправо или влево; на деле дискуссия по аграрному вопросу уже привела к отходу от партии пары членов, которые, будучи убежденными индивидуалистами, не одобряют линию, принятую партией³⁹⁹. В конечном итоге такой отход может привести к усилению октябристов за счет правого крыла *кадетов*. С другой стороны, в еще более отдаленной перспективе превращения конституционных демократов в правящую партию некоторые из их наиболее передовых представителей перейдут к крайним левым. С другой стороны, среди крайних левых социалисты слишком привержены своим взглядам и методам, чтобы очень долго сохранять свой союз с крестьянами, и должны создать независимую фракцию. Но чем внимательнее наблюдаешь за ходом событий в Думе, тем яснее становится, до какой степени ее дебаты и дискуссии определяются внешним влиянием — действиями двора и чиновников в одном смысле, и воздействием горожан и сельских жителей — в другом. Ненависть к властям, боязнь армии, вспышки аграрных беспорядков и забастовок, террористические акты и насилие влияют на Думу больше, чем такие же события и чувства влияли бы

на парламент с устойчивым положением, гарантированным существованием, прямым участием в работе правительства и утвердившимся партийным сознанием своих целей и прошлого. Этот факт делает прогнозы, основанные главным образом на программах и численности, совершенно ошибочными. Не следует игнорировать воздействие сдерживаемой энергии, которая, возможно, даст решающий импульс политической эволюции последующих месяцев. Предположим, что, как уверенно предсказывают, аграрные беспорядки распространятся на основную часть страны, или разразится всеобщая стачка, наподобие той, что была в октябре, или выступления в армии приобретут больший размах. Очевидно, что такие факты вынудят действовать имеющие к этому отношение партии; и, конечно же, чем дольше будет сохраняться двухголовая система, тем больше вероятность, что такие события произойдут. Монотонный диалог между Думой и правительством в таком случае с необходимостью превратится в более напряженную драму. Тем не менее то, что уже сказано и сделано в Таврическом дворце, не лишено глубокого значения, поэтому позвольте остановиться на некоторых выводах, которые можно сделать из первого месяца деятельности Думы. Всякий, рассматривающий эту стадию в истории русского парламентаризма, должен принять в расчет следующие четыре положения: вопрос об амнистии, думский адрес императору, декларация правительства и споры по аграрной проблеме. Эти последние являются наиболее важными из всего произошедшего за последний месяц; но они все еще продолжаются, и было бы невозможно по справедливости оценить их в статье, призванной охарактеризовать так много других вещей. Я буду ссылаться на них только тогда, когда это нужно будет для понимания других дел. И так у нас больше чем достаточно материала для обсуждения.

Первые свободные слова, прозвучавшие с трибуны Думы, были посвящены освобождению политических заключенных⁴⁰⁰, людей, совершивших действия, считавшиеся уголовными преступлениями при старом порядке вещей, но служившие тому, чтобы открыть путь новому порядку. Порыв, который диктовал страстный призыв к амнистии и побуждал образованную Россию требовать отмены смертной казни был, несомненно, благородным; и грустно видеть, что он не нашел никакого отклика в сердцах официальных советников монарха. И все же, оценивая реальное и предполагаемое значение этих мер, нельзя просто рассматривать естественные чувства и проявления человечности. Несомненно, проблема амнистии шире, чем, возможно, готово было бы признать большинство русских радикалов.

Было два способа выдвинуть требование амнистии таким образом, чтобы оно было бесспорным и несомненным. Собрание депутатов могло провести различие между преступлениями и проступками, вмененными политическим идеализмом и выразившимися в революционной пропаганде, незаконных публикациях, организациях, забастовках, даже в открытых восстаниях и рукопашной борьбе, с одной стороны, и преднамеренными убийствами и террористическими актами — с другой; прощая первые и, возможно, ходатайствуя о смягчении наказания в случае с последними. Такой подход привел бы к принятию принципа, что существуют средства, которые никоим образом не могут быть оправданы, что было бы ошибкой оставлять безнаказанными действия, которые подрывают самые основы общества и которые делают его членов заложниками страсти и фанатизма. Такая оценка была бы разумной; но ее утверждению воспрепятствовало то состояние возбуждения, до которого довело себя общественное мнение. Была другая возможность сделать требование амнистии неоспоримым: она могла привести к полному забвению всех крайностей, имевших место в противоборстве, вместе с осуждением всех мотивов, вызвавших такие крайности. Это бы, естественно, охватывало все правонарушения революционеров, даже такие как умышленное убийство, грабеж, мятеж, бомбометание; но затем такой же покров забвения следовало бы набросить на все эксцессы власти и ее агентов, яро участвовавших в подавлении беспорядков, на злодеяния карательных экспедиций, чрезмерно усердных полицейских, введенных в заблуждение «черносотенцев». И так как требование отмены смертной казни выдвигалось вместе с требованием амнистии как гарантия против непоправимого наказания, Дума могла направить свой страстный протест против жестоких наказаний. Действительно, такой подход предлагался в Думе и прессе. Но решение Думы было другим. Оно было направлено исключительно против убийств при подавлении противоправительственных выступлений, в то время как терроризм и революционный бандитизм намеренно не замечались или оправдывались как простительные проявления возбуждения. На деле заявления о высоких моральных качествах террористов, трудности провести различия между преступником и «святым» вовсе не ограничивались речами и публикациями наиболее неистовых радикалов. Так же как и лица, чьей амнистии требовали, совсем не вели себя как преступники, просящие снисхождения за свои деяния. В требовании их освобождения проявлялся дух вызова и триумфа. В этих условиях неудивительно, что монарх и его советники не проявляют желания удовлетворить повелительные требования,

обращенные к ним. И вполне можно задаться вопросом: действительно ли такая агитация рассчитана на то, чтобы достичь освобождения угнетенных и прощение обид, или на то, чтобы добавить яда в общественную борьбу и сделать компромисс невозможным. Создание комиссии по расследованию незаконных действий властей является еще одним шагом в этом же направлении⁴⁰¹. Нельзя не заметить во всех этих фактах зависимости прогрессивных партий в Думе от революционного прошлого и сил. Они не способны и не желают порвать с революционной агитацией, потому что они считают ее главным источником их силы, паром, необходимым для того, чтобы наполнить цилиндры их машины. И все же они должны знать, что, работая под таким высоким давлением, они рискуют разнести все и вся на части.

Адрес в ответ на речь императора вызывает возражения иного рода. Он задумывался для того, чтобы воплотить в себе все охватывающее заявление о реформах. Два вопроса возникают при его прочтении. Разумно ли выдвигать своего рода резюме, в реальный смысл которого едва ли можно было вникнуть за три дня, посвященные его обсуждению⁴⁰²? Сформулированы ли требования, выдвинутые в адресе, в осторожной и подобающей манере?

Что касается первого из вопросов, то кажется ясно, что форма документа вызвана революционным настроением, пропитавшим нацию и собрание депутатов в данный момент. В этих условиях было бы неуместным предлагать соображения, которые при ином настроении и в другое время были бы вполне очевидными. Как очень точно подметила «Temps», было бы более целесообразно вместо абриса общего «Содержания», огромного и в то же время неопределенного, настаивать на двух-трех жизненно важных положениях, особенно на законодательном праве и на ответственности министров. Сконцентрировав свои усилия на этих положениях, Дума смогла бы осуществить их и выиграть стратегическое преимущество. Все частные меры последовали бы в свое время. И можно предположить, что если бы октябристы настояли на том, что невозможно обсудить должным образом все предметы, включенные в предлагаемый адрес, и на том, что спешка с выдвижением обещаний приведет к вредным последствиям, они сплотили бы вокруг себя заслуживающее уважения меньшинство и могли бы апеллировать к их благоразумию во многих последующих случаях. Но они не сделали ничего подобного, либо потому что были загипнотизированы их более удачливыми оппонентами, либо потому что сами разделяли иллюзии, что обобщенное выражение требований было полезно и необходимо. Что касается *кадетов*,

которым принадлежало неоспоримое лидерство в этом случае, их целью было не только удовлетворить это стремление к широким, ярким видам на будущее, которое является одним из психологических инстинктов всякой революции. Они хотели также связать политические и административные реформы с земельными и юридическими требованиями крестьян. В течение первых дней своей деятельности новое законодательное собрание не было уверено, насколько ему удастся найти поддержку среди сельского класса, составляющего подавляющее большинство русского народа; и лидеры прогрессивных партий считали, что будет целесообразным произвести впечатление на наиболее отсталых членов тесной связью между различными частями их реформаторской программы. Эти черты политической ситуации — желание завоевать союзников и нанести удар врагам — придали адресу его своеобразный характер.

Когда мы обращаемся к его содержанию, то мы находим, что большинство затрагиваемых в нем положений, несомненно, заслуживают внимания и что, являясь довольно банальными в западных странах, они требуют определенных действий со стороны русских законодателей. Россия, несомненно, желает ограничения власти бюрократии, гражданских свобод, равенства всех граждан перед законом, усовершенствованной избирательной системы, народного образования, реформы финансов, конституционных прав для своего парламента. Но когда такие положения начинают обсуждаться, их следует воплощать в определенные законы с тем, чтобы избежать двусмысленности и ложных ожиданий. Сведенные к абстрактным заверениям, они вызывают возражения со всех сторон. Действительно ли является решенным вопрос о том, что в России должны иметь право участвовать в выборах только мужчины, или и женщины тоже? Готов ли к этому народ? Формулировка адреса не годится, предполагая это радикальное решение, хотя оно не обсуждалось по существу, и в то же время — вызывая сомнение, действительно ли она включает требование избирательного права для женщин. Провозглашается устранение любого неравноправия по половому признаку, но в параграфе о выборах нет упоминания о женщинах. Что это — лазейка или оплошность? Направлено ли заявление против Государственного совета против верхней палаты как таковой или против несовершенно института, как он сформирован в настоящее время? В разделе о гражданских правах перечисляются неотъемлемые атрибуты на манер французских «Прав человека». В этом случае вполне применимы известные возражения Бентама⁴⁰³ против абстрактных ложных выводов. Действительно ли Дума уверена в том, что, например, ис-

ключительные законы или военное положение не понадобятся никогда? Что никогда не потребуются чрезвычайные меры усиленной охраны? Такая уверенность была бы утопией в свете того, что часто случается в других странах, помимо России; и особенно опасно заявлять об этом в России, потому что там постоянно утверждается, что никакие чрезвычайные меры принуждения не нужны вовсе. Так или иначе, простое перечисление прав человека при определенных обстоятельствах может значить слишком много или слишком мало. Они станут живыми в своем определенном обрамлении.

Провозглашена аграрная реформа, основанная на экспроприации земли, принадлежащей государству, царской семье, церкви, монастырям и частным собственникам. Безусловно, при коротком упоминании в этих нескольких словах принимается огромная ответственность. Так ли уж обострились нужды крестьян, чтобы была необходима перемена всех существующих условий собственности? Как долго частная собственность может сохраняться в условиях такой реформы? Какие законодательные ограничения и административное руководство следует предусмотреть для того, чтобы обеспечить надлежащее использование возможностей, представленных такой реформой? Должны ли крестьяне получить просто участки земли или также и капитал, необходимый для ее обработки? Какой стандарт справедливости может использоваться при установлении цены при покупке земли? Сможет ли страна вынести финансовую тяжесть такой операции? Будут ли приняты во внимание различия в условиях и целях, существующих относительно аграрной программы в различных частях империи. Все эти и многие другие вопросы, возникающие сами собой, жарко обсуждаются даже сейчас. От того или иного решения каждого из них зависят совершенно различные концепции предлагаемой реформы. Поскольку это так, то было бы, несомненно, более подходящим принять во внимание бедственное положение сельского населения во многих частях России и потребовать полного разрешения аграрных трудностей, не давая пустых обещаний экспроприации. В этой односторонней форме люди видят угрозу собственности, не видя крайней необходимости такого подхода или особых средств, которые следовало бы использовать.

Опять же какой смысл придается пункту, относящемуся к военному устройству: «Памятуя о тяжелом бремени, которое народ несет в армии и флоте Вашего Величества, Государственная дума озабочится укреплением в армии и флоте начал справедливости и права». Пускаться в рискованное предприятие на такой опасной почве лишь для того, чтобы предложить столь неопределенную формули-

ровку, характерно для более сентиментального, чем практического способа, каким принимался и разрабатывался адрес. Как и в случае с «Правами человека» думский адрес является в большей мере прологом революции, нежели мирного законодательства. В нем нет ничего по сути ложного; фактически все его принципы представляют великодушные абстракции. Огромная и реальная проблема заключается в том, чтобы облечь их плотью и наполнить кровью, воплотить их в работающих институтах.

Несомненно, для объяснения и в защиту такой деятельности Думы следует сказать одно: ее непосредственно спровоцировало правительство. Положение последнего было определено манифестом 5 марта⁴⁰⁴, Основными законами 6 мая⁴⁰⁵ и оно было подтверждено в декларации Совета министров 26 мая⁴⁰⁶. Эта последняя касается нас непосредственно, так как она составлялась как непосредственный ответ на думский адрес. Даже по сравнению с речью гр. Витте в Государственном совете⁴⁰⁷ она представляла жалкое зрелище. Кардинальные вопросы свободного законодательства, отмены Основных законов, ответственного правительства были попросту отменены простой ссылкой на эти самые Основные законы. Что касается аграрной проблемы, то была провозглашена неприкосновенность частной собственности, как будто простого провозглашения достаточно для того, чтобы подавить в зародыше все планы экспроприации и принудительного выкупа земли. В вопросе о гражданских правах правительство не смогло предложить ничего, кроме сетований на плохие времена, убийц и восстания; как будто правительство не утратило всякое доверие в результате попыток установить своего рода порядок с помощью произвола и жестокости, которые, по сути, освободили его от этой задачи. Как точно заметил по этому поводу либеральный еженедельник: абсурдный характер заявления премьеры заключается в меньшей степени в противостоянии народу, чем в полной неспособности министров понять положение, до которого они довели и себя, и страну⁴⁰⁸.

Последующее было еще более поразительным. Запуганные всеми ораторами, которые обращались к Думе по этому случаю, министры все еще держатся за свои места и продолжают действовать наподобие красной тряпки, приводя Думу в ярость. В любой другой стране, кроме России, случилось бы одно из двух: или правительство ушло бы в отставку, или Дума была бы распущена. Ни одна из этих возможностей не имеет места в России. По-видимому, считается возможным и полезным иметь два неистово противоборствующих правительственных центра в стране: правительство без всякой тени морально-

го авторитета и парламент, лишенный средств оказывать практическое влияние на ход дел. И это в то время, когда страна охвачена беспорядками и волнениями.

Подобное положение не может длиться вечно. Оно с необходимостью ведет к следующим шагам по пути революции. Эта революция превращается в хроническую [болезнь] вместо того, чтобы свершиться быстро, но от этого она не становится менее реальной. На деле она более опасна, потому что вместо того, чтобы осуществиться в виде резкой, хирургической операции, она действует маленькими потрясениями, и постепенно ослабевающий пациент не может преодолеть ее действие. Было бы величайшей опасностью оставаться в губительном положении двойственной беспомощности, которая поразила действие центрального аппарата. В настоящих условиях, как кажется, доступен лишь один прием для того, чтобы с меньшей опасностью выйти из тупика, созданного грубыми ошибками и оплошностями прошлого. Правящий класс должен быть возрожден вливанием новой крови; и такое возрождение может прийти лишь с одной стороны, а именно, от большинства Думы или, говоря более точно, от большинства ее образованных членов. Это, конечно же, означает капитуляцию правительства перед *кадетами*, которые, несмотря на все их недостатки, все еще являются наиболее последовательной и образованной группой в собрании представителей. У меня было достаточно поводов подробно остановиться на слабых сторонах этой своеобразной партии и подвергнуть критике их взгляды, но не обязательно принадлежать к партии, чтобы признать, что она должна принять на себя ответственность управления. Кроме вопросов министерской ответственности, три факта очевидны всякому, кто имеет глаза, чтобы видеть. Бюрократическое окружение духовно истощилось и, помимо этого, стало столь ненавистным, что оно не может более находиться у власти, даже если бы оно состояло не из неспособных и коррумпированных временщиков. У консервативных групп общества нет еще прочной почвы под ногами в то время, когда раздаются требования коренных реформ. Дальнейшая задержка в состоянии нерешительности послужит только увеличению хаоса и усилению явно революционных сил. Поэтому чем скорее профессора и правоведы, которых выдвинули последние выборы, возьмут на себя управление и ответственность, тем скорее мы достигнем какого-то разрешения кризиса. Приняв ответственность, они вынуждены будут приобрести многие привычки мышления, которых им до сих пор явно не хватает. Они вынуждены будут думать о защите порядка, экономических интересов, культуры,

вместо того, чтобы сосредоточивать свои усилия на разрушении существующего устройства. Если они совершенно не смогут осознать, к чему обязывает новое положение, их оценят по достоинству, и им придется уступить место другим, вместо того, чтобы получать кредит предполагаемой, но никогда не проверяемой на деле способности свершать великие дела. Такое изменение было бы бесконечно ценным для консерваторов, поскольку оно освободило бы их от бездействия, навязанного верховенством совершенно ни на что не способной официальной власти.

Конечно, остается только гадать, как далеко был бы остановлен импульс разрушительных сил даже такой мерой, как создание правительства с помощью радикальной *буржуазии*. Как бы то ни было, это единственный курс, который имеет хоть какой-нибудь шанс на успех. Возможно, именно это является причиной, по которой его не принимают в современных условиях неговорчивости, которая характеризует решения и действия власти, существующей в России. Несчастливая страна подобна кораблю среди высоких волн, сломавших его руль.

ВОЗМОЖНО ЛИ БЫЛО ОБРАЗОВАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО МИНИСТЕРСТВА?

В статьях, написанных полтора года тому назад, но появившихся «по независящим обстоятельствам» особого рода лишь в августе 1905 года («Политические письма» в «Русских Ведомостях»), я попытался наметить некоторые основания *либеральной* программы, предостерегая против опасности радикализма, не считающегося с историческими условиями. То, что произошло с тех пор в России, к сожалению, оправдало пессимистические представления относительно хода дела. Правительство, бессильное для положительной работы, оказалось гораздо более устойчивым, чем предполагали его противники: стены Иерихона на этот раз не распались от звука труб безоружной интеллигенции. А вожди освободительного движения при всем благородстве намерений и совершенстве партийной организации привели страну в тупик, из которого трудно выбраться без потерь. Чтобы как-нибудь двигаться вперед, приходилось всеми мерами «поддерживать оппозиционное настроение», т. е. подзадоривать людей, и без того разгоряченных до умоисступления. Тон был взят с самого начала так высоко, что теперь приходится обрываться на фальшивых нотах. Рекомендовать пассивное сопротивление, чтобы у нас все было, как в Европе, значит в переводе на язык русской действительности приглашать население не платить на содержание земских больниц, школ и дорог. Остается междоусобная война, которая и ведется с возрастающим озверением. За возмутительным убийством Герценштейна последовала возмутительная гибель Беклемишева, Родионова, Де-Ливрона от русских пуль⁴⁰⁹. И вместо того, чтобы воспользоваться, наконец, историческим моментом и реализовать обновленную гражданственность, мы все колеблемся между деспотизмом и анархией. Неужели необходимо растрепать в конец русское государство, чтобы выйти из этого заколдованного круга? Неужели нет пути, на котором могли бы соединиться охранительные силы, созданные историей, и обновляющие силы прогресса?

Правительство на минуту как будто ужаснулось пред своей ролью в этой смуте; распустив Думу, оно готово было ликвидировать и бюрократическое министерство, против которого боролась Дума⁴¹⁰. Намечалось соглашение с представителями идеи мирного обновления,

и весь вопрос в том, на каких условиях оно могло состояться. Фигуры русского политического калейдоскопа быстро сменяют друг друга, и обрисовавшаяся было комбинация уже распалась⁴¹¹. Но вызвана была эта комбинация не случайными причинами и на ее складе стоит остановиться. Я позволю себе высказать мое личное мнение об ее значении.

Само по себе распускание Думы и попытка образовать либеральное министерство могли бы быть призывом к народу, призывом перейти к мирной созидательной работе в сотрудничестве с обновленным правительством. Но такой смысл получили бы эти меры лишь при условии неуклонного соблюдения закона и уважения к общественному мнению. Роспуск же Думы на более чем семимесячный срок таким призывом быть не может: это уже попытка сломить общественное мнение, направить его на путь, который будет указан сверху.

Объяснения министра-президента корреспондентам иностранных газет⁴¹² авторитетно устанавливают именно эту точку зрения. Так выходит и с формальной стороны, ибо при семимесячном роспуске Думы смета на 1907 год должна быть утверждена без всякого участия народных представителей и, значит, в противоречии с основными законами. Такая попытка подавить общественное мнение не только бьет дальше цели, она прямо отклоняет от нее. Люди, которые, быть может, одумались бы при обращении к ним, как к свободным гражданам, несомненно, будут упорствовать на ложной дороге, если сбивать их с нее силою. Репрессии вообще возможны лишь по отношению к отдельным лицам и кучкам лиц; к целой стране они не применимы. Предполагаемое парламентское междуцарствие, если и вызовет поворот общественного мнения, то налево, а не направо.

Затем очевидно, что характер предполагавшегося министерства должен был, по мысли правительственных его инициаторов, определиться не столько либеральной программой, сколько укрощением общества. Уже возродилась цензура, уже приостановлен целый ряд изданий, от свободы союзов и собраний не осталось и следа, о личной неприкосновенности нечего и говорить. Не буду разбирать вопрос, необходимы ли все эти репрессивные меры, которые окружают нас атмосферой стародавнего бесправия. Допустим на минуту, что они необходимы: пристало ли министерству либералов проводить их? Возможно ли соединить их применение с прогрессивными реформами? Не ясно ли, что их должны проводить люди с диктаторскими полномочиями и навыками? Во всяком случае в такой обстановке самые благие намерения, самые мудрые начинания разбились бы о недоверие и враждебность раздраженного правительст-

венной опекой общества. Врачевание должно исходить не от начальнического приказания, а от поворота общественного мнения, который должен наступить рано или поздно и наступить тем ранее, чем скорее и полнее правительство откажется от приемов и привычек приказного строя.

На случай если бы — что пока сомнительно — возникла вновь мысль образовать либеральное министерство до созыва Думы, пришлось бы, мне кажется, настаивать, между прочим, на следующих пунктах, помимо осуществления которых немыслима никакая плодотворная деятельность на этой почве.

1. Безусловное соблюдение существующих законов впредь до их отмены. Не может быть никакого изменения их, даже в смысле несомненных улучшений, односторонним решением императора. Реформа никуда не годной избирательной системы, например, должна быть проведена не иначе, как через Думу, которая могла бы быть созвана для этой цели и для рассмотрения сметы. Такой порядок сложен, тяжеловесен, неудобен, но лучше идти неудобным путем, чем подрывать принцип законности, только что провозглашенный торжественно. В нем пока главное приобретение нового государственного строя. Всеми мерами надо проводить идею, что в России все без исключения связаны законом, и что первый долг гражданина повиноваться закону, хотя бы и неудобному.

2. Скорейшее созвание Думы, без содействия которой нельзя приступить ни к сметным ассигнованиям, ни к нормальному законодательству. В связи с этим предполагаемое либеральное министерство должно выступить в подготовительной роли и прямо заявить, что если выборы окажутся против него, то оно сложит свои полномочия.

3. Необходимо предварительное осуществление процедуры Habeas Corpus⁴¹³. Полное разрешение вопрос может получить лишь в законодательном порядке, но некоторый суррогат желательной процедуры мог бы быть введен теперь же, если воспользоваться в должной мере некоторыми уже существующими положениями и направить их применение путем соглашения между подлежащими министерствами, утвержденного государем. Я возьму для примера случай ареста и обыска, которому подверглись учащиеся или учащие того или другого учебного заведения, случай, повторяющийся, к сожалению, особенно часто и дающий возможность проследить довольно полно желательные улучшения существующих порядков. Прежде всего должно

быть принято за правило, чтобы арест или обыск такого рода производился в присутствии депутата от учебного заведения, к которому принадлежит инкриминируемое лицо. Если бы вследствие внезапности полицейского действия или неожиданного обнаружения принадлежности к учебному заведению арест или обыск был произведен без участия депутата, начальство учебного заведения должно быть извещено немедленно и обязано выслать депутата для выслушания заявления арестованного или подвергшегося обыску лица. Своего рода патронат учебного заведения по отношению к своим питомцам и членам необходим как противовес действиям полиции, слишком часто принимающим характер насилия. Затем заключение в тюрьму должно быть проверено в 3-дневный срок судебной властью, которой предоставляется решить, должно ли оно быть поддержано или заменено отпущением на поруки, обязательством явиться в суд, удостоверенным подпиской, или, наконец, полным освобождением. Такая судебная проверка может быть введена в настоящее время либо путем реального применения права судебных мест проверять условия содержания под стражей в домах заключения или хотя бы коренным изменением направления деятельности лиц прокурорского надзора, вызываемых к присутствию при политических дознаниях. Лучшее, конечно, первое, нежели второе.

Против подобной постановки будут, конечно, возражать, что она слишком стеснила бы полицию в ее действиях, направленных к раскрытию и предупреждению преступлений. Хотя это возражение будет до некоторой степени справедливо, несомненно лучше при настоящих условиях народного сознания пожертвовать простотою и быстротою полицейской процедуры, нежели постоянно раздражать общество проявлениями произвола и насилия. Установить нормальный, хотя и несколько сложный порядок особенно важно, чтобы возбудить, наконец, общественную реакцию против революционных насильников, которым в настоящее время заранее обеспечены симпатии и поддержка общества.

4. Наконец элементарным требованием справедливости должна быть отмена специальных ограничений и карательных постановлений, направленных против наших сограждан — евреев. Поскольку эти специальные постановления основаны на законе, их окончательную отмену придется поставить на первую очередь законодательной работы. Но старый порядок изобилует множеством ограничений и специальных мер незаконного происхождения, и эти меры должны быть отменены сразу и всецело.

Эти пункты, конечно, не исчерпывают программы переходного министерства. Но, по моему убеждению, они во всяком случае должны быть занесены в число предварительных условий, без которых немыслимо осуществление подобной программы. Если бы образование либерального министерства состоялось, оно было бы полезным звеном в цепи реформенных начинаний и способствовало бы выходу из наших политических затруднений.

Но преувеличивать его значения не приходится. В конце концов соглашение между правительством и народом должно быть установлено в Государственной думе, и вступление в правительство тех или других общественных деятелей может быть лишь предисловием к такому соглашению. Пока последнее не состоялось, Россия будет лишена главного условия прогресса и устойчивости — солидарности между общественным мнением и властью.

ПАРТИЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Государственная дума решила не только одобрить закон 9 ноября⁴¹⁴, но даже придать ему более широкое применение. Голосование 28 ноября устанавливает точку зрения, в силу которой общинное право заменяется частною собственностью чуть ли не в половине местностей, практикующих общинное землевладение⁴¹⁵. Между тем нет надобности быть сторонником архаических форм этого землепользования, чтобы усомниться в благоразумии и целесообразности проводимого в настоящее время законодательства. По мере того как перед нами проходят всевозможные проекты, указы и законы по аграрному вопросу, мною, по крайней мере, овладевает недоумение. Вопрос, подлежащий разрешению, несомненно, в высшей степени сложен и труден, то или другое его разрешение отразится непосредственно на участи десятков миллионов людей. Можно ли, однако, сказать, чтобы разработка и обсуждение этого вопроса были обставлены гарантиями серьезности, обдуманности, беспристрастия? Разбирается ли он с точки зрения государственных интересов, независимо от посторонних соображений? Предшествовало ли обсуждению в законодательных собраниях всестороннее расследование, национальная анкета вроде так называемых королевских или парламентских комиссий, какие практикуются в подобных случаях в Англии — с участием авторитетных представителей власти, партий и интересов, с полной свободой исследования, с единственной целью послужить государственному делу? К сожалению и к удивлению, ничего подобного в данном случае нет. Вопрос колоссальной важности и сложности рассматривается с необыкновенной поспешностью и под знаменем резко односторонних партийных интересов.

Ведь нельзя же считать достаточной подготовкой бюрократическую сводку комиссии по так называемому оскудению центра⁴¹⁶ или «Труды» особого совещания под председательством графа Витте⁴¹⁷, так печально окончившиеся для тех, кто имел смелость высказаться по крайнему разумению, не справившись с тем, что угодно наверху⁴¹⁸. Нельзя считать объективными и серьезно обоснованными решения, в которых большинство данного политического момента стремится извлечь капитал для своих партийных целей из того или другого на-

правления аграрного вопроса, хотя бы при этом пришлось поломать установившиеся учреждения и растоптать интересы миллионов людей. Когда у нас была провозглашена революция и радикалы считали себя всеильными, они первым делом обосновали свою политическую программу на плане экспроприации частных собственников. Теперь, когда власть в руках так называемых консерваторов и реакционеров, предпринимается грандиозная экспроприация общественных союзов в интересах усиления консервативных устоев в стране. О планах трудовиков и кадетов нет в настоящее время особенной надобности распространяться; зато тем важнее присмотреться к законодательной деятельности консерваторов. Чем объясняется чисто революционная решительность, с которой они разрушают традиционные формы народного экономического быта?

Вызвано ли это спешное и решительное законодательство не терпящей отлагательства нуждой и крайностью положения? Объяснительная записка к закону 9 ноября действительно ссылается на затруднения при производстве операций крестьянским банком, на желательность развязывать руки крестьянам при приобретении нужных им земель и т. п. Но едва ли можно придавать особенное значение таким мотивам. Образ действия правительства, издавшего закон, представляющий одним из коренных вопросов русской жизни путем исключительным, с применением 87-й статьи⁴¹⁹, и поведение большинства третьей Думы, предпочитающего обсуждать этот вопрос не самостоятельно, а по намеченному правительству плану, заставляют скорее предполагать, что дело идет прежде всего об использовании благоприятной политической конъюнктуры, о создании совершившегося факта, с которым впоследствии ничего не могли бы поделать противники. Так действуют не люди, уверенные в своей силе и праве, а случайные победители, опасющиеся потерять приобретенный ими перевес.

Быть может, однако, экономическая необходимость разрушения общины так очевидна, что нет надобности в долгих изысканиях и осторожных мерах?

Не говоря уже о том, что даже с точки зрения земледельческой техники, закон 9 ноября не выдерживает критики, так как закрепляет личною собственностью главные недостатки общинного хозяйства — чересполосицу, зависимость от соседей по севообороту и длинноземелье, совершенно ясно, что мобилизация собственности сгонит с земли более слабых крестьян и быстро создаст массы сельского пролетариата. Так было везде, где разрушалась община, и так будет и у нас. А готова ли наша страна к тому, чтобы пристроить

и утилизировать эти освободившиеся толпы рабочего и безработного люда? Располагает ли русская промышленность такими капиталами, такими рынками, такой организацией, чтобы вознаградить безземельных работников за утрату земли? Готово ли законодательство о бедных, которое дало бы возможность отобрать беспомощных для действительного призрения и направить праздных на производительный труд? Лет триста тому назад, во время земледельческого кризиса в Англии, Тюдоры⁴²⁰ считали необходимым развить обширное законодательство о бедных. В России же XX века мы уже теперь присутствуем при проявлениях нищенства, достойных Средних веков, и нет надобности в особом полете фантазии, чтобы представить себе, что будет совершаться, когда сельские надельные участки ускользнут хотя бы частью из рук их теперешних владельцев. Странно лишь, что правительство и партии, которые поставили себе главной задачей успокоение страны, остаются слепы к этому угрожающему наводнению бездомных безработных дикарей.

Но ведь пример западной Европы показывает, что общинные формы сменяются частновладельческими... Да, сменяются, но как и какие формы? Законодатели, собирающиеся покончить с передельной общиной в России, едва ли пошли далее очень поверхностного знакомства с историей процесса разложения общинного землевладения на Западе. Ведь процесс этот тянется там уже тысячу лет, совершается в пределах разверстки не передельной общины, а долевой, идет путем постепенного проникания капиталов и технических улучшений, обходится минимумом государственного вмешательства и принуждения. В Западной Европе не думали «разрубать гордиев узел», а скорее разматывали клубок, облегчая выход из общинного союза, всячески содействуя сельскохозяйственным улучшениям, заботясь о рациональном соединении полос и формировании участков, но не совершая внезапных законодательных переворотов.

Быть может, наконец, правовой характер совершающегося переворота вытекает из таких бесспорных положений, что нет надобности в щепетильном отношении к общинной организации? Едва ли, однако, порядок, державшийся, по крайней мере, в течение трех-четырех столетий, сросшийся со всеми привычками и условиями народного быта, может послушно исчезнуть сразу, потому что законодатели в Петербурге признают его негодность и подлежащим отмене. Без тяжелой борьбы, без обострения сельских отношений дело не обойдется у нас, как оно не обошлось в Германии, когда правительство стало вводить в судах чуждые народу, хотя и прекрасные, принципы римского права⁴²¹. Ладить с крестьянами вообще нелегко. Они каждый день

показывают, насколько они разошлись с так называемыми правящими классами, как плохо они понимают эти классы и как мало им доверяют. Удивительно, что такие опыты, как производимые в настоящее время, предпринимаются без всякого предвидения того раздражения и смуты, которые, несомненно, последуют, если аграрное законодательство третьей Думы получит реальное осуществление. В свое время дело дошло до раскола из-за исправления книг. По земельному вопросу раскол тоже есть, и надвигающаяся земельная реформа его, конечно, не прекратит, а увеличит. Между тем одним из главных побудительных соображений при проведении этой реформы была идея, что создание частной, личной собственности на землю остановит напор крестьян на помещичье землевладение, прекратит земельный голод. Боюсь, что эти надежды основаны на недоразумении. Крестьянство ищет земли не потому, что живет на общинном праве, а потому, что не признает права на землю за собственниками, землю не обрабатывающими. Это чувство грубое и неправильное, но оно факт, и когда крестьяне будут собственниками, их враждебное отношение к «господам» едва ли изменится. Французские крестьяне, расхватывшие земли эмигрантов и церкви, были не общинники, а мелкие частные владельцы, и нет надобности даже обращаться к историческим и заграничным примерам, чтобы наблюдать ненависть мелких частных владельцев к крупным. Стоит подумать об отношениях в остзейских губерниях или хотя бы в Малороссии. Во всяком случае, если превращение общинных владений в частные, наверное, не покончит с историческим антагонизмом между крестьянами и помещиками, зато процесс скоротечного, до некоторой степени насильственного превращения подольет масла в огонь и еще более осложнит и без того напряженные отношения в деревне.

Указывая на все эти затруднения, я нисколько не имею в виду высказаться за безусловное сохранение общины. Я полагаю, что в России предстоит распадение традиционной общины и что аграрное законодательство должно по возможности облегчить и разумно направить этот неизбежный переход. Можно, пожалуй, высказать и некоторые предположения относительно желательных форм законодательного воздействия. Оно получит смысл лишь под условием тесной связи между преобразованиями юридических форм и сельскохозяйственными улучшениями. Дело не в отрицательной мере отмены общинных прав, а в более рациональном распределении участков и хозяйства на них. Поэтому как раз закрепление разбросанных полос в личную собственность является особенно нежелательным и выход из общины должен быть нормально связан с образованием так на-

зываемых отрубных участков, притом по соображениям и указаниям самих крестьянских обществ. Можно облегчить условия для расторжения общинного союза его членами, поставить его, напр[имер], в зависимость от требований половины членов. Но во всяком случае освобождение от общины должно совершаться по собственной инициативе участников, без прямого или косвенного принуждения, без юридического насилия вроде игнорирования частных переделов, как проявление общинного права на землю. Эти и многие иные соображения могут быть выставлены с значительной степенью убедительности. Но цель моей статьи не в том, чтобы проводить то или другое из этих соображений, а в том, чтобы высказаться в пользу более спокойного, обдуманного, беспристрастного, государственного способа разработки аграрного вопроса, рокового вопроса, от правильного разрешения которого зависит будущее России.

РОССИЯ И «АРМАГЕДДОН»

РОССИЯ: ПСИХОЛОГИЯ НАЦИИ

В это время кризиса, когда столкновение идей кажется не менее неистовым, чем сражение войск, обязанность тех, кто располагает достоверной информацией по тому или иному пункту спора, высказаться твердо и ясно. Я хотел бы представить некоторые наблюдения о немецкой и русской концепциях сущности культуры. Мое притязание быть услышанным основано на том факте, что я обладаю привилегией быть тесно связанным с русской, немецкой и английской жизнью. Как русского либерала, вынужденного отказаться от почетного положения дома из-за своих убеждений, меня едва ли можно заподозрить в раболепии перед русской бюрократией.

Я поражен той настойчивостью, с которой немцы представляют свое участие в этой всемирной борьбе как дело цивилизации, противостоящее московскому варварству; и я не уверен, что некоторые из моих английских друзей не чувствуют нежелания встать на сторону подданных царя [в борьбе] против соотечественников Гарнака⁴²² и Эйкена⁴²³. Однако хотелось бы узнать, с каких пор немцы заняли такую позицию? Они не были столь щепетильны во время «войны за освобождение», в ходе которой родилась современная Германия. В то время народ Восточной Пруссии с нетерпением ждал появления казаков как предвестников русских войск, которые должны были освободить его от ига Наполеона. Думали ли пруссаки и австрийцы об унизости союза с москвитами и о превосходстве «Гражданского кодекса», когда русская гвардия стояла как скала у Кульма* про-

* *Кульм*. После того, как Наполеон нанес поражение союзникам под Дрезденом в 1813 году, французский корпус Вандаммы появился у них в тылу. Он успешно отрезал линию коммуникаций с Прагой, отступление союзников могло обернуться беспорядочным бегством. Первый полк русской гвардии получил приказ остановить Вандамму, и он сделал это под Кульмом 29 августа, несмотря на трехкратное превосходство [противника] в численности и потерю почти половины людей убитыми и ранеными. На следующий день подошли прусские и австрийские войска, и Вандамм сдался с остатками корпуса. Сражение стало

тив отчаянной атаки Вандамма⁴²⁴? Возможно к этому времени жители Берлина уже стерли барельеф в Аллее победителей, который представляет принца Вильгельма Прусского⁴²⁵, будущего победителя при Седане⁴²⁶, искавшего спасения в каре Калужского полка!^{*2} Русская кровь проливалась в многочисленных битвах за дело немцев и австрийцев. Возможно, нынешнего Армагеддона можно было бы избежать, если бы царь Николай I оставил без поддержки габсбургскую монархию в 1849 году и не сокрушил неблагоразумно независимость Венгрии⁴²⁷. На нашей памяти доброжелательный нейтралитет России защитил Германию от атаки с тыла противниками Садовы⁴²⁸. Могут ли все эти факты оправдывать себя лишь на том основании, что презренные москвиты могут быть полезны от случая к случаю как «пушечное мясо», но становятся виновными в святотатстве, как только они выступают против немецких вахмистров в «блестящих доспехах». Старшие поколения Германии еще не пришли к такому удобному выводу. Последним советом, который основатель Германской империи дал своему внуку на смертном одре, был совет сохранять добрые отношения с той самой Россией, которую теперь объявляют худшей смесью отвратительных черт Византии, татар и москвитов.

К счастью, ход истории не зависит от неистовых преувеличений фанатиков. Мир не классная комната, в которой послушные нации распределены в соответствии с произвольными стандартами немецких педагогов. Европа восхищена патриотическим выступлением испанских, тирольских и русских крестьян против тирании Наполеона. Существуют другие стандарты культуры, помимо навыков в исследованиях и склонности к систематической работе. Резня в Лувене⁴²⁹, отвратительная жестокость немцев в отношении к мирному населению — упомяну только одно или два ужасных события этих последних недель — пролили зловещий свет на истинный характер немецкой культуры двадцатого века. «По плодам их узнаете их»⁴³⁰, — сказал Господь; и высказывание, которое Он адресовал книжникам и фарисеям, действительно приложимо к защитникам нынешней немецкой

поворотным пунктом кампании 1813 года. Король Пруссии наградил Железным крестом всех, кто участвовал в этом отчаянном сражении; с тех пор русские называют Железный крест «Кульмским крестом».

* *Принц Вильгельм Прусский и Калужский полк.* Будущий завоеватель Седана, будучи еще семнадцатилетним мальчиком, впервые участвовал в сражении при Бар-сюр-Об (27 февраля 1814 г.). В этом сражении он вступил в русский пятый пехотный (Калужский) полк, почетным полковником которого он стал впоследствии.

цивилизации. Никто не собирается преуменьшать того вклада, который немецкий народ внес в дело европейского прогресса; но те, кто знал Германию на протяжении лет, последовавших за достижениями 1870 года, заметили с ужасом рост того надменного самомнения, которое греки называли *ύβρις*⁴³¹. Хладнокровное варварство, защищаемое Бернгарди⁴³², циничный взгляд на международные соглашения и торжественные обязательства немецкого канцлера⁴³³ — в этих делах проявляется дух, который едва ли можно определить как признак прогресса. Одним из последствий такого образа мыслей может стать ослепление его жертв. Этот симптом проявил себя в глупых и грубых ошибках немецкой дипломатии. Последователи Бисмарка оттолкнули от себя своих естественных союзников, таких как Италия и Румыния, и подтолкнули Англию к этой войне вопреки очевидным намерениям английских радикалов. Но немцы превратно поняли даже более важные вещи. Они пустились в авантюру в уверенности, что Англия будет охвачена гражданской войной и не сможет принять действенного участия в схватке; и они принуждены узнать кое-что из того, чему их не учили все их писатели, — что существует дух нации, оберегающий безопасность и величие Англии, дух, в чьей власти свести на нет все партийные различия и расовые споры. Точно так же они рассчитывали на неподготовленность России вследствие внутренних разногласий и административной слабости, не обращая внимания на любовь всех русских к России, на их преданность многострадальному великану, чья кровь пульсирует в их венах. Немцы ожидали, что столкнутся с необученными и медлительными войсками под командованием временщиков-интриганов и военных Гамлетов, чьим «родным цветом решимости» был «болезненный о'ег с бледным оттенком мысли». Вместо этого они столкнулись с солдатами такого же типа, как те, которыми восхищался Фридрих Великий и Наполеон, во главе с командирами, достойными своих подчиненных. И за этими солдатами они обнаружили нацию. Осознали ли они теперь, какую силу они разбудили? Поняли ли они, что непоколебимая, неукротимая решимость, презиращая театральную позу, движет русскими войсками? Даже если бы русские генералы доказали свою посредственность, даже если бы предстояло множество печальных дней, нация не изменила бы своей истории. Она видела не одну захватническую армию, разгромленную в прежние времена. Татары и поляки, шведы Карла XII⁴³⁴, прусаки Фридриха Великого, Великая армия Наполеона были не менее грозными, чем кайзеровские войска, но задача порабощения единой России оказалась им не по плечу. Немцы рассчитывали на братоубийственную вра-

жду между поляками и русскими, на чувство обиды евреев, на симпатии мусульман к Турции и т. д. Они вынуждены, хотя и с опозданием, понять, что евреи сплотились вокруг отчизны, что лучшие из них не могут поверить, что Россия будет по-прежнему отказывать им в справедливом и гуманном отношении, которое давно признано необходимым лидерами русской мысли. Еще более важно то, что немцы прочли обращение великого князя к полякам⁴³⁵ и вынуждены были услышать о том, как оно было воспринято в Польше, о восторженной поддержке, оказанной русскому делу. Даже если бы больше ничего не произошло в результате этого великого исторического потрясения, кроме восстановления дружеских отношений между русскими и их благородными родственниками поляками, то жертвы, которых требует этот кризис, не были бы слишком большой ценой за такой результат.

Но час испытания обнаружил и другое. Он обратился к лучшим чувствам и лучшим элементам русской нации. Он поразительным образом выявил основополагающую тенденцию российской политической жизни и сущность русской культуры, которые многие народы не могли воспринять из-за накипи на их поверхности. Россия уже выходит из тяжкого кризиса. По словам Манифеста 17/30 октября 1905 года, форма существующего строя стала слишком узкой и тесной для развития общества с его растущими потребностями, с его изменившимся пониманием прав и обязанностей, с его изменившимися отношениями между правительством и народом. Результатом стала глубоко укоренившаяся политическая *болезнь*, которая дала о себе знать во время русско-японской войны, когда русское общество в массе своей отказывалось проявлять какой бы то ни было интерес к судьбам армии, затем лихорадочная гонка за «свободами», последовавшая за поражением в войне, и последующее воцарение анархии и репрессий, отбросивших мрачную тень на российскую жизнь в последние годы. Но напряжение народной борьбы лишило значения все эти разногласия и беды, как в Великобритании призыв общего отечества лишил значения разногласия между юнионистами и сторонниками гомруля⁴³⁶. Российские партии не отреклись от своих стремлений, русские либералы, в частности, верят в самоуправление и господство права столь же твердо, как прежде. Но они все как один поняли, что эта война не авантюра, спровоцированная лишенными нравственной почвы амбициями, а решающая схватка за независимость и существование; и они счастливы сомкнуть свои ряды со своими противниками из консервативного лагеря. Мой друг, такой же либерал, как и я, пишет мне из Москвы: «Это великое, неза-

бываемое время; мы счастливы быть заодно!» И из рядов наиболее несчастных детей России, из прибежищ политических изгнанников в Париже, приходят известия, что Бурцев⁴³⁷, один из наиболее выдающихся революционных лидеров, обратился к своим товарищам, призывая их всеми силами поддерживать свою страну*.

Я могу добавить, что каковы бы ни были недостатки и просчеты российского правительства, благом является то, что русские имеют крепко связывающую организацию и традиционный центр власти в самодержавии царя. Нынешний император выступает как национальный лидер, не в исторической позе военачальника, а со спокойным достоинством понимания своего долга. Он все верно сказал и сделал, и его подданные все как один последуют за ним. Мы уверены, что он вспомнит в час победы о безграничной преданности и жертвах всех народностей и партий его обширной империи. Это наше твердое убеждение, что грустная повесть о реакции и угнетении в России подходит к концу, и что наша страна выйдет из этого важного кризиса с пониманием и силой, необходимыми для конструктивного и прогрессивного государственного переустройства, в котором она так нуждается.

Не вдаваясь в детали политической и социальной реформы, [можно задать вопрос]: является ли обновление России благом или угрозой европейской цивилизации? Заявления немцев столь же ошибочны в этом отношении, как и во всех других. Классические произведения русской литературы доступны теперь в переводах, и низкопробные насмешки таких людей как Бернгарди, оборачиваются против них самих. Нацию, представленную Пушкиным, Тургеневым, Толстым, Достоевским в литературе, Крамским⁴³⁸, Верещагиным⁴³⁹, Репиным⁴⁴⁰, Глинкой⁴⁴¹, Мусоргским⁴⁴², Чайковским⁴⁴³ в искусстве**, Менделеевым, Мечниковым⁴⁴⁴, Павловым⁴⁴⁵ в науке, Ключевским⁴⁴⁶ и Соловьевым в истории не стыдно внести в список международного соревнования за призы культуры. Но немецким историкам следовало бы научить своих учеников тому, что в мире идей важно не такое сорев-

* Бурцев, выдающийся русский революционный лидер. Мне приятно отметить, что Бурцев полностью поддерживает мою точку зрения в письме в «Таймс» (выпуск 18 сентября 1914 г.).

** Крамской, Верещагин, Репин и др. Только несколько имен выбраны совершенно наугад. Конечно, ни описание картин, ни характеристика художников не может вызвать адекватного впечатления. Те, кто хочет иметь представление о русском изобразительном искусстве, должны съездить в Москву и посетить Третьяковскую галерею.

нование. Нация, развитие которой сдерживалось географическими условиями, может начать его позже, и все же результаты будут относительно лучше, чем у ее находящихся в более благоприятных условиях соседей. Чтение обличений русской отсталости вызывает удивление, когда вспоминаешь, что каких-нибудь пятьдесят лет назад Австрия и Пруссия жили при режиме, который едва ли можно считать более просвещенным, чем нынешнее правление в России. Итальянцы в Ломбардии и Венеции все еще хранят живые воспоминания об австрийских целях; что касается прусского милитаризма, то не нужно далеко ходить за примерами, достаточно вспомнить о «героизме» цабернского гарнизона, чтобы представить его суть⁴⁴⁷. Учитывая это, не приходится особенно удивляться тому, что восточный сосед Австрии и Пруссии в какой-то мере пошел по тому же пути.

Но общее направление эволюции России не вызывает сомнения. Западные исследователи ее истории вместо того, чтобы прилежно собирать дискредитирующие свидетельства, лучше бы обратили внимание на укрепление университетов, на упорные усилия земств, на независимость и усердие прессы. Немецким исследователям следовало бы прочесть яркое описание Герценом «идеалистов сороковых»*. А что скажете об истории освобождения крепостных или об обновлении судопроизводства? «Реформы шестидесятых»**⁴⁴⁸ — хорошо известное в России выражение, несомненно, они являются самым выдающимся успехом, из когда-либо достигнутых нацией в деле нравственного усовершенствования.

Заглядывая еще глубже, какое право имеют немцы говорить о своих идеалах как более высоких по сравнению с русскими? Они вы-

* *Идеалисты сороковых*. Они описаны Герценом в его «Былом и думах» в связи с интеллектуальной жизнью в Москве. И западники, такие как Грановский, Станкевич, Кетчер, сам Герцен, и славянофилы, такие как И. Киреевский и Хомяков, ярко охарактеризованы в этой блестящей автобиографии.

** *Реформы шестидесятых*. Они включают в себя великие реформы, проведенные с редким патриотизмом и пониманием в ранний период правления Александра II. Главными среди них были: освобождение крестьян (1861 г.), реорганизация судебной системы (1864 г.) и создание земского самоуправления (1864 г.). Помимо этого был проведен ряд других реформ: принятие университетского устава 1863 г. и закона о печати 1865 г., частичная отмена телесных наказаний в 1863 г. и т. п. Многие из этих реформ были извращены последующими изменениями, но течение прогресса нельзя было обратить вспять. В европейской истории нет более славных имен, чем имена Н. Милютина, Д. Милютина, князя Черкасского, Ю. Самарина, Унковского, Зарудного и их сотрудников.

смеивают суеверие *мужика*, как будто свечи и коленопреклонение являются главным в народной религии. Те, кто изучал русский народ без предвзятости, знают нечто большее. Прочтите трогательное описание Сельмы Лагерлеф⁴⁴⁹ русских паломников в Палестине*. Она, протестантка, поняла истинное значение религиозных мотивов, которые приводят этих бедных людей на Святую Землю и притягивают их к многочисленным церквям огромной страны. Эти простые люди продолжают верить, что в Божьем мире есть что-то еще помимо усердного труда и скупости; они тянутся к свету и находят в этом оправдание своей страстной мольбе о мире и сострадании. Поскольку русскому народу присуща христианская добродетель терпения и сострадания, постольку их жалость к бедным и угнетенным больше, чем случайное проявление личного чувства. Она глубоко коренится в национальной психологии. И над этим образом мышления глумятся как над свойственным рабам! Действительно, это случай, когда на всякого мудреца довольно простоты. Завоевателям следовало бы помнить, что величайшие победы в истории одерживались безоружными — христианскими проповедниками, которых императоры бросали [на растерзание] львам, «староверами» России, которые шли в Сибирь и в огонь за свою твердую веру, русскими крепостными, которые сохранили свое человеческое достоинство и общественную сплоченность вопреки произволу их хозяев, итальянцами, поляками, евреями, когда их попирали правители. Именно такую победу духа имел в виду Толстой, когда проповедовал свое Евангелие непротivления злу насилием; и я не думаю, что хоть один немец, вставший на тропу войны, настолько ослеплен, чтобы предположить, что послание Толстого шло от трусливой души. Ориентация так называемой «интеллигенции» в России — т. е. образованного среднего класса, который является более многочисленным и влиятельным, чем предполагают — конечно же, отличается. Она «западническая» в том смысле, что она пропитана современными европейскими политическими, экономическими и правовыми идеями. Она до некоторой степени утратила простую веру и религиозную страсть крестьянства. Но она верно сохранила основные понятия народных идеалов. Ее взгляд на мир и на собственные цели в нем отличается гуманностью. Книга, подобная книге генерала фон Бернгарди, была бы невозможна в России. Если бы кто-нибудь опубликовал ее, то она не только провалилась бы, но и принесла своему автору репу-

* Сельма Лагерлеф о русских паломниках. — «Jerusalem», vol. II, «On the Wings of the Dawn».

тацию провокатора. Конечно, и в России много проявлений бессердечия и жестокости, но ни один писатель, какое бы положение он ни занимал, не подумал бы построить теорию насилия в оправдание потребностей культуры. Действительно, можно сказать, что лидеры русского общественного мнения слишком миролюбивы, космополитичны и гуманны. Философ-мистик Владимир Соловьев^{*450} мечтал о соединении церквей при духовном главенстве папы и о демократии в русском смысле как широкой основе возрождения христианства. Достоевский, писатель наиболее чувствительный к требованиям национальности в России, определил в торжественной речи идеал русских как воплощение всечеловечности^{**}. Это крайности, но характерные крайности, указывающие на тенденцию национальной мысли. Россия столь обширна и столь сильна, что материальная мощь не привлекает ее мыслителей. Тем не менее нам не нужно уходить в пустыню или позволять связывать себя по рукам и ногам «цивилизованным» немцам. У России также есть меч — волшебный меч, тупой в неправом деле, достаточно острый для защиты правды и свободы. И эта война действительно наша *Befreiungskrieg*⁴⁵¹. Славяне должны получить свой шанс в мировой истории, и время их возмужания ознаменует новое направление в развитии цивилизации.

* *Владимир Соловьев*. Талантливый философ, сын известного историка С. М. Соловьева. Короткое время он был профессором в Москве.

** *Речь Достоевского*. Произнесена в 1880 г. по случаю торжественного открытия памятника Пушкину в этом городе.

РУССКАЯ ПРОБЛЕМА

Война, со всеми ее бедствиями и тяжестью утрат, имеет определенные черты искупления: она заставляет нас заглянуть вглубь, проверить оценки и отбросить предрассудки, обратиться к поиску адекватного объяснения поразительных событий. Именно с этой образовательной точки зрения я хотел бы подойти к моему предмету. Я не собираюсь вторгаться во владения стратегов и военных историков. Я не намерен касаться причин войны, обоснования русских усилий, любопытной истории дипломатических шагов, которые привели к столкновению. Все эти вопросы блестяще обсуждены компетентными специалистами. Я хочу рассмотреть цели и средства России. Предмет рассмотрения является важной проблемой для народов Европы, и многое будет зависеть от правильного ее решения. Но эта проблема является еще более неотложной и важной для самих русских.

Большим подспорьем в таком исследовании служит обзор исторических условий. История не является наукой, которая дает нам возможность предсказывать точно грядущие события, но большая разница, рассматриваем ли мы факты социальной жизни как обособленные происшествия или как звенья в цепи развития. В первом случае мы едва ли получим что-нибудь, что послужит нам руководством, кроме впечатлений и потребностей текущего дня. Во втором — мы сможем получить широкую перспективу и основу для разумных планов. Применительно к рассматриваемому случаю одно дело формулировать наблюдения о политике и культуре сегодняшней России, и другое — судить о русской политической и культурной эволюции в свете истории Европы и особенно Восточной Европы. Когда мы смотрим на абсолютизм, бюрократию или господствующие привычки военной аристократии в России с этой второй точки зрения, мы сразу же понимаем, что мы имеем дело не с особым порождением византийского рабства или московской жестокости, а с одной из характерных черт восточноевропейского развития, с выражением сил, которые действовали и продолжают действовать как в Пруссии, так и в Австрии.

Если исторические законы и могут быть вообще сформулированы, то один из наиболее бесспорных и очевидных среди них может быть

обобщен в наблюдении, что социальный прогресс начинается в странах с изрезанным морским побережьем и постепенно распространяется на более массивные континентальные объединения. В конечном счете эти объединения, расположенные в глубине континента, могут оказаться более плодотворными и богатыми для культуры, чем участки, которым принадлежала инициатива, но именно в речных дельтах, на полуостровах и на островах движение цивилизации берет начало. Греция и Италия, Франция и Англия были лидерами в Европе, когда берега Эльбы, Дуная, Вислы и Волги были дикими. Даже в новое время французы заимствовали многое у итальянцев, англичане — у французов, немцы — как у англичан, так и у французов, русские — у немцев. Неудивительно, что Петр Великий назвал свою новую столицу Петербург, а Фридрих Великий, хотя неоднократно разбивал французов на полях сражений, тем не менее признавал их превосходство в литературе и науке и писал по-французски с большим изяществом, чем по-немецки. Две наиболее известных декларации прусского искусства государственного управления в восемнадцатом столетии несли на себе отпечаток французской мысли. Монархии надлежит быть «*rocher de bronze*» — это основа прусской системы. Каждому надлежит искать спасения «*nach seiner facon*» — на свой лад. Таким же образом Россия училась у немецких администраторов и мыслителей.

Столкнувшись с проблемами колонизации и обороны, незащищенные морскими проливами, несклонные подчинить соображения безопасности требованиям индивидуальной свободы, три восточные государства пожертвовали многими элементами благополучия и прогресса в пользу дисциплины и военных навыков. Даже сейчас австрийский император может получить диктаторские полномочия на основе четырнадцатой статьи конституции⁴⁵². Его личная власть остается главным связующим звеном единства в этой разнородной империи. Император Франц Иосиф⁴⁵³ часто пользовался этой диктаторской властью для разрешения трудностей. Более того, совсем недавно представительное управление было приостановлено законами о защите государства в Богемии и Хорватии. Что касается Германии, то избирательное право в Пруссии искажено узким имущественным цензом, в то время как Мекленбург обладает незавидным отличием, оставаясь единственной страной в Европе, которая все еще придерживается сословной избирательной системы. Но даже застывший в своем росте конституционализм современной Пруссии и современной Австрии имеет весьма недавнее происхождение. Принцип, что в государственном управлении нельзя допускать «недостаточной разумности подданных», — немецкого происхождения. Он отступил

в Пруссии во время революции 1848 года, но с триумфом был восстановлен во время реакции пятидесятых годов и конфликта между прусским правительством и национальным представительством в шестидесятые. Германия обязана своим конституционным возрождением победоносной борьбе 1870 года⁴⁵⁴. В Австрии либеральные институты возникли в результате поражений: унижение военного абсолютизма в 1859 году нанесло первый удар политическому абсолютизму, а крах 1866 г. привел к установлению нынешней дуалистической монархии в ее конституционной форме⁴⁵⁵.

Нетрудно заметить аналогию между этими уступками абсолютизма в Пруссии и Австрии и эволюцией России. Покровитель Австрии и Пруссии Николай I, кажется, воплотил в жизнь концепцию гоббсовского Левиафана⁴⁵⁶, и он собственной судьбой показал лживость политического наваждения, требующего паралича всего живого в стране для того, чтобы Левиафан мог думать и действовать как один человек. Крымская война показала, насколько слабой является государственная машина, даже когда она состоит из лично храбрых людей. Предметный урок пришелся ко двору как правительству, так и обществу, силы политической мудрости, патриотической преданности, интеллектуального сосредоточения, которые тайно, но неуклонно собирались под железной системой николаевского режима, неожиданно заявили о себе; славное поколение шестидесятых проделало работу, непревзойденную ни в одной стране по широте взгляда и далеко идущим последствиям: освобождение крепостных, создание местного самоуправления, обновление судов, утверждение независимой прессы. Национальная реформа военной службы, переустройство университетов как самоуправляющихся образований, — все эти и многие менее значительные реформы были осуществлены в это время.

К несчастью, изменения такой важности похожи на естественный процесс, в котором окончательному урегулированию предшествует борьба элементарных сил. Хорошо известно, как реформаторское движение было остановлено расколом между прогрессивными партиями, которые боролись за парламентское управление, и консерваторами, которые спланировали вокруг принципа самодержавия. Террористические покушения, которые достигли кульминации в убийстве Александра II, породили долгую реакцию в период правления Александра III и политику противоречий после его смерти. Похоже, страна должна была пройти через еще одно испытание в японской войне, и недостатки самодержавия вновь совершенно явственно проявились в неэффективности армии и недостатке общественного духа в народе. Затем наступило время схожее с революцией

1848 года в Центральной Европе. Постоянно завоевывались важные позиции: создание народного представительства, декларация гражданских прав, усиление свободы прессы. Аналогия между Россией 1906 года и Германией 1848 года поразительна даже в деталях: когда читаешь речи в I Государственной думе, невольно вспоминаются дебаты Франкфуртского парламента⁴⁵⁷.

И сейчас, после восьми лет мрачной реакции, мы вновь стоим на распутье. Война народов, в которой приносятся в жертву тысячи лучших сынов России, объединила всех в главной обязанности самообороны, и более того, она заставила людей не только отложить их распри, но пересмотреть свои взгляды, подумать над проблемой переустройства, которая видится вдали и за которую придется взяться всерьез, когда пройдут дни маршей и сражений. Великие слова прозвучали с высоты трона в обращении к единой России⁴⁵⁸, и на это обращение единодушно и тепло отозвались все партии и национальности. Именно единая, а не разобщенная Россия должна решать проблему переустройства. Должны быть приложены усилия для того, чтобы подойти к ней в свете как прошлого опыта, так и будущих целей, без доктринерства и эгоизма, в том же благородном духе патриотического долга, который придает такую удивительную силу русским армиям на поле брани. То, чего мы хотим в России, не азартная игра в революцию с ее фантастическими обещаниями и ужасной действительностью. Мы хотим основательных органических реформ, наподобие движения шестидесятых годов, но в большем объеме. Ситуация была бы благоприятной для государственного деятеля калибра Бисмарка. Великий немецкий канцлер, хотя и прусский юнкер по рождению и консерватор по убеждениям, проявил силу духа, чтобы составить демократическую конституцию Германской империи. Императорскому правительству в России следовало бы понять, что неоспоримое руководство народом в этой войне налагает моральные обязательства плодотворных и дальновидных политических действий. Популярность, приобретенную победами, нельзя растратить по мелочам или в апатии усталости. Возможность, подобная сегодняшней, не предоставляется дважды. Было бы страшно подумать, что она будет упущена и что темные волны недовольства и отчаяния вновь непрестанно и разрушительно нахлынут на основания русских исторических институтов.

В любом случае русская политическая эволюция происходит параллельно эволюции западных соседей России: от личного правления к конституционализму. Попытка проследить противоположность между Россией и двумя соседними государствами в целом обманчива.

Позвольте теперь обратиться к рассмотрению тех активов, которыми могут располагать реформаторски настроенные государственные деятели: косвенно такое исследование будет предполагать некоторые цели прогрессивной эволюции.

Первый и наиболее значимый актив — крестьянская демократия. Население империи составляет сейчас 170 миллионов человек, из них более 80%, т. е. около 140 млн человек, — крестьяне, мелкие землевладельцы, частично повысившие свое положение до того, которое называется по-английски *yeomanry*. Таково положение казаков, например. Они заслуживают особого внимания. В одном из своих ярких писем в «Таймс» Стивен Грегем⁴⁵⁹ говорит о бесконечном потоке русских войск, проходивших через Москву во время мобилизации, «великолепное крестьянство» — назвал он их; и сэр Айян Гамильтон⁴⁶⁰, когда писал из японской ставки во время войны 1904 года, не мог сдержать восхищения, даже в этой неудачной кампании, качествами русских рядовых, которые он справедливо приписал их крестьянскому происхождению и комплектованию. «Великолепное крестьянство» сейчас не только военная сила. Все политические партии в Англии пытаются возродить мелкое землевладение, которое было уничтожено ходом экономической эволюции. Можно ли сделать это сегодня — большой вопрос, но все мы чувствуем, что промышленное развитие, хотя и плодотворное в некоторых отношениях, хотя и необходимое с экономической точки зрения, чревато опасностью с социальной точки зрения. Оно разрывает связь народа с землей и чрезмерно подчиняет людей показному направлению городской жизни.

России повезло в том, что она обладает 140 миллионами скромных, трудолюбивых земледельцев. Даже в тяжелые времена крепостничества крестьянству удалось сохранить личное достоинство и несокрушимую верность религиозным и политическим убеждениям. Сельская община была надежной защитой в эти дни: вопреки многочисленным проявлениям жестокости и произвольных поборов со стороны помещиков, она помогала сохранять сплоченность между крестьянами и нормы сельского обычая. Общину, *мир*, можно было бы описать как необходимую оборонительную организацию народа.

Но она оказалась путями для *наступательных* целей, т. е. для предпринимательства и прогресса, и она постепенно отступила перед индивидуалистическим движением, начавшимся с освобождения 1861 года и усиленным недавними законодательными мерами. Несмотря на многие недостатки законодательства и политики в этом отношении, одно кажется ясным: этот рост частного землевладения дал сильный импульс энергии и развитию. И что еще более замечательно, привычка

действовать сообща, достигая согласия и договоренности о совместных усилиях, привычка, приобретенная в связи с устройством *мира*, не исчезла сегодня, когда сельская община уступает место договорным отношениям. Везде непроизвольно и в изобилии возникают кооперативы. Недавно британские поместья и сельскохозяйственные выставки посетили неожиданные гости — земледельцы из Сибири, члены широко распространившего свою деятельность и влиятельного кооперативного союза. То же можно сказать о рабочих и деревенских работниках — они естественно образуют тесно связанные кооперативные группы — так называемые *артели*. Эти огромные крестьянские массы смогут позаботиться о себе, и целью реформаторского законодательства в отношении к ним должно быть устранение полицейского вмешательства и предоставление свободного развития их жизни.

Один институт, порожденный реакцией времен Александра III, — опека земских начальников — помещиков, обладающих полицейской властью и отправляющих правосудие, должен исчезнуть как можно быстрее, и первые шаги в этом направлении уже были сделаны III Государственной думой.

С другой стороны, требуется заполнить прискорбную брешь в отношении попечения о бедных. Несмотря на определенные благотворные последствия, мобилизация земельной собственности привела к возникновению огромного числа нищих. Слабые и недальновидные сельские жители утрачивают поддержку общинной организации и свои земельные наделы; быстро растет сельский пролетариат, а за проблему социальной помощи еще серьезно не взялись. Русские законодатели должны серьезно отнестись к примеру Англии, где первый шаг в истории законодательства о бедных, закон 1603 года, был сделан вскоре после разложения древней основанной на обычае общины копигольдеров. Старая система перекладывания всей заботы о бедных главным образом на деревни не приносила успеха даже в прежние времена. Нищенство всегда было одной из открытых язв в России, отчасти, несомненно, из-за народной склонности к личной милостыни, побуждаемой религиозными порывами. Эти экономически неверно направленные усилия также недостаточны, чтобы справиться с этим злом сейчас. Всеобъемлющий закон о бедных является, несомненно, одной из потребностей нынешней ситуации. Конечно, следует также указать на развитие кредита, чтобы помочь сельскому хозяйству и промышленности, как и на систематические меры помощи при переселении, и важные начинания уже предприняты в этих направлениях.

Помимо всех этих экономических и технических улучшений есть еще одна потребность, которая возвышается над всеми остальными —

потребность в народном образовании. Если бы русские крестьяне оставались неграмотными, то они едва ли смогли бы рассчитывать на больший вес в балансе культурных сил, чем индийские земледельцы или египетские феллахи. Истинность этого сейчас полностью признается в России, и в этом отношении можно заметить постоянный и быстрый прогресс. Обеспечение начальных школ с шестидесятих годов стало главной задачей уездных и губернских управ и городских дум.

Указания в этом направлении давались во всякое время испытаний и несчастий. Например, годы голода и холеры (1891–1893) дали сильный толчок к энергичным действиям, так как было признано, что лучшими средствами, защищающими от болезни и позволяющими противодействовать неурожаю, являются разумное хозяйство и определенный уровень образования. Даже во время реакции после революционного взрыва 1905-го и 1906 годов это положение не оспаривалось и бюрократические министерства Столыпина, Коковцова⁴⁶¹ и Горемыкина вынуждены были считаться с общественным мнением по данному вопросу. Однако честь отпора потоку неграмотности принадлежит главным образом учреждениям самоуправления в губерниях и городах. Чтобы дать реальное представление об усилиях, связанных с данным движением, позвольте мне заметить, что в 1877 году было 10 000 местных школ, а в 1911 году — 28 000; земства (губернские управы) выделили 9 млн рублей (т. е. не менее 1 000 000 ф. ст.) на земские школы в 1895 году и 73 000 000 рублей (более 7 000 000 ф. ст.) в 1912 году, последняя сумма составляет около 30 процентов их общего бюджета. Наступает время, когда все дети в России будут получать трехлетнее начальное образование.

В более развитых центрах, таких как столицы, всеобщее образование уже достигнуто. Я могу привести кратко как пример тот способ, каким мы решали задачу в Москве четырнадцать лет назад, когда я сам был вовлечен в работу училищной комиссии этого города. Мы предложили расширенную схему создания классов для того, чтобы удовлетворить потребности всех детей, достигших школьного возраста, которых их родители пожелали бы отправить в школу. Мы не могли сделать посещение обязательным по закону, но фактически все, за незначительным исключением, семьи города, население которого в это время насчитывало около 1 000 000 человек, могли послать своих мальчиков и девочек в городские школы. Так образование стало всеобщим, не будучи принудительным. Курс обучения составлял три года, но постепенно он расширился до четырех; также быстро росли и средние школы всех видов.

Определенная схема была выработана и поддержана Думой в общенациональном масштабе. В соответствии с ней в течение восьми-десяти лет будет создана и начнет свою работу сеть школ, достаточная для того, чтобы охватить все население школьного возраста в сельских областях Империи. Это будет сделано, конечно же, при помощи щедрых ассигнований из казны, но не лишним будет еще раз напомнить, что пионерами начального образования в России выступили земские управы.

Вторым общим выводом из нашего обзора должен стать тот, что будущее России зависит от мирного по своей сути процесса демократического просвещения и экономического совершенствования. Это еще один основополагающий актив в жизни современной России. В приливах и отливах политической борьбы люди иногда склонны не замечать великую преемственность линий, которыми отмечены тенденции развития и укрепления прогресса. Мы уже видели, какую широкую демократическую основу обеспечивает сельское население империи и как все ответвления деятельности должны быть связаны тем или иным образом с могучим стволом страны — русским крестьянством. Средним классам также есть что показать в своей истории, что очень сильно отличается от предполагаемого раболопия российских политических обычаев.

В 1864 году государство было вынуждено признать, что дела нации не могут удовлетворительно направляться приказами из центра, что нужно что-то большее, чем деятельный глава кабинета министров и губернаторы с предоставленной на их усмотрение властью. Законодательно были созданы земства — губернские и уездные управы — для того, чтобы заботиться о местных делах: о дорогах, о санитарной работе, о школах, о госпиталях и амбулаториях, о ветеринарной инспекции, о сельском кредите и агрономических усовершенствованиях. Эта огромная область была передана в ведение не без опасений и ограничений — бдительный надзор полицейских чиновников, губернаторов, министерства внутренних дел распространился на всю сферу самоуправления земств и городов.

Другое противоядие слишком либеральной политике вновь созданных управ было обеспечено их составом. Закон 1864 года и еще в большей мере закон 1890 года, изданный при реакционном влиянии правления Александра III, обеспечили привилегированное положение в земствах помещикам или *noblesse*⁴⁶². Этого добились благодаря сложной системе избирательных курий и ограниченному избирательному праву. Едва ли следует рассматривать эти меры

детально. Они объясняются исторически тем фактом, что столетия помещики пополняли служилый и военный класс, который помог создать обширную империю и управлять ею. Однако на данной стадии классовое законодательство такого рода оказалось вредным и было обречено на неудачу; дворянство быстро теряет землю в результате освобождения крепостных; поместье за поместьем переходят в руки деловых людей или преуспевающего крестьянства.

Привилегированное положение в земском самоуправлении естественно ведет к злоупотреблению им и коррупции, но вопреки всем этим ограничениям, институт пустил прочные корни и расцвел. История движения к лучшей санитарии, более многочисленным и лучшим школам, техническим усовершенствованиям всякого рода — это история изнурительной и длительной борьбы между растущими силами общественного мнения и упорным сопротивлением старого порядка. Арьергардные бои последнего часто принимали характер отчаянных контратак, но движение самоуправления как стихийная сила продолжало оказывать давление на него. Со всеми его недостатками и несовершенством земское движение было и остается одной из наиболее удивительных иллюстраций воздействия ведущих идей на массы, а также склонности русских к общественной работе. Временами, в дни великих народных бед, в годы неурожая или эпидемий, течение выходило из берегов, органы по борьбе с ними заручались поддержкой бесчисленных утомимых и бесстрашных работников из всех классов общества.

Такие движения не нравились иерархически устроенной бюрократии, но их нельзя не допустить или игнорировать. Будущее — за признанием постоянного участия народа в целом, всех его классов, в общественной работе. Одной из первых мер, которые необходимо принять в этом направлении, является создание того, что по-русски называется мелкая земская единица, волостного земства, объединяющего представителей всех классов в самоуправляющийся район. При нынешней системе крестьяне, хотя и освобожденные, образуют свои собственные сельские объединения, в то время как другие жители — мелкие землевладельцы, торговцы, ремесленники, приказчики, представители свободных профессий — организованы только в губернии и уезде, но не организованы совсем для самоуправления. Когда такое ненормальное положение будет исправлено, будет создано прочное основание для расширения земской избирательной системы с присущими ей обязанностями и правами. В городах недостатки классовых привилегий чувствуются меньше, но расширение избирательного права также остро необходимо.

Одно из последствий такого расширения может оказаться неожиданным: я думаю, что оно усилит разумный консерватизм. Неорганизованное третье сословие России, неопределенный класс, называемый «интеллигенты», возглавляемый представителями свободных профессий — юристами, врачами, статистиками, инженерами и учителями, — является в настоящее время очень революционным и склонным предаваться непрактичным умозрительным построениям, потому что он не принимает участия в каждодневном устройстве общественных дел. Его представители часто имеют основательный опыт в определенной области общественной работы, например, в медицинской помощи бедным, но они вынуждены действовать как подчиненные служащие по приказу помещиков и богатых купцов, которые контролируют губернские управы и городские думы. Такое положение, естественно, вызывает чувство горечи и огульную критику. Чем больше участие каждого гражданина в общественных делах, тем с большей готовностью он признает ограничения и одолевает трудности на практике. Одно ясно, каналы для полного самоуправления существуют в России. Необходимо только расширить их и создать из них систему.

Что следует сказать собственно о центральном правительстве? Это часть строения, которая наиболее заметна для взглядов иностранцев и которая, несомненно, оказывает огромное влияние на определение общего курса политической жизни. Здесь, более чем где-либо еще, невозможно выражать нечто большее, чем личное мнение, обусловленное партийной точкой зрения, но даже такие личные мнения заслуживают пристального рассмотрения. Начнем с того, что кажется ясным: было бы фатальной ошибкой потакать антимонархической, антидинастической агитации. Крайне левые, возможно, до какой-то степени связаны своим революционным прошлым. Однако хочется надеяться, что большинство даже радикально настроенных поймет, что после славной войны, в которой народ безусловно сплотился вокруг своего исторического лидера, было бы ошибкой оспаривать авторитет этого лидера. Даже помимо особых условий данного момента, Россия нуждается в сильной центральной власти, наделенной неоспоримым суверенитетом, укрепленным всей силой народного представительства. Но именно потому, что царь, несомненно, обладает такой властью, ее обладатель не должен прибегать к мелким уловкам или потакать кому-либо в партийной борьбе, или вникать во все детали законодательства и администрации. Компетенция императора России не может быть определена границами классического парламентского управления. Принцип «*le roi règne, mais ne gouverne pas*»⁴⁶³ не применим к нему в его общем смысле.

Но не более приемлемым в его случае был бы и принцип: «l' état c'est moi»⁴⁶⁴.

Суверен, отправляющий высшую распорядительную власть в империи, может позволить себе следить за тем, чтобы народное представительство в его государстве не становилось бы фарсом и чтобы его министры не действовали как визири восточного деспота. Кабинет министров и правление парламентского большинства, возможно, все еще являются далеким будущим России, но реформа Думы, которая покончит с рожденным австрийцами жонглированием избирательными куриями и ограничительным избирательным правом, является первым шагом, который нельзя больше откладывать. Нет нужды вводить всеобщее избирательное право согласно известной четыреххвостой формуле — всеобщее, равное, тайное и прямое. Пусть, пожалуй, избирательное право будет предоставлено владельцам квартир или домов или выборы будут двухстепенными, но избирательная система должна быть простой и способствовать выражению подлинного общественного мнения.

Необходимым дополнением к реформе Думы должна стать реформа российской палаты лордов — Государственного совета. В его нынешнем положении он является помехой любому прогрессивному законодательству. Даже законы, прошедшие благодаря искусному манипулированию нынешней Думой, застревают в Государственном совете. Замечательным примером является мера, предоставляющая самоуправление польским губерниям. Она была окружена всеми видами гарантий против возможных злоупотреблений поляков, но она содержала одну важную и жизненную уступку — позволяла полякам использовать их собственный язык для дебатов в губернских и городских органах. Государственный совет вычеркнул этот пункт. Характерно, что закон был вновь внесен правительством с вызвавшей возражение статьей — по срочному указанию императора. Чтобы вторая палата сохранилась и играла полезную роль в российской политической жизни, она должна быть полностью реконструирована. Вместо большинства, состоящего из престарелых бюрократов с вкраплением выборных элементов, она должна основываться на представительстве общественных органов и интересов — губернских управ, ведущих профессиональных и экономических организаций.

Опять же, даже если едва ли можно говорить о формировании министерств из представителей ведущих партий, поскольку министры остаются должностными лицами, выбираемыми и направляемыми царем, то их следует, по крайней мере, выбирать так, чтобы не бросать вызов ясно выраженному общественному мнению. Несомненно,

едва ли мудро назначать и держать на должности людей, которые неоднократно обвинялись собраниями, созданными для того, чтобы угождать правительству. Следует положить конец пагубному разногласию мнений и политики, которое является едва ли неизменной чертой российской политической жизни: оно не является признаком здоровья.

Более трудная проблема возникает в связи с громоздкой бюрократической организацией гражданской службы. Несомненно, традиции бюрократии далеко не многообещающи, и все же нельзя ни отказаться от сложного механизма центрального контроля, ни изменить ее дух и привычки сразу. Однако проблема постепенного оздоровления разрешима, если твердо заявить и провести в жизнь лозунг законности и уважения к личной свободе. В новой истории России есть замечательный пример очень быстрого усовершенствования в родственной области, а именно в области правосудия. Суды отличались коррумпированностью и крюкотворством в старое время, и все же великие законы 1864 года оказались удивительно действенными для введения новых принципов и новых методов. Подобный курс должен быть проведен относительно гражданской службы; и будем надеяться, что университеты успешно вольют новую кровь в административный персонал, как они уже сделали это в случае с судопроизводством.

Одну идею нельзя упускать все время из виду. Важны не столько технические изменения, хотя и о них необходимо будет помнить; наиболее важным положением является замена власти произвола господством права и свободы. Устойчивый Habeas Corpus Act, реальное осуществление различных свобод, которые для европейцев столь же необходимы как воздух, — свобода мысли, свобода речи, свобода организаций, свобода собраний, равенство перед законом — это то, что больше всего необходимо в России. Эти свободы в принципе признаются, но их реализация задерживается. 17 октября 1914 года было дано торжественное обещание полностью провести в жизнь и гарантировать эти принципы, но страна все еще ждет выполнения этого обещания. И здесь, конечно же, на первый план выступает еврейский вопрос. Расовая неприязнь и тот факт, что еврейскому характеру присущи как специфические недостатки, так и специфические достоинства, не дают права рассматривать наших соотечественников-евреев как равных в отношении обязанностей и изгоев в отношении прав. Такая аномалия существовала в большей или меньшей мере везде в Европе, и везде она ушла в прошлое, также должно быть и в России. И чем дольше будет откладываться день освобождения, тем труднее будет достичь окончательного урегулирования.

Однако я не хочу подробно обсуждать детали проблем: моей задачей было представить то, что должно быть условием решения одной, но главной проблемы — условием вступления России в зрелый возраст общественной жизни. Я не собирался предсказывать шаги и обстоятельства, при которых осуществляются преобразования: детали будут зависеть от многих случайностей, которые никто не может предвидеть, и непохоже, что стены Иерихона падут от одного звука труб. Но, отстраняясь от деталей, я твердо уверен, что преобразования приближаются, и я надеюсь, что они могут быть осуществлены на путях, обрисованных мной. Я уверен в одном — народ России, особенно образованный класс, интеллигенция, возродится в атмосфере великого преобразовательного движения и сможет еще удивить человечество во время мира и войны. Образованному русскому человеку, о котором я могу говорить с определенным знанием, могут быть присущи многие недостатки — он может быть импульсивным, недостаточно дисциплинированным, неопытным в политике; но ему присуще одно качество, которое спасет его и его страну. Он страстно желает служить идее и принести свою личность в жертву общему делу. Он по природе своей крестоносец. Давайте пожелаем ему успеха в его крестовом походе⁴⁶⁵.

АНГЛИЯ И РОССИЯ

1

Даже во время политического соперничества между Англией и Россией среди русского общества было немало почитателей английской культуры и правового строя. К числу таких почитателей принадлежал всегда и пишущий эти строки. Теперь на нашей улице праздник. Обе страны действуют вместе против общего врага, и оба народа чувствуют, что только самая дружная и самоотверженная работа может привести начатое дело к благополучному концу.

Я прибыл из Англии недель пять тому назад, и перед отъездом мне пришлось читать лекции по приглашению различных учреждений и отвечать на бесчисленные письма с запросами о России, ее планах, ее вероятном будущем. В общем, отношение к русским не оставляло желать ничего лучшего. Высказывалась самая горячая симпатия и пожелания дальнейшего развития хороших установившихся отношений. Были, конечно, и диссонирующие нотки, но, повторяю, общий тон был, несомненно, в высшей степени благоприятным. В свете этих явлений не лишнее вспомнить о недавнем прошлом, когда дело обстояло совершенно иначе.

Я поселился в Англии на постоянное жительство лет 13 тому назад — в тяжелое время японской войны. Всем известно, что англичане в то время смотрели на борьбу Японии против России почти как на свое собственное дело; хотя формально они оставались нейтральными, но вся атмосфера была насыщена раздражающими и печальными известиями.

Никогда не забуду дня, когда мне пришлось читать лекцию под свежим впечатлением телеграммы о расстреле гульских рыбацких лодок эскадрой Рождественского⁴⁶⁶. Студенты сидели сумрачные, и казалось, что не придется больше возвращаться в эту аудиторию. Мудрость тогдашних руководителей английской политики и финансового мира предотвратила эту катастрофу.

Надо, впрочем, заметить, что даже в это тяжелое время английское университетское общество, в котором я жил, сохранило и обнаружило джентльменскую благовоспитанность. Я могу сосчитать случаи, когда мне, русскому, пришлось выслушать колкости по поводу хода военных событий. Таких случаев было всего три за все время

войны. А с другой стороны, многие из моих друзей и даже простых знакомых проявили величайшую деликатность и внимательность с целью несколько облегчить наше положение. Вспоминаю теперь об этом потому, что и в настоящий момент необходимо разобраться в истинных причинах долгой распри и образовавшихся между народами неприязненных чувств. Это может предотвратить многие разочарования в будущем.

2

Источников английского недоверия и враждебности собственно два. Во-первых, борьба против предполагаемого стремления России к гегемонии в Азии и Юго-Восточной Европе, во-вторых, глубокий контраст между современной Англией и Россией старого порядка. История первого из этих течений достаточно известна; оно резко выразилось в Крымской войне, которая велась против императора Николая I, как продолжателя идей Священного союза. Оно вновь сказалось в известном «почетном мире», которым Дизраэли⁴⁶⁷ и Андраши⁴⁶⁸ наградили Юго-Восточную Европу и Азию, чем, как теперь ясно, подготовили бедствия Македонии и Армении, балканские войны 1912 и 1913 гг. и современное побоище народов. Ложность этого курса мало-помалу становилась ясной для самих англичан: если он был уместен до некоторой степени в применении к николаевской России, то совершенно потерял смысл после появления на европейскую арену того *tertius gaudens*⁴⁶⁹, который пожал главные плоды Берлинского конгресса⁴⁷⁰.

После 1871 г. распря между Англией и Россией стала анахронизмом, и нельзя забывать, что само легкомысленное предприятие России на Дальнем Востоке получило одобрение в Берлине, если верить рассказу о телеграмме, посланной «адмиралом Атлантики» «адмиралу Тихого океана»⁴⁷¹.

Как бы то ни было, наиболее дальновидные из государственных людей Англии стали постепенно привыкать к мысли о новой ориентации. Из достоверного источника мне известно, что блестящий защитник Карса, генерал Уильямс⁴⁷², часто говаривал: «Будьте уверены, что Россия утвердится в Константинополе: для России сто лет — все равно что один день». Замечание лорда Сольсбэри⁴⁷³, что Англия делала ставку не на ту лошадь, на какую следовало, стало историческим достоянием. Один из самых талантливых вице-королей Индии, лорд Дефферин⁴⁷⁴, оставивший по себе такую прекрасную память в Петрограде, всегда стоял за сближение между Англией и Россией и был уверен, что фантазии о походе русских в Индию не могут иметь зна-

чения в реальной политике. И вот теперь, благодаря инициативе ныне царствующего императора и покойного короля Эдуарда⁴⁷⁵, это сближение состоялось. Для того, чтобы оно было не случайной комбинацией, которая может разлететься при первом затруднении, для того, чтобы новая сдача карт в дипломатической игре не перетасовала этих отношений, необходимо прежде всего выяснить условия второго из указанных выше течений.

То обстоятельство, что между государственными учреждениями и общественной жизнью Англии и России существует глубокая разница, само по себе совершенно естественно. Иначе и быть не может, и далеко не всегда страны, находящиеся в аналогичных условиях существования, действуют согласно. Сходство политического строя не помешало Болгарии и Сербии возненавидеть друг друга, а разница между республиканскими учреждениями Франции и русским монархизмом не помешала России и Франции вступить в невольный союз. Но для того, чтобы союз оказался прочным и пережил бы данную конъюнктуру, необходимо *взаимное понимание*. Между тем многие явления русского недавнего прошлого для западных людей непонятны.

Мне припоминается такой факт. Когда я был в 1907 году в Америке, почтенный президент Гарвардского университета Элиот⁴⁷⁶ расспрашивал меня о причинах студенческих волнений в России. Я старался как мог объяснить ему положение русской учащейся молодежи и ее выступления в политической области. Выслушав меня, он покачал головой и сказал: «Я все-таки не понимаю, как подростки (boys) могут вмешиваться в политику». Подобные же недоумения возникали повсюду.

Террор и реакция, погромы, экспроприации, провокации, — все эти особенности политических движений недавнего прошлого в России оставались для англичан разрозненными сенсационными фактами, дающими пищу для мелодрам, дешевых повестей и политических декламаций. Верх недоумения был достигнут, когда во время японской войны русское образованное общество как будто отшатнулось от своей армии. Даже умеренные англичане рассуждали так: «Дело, должно быть, действительно плохо, если Цусима и Мукден могут служить целям политической агитации».

Попытка возрождения 1906 г. тоже не привела к радикальному изменению взглядов, потому что, как излишне напоминать, «свободы» вскоре были подвергнуты известным ограничениям.

И опять-таки любопытно, что на этом сером фоне все-таки стали обозначаться светлые линии. Нечего и говорить, какую огромную услугу оказала в этом отношении русская литература. Тургенев, Толстой, Достоевский один за другим становились известными западно-

му обществу, и все живые люди литературных кругов Англии признают, что ни одна европейская литература за последние годы не внесла в духовный мир Великобритании такого количества новых идей и новых стремлений, как литература русская. Удивительные гастролы русской оперы и балета в Лондоне приподняли несколько завесу и относительно искусства. Но все эти явления оставались разрозненными и достигли силы исторического потока лишь под влиянием войны.

Первые дни этой войны в английской провинции останутся мне всегда памятными. Австрийский ультиматум Сербии упал, как бомба, среди общества, до тех пор всецело занятого ирландскими распрями и ожиданиями новых выборов.

Радикальная партия под влиянием давно накопившейся враждебности к русским репрессиям, а также из страха милитаризма всеми силами противилась участию Англии в войне. 3-е и 4-е августа нов[ого] стиля были критическими днями и для русских, живших в Англии. Живо представлялась картина событий, которые получатся, если Англия сохранит нейтралитет: разгуливание немецких судов по всем морям, внезапные высадки на всех возможных берегах, прекращение подвоза снарядов и припасов и т.д. Не было ни малейшего сомнения, что наступит и очередь Англии, когда удастся разбить Россию и Францию. Приходилось сожалеть о близорукости общества, готового отстраниться от неизбежной, как нам представлялось, борьбы. Но во всем этом было мало утешения. Помогли разрубить гордиев узел немцы.

Своим безумным вторжением в Бельгию они разъяснили всем и каждому направление своей агрессивной политики. Великобритания еще кое-как мирилась с тем обстоятельством, что вместо господства на морях ее флот был осужден на постоянное сосредоточение в Северном море, но предоставить «антверпенский пистолет»⁴⁷⁷ Германии она не могла без боя.

3

Как бы то ни было, наступательный и оборонительный союз состоялся. Вначале англичане осаждали вопросами, обнаруживавшими их тревожное настроение: реорганизована ли в достаточной степени русская армия, снабжена ли она снарядами, сапогами и т.д., улучшился ли ее командный состав? Как отнесутся недовольные общественные группы и национальности русского общества к этой войне?

На многие из этих вопросов никто не в силах был отвечать заранее, но на последний вопрос можно было отвечать с полной уверенностью: война с Германией и Австрией — война народная, а не даль-

невосточное приключение; общество сомкнет ряды вокруг вождей и проявит старую доблесть, которая не один раз спасала Россию в тяжелые годы.

И вот когда начали приходить известия о безыменных подвигах русских полков и военачальников, восторгу не было конца. Слагались целые легенды, вроде известного повествования о высадке 70 тысяч русских на севере Шотландии в помощь западным союзникам. Для будущих историков возникновение и упорная жизненность этой легенды будет представлять не малый методологический интерес⁴⁷⁸.

Надо заметить, что возникла она как раз в то время, когда английское общество было потрясено вестями о героической обороне британских корпусов при отступлении от Монса к Марне. Как известно, эти войска, собственно, спасли положение, причем потеряли едва ли менее половины своего состава, так что мысль о русских сплелась в эти дни с самыми жгучими чувствами, надеждами и опасениями. Притом помощь русских сказалась и не в одной легендарной форме, а в нападении на Восточную Пруссию, сделавшем свое стратегическое дело.

С тех пор пришлось привыкнуть к мысли, что Берлин и Силезия не так открыты для русского нашествия, как полагали многие и в обществе, и среди специалистов.

Но, несмотря на все отдельные превратности, уважение к русской армии и к русскому народу возросло и укрепилось! «Мертвая хватка» в Польше, разгром австрийцев, блестящие победы немногочисленной кавказской армии над турками — все эти факты вновь и вновь подчеркивают наличность огромной силы, и в образованном обществе особенно жива теперь потребность выяснить корни этой силы, разгадать загадку русского сфинкса, обманувшего ожидания друзей в японской войне и врагов — в германской.

Отдельные указания слышатся из самой английской среды. Стивен Грегем рассказывал о потоке великолепной крестьянской армии, проходившей на его глазах из Сибири до Немана. Один из блестящих генералов великобританской армии, сэр Айян Гамильтон, наблюдая русских солдат из японской главной квартиры в 1904 г., подчеркнул в своих записках великолепные качества русского солдата — из крестьян. Но все это — только отдельные черточки, и желательно более всестороннее ознакомление, притом преимущественно в сторону общественной работы, которая идет за фронтом армии и безостановочно поддерживает последнюю.

Надо признаться, что то, что приходится наблюдать в настоящее время в России в работе общеземского союза, общегородского союза, московского городского самоуправления и других организаций, по-

ражает не одних англичан, но и русских, не выдавших Россию в последние месяцы. Огромность, деловитость, упорство и свободный размах этой работы показывают, что, несмотря на все неудовольствия и жалобы, русское общество сильно выросло и, несомненно, справится с выпавшим на его долю историческим испытанием.

Именно в направлении ознакомления западных людей с настоящей Россией и приближения России на всех путях к идеалам гражданственности и права, давно укоренившегося в Великобритании, и лежит залог всех дальнейших успехов — и дипломатических, и военных. Если бы по окончании страшного кровопролития, на которое теперь обречена Европа, союзники опять бы разошлись и побежденным, отрезвившимся от своего нелепого высокомерия, удалось рассорить теперешних товарищей, то получилось бы положение совершенно невыносимое: вместо одного милитаризма начали бы создаваться коалиции против другого, и на едва очистившемся горизонте опять нависли бы тучи новых возможных конфликтов: «*Absit omen!*»⁴⁷⁹

Реальных оснований для этого нет. Англия привыкает к мысли о необходимости для России выхода в Средиземное море через проливы и Константинополь. Англия не будет возражать против охранительного влияния России на южных и западных славян. Но Англия, конечно, так же, как и другие западные государства, не примирится с гегемонией русского милитаризма, точно так же, как она не примирилась с гегемониями Людовика XIV⁴⁸⁰, Наполеона, Николая I и Вильгельма II. В этом обиды для нас нет, потому что русскому обществу нужна не военная гегемония, а внутреннее возрождение.

Союз же Англии с Россией, основанный на взаимном уважении, мог бы сделаться краеугольным камнем для защиты мира и права.

АНГЛИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ВОЙНА

I

В спорах о значении так называемого естественного права противники последнего часто настаивают на его бесплотности, на отсутствии в нем признака практической применимости. По выражению одного юриста, естественное право есть правоведение, висящее в воздухе. Такого рода возражения нетрудно опровергнуть ссылкой на тесное взаимодействие между теорией и практикой, между отвлеченными началами и их практическими последствиями. Не только в области инфекционных болезней, но и в духовной жизни, то, что носится в воздухе, становится при известных условиях реальным фактом, действующею нормою. Эти соображения невольно приходят в голову, если присмотреться к работе политической мысли, предшествовавшей и сопровождающей настоящую войну. Этой работой намечаются определенные направления, как бы пути, по которым могут двигаться и будут двигаться сталкивающиеся силы. Подсчет результатов зависит, конечно, от множества факторов, которые посчитать заранее весьма трудно. Но не лишено важности самое выяснение путей и направления, подобно тому, как в стратегии вопрос о путях сообщения и узловых пунктах является одним из самых существенных.

Поразительной иллюстрацией к этому взгляду может служить внимание, с которым повсюду в мире изучаются в настоящее время творения Генриха фон Трейчке⁴⁸¹ и генерала Бернгарди. Всем ясно, что на страницах этих писателей в сжатой и эффектной форме высказались основные пожелания и соображения германской нации по вопросу о ее исторических целях, о войне как средстве осуществления этих целей. Книга Бернгарди о «будущей войне» приобрела в этом отношении особенно завидную популярность. Она вступила в конкуренцию даже с сенсационными повестями и с журналистическими дневниками происшествий. Люди, которые давно перестали брать в руки «скучные» произведения серьезной литературы, покупают и читают эту книгу.

Английская общественная мысль не кристаллизировалась по отношению к войне в таких простых и определенных формах. Хотя государство объединило по необходимости свою политику и предприняло ряд строго координированных действий, общество идет врозь,

хотя и не вразброд. Политические направления, из которых в сумме составляется общественное мнение Великобритании, не составляют «оркестра, следящего за взмахом палочки правительственного капельмейстера». У каждой группы — свои традиции, свои излюбленные мотивы, свои цели. В настоящую минуту можно сказать до некоторой степени про эти группы, как было сказано про немецкие армии перед Садовой, что они двигаются раздельно, а сражаются вместе (*getrennt marschieren, verennt schlagen*). Но никто не поручится, что завтра эти союзные колонны не разойдутся в своих направлениях и не столкнутся на перекрещивающихся путях. Можно даже сказать, что такое расхождение обязательно наступит. Вот почему, между прочим, нелишне присмотреться к нескольким более или менее ярким обнаружениям групповых разномыслий. Я попытаюсь охарактеризовать некоторые из этих разномыслий, выхватывая их почти наудачу из огромного потока памфлетной и журналистической литературы, вызванного войной.

II

Главное место в этой литературе занимают, естественно, книжки и статьи, доказывающие, что Англия должна была вмешаться в борьбу континентальных держав и что война должна быть доведена до конца, т. е. полного сокрушения германского милитаризма.

Довольно интересен подбор аргументов в пользу первого из этих положений. Учение о политическом равновесии играет в них совершенно второстепенную роль. Лишь в «Таймс» и некоторых других резко империалистических органах встречаются заявления в том смысле, что Англия призвана стоять на страже равновесия в Европе и что в борьбе с Вильгельмом II она продолжает традиционную политику, поставившую ее лицом к лицу с Филиппом II⁴⁸², Людовиком XIV, Наполеоном. Более умеренные защитники коалиционной войны тщательно обходят этот способ рассуждения, потому что он подавал повод к нападению на всю политику сэра Эдуарда Грея⁴⁸³ перед войной. Радикальные оппоненты этой политики осуждали тройственное соглашение главным образом потому, что оно втягивало Великобританию в систему континентальных союзов и антагонизмов. Даже накануне нарушения нейтралитета Бельгии, принудившего английское правительство стать решительно на сторону Франции и России, велась отчаянная агитация со стороны таких органов, как «Manchester Guardian», «Westminster Gazette», «Daily News»⁴⁸⁴, в пользу невмешательства в европейскую ссору⁴⁸⁵, а многочисленная группа профессо-

ров Кембриджского университета расписалась в преданности немецкой культуре и нежелании выступать против ее носителей⁴⁸⁶.

По этому самому очень значительную роль в полемической литературе играет дипломатическая история приготовлений к войне. Данные, опубликованные английским, русским, французским и германским правительствами, воспроизводятся и освещаются со всех сторон.

Донесение сэра Эдуарда Гошена⁴⁸⁷ о беседе с германским канцлером по поводу клочка бумаги, которым думали связать соседей Бельгии, и депеша сэра Мориса Бунзена⁴⁸⁸, устанавливающая факт сближения между русскими и австрийскими кабинетами, разбитого германским ультиматумом России, — эти документы сделали больше для распространения в широких общественных кругах убеждения, что вмешательство Великобритании в войну было продиктовано необходимостью.

На них особенно настаивают оксфордский историк [...] ⁴⁸⁹, профессор манчестерского университета Рамзе Мьюр (*Britain's cause against Germany*)⁴⁹⁰ и все сколько-нибудь компетентные обозреватели дипломатической кампании. Значение первого из этих фактов двоякое. Пренебрежительное отношение к договору представляло германское правительство в свете полнейшего и цинического отрицания международных обязательств. Трактаты о гарантии, снабженные подписью Пруссии, были разорваны без малейшего предлога в силу одностороннего решения, и английский премьер совершенно основательно подчеркнул в нижней палате, что вступать в какие бы то ни было соглашения с державой, только что признавшей ничтожным торжественно подписанное ею соглашение, было бы безрасудно. Яркий свет, брошенный крылатыми словами Бетман-Гольвега⁴⁹¹ на ничтожный клочок бумаги, был особенно неудобен для немецких претензий, потому что в защите бельгийской независимости связь английских интересов с континентальными условиями получила самое конкретное выражение, так сказать, материализировалась в форме, доступной уму всякого сколько-нибудь образованного англичанина. Германские пушки, установленные вдоль французского берега, германские подводные лодки, пущенные из Антверпена или Остэнде, представлялись гораздо более осязательною опасностью, нежели неопределенные опасения германской гегемонии в Европе.

Депеша Мориса де Бунзена (см. Белую книгу) бросает особенно яркий свет на германскую провокацию, приведшую к войне. Но она является лишь одним эпизодом в длинной серии постепенного приготовления в современной катастрофе. Характерно, что для англичан исходным пунктом в цепи событий служит известная поздравитель-

ная телеграмма императора Вильгельма президенту Крюгеру⁴⁹² по поводу отражения рейда Джемсона⁴⁹³, «помимо помощи дружественных держав». Эта телеграмма стала одним из тех крылатых «слов» — вроде «блестящего доспеха» 1908 года, — в которых для целых обществ раскрывается смысл исторических движений. О ней до сих пор вспоминают как о первом многозначительном признаке намерений германской политики. В книжке профессора Рамзе Мьюр («*Britain's cause against Germany*») подчеркивается связь между натянутыми отношениями Германии и Англии во время южно-африканской войны и первой обширной мерой, направленной к усилению германского флота. Хотя симпатии русского общества в то время были на стороне маленьких республик, упорно боровшихся за свою независимость, это не мешает нам признать, что отношение Германии к южно-африканским событиям было продиктовано далеко не одними бескорыстными соображениями и что лишь отсутствие сильного флота помешало немцам воспользоваться затруднениями «владычицы морей». Можно быть также уверенным, что если бы на месте англичан в неравной борьбе были немцы, поражение буров привело бы не к возрождению южно-африканской свободы под флагом победителей, а к репрессиям в стиле, указанном генералом Бернгарди.

III

Другая сторона агрессивной политики Германии — проникновение на Восток, овладение ресурсами Турции, деятельная поддержка австрийских воцелений на Балканах — также находит себе соответствующую оценку в английских памфлетах. Любопытно отметить в отношении к делам Ближнего Востока некоторое замешательство и неизбежные противоречия. Слишком сильны еще традиции биконсфильдовской эры и японской войны, чтобы можно было ожидать вполне дружелюбного тона по отношению к русской политической ориентации на Востоке. Часто проскальзывает нотка старого антагонизма и боязни. Еще весьма недавно велась усиленная агитация против сэра Эдуарда Грея по поводу соглашения между Россией и Англией по отношению к Персии — агитация, в которой консерваторы вроде лорда Ламингтона⁴⁹⁴ и лорда Керзона⁴⁹⁵ действовали заодно с радикалами, группирующимися вокруг редакции «*Nation*». Кроме того, что англичанам приходится считаться с мнениями и склонностями 70 миллионов магометан, которые были глубоко затронуты триполитанской и балканской войнами. Даже такие вожаки умеренного направления, как Ага Хан⁴⁹⁶ и Амир Али⁴⁹⁷, не скрывали своего несочувствия поли-

тике либерального кабинета, допустившего разгром Турции, а более горячие головы среди молодых агитаторов Британской Индии мечтали чуть ли ни о походе против России. В журналистике последних месяцев это направление выражается кое-где, например, в памфлете оксфордского доцента Эркхарта^{*498} (Urquhart) о восточном вопросе или в выступлениях воинствующего исламиста, кембриджского профессора Брауна⁴⁹⁹. Но хотя отдельные проявления этих течений, несомненно, заметны в публикациях последних месяцев, в общем тон политики по этим вопросам характерно изменился.

Для англичан становится очевидным, что невозможно и неpolitично противиться выходу России к Средиземному морю, что продолжение старой пальмерстоновской и биконсфильдовской политики стало анахронизмом после захватов немецкими державами на Балканском полуострове и в Константинополе, что в известных случаях, например, как раз при настоящей конъюнктуре, открытие путей для русской хлебной торговли является насущным интересом Англии (см. речь Ллойд Джорджа⁵⁰⁰ в палате общин в объяснении финансового соглашения с Россией), что при этих условиях приобретение Константинополя русскими не может рассматриваться как угроза Англии, наконец, что между действиями русских на Кавказе и англичан в Египте в отпор немецко-турецкому нашествию существует непосредственная и тесная связь. Если поражение русских в Японии не осталось без последствий в смысле возбуждения всякого рода националистических надежд среди подвластных англичанам туземных народностей, то всякая неудача России на Кавказе немедленно отозвалась бы панисламистским взрывом в Египте и Индии. Выходит, что при существующих условиях и ввиду нешуточной угрозы германского движения в Азию Англия и Россия связаны друг с другом общим интересом, о котором и не помышлял лорд Стратфорд⁵⁰¹, Чамбери или Дизраэли, и та, и другая державы заинтересованы в сохранении и укреплении своих позиций по отношению к мусульманскому миру, а не в отнятии этих позиций друг у друга.

В последнем заинтересована как раз Германия. Нельзя сказать, чтобы намеченные соображения вылились в совершенно определенной и целостной форме, в какой-либо одной выдающейся работе, но ими проникнуты статьи руководящих органов печати, особенно консервативных. Например, укажу на статью в известном консервативном органе — в «Saturday Review».

* Сын известного туркофила и сподвижника лорда Стратфорда де Редклиф.

Рядом с этим изменилась оценка балканских народностей и событий. Еще не так давно обычным в Англии было дружественное отношение к туркам как старым союзникам, храбрым солдатам-«джентльменам»... Подвиги болгар в балканской и сербов в настоящей войне в значительной степени изменили эти ходячие формулы. Особенно поразителен переворот в отношении к Сербии. В начале августа демонстранты на улицах Лондона кричали: «К черту Сербию!» (to hell with Servia!), а теперь симпатии к сербам едва ли уступают даже симпатиям к бельгийцам, хотя нет возможности оказать им в той же мере материальную помощь. Очень много сделал для разъяснения этой стороны дела и вообще ближневосточных отношений сэр Валентайн Чироль⁵⁰², с именем которого связана, между прочим, знаменательная перемена в ориентации газеты «Таймс» по вопросам иностранной политики.

IV

Сербия и Бельгия сочетаются в умах англичан, как страны, наиболее характерно представляющие в современной борьбе права малых национальностей. Этот лозунг «малых национальностей» был выставлен с большою силою в одной из речей Асквита⁵⁰³, и он постоянно повторяется в английской публицистике наших дней. Ему посвящена была, например, одна из лекций шеффильдского вице-канцлера Герберта Фишера⁵⁰⁴. Это далеко не случайность. Англичане справедливо гордятся тем, что они поняли тщету и вред насильственного порабощения малых национальностей и сумели развить свою мировую державу при всевозможных уступках местным самостоятельным. Как уже сказано, величайшим триумфом этой мудрой политики является создание южно-африканской унии; но Австрия и Канада также выросли в самостоятельные «владычества» (Dominions) и засвидетельствовали тем не менее свою привязанность к империи, и в 1899 году, и в 1914-м.

Князь Бюлов⁵⁰⁵ в своей недавно изданной книге объявил, что при столкновении двух национальностей одна должна обязательно служить наковальней, а другая — молотом. Это изречение вызывает со стороны англичан искренний и горячий протест. Горький опыт северо-американского отпадения научил их благоразумию и гуманности. Они понимают, что нерасчет тратить энергию на производство невольных, негодных подданных и беспощадных притеснителей. Даже в Ирландии, несмотря на резкий контраст характеров и на несомненный риск политического эксперимента гомруля, расчленение национальностей подвигается неудержимо вперед.

Немудрено, что усвоенное в собственном быту правило переносится в данном случае в сферу иностранной политики и применяется в прессе иногда с некоторою бесцеремонностью по отношению к инакомыслящим государствам. Отсюда вытекает по отношению к России ряд запросов, с которыми не особенно легко справиться.

V

Вопрос о судьбе малых стран и малых национальностей приводит непосредственно к другому великому лозунгу английского общественного мнения в современной борьбе. Книги Трейчке и Бернгарди переводятся и излагаются полемизирующими против Германии публицистами, потому что в них собрана самая соль политической доктрины, провозглашающей превосходство силы над правом. Право есть порождение силы; нет иного права, кроме созданного государственной властью. Власть есть самая сущность государства, и ради власти государство должно жертвовать всем остальным.

Эти афоризмы извлекаются и тщательно комментируются в целом ряде памфлетов и статей. Они рассчитаны были на поучение германцев, а теперь английская пресса ими пользуется, чтобы внушить своим читателям отвращение к немецкому образу мыслей. И то, и другое одинаково характерно. Надо заметить, что в ходячих книжках по английскому правоведению обыкновенно подчеркивается, по указанию Гоббса и Остина⁵⁰⁶, что *положительное* право является всецело созданием государственной власти: но эта юридическая конструкция тотчас же пополняется учением о так называемой *положительной морали*, которая указывает пути самому юридическому развитию. Эти формулы тесны и неудовлетворительны с научной и философской точек зрения, но во всяком случае они показывают, что даже школьная доктрина Англии метит выше, чем грубое поклонение власти и принуждению. Прежде чем сдавать экзамен по Остину и Голланду⁵⁰⁷, английский студент обыкновенно учится рассуждать и размышлять на анализе «Республики» Платона⁵⁰⁸ с ее учением о справедливости, как цели государства, с ее уничтожающей критикой софизмов насильников — Фразимаха и Главкона⁵⁰⁹.

Оттого Рамзе Мьюр без дальних околичностей противуполагает английский идеал государственной справедливости германскому идеалу государственной силы. В этой постановке приходится вводить национальные определения — английский, германский, потому что воюющие стороны выбрали себе соответствующие девизы, но, понятно, в таких контрастах эти национальные прилагательные, по су-

шеству дела, остаются на поверхности. Князь Бюлов высказал в своей интересной книге, что «германцы всегда совершали величайшие из своих подвигов под сильным, последовательным и твердым руководством... Нет нации, которая охотнее подчинялась бы дисциплине». Это изречение выставлено в оправдание прусской системы одним из ее лучших представителей, но, судя по недавним заявлениям наиболее авторитетных представителей германской науки, в нем заключается глубокий смысл.

Нет надобности разъяснять, что дело обстоит совершенно иначе в области «англо-саксонской» цивилизации. Несмотря на горячую преданность родине и на великую национальную гордость, англичане и американцы твердо верят в силу личной инициативы и свободного развития: органическая связь, а не механическое устройство должна, по их глубокому убеждению, господствовать в государственной жизни. Речь идет, конечно, об идеалах: в будничной действительности много отступлений, противоречий и обманов, но можно ли сомневаться, что контраст идеалов знаменателен и влияет на действительность?

Это приводит нас в заключение к демократическому брожению, которое чувствуется в английской общественной мысли наших дней: пока оно сказывается как бы в подземной работе и отдельными взрывами, но несомненно, что к концу войны, ко времени окончательной разверстки, это демократическое брожение выступит наружу и, вероятно, станет одним из определяющих факторов замирения и наступающей международной конъюнктуры.

VI

Месяца три назад в Англии рассылались листки, приглашавшие общество готовиться к агитации в пользу «демократического контроля». Указывалось на то, что народные массы не должны зависеть от случайных таинственных махинаций дипломатов по ремеслу не только в решении ужасного вопроса о мире и войне, но и в подготовке к войне систематическими вооружениями. Рекомендовалось сознательное отношение всего общества к вопросам внешней политики и военной организации; высказывалась мысль о реформе современной дипломатии на начале постоянного и организационного контроля со стороны общественного мнения. Обращение было составлено в довольно неопределенных выражениях и подписано лицами, потерявшими в значительной степени популярность в силу бестактной оппозиции войне, которая стала исторической необходимостью⁵¹⁰. Рамзе Макдональд⁵¹¹, Чарльз Тревелиан⁵¹², Норман Энджель⁵¹³ не обладают достаточным ав-

торитетом, чтобы увлечь за собою нацию и уверить ее, что достаточно отразить наступление германцев, чтобы вступить на путь пацифизма и демократического контроля международных отношений. Но в этих преждевременных манифестациях сказываются чувства, корнящиеся глубоко и находящие отклик не среди одних англичан. Прежде всего сказывается отвращение к колоссальной войне, ради которой приходится приносить в жертву миллионы жизней, накопленное веками благосостояние, мирный труд и счастливое будущее целых поколений. Всякий понимает, что купить мир ценою склонения перед кайзером и его юнкерами было бы равносильно самоубийству. Но когда эта необходимая борьба кончится, неужели опять возобновятся военные приготовления, коалиции, захваты, подготовки к новой войне?

На днях маститый Брайс⁵¹⁴, достойно соединяющий в своем лице авторитет государственного человека и ученого, возвысил голос против преступного самомнения, овладевшего зачинщиками всенародной бойни, и высказал уверенность, что по окончании пароксизма безумия, который мы переживаем, вступит в свои права забота не только о воссоздании разрушенных хозяйственных благ, но и духовное возрождение народов. (Creighton lecture отчет в «Times» от 23-го февраля 1915 г.)⁵¹⁵ А в книжке Рамзе Мьюра с ударением указывается на попытку России возбудить в 1898 году вопрос об ограничении вооружения, на сочувственную поддержку этому начинанию со стороны англичан и враждебность Германии, расстроившей дело в самом его зарожении. Нет сомнения, что среди широких народных масс потребность мирного развития чувствуется особенно сильно, и хотя бы проекты «демократического контроля» внешней политики являлись утопичными, оживление интереса к международным вопросам, образование по ним определенных взглядов и общественных направлений само по себе оказали бы могущественное влияние в желательном смысле. Чем более международная политика выйдет на свежий воздух из атмосферы «кабинетов», тем менее будет поводов к тем интригам и столкновениям самолюбия, которые все еще играют такую существенную роль в истории культурных государств.

VII

Другой мотив, который проходит через английскую публицистику военного времени, это убеждение в тесном взаимодействии между внешнею политикой и внутренней жизнью. Англичане убеждены, что они воюют с немцами и будут воевать до успешного конца, потому что они свободный народ и не поступятся своей свободой ни за какую

цену. Во французах они видят своих естественных союзников в силу общности основных взглядов на задачи и устройство государства.

Отношение к России, с этой точки зрения, по необходимости двойственное. С одной стороны, все сильнее проникает в сознание английского общества та истина, что русский народ движется вперед, проявляет блестящие дарования, великую силу духа, вносит новые идеи в европейскую политику. Интерес и симпатии к России растут с каждым днем. С другой стороны, нельзя скрывать от себя, что, помимо наследия старых споров, многое в русских порядках представляется необъяснимым и отталкивающим.

В шутовской форме это чувство высказалось, например, в курьезном памфлете Бернарда Шоу (*Common sense about the war*)⁵¹⁶. Здравого смысла в этом выступлении мало; в усвоенной им роли политического арлекина Шоу наговорил много лишнего и вредного. Но, несмотря на бряцание шутовскими бубенчиками, его выкрикивания вызвали некоторый отклик среди слушателей. Всякому русскому, кому пришлось бывать за границей, известны недоуменные расспросы иностранцев по поводу различных особенностей русской жизни — расспросы, по которым не всегда легко давать объяснения. Но это дело поправимое, потому что смысл настоящей войны для России заключается именно в том, чтобы очистить дорогу свободному развитию, избавиться от немецкой опеки и вступить на равных правах в общество европейских народов. Пользуясь метким словом одного из героев Максима Горького⁵¹⁷, можно сказать, что пора России выйти из разряда уездных государств. На наших глазах совершается превращение затхлого уездного существования в гражданский союз, достойный даровитого народа. Чем прочнее будут результаты этого превращения, тем величественнее сложится международная роль России.

ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ

Невыразимые бедствия и разрушения войны, свидетелями и жертвами которых мы являемся, вызывают на размышления в различных отношениях. Истинно было сказано, что даже успешная война едва ли окупит ее жертвы, и нет надобности останавливаться на результатах неудачной войны. Если в прежние времена высшие усилия государства были направлены на защиту граждан от агрессии, то цель государства сегодня должна состоять в защите наций от взаимного уничтожения. Именно поэтому важно пристальнее рассмотреть мотивы и причины, которые вызвали нынешний Армагеддон для того, чтобы принять по возможности меры против его повторения.

Непосредственные причины, выдвинутые противоборствующими сторонами, были естественно представлены в различных и даже противоположных понятиях. Бесполезно повторять эти противоречивые точки зрения или навязывать какое-нибудь особенное объяснение, но невозможно отказаться от предпочтения в данном деле: даже когда хочешь глубже исследовать причины происходящего сейчас, к ним приходится подходить с определенной точки зрения. Едва ли я могу претендовать на то, что я смогу или захочу отказаться от своих взглядов, которые неоднократно со всей определенностью были заявлены в пользу Антанты. Я могу упомянуть одно или два положения, которые кажутся вполне оправданными и существенными.

Австрийский ультиматум Сербии, с которого все началось, был не только чрезмерным по сути, но послужил провокацией, направленной, как заявил граф Тиса⁵¹⁸, *прояснить* отношения между Австро-Венгрией, с одной стороны, и Сербией и ее естественным покровителем Россией — с другой. Тем не менее под влиянием западных держав, особенно Великобритании, Сербия и Россия проявили чрезмерное терпение: они приняли все австрийские требования, за исключением австрийского расследования в Белграде. Когда провалились все попытки умиротворения и была проведена частичная мобилизация русской армии⁵¹⁹, последнее препятствовало не *локализации* конфликта, а только уничтожению маленького государства великой державой. Немецкие утверждения, что заступничество было возможным, если бы Россия не провела мобилизацию, нельзя рассматривать

иначе как лицемерный обман, потому что не было бы предмета для заступничества, если бы причина спора исключалась предварительным уничтожением Сербии. Другие государства, заявляющие о своем высоком положении в мире, не могли подчиниться угрозам военачальника «в блестящих доспехах». Нет нужды говорить о неспровоцированной агрессии против Бельгии: *securus judicat orbis terrarum*⁵²⁰.

Я упомянул об этих фактах не для того, чтобы возобновить полемику, а для того, чтобы пролить ясный свет на одну сторону исследования относительно причин войны. Такое исследование не будет успешным, если мы абстрагируемся от чувств и страстей народа; любая попытка решить проблему, оценивая только давление материальных условий и предполагаемых интересов, оказалась бы неадекватной. Она походила бы на попытку предсказать равновесие, устанавливающееся при давлении определенных жидкостей без ссылки на их относительную температуру, в то время как некоторые из рассматриваемых масс находятся в действительности в точке кипения. Это значит, что необходимо принять в расчет не только материальные, но и психологические факторы.

Разумно, однако, начать с более очевидных материальных причин конфликта. Помимо сложности, порожденной в случае Франции открытой раной Эльзас-Лотарингии, непосредственные причины войны могут быть сгруппированы в соответствии с двумя линиями конфликта: противостояние между Австрией и Россией на Востоке и противостояние между Германией и Англией на Западе. Конечно, разногласия Австрии с Россией были в значительной мере обусловлены тем фактом, что Австрия выступала авангардом Германии, и тем, что Германия в полной мере осуществляла проникновение в торговые, военные и политические дела Османской империи. Но для простоты мы можем обратить наше внимание для начала на более резко выраженный антагонизм между Австрией и Россией. Этот антагонизм — дело давнее, он уже несколько раз проявлялся до того, как Австрия стала прислужницей Германии. Он вдохновил Феликса Шварценберга⁵²¹ на выражение неблагодарности, проявившейся в присоединении к западным державам в 1854 г., после спасения австрийской монархии императором Николаем I в 1849 г. Он привел к коалиции Андраши с Дизраэли в проведении политики «почетного мира», которая подготовила многолетнее страдание Македонии и современные Балканские войны. Его высшим проявлением стали аннексия графом Эренталем⁵²² Боснии-Герцеговины и оттеснение Сербии от Адриатики в 1913 г. Желание остановить Россию и сократить ее влияние вполне естественно, и если бы это был просто вопрос

о состязании между соперниками, стремящимися, по сути, к одним и тем же целям, не было бы причины предпочесть одного из вступивших в конфликт. Но политика России, помимо обычных мотивов амбиций и престижа, имеет одну цель, совершенно чуждую стремлению, представленному Австро-Венгрией и стоящей за ней Германией, — а именно: освобождение и восстановление угнетенных народов Балканского полуострова. Каковы бы ни были недостатки, непосредственность и эгоистические примеси в этой политике, ее главное направление является одним из главных оснований для России претендовать на успех. Это не циничная поддержка турок и приготовления к продвижению из Митровицы к Салоникам, которые могут быть противопоставлены защите шипкинского перевала, поддержке балканских союзников в 1912 г. или вооруженной интервенции в 1914 г. Поэтому политика Австро-Венгрии с самого начала характеризовалась как совершенно эгоистичная и реакционная по своей природе. Как Германия до 1866 г. и Италия до войны за освобождение, Австрия следовала инстинктивным потребностям государства, игнорируя национальное развитие: она связана с прошлым, а не с будущим, ей один или два раза удалось добиться успеха благодаря коварству и случайности, но она не завоевала симпатии и признания со стороны ни одного балканского народа и в действительности относилась к ним с презрением превосходства.

Она лишилась бы даже такой толики успеха, выпавшего на ее долю, если бы не присоединилась к политике более сильного партнера. За агрессивными авантюрами Австро-Венгрии стояла *Weltpolitik*⁵²³ Германии.

Размах этой *Weltpolitik* станет очевидным, если рассмотреть усилия центральных европейских держав в связи с приготовлениями Германии на Западе. Антагонизм с Англией в последнем случае был порожден стремлением создать мировую империю такого же рода, как та, что была создана Англией. Несмотря на удивительное развитие немецкой морской торговли, в Германии остро ощущали, что ей не досталось достойного места под солнцем. Ей требовались колонии и заморские владения для того, чтобы служить местами продвижения немецкой торговли и быстро растущих немецких эмиграции и предпринимательства. Ценные колониальные владения можно было приобрести только за счет Великобритании и только в противостоянии с этой страной, так родились далеко идущие планы морского превосходства, приведшие к хорошо известным инцидентам. Немецкая политика свелась к тому, чтобы бросить вызов двум мировым державам одновременно: она вступала в конфликт с Россией, чтобы предотвра-

тить будущее развитие этой империи; она вступала в конфликт с Англией, чтобы занять то место, которое в прошлом занимала Британская империя.

Стремления немцев были вполне естественны, но у них был один огромный недостаток — они приводили к борьбе «на два фронта» в более опасном смысле, чем обычно подразумевается этим выражением. В любом случае проблема требовала очень искусного управления — качество, весьма редко проявляемое в немецком государстве после «утраты пилота».

Даже общий взгляд на непосредственные причины войны обнаруживает два сильных мотива, объясняющих столкновение. Экономическое соперничество само по себе — и это следует подчеркнуть особенно — недостаточно, чтобы оправдать ужасную войну, особенно в конкретных условиях, в которых она началась. Несмотря на превосходство британского военного морского флота, немцы имели все возможности для развития своей мировой торговли, и они в полной мере пользовались этими возможностями. Английская политика свободы торговли позволяла им, как мы знаем, удерживать более низкие цены по сравнению с британскими конкурентами во многих областях торговли в самих британских доминионах, и на зарубежных рынках более дешевые немецкие товары постепенно вытесняли лучшие по качеству, но более дорогие британские вещи. Принятие политики покровительственных пошлин могло бы изменить положение вещей, но при существующих условиях проигравшим конкурентом была в большей степени Британия, нежели Германия, и от Великобритании, а не от Германии можно было ожидать политической агрессии, направленной на то, чтобы решить исход дела в экономической сфере. В действительности англичане довольствовались тем, что держали свой порох сухим, в то время как немцы спустили в азартной игре за достижение политического превосходства весь свой экономический выигрыш. Инстинкт азартного игрока является фактором, который необходимо принять во внимание в связи с экономическими расчетами. Это разновидность спекулятивного духа, который столь распространен в современном предпринимательстве и кредите, — несомненно, опасная разновидность, которая уже привела к краху очень сильные концерны.

До войны экономическое положение на Востоке для немцев было даже еще более благоприятным. Завершение строительства Багдадской железной дороги обеспечило бы им торговое превосходство в азиатской части Турции, даже если бы Австрия вынуждена была отказаться от своего похода на Салоники, она могла бы оказывать зна-

чительное влияние через Румынию и Болгарию. В России, несмотря на протекционистские тарифы, всевозможные немецкие торговые дома процветали, и даже пересмотр тарифа едва ли изменил положение в главном. Однако в случае с Россией и славянским миром экономический фактор не играл решающей роли; это была превентивная война, и она была следствием расовых чувств.

Идея развязать войну, чтобы предотвратить конфликт в будущем при менее благоприятных условиях, неоднократно отвергалась. Говорилось, что кайзер и другие лидеры австро-германской политики слишком глубоко прониклись чувством своей благоговейной ответственности перед Богом и человечеством, чтобы принять идею такой войны, и все же само это понятие появляется в несколько ином виде в заявлениях исполнителей немецкой и австрийской политики. Канцлер фон Бетман-Гольвег намекнул в известной речи на грядущую схватку между тевтонами и славянами и уделил внимание все усиливающемуся прогрессу русских вооружений. Быстрый рост населения в России, перспектива иметь дело с 200 миллионами через 15–20 лет направляли народные мысли к тому соображению, что, может быть, лучше сразиться со 170 миллионами сейчас, чем несколько позже с 200 миллионами. Последний принц Франц Фердинанд⁵²⁴ был подчеркнуто представителем этой точки зрения, и граф Тиса, возможно, унаследовал ее у него. Абсурдность этой концепции заключается в том, что хотя и можно нанести поражение растущей нации, но невозможно остановить ее рост, и в любом случае пришлось бы иметь дело с 200 миллионами, да еще они могли бы быть возбуждены надеждой реванша. Кажется более разумным принять 200 миллионов как должное и соответственно определять курс — не дерзкой агрессией, а компромиссом и достаточной страховкой путем альянсов. Мечты о расчленении России и изгнании униженной Московии с берегов Балтийского и Черного морей действительно поддерживались некоторыми горячими головами среди ученых и журналистов, но они едва ли могли рассматриваться как руководство для «реальной политики» ответственными государственными деятелями. Однако только в свете таких фантазий мог быть воспринят и обоснован одновременный крестовый поход против России и Англии.

Вторая ведущая идея агрессии против России происходила из расового антагонизма между тевтонами и славянами. Поток тевтонского проникновения на славянский Восток постепенно обратился вспять в позднейшее время, и с возрастающей силой проявилось противоположное стремление к независимости и экспансии со стороны славянского мира. Чехи, сумевшие сохранить свое националь-

ное существование в противодействии «*Drang nach Osten*»⁵²⁵ среди немецкого населения, отстаивали свое право на политическую автономию, несмотря на случайные неудачи; поляки, вместо того чтобы раствориться в Пруссии, доказали, что они сильнее немцев в освоении территорий, и уже расселяются в непосредственной близости от Берлина; балканские государства вытеснили турок с большей части их европейских владений; сербы, хотя и осужденные лондонской конференцией, вновь продвигаются к Адриатике; различные австрийские фрагменты славянской расы все более проникаются сознанием своего обособленного существования и своих исторических прав. Хорваты не согласны более служить, как обычно, пушечным мясом в войнах Австро-Венгрии. Словенцы постепенно осознают преимущества положения между австрийскими Альпами и Адриатическим морем, даже униженные словаки начинают поднимать головы против правления мадьяр.

Не может быть сомнения, что, помимо политической агитации и прямого влияния, существование и мощь России формирует предпосылку и поддержку всех этих славянских движений. Панславизм как программа является фантастическим порождением нескольких энтузиастов, но панславизм как чувство, как чувство братства является неопровержимым фактом первостепенной важности, которое обязано утверждать свое влияние во всех важных событиях в истории Восточной Европы.

Вместе с тем свободное развитие национальностей составляет, несомненно, наиболее сильный мотив политических действий. Следует добавить, что его применение, похоже, выходит за принятые государственные границы и государственные объединения, создает многочисленные трудности на практике и должно быть разумно согласовано с другими историческими тенденциями, особенно с профессиональными разделениями и с потребностями существующих государств. Никто не станет отрицать, что влияние римской католической и православной церквей глубоко изменили расовые отношения между славянами: например, противостояние между католиками-хорватами и православными сербами является именно таким случаем.

Но подобные изменения произошли, и их необходимо учитывать в области светской политики. В конце концов, национальность в равной степени является как результатом политических комбинаций, создаваемых историей, так и направляющим фактором в таких комбинациях. Когда мы говорим о национальностях, мы постоянно имеем дело уже с продуктами расового смешения: сербы, напри-

мер, являются чем угодно, но не чистыми славянами, и невозможно было бы сегодня определить, какая точно часть в формировании этой конкретной национальности должна быть приписана иллирийским прародителям, а какая — славянским переселенцам. Болгарский народ состоит из славянских и туранских элементов. Большие национальности Европы, такие как англичане, русские, немцы, сформировались в результате запутанного смешения расовых слоев, и можно с уверенностью сказать, что наиболее своенравный тевтонский народ немецкой группы — пруссаки представляют наиболее разнородную смесь литовского, славянского и германского населения.

Поскольку это так, то очевидно, что не столько чистота расы, сколько сознание определенного культурного единства, реального или предполагаемого, имеет преимущественное значение во всех национальных схватках. Именно поэтому такой современный исторический факт, как завоевание Францией в XVII в., оказывает все же большее влияние на национальные устремления эльзасцев, чем этнографический импульс, связанный с принадлежностью к германской расе.

Значительно легче вывести мораль из таких рассуждений, чем применить ее на практике. Нет сомнений в том, что принцип независимости наций невозможно легко совместить со многими существующими формами правительственных и государственных группировок. Необходимо найти нечто среднее между «партикуляристской» тенденцией и центростремительными силами исторических государственных образований. Это среднее решение следует искать как в федерации и гомруле, так и в здравом взгляде на помехи обществу существованию в рамках самих национальных объединений. Нет теоретических соображений, которые помешали бы ирландцам потребовать полной независимости Ирландии на основе их глубоких национальных отличий от англичан и шотландцев. Некоторые горячие головы среди ирландцев лелеют такие безрассудные мечты. Умеренное большинство понимает необходимость компромисса ради бесценной исторической комбинации. Необходимо поддержать единство, и сделать это не только решением англичан, но и усилиями разумных ирландцев, чтобы существованию Объединенного Королевства не угрожали националистические настроения. Таким же образом стремление финляндцев к самоуправлению является, безусловно, естественным и глубоко укорененным национальным требованием, но желание политического отделения и даже позиция, предполагающая отделение, были бы неразумными, потому что это угрожало бы инстинкту самосохранения империи, которая должна иметь выход к Балтике, нравится это или нет.

Нет надобности распространяться относительно применения данных взглядов к нашему непосредственному предмету. Национальностям нельзя и не следует мешать в развитии их культурных особенностей и в поисках своего пути спасения, но при урегулировании границ реконструированной Европы невозможно было бы выкроить государства единственно и полностью по национальному образцу. Турция и Австро-Венгрия уже созрели для далеко идущих операций в этом отношении. Если взять последнюю, то включение Восточной Галиции и части Буковины в состав России и Западной Галиции в состав Польши под русским покровительством является довольно бесспорным, так же как формирование большей Сербии, которая будет включать Боснию, и большего Монтенегро с Герцеговиной; ход событий, кажется, также указывает на поглощение Трансильвании Румынией и Трентино и Триеста Италией. Но приобретение Италией Долмации приведет к новым раздорам между славянами и итальянцами, также кажется, что едва ли следует надеяться на создание нового южного славянского королевства и на освобождение чехов: это полностью зависело бы от насильственного разрушения австро-венгерской монархии, чего едва ли можно достичь действиями сил, вовлеченных в нынешний конфликт. Было бы бессмысленным размышлять о возможном ходе и хронологии таких событий, и их едва ли можно было бы навязать населению решениями международного конгресса. Вместе с тем я не могу удержаться от мысли, что роль этого грядущего конгресса, несомненно, очень важная, едва ли будет соответствовать ожиданиям, питаемым многими участниками и очевидцами мировой войны. Он зарегистрирует изменения в относительном положении и силе главных участников противоборства и внесет незначительные уточнения в соответствии с этими ведущими мотивами, но великие державы будут слишком истощены борьбой, чтобы попытаться осуществить широкие созидательные меры, которые могут вовлечь их в новые конфликты. Действительно, во время Венского конгресса Европа оказалась на грани войны из-за соперничества между Пруссией и Австрией, Россией и Англией⁵²⁶, но следует помнить, что династическое государственное управление тех дней было более склонно прибегать к последнему доводу, чем принято сегодня.

Нынешний Армагеддон является следствием долгого периода вызревания, и я думаю, что через несколько месяцев каждого, кто затронут этим, будет тошнить от жизни в атмосфере, пропитанной кровью, и что лидеры будут более склонны отказаться даже от важных пунктов, чем подвергать себя риску продолжения борьбы.

Поэтому кажется, что такое урегулирование, хотя и решающее в вопросах гегемонии и относительной силы отдельных противоборствующих сторон, едва ли приведет к совершенному пересмотру положения государств. У меня не вызывает чувства оптимизма ни введение демократического контроля как ведущего принципа будущей дипломатии, ни самое стабильное равновесие в европейской политике. Ряд наиболее трудных и опасных проблем должен остаться неразрешенным, и они, несомненно, дадут себя почувствовать рано или поздно. Давайте надеяться, что общее перемирие наступит на многие годы вследствие здоровой реакции на гигантское кровопролитие, но разрушение и крушение квартир и коридоров в старом здании Европы будет продолжаться через определенные промежутки времени и с более или менее пугающими последствиями, сопровождающими этот процесс. По этой причине я не смею мечтать о широком разоружении. До некоторой степени рост военных соединений и дредноутов замедлится, но побежденный и ждущий [удобного случая для нападения] позаботятся о том, чтобы тлеющие угли не были затоптаны.

Что касается демократического контроля, это выражение кажется перспективным анахронизмом, если можно так выразиться. Еще не было найдено средств, чтобы сделать ненужными в международных делах секретную информацию, тайные переговоры и сосредоточение руководства в немногих руках. Несомненно, официальные и неофициальные лидеры будут вынуждены все больше считаться с настроениями, интересами и предрассудками народных масс, как капитан корабля вынужден учитывать направление ветра и течений. Но было бы странным способом решения проблем навигации — доверить корабль ветру и течениям. История нынешнего начала войны является наиболее подходящим доказательством, если оно необходимо, узкого кругозора большей части общественного мнения и практической бессмысленности демократического контроля. Ведущие представители партии, ответственной за управление в Великобритании, выступали за нейтралитет и невмешательство во время, когда коварный противник готовил полное ниспровержение европейской системы, от которой зависело существование их страны, и отнюдь не их дальновидность спасла их от поставленного капкана. Пусть литература, журналистика, демократия всеми способами обсуждают *цели* национальной политики, но им лучше не вмешиваться особо в обсуждение *мер*, которые, вероятно, приведут к реализации этих целей.

Мы еще слишком далеки от эры пацифизма и демократического контроля в международных отношениях. Какого-то прогресса, воз-

можно, мы можем достичь на пути к этим желательным целям при использовании некоторых старомодных принципов, например, поставив влияние сильных альянсов на службу третейского суда. Международный суд в Гааге, имеющий поддержку в виде комбинированных сил и совместных действий, скажем, Британии, России, Франции, Италии и Соединенных Штатов, может стать эффективным инструментом мира.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

I

В современной политической литературе Англии естественно развился за последнее время большой интерес к проблеме национальности. Не так давно, лет 20 или 30 тому назад, политические вопросы обсуждались почти исключительно с точки зрения народного хозяйства, классовых противоположностей и государственной организации. В работах Бэджета⁵²⁷ или Спенсера⁵²⁸ вопросы о национальных особенностях и требованиях племенной психики не играют роли. Конечно, благодаря развитию торговых интересов и международным политическим отношениям Англии, среди ее публицистов всегда были отдельные писатели, которых столкновение с чужеземным бытом наводило так или иначе на оценку этнографических особенностей. Назову для примера мисс Дэрхам (Miss Durham)⁵²⁹ с ее изучением Албании и Ноэля Бекстона (Noel Buxton)⁵³⁰ с его работами об Армении. Но общее течение английской публицистики, повторяю, шло в другом русле. В высшей степени любопытно поэтому отметить ряд литературных явлений, на которых сильнее всего образом отразился интерес к фактам национальной психологии.

Замечательный пример представляет в данном случае Ситон Ватсон^{*531}, шотландец, посвятивший много сил и энергии изучению австрийских и балканских славян**. Работы эти начались за несколько лет до современного кризиса. Поводом к ним послужило разочарование в романтическом представлении о мадьярской народности, сменившееся затем негодованием против мадьярского ига, наложенного на словаков, хорватов и сербов. Как, естественно, настоящая огромная война находит себе ряд предшествующих явлений в жизни замешанных в ней государств, так и книги Ситона Ватсона посвяще-

* Он начал свою литературную деятельность под псевдонимом Scotus Viator.

** Racial Problems in [H]ungaria, [by Scotus Viator with illustrations and a map. London,] 1908; The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy, [by R. W. Seton-Watson. London,] 1911.

ны как раз одной группе таких явлений. Но главный расцвет этнографической публицистики относится, конечно, ко времени переживаемой нами войны. Отмечу мимоходом попытку связать националистические проблемы с общим ростом демократии в свободном обзоре «Демократия и война» (The war and democracy)⁵³², составленном Зиммерном⁵³³, С. Уатсоном, Довер Уильсоном⁵³⁴ и Грин[в]удом⁵³⁵ (Greenwood). Весьма интересна также небольшая книжка Л. Б. Немьера⁵³⁶ о Германии и Восточной Европе (L. B. Namier, Germany and Eastern Europe⁵³⁷). Автор ее — молодой галицийский еврей, переселившийся в Англию и получивший образование в Оксфордском университете; он представляет любопытный образчик еврейского писателя, проникнутого враждебностью к немецкой ориентации международных отношений. Талантливо написанная книжка освещает, с этой точки зрения, успехи и опасности «Drang nach Osten»⁵³⁸ в применении к Восточной Европе и, между прочим, к России. Все упования автора связаны с переворотом общественного мнения, в котором решающую роль играет освобождение России от немецкой традиции.

Эти замечания я делаю мимоходом. Главное же внимание читателя мне хочется обратить на чрезвычайно интересную книгу молодого ученого Тойнби⁵³⁹ «Национальность и война» (Nationality and the war, by Arnold J. Toynbee, London, 1915). Автор — сын покойного Арнольда Тойнби⁵⁴⁰, известного своей капитальной работой о промышленном перевороте (Industrial Revolution)⁵⁴¹.

II

Книга, о которой идет речь, основана на очень детальном разборе географических и племенных условий Европы и прилегающего к ней бассейна Средиземного моря. Нельзя сказать, чтобы метод или заключения ее отличались строгой научностью. Временами смелые попытки автора перетасовать все существующие государственные отношения с точки зрения национальных элементов не могут не вызвать улыбки. Но как показатель настроений и стремлений английского прогрессивного общества — эта работа заслуживает полного внимания. Автор не дает точного определения начала национальности, но в различных местах его книги имеется достаточно указаний на то, как он понимает дело. «Современная „нация“ представляет собой цельный и неделимый организм». «Национализм оказался достаточной силой, чтобы вызвать войну, которой мы не хотели... Он самым ужасным образом доказал свое существо-

вание не как нечто снаружи созданное, а как жизнеспособная сила, с которой нужно считаться. Национальные моменты оказываются на континенте сильнее социальных... Ирландия заставила нас задуматься над национальной проблемой. Как все великие силы в человеческой жизни, народность не есть нечто материальное или механическое, а субъективно-психологическое чувство в живых людях. Это чувство может быть вызвано наличностью одной или различных групп факторов: общее государство, в особенности если оно представляет собой резко очерченное физическое целое, вроде острова, речного бассейна, горного хребта; общий язык, в особенности если на нем выросла литература; общая религия; и еще более неуловимая сила — общность традиций или воспоминаний прошлого. Но невозможно сделать заключение априори⁵⁴² при наличности одного или даже некоторых из этих факторов о существовании нации; они могут быть налицо в течение веков и все-таки не вызвать обсуждаемого явления. Точно так же выводы из одного случая неприложимы к другому: действие одной и той же группы факторов может создать народность в одном случае и пройти совершенно бесследно в другом. Великобритания — нация, созданная географическими условиями и традициями, несмотря на то, что значительная часть ее населения в Уэльсе и на шотландской возвышенности говорит по-кельтски и не понимает господствующего английского языка. Ирландия же — остров значительно меньший и более компактный, к тому же объединенный почти всецело доминирующим английским языком, ибо кельтский говор здесь несравненно реже слышен, чем в Уэльсе.

И все-таки отсутствие общих традиций, усиленное религиозными различиями, способствовало разделению населения этой области на две национальности, в настоящее время резко друг от друга отличающиеся, и нисколько невзирая на тот факт, что национальная их психология совершенно одинакова, в достаточной степени друг другу враждебные. Германия раздроблена религией совершенно так же, как Ирландия, но общность ее традиций значительно сильнее, а географическая связанность достаточно неопределенна — а все-таки она создала так сильно выразившееся в настоящее время национальное чувство в три поколения... Каждый случай должен быть рассматриваем в связи с его данными, и ни один аргумент не является неоспоримым, за исключением твердо установленного желания живого населения, действительно заинтересованного».

III

Установивши такого рода точку зрения, автор задает себе вопрос: как отнесется к национальным элементам тот конгресс или конференция, которой придется по окончании настоящей войны пересмотреть и переમેжевать состав и границы современного европейского мира. Допуская, что все соображения на этот счет могут быть лишь гадательными, он считает, однако, что в высшей степени важно политической литературе и общественному мнению заранее выработать не только точки зрения, но и предложения практического характера. «Я касаюсь того, что может быть, — говорит наш автор во введении к книге (стр. 6). „Может быть“, это комбинация того, „что будет“ и „что должно быть“: его содержание меняется со степенью приложимости».

Лучшей иллюстрацией к попыткам Тойнби в указанном направлении послужат некоторые примеры обсуждения конкретных вопросов. Вот, например, задача, поставленная в Эльзасе и Лотарингии. Случай любопытен тем, что материальная этнографическая основа в Эльзасе и в той части Лотарингии, которая тяготеет к реке Сааре, имеет, несомненно, германский характер. Романский отпечаток лежит лишь на западной Лотарингии. Тем не менее, как известно, в населении Имперской области (Reichsland) живы до сих пор стремления присоединиться к Франции. Было бы неосторожно и несправедливо разрешать вопрос сверху на соображениях, которые могут оказаться необоснованными. Лучшее средство прийти к твердому заключению — предоставить отдельным участкам, входящим в состав данной области, определить свое политическое будущее путем народного голосования.

В контрасте с этой постановкой дела является задача реорганизации Польши. Для автора не подлежит сомнению, конечно, что Польша как политический организм должна быть восстановлена, и он считает, что при соблюдении известных условий не может быть сомнения, в какую комбинацию должна вступить эта восстановленная Польша. Несмотря на все частные затруднения, Польша должна примкнуть к России и отделиться от Германии и Австрии.

Но в подробностях размежевания польских округов Тойнби допускает характерные поправки племенного принципа, с точки зрения стратегических и экономических соображений. Он считает, например, совершенно невозможным отхватить всю Познань в состав Новой Польши, потому что это было бы равносильно стратегическому насилию над Германией, с которым последняя никогда не смогла бы

помириться. «Никакое соглашение не может быть долговечным, если германская восточная граница будет стратегически и экономически оставлена „на великодушие России“. Пограничные линии должны быть так проводимы, чтобы предоставить возможность разделяемым ими государствам жить независимой и самоудовлетворяющейся жизнью в своих границах. Это первое условие, которому они должны отвечать, если они хотят иметь какое-либо значение: а существенная часть этой „независимости“ заключается в возможности против [по] ставить вооруженную силу в случае наступления соседа». На том же основании желательно разверстать Силезию таким образом, чтобы западные округа остались за Германией, хотя в них придется при этом включить несколько участков с польским населением. Наоборот, промышленный район «пяти городов» селезского угольного бассейна должен, по его мнению, безусловно, примкнуть к Польше — по экономическим соображениям. Последние выдвигают народнохозяйственный фактор, который, во всяком случае, должен сыграть великую роль во всех государственных переверстках. Он, несомненно, придает значительную силу течениям, привлекающим Польшу к России, наперекор старым раздорам. Индустриальная мощь Польши, конечно, должна выиграть от таможенного соединения с Россией, и начало этой хозяйственной спайки уже намечалось до войны.

В некотором недоумении останавливается наш автор перед вопросом о Висле и Данциге как выходном порте висленской системы. Историко-племенные течения перекрещиваются в данном случае с экономическими и стратегическими, и в результате получается не особенно убедительная комбинация. «Висла, — говорит Тойнби, — река Польши. Истоки ее на польской границе Карпат, обе национальные столицы — Краков и Варшава — расположены на ее берегах, и это главная артерия сообщения в стране. Если нижняя часть реки и многочисленное польское население на этих берегах ее должно остаться вне границы нового политического тела, то нет основания к тому, чтобы польское товародвижение по реке было заграждено таможенной рогаткой. За удержание Восточной Пруссии Германия должна согласиться на одно условие. Она должна предоставить Новой Польше свободную дорогу вниз по Висле к Балтийскому морю и предложить ей открытый Данциг на устье реки как свободный порт» (стр. 76).

IV

Растасовка австрийских областей приводит также к несколько рискованным результатам. Тойнби надеется, что будущий конгресс приведет к разделению Австрии на две независимые друг от друга половины.

Восточные области с Венгрией во главе и с включением южно-славянского триединого королевства, Великосербской державы, Румынии и Болгарии, должны составить, по его мнению, балканско-дунайский таможенный союз, причем составные части этого союза сохраняют полную государственную самостоятельность. Нет надобности настаивать на трудности такого разрешения вопроса — невольно припоминаются слова: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»⁵⁴³. Как это мудрено мыслить: Мадыарское королевство в трогательном согласии с Сербией и Хорватией. Но дело, впрочем, не в практической осуществимости подобных замыслов, а в том направлении мысли, которое они раскрывают. С этой точки зрения, не менее характерно определяется судьба западной половины Австрии. Как убежденный националист, Тойнби не останавливается перед идеей предоставления этой западной половины, за исключением, конечно, итальянских округов, виновнице всех современных бедствий — Германии. «Мы лишили Германию Эльзаса-Лотарингии, Шлезвига, польских областей с общим населением в 5,21 миллиона. В компенсацию мы отдаем Германии часть низведенной Австрии с населением в 16 миллионов» (стр. 269).

«Можно избежать необходимости особых „гарантий“ предоставлением всей Австрии в границах, к которым мы ее низвели, вступления как одного целого в Германскую империю, под условием, что последняя предоставит областную автономию чешской национальности. Чехи, составляя более $\frac{1}{3}$ общего населения и усиленные национальным самоуправлением, легко отстоят свою самостоятельность в рамках австрийского целого, которое, в свою очередь, представляя пропорционально интересы всех своих составных частей, не растворится среди Германской империи. При таком устройстве чешская национальность проявит себя в совместной работе со своим германским соседом, а не в борьбе с ним» (стр. 266).

V

В вопросе о судьбе турецких областей внимание русского читателя, естественно, останавливается на судьбе проливов и Константинополя. Наш автор проектирует решение, которое сам считает чистой утопией. Оно настолько характерно, что нельзя не привести в данном случае его подлинных слов. «Если мы после этой войны будем поддерживать турок лицом к лицу с победоносной Россией, мы вызовем как раз результаты, которых мы так стремимся избежать. Это свойственное человеческой природе явление, что когда людям не дают мирным путем овладеть тем, что им принадлежит по праву, они, применив насилие, захватят не только по праву им принадлежащее, но и значительно больше этого.

Если мы не хотим, чтобы в следующем поколении Россия возбудила европейскую войну за обладание проливами и всеми за ними лежащими балканскими землями, мы должны безотлагательно обеспечить ей свободу плавания в проливах» (стр. 363).

Это приводит нас к неизбежному вопросу о роли России в текущих событиях и о вероятных последствиях ее усиления в результате войны. Вопрос этот более или менее открыто обсуждается всеми английскими группами. Все мыслящие люди понимают, что от хода событий в этом направлении зависит в значительной степени не только исход борьбы, но и обеспечение прочного порядка в будущем. Отношение Тойнби, как представителя прогрессивной части английского общества, заслуживает полного внимания. Он признает и живо чувствует справедливость тяжелых обвинений, которые предъявляются России с точки зрения подвластных национальностей. Тем не менее он убежденный сторонник России будущего и готов резко осудить политику Англии в прошлом за ее русофобство. «В сущности идея, воодушевляющая Германию против России, тождественна с мыслью, сидевшей когда-то в наших головах. Они чувствуют себя „поборниками европейской цивилизации“, делу которой Англия „постыдно изменила“ — против многоголовой гидры панславизма, „которой помогать толкнула Англию зависть“. Для них Россия — главный противник, а мы просто ее прислужники: поражение Германии означает для них повержение цивилизованной Европы перед варварским русским началом... Если скандальные злоупотребления Турецкой империи по отношению к многочисленным подвластным народностям обязаны своим существованием германской политике, то целью Германии являлось не столько создание рынка

для германских предприятий, сколько закрытие южнорусского замечательного военного порта.

Этот последний пример нам особенно поможет понять ход мыслей Германии, ибо если бы мы сами не стояли на этой неблагодарной страже Турции в течение всего девятнадцатого века, то Германия была бы неспособна занять наше место в двадцатом... Аргументы, которыми мы оправдывали наше поведение тогда, вполне совпадают с таковыми Германии теперь... Со стыдом касаемся мы этих аргументов, которых мы сейчас не хотим признать. Лак идеализма, наложенный на них школой государственников эпохи Виктории⁵⁴⁴, облинял, и мы можем видеть под ним грубый металл невзрачного эгоизма. Наша собственная ошибка в прошлом поможет нам найти извинение и поправки к сильнейшему и наиболее существенному мотиву в психике Германии в настоящее время» (стр. 278 сл.).

АНГЛИЯ И РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ

1

Понимают ли в России, что хотя выросшая в какой-нибудь год трехмиллионная армия английских добровольцев, естественно, страдает от всевозможных недочетов, как страдала в гораздо большей степени армия северян в начальные годы американской междоусобной войны; однако с каждым днем эта армия волонтеров исправляется все более и более от своего главного недостатка — молодости, и что даже неполный успех этого призыва на добровольную службу дал результаты, о которых едва ли могли мечтать привыкшие к рекрутчине народы континентальной Европы? О роли английского флота распространяться нечего по другим причинам: даже самые недоброжелательные и близорукие должны признать, что господство английского флота на морях создало обстановку, в которой среднеевропейские державы прямо-таки задыхаются, несмотря на все преимущества своей сухопутной силы по части организации и техники.

Я, впрочем, лишь упоминаю о некоторых соображениях простейшего свойства и опускаю множество других, потому что моя цель в настоящей статье — остановить внимание русских читателей на одном из самых симпатичных проявлений великобританской дружбы, на том, что делается в Англии, чтобы прийти на помощь ужасному положению наших военнопленных.

И отовсюду слышатся одинаковые жалобы: страдают прямо от голода и холода; по месяцам нет известий с родины; русским живется хуже всех: и обращаются с ними с усиленным презрением и жестокостью, и помощь, и привет от своих доходят редко, случайно...

В этом тяжелом положении сдержанные англичане проявили изумительную отзывчивость, и, наверное, не одна тысяча русских пленных будет спасена от голодного истощения посылками, направленными из неизвестных уголков Англии и Шотландии. Мне пришлось принимать участие в работе двух центров деятельности на помощь русским пленным — комитета, образованного под председательством графини Бенкендорф⁵⁴⁵, и комитета, устроенного

при London Library по инициативе библиотекаря д-ра Габберга Райта⁵⁴⁶. Эти комитеты располагают далеко не одинаковыми средствами и поставили себе различные цели: первый обслуживает известное число лагерей пленных для доставления и пищи, и теплой одежды, второй заботится о снабжении книгами. Задача и того, и другого — внести луч света в жизнь наших несчастных соотечественников. Сегодня я имею в виду познакомить читателей с некоторыми подробностями, касающимися деятельности первого, большого комитета.

Во главе его в качестве председательницы стоит жена нашего посла в Лондоне графиня Бенкендорф; председателем исполнительного комитета состоит лорд Дарби⁵⁴⁷, а его заместителем является обыкновенно сэр Луис Маллет⁵⁴⁸, великобританский посол в Константинополе; среди членов есть представители как английского общества, так и русской колонии.

Воззвание с приглашением жертвовать на нужды русских пленных было выпущено в конце августа, и, несмотря на то, что не проходит дня без подобных же сборов на нужды раненых пленных, беженцев, вдов и сирот всевозможных национальностей — англичан, бельгийцев, сербов, черногорцев, итальянцев и т. д., приток пожертвований начался немедленно и продолжается, хотя в уменьшенном размере, до сих пор. Помимо сострадания к жертвам ужасной войны, большую роль играют симпатии и удивления, вызванные героическим сопротивлением русских войск во время пятимесячного периода, когда, по выражению Бальфура⁵⁴⁹ русским приходилось противопоставлять пушке человека, превосходству артиллерии — превосходство самопожертвования и стойкости.

Цифры поступлений говорят красноречивее слов. За четыре месяца, с сентября по Новый год, поступило в комитет пожертвований деньгами около 34 000 фунтов стерлингов, по теперешнему курсу около полмиллиона рублей. Некоторые из этих пожертвований были очень крупны — известный филантроп Моррисон⁵⁵⁰, например, прислал чек на 10 000 фунтов; во время сборов в одной из церквей Лондона возбужденные красноречивою проповедью прихожанки отдавали бриллианты. Но всего трогательнее были случаи, когда приносили свои лепты беднейшие люди, которым приходится учить каждый шиллинг; таких пожертвований по шиллингам и полукронам множество. Иногда вместо того, чтобы прислать деньги, просят адрес какого-нибудь пленного, чтобы посылать ему регулярно небольшие подарки. На днях письмо такого рода пришло от параличной больной, которая не встает с постели, и тем не менее

заботливо уделяет два-три шиллинга в неделю на посылки одному английскому и одному русскому пленным. Кроме того, конечно, поступало в комитет очень большое число предметов для снабжения пленных теплым бельем. К этому еще придется возвратиться.

2

Заручившись средствами, комитет приступил к выработке плана действий. Было признано невозможным тратить деньги и усилия на устройство самостоятельной агентуры для отправления пожертвований на месте. Более целесообразным мы признали обратиться к посредству существующих в нейтральных странах организаций, так как они стоят ближе к месту действий, имеют возможность скорее сноситься с лагерями для военнопленных и удобнее могут контролировать правильность доставки и распределения предметов.

С этой целью мы обращались главным образом к двум организациям — к *Bureau de Secours aux prisonniers de guerre*⁵⁵¹ в Берне и к *Bureau de Secours aux blessés et prisonniers de guerre*⁵⁵² в Гааге. При том и при другом учреждениях действуют русские секции, и я считаю долгом засвидетельствовать, что особенно энергичное и полезное содействие всем нашим начинаниям было оказано г. Березниковым в Берне и В. А. Шелгуновым⁵⁵³ в Гааге. На долю Берна, как более сильной организации, и пришлось большая часть наших заказов; что касается до Гааги, то тамошняя русская секция работала для нас главным образом в наших сношениях с крупнейшим лагерем на немецко-голландской границе — Фридрихсфельдом, близ Везеля. Надо прибавить, что бернская организация оказала нам значительные услуги по контролю отправок, благодаря участию нейтральных агентов, которые получили от немецкого военного министерства разрешение посещать лагеря, осведомляться о нуждах пленных и следить за правильной раздачей пожертвований. Особенно деятельным оказался швейцарец г. Глардон (*Glardon*), ревизирующий делегат лагерей в округах девятого и десятого корпусов немецкой армии.

Необходимо было в самом же начале установить известные ограничения: мы решили помогать из сумм комитета только солдатам, как наиболее нуждающимся. Скрепя сердце, мы отказались от помощи офицерам, сделав лишь исключение для рассылки подарков к рождественским праздникам. Точно так же мы принуждены были отстраниться от дела оказания помощи гражданским пленным. Приглашения к пожертвованиям имели определенно в виду взятых в плен военных, и дальнейшее расширение круга помощи могло ослабить

впечатление призыва. Наконец, приходилось по возможности определить географический район действий нашего комитета и размежеваться с другими подобными же учреждениями.

После зрелого обсуждения вопроса мы решили направить свои усилия на северо-западный угол Германии и заняться преимущественно лагерями, расположенными в провинциях — Вестфалии, Ольденбург, Мекленбург, Гановер и отчасти Бранденбург.

Сведения о числе пленных в этих лагерях оказалось очень трудно собирать по двум причинам: вследствие частых передвижений пленных с места на место и вследствие разветвлений больших лагерей на множество более мелких стоянок. Как бы то ни было, по приблизительным данным, лондонский комитет отобрал себе для главной своей работы лагерь Фридрихсфельд, Мюнстер (три главных центра), Минден, Мешеды, Ван (близ Кельна), Вецлар, Партинг, Бостров, Золтау, Целль, Бергдамм, Гамельн, Мунстерн (Гановерской провинции), Альтентрабов, Бранденбург, Галбе, Комерг... В общем комитет придерживался этого списка в первые пять месяцев своей деятельности, хотя бывали случаи, что посылались пособия и в другие лагеря.

Расчет пособий мы делаем применительно к цифре 100 000 чел. Мы учитываем значение того обстоятельства, что значительная часть этой группы пленных уходила на работы, так что наши пособия едва ли могли доходить более чем до двух третей всего населения этих лагерей.

3

Затем предстояло решить вопрос, что именно и в каких размерах посылать. Комитет пришел к единогласному решению, что нужнее всего хлеб, хотя бы и грубый, но питательный. В Гааге мы показывали галеты или сухари, а из Берна нашим лагерям посылали хлеб особого приготовления, по образцу того, какой уносят с собой в горы швейцарские пастухи: хлеб этот, как оказалось, отлично выдерживал перевозку и оставался годен к употреблению по три-четыре недели. Так как имелось в виду не заменить выдаваемые немцами порции, а усилить их, то мы производили заказы по расчету $\frac{1}{2}$ пенса в день (по 3 коп.) на человека. При равномерном распределении пособия должно было бы приходиться по этому расчету около $\frac{1}{3}$ фунта хлеба в день на человека, но, к сожалению, нельзя было избежать большой неравномерности в раздачах вследствие задержек сообщения и перетасовываний пленных по лагерям.

Второй капитальной статьей расхода было снабжение теплыми вещами. В данном случае комитет организовал закупку и изготовление в Англии, а не обращался к заказам, так как шерстяные предметы стали значительно дешевле у нас, нежели в Швейцарии и Голландии. Невозможно было, конечно, изготавливать тяжелые и крупные вещи вроде шинелей — подкомиссия, образованная на этот предмет под руководством г-жи В. Волковой, жены морского агента, сосредоточила внимание главным образом на посылке фуфаяк, портянок и теплых носков. На изготовление этих вещей комитет ассигновал 8000 фунтов (около 120 000 р.). К 1 января н. г. послано по лагерям 21 000 штук крупных предметов, 3, 000 мелких, но закупка и работа теперь во всем разгаре и в ближайшие недели будет выслано очень большое количество теплых вещей. Надо заметить, что в изготовлении этих предметов принимали деятельное участие самые разнообразные круги населения. Через руки моей жены, например, прошли вещи, присланные женскими школами, небольшими кружками добровольных работников и мастерскими больших магазинов, в которых, случалось, закройщики кроили даром.

Помимо этих главных статей, комитет отпуская менее значительные суммы на лекарства и укрепляющую пищу для больных на подарки к Святкам, на табак... Множество просьб из лагерей, к сожалению, нельзя было удовлетворить за невозможностью уследить за мелкими нуждами. Не все было удачно и по главным статьям. Как уже сказано, несмотря на все усилия трудно было гарантировать равномерное во всех случаях распределение и правильную доставку. И все-таки цифры сами за себя говорят. За пять месяцев своей деятельности комитет израсходовал на нужды пленных более 30, 000 фунтов из общей суммы сборов приблизительно 34, 000 фунтов, поступивших до сих пор на приход. Ожидаются дальнейшие поступления, например, часть выручки от устроенного леди Паджет⁵⁵⁴ по разным городам «русского дня»; но нельзя сказать с уверенностью, какие будут размеры этих поступлений и сколько времени удастся поддерживать течение пособий в принятом до сих пор крупном масштабе.

Как отзываются пленные на посылки комитета, можно судить по письмам, которые приходят из лагерей: в них на все лады повторяется выражение горячей благодарности как за материальную помощь, так и за нравственную поддержку, которую несчастные пленные находят в этих знаках сочувствия и заботы об их участи. Желательно, чтобы и в России оценили готовность англичан прийти на помощь русским жертвам ужасной войны. Судя по помещенной в 27-м номере «Известий Всероссийского Земского союза» (от 15-го

ноября 1915-го) статьи доктора Навашина⁵⁵⁵, сведения о работе комитетов за границей и, в частности, о деятельности лондонского комитета к началу зимы еще не проникли в русское общество. И не мудрено: все, кому приходится вести переписку с Россией из-за границы, знают, как туго идет обмен писем и как мало уверенности, что корреспонденция дойдет по назначению. Рано или поздно, однако, факты должны сказать свое слово. Я думаю, что самого сухого перечня фактов, относящихся к движению пособий из Англии на нужды русских пленных, достаточно, чтобы показать, как живы и искренни симпатии англичан к русскому народу и русской армии.

МЕЧТЫ О МИРЕ

I

Течение настоящей войны достаточно выяснило, насколько неудобно для союзников, что они разобщены друг от друга толщею среднеевропейских империй. Мы знаем, что значительная часть германских успехов объясняется единством действий и быстрыми передвижениями с одного фланга на другой, как бы по шахматной доске, между тем как враждебная германцам коалиция принуждена насаживать действия по окружности путем сложных переговоров. Эти стратегические неточности находят себе соответствие в подобном же разобщении духовных сил и настроений. При всей интенсивности развившихся между западными державами и Россией симпатий русский мир, отрезанный льдами и враждебными странами, плохо связан с живыми центрами своих могущественных союзников. Сознание этих недоборов приводит к постоянно повторяющимся попыткам установить общение путем посещений, корреспонденций, систематической информации и т. п. Мне хотелось бы воспользоваться приездом в родную Россию, чтобы послужить по мере сил этому крайне важному делу передачи идей.

Я позволю себе обратить внимание на ряд вопросов, которые все более и более волнуют английский мир и, несомненно, должны найти отзыв в сознании русского общества. С самого начала войны рассуждения о ее целях приводили к вопросу о ее окончании, иначе говоря, о желательных и необходимых условиях будущего мирного договора. Речь могла идти, конечно, только о направлении усилий, так как все благоразумные люди понимали и понимают, что результат в такой борьбе, как настоящая, определялся в значительной степени не пожеланиями и даже не условиями одной стороны, а соотношением сил обеих сторон. Было бы наивно предлагать готовые и детально сформулированные решения. Тем не менее сознательное стремление к целям само по себе составляет великую силу, и от него будет в значительной степени зависеть сумма достигнутых результатов.

Народное или общественное сознание составляет исторический фон всех дипломатических комбинаций. В старое время, в эпоху профессиональных армий, правительство могло вести войны, так ска-

зять, за свой счет, не справляясь с настроением народа. Теперь при мобилизации целых народов отрешенная от общественных стремлений политика была бы нелепостью. От единства и твердости национальных усилий будет зависеть, в конце концов, успех военных и дипломатических операций. Истина этих соображений глубоко чувствуется в Англии, и не может быть сомнения, что для всех заинтересованных важно присмотреться к течениям английской мысли в этом русле. Надо оговориться, что некоторая искусственная атмосфера создается по необходимости для подобных рассуждений, требованиями военной тайны: полной откровенности быть не может, когда за каждым словом следят не только враги, но и друзья. Но уже привыкли пребывать в этой искусственной атмосфере и научились до некоторой степени разбираться в недомолвках. Притом когда речь идет не о мелких подробностях, а о главных очертаниях, то их ни удалить, ни выключить из действительности нельзя, и потому думать и говорить о них приходится, пользуясь всеми средствами, которые допускает публичное обсуждение.

II

Итак, посмотрим, какие стадии прошла английская общественная жизнь в рассуждениях о желательном мире. В самом начале войны произведена была довольно неудачная попытка изъять вопросы о внешней политике из ведения политических и дипломатических специалистов. В 1914 г. велась особенно оживленная агитация под громкой вывеской «Союза демократического контроля», заподозревалась искренность и компетентность министров иностранных дел, послов и кабинетов; с разных точек зрения доказывалось, что для современной цивилизации необходимо совершенно разорвать с приемами венского и берлинского конгрессов, что только мирно настроенные и ищущие свободы демократические массы способны взвесить доводы за и против вооруженной борьбы. Энтузиасты пацифиста вроде Нормана Энджеля подавали руку в данном случае доктринарам типа Чарльза Тревельяна и любителям литературных парадоксов вроде кембриджского профессора Лоуес Диккинсона⁵⁵⁶. Когда выяснилось, что войны ни остановить, ни ограничить нельзя, Союз демократического контроля до некоторой степени ушел за кулисы, предоставляя себе возобновить деятельную агитацию позднее в расчете на утомление кровной борьбой. Однако обстоятельства 1915 и 1916 гг. не оказались благоприятными для возобновления прямого натиска на дипломатию. Не говоря уже о том, что агитация сою-

за была подхвачена в своекорыстных целях немцами, разгоревшаяся борьба стала принимать все более ожесточенный характер, причем в широких кругах английского общества сложилось убеждение, что немцам ни в чем доверять нельзя, что у них диаметрально противоположные мерки для чужих и для своих действий, что проповедь справедливости и гуманности культивируется ими единственно в целях ослабления решимости врагов, сами же они готовы принести в жертву всякие соображения справедливости и гуманности, когда дело идет о той или другой, даже второстепенной выгоде. В противовес Союзу демократического контроля появились не только разные националистические и империалистические общества, но, между прочим, характерное общество борьбы «за право» (Fight for right movement). Хотя это общество не собрало особенно большого числа членов, но состав и программа его весьма любопытны. Представители религиозного обновления в лице, например, вождя английских унитариев Джакса^{*557} встречаются в нем с либеральными юристами вроде сэра Фредерика Поллока⁵⁵⁸ и с поклонниками английского империализма как культурной силы в лице, например, д[окто]ра Фарнеля⁵⁵⁹, ректора экстерского колледжа в Оксфорде. Основная мысль этого общества — пропагандировать борьбу против Германии как разрушительницы права во всех его проявлениях.

Помимо этих организованных ассоциаций, быть может, еще большее значение имеет для народа ежедневно усиливающееся раздражение потоплением пассажирских судов с женщинами и детьми, избиениями мирного населения бомбами с цеппелинов, всевозможными проявлениями холодной, систематической жестокости в целях утраты (frightfulness). Чуть ли не самым ярким выражением этого возмущения германскими приемами войны служат талантливые наброски голландского художника Ремекерса⁵⁶⁰, трагика карикатуры, который изображает в символических сценах проявления ужасной войны: блуждание кайзера в рубище вечного жида по полям разоренной Европы, «соблазнение» истерзанной и связанной по рукам и по ногам женщины грузным прусским фельдфебелем, сцену у прикрытой белым погребальным покрывалом постели, на которой покоится тело умерщвленной бомбой женщины и т. п. Эти картины можно найти на столе почти в каждом доме. Каждая из них вопиет о возмездии, и нельзя сомневаться, что имя Ремекерса долго будет звучать в ушах немцев как укоры нейтрального свидетеля апостола немецкой культуры. Все понимают в Англии, что не одни немцы погрешали

* Президент Манчестер колледжа в Оксфорде.

против гуманности в этой войне, но все убеждены, что нет никакого сравнения между случайными проявлениями дикости и жестокости в рядах союзников и тяжелым педантизмом разрушения, выпущенного таким теоретиком насилия, как Бернгарди.

III

Тем не менее хоть и приходится сожалеть о «добрых нравах» хотя бы японской войны, но нельзя не думать о разрешении настоящего конфликта. Не ограничиваясь критикой отдельных действий правительства и дипломатии, представители английского общества оживленно обсуждают вопросы, которые обязательно возникнут при заключении мира и косвенно подготовят почву для дипломатов на будущем конгрессе. Прежде всего припомним состоявшиеся официальные заявления членов английского правительства, в особенности Асквита и сэра Эдуарда Грея. В этом отношении наблюдается любопытная прогрессия. В начале войны все внимание в этих заявлениях обращалось на судьбу Бельгии. Как известно, нарушение бельгийского нейтралитета немцами сыграло роль искры, брошенной в пороховой погреб. Если бы немцы от вступления в Бельгию воздержались, то Англия в первое время осталась бы нейтральной, сэр Эдуард Грей принужден был бы оставить пост министра иностранных дел, и только после неизбежных при такой конъюнктуре бедствий Франции и России, англичане, вероятно, собрались бы, в конце концов, примкнуть к союзникам. На наше счастье, немцы совершили в данном случае одну из тех колоссальных ошибок, которые как-то уживаются у них с необыкновенной технической ловкостью и энергией.

Во всяком случае, еще долго представители английского правительства избегали формулировать другие «безусловные» требования, кроме восстановления Бельгии.

Мало-помалу, однако, выступают и кое-какие другие пункты минимальной программы. Упоминается в правительственных речах об очищении занятых немцами французских департаментов; после окружения Сербии болгарами Асквит счел необходимым поставить Сербию рядом с Бельгией в числе стран, восстановление которых Британская империя считает долгом. В остальном руководители английской политики выставляют один общий лозунг — защиту мелких национальностей. Самая эластичность этой формулы показывает, что руководящие государственные люди считают пока невозможным поставить совершенно определенные требования по этому пункту, но направление все-таки обозначено: при такой крайней осторожно-

сти заявлений Асквита и Грея этот факт имеет очень большое значение, и в английском общественном мнении, как мы увидим, выяснились любопытные течения в связи как раз с этим лозунгом.

То обстоятельство, что ни Асквит, ни Грей не включили в свои программы заявления ни одного из специальных требований союзников Великобритании, как то: Эльзас-Лотарингия — для французов, Трентино и Триеста — для итальянцев, проливы и польские области — для России и т. п., нисколько не означает, чтобы они имели в виду отделиться от союзников по этим ближайшим для последних задачам. Смысл умолчания по этим пунктам сводится к признанию, что в данных вопросах Англия предоставляет руководящее слово державам, с которыми она связана тесным союзом. Не может быть сомнения, что соглашения по всем этим вопросам есть, но соглашения эти находятся пока в области дипломатических и стратегических воздействий и непригодности для упрощения программ, к которым сводятся пока обязательные требования английского правительства, насколько они сообщены большой публике.

IV

Как раз одна из наиболее интересующих Россию сторон — перегруппировка сил и владений на Ближнем Востоке — находится по легко понятным причинам под знаком дипломатической полутайны. Необходимость для России выхода к открытому Средиземному морю признается теперь всеми в Англии, хотя формы этого выхода представляются отдельными группами различно. Больше того, ирония исторической судьбы показала на предметном уроке последних месяцев, что Россия не только не угрожает правильно понятым интересам Англии на Востоке, но является для последней необходимой союзницей в борьбе с берлинским халифатом. Как раз на оси Багдадской дороги суждено, по-видимому, соединиться британской и русской армиям. Однако нельзя закрывать глаза и на то, что в области отношений Великобритании к мусульманскому миру новая ориентация английской политики приводит к опасному и трудному кризису. Года два-три тому назад индийские мусульмане волновались по поводу успехов балканских славян в войне с Турцией, а соглашение между Россией и Англией по поводу Персии подвергалось нападкам не одних мусульман, но и многих чистокровных англичан. Времена меняются быстрее людей, но нельзя упускать из виду, что политика союзных держав принуждена трактовать эти щекотливые вопросы с особой осторожностью. Помочь должно то обстоятельство, что ни та, ни другая им-

перии не ищут завоеваний: и у той, и у другой более чем достаточно подвластных территорий и связанных с ними обязательств.

Перемены на Ближнем Востоке неизбежны, но они должны быть направлены по существу к упорядочению быта этих стран, в особенности Армении. Это приводит нас опять к многозначительному лозунгу защиты малых национальностей. В английской публике происходит живой обмен мнений и мало-помалу намечаются известные руководящие идеи, с которыми, наверное, придется считаться в заключительной стадии переговоров о мире. Попытаемся охарактеризовать в самых общих чертах некоторые из этих идей, преимущественно те, которые имеют ближайшее отношение к русским интересам. Оговариваюсь, что речь может идти лишь о характеристике, а не о подсчете, так как материалом служат подвижные течения публицистики.

Прежде всего защита прав малых национальностей, о которых неоднократно упоминали великобританские министры, отвечает реальным нуждам, отчасти традиционным, отчасти же выясняющимся постепенно под влиянием настоящей борьбы. Англия давно гордится тем, что она в европейской политике постоянно становилась и становится на сторону слабых против сильных, на сторону угнетенных против угнетателей.

Девиз гордый, но оправдываемый историей. Еще во времена Елизаветы⁵⁶¹ англичане поддерживали Нидерланды против сокрушительного могущества Испании. В XVII веке, как известно, Англия была душой всех коалиций против завоевательных претензий Людовика XIV; в войнах времен Первой империи одна Англия не подчинилась превосходству французского оружия. В середине века ей пришлось столкнуться с Россией Николая I, которая, казалось, заняла господствующую позицию в Центральной и Юго-Восточной Европе. В настоящее время Англия так же решительно и неуклонно будет стоять против стремлений Германии к военной гегемонии над европейским миром. Без сомнения, эта великая роль Островного королевства в политике Европы объясняется не одними лишь идеальными побуждениями. В ней сказывается созревшее в течение веков сознание, что покорение Европы какой-либо одной державой было бы смертным приговором для английской независимости. Но какие бы ни были элементы, входящие в состав традиционной политики, тяготение к угнетенным народностям, несомненно, стало привычным чувством среди англичан, чувством, приводящим к практическим последствиям. Наряду с этой традиционной колеей намечается и другой идейный след, который становится с каждым днем все более явственным. Дело в том, что и среди мыслителей, и среди политиков по ремеслу все более укореняется взгляд,

что для обуздания Германии лучшим средством является именно восстановление прав мелких национальностей средней Европы.

Прежде всего мысль эта подсказывается сознанием, что договорные сделки и обещания, хотя бы самые торжественные, свяжут Германию лишь до того момента, когда она почувствует себя достаточно сильной, чтобы разорвать их. Какую цену могут иметь договорные обещания державы, которая так легкомысленно разорвала клочок бумаги, гарантирующий нейтралитет Бельгии? Разрушительное впечатление, произведенное всеми возможными нарушениями международного права в течение этой войны, приводит самых умеренных людей к выводу, что с такой незаконной силой, как Германия, можно достигнуть прочного мира, лишь подчинив ее явному превосходству сил. Вот почему все отдельные увещевания, клонящиеся к тому, что худой мир лучше доброй ссоры или, что, по выражению лорда Рибблсдела⁵⁶², следовало бы построить дом мира где-нибудь на полпути между воюющими странами — все эти благие желания не находят отзвука в общественном мнении. Если необходимо обессилить воинствующую Германию, то, с другой стороны, все сознают, что этого нельзя сделать отсечением от нее каких-либо немецких областей. Эксперименты во вкусе хотя бы отторжения Эльзас-Лотарингии от Франции можно считать совершенно исключенными. Англичане не будут воевать за то, чтобы отнять у Германии немецкие части Восточной Пруссии или округа Рейнской провинции. Если таким образом неприкосновенность немецких областей должна быть признана заранее, то спрашивается, где же почва для перемещения центра тяжести в Европе? И ответ подсказывается сам собою: почва подготовлена давно, она состоит в разноплеменных областях, притянутых Германией под свое главенство прежде всего в разнокалиберных территориях, соединенных под названием Австро-Венгрии.

V

Австро-Венгрия является в настоящей борьбе безвольным привеском Германии: ее народности принуждены сражаться в интересах так называемого союза центральных империй. В действительности все знают, какую жалкую роль играют эти австро-венгерские спутники в военном приключении, затеянном Германией. Одни лишь австрийские немцы и венгры бьются в этой войне если не за свое существование, то в своих интересах, чтобы удержать в порабощении славянский мир. О несчастной судьбе чехов, словаков, хорватов, словинцев, сербов, румын и итальянцев, мужское население которых проливает кровь в борьбе

с соплеменниками, распространяться нет надобности. Не могу не упомянуть о грустном впечатлении, вынесенном при встрече в Лондоне с одним из самых благородных и замечательных славянских мыслителей — с чешским философом Масариком⁵⁶³. Сын его погиб на сербском фронте, дом разорен, имущество конфисковано, сам он бежал на чужбину и является одним из протестующих изгнанников, которые не знают, доведется им когда-нибудь увидеть дым родного города — Праги. В Лондоне образовался, прибавлю, живой центр для этих беженцев — школа славяноведения при King' s College⁵⁶⁴, в которой чехи встречаются с сербами, поляками и русскими. Масарик действует там наряду с Ситоном Уатсоном, недавно там читал лекцию Дмовский⁵⁶⁵. Для осторожных политиков представляется, быть может, рискованной идея разверстания Австрии на составляющие ее национальности. Как далеко пойдет процесс этого разверстания и какие именно результаты будут достигнуты в конце настоящей войны, сказать пока нельзя. Это как раз один из тех вопросов, в которых ход военных дел и степень истощения противников сыграют чрезвычайно важную роль. Уже и теперь слышатся иногда голоса, предупреждающие против идеализма «крестовых походов». Однако не лишено значения сознание, что в этом направлении происходит эволюция, которая обусловлена всей предшествующей историей и имеющая составить, по-видимому, содержание грядущей истории на многие годы. Не даром германцы в течение тысячелетней борьбы со славянами выделили из себя промежуточную колониционную группу восточной державы — Oesterreich. Не даром в настоящее время Австрия служит для них мостом, перекинутым по направлению к Балканам, к Дарданеллам, к Малой Азии и Месопотамии. Не даром поэтому и противодействие германскому нашествию на восток выражается в форме постепенного раздробления Австрии. Случится ли это в течение настоящей войны или впоследствии, но прочный мир в Европе будет достигнут лишь тогда, когда окончательно определится ориентация мелких народностей Австро-Венгрии и Балканского полуострова. Ориентация эта будет либо германская, либо в духе теперешнего «Согласия» (Entente).

Почему может идти речь либо о гегемонии Германии, либо о протекторате «Согласия», а не просто, например, о гегемонии России? Ответ уже намечен был раньше и вытекает не только из естественного противодействия всякой военной гегемонии. Гегемония России была бы такою же опасностью для свободы Европы, как гегемония Германии, и было бы наивно полагать, что Западная Европа поддерживала бы Россию в подобных стремлениях, к счастью, маловероятных. Но помимо этого, если будет достигнуто, наконец, желанное одоле-

ние немцев, ясно, что долгие годы придется стоять на страже достигнутых успехов и что потребует вся мощь теперешнего «Согласия», чтобы сдерживать пригнутую пружину и не допускать «реванша», который привел бы Европу еще в худшее положение, чем теперешнее. Это не значит, однако, что западные державы откажут России в естественном влиянии, которое предуказано ее положением на Востоке. Напротив, нравственная связь, сложившаяся между Россией, с одной стороны, Англией и Францией, с другой, в течение мучительных годов этой войны, есть огромная сила, способная открыть для нас путь к неисчислимым выгодам, если мы сами не испортим себе дело непомерными требованиями и заносчивым ослеплением. Нелегко говорить об этих щекотливых вопросах, но приходится думать и говорить о них потому, что все они рано или поздно будут поставлены. Я, впрочем, думаю, что преобладающая масса русского общества далека от всякого шовинизма и отлично понимает выгоды совместной работы с западными державами.

VI

Прошло то время, когда наши предки ходили в дальние походы и проливали кровь потоками в пользу освобождения румын, греков, болгар в расчете на то, что они создадут этим себе навсегда благодарных потомков. Какою монетою платят за освободительные походы, мы узнали с несомненною ясностью в последние месяцы на примере оплаты за Шипку и Плевну⁵⁶⁶. Положим, мы не вычеркнем из кодекса международных отношений начала доверия, признательности за услуги, верности обещаниям под предлогом, что реальная политика не считается с сентиментальными соображениями. Но раз мы не можем рассчитывать на материализацию прежних заслуг, остается держаться политики ясно понятных интересов, и в этом случае пример нам и нашим союзникам дают немцы. Их журналистика кишит в настоящее время книгами и статьями на тему о создании под эгидой Германии ряда государств-буферов для отгораживания Германии от России. Тут и Румыния с прибавкой Бесарабии, и Украина, и якобы независимая Польша, и Литва, и Прибалтийский край, и Финляндия. Для создания некоторых из этих государственных теней удобным посредствующим звеном являлась бы как раз Австро-Венгрия с ее неопределенным племенным составом. Немудрено поэтому, что главными пропагандистами этой политики, наряду с немецкими журналистами вроде Рорбаха⁵⁶⁷, являются австрийские государственные люди. Беда лишь в том, что все эти постройки должны возникнуть на фоне империи Гогенцоллеров⁵⁶⁸ с ее

бронированным кулаком. И хотя известный берлинский профессор Франц Лист⁵⁶⁹ еще недавно провозглашал в интервью с шведскими журналистами, что девизом Германии следует считать изречение «Leben, und leben lassen» («Жить и давать жить другим»), но все, кого это касается, хорошо знакомы с примерами Познани и Шлезвига, и у всех невольно возникает вопрос, сколько дней продержится этот либеральный лозунг после того, как минует железная необходимость войны.

А сам по себе этот лозунг единственно правильный. Прошло для Европы время собирания уделов силою, прошло время грабительских разделов, и как раз Великобритания дала блестящий пример чудодейственного значения свободы, организовав Южную Африку после победы над Трансваалем как самостоятельную государственную единицу, Англия пожинает теперь плоды этой мудрой политики в виде горячей поддержки со стороны прежних противников, таких людей, как Бота⁵⁷⁰ и Смутс⁵⁷¹. Комбинация держав, которая задумала обезвредить Германию, по необходимости должна выставить в своей политике идею действительной самостоятельности освобожденных областей в связи с теми гарантиями военного союза, которые, безусловно, необходимы, чтобы избежать новых приступов того кровавого безумия, которое разразилось в настоящее время над Европой. Было бы преждевременно рассуждать о формах включения в федерацию будущей великой Сербии и Чехии.

VII

Но есть один вопрос, который непосредственно соприкасается с жизнью России, относительно которого идут уже споры и в наших пределах, и в Англии. Это вопрос о будущности Польши. Общее направление русской верховной политики по этому вопросу было достаточно ярко указано перед лицом всего мира в знаменитом манифесте великого князя главнокомандующего и заявлениях русских министров и т. д. Россия поставила задачей в этой войне восстановление Польши в неразрывной связи с империей. Среди поляков есть немало таких, которые мечтают не только о самостоятельности, но о совершенной независимости. Агитация в этом направлении ведется и на Западе. Но невозможность подобного разрешения вопроса бросается в глаза. Даже самостоятельная Польша должна будет по необходимости опираться либо на Германию, либо на Россию, и чем прямее и яснее будет обставлена связь с последней, тем лучше будет и для русских и для поляков. Во всяком случае должна быть предотвращена возможность макиавеллиевских маневров вроде тех, какие имели место в Болга-

рии. Если дело дойдет до освобождения Польши от немцев, то это будет достигнуто главным образом благодаря колоссальным жертвам, принесенным Россией. Было бы чудовищной нелепостью в результате тягостной, но победоносной войны вытолкать Россию в пределы древней Московии, как того искренне желают немцы. С другой стороны ясно, что в восстановленной Польше не может быть речи о возвращении к тому порядку, который господствовал в Привисленских губерниях до войны и которым так искусно пользовались немцы для разъединения своих главных врагов. Полная и твердая самостоятельность без применения пословицы, что царь жалует, а псарь не жалует, является как бы равнодействующей естественных стремлений польского и русского народов. Прибавлю, что далеко не все в Англии убеждены, что такого рода компромисс осуществится.

Слишком еще свежа память о странных противоречиях в поведении местных властей. Мало понятны также причины, которые обуславливают своеобразное течение внутреннего управления в России. Для англичан, например, как и для французов, для итальянцев, для немцев отчаянная борьба повелительно требует объединения, соглашения между правительственными партиями и страной. Совершенно неожиданным поэтому представляется тот уклон в сторону одного и притом крайнего направления, который проходит внутренняя политика России за последнее время. Все это порождает недоумения, в которых англичане разобраться не могут. Но все сильнее укореняется среди них мысль, что народ русский в этой борьбе проявил свойства великого народа, что с мелкими невзгодами и препятствиями он справится и что, во всяком случае, он не откажется от дела Петра Великого и от места в семье европейских народов. Его будущее — в согласии и мирной, культурной работе вместе с западными братьями. На этом пути, несмотря на все различие учреждений и привычек, найдется общая почва в культе права во всех его явлениях — права международного, гражданского, государственного права, уже давно усвоенного англичанами и сияющего, как путеводная звезда перед глазами России.

В РОССИИ ЖЕЛАТЕЛЬНА РЕСПУБЛИКА

НЕКОТОРЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Когда я вернулся в Оксфорд из Петрограда в начале апреля, я был поражен странными представлениями и слухами, распространенными в Англии о русской революции. Упомяну лишь один факт из многих. Ведущая газета поместила статью хорошо известного писателя, в которой каждое слово звучало как фальшивая нота. «События в России являются большим сюрпризом для миллионов здесь в Англии. Действительно, британское общественное мнение в немалой степени способствовало успеху движения». «Если царь действительно отрекся от престола, то он поступил благородно. Несомненно, он мог найти больше сил, чем Дума, и развязать гражданскую войну». «Русские верят в революцию» и т.д. и т.п. Во всяком случае, эти и подобные заявления не только наивны, но и ошибочны, и обязанность всех, кто имел возможность непосредственно следить за событиями, — обобщить и представить открыто свои наблюдения с тем, чтобы позволить британской публике сформировать правильное мнение о величайшем кризисе в современной истории. Ни в малейшей степени не претендуя на то, чтобы дать полную оценку или детальный анализ революции, я бы хотел представить читателям «Современного обозрения» некоторые факты, которые я отметил, и которые, как мне кажется, характеризуют ту или иную главную черту движения.

Начнем с того, что ничто не могло бы быть более постепенным и неизбежным, чем рост революционного духа в России. Общественность в Великобритании и во Франции была до некоторой степени введена в заблуждение неразборчивой цензурой и устаревшим сентиментализмом относительно «Святой Руси». Но в самой России людей, которые отказывались видеть и понимать, [что происходит,] можно найти лишь в непосредственной близости от царя, в узком кругу, образованном придворной камарильей, крепко держащейся за произвол власти. Наиболее опасным лицом, страдающим этим своеобразным дальтонизмом, была императрица Александра⁵⁷². Когда умная и великодушная великая герцогиня Виктория, дочь недавно скончав-

шегоса герцога Эдинбургского⁵⁷³, попыталась объяснить Александре Федоровне, что реакционная политика, которой следует царь и вдохновительницей которой является императрица, вызывает всеобщее недовольство и угрожает династии и трону, ее удалили от двора. Как сообщается, императрица заявила: «Я знаю, что у тебя добрые намерения, но ты совсем не знаешь то, о чем говоришь. Только жалкие интеллигенты агитируют против самодержавия из властолюбия и подстрекаемые немцами. Русский народ — с нами и будет поддерживать нас». Доводы гипнотизера — Распутина — имели больший вес в глазах этой несчастной женщины, чем предостережения и просьбы великого князя Николая Михайловича⁵⁷⁴, императрицы Марии⁵⁷⁵ или ее собственной сестры Елизаветы Федоровны⁵⁷⁶. Что касается царя, то он чувствовал, что приближается, и временами делал слабые попытки освободиться от пут камарильи, но он был также загипнотизирован своей женой, как она Распутиным⁵⁷⁷ и другими знахарями. *Quos perdere vult Jupiter prius dementat*⁵⁷⁸.

Все, кто имел глаза, чтобы видеть, наблюдали поток недовольства, нарастающего день ото дня. Главным образом это были не жалобы на высокие цены, недостаток хлеба и топлива, плохой транспорт. Конечно, у стоявших в очередях перед булочными были основания проклинать «предусмотрительную деловитость» администрации, и вынужденное посещение этих своеобразных «клубов» на ветру и под снегом едва ли улучшало настроение домохозяек и служащих. Но разговоры в таких «клубах», в трамваях, в бараках, даже на сельских сходках вращались вокруг более сложных политических тем. Не только интеллигенция, но и простые люди размышляли о размере и глубине надвигающейся дворцовой катастрофы; о распространении терроризма; о связи между внутренними беспорядками и неудачами на фронте; о немецких происках и измене высших должностных лиц. Зловещие, хотя и упрощенные формулировки передавались из уст в уста. Главнокомандующий заявил: «Победа не является целью штабов». Простой народ с готовностью нашел объяснение вялому ходу войны: «Как можно надеяться на победу над немцами с немецкой императрицей, владеющей военными секретами?»

Размеры грядущей катастрофы, опасность, возникающая из непонятных зигзагов общественного мнения и пробуждения неисчислимых сил, отнюдь не недооценивались интеллигентами. Напротив, все было сделано ведущими лидерами Думы для того, чтобы избежать открытого конфликта с царем. Несмотря на растущее недовольство, золотой мост был открыт для традиционных властей в случае, если бы они сочли возможным воспользоваться им. После раз-

вала снабжения военным снаряжением в 1915 г., который привел бы к разрушению любой другой, а не только стойкой русской армии, назначение разумного бюрократа Кривошеина⁵⁷⁹ было бы встречено реформатами с удовлетворением. Однако предпочтение было отдано Штюмеру⁵⁸⁰, а не Кривошеину, потому что он был сторонником Плеве. Даже после этого преобладающим требованием было не республика и не просто парламентское правительство, а министерство «общественного доверия», т. е. министерство, составленное из бюрократов, как подходящих представителей императорского правительства, пользующихся доверием народа, — графа Игнатьева⁵⁸¹, генерала Поливанова⁵⁸², г-на Сазонова⁵⁸³ было бы воспринято с энтузиазмом. Кадеты — партия, которая придерживалась доктринерских взглядов в 1906 г., поддержала умеренную программу «общественного доверия» в 1916 г. и решительно выступила против более радикальных предложений, выдвигаемых прогрессистами, а также трудовой группой и социалистами. На этой основе был создан *bloc* из кадетов и их бывших врагов, октябристов и либеральных националистов. В том, что компромисс в виде умеренной конституционной монархии не был достигнут, нет вины думского большинства.

Такому компромиссу помешала не только слепота императора, но также циничное отношение наиболее влиятельных бюрократов. Такие люди, как Щегловитов⁵⁸⁴, Протопопов⁵⁸⁵, Курлов⁵⁸⁶, Белецкий⁵⁸⁷, не уповали на сентиментальные фантазии о мистической привязанности народа к царю, но они твердо верили в грубую силу. Они видели и не поняли значения бешеной атаки и крушения первого революционного движения 1905 г. Они думали, что решительная полиция сможет справиться с любым выступлением с помощью пулеметов и что в конце концов имущие классы встанут на сторону правительства из страха экспроприации и мародерства. Эти расчеты оказались ошибочными, потому что они не приняли во внимание огромные изменения, которые произошли за последние десять лет: изменившееся поведение армии, слабость полицейских сил, оставленных на произвол судьбы, значительные успехи всех классов в политическом образовании. Однако, я сейчас рассматриваю не неизбежную непригодность реакционных схем, а их влияние на политику правительства. В то время как думские лидеры делали все возможное, чтобы защитить основы конституционной монархии, лидеры реакции изо всех сил старались сделать решение, предотвращающее крайности, невозможным. Только в свете этой особой ориентации партий можно понять действительный ход событий. В отравленной атмосфере полицейского заговора плелись интриги так называемой

«провокации». Запоздалые ученики Макиавелли⁵⁸⁸ полагали разумным спровоцировать восстание для того, чтобы подавить его с помощью пулеметов и восстановить полную власть самодержавия, которая была утрачена после японской войны. С молчаливого одобрения военного министра генерала Беляева⁵⁸⁹ около 600 пулеметов, произведенных главным образом в Великобритании для использования в военных действиях, было передано в распоряжение полиции для расстрела непокорного населения Петрограда. В этих целях были выбраны позиции, прежде всего верхние этажи зданий, возвышающихся над оживленными улицами. Стачек и манифестаций самонадеянно ожидали 27 февраля и 4 марта. Промышленные рабочие не пожелали подчиниться желаниям Протопопова и Белецкого. Наконец фактический сигнал был дан самим правительством, которое 5 марта (20 февраля) уволило 40 000 рабочих под тем предлогом, что не было в достатке горючего и металла для того, чтобы продолжать изготавливать военное снаряжение. Эта знаменательная черта мартовского движения была почти не замечена за границей, и сами русские не сумели понять ее значения. Это доказывает, в конце концов, также, что правительство отмахнулось от всех сомнений в разумности восстания в критический момент войны. Секретная служба Протопопова хотела восстаний — вместо этого она получила революцию. Первые шаги по наклонной плоскости были довольно характерными. В четверг, 8 марта, в первый день всеобщей стачки толпы на улицах были очень сдержанными и добродушно перешучивались с казаками и солдатами, призывавшими их разойтись по домам и заняться своими делами. В пятницу, хотя стали раздаваться редкие выстрелы и конная полиция один или два раза атаковала толпу, вся серьезность ситуации еще не проявилась. Я бы хотел привлечь внимание к одному обстоятельству, которое не лишено интереса для британцев.

На пятницу, 9 марта, было назначено собрание Англо-русского общества, на котором должны были быть зачитаны различные доклады о вкладе в войну Великобритании. Я должен был обратиться к собранию с приветственной речью, как председатель исполнительного комитета; полковник генерального штаба должен был рассказать о делах в британской армии; генерал Клад⁵⁹⁰, профессор морской академии, объяснить *rôle* британского морского флота; а профессор г-н П. Н. Милюков⁵⁹¹, хорошо известный лидер кадетов, должен был описать развитие общественного мнения в Англии в связи с войной. Беспорядки начались в четверг, 8-го, и на следующий день казалось сомнительным, смогут ли лекторы и слушатели добраться до зала Ка-

лашников, где должно было состояться собрание. Было решено, однако, следовать намеченному, и все выступающие, за исключением одного, смогли добраться до назначенного места, хотя нам пришлось обходить главные улицы, запруженные возбужденными толпами. Собралось около 700 человек, и было приятно заметить, с каким интересом и симпатией они слушали наши выступления и выражали свое восхищение британскими союзниками и их решимостью воевать до победного конца.

Суббота, 10-е, и воскресенье, 11-е, были днями, когда народу пришлось уплатить самую тяжкую плату за революционные демонстрации. Конная полиция атаковала толпы, пулеметный и ружейный огонь часто использовался для того, чтобы очистить улицы. Казаки, обычно используемые в таких случаях для поддержки полиции, ясно показали, что они не склонны рубить восставших. Несколько раз пехоте приказывали открыть огонь, и солдаты делали это с явной неохотой. Действительно, Павловский полк Второй гвардейской дивизии после дня сражения рядом с полицией поднял мятеж и вернулся в казармы в воскресенье вечером. Этим событием, очевидно, открывалось второе действие драмы, когда войска постепенно начали переходить на сторону революционеров. Хорошо известно, что измена двух полков Третьей гвардейской дивизии — Волынского и Литовского, которые в понедельник утром штурмовали арсенал на Литейном, — перевесила чашу весов старого правительства. Очень ограниченная помощь, оказанная солдатами полиции, и быстрое распространение революционного движения среди рядовых являются, конечно же, важнейшими чертами в истории движения. В этом отношении факты 1917 года представляют полную противоположность происходившему в 1905 году. Более ранняя дата ознаменована активной борьбой между войсками и восставшими в Москве. Семеновский полк, например, особенно проявил себя в подавлении московского восстания 1905 года, тогда как в 1917 году его батальон, расположенный в Петрограде, ограничился тем, что два дня удерживал мост, а потом присоединился к революционным силам. Конечно, необходимо помнить, что полки петроградского гарнизона действительно представляли собой резервные батальоны, обучаемые для армии; первая линия батальонов бывалых солдат была на фронте. Это объясняет в какой-то мере нежелание рядовых участвовать в борьбе с народом. В действительности они сами являются частью народа. Большинство из них прослужило в армии не более нескольких месяцев, и, с точки зрения властей, было большой ошибкой использовать этих необученных

новобранцев для поддержания порядка в столице. Но помимо этого, ход войны многому научил простой народ России. Солдаты, которые прошли через отступление 1915 года, имеют вполне определенное мнение о военном министерстве, которое оставило их без снаряжения; городское и сельское население всех районов России столкнулось со страданиями беженцев из западных губерний; каждый чувствовал на себе последствия обесценивания денег, транспортные и продовольственные трудности. Вместе с тем власть царя перестала быть не вызывающим возражений, доминирующим элементом русской политической жизни; а что касается бюрократии и полиции, то они были дискредитированы даже в собственных глазах. Ввиду таких общих изменений П. Н. Милюков был прав, когда заявил за пару дней до столкновения, что если Думу вынудят к принятию крайних решений, то ее поддержит страна. Другая черта ситуации была полностью объяснена в речи нашего самого красноречивого юриста В. А. Маклакова⁵⁹²: инерция народа велика, и это помогает поддерживать порядок; но если порядок пошатнулся, демократическая масса всем своим весом будет давить наиболее решительно в направлении наступающих перемен.

Мне нет надобности подробно останавливаться на многих интересных происшествиях двух последующих дней. Единственное, о чем бы я хотел упомянуть в связи с ними, так это о любопытном смешении добродушия и боевого духа, которые преобладали в революционных толпах. Я был на Невском в яркий солнечный день в самой гуще вооруженных рабочих и солдат, которые заполнили всю улицу. Они, как правило, находились в веселом возбуждении, обсуждая новости, стремясь присоединиться к любому митингу на углу улиц, хватая листовки, разбрасываемые с проезжающих автомобилей. Вдруг грохочущий шум пулеметной стрельбы раздался из близлежащего здания, и моментально картина изменилась. Несколько прохожих упали на мостовую, чтобы избежать пуль, другие быстро исчезли на соседних улицах, а через пару минут появился броневик и открыл огонь по вражескому зданию, занятому полицией. Группа солдат нацелила свои ружья в том же направлении, и в большинстве случаев импровизированную крепость брали штурмом с черного хода и с боковых входов. Такие происшествия были довольно обычными в продолжение революционной недели — с 12-го по 18-е марта; и, несомненно, смерть была обычным уделом полицейских. Народ был буквально приведен ими в ярость, и этих жертв правительственной глупости давили, как ос. В эти дни было убито также несколько офицеров, но их сравнительно немного, и самые ужасные вос-

стания произошли не в Петрограде, а в Гельсингфорсе, Кронштадте и Ревеле.

Обращаясь теперь к непосредственным последствиям этого исторического события, я бы хотел подчеркнуть тот факт, что до 15-го марта, когда император Николай⁵⁹³ подписал свое отречение, сохранение монархии было все еще возможно. Формула отречения, как она была предложена царю Гучковым⁵⁹⁴ и Шульгиным⁵⁹⁵, предусматривала, как мы знаем, переход титула его сыну, великому князю Алексею⁵⁹⁶. Николай II, однако, отказался отдать сына в руки своих бывших подданных. Тем самым он обрубил нить монархии в России: его брат, Михаил Александрович⁵⁹⁷, совершенно обоснованно отказался занять необычную должность, созданную в результате передачи ему императорского титула. Таким образом, можно сказать, что старое правительство устранило все возможности компромисса с силами прогресса. До революции оно отвергало все попытки умеренных конституционных изменений; после революции оно помешало демократическому преобразованию монархии. Именно поэтому республика стала неминуемой формой управления для новой России. Династия Романовых⁵⁹⁸ изжила себя, а другой кандидатуры на русский престол не видно. Нельзя всерьез думать о призыве нового суверена из зарубежных стран; русские едва ли захотят подражать болгарам, которые нашли своего будущего царя в венском кафе. Что касается выбора наследника из какого-нибудь исторического рода, русского по происхождению, то неизменным возражением является то обстоятельство, что такие фамилии, как Трубецкие или Долгорукие⁵⁹⁹, через многочисленные свои ветви смешались с массой простонародья и не смогли бы возвыситься до возвышенного уединения правящей династии. На деле республика стала необходимостью до поры до времени; и если левые экстремисты бездумно не упустят этот шанс, нет оснований сомневаться в ее успехе. Федеративное устройство, наподобие принятого в Соединенных Штатах, едва ли было бы подходящей для России формой управления. Даже помимо сложности приложения принципа федерализма к компактной массе главного русского народа, теория разделения властей с ее возможными тупиками, ее преувеличенной независимостью исполнительной власти и ее частыми выборами никогда не подошла бы для огромного государства Старого Света. С другой стороны, система, похожая на французскую, с семилетним сроком президентского правления и ответственным парламентским кабинетом, представляла бы собой большой прогресс для России. Несомненно, ореола, окружавшего историческую династию, у новой

власти не будет; но сама династия Романовых виновата в этой национальной утрате. Церемониальные чары имперской традиции не смогли перевесить низости того, что французы удачно назвали *pourriture Impériale*⁶⁰⁰.

Однако успеха можно достичь лишь при одном условии: если социалистические группы, которые сыграли выдающуюся роль в осуществлении революции, осознают ответственность, наложенную на них победой. Русская демократия стала ответственной за управление государством, и любое одностороннее использование нынешней ситуации в классовых целях, несомненно, подвергнет риску достигнутые результаты и, возможно, откроет путь для контрреволюции. Предстоящие трудности огромны. Вся политика страны должна быть пересмотрена и урегулирована: различные национальности империи требуют расширения свободы в определении своей жизни; городские и сельские рабочие борются за все права, приобретенные их товарищами на Западе в отношении заработной платы, продолжительности рабочего дня, земельных наделов, социального страхования, совместных действий; долго подавляемое брожение религиозной мысли и церковное переустройство заявляют о себе с возрастающей силой; наиболее важные проблемы международных отношений, связанные с войной, требуют своего решения. И все эти проблемы связываются воедино в то время, когда главная опора, на которой в течение столетий стояло здание государства, показала свою гнилость и необходимость замены.

Ни при каких обстоятельствах такая ситуация не была бы легкой, и не следует скрывать, что «демократический контроль», под которым вынуждены подходить к ней, может, похоже, значительно осложнить дело. Огромная масса русского крестьянства не готова обсуждать и решать далекие ему проблемы мировой политики и социальной организации; его кругозор ограничен простыми и конкретными проблемами сельского хозяйства, землевладения, деловыми отношениями элементарного рода, национальным самосохранением в узком смысле слова; кроме того, оно стремится к немедленному переустройству аграрных отношений в пользу тех, кто обрабатывает землю. Городские рабочие, более или менее многочисленная группа, которая уже приобрела непропорциональное своей численности влияние вследствие своего участия в революции и своего развитого классового сознания, возбуждены победоносной борьбой и склонны верить экстремистским схемам социалистических преобразований. Средние классы и конституционные партии, которые представляют их в политике, приобрели большой политический опыт, выступая

оппозицией старому *régime* и проводя полезную работу в самых неблагоприятных условиях; но у них нет практического опыта управления, и для многих из них будет трудно поддерживать власть, вместо того чтобы критиковать и противодействовать ей.

Для того, кто был свидетелем событий в России в судьбоносные мартовские дни, все эти опасения и ожидания дурного приобретают конкретный вид. Мы видели толпы рабочих и солдат, окружавшие Таврический дворец и заполнившие Невский проспект; мы видели костры с портретами императора Николая и имперскими крестами, горящими в них; мы слышали споры о капиталистах, спекулянтах и мародерах на улицах; мы читали заявления против международных «убийц» в социалистических листовках. Кроме того, мир уже знает сейчас, что маршал Гинденбург⁶⁰¹, граф Ревентлов⁶⁰², г-н Рорбах и другие сильно рассчитывают на разлагающее влияние экстремистской агитации на русском фронте, в то время как такой незаинтересованный социалист, как Шейдеман⁶⁰³, обещает своим русским «товарищам» оливковую ветвь в виде немецкого, австрийского и турецкого протектората над Центральной Европой; и еще мы читаем ежедневно отчеты о различной политике, проводимой двумя центрами власти в Петрограде — Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов. Все эти симптомы не следует приуменьшать и нужно свидетельствовать об огромной и реальной опасности.

Однако в «смутные времена», в которые Россия вынуждена вступить в тот самый момент, когда мировая война достигает своей кризисной точки, следует не упускать из виду те преимущества, на которые мы могли благоразумно положиться. Тот элементарный инстинкт национального самосохранения, который вывел русский народ из куда более сложных положений — триста, двести, сто лет назад, несомненно, вновь проявит себя перед лицом предметных уроков иностранного завоевания. Действительно, он вновь уже утверждается в армии на фронте и в таких национальных центрах, как Москва. Конституционные партии постепенно объединяются в противовес революционным, а создание и деятельность Временного правительства являются лучшим доказательством патриотического духа и огромного продвижения в политическом взаимопонимании партийных лидеров. Тот факт, что Гучков и Милюков, октябрист и кадет, объединили усилия в политике национального переустройства, говорит сам по себе об огромном продвижении, сделанном в России в направлении зрелой государственной деятельности. Не гнилой компромисс свел их вместе, а глубокое понимание

потребностей времени и жертвенная преданность общему делу — служению свободной России. Оба отказались от узких целей партийной выгоды ради конструктивных действий. Что касается премьера, князя Львова⁶⁰⁴, он представляет самый могучий организованный успех, достигнутый современной Россией, — огромную работу Земского и Городского союзов, проделанную вопреки всякого рода мешающим действиям со стороны бюрократии.

Необходимо отметить то, что конституционалисты, безусловно, не против социальных реформ. Напротив, все практические требования трудовых групп, несомненно, поддержаны ими. Фактически разумные социалисты должны понять, что современной политической комбинацией для их партии открыта столбовая дорога и что их главный интерес заключается в укреплении нового *régime*. Такие люди, как Плеханов⁶⁰⁵, лидер «минималистов», или Бурцев, социалист-революционер, хорошо понимают это, и можно надеяться, что их влияние на рабочих возобладает. Но едва ли удастся избежать смуты в ближайшем будущем, поскольку двухголовый контроль не может продолжаться неопределенно долго: революционеры бросят вызов конституционалистам, если последние не делают этого.

Положение вещей таково, что каждый шаг в направлении национального правительства с необходимостью ведет к усилению конституционалистов. Петроград не Россия, и никакая пропаганда не сможет обеспечить петроградским экстремистам руководство русским общественным мнением. Их сила проистекает главным образом, если не исключительно, из опьяняющего влияния революционной катастрофы. Главная политическая линия, которой должны придерживаться стремящиеся к созиданию государственные деятели, ясно намечена: центр управления должен быть перемещен, и нормальные институты для осуществления экстренных мер дня должны быть созданы как можно скорее. Москва — исторический центр, где национальное правительство должно вновь обрести свое равновесие. Что касается институтов, то жаль, что Учредительное собрание не может быть создано из-за того, что миллионы избирателей находятся на фронте.

Мне кажется, однако, что есть другие средства, с помощью которых Временное правительство могло бы получить решительную национальную поддержку. Дума, избранная на основе искаженного избирательного права, разработанного Крыжановским⁶⁰⁶ и внедренного Столыпиным, едва ли бы была органом, адекватно представляющим страну. Но состав земских и городских советов должен быть изменен на демократической основе без промедления, и мож-

но надеяться, что правительство сразу же получит выгоду от этой реформы, собрав съезд земских и городских представителей по образцу Союза союзов 1905 года, чтобы обсудить главные вопросы дня. Такой съезд обеспечил бы диктаторскому комитету так называемого Временного правительства широкую поддержку организованного общественного мнения, на которую он смог бы опереться в борьбе за право и порядок. В любом случае, какие бы ни предстояли смуты в ближайшем будущем, главная позиция завоевана: Россия сбросила свои путы.

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Одной из наиболее опасных черт современной мысли является неврастеническая импульсивность, которая делает ее жертвой меняющихся настроений и предположений. Методы «желтой прессы» никогда не достигали такой значительной гипнотической силы, как во времена кайзера Вильгельма и прислуживающих ему журналистов. В отношении России такие методы были особенно губительными; было время — не так давно, — когда считалось необходимым высмеивать российское самодержавие как веру, «ислам» русского народа. Сейчас мы наблюдаем своего рода массовое движение в направлении разочарования и недоверия. К счастью, это колебание мелодраматического импрессионизма имеет свои пределы; приходит время, когда потребность в достоверной информации и здравом смысле заявляет о себе с неодолимой силой. И лучшим средством удовлетворить эту потребность является внимание не столько к случайным моментам, сколько к историческому течению событий.

Пирамида русского общества, хотя и потрясенная до самых оснований мартовской катастрофой, несомненно, не могла быть перевернута и разрушена ею. Три социальные слоя, как кажется, заслуживают особого внимания — чиновная бюрократия, интеллигенция и крестьянство. Эти три группы не составляют всю русскую нацию, и в более полном обзоре следовало бы принять во внимание и другие классы — например, духовенство и городских рабочих. Но поскольку отведенное на страницах место не позволяет мне обсудить предмет со всех точек зрения, я не буду рассматривать церковь, представители которой до революции были крепко связаны с официальными кругами. Не могу я также говорить о городском пролетариате, который как раз сейчас находится на переднем плане; им руководит интеллигенция и он зависит от возможной поддержки подавляющего большинства крестьянского населения.

Русская бюрократия не является чем-то случайным; она обязана своим существованием и своими традициями военной дисциплины тому факту, что она была основана московскими царями, как французская бюрократия была создана королями, для того, чтобы собрать

и укрепить нацию во времена отчаянной борьбы за существование. Как выразился великий историк: в Московском государстве «были командиры, солдаты и работники, не было граждан»⁶⁰⁷. То, что должно было спасти Россию, обернулось ярмом; и когда немцы пришли в Россию после Петра Великого, государство приобрело вид страны, в которой господствуют иностранцы. Я не буду повторять знакомые истории о коррупции и угнетении, но подчеркну лишь одно положение. Наиболее ужасным проклятием этой системы была необходимость периодических и жестоких «репрессий» — вытеснение некоренных идеалистов, которые при более благоприятном правлении могли бы стать великолепными работниками. Постоянно повторяющиеся выступления в университетах, например, не были, по сути, проявлением неоправданных амбиций части студентов; они были ненормальной формой протеста и оппозиции, над которыми правительство одерживало верх путем «отчислений» и иногда ссылки тысяч молодых людей, к которым родители испытывали чувство привязанности и на которых возлагались надежды страны. По сути, можно сказать, что система поддерживала себя старательным устранением самых способных.

Тем не менее эта жестокая и деспотическая бюрократия не была ни слишком уверенной в себе, ни сплоченной. Воздух и свет нельзя было устранить из империи царей; и эти чиновники любопытно размежевывались по своим взглядам и симпатиям, отдавая предпочтение в своих действиях то одним, то другим мотивам. Одним из главных занятий умных бюрократов было критиковать и противодействовать друг другу. Фон Плеве и Витте считались в свое время интеллектуальными гигантами и надежными столпами самодержавной бюрократии. Не странно ли, что они вынуждены были постоянно противоречить и противодействовать друг другу? Возьмем один пример из множества — в 1902 году⁶⁰⁸ Витте, тогда министр финансов, начал с тревогой указывать на угрожающие аспекты экономического положения, при котором благосостояние народа подрывалось чрезмерными фискальными требованиями. По его предложению была создана государственная комиссия, чтобы изучить условия сельскохозяйственного производства и нужды сельских классов. Обратились за содействием к земским элементам, и представители самоуправления были приглашены выразить мнение прямо и свободно. Однако, когда некоторые из этих землевладельцев осмелились намекнуть, что упадок сельской жизни объясняется в значительной степени незаконной практикой мелких чиновников и беспорядком в положении крестьянства, почтенный министр внутренних дел вме-

шался в дело самым решительным образом, сослав в ссылку некоторых советников своего коллеги и освободив других от их обязанностей. Один из пострадавших, г-н Мартынов, воронежский землевладелец, естественно, жаловался, что министр финансов вовлек его в деятельность, которая, с точки зрения министра внутренних дел, являлась наказуемым преступлением⁶⁰⁹.

Вражда между чиновниками иногда способствовала, а чаще наносила вред интересам государства; например, общепринятым было мнение, что разделение образовательных институтов между различными министерствами защищало от произвольных методов министерства народного просвещения. Во многих случаях можно проследить благотворное влияние гуманных идеалов на психологию выдающихся чиновников. Например, князь Сергей Урусов⁶¹⁰, талантливый губернатор Бессарабии, которому в какой-то мере удалось добиться успеха в восстановлении морального авторитета царского правительства в Кишиневе после ужасных погромов 1903 года, рассказывает в своих мемуарах, что, хотя он ничего не знал о еврейском вопросе, когда он прибыл в Бессарабию, его отношение к евреям было продиктовано понятиями справедливости и нравственности, которые он усвоил в ходе своего обучения⁶¹¹ — в аудиториях Московского университета, мог бы добавить я без опасения впасть в ошибку.

Атмосфера гражданских идеалов иногда даже овладевала людьми, воспитанными в специальных условиях в учреждениях, созданных с определенной целью подготовки привилегированного и раболепного класса; свидетельство тому — карьера генерала Ростовцева, чиновника, который, когда он был назначен начальником военно-учебных заведений, ознаменовал свое вступление в эту высокую должность заявлением, что власть суверена является олицетворением общественного сознания и что ее постановления делают для чиновника ненужным обращение за руководством собственного сознания. И все же этот проповедник отказа от личной ответственности, сторонник единственного в своем роде известного наставления Лойолы⁶¹² иезуитам — «быть как труп» (*perinde ac cadaver*), — превратился в стойкого и энергичного приверженца освободительной политики Александра II, верного до своей смерти — он скончался от напряжения реформаторской работы в 1860 году.

Но наиболее славный пример результатов, достигнутых всеобъемлющим и идеалистическим реформаторским движением в новой русской истории, представляет эволюция судопроизводства. Суды периода правления Николая I пользовались дурной репутацией из-за своей бесполезности и коррумпированности; «в судах черно не-

правдой черной», как выразился один из ведущих славянофилов⁶¹³. И все же реформа судопроизводства, осуществленная в 1864 году, принесла блестящие успехи; она привела к созданию суда, замечательного своей честностью, справедливостью и общественным усердием, и адвокатуры, отличающейся профессионализмом, ораторским искусством и независимым духом. Только под влиянием политической реакции репутация русских судов была запятнана подобострастием и предвзятостью; и все же даже сейчас правовой порядок держится на значительно более высоком уровне, чем административная бюрократия. Удивительное обновление правосудия в 1860-е годы было, несомненно, результатом притока благородных идеалистов из рядов образованного класса. Другими словами, деспотическая бюрократия страдала моральным недугом задолго до окончательного падения в 1917 году. Как королевские чиновники *ancien régime* во Франции, они уступили неустранимому влиянию своих врагов — интеллигенции.

Несомненно, на эволюции России неблагоприятно сказывался культурный дуализм, который восходит главным образом к петровским реформам. Петроград и Москва — ученики французских и немецких учителей, с одной стороны, и раскольники, с другой стороны, символизируют яркую противоположность мирозерцания и понимания жизни. Какое-то время система образования России производила «иностранцев в собственной стране», людей, порвавших с национальными традициями. Однако действительно вызывает удивление не то, что такой период должен был быть в истории России — это был необходимый пролог более тесных сношений с европейской цивилизацией, а то, что условия этого периода должны были так быстро открыть дорогу для более здорового и независимого типа развития. Процесс, заметный во многих направлениях, особенно замечательно проявился в быстром развитии русской литературы. После мучительных упражнений Ломоносова⁶¹⁴ и Державина⁶¹⁵ она вступила в блестящую пору расцвета во времена Пушкина, чьи произведения, хотя и находящиеся под сильным влиянием иностранных мастеров, особенно Шекспира и Байрона⁶¹⁶, засверкали самобытной красотой. С Толстым и Достоевским русская литература вступила в пору зрелости и достигла уровня, который выдерживает сравнение с величайшими литературными произведениями соседних стран.

В политических делах прогресс не был таким быстрым, но он тем не менее был ясно заметен. Если мы оглянемся не далее, чем на начало периода реформ шестидесятых годов, мы можем заметить два знаменитых течения в среде интеллигенции: одно, ведущее к либеральным партиям Думы и конституционным партиям настоящего

времени, другое — к различным группам воинствующего социализма, которые столь заметны в современной политике России. Первое из этих течений происходит непосредственно от литературного движения времени царствования Николая I и периода практических реформ Александра II. Оно несет на себе печать того, что может быть названо культурой среднего класса, или «*bourgeoisie*»⁶¹⁷. Его главный вклад в политическое образование России воплощается в великолепной работе земств и городских дум, которые пятьдесят лет боролись, чтобы создать в России самоуправление, народное образование и здравоохранение, применили научные статистические и экономические методы к решению этой задачи.

Нет нужды говорить о непосредственных политических манифестациях этих групп в четырех Думах предшествующего периода. Но необходимо вкратце остановиться на том способе, каким эту работу развивали и делали эффективной так называемые союзы — знаменитые ассоциации местных работников, создаваемые для дополнения недостаточной деятельности официальных властей во времена бедствия и опасности. Во времена величайших бед, когда бюрократическая система проявляла вновь и вновь свои недостатки, земства и городские организации выступали вперед во всей своей силе и заполняли наиболее важные бреши. История провалов официальной власти и ее последующего восстановления с помощью всероссийских союзов повторялась вновь и вновь с одной и той же характерной последовательностью стадий. Вначале правительство империи вынуждено было обратиться за помощью самоуправления, потому что оно не могло справиться с ситуацией, возникшей из-за неурожая, чумы или войны; затем земства и города мобилизовали свои силы, обращаясь к работникам из всех классов населения и создавая союзы на общенациональной основе; наконец, правительство, когда удавалось выдержать шторм, распускало созданные организации, которые сделали свое дело, и вознаграждало их за службу выговорами и наказаниями.

Первое действие такого рода имело место в 1891–1892 гг., когда земство мобилизовало [свои силы], чтобы преодолеть голод, вызванный неурожаем. В 1897–1898 гг. земства и города повторили попытку общенациональной работы в меньшем масштабе, чем вызвали вновь неудовольствие со стороны правительства. В 1904 году, когда началась русско-японская война, чтобы помочь армии в тылу, был создан союз земств под руководством председателя Московской земской управы Д. Шипова и князя Георгия Львова, который тем самым впервые стал широко известен как неутомимый труженик и способный организатор общенациональных ресурсов.

С еще большей силой та же самая проблема возникла в связи с настоящей войной. Вновь стало очевидным, что правительство империи самостоятельно не справится с громадной задачей организации тыла. Одновременно с объявлением войны были предприняты шаги для того, чтобы соединить земства и городские организации империи в огромное объединение. В августе 1914 г. были созданы два союза в тесном взаимодействии друг с другом, но отдельно существующие — Земский союз во главе с князем Львовым и Союз городов с М. Челноковым⁶¹⁸, бывшим городским головой Москвы, в качестве главного уполномоченного. Представление о размахе работы, выполненной этими союзами, может дать тот факт, что они оборудовали и обеспечили работу госпиталей не менее чем на 400 000 коек, в которых лечилось около 2 000 000 раненых в течение 1914–1915 гг. Невозможно перечислить случаи, когда была оказана помощь беженцам, искалеченным солдатам, лишившимся крова и безработным. К 1-му января 1916 года Генеральный штаб предоставил земствам на разные цели 152 000 000 рублей, а интендантство — 30 000 000 рублей, помимо денег, выделенных самими земствами. В распоряжении союза находится 15 000 человек. Данные о Союзе городов примерно такие же.

В дополнение к этой многосторонней деятельности по организации тыла союзы приняли на себя наиболее ответственные и сложные новые задачи из-за провалов обычной администрации в ведомствах, подконтрольных ей. Главным из этих провалов была неспособность обеспечить армию необходимой артиллерией и снаряжением, что привело к ужасному отступлению из Галиции, Польши и Литвы. Союзы провели съезды в июне 1915 года и решили начать собственную работу по производству снаряжения, чтобы помочь армии. Они соединили свои усилия в этом деле и создали специальное объединение, обычно называемое Земгор.

Несмотря на фрагментарность, возможно, этих данных будет достаточно, чтобы подтвердить притязания союзов на то, что они выполнили с честью патриотический долг. Но вместо такого признания, заслуженного ими, усилия всероссийских объединений воспринимались правящей бюрократией со все возрастающим подозрением и ненавистью. Официальным властям и придворным не нравилось все по той простой причине, что каждый успех союзов рассматривался как укор тем, кто потерпел провал в той же сфере.

Особенно важно отметить, что сотрудники этих союзов постепенно переходили от проектов реформ к отчетливо революционным тенденциям. В декабре 1916 года недовольство в их кругах достигло революционной точки кипения. Унизительный вызов, брошенный Думой

правительству Штюмера, министерская «чехарда», отмена московских выборов, запрещение съездов союзов довели чувства страны до такой степени, что революция была открыто провозглашена единственным средством против политической гангрены⁶¹⁹. Обращаясь к собранию земских делегатов⁶²⁰, князь Львов, между прочим, сказал:

«Старая болезнь разлада между правительством и обществом распространилась на всю страну, как проказа, она проникла даже в императорские дворцы. Мы действительно чувствуем, что слова Евангелия становятся истинными для нас: „Царство, разделенное надвое, не может устоять“. Разве мы не чувствуем, что наша великая империя разделена надвое? Правительство безответственно не только перед страной и Думой, но также и перед монархом: оно вовлечено в преступную попытку возложить на него всю ответственность за управление и тем самым ставит страну перед угрозой революции»⁶²¹.

Очень важно понять, как тесно земское движение было связано с надвигавшейся революцией; оно представляло собой как бы фон оппозиции в Думе, оно дополняло агитацию, распространившуюся среди рабочих и в армии. Поэтому совершенно ошибочно было бы полагать, что события прошедшего марта⁶²² были исключительно результатом уличных сражений в Петрограде. Широко распространившееся недовольство местных организаций обеспечило быстрое принятие новой власти всей Россией. Другой замечательной чертой деятельности союзов был отказ от избирательных ограничений, навязанных земским и городским положениями. Хотя эти положения создавались для определенной цели — удерживать местное самоуправление в пределах очень ограниченного олигархического правления, стало невозможным придерживаться узких избирательных установлений, когда нужно было организовать общественную работу огромного масштаба. Работники призывались из всех классов населения и объединялись в эффективно работающие группы местными лидерами. Вообще, движение союзов выделяется в русской истории как замечательный пример способности к практическому делу и энергии самопожертвования. Хочется надеяться, что оно возродится для общих политических целей с таким же успехом.

В противоположность земской линии развития мы замечаем рост чисто революционных партий, руководимых представителями свободных профессий — юристами, журналистами, врачами, учителями, инженерами. Тургеневского Базарова, нигилиста, можно взять как литературный образ, представляющий этот тип людей: грубый,

энергичный, последовательный материалист, которому доставляет удовольствие раздражать чувства людей, придерживающихся старых идей и обычаев. Этот тип процветал в атмосфере острого недовольства и разочарования, характерной для старого режима. Конструктивная мысль этих революционеров протекает по нескольким определенным каналам, но особенно важно отметить две важнейшие разновидности: во-первых, так называемых народных социалистов, чью родословную можно проследить от народников восьмидесятых годов, а в более отдаленном смысле — от славянофилов; во-вторых, социал-демократов, которые восприняли и видоизменили в разной степени доктрины Карла Маркса⁶²³. Первая группа обращается за вдохновением и руководством к русскому фольклору и общинной жизни. Многие из их приверженцев являются пацифистами по темпераменту, но они не придерживаются интернациональных программ; они живо осознают органическую ценность национальной жизни, и их, естественно, притягивает политика «оборончества» в настоящей войне. У большей части социал-демократов преобладающим для современной ситуации является лозунг классовой войны. Хотя наиболее дальновидные среди них, например Плеханов или Церетели⁶²⁴, отчетливо понимают необходимость национального согласия и деятельного сотрудничества с союзниками против кайзеризма, многие из них склонны к культу формул, вдохновляемых интернационализмом и умело используемых державой, наиболее враждебной ко всякого рода международной мирной организации.

Магическая власть чеканных формул, таких как «четырехвостка» (равное, всеобщее, тайное, прямое голосование) или «мир без аннексий и контрибуций», огромна в среде русских интеллигентов, которые привыкли за многие годы скрываться от практических разочарований в неприступных высотах абстрактной мысли. Но в лозунге «мир без аннексий и контрибуций» есть нечто большее. Он заимствован непосредственно из арсенала воинствующего интернационализма, который в равной мере враждебен всем национальным «капиталистическим» правительствам, как Франции, Великобритании, Соединенных Штатов, так и Германии или Австрии. Действительно, его полемический пыл направлен сегодня больше против Ллойда Джорджа, Рибо⁶²⁵ и Вильсона⁶²⁶, чем против кайзера, потому что эти три государственных деятеля имеют верных и явных сторонников в России, в то время как сторонники кайзера изволят рядиться в красную мантию международного социализма. В этой связи позвольте мне напомнить читателям «Quarterly Review» о том, что формула, на которой так упорно настаивает Петроградский совет ра-

бочих и солдатских депутатов, не является изобретением этого органа, а просто заимствована из Циммервальдского манифеста, подписанного в сентябре 1915 года⁶²⁷ от имени российских социал-демократов Н. Лениным⁶²⁸ и от имени швейцарских — Робертом Гриммом⁶²⁹. Вот некоторые важные отрывки из этого манифеста.

«Правящие силы капиталистического общества, в чьих руках были судьбы наций, монархические и республиканские правительства, секретная дипломатия, мощные организации эксплуататоров, буржуазные партии, капиталистическая пресса, церковь — все эти силы должны нести полную ответственность за эту войну, которая стала результатом общественного порядка, взрастившего их и охранявшего их и который заведен ради их интересов... В этой невыносимой ситуации мы собрались вместе, мы, представители социалистических партий, профсоюзов или их меньшинства, мы, немцы, французы, итальянцы, русские, поляки, литовцы, румыны, болгары, шведы, норвежцы, голландцы и швейцарцы, мы, кто стоит не на почве национальной солидарности с эксплуататорским классом, а на почве международной солидарности рабочих и классовой борьбы... Эта борьба является также борьбой за свободу, за братство наций, за социализм. Задача заключается в том, чтобы продолжить эту борьбу за мир, *за мир без аннексий и военных контрибуций*. Такой мир возможен только тогда, когда отвергается сама мысль о нарушении прав и свобод наций. Не должно быть насильственного присоединения целиком или частично территории оккупированных стран. Никаких аннексий, ни явных, ни замаскированных, так же как никаких принудительных экономических объединений... Право наций на самоопределение должно быть незыблемым основополагающим принципом международных отношений» («Justice», Sept. 30, 1915).

Мне кажется, что такая ссылка не лишена смысла. Русские экстремисты, опьяненные своей победой над царизмом, находят момент благоприятным для того, чтобы поднять знамя восстания против средних классов и правительств Европы, несмотря на то, что они явно помогают спасти от разрушения единственное действительно опасное и агрессивное правительство. Их революционные и международные объединения на виду; и можно понять, что приманка, которую они предлагают для своих неправильно информированных соотечественников в виде конфискации и экспроприаций, может оказаться достаточно привлекательной для того, чтобы перетянуть на их сторону на некоторое время огромные толпы. Но я отказываюсь верить, что большинство русских интеллигентов или масса русского народа будет загипнотизирована этой Циммервальдской формулой и отверг-

нет союз с цивилизованными державами Запада ради утопии социалистического переворота. Несомненно, решающее слово будет сказано крестьянами, которые составляют 80 проц. населения России.

Было бы также ошибкой прилагать стандарты обычной законности к современному положению сельских классов в России. Даже помимо общего возбуждения и брожения, произведенного революционным кризисом, крестьянство имеет давние претензии и требования. Для того, чтобы понять ситуацию, следует помнить, что крепостничество в России никогда не признавалось подданными как завершенное правовое устройство. Народ сохранил инстинктивное и устойчивое понятие, что их подчинение дворянам было делом политической необходимости, а не частного права. Особенно в отношении земли, они никогда не переставали считать, что земля принадлежит земледельцам. Существовало курьезное высказывание, обычно использовавшееся крестьянами в дни крепостничества. Они говорили своим хозяевам: «Мы — твои, но земля — наша». Исторически сложившаяся мирская община позволяла им сохранить их классовое сознание во времена крепостного права; и когда пришло освобождение, оно расценивалось не как новое устройство, а как восстановление исторических прав. С этой точки зрения, оно казалось неполным и неудовлетворительным. Около одной пятой площадей, ранее занятых крестьянами, нужно было уступить в результате раздела с дворянами; остальная земля была обложена тяжелыми выкупными платежами; наделы, создаваемые в это время, были неравными по размерам и ценности — пять миллионов из них было размером менее трех акров каждый, тогда как предполагалось, что нормальный размер надела семьи из пяти человек должен составлять 28 акров.

В течение последующих за освобождением пятидесяти лет давление сельских масс на землю постепенно возрастало. Статистики сообщают нам, что ежегодный прирост населения в России достигает 1600 000 человек. Как может быть распределен этот прирост? Промышленное развитие находится все еще в таком отсталом положении, что только одна четвертая часть от прироста находит выход в городской жизни и промышленном производстве. Колонизация все еще движется на восток, но возможности для поселения становятся все более редкими из-за природных условий и недостаточности правительственной поддержки. Ирригация, средства связи и возможности транспортировки, кредит переселенцам и помощь в приобретении машин и орудий — все эти необходимые условия переселенческой политики большого масштаба все еще очень неполно представлены в России. В результате только шестая часть избы-

точного населения находит выход в эмиграции из перенаселенных районов. Конечно, перенаселенность является в большой степени относительной и соответствует примитивной системе экстенсивного хозяйства с преобладанием трехпольного севооборота. Если будут введены улучшенные методы и современная техника, то положение в целом изменится. Замена экстенсивного земледелия интенсивным была бы равна предоставлению деревне дополнительных 200 000 000 акров земли; но такой процесс требует времени, и его нельзя импровизировать по команде. Он должен быть неразрывно связан с дальновидной экономической политикой и энергичной помощью со стороны правительства — делами, в которых старый режим, несмотря на судорожные усилия, был явно не отвечающим требованиям.

Даже в таких условиях земледелие постепенно становилось более продуктивным и прогресс сельского хозяйства становился заметен всюду, но достижения в этом направлении не соответствовали росту потребностей сельских классов. Все возрастающее давление на землю вынуждало крестьян покупать или арендовать наделы по крайне высоким ценам. В соревновании с другими социальными группами за владение землей они постепенно оттеснили в большинстве губерний как дворян, так и купцов, но подорвали свои силы в этом процессе; угрожающие симптомы экономического упадка стали проявляться в виде тяжелой задолженности, недостаточного поголовья скота, плохих урожаях и других недостатках.

Первым предупреждением власть предержащим стали выступления крестьян в 1905 г., когда в атмосфере революционного возбуждения аграрные беспорядки и насильственные экспроприации у землевладельцев произошли в большинстве губерний. Это движение пришло в упадок в то же самое время, что и революционные симптомы. Правительство Столыпина отметило ситуацию и попыталось исправить ее по-своему. Вместо последовательного перераспределения земли, за которую выступали прогрессивные партии, оно начало проводить политику, направленную на создание сельского среднего класса — своего рода крестьянской буржуазии, которая, по мнению Столыпина и его советников, должна была действовать как волнорез против революционного движения. Столыпин обобщил свой план в кратком выражении: «Мы делаем ставку на сильного»⁶³⁰.

Для достижения этой цели проводилась решительная политика индивидуализации, включающая разрушение исторически сложившейся мирской общины; указ 9 ноября 1906 года и закон 14 июня 1910 года давали возможность крестьянам-единоличникам выходить из общины и требовать выделения земельных участков; хотя в то же

время владения объявлялись собственностью главы хозяйства и все деревни, в которых в последние годы не проводилось переделов земли, переставали быть общинами. Нет необходимости рассматривать все «за» и «против» этого *coup d'état*⁶³¹. Несомненно, архаический мир в любом случае должен был подвергнуться изменениям, и притязания индивидуализма могли бы быть удовлетворены во многих отношениях с подобающей силой; но, помимо этих соображений общей экономии, политические результаты столыпинских мер оказались ужасными, с точки зрения консерватизма, который он намеревался представлять. Если бы его политике было отведено два столетия для укрепления и развития, то она могла бы принести хорошие и плохие плоды аграрного индивидуализма, хорошо известные из опыта Западной Европы. В действительности *coup d'état* произвел неописуемое смятение в сельском мире; все правила и формы держания, владения, размежевания, землепользования стали неопределенными — и это накануне второй и сокрушительной революции 1917 года.

Едва ли мне нужно добавить еще что-нибудь, чтобы объяснить, что покушения и столкновения, о которых сообщают из всех губерний России, не являются результатом особой дикости части народа или даже простых революционных эксцессов; бурлящий котел сельских беспорядков начал кипеть задолго до событий марта 1917 года. И все же именно к этому сельскому миру мы вынуждены обратиться в первую очередь в поисках органического переустройства. Когда крестьянам станут ясны затруднения аграрного перераспределения, они несомненно окажут укрепляющее влияние на жизнь республики, как это сделали французские крестьяне в XIX веке. Чтобы понять возможность такого изменения, необходимо критически оценить психологические процессы, происходящие в крестьянстве. Лучшим руководителем в таком предприятии является Успенский⁶³², писатель, который жил в конце прошлого столетия, но чьи описания обычаев и характеров все еще полностью соответствуют нынешнему поколению.

Отношение Успенского к сельскому миру совершенно отличается от отношения Толстого, Достоевского или народников, интеллигентов, идеализировавших крестьянские предания и в то же время пытавшихся протащить собственные надежды и упования в предполагаемый символ веры. Успенский, хотя никогда не отказывался от собственных идеалов справедливости и гуманности и полностью осознавал свое органическое родство с бедными, глубоко усвоил идею, что полная правда, исключительно правда послужит спасению. Он проникновенно чувствителен к порокам, слабостям, преступлениям деревенского мира; но тем не менее его положительное учение выступает

в ясном свете, и именно это делает его повествования бесценными. Они — приговор ищущего ума в равной мере, как и любящего сердца.

Успенский не верит в исцеляющее действие сельской общины. Один из его «подлинных крестьян», Иван Ермолаевич, рассказывает нам, как мир чинит препятствия энергичной и предприимчивой работе, как он уравнивает трудолюбивого и ленивого, перераспределяя землю, которая была улучшена стараниями хорошего хозяина. Мир был необходимостью в прежние времена, но он принадлежит, как мы можем сказать, периоду натурального хозяйства. Он подвергся процессу разложения еще до указа 1906 года, нанесшего смертельный удар его существованию. Деньги, наличный расчет, свободные договоры быстро разрушали установившиеся экономические порядки и старый способ мышления в деревнях. Успенский часто с великой горечью пишет о разлагающей, развращающей силе денег. Например, в диалоге между подлинным крестьянином, привязанным к нормальному кругу его хозяйства, и другим, прогрессивным, последний испытывает удовольствие от быстрого оборота и поразительной прибыли, получаемой от купли и продажи. В этом суть кулака, с точки зрения прогрессивных экономистов. Кулак — гроза деревни; как Митюха Толстого, он дерет шкуру со своих простых односельчан; они становятся орудиями, вещами, источниками дохода в его предприимчивых руках. Он — капиталист, ростовщик, возможно, агент какого-нибудь немецкого или английского дельца, какого-нибудь Чарльза Ивановича, который, похоже, ничего не делает, ездит в прекрасных экипажах, так или иначе подчинил себе соседей и держит их как на привязи. Жертвы и вся деревня возмущаются и осуждают такое безбожное использование людей. Но социальный прогресс продолжается — на этот счет не может быть никаких заблуждений, — и это делает жизнь сельского населения, оказавшегося на переходной стадии, и тех образованных людей, которые столкнулись с ней, особенно мучительной. Она полна болезнью мысли, болезнью сердца, болезнью совести.

«Я знаю, что дух народный не умер и не умрет; знаю, что рано или поздно, убедившись, что „люби ближнего“ — не одно и то же, что „свои собаки грызутся — чужая не приставай“, народ „сам“ примется за объяснение этих слов. [...] Знаю я, что все это идет и сейчас на глазах у всех нас, но я утверждаю, что это идет с „ненужным“ злом, с „ненужными“ мучениями — идет безобразно, дико, нелепо»⁶³³.

Две силы являются для этого писателя ведущими факторами в борьбе — материальная и духовная сила. Материальная сила — это «власть

земли», власть работы в согласии с природой и ее законами, неутомимой и благотворной одновременно. Настоящий крестьянин живет в постоянном напряжении ума и сил, управляясь со своим хозяйством в соответствии с временами года, созревaniem урожая, привычками скота, потребностями и объединенными усилиями своей семьи и работников. Его жизнь — это полный, здоровый круг обязанностей, который воспитывает дельных, упорных, честных людей, образующих в совокупности основу великой нации. Духовная сила — это страх Божий, иногда достигающий вершины героического аскетизма, милосердия, подобного святым, но никогда полностью не замолкающего даже в сердцах грешников. Успенский делит людей на три категории: 1) серое большинство, люди того типа, который представлен Толстым в его Платоне Каратаеве, смиренные, фаталистичные, огромного веса из-за своей многочисленности и стихийного давления; 2) недремлющие лидеры-кулаки, эгоистичные, алчные, лютые; 3) праведные, страстные, неутомимые исповедники правды и помощники в нужде. Древние святые, почитаемые народом, были людьми этого третьего типа — Тихон Задонский⁶³⁴, который кормил голодных и обеспечивал деревни семенами для их полей; св. Николай, в честь которого, согласно народной легенде, установлено так много праздничных дней, потому что он предстал пред Богом в одеждах, запачканных и обтрепанных в трудах, тогда как св. Кассиан, явившийся в Рай в блестящих одеяниях, был удостоен лишь одного дня поминовения раз в четыре года — 29 февраля. В наши дни невозможно найти великих святых, но среди народа встречаются люди, которые жаждут праведности и не боятся невзгод и опасностей в деле помощи бедным и слабым. Религиозный дух часто проявляется в повседневной жизни народа. Чтобы проиллюстрировать это, Успенский рассказывает о любопытной сцене, которую он наблюдал в шумном городе в базарный день. Слепой, неудавшийся адвокат, читал молитву толпе внимающих ему слушателей.

«Слепой [...] низко нагнулся над ними [клавишами], и в ту же минуту лицо его приняло умное, даже глубокоумное выражение. Тихим речитативом, тихим и мягким тенором, он [...] произнес, медленно, вразумительно, первую строчку псалма: „Помилуй мя, Боже, помилуй мя!“

Осторожное прикосновение к клавишам, двумя-тремя тянучими, скорбными нотами, придало этому покаянному вздоху рыдающее выражение...»⁶³⁵

Толпа была сразу же взята этим «за душу», как говорят у русских.

В «Дневнике писателя» Достоевского есть показательная глава, где он повествует о своих впечатлениях от чтения «Анны Карени-

ной» Толстого. Достоевский цитирует целые страницы, на которых Толстой описывает поиски истины Левиным и тот путь, каким он находит решение⁶³⁶. Крестьянин рассказывает Левину о двух своих товарищах-общинниках:

«... — Митюхе как не выручить! Этот нажмет да свое выберет. Он христьянина не пожалеет, а дядя Фоканыч разве станет драть шкуру с человека? Где в долг, где спустит. Ан и не доберет, тоже человеком. — Да зачем же он будет спускать?

— Да так, значит — люди разные, один человек только для нужды живет, хоть бы Митюха, только брюхо набивает, а Фоканыч — правдивый старик. Он для души живет, Бога помнит»⁶³⁷.

По словам изгнанника Герцена:

«Мне кажется, что в русской жизни есть нечто более высокое, чем община, и более сильное, чем власть; это „нечто“ трудно выразить словами, и еще труднее указать на него пальцем. Я говорю о той внутренней, не вполне сознающей себя силе, которая так чудодейственно поддерживала русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии, [...] о той внутренней силе, при помощи которой русский крестьянин сохранил, несмотря на унижительную дисциплину рабства, открытое и красивое лицо и живой ум, [...] наконец, о той силе, о той вере в себя, которая волнует нашу грудь»⁶³⁸.

Недостаточно верить в скрытую силу; сила должна быть передана как пар или электричество в детали жизни. Самое худшее для русского народа — впасть в созерцательную неподвижность; он хочет практических результатов, действительного прогресса, работа Марфы и работа Марии неразрывно связаны в его сознании. Когда силы обновленного правительства, интеллигенции и «народа» вновь объединятся — что, несомненно, произойдет, — Россия восстанет из смуты во всей своей славе и займет подобающее ей место рядом с западными нациями.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

В эти роковые дни заботы и надежды человечества сосредоточены на России, и мыслящие люди с нетерпением стремятся разглядеть те силы, которые, вероятно, могут определить направление ее движения. То или иное разрешение российского кризиса может означать триумф или поражение надменных амбиций, выздоровление или гибель полуразрушенных стран, организацию лиги мира или открытие эры подозрительности и мести. В этот момент разумные меры предосторожности или эффективная политика зависят от правильной оценки прошлого. Вовсе не парадоксально утверждение, что прошлое проливает на будущее больше света, чем настоящее, потому что наблюдатель, так сказать, не придвинут к переднему плану, но обладает широкой перспективой, и ему может открыться не только объяснение причин, но и вид на возможное будущее.

Давайте прежде всего зададимся вопросом: что представляло собой свергнутое революцией правительство? Это была централизованная бюрократия, родившаяся во времена, когда Россия вынуждена было объединяться под военным правлением в борьбе за существование против татар, поляков и шведов. Когда непосредственная опасность вторжения была устранена, вместо принятия последовательно прогрессивной политики правительство запуталось в безнадёжных противоречиях. С одной стороны, необходимо было освободить крепостных, построить железные дороги, открыть школы всех ступеней, призвать местное самоуправление на помощь центральной бюрократии в управлении делами. С другой стороны, в течение петербургского периода диктаторские привилегии бюрократии приняли пропорции и вид иностранного завоевания вследствие проникновения в государственный аппарат немецких элементов, распространяющихся от Гольштейн-Готторпской династии на троне.

«МЫ И ОНИ»

Страна разделилась на два враждебных лагеря: «мы и они», весь народ и безответственные правители, рекрутируемые в процессе, который можно определить как «вытеснение способнейших». Политика наделения диктаторскими полномочиями была воплощена, например, в институте земских начальников, выработанном при Дмитрием Толстым и введенном в практику в 1889 г., со специальной целью заманить благоразумие мировых посредников господством права в сельских делах. Что касается ниспровержения законности, то цель определенно была достигнута, хотя можно усомниться, привело ли это к желаемому подчинению. 26 февраля 1903 г. управление губерниями было вновь переделано фон Плеве в том же направлении: губернаторов объявили «хозяевами» их провинций и наделили соответствующей властью⁶³⁹. Однако современная эволюция России объясняется не только законом исторической непрерывности, но и законом исторических контрастов; чрезмерное давление с одной стороны вызывает яростное сопротивление и революционные эксцессы с другой. Однако новая Россия вскоре поймет, что противоречия — не то же самое, что и оригинальность, и что романтические иллюзии могут быть вредны для дела, которому они призваны служить. Как политика мира любой ценой не приведет к улучшению империалистического шовинизма, так и центробежный сепаратизм не станет верной заменой централизованного подавления. То, в каком направлении пойдет реорганизация, в большой степени зависит от освободительного движения, достигшего кульминации в мартовской революции. Лидеры этого движения — интеллигенты. Их характерные особенности сформировались в течение XIX столетия в процессе смены последующих поколений: декабристы, революционные офицеры 1825 г., которые подняли оружие против Николая I, идеалисты сороковых, реформаторы шестидесятых, независимые борцы нового столетия и работники [Земскогородского] союза в нынешней войне. Мемуары декабристов содержат живые картины состояния мысли офицеров-патриотов, которые в боях проложили себе путь от Москвы до Парижа как бескомпромиссные враги революции и вернулись домой, неся в своем сердце восхищение идеей правового порядка, основанного на свободе, как выразился один из них; они не могли не чувствовать отвращения к тирании, утвержденной Аракчеевым⁶⁴⁰ именем Александра I; их сердца обливались кровью при виде того, как героев Бородина и Кульма жестоко наказывали лишь для того, чтобы добиться совершенства в шагистике. В сороковые место гвардейских офицеров заняли профессора и ли-

тераторы; их внимание долгие годы было сосредоточено на изучении немецких метафизиков, на развитии концепций свободной и высокообразованной личности, на разуме и справедливости, воплощенных в мире. Один из лидеров этих идеалистов Н. Станкевич рассказывает о своей встрече с художником⁶⁴¹, которая изумила его и грозила нарушить его философское равновесие: «Существования одного голодного нищего, — утверждал он, — довольно для того, чтобы разрушить гармонию природы». «Я никогда почти не делаю себе таких вопросов, — добавляет Станкевич. — В мире господствует дух, разум: это успокаивает меня насчет всего»⁶⁴². Такой гармоничный взгляд должен был исчезнуть при столкновении с трудностями и лишениями реальной жизни.

Новая поворотная точка в жизни образованных классов была достигнута в шестидесятые годы. О том, насколько новый дух воздействовал на передовых людей поколения после Крымской войны, можно судить на примере Тургенева. Он уехал за границу и писал, объясняя свой отъезд: «Я не мог дышать одним воздухом, оставаясь рядом с тем, что я возненавидел. [...] Враг этот был крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца — с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя Аннибаловская клятва, и не я один дал ее тогда»⁶⁴³. Интеллигенты России остаются верны этому вызову рабству и покорности и, несмотря на все препятствия, они одерживают победу. Около 1860 г. течение освободительного движения расширяется, и оно распадается на несколько отдельных русел. Аристократический отпечаток предшествующего периода сохраняется в какой-то степени на вновь созданных земствах и городских управах, которые добились значительных успехов в переустройстве губернской и уездной жизни, особенно в создании оснований для народного образования и здравоохранения. Рядом с этой высшей группой другой круг лиц выдвигается на передовую линию — специалисты: юристы, врачи, статистики, государственные служащие, учителя всех степеней — войско, воодушевленное фанатичной смелостью, грубое в речах и манерах, готовое к самопожертвованию. Тургенев оставил нам яркий набросок портрета экстремиста такого рода в своем Базарове, нигилисте («Отцы и дети»). Следует принять во внимание сильное влияние воспитанных в ненависти и ожесточении радикальных групп, когда мы рассматриваем насильственное уничтожение установленных институтов и взгляды, которые иногда достигают степени явного порока. Линия конструктивной мысли, которой придерживаются радикалы, направлена на восстановление гуманности посредством социализма. Важное движение началось с критики классической школы политической экономии с ее доктриной

свободного контракта и свободного обмена. Учение Маркса, основателя международного социализма, оказывает наибольшее влияние на эти группы. Российские социал-демократы с энтузиазмом восприняли его теорию экономического материализма как руководство для понимания истории и как основу политики. Неустранимое противоречие между трудом и капиталом, учение о классовой войне, пагубное влияние, приписываемое империалистическим концепциям — все эти понятия были восприняты и возвращены в рассаднике угнетенной России, и они приносят стократные плоды в нынешних условиях.

ВОЗМОЖНЫЙ СИНТЕЗ

Однако достаточно о контрастах, давайте отметим признаки возможного синтеза. Наиболее важным знаком практического согласия является работа так называемых союзов, которые раз за разом организовывали эффективную помощь в периоды национального бедствия и опасности. В нынешней войне все службы тыла созданы их усилиями. Союз земств и городов оборудовал госпитали на 400 тыс. коек и до января 1916 года оказал помощь двум миллионам раненым, в то время как мастерские земств за то же время изготовили 35 миллионов шт. одежды для армии. Эта выдающаяся деятельность, свидетельствующая о способности и продуктивности русских в практической работе, была осуществлена совместными усилиями всех классов общества, объединенными губернским и городским самоуправлением. Высокий избирательный ценз был отброшен ради решения данной задачи: врачи, учителя, студенты и крестьяне участвовали в этой работе как братья по оружию, и можно надеяться, что они смогут делать то же самое в демократически преобразованных земствах и городском управлении новой России. Возможно, наиболее обнадеживающим знаком является выдающийся успех в земской работе восточных крестьянских губерний: Вятской, Пермской, Уфимской; эти губернии вопреки или на деле благодаря их демократическому составу добились наибольших успехов в их экономической и культурной работе. Это значит, что, когда крестьянству России будет дана возможность свободного участия в политической жизни, оно использует ее лучше, чем городской пролетариат. И не может быть сомнений в том, что эта могучая, сплоченная масса крестьянства, составляющая 80 процентов населения, в конце концов будет решать судьбу России.

Действительно, в наши смутные дни есть простор для великого Союза, направленного на восстановление государства при господстве права и демократического порядка.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ЕЕ РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

Политический и военный аспекты Русской революции, по вполне очевидной причине, выдвинуты на передний план. Английская публика уже много слышала о Временном правительстве и солдатских и рабочих депутатах, о максималистах и минималистах, о других важных делах. И, несомненно, этот поток политических новостей соответствует преобладающим интересам данного момента среди самих русских. В то же время не следует забывать, что «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим»⁶⁴⁴.

Течение духовной жизни продолжается, как прежде, в подсознательной жизни общества. Очевидно, загадка мироздания не может быть решена германской атакой; проблемы морали и религии все еще предстают перед человеческой мыслью среди разрушительного хаоса национальной и социальной борьбы. Особенно в России существует широкий простор для этических и религиозных движений. Одной из наиболее характерных национальных черт является то, что, вопреки всем личным прегрешениям и падениям, как среди необразованных, так и среди образованных людей в России сохраняется глубоко укоренившееся сознание моральной ответственности. Этот практический идеализм, если можно так выразиться, не позволяет никому избежать мучительных поисков цели и смысла человеческой жизни. Некоторые остаются верными мистическим традициям Церкви, иные находят удовлетворение в общественной работе, другие опять же посвящают свою жизнь борьбе против несправедливости и угнетения. Даже худшие, те, что поддаются соблазнам алчности и чувственности, часто проявляют внезапное отвращение от этого. Нехлюдов Толстого является типичным представителем русской психологии, как и Раскольников Достоевского.

Мы можем быть уверены, что вскоре русское общество обратится к проблемам внутреннего значения жизни. В мыслях народа религиозные побуждения никогда не вытеснялись совершенно на задний план. Глубокое брожение охватило огромные массы, все еще находящиеся во власти религии, и этот процесс, по-видимому, должен иметь большее значение, потому что официальная Церковь не в со-

стоянии удовлетворить духовные запросы нации. Сейчас, когда связи между государством и православием разорваны, условия религиозной жизни должны быть преобразованы на новой основе, и никто не может предсказать, какой вид приобретет это преобразование. Недавно один из либеральных епископов Андрей Уфимский⁶⁴⁵ обратился к староверам с призывом объединить синодальную Церковь и староверов, но последние отвергли такой призыв, потому что, как они выразились, им нечего искать и менять: они пронесли свою свободу веры и церковную независимость через века преследований⁶⁴⁶. Этот резкий ответ заставляет официальную Церковь искать свое собственное спасение, и это едва ли можно сделать без великого реформационного движения. Нет необходимости говорить о различных еретических сектах, рационалистических, наподобие штундистов, или мистических, наподобие хлыстов — в прежнее время их угнетали светские власти; общественные прокуроры и суды вынуждены были применять к ним нормы уголовного законодательства. Они, несомненно, расцветут и распространятся в условиях свободы.

РАЦИОНАЛИЗМ И МИСТИЦИЗМ

Помимо этого, современной России предстоит преодолеть еще одну существенную трудность, с которой русские интеллигенты столкнулись с того самого времени, когда достижения западной цивилизации внедрились в Московии царем Петром. Как западные методы науки и гражданской жизни согласовать с традиционным фольклором, который вырос в атмосфере старой Руси? Когда прошел восемнадцатый век с его рационалистическими концепциями философского деспотизма, лидеры русской мысли стали размышлять о необходимости достижения определенного синтеза противоречивых элементов. С этого времени [началась] борьба между славянофилами и западниками, борьба, которая все еще продолжается в некотором смысле до сих пор, несмотря на то, что первоначальные формулы борющихся партий обветшали и отброшены.

Наиболее важный аспект этой борьбы касался различных подходов этих двух групп к религии. Западники в значительной мере были увлечены агностическими тенденциями европейской цивилизации: они разделяли позиции материалистов, позитивистов, скептиков, пессимистов. Славянофилы упрекали своих оппонентов в игнорировании одной важной вещи — веры в мудрого и справедливого Бога, и они видели в этой основной ошибке естественное наказание за национальное отступничество. Вот отрывок из письма, написан-

ного выдающимся славянофилом Ю. Самариным известному лидеру западников А. Герцену: «Если нет свободы духовной (в смысле самоопределения), не может быть и речи ни о свободе гражданской, ни о свободе политической, [...если] сам человек не в силах выбиться из-под гнета вещественной необходимости, [...] то этим самым очевидно оправдывается всякое принуждение извне, всякий деспотизм, всякое торжество сильнейшего над слабейшим»⁶⁴⁷.

С научной точки зрения, аргумент не убедителен: спорящие говорят о различных вещах. Герцен пытался объяснить сознание и вести его к естественным основаниям, в то время как Самарин связывал сознание с моральной ответственностью. Один рассматривал причины, другой — цели. Но это различие точек зрения определено значимо.

ЕВАНГЕЛИЕ ДОСТОЕВСКОГО

Достоевский в «Братьях Карамазовых» придерживается подобной линии. Он заставляет своего великого исследователя Ивана Карамазова следующим образом охарактеризовать взаимозависимость религиозной веры и морали: « [...] Нет решительно ничего такого, что бы заставляло любить себе подобных, что такого закона природы: чтобы человек любил человечество — не существует вовсе, и что если есть и была до сих пор любовь, то не от закона естественного, а единственно потому, что люди веровали в свое бессмертие. [...] Уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же исчезнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. [...] Для всякого частного лица, [...] не верующего ни в Бога ни в бессмертие свое, нравственный закон природы должен немедленно измениться в полную противоположность прежнему, религиозному, и что эгоизм даже до злодейства не только не должен быть дозволен человеку, но даже признан необходимым, самым разумным и чуть ли не благороднейшим исходом в его положении»⁶⁴⁸.

Камнем преткновения во всех этих попытках является то, что в наше время легче почувствовать муки духовного голода, чем утолить его. Восьмидесятые годы выдвинули Чехова с его рассказами о разочаровании и моральном разложении. Его неврастенические персонажи, кажется, сведены с ума бесчисленными мелочами повседневной жизни, увлечены низменными желаниями, презренной праздностью, презренными мечтами. Но есть что-то большее, чем недостаток характера или цели в бессмысленных движениях этой несчастной толпы.

Вослед всем их слабостям наступает отчаяние людей, которые переросли старый идеал, но не имеют сил открыть новую влекущую звезду и посвятить свои жизни ей.

В «Скучной истории» известный профессор, выдающийся ученый, проживший успешную и полезную жизнь и общавшийся со многими поколениями учеников, оказывается бессильным и безгласным перед простыми жизненными проблемами своей родной и приемной дочерей. Он записывает в своем дневнике в предчувствии надвигающейся смерти: «Во всей моей работе не было общей идеи», и без такой общей идеи все части трудами собранного знания являются фрагментами, не имеющими центрального стержня⁶⁴⁹. Такие исповеди в разочаровании можно допустить при личных неудачах, но их исток находится воистину глубже.

Я не уверен, что тайный ужас подобного рода не омрачал мысль многих западных мыслителей — его определенно чувствовали Шопенгауэр⁶⁵⁰ и Ницше⁶⁵¹. Хорошо налаженная, успешная активная западная жизнь предоставляет большие возможности для отвлечения человеческого внимания: западный средний класс привержен ежедневным деловым занятиям, спорту, легкой литературе, журнальной политике... На Востоке проблема остается той же, но она сильнее влияет на человеческое воображение. В чем смысл этого круговращения поколений? Может ли природа или история, или божество ответить на этот вопрос? Высокоэмоциональный русский интеллектual часто терял голову в раздумьях об этом. Как выразился чеховский Иванов: *Это позор быть хоть в малой степени Гамлетом*⁶⁵². С Толстым поиски духовного смысла и жизни в соответствии с ним приобрели форму реакции против науки, искусства, искусственной культуры любого вида. Чтобы процитировать лишь одну из его многочисленных инвектив, позвольте мне напомнить моим читателям следующий пассаж: «...Наука и искусство (в наше время) в нашем мире не есть вся та разумная деятельность всего без исключения человечества, выделяющего свои лучшие на служение науке и искусству, а деятельность маленького кружка людей, имеющего монополию этих занятий и называющего себя людьми науки и искусства, и потерявших самые понятия науки и искусства, и потерявших смысл своего призвания, и занятых только тем, чтобы забавлять и спасать от удручающей скуки свой маленький кружок дармоедов»⁶⁵³.

Конечно, Толстой далек от таких руководящих идеалов подлинных ученых, как поиск истины ради нее самой, убеждение, что истина принесет свою пользу при практическом применении, понимание внутренних изменений, которые произведены научным и фило-

софским прогрессом в жизни и мысли. Но, несмотря на неистовство и несправедливость его выпадов, Толстой указывает на один очень важный пункт — на необходимость оправдания всех конкретных исследований их связью с центральными проблемами: зачем мы живем? Каково наше отношение к миру? Как наше разумное мышление соотносится с природой? Такие вопросы не могут быть решены научными методами и перемещаются из области знания в область религии.

Хотя русское общество вступило в круг европейских наций слишком поздно, чтобы участвовать в Реформации, оно не избежит духовных испытаний современного критического периода, и едва ли преувеличением будет сказать, что одной из задач, стоящих перед Россией, является активное участие в развитии религиозной мысли. Эта задача является жизненно важной как для просвещенных лидеров, так и для масс народа. Похоже, что именно на этой почве встретятся части нации, столь долго разделенные между собой.

ЗАДАЧИ СОВЕЩАНИЯ

В прочитанной перед собранием общества «Единая Россия» в конце апреля лекции, основные положения которой были опубликованы в майском номере «Contemporary Review»⁶⁵⁴, я рискнул предположить, что Временное правительство в скором времени будет обязано искать поддержки в выражении общественного мнения, которое позволило бы ему противостоять давлению, оказываемому незаконным, но влиятельным Советом рабочих и солдатских депутатов. Мне казалось, что подходящим местом для такой общенациональной демонстрации была бы Москва, древняя столица, которая уже неоднократно действовала как объединительный центр во времена великих смут.

Время такой великой манифестации настало, и мы уже сейчас наблюдаем замечательное собрание различных организаций: Государственной думы, советов, городских дум и губернских управ, научных организаций, профсоюзов, промышленных и торговых объединений, члены которых съехались для того, чтобы обсудить с правительством нужды народа. По сути, эта ассамблея напоминает один из Соборов старой Московии, разновидность *Etats Généraux*⁶⁵⁵, собираемых иногда царем для совета и поддержки в важных делах. Такие ассамблеи не имеют парламентской или законодательной власти, но имеют вес, как собрания представителей от всех частей страны. Нет надобности проводить аналогию слишком далеко, потому что, несомненно, существует много жизненных различий между этими древними собраниями и нынешним совещанием. Прежде всего Временное правительство далеко не обладает неоспоримой властью царей. Фактически главной целью совещания является помощь в восстановлении общенациональной власти и сосредоточение общественного мнения на определенной политике.

Уже сам факт такого собрания является чрезвычайно характерным для современного момента. Начнем с того, что необходимо было заполнить брешь, созданную практической невозможностью созыва Учредительного собрания, выборы в которое намечено провести на основе наиболее совершенной и всеобъемлющей системы избирательного права, охватывающей мужчин и женщин, гражданских лиц и солдат. Помимо этой формальной причины, обращение

к русским организациям вызвано попыткой правительства сдержать споры и разногласия искренним заявлением об огромных трудностях и серьезных опасностях положения. Это призыв к национальному согласию против партийных раздоров. Наконец, совещание знаменует собой признание того факта, что государство не колода карт, которую можно тасовать и раздавать как угодно, а историческое, живое тело — организм; что государственные деятели должны считаться не только с изменчивым количеством, но и с организованными силами.

ПРОГРЕСС ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Эти положения имеют огромную важность, даже если совещание не приведет к немедленному прекращению вражды между различными партиями. Они важны как симптомы прогресса в политическом образовании, приобретенного, увы, ценою ужасных предметных уроков. Определенно, это способ подхода к политическим проблемам, отличный от наивных попыток поспешно приступить к немедленному решению наиболее сложных вопросов общественного права, социальной реформы, равновесия национальных и государственных потребностей, международных отношений и т. д. Вместо слепой веры в революционное воодушевление и нервной горячки, настаивающих на противоположном всему тому, что делалось прежде, народ призывают подумать и сосредоточиться на жизненно важных проблемах, подготовить почву для более или менее отдаленного Учредительного собрания.

Многие, если не все, понимают, что пришло время прекратить «разрушительную работу революции», чтобы укрепить ее положительные достижения. Многие социалисты и радикалы начинают понимать, что презренная *буржуазия* может быть полезной пролетариату и что было бы безумием для России растоптать ее тонкий слой образованных людей для того, чтобы уравнивать общество на отметке *tabula rasa*⁶⁵⁶. Думают даже о необходимости противопоставить общественную силу разрушительным действиям национальностей, включенных в государство, но забывших о своих обязанностях по отношению к освобожденной и освобождающей России. Чувствуют, что интересы республики требуют насильственного утверждения суверенной воли и принудительной власти.

Все это банальные истины, но за них должны бороться и постичь их после тяжелых испытаний народы, которые долгое время были лишены их прирожденного права на свободу. Московское совещание

представляет собой, несомненно, огромный шаг в этом отношении и является предвестием великого будущего.

Нам едва ли стоит надеяться на большее. Если органическая жизнь такого исторического образования, как Россия, должна в конце концов отстоять свои права, то не следует забывать, что с другой стороны существует закон полученного импульса, который управляет как физическими⁶⁵⁷, так и социальными силами. Не похоже, что безрассудный интернационализм, безответственная агитация за радикальные меры, недалёковидные национальные требования, ожесточенная партийная вражда исчезнут завтра лишь потому, что народ в целом все более становится усталым и раздраженным, и потому, что ответственные лидеры предупреждают о пропасти впереди. На деле обрывочные телеграммы, которые приходят к нам сюда, доносят больше диссонирующих звуков, чем гармоничных мелодий. Мы слышим об обвинениях Керенского кадетами⁶⁵⁸, об отставке Савинкова⁶⁵⁹, о несогласии Корнилова с социалистами⁶⁶⁰, о воздержанности украинской Рады⁶⁶¹, о провокации максималистов⁶⁶², о шатании и борьбе.

НЕОТЛОЖНЫЕ НУЖДЫ РОССИИ

И все же курс, намеченный для совещания, кажется ясным и разумным. Конституционные проблемы и конструктивные социальные реформы следует отложить до созыва Учредительного собрания. Наиболее неотложные нужды финансового положения, продовольственного снабжения и транспорта, армейской дисциплины на фронте и в тылу, последовательного и добросовестного сотрудничества — таковы в настоящий момент пункты гигантской задачи русского правительства и русского народа. Будем надеяться, что влиятельные группы — патриотически настроенные социалисты, кадеты, лидеры крестьян, земские работники — смогут объединить свои усилия, чтобы возродить государство. Московское совещание не обещает полного выздоровления, но оно отмечает важный поворот к лучшему.

В конце концов, мыслящим социалистам должно быть ясно, что, как заметил В. Маклаков в одной из своих речей, если бы народ был поставлен перед выбором между революцией и Россией, он выбрал бы Россию, даже если бы это означало установление диктатуры. С другой стороны, есть основания надеяться, что такой решительный человек, как генерал Корнилов, понимает, что он не сможет служить России, не приняв в расчет влияния демократических течений. Он поступил мудро, выступив не только против деморализации в армии, но и против попыток контрреволюции.

Лучше всего, если бы была проведена реорганизация правительства, в котором кадеты и другие консервативные силы были бы представлены более решительными людьми, чем сейчас, в то время как такие выразители экстремистских теорий, как Церетели и Скобелев⁶⁶³, были бы заменены такими деятелями, как Плеханов и Бурцев.

Но это слишком большие надежды, и действительная история, по-видимому, представит более пестрое развитие. И все же политические перспективы становятся яснее. Придет время, когда Русская революция научится подражать Французской революции, определившей судьбу современной Европы. Свобода — великая идея, но чтобы жить, она должна воплотиться в живом государстве, и достижение свободы ценой подчинения юнкерам и анархистам — не для России.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

versus

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

Писать о событиях в России в настоящий момент — непростая задача. И тем не менее как российские, так и иностранные обозреватели вынуждены, насколько это возможно, определять мнение и размышлять о грядущих событиях. Один или два вопроса выдвигаются на передний план особенно сейчас: как долго могли бы продлиться нынешние беспорядки? Возможна ли реставрация старого режима? Какие еще возможности возрождения этой несчастной страны остаются открытыми? Чтобы делать разумные предположения в отношении таких вопросов можно начать с определенных исторических аналогий. Что касается внешних проявлений, то существует наиболее близкое сходство между правлением толпы в России и Парижской коммуной 1871 года. В обоих случаях толчком к обвалу послужили кровопролитие и неудачи в войне с последующим падением власти и дисциплины. В обоих случаях дикие фанатики, противостоящие всем историческим и органическим образованиям общества, нашли простор для действий. В обоих случаях «пролетариату» предоставили свободу громить частную собственность, капитал, кредит и цивилизацию. Однако сходство не идет дальше: силы разрушения в России более могущественны, потому что они привлекли на свою сторону не только сравнительно небольшой класс фабричных рабочих, но и избыточное крестьянское население северной России и толпы деморализованных солдат в разных армиях. Это, конечно, придает движению гораздо большую инерцию и затрудняет его ликвидацию.

Еще одно сравнение обычно проводится с французской революцией конца XVIII в. Вспоминаются постепенное сползание от либерализма к якобинству, замена свободы и закона насилием, конфискации и экспроприации, проводившиеся санкюлотами и русскими экстремистами. Что касается внешней политики, то существует поразительное различие в отношении обеих групп революционеров.

В то время как монтаньяры были неистовыми патриотами и уничтожали «федералистов» любого рода, ленинцы осмеивают русскую идею и совершенно безразличны к распаду страны.

Однако самую поразительную аналогию можно провести с русской историей. Во многих отношениях нынешнее хаотическое брожение кажется повторением Смутного времени в начале XVII века. Процесс собирания государства, осуществлявшегося русскими царями в течение двухсот лет, привел к перенапряжению сил редкого населения, разбросанного по огромной Русской равнине. Кульминацией этого процесса стало безжалостное правление Ивана, самодержца, чьи представления об абсолютной власти удовлетворили бы Гоббса или кайзера Вильгельма. С его точки зрения, Россия была неким Левиафаном, появившимся на свет в результате поглощения всякой индивидуальной воли и энергии человека на службе государству. Подобная теория, даже если оставить в стороне ее дьявольскую жестокость, подрывает собственные основания, поскольку она разрушает моральные источники повиновения и ставит на их место насилие. Когда же оковы страха были разорваны, то не осталось ничего, на что можно было бы положиться, но лишь неразбериха борющихся отдельных людей и групп. В этом и заключается подлинный смысл запутанной борьбы за власть и добычу, окончившейся изгнанием поляков из Москвы, ниспровержением различных претендентов и возведением на трон Михаила Романова⁶⁶⁴ ополчением, собранным со всех концов страны. Существует и возвышенная сторона этих лет сурового испытания страны, а именно постепенное очищение народа страданиями и раскаянием.

Восстановление государства в результате сознательного собирания составляющих его областей является одним из наиболее впечатляющих проявлений жизнеспособности народа. И нельзя не тешить себя надеждой, что в современной России после жестоких предметных уроков нищеты и унижения может иметь место схожий процесс. Однако следует отметить два поразительных отличия в ситуации: немецкий враг бесконечно более опасен для России, чем польские агрессоры. Он вряд ли проявит жалость или будет отвлечен политическими разногласиями. Единственной оговоркой является факт, что он сам смертельно ранен в результате своего дьявольского нападения. Вторая черта, отмечающая контраст между нынешним временем и Россией XVII в., является более серьезной. В те дни народ признавал власть и моральное руководство церкви, наиболее стойких защитников национального единства можно было найти в рядах духовенства. Такие люди, как патриарх Гермоген⁶⁶⁵ и архимандр-

рит Троицкого монастыря Дионисий⁶⁶⁶, достигали высот героизма. Священники и монахи современной России являются жалкой группой, униженной и дискредитированной долгими годами подчинения имперской бюрократии. Хотя многие из них занимают бесстрашную и патриотическую позицию, они утратили руководство над массами, которое в данный момент перешло к беспринципным, жестоким, безрассудным демагогам. Но можно обнаружить луч света даже и в этом направлении. Хотя пастыри были недостойны, их стадо не утратило своих религиозных чувств. Традиционная набожность простого русского человека — это не миф, и она не испарилась по велению международного неверия. В народном сознании звериные бесчинства толпы признаются преступлениями и смертным грехом. Пролитие невинной крови, оргии похоти, грабежи и погромы требуют искупления и рано или поздно чувство вины и жажда очищения восторжествуют. Что сделано, того не вернуть, страна на долгие годы будет предана проклятью бедности и слабости. Но она обладает огромными ресурсами, как моральными, так и материальными, и если ее душа вновь обретет равновесие, она еще покажет миру, что она способна бороться за великое будущее.

СУДЬБА РОССИИ: УСТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Сэр, могу ли я просить у Вас немного места на Ваших страницах, чтобы привлечь внимание к важному аспекту современной ситуации?

Пески войны быстро уносятся, и очень скоро должны быть приняты решения, от которых будет зависеть судьба мира в течение многих лет. В отношении России этот судьбоносный час наступит вскоре после того, как в русском доме водворится хоть какой-нибудь порядок. Тем не менее неумолимый марш событий не может быть остановлен в интересах какой-нибудь особой нации, и как русские, так и союзники должны будут найти лучшее решение в этой неудовлетворительной ситуации.

Как мне представляется, три позиции являются вполне очевидными: 1) банда разбойников, которая грабит Центральную Россию, не может быть допущена ни на какую из предстоящих конференций; 2) правительство, представляющее Россию, которая продолжает сражаться против немцев и их большевистских приспешников, должно быть признано *de facto*, и [ему] должно быть позволено представлять ее интересы на конференциях; 3) в связи с возможным перемирием и эвакуацией с оккупированных территорий должны быть приняты меры, гарантирующие существование и интересы русского населения.

1. Пустое занятие развивать первое положение. На некоторое время большевики сняли маску: их правление можно определить одним словом — погром (*pogrom*), подобного которому не видели со времен резни, учиненной Абдул-Хамидом⁶⁶⁷ в Армении. Против их политики уничтожения следует принять широкомасштабные меры международного характера, но тем временем союзные державы уже осуществляют меры, [начав] интервенцию на Севере и в Сибири. Московские диктаторы не могут надеяться ни на какие условия, а только на безоговорочную капитуляцию, даже если они и не выдвигают никаких [условий]. Фактически они не выдвигают никаких условий и находятся вне сферы переговоров.

2. В настоящее время не существует всероссийского правительства, но есть Временное правительство, способное возродить националь-

ную организацию. Это правительство, сформированное в Уфе коалицией русских партий, включающей [партии] от кадетов до социал-революционеров и социал-демократов⁶⁶⁸. Такие деятели, как Авксентьев⁶⁶⁹, Вологодский⁶⁷⁰, Астров⁶⁷¹, Чайковский⁶⁷², генерал Болдырев⁶⁷³, представляют принципиальные разновидности прогрессивного мнения; они возвысились до принесения в жертву партийных различий с тем, чтобы проводить общую патриотическую политику, и активные лидеры, такие как генерал Деникин⁶⁷⁴, генерал Дутов⁶⁷⁵, Б. Савинков, сотрудничают с ними. Они получили свои мандаты в результате выборов и поддержки таких организаций, как Уфимское государственное совещание, сибирская дума в Омске⁶⁷⁶ и т. д. Не может быть сомнений, что это правительство наиболее реальное в настоящих условиях, и оно обязуется подготовить созыв общего Учредительного собрания.

Было бы нецелесообразным в данном случае рассматривать, какое представительство союзники готовы предоставить незаконно основанным осколкам Российской империи, таким как «Украина», Крым, район донского казачества, Грузия, Армения... В любом случае историческое единство России имеет неопровержимое притязание на полное представительство. В эти дни славянской популярности нельзя забывать, что Россия вновь и вновь проливала кровь своих сыновей за освобождение славян в тех случаях, когда другие государства не были на стороне угнетенных. Столь же существенно то, что русская армия принесла в жертву миллион [солдатских жизней], чтобы ослабить давление на Францию в 1914 году, чтобы позволить Великобритании провести организационные мероприятия в 1915 году, чтобы спасти итальянцев от поражения в 1916 году. В отношении будущего ни один здравомыслящий государственный деятель не будет утверждать, что нация в 100 миллионов с историей продолжительной борьбы против завоевателей всякого рода, вероятно, должна довольствоваться частью *Hinterland*'а Центральной и Западной Европы. Было бы фатальной ошибкой лишить Россию ее неотъемлемого права только потому, что мирное урегулирование должно быть достигнуто тогда, когда она распростерта в бессилии и истекает кровью от нанесенных себе ран.

3. Практические проблемы величайшей опасности возникают из того, что наступит своеобразное междуцарствие, когда Антанта согласится на перемирие. Основные условия мира выдвинуты президентом Вильсоном. Не похоже, чтобы западные союзники позволили немцам продолжать оккупацию Румынии в соответствии с Бухаре-

стским миром⁶⁷⁷. А как насчет территорий, оккупированных по Брест-Литовскому миру⁶⁷⁸? Действительно, было бы странно, если бы немцам и их союзникам позволили сохранять доходы от их наиболее позорного обмана. Очевидно, они должны покинуть Баку и Карс, Киев и Псков, Ригу и Ревель. Но кто займет их место на время «междоусобицы»? Едва ли ленинские китайские палачи. Довольно грустно то, что цивилизованное человечество вынужденно беспомощно наблюдать месяцами, как советские калибаны⁶⁷⁹ уничтожают лучших представителей русской нации. Ни один нормальный человек не смог бы представить передачу какой бы то ни было части страны «на милость» Зиновьева⁶⁸⁰ или Петерса⁶⁸¹. Поскольку оккупированные губернии России должны быть очищены от немцев и не могут быть немедленно переданы центральной русской власти, то ничего не остается, кроме как передать их под временный контроль международных полицейских сил, рекрутированных из военнотрудовых западных союзников. Обеспечить такую оккупацию — нелегкая задача, но необходимость мер такого рода очевидна. Остается только надеяться, что восстановление законного порядка в Москве и Петрограде может сократить период такого временного устройства.

Остаюсь, сэр, Вашим покорным слугой,

Павел Виноградов

РОССИЯ НА РАСПУТЬЕ

Грустно быть вынужденным рассматривать народ с патологической точки зрения, но полезно взглянуть правде в глаза и посмотреть на нацию так, как доктор осматривает пациента, страдающего от серьезной болезни. Чем больше наша привязанность, тем неприятнее должен быть диагноз, тем более настойчивым лечение. Россия находится в настоящий момент в болезненном, ненормальном состоянии, и остается единственная надежда на то, что организм так силен, что переживет потерю крови и лихорадку. В истории всех великих наций бывают времена упадка: во Франции — во время 100-летней войны, в Англии — между 1640-м и 1650 годами, в Германии — в 30-летнюю войну и в начале XIX века, в Италии — в течение долгих столетий. Все эти страны пережили несчастье разложения, чтобы затем снова добиться силы и единства. Крупный немецкий философ Фихте выразил, что просвещенный патриот чувствует в такие смутные времена. В 1807 году после унижения под Йеной и Тильзитом он смог заметить движение к лучшему будущему и обратиться к моральной силе побежденной нации.

Если мы возьмем историю России, то обнаружим аналогию нынешнему состоянию в Смутном времени — периоде анархии, следовавшем за пресечением рода Ивана Грозного. Тогда, как и сейчас, в Москве правил лжецарь, исконный враг попирали землю, владели крепостями, беспощадно опустошали провинции, уничтожали цвет нации и стремились вырвать с корнем многовековую веру страны. Тем не менее 15 лет (1598–1613) Смутного времени оказались преддверием времени возрождения и процветания. Давайте надеяться, что восстановленные силы окажутся здоровее сейчас, когда общение легче, а возможности политиков шире. Хотя мы должны помнить, что не дни и недели отмеряют жизнь наций, а годы и десятилетия. Французской революции уделено всего несколько страниц в учебнике истории, но в действительности Франции потребовалось около 11 лет, чтобы преодолеть ее последствия.

Чтобы лучше понять нынешнее состояние России и найти правильную точку зрения для его оценки, нужно прежде всего отметить, что оно подготовлено сложной и долгой социальной дисгармонией.

Ни одного из событий последних лет не достаточно для того, чтобы объяснить страшную ожесточенность борьбы и полное безразличие к тому, чего требуют здравый смысл и инстинкт самосохранения. Конечно, нельзя недооценивать влияние военных событий. Несомненно, ужасные обстоятельства, истощившие и людские, и материальные ресурсы страны, вызвали жесточайшую реакцию против всех лидеров, которых можно было заподозрить в империалистических склонностях.

Россия потеряла больше людей в этой войне, чем какая-либо другая страна, и хотя в отношении к численности населения эти потери идут после французских (в России 1 млн 700 тыс. убитых и 7 млн раненых и пропавших без вести; во Франции — 1 млн убитых), страны Антанты должны признать, что российский вклад «пушечным мясом» в общее дело был более чем полновесным, не говоря уже о стратегическом значении участия России в войне в первые три года. Не только битва на Марне обратила ветер против немцев, но и давление с Востока. Лорд Френч⁶⁸² признал, что в конце 1914 года все на Западе смотрели на Россию как на спасителя от грядущей катастрофы, и разделение сил центральных держав, что было следствием борьбы против России в 1915 году, несомненно, способствовало успешному исходу войны в большей степени, чем какое-либо другое событие. Но использование народа в качестве пушечного мяса — обоюдоострый меч. Люди, невежественные и покорные, начинают испытывать вполне понятное отвращение к тому, чтобы быть раздавленными колесницей Джагернаута⁶⁸³ по приказу некомпетентного правительства, чья безответственность обесценивает самые героические жертвы.

Также нельзя заставить их полюбить союзников, которые не хотят помнить о дружеской услуге, когда, наконец, одержана победа. Нежелание народа нести тяготы войны, без сомнения, было использовано Лениным и его немецкими сообщниками в полной мере.

Но усталость от войны и разочарование ее исходом не достаточно, чтобы объяснить, почему началась новая, более страшная война. Война, где русский режет горло русскому, ищет союзников среди иностранцев, призывает латышей, китайцев, венгров и немцев разрушать русские города, убивать родственников и бывших друзей, уничтожать порядок, благосостояние, само свое существование в бесконечной битве. Большевики и их друзья в Западной Европе утверждают, что эта жестокая борьба вызвана социальным противостоянием между классами. Радикальные лидеры марксистского интернационала рассчитывают, что мировая революция вызовет последнюю битву в войне. В своей резолюции, принятой на второй

конференции в Циммервальде в 1915 году, они заявляют: «Мы [...] стоим не на почве национальной солидарности с эксплуататорским классом, а на почве международной солидарности рабочих и классовой борьбы. [...] Эта борьба является также борьбой за свободу, за братство наций, за социализм».

До известной степени это предсказание исполнилось. Всюду можно увидеть ужасный образ Калибана, который готов разрушить общественный порядок и цивилизацию. Немецкие радикалы выбрали Спартака, восставшего раба, символом своего движения⁶⁸⁴. Венгерские максималисты захватили власть в надежде, что с помощью русских большевиков они зажгут пожар в Центральной и Западной Европе⁶⁸⁵. Революционеры, провозглашающие насилие — итальянские и французские социалисты — пытались поднять всеобщее вооруженное восстание против ненавистной буржуазии. Даже в Англии бесцеремонные возмутители общества — Э.Д. Морел⁶⁸⁶, Понсонби⁶⁸⁷, Филипп Сноуден⁶⁸⁸ — хотят использовать страсти толпы и подготовить почву для революции. Печатный орган так называемого «Союза демократического контроля» кратко излагает «идею», которую он требует воплотить в реальность в России, в следующих словах: «Раскалывают человечество не случайные расовые отличия, не национальные и политические границы. Такое разделение искусственно и условно. Истинное различие — классовое. Человечество разделено на два класса — собственников и неимущих. Массы лишенного собственности класса, пролетариата, более или менее апатичные, удовлетворены существующим положением по большей части потому, что культивирующим дух национализма собственникам удалось заставить пролетариат враждовать между собой. Класс собственников следует лишить власти, которая должна целиком и полностью перейти к пролетариату до тех пор, пока не придет то время, когда собственники не склонятся перед неизбежным. И тогда классовые различия исчезнут».

Но эти фантазии — чистой воды ребячество по сравнению с триумфальным зверством русского коммунизма. И в Москве, и в Петрограде сумасшедшие педанты, вроде Ленина, и преступники, наподобие Петра — «красного маляра», нашли лучшую почву для своей деятельности. Чрезвычайка (чрезвычайные комиссии) намного превзошла свой образец — старую «Охранку» (охранное отделение). Чувственные демоны режут и истязают ближних под звуки мандолин и пианино. Юные девушки из среднего класса (буржуа) принуждаются к удовлетворению сексуальных потребностей комиссаров и матросов. Китайские наемники демонстрируют искусство восточных пы-

ток на русских «заложниках». Все классы общества поработены диктаторами, которые прикрываются именем пролетариата. «Хитров рынок» или площадь, где собирается московское «дно», занял место буржуазной Думы. И хор нетерпеливых западных радикалов выражает свою симпатию и восхищение: *Manchester Guardian*, *The Nation*⁶⁸⁹, *The Daily News*, *The Westminster Gazette* и другие газеты, защищая большевиков, показали, как просто для так называемых радикалов превратиться в поклонников деспотии. Указывают на Робеспьера⁶⁹⁰ как на идеального вождя революции, близкого по духу Ленину и Троцкому⁶⁹¹. И такие высказывания исходят из уст людей, которые настаивают, что они верят в «демократию», в «свободу мысли», «равенство перед законом», «свободу вероисповедания» и т. д. Они, очевидно, забыли, что Робеспьер подготовил почву для Наполеона. Но русским либералам не так легко забыть тех, кто считает встречу в Принкипо и эвакуацию Одессы разумной мерой⁶⁹² и сковал усилия британского правительства по оказанию помощи патриотам, которые сражаются за единство и свободу России против наиболее беспощадной и гнусной тирании, когда-либо виденной миром. По существу, альянс, который хотят установить между западными социалистами и русскими коммунистами, является не только лицемерным, но и бессмысленным. Положим, что им удастся сделать усилия русских патриотов напрасными и добиться признания правительства Ленина. Возможно ли, что Советы согласятся с западными демократами и будут действовать в одном направлении с ними? Разве они не видят, что Германия открыто расставляет сети в Восточной Европе, готовя реванш? Или как опаснейший враг России, Пауль Рорбах, выразил это: «Россия — для большевиков, а большевики — для нас!» Не должны ли западные демократы понять, что если только они склонятся в пользу красной диктатуры, всякий договор с ними будет уважаться большевиками лишь до тех пор, пока это им выгодно. Положим далее, что патриотическое движение преодолело интриги и клевету и победило, а Деникин, Колчак⁶⁹³ и Юденич⁶⁹⁴ освободили страну после стольких лет кровопролития и голода. Будет ли тогда Россия смотреть с благодарностью и надеждой на западных либералов? Их политика ни честна, ни умна. Она показывает только одно, что западный либерализм обанкротился. С каждым днем он оттесняется на задний план из-за своего неопределенного положения между воинственной силой консерваторов, которые защищают изжившую себя европейскую культуру, и социализмом, который, несмотря на разрушения и замешательство, угрожает и расчищает место для нового общественного порядка. Большая партия Гладстона⁶⁹⁵ не имеет лидеров

и программы. Ее сторонники ищут убежища в арьергарде обеих противоборствующих сторон. Для русских патриотов, однако, немислимо отказаться от борьбы за цивилизацию и свободу. Они не могут позволить уничтожить редкие остатки образованных классов ради идеи коммунизма или уступить империалистической реставрации в битве за права человека.

Есть люди, которые не верят в жестокость большевиков из-за противоречивых свидетельств, как будто может быть хоть малейшее сомнение в том, что они [большевики] вообще не обращают внимания на элементарные требования гуманизма и справедливости. Бессчетными свидетельствами британских, скандинавских, французских, бельгийских беженцев из России пренебрегают, потому что какие-то квакеры получили разрешение оказать помощь отдаленным районам и потому что американских агентов обвели вокруг пальца хитрые комиссары. Заявляют, что белые проводят жестокие репрессии, как будто можно ожидать снисхождения от людей, чьи родители, братья и сестры были убиты, и как будто случайные эксцессы белых могут сравниться с массовыми убийствами невинных людей красными. Защитников единства России клеймят как контрреволюционеров, чья цель — царизм, как будто такие люди, как Чайковский, Бурцев, Савинков, Панина⁶⁹⁶, могут быть заподозрены в симпатиях к старому режиму, как будто они всей своей жизнью не доказали свою верность идеалам права и свободы. По-видимому, злые силы побудили прогрессистов объединиться с врагами морали и цивилизации. Тайна большевизма была открыта в двух словах одним из их лидеров Григорием Нестроевым⁶⁹⁷: «Почему ложь бесчестна?» — спрашивает он. «Что такое моральная нечистоплотность?» и т. д. Его философия находит наилучшее выражение во фразе: «Что есть человек? Кусок мяса, и все»*.

Почему же низшие классы в России с таким ожесточением восстали против своих господ? Увидеть причину этого нетрудно. Новое поколение российских собственников и образованных классов искупает грехи своих отцов и их заслуги. Оно страдает за слишком долго откладываемое освобождение крестьян, за жестокость и коррупцию помещиков и чиновников, за заброшенное народное просвещение, но также и за железную дисциплину прошлого, за патриотические устремления солдат и чиновников, за строительство городов, железных дорог и фабрик. То решение, которое принял плотник, было слишком радикальным для большинства людей, которые не шли

* Masaryk T. G. The spirit of Russia. Vol. II. P. 370.

в ногу с развитием. Народ надломлен политической слабостью правительства и временным распадом страны. В этом отношении события последних лет — точная параллель национальной катастрофе в конце XVI века.

Ситуация в общих чертах ясна для любого мыслящего человека, но конкретные проявления упадка заслуживают более внимательного изучения.

Одна из причин того, что русские солдаты, рабочие и крестьяне проявили жестокую ненависть к своим офицерам, помещикам и чиновникам, может крыться в стремлении русского правительства ввести в стране достижения западной цивилизации. Историческое дело Петра Великого было абсолютно необходимо для будущего развития нации. Оно было сделано с поразительной силой и таким же поразительным успехом, но оно заключало в себе наиболее опасные последствия. Оно разделило общество на две части, и социальное противостояние между бедными и богатыми, между подчиненными и начальниками стало противостоянием между двумя культурами. В то время как высшие классы устремились к западным идеалам, науке и формам правления, низшие классы оставались жить в старой московской культурной среде, средоточием которой являлась национальная церковь. Один из наиболее последовательных русских радикалов Александр Герцен уже в 1850 году указал на пагубные последствия этого явления. Он указывал, и не без основания, что реформы царя Петра поставили трудящиеся классы России в более изолированное и безнадежное положение, чем до того.

Всякий из приехавших в Россию должен был заметить яркую культурную противоположность — достаточно было взглянуть на прохожих, чтобы убедиться в этом: большинство ходит в длинных кафтанах, напоминающих платья, рубахах и сапогах, но изредка можно увидеть офицеров, служащих и чиновников, одетых по-европейски. Внешний вид указывает на глубокие культурные различия, которые так велики, что кажется, что они — граждане разных стран. Надо заметить, что образованные русские очень рано осознали это и были склонны признать, что культурный уровень масс имеет свою собственную и особую ценность. Именно эта точка зрения объясняет движение так называемых славянофилов, следствием которого стало образование «народной партии» (народников). Славянофилы, которых не следует смешивать с панславистами — группой людей, мечтавших о федеративном союзе между славянскими нациями, как школа сформировались во времена правления Николая I, в 1840–50-е годы, и должны рассматриваться в связи с романтической реакцией на су-

хой рационализм эпохи Просвещения. Ведущие мыслители школы — Иван Киреевский, Константин Аксаков — считали, что великий русский народ сохранил единую веру и моральные основания жизни, которые западные люди растеряли в своей религиозной и политической борьбе. Они противопоставляли западное стремление к материальному благосостоянию, собственнический индивидуализм и его ярко выраженный интеллектуальный дух сосредоточенности русской культуры на отношении человека к Богу, потребности в совместной деятельности и социальной справедливости, безразличию к формам управления. В этой теории было немало сентиментализма, и она не выдерживает научной критики, но она показательна, как выражение желания «обратиться к истокам» и обрести национальную стойкость в прямом соприкосновении с большими массами народа. С точки зрения этой школы, каждую независимую нацию нужно изучать отдельно от других, и общемировые концепции не могут заменить анализа национальной психологии. Народные мысли и обычаи, согласно И. Киреевскому, так же нельзя изменить, как и взрослый организм. Когда романтическое увлечение религией и фольклором исчерпало себя полностью, народники стали апеллировать к народной мудрости. Теперь начали изучать важные экономические и социальные особенности нации. Русские, в особенности великороссы, воспринимались как нация, предназначенная перекинуть мост в век социализма. Способность русского народа думать и действовать как слаженный хор теперь была прославлена, как дарованная Богом черта национального характера, которая найдет свое место в экономическом развитии. Но и это утверждение нельзя принять как факт. Верно только то, что народ, который был предметом всех этих красивых теорий, шел своим обычным путем, нисколько не затронутый анализом этих доктрин, их мнимым своеобразием. Но значение этого движения в том, что было осознано, что воссоединение «классов и масс» (заимствуя выражение англичанина Гладстона) на общем культурном основании было необходимо, чтобы социальные и политические реформы принесли плоды.

Земства, которые были созданы при Александре II, подготовили почву для взаимодействия и настоящего понимания. Усердие, с которым эти организации взялись за решение проблемы народного просвещения, свидетельствует об их здоровой рассудительности и практических способностях. К несчастью, старые бюрократы сделали все что могли, чтобы остановить эту спасительную работу, а война и революция разразились в стране в то время, когда меры по культурному примирению только начали приниматься.

Теперь не осталось ничего другого, кроме как извлекать предметные уроки. Похоже, что Россия не избежит тяжелейших испытаний. Коммунисты показали свою полную неспособность управлять страной. У них нет ни одной созидательной идеи. Примером тому служит их борьба против капиталистической экономики, против индивидуальной предприимчивости, морали, семьи и религии. Вся их мудрость заключается в использовании капитала, который накапливался поколениями рабочих. Ни величайшая нищета, ни ужаснейшее разрушение не играют для них роли. Они вполне могут продлить свое правление при помощи насилия и подкупа голодного населения едой, но достичь какого-либо положительного результата не удастся знахарям, которые не понимают, что социальный процесс органичен, а не механистичен, и что нельзя вырезать среднее сословие из тела нации, не вызвав ее смерти.

Но сейчас, когда тысячелетнее государство, которое было разрушено несведущими массами, оказалось в состоянии войны всех против всех, крестьяне начали понимать ценность того национального государства, которое с их помощью было разорвано на куски. То презрение, с которым относятся к русским окраинные народы, которые своим существованием обязаны защите русского государства, тоже хорошая плата за обучение для великороссов. Нет сомнения, что сильнейшая и наиболее одаренная нация в Восточной Европе даже после кровавой бани большевиков восстановит свой дух и могущество. Невозможно сказать, сколько времени потребуется России, чтобы восстановить свое разрушенное здание, но она, конечно, преодолит последствия случившейся катастрофы. Недалековидные политики, которые сейчас осыпают русских насмешками, должны лучше проанализировать свое положение и подумать, какими средствами они располагают, чтобы воспрепятствовать возрождению России. Едва ли возможно, чтобы США, Франция или Англия выступили против восстановления сильной, свободной и демократической русской республики.

На деле свободное и демократическое развитие страны — единственная политика, которая может привести к возвращению ее величия и благосостояния. Династические и олигархические элементы старой России потерпели сокрушительное поражение, когда Сухолинов⁶⁹⁸ послал солдат из крестьян без оружия и амуниции против немцев, когда высшие генералы позволили целой дивизии утонуть в болоте, когда Штюмер и Кассо⁶⁹⁹ во имя самодержавия растоптали земства и университеты. И хотя военная дисциплина и авторитет должны, несомненно, играть большую роль в борьбе за сущест-

вание России, ясно, что необходимо больше, чтобы обеспечить ее возрождение. Также ясно, что помещики не смогут получить назад свою собственность, которую захватили крестьяне. Концентрация сельских жителей на ограниченных участках земли была злом, которое нужно было исправить через систематическое и свободное расширение доступа к земельной собственности. Сейчас, когда класс помещиков, которому уже освобождением крестьянства в 1861 году был нанесен серьезный удар, попал в катастрофическое положение, единственный выход из трудностей — дать им возможную компенсацию за утраченную собственность и помочь снова начать работать на благо государства в качестве предпринимателей или чиновников. Но главной целью новой политики должно быть распространение просвещения. Глупо было бы строить большой дом только из камня, без извести. Хотя архитекторам и удалось бы возвести несколько этажей, первый же шторм разрушил бы здание до основания. Очень трудным заданием будет просвещение народа, но оно поможет объединить нацию и создать прочные связи, которые выдержат новые испытания и материальные трудности. Но эта задача должна быть решена, и те, кто знаком с высоким идеализмом, который воодушевлял русскую интеллигенцию, с широкими скрытыми силами и выносливостью народа и богатыми природными ресурсами страны, не теряют надежды на счастливый исход.

ЗАПАДНЫЕ И ВОСТОЧНЫЕ ИДЕАЛЫ В РОССИИ

Трагический кризис, переживаемый в настоящий момент Россией, нельзя объяснить во всей его значимости ни влиянием войны, ни институционными и общественными недостатками старого режима, ни алчными побуждениями части низших классов. Все эти причины важны и, несомненно, оказали влияние на определенные аспекты ситуации, но даже всех вместе их недостаточно, чтобы объяснить ожесточение борьбы, ее антигуманный и аморальный характер. Для того, чтобы понять, почему люди, говорящие на одном языке, веками действовавшие совместно в мирное и в военное время, постоянно поддерживавшие экономические и умственные сношения, набросились друг на друга как заклятые враги, мы должны обратиться к психологическим причинам. Коротко говоря, русские разделены не столько партийными пристрастиями или классовой враждой, сколько культурными различиями; огромная масса народа все еще следует по пути Востока, в то время как образованное меньшинство двинулось по пути Запада и зашло так далеко, что некоторые наиболее радикально настроенные среди них, похоже, объехали мир и пришли к тому, чтобы объединиться с наиболее восточной частью своих сельских сограждан.

Давайте на одно мгновение взглянем на общий уровень культуры, характерный для Московской Руси XVII века. Его никоим образом нельзя назвать незначительным, если под культурой понимать предписанные обычаем человеческих отношений дисциплину мысли и духа. Такие деятели как Ртищев, Ордин-Нащекин, патриарх Никон⁷⁰⁰, прошли суровую школу и достойно держали себя в любом обществе, они вели себя благородно и с достоинством, были гуманны и деятельны, проявляли живой интерес ко всему и были также неуклонны в своем благочестии. Большинство народа, конечно же, не достигло такого высокого уровня, но так обстоят дела относительно низших классов в любом обществе, и лидеры остаются характерными представителями своей страны и своей эпохи как в своих достоинствах, так и в своих недостатках. Единственное, чего заметно не хватало в это время, за редким исключением, — веры в личные усилия. По словам крупного специалиста профессора Ключевского: «Древнерусская мысль усиленно работала над вопросами нравственно-религиозного порядка,

над дисциплиной совести и воли, над покорением ума вере, над тем, что считалось спасением души. Но пренебрегала условиями мирского существования, видя в нем законное царство судьбы и греха, и потому с бессильной покорностью отдавала его на произвол грубого инстинкта. Она сомневалась, как это можно внести и стоит ли вносить добро в земной мир, и была убеждена, что наличный житейский порядок так же мало зависит от человеческих усилий, так же неизменен, как и порядок мировой»⁷⁰¹. Такой фатализм парализовал всякий прогресс в общественных и политических делах так же, как в материальном благосостоянии.

Общеизвестно, что современная история России начинается с глубоких реформ Петра Великого, который заменил политику своих предшественников — московских царей — западным подходом к управлению государством, прорубил окно для своей страны на берегах Балтики и открыл новую эру, восприняв всякого рода западные идеи в моде и технике, законодательстве и литературе. Задача реформаторов оказалась очень трудной, и их успех во многих отношениях был скорее внешним, нежели реальным. Умственное движение, возбужденное в русском обществе реформаторами XVIII века, ограничилось главным образом высшими классами собственников, подчиненное население — крестьяне и ремесленники — продолжали жить согласно старым обычаям. Старообрядцы бранили Петра, как Антихриста:

Пришло времячко гонимо:
Народился злой антихрист;
В сию землю он вселился,
На весь мир вооружился.
Стали его волю творити, —
Усы, бороды стали брить,
Латынскую одежду носить...⁷⁰²

Действительно, один из ведущих сторонников русского освобождения Герцен пришел к следующему прискорбному выводу: «Народ был обойден реформой и остался более одиноким, чем когда-либо. Если он не погиб, то лишь благодаря своим природным свойствам и общине: во всяком случае, он ничего не выиграл, к нему не проникла ни одна политическая идея. Отныне надолго все умственное и политическое движение сосредоточилось в дворянстве»⁷⁰³. Поэтому идеи и институты, заимствованные с Запада в XVIII веке, сделали положение низших классов, по сути, хуже, чем прежде: к различию в юридическом статусе и экономических возможностях добавился контраст в культуре — раз-

личие между современной западной цивилизацией и древними традициями русского Востока.

Великие правители XVIII века — Петр и Екатерина — и их последователи — Долгоруков⁷⁰⁴, Шафиров⁷⁰⁵, Бестужев⁷⁰⁶, Шувалов⁷⁰⁷, Бецкий⁷⁰⁸ — были по-своему просвещенными и умными, но они шли дорогой властного, рационалистического деспотизма. Они смотрели на людей как на глину для того, чтобы из нее лепить и формировать согласно плану. Екатерина, например, страстно увлекалась «Духом законов» Монтескье и «Комментариями» Блэкстона⁷⁰⁹. Ее наказ комиссии 1767 года⁷¹⁰, так же как ее законодательные заметки, полны ссылок на эти работы, с которыми она обращалась, однако, с характерной вольностью. Например, учение Монтескье о «посреднической силе» феодальной аристократии и юридических корпорациях, предназначенных для того, чтобы ограничивать всемогущество суверена, Екатерина заменила самоограничением самого монарха; вместо духа независимой *чести*, в котором Монтескье видел форму добродетели, характерной и необходимой для монархии, она ввела понятие почетного звания, присуждаемого монархом и т. д. Неудивительно, что эти просвещенные деспоты очень ревниво относились к свое прерогативе направлять мнение и навязывать идеалы. Первопроходцы свободной мысли, такие как Новиков и Радищев⁷¹¹, подвергались гонениям, им мешали вести работу независимой пропаганды.

Полицейский надзор, однако, был не в состоянии остановить действие живого фермента мысли. В то время, когда Николай I считал себя всемогущим в своей империи, ученые и литераторы уклонились от официального руководства и строили новый мир свободы в своих исследованиях и аудиториях. И весьма знаменательно для этого пробуждающегося философского сознания, что вопросом, наиболее горячо обсуждаемым этими пионерами политической мысли, была проблема отношений между западными и восточными, европейскими и национальными идеалами.

Защитники национальной культуры были не меньше осведомлены о западном знании, чем их оппоненты. Ведущие славянофилы, как их стали называть, такие как Киреевский, Хомяков, Аксаков, Самарин, были блестящими учеными и прекрасно ориентировались в немецкой метафизике и французской политической литературе. Но они отвергали склонность копировать западные образцы, присваивать готовые идеи из Англии, Франции или Америки. Они не хотели даже согласиться с умеренными западниками, что Россия должна учиться у ее прогрессивных соседей умениям и навыкам цивилизованной жизни. Один из главных лидеров западников Н. Станкевич выразил цель

своей группы в примечательном предложении: «Надобно стремиться к человеческому, свое будет поневоле»⁷¹². Славянофилы, напротив, выдвигали задачу открыть тайну национальных особенностей. Их рассуждения страдали от обычного недостатка самосознания — в них чувствовался привкус предвзятости и исключительности. Но они заслуживают внимания, потому что в них выражаются в преувеличенном виде искренние чувства, антипатии и чаяния русских националистов.

Каждый из ведущих славянофилов выразил по одной излюбленной идее.

Для Ивана Киреевского было бесспорным то, что изменить ход национальной эволюции невозможно, как невозможно заменить кости взрослого организма. Нация была живым существом и не могла быть подвергнута механической реконструкции. Киреевский отрицал право западной цивилизации выражать презрительное превосходство по отношению к простой культуре русского народа. Он утверждал, что последний обладает более цельным чувством гуманности как всеохватывающей духовной силой. Это чувство наиболее полно выразилось для него в религии, которая, как думал он, была разрушена на Западе. От единства веры и знания, теории и практики отказались ради либерального прогресса, ради машин и торговли, ради всевозможных внешних усовершенствований и улучшений, которые в лучшем случае только средства, но не цель. Если эти вспомогательные элементы восторжествуют над главной и единственной вещью, имеющей смысл, — духовным самосознанием человека, они превратятся в идолов, они породят бесплодное идолопоклонство.

Для Хомякова это утверждение религиозной жажды русского народа стало основой для разработки апологии православной восточной церкви. Копья его диалектики были направлены, с одной стороны, в римский католицизм с его преувеличенной церковной властью, его подчинением мысли внешней дисциплине, с другой — в протестантизм с его разрушительными, индивидуалистическими тенденциями. Он провозглашал, что восточное православие реализует идеал всеобщей церкви как синтез «единства и свободы в любви». Прекрасная формула, единственным недостатком которой являлось то, что она едва ли соответствовала практике российского церковно-государственного устройства, подчиненного русской бюрократии. В случае с главным учеником Хомякова — Юрием Самариным — абстрактная формула уступает место благоговению перед невыразимой, органической верой простого народа, перед его инстинктивным томлением по Божьей милости и справедливости, и, несомненно, именно в этом эмоциональном аспекте религиозная жизнь России, так же как и других стран, на-

ходит свои наиболее прочные корни и лучшее оправдание. Мы бы могли добавить, возможно, что именно эта инстинктивная вера сохраняется и сейчас вопреки всем катастрофам и временному упадку. Полусветская организация национальной церкви была разрушена беспощадными преследованиями христиан, но тираны не смогли уничтожить эмоциональную сторону религии, которая все еще сильна и фактически усиливается и очищается в это время скорби и испытания.

Политические размышления Константина Аксакова являются столь же пророческими, сколь и парадоксальными. Он подчеркивал безразличие русского народа к правительственным учреждениям и правовым формам. Он открыл в русской истории особенный дуализм — сочетание более или менее чужеземного правящего класса с массой народа: народ не интересуется властью и принуждением, но его удовлетворяет свободное выражение мнения по важным для всех предметам. С точки зрения славянофилов, западные методы, введенные Петром Великим и его последователями, деспотическим и односторонним выражением внешнего правления противоречили самым глубинным национальным инстинктам — реакция отторжения государственной власти и западного империализма должна была последовать обязательно.

Как мы видим сейчас, парадоксальные доктрины этих странных философов оказались не так далеки от истины, как это казалось их современникам, воспитанным на изучении немецкой, французской или английской политической науки.

В социальной и экономической теории славянофилы, опять же Самарин, Юрьев⁷¹³, и, с другой точки зрения, социалист Герцен подчеркивали общинность великого русского развития. Они справедливо отмечали, что община, *мир*, вырос как союз, который защищал интересы и поддерживал достоинство русского крестьянства в тяжелые времена крепостничества. Более того, эти образованные люди, помещики по рождению и образованию, с энтузиазмом ожидали того, что новые принципы будут внесены этим русским институтом в жизнь не только возрождающейся России, но и Европы и человечества. Герцен заявлял, что социализм, сокрушенный в 1848 году на улицах Парижа и Вены, возродится в русских степях. Я полагаю, что комментарии излишни.

Вместе с тем данные работы сентиментальных идеалистов периода правления Николая I представляют собой курьезную смесь абстрактных теорий, диалектических упражнений и пророческих предсказаний. Эти доктрины приобрели новый вид и прямое отношение к ходу событий, когда после падения режима Николая I было освобождено крестьянство, все промышленное развитие было направлено по бо-

лее современным путям, образованные классы были призваны к участию в земском и городском самоуправлении. В своем первоначальном виде славянофильская школа исчезла, но противоположность западной и национальной ориентации вновь проявилась в борьбе между радикалами западного типа и народниками.

Самого Толстого можно рассматривать как защитника простого человека из народа в противовес сверхкультурным интеллектуалам. Его суровая критика бесплодных исследований, пустого искусства, бессердечной политики, тысячи забот и забав, которые отвлекают внимание человека от важнейшей проблемы жизни, хорошо известна. И такова же его вера в человеческую ценность крестьянского типа с его простотой взгляда, непосредственностью стремлений, его религиозным инстинктом, пронизывающим всю атмосферу существования. Но нравственная миссия Толстого была воспринята так широко, что она перестала быть национальной, специфически русской. Он восхищался крестьянами своей страны не потому, что он считал их предназначенными Провидением осуществить гуманные идеалы, но потому, что он хорошо знал их и писал о том, что он знает. Как бы то ни было, у него не было ни малейшего сомнения в признании высоких моральных качеств немцев, американцев или евреев.

Для того, чтобы сформировать представление об истинных народниках, мы должны обратиться к менее известным людям, к таким писателям, как Златовратский⁷¹⁴, Воронцов, Юзов⁷¹⁵. Поразительной чертой этого типа во времена, предшествующие перевороту XX столетия, является их отказ от политической борьбы. Влиятельные лидеры признают недостаточную подготовленность русского народа к крупномасштабной политической деятельности, скудный запас образования и культуры, необходимость напряженных усилий для того, чтобы преодолеть пропасть между простым народом и образованными классами. С этих пор они проповедуют терпение, постепенные изменения, длительную пропаганду и прежде всего улучшение материальных, экономических условий. Вот как один из выразителей народничества, Василий Воронцов, обрисовал политику, которую следует принять: «Нет, нужны никак не политические реформы, [...] ибо при невежестве массы народа привлечение общества к участию в управлении равносильно передаче последнего в руки буржуазии, которая, без сомнения, воспользуется властью в интересах своего класса и в ущерб интересам народа. Нам нужны не политические, а систематические, планомерно проведенные экономические мероприятия⁷¹⁶.

[...] Не производство, а человек должен составлять предмет забот правительства, [...] Поэтому представляется необходимым игнориро-

вать капиталистическую форму производства и всячески поощрять народную⁷¹⁷. [...] Главная сила интеллигенции [...] заключается в знании, источником которого она служит. Важнейшая ее функция поэтому заключается в просветительном воздействии на общество, [...]»⁷¹⁸

Отказываться от них ради осуществления практических положений [...] значит не только не понимать ни механизма прогресса, ни исторической роли интеллигенции, но и бесплодно расточать драгоценную силу, назначение которой – бороться с неустройствами жизни не путем физического насилия, а интеллектуальным влиянием мысли, вооруженной знанием⁷¹⁹.

Мы должны постараться просветить народ⁷²⁰. В противном же случае ход нашего общественного развития будет зависеть от исторических случайностей; [...] и [...] в будущем, как и в прошедшем, нам останется обращать взоры к власти [...]»⁷²¹.

Для пылкого духа радикальных групп такая программа оказалась презренной и вредной. Вражда между революционными западниками и националистически настроенными реформатами разгорелась вновь. Типичный журналист Н. Михайловский⁷²² решительно набросился на народников, он осудил их, как пассивных последователей власть предержащих, как равнодушных оппортунистов, готовых бросить священное дело освобождения. Ульянов-Волгин⁷²³ пошел дальше и предсказал, что эти самозванные представители народных идеалов будут сметены народом в решающий час.

Он напомнил Воронцову, что разговоры Ивана Ермолаевича с народником во «Власти земли» Глеба Успенского⁷²⁴ всегда заканчивались одним и тем же: крестьянин начинал зевать после того, как выуживал полезные сведения у своего собеседника⁷²⁵. «Народ будет использовать полученные знания для того, чтобы развить идеи более здравые и современные, чем восточные идеалы наших народников»⁷²⁶.

Эти характерные споры проливают свет на некоторые происшествия наших дней. С одной стороны, они иллюстрируют постоянную тенденцию в широких кругах русских прогрессистов – отдавать предпочтение и в мыслях, и на деле экономическим проблемам, нежели организации управления и политической свободе. В наши дни эта тенденция представлена главным образом влиятельным кооперативным движением. Многие кооператоры готовы даже надеть ярмо большевизма для того, чтобы продолжать свою деятельность: они открыто заявляют о недовольстве тираническими и жестокими методами красных диктаторов, но все же готовы подчиниться им. Но в этом есть более глубокий смысл, нежели просто сомнительная ориентация; он подсказывается убеждением, что разногласие между интеллигенцией и народом далеко

не изжито и представляет собой главное препятствие прогрессу; долгие годы, может быть, поколения пройдут прежде, чем возникнет действительное единство между двумя элементами русского общества — массами и классами. В прошлом и настоящем эти две группы — огромная масса крестьян и городских рабочих, с одной стороны, и маленькие группки образованных лидеров — с другой, противостоят друг другу как враждующие армии. Они говорят на одном и том же языке, но придают разное значение словам и поэтому лишены средства общения. Помните, в тургеневской «Нови» поразительный рассказ Маркелова, революционера, который пытался вести пропаганду среди крестьян, но был схвачен и связан ими⁷²⁷. В то время, когда Тургенев писал это — в восьмидесятые годы, — крестьяне заставили замолчать революционеров; в наши дни они убивают «буржуев». В обоих случаях они выступают против интеллигентов, в которых они нуждаются как в лидерах, но не понимают их.

Другими словами, огромной бедой в России является дуализм культур, недостаток согласованности между западными и восточными традициями. И несомненно, что не отказом от политической деятельности будет устранено это зло. Напротив, только просвещение и сотрудничество в самоуправлении могут помочь преодолеть пропасть. Общая работа в земствах началась, чтобы дать результат в этом направлении, и величайшим несчастьем большевистской катастрофы является то, что она разорвала созданные ими нити. Только возрождение и расширение кооперации на демократической основе может противодействовать этому общественному разрыву.

Другой стороной работы, предстоящей русской интеллигенции, является сближение с ее собственным народом не только в материальных потребностях, но и в его верованиях и моральных устремлениях. Грех большевистских лидеров в этом отношении еще больше, чем у их либеральных предшественников; они разорвали в клочья все, что было священным для народа. Напротив, мистические либералы XIX века — славянофилы — были первыми, кто показал путь, хотя им не удалось добиться действительного примирения. В любом случае, никакая политика, направленная на прогрессивное развитие, не может позволить себе обращаться с идеями и традициями народа так, как будто их можно тасовать, подобно колоде карт, по прихоти реформаторов. Нации являются организмами, и не только индивиды, но и народы должны следовать предписанию греков: «Познай самого себя».

ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИИ

Серый рассвет забрезжил над Россией после долгого мрака. Было время, когда великий царь мог объединить все народы своей империи вокруг себя в борьбе за свободу и справедливость, но слабый и введенный в заблуждение царь растратил сокровища народного доверия, которые были в его распоряжении в начале войны. Было время, когда коалиция между такими социалистами-патриотами, как Керенский, и такими патриотически настроенными военачальниками, как Корнилов, могла предотвратить постыдное разрушение государства, но Керенский и Корнилов вступили в схватку друг с другом к выгоде фанатичных авантюристов. Действительно, история России за эти последние годы напоминает одну из легенд о Сивилле, которая предлагала продать свою книгу предсказаний римским правителям. Они не приняли предложения из-за высокой цены. После огромных бедствий Сивилла появилась вновь с половиной вырванных страниц, но запрашивая ту же цену за оставшиеся. Ее предложение вновь отвергли; когда она пришла в третий раз, в ее книге предсказаний остался лишь один лист, но цена была той же.

Так же и в России — сейчас ее государственные деятели вынуждены предлагать высокую цену не за победу или славное возрождение, а за существование, восстановление элементарных оснований человеческой жизни. Но даже при решении этой задачи недостаточно найти правильный курс: народ должен найти в себе силу следовать таким курсом.

Лето, будем надеяться, определит падение преступной банды, превратившей страну в руины. Предметные уроки большевистских экспериментов открывают глаза упрямым экспериментаторам. Наиболее глубоко изучившие марксистскую политэкономию начинают понимать, что страна не может жить без обмена, транспорта и кредита, как человеческий организм не может жить без кровообращения. Промышленные рабочие приходят к выводу, что не в их интересах возвращаться к натуральному хозяйству; крестьяне уже поняли, что недостаточно захватить землю соседних помещиков, что хлеб привозят с далекого юга на север, а ботинки — с далекого севера на юг. Не может дальше сохраняться парадоксальная ситуация, ко-

гда армию возглавляют терроризирующие [солдат] офицеры. Большевизм умирает, но кто должен похоронить его и унаследовать разрушенные владения?

Военная диктатура является необходимой стадией, но только переходной стадией. Все лидеры заявили многозначительно, что они хотят освободить Россию, а не поработить ее. Кроме того, как давно сказал Наполеон: можно завоевать с помощью штыков, но нельзя сидеть на штыках⁷²⁸. В России есть ряд генералов и офицеров, чей политический кругозор не выходит за пределы представления о том, что нужно установить военную диктатуру. Но недалёковидный цинизм породил бы просто новое препятствие и отсрочил развитие главного действия на некоторое время, не предотвратив окончательного разрешения проблемы. Ручательством за это является не только личная честность таких людей, как Колчак и Деникин, но доминирующие в их окружении тенденции. Ни один из лидеров в Омске, Екатеринбурге, Архангельске, Париже не представляет собой реакционные силы, стремящиеся вернуть старый режим. Сазонов и Маклаков, также как Савинков, Астров и К° являются убежденными реформаторами, хотя они не перестали быть доктринерами. Для всех мыслящих патриотов ясно, что было бы фатальной ошибкой вернуться под власть политической системы, которая породила чудовище большевизма с его идеалами саморазрушающей ненависти.

Реальная опасность, с которой придется столкнуться, состоит в трудности воздвигнуть прочное строение на развалинах старой России. Данная трудность в своем первоначальном виде встанет перед Учредительным собранием, которое должно быть рано или поздно созвано для того, чтобы восстановить государство. Монархией или республикой должна быть новая Россия? Этот вопрос, который хотя и поставлен в общем виде, указывает на ряд других трудных проблем.

Монархию нельзя ни создать, ни отвергнуть произвольно. Монархия, несомненно, обращается к невыразимым ясно чувствам народа, как воплощение государства в живой личности. Язычники придавали своим богам человеческое обличье, поскольку человеческий облик помогал им обращаться к силам природы; даже такой элементарный «народ» склонен к персонификации власти. Но монархический миф не возникает случайно. Ему нужна особая почва для его роста — почва более или менее успешных исторических достижений. Возможно, что монархические чувства все еще живы в сознании народа. Трудом Петра Великого, Екатерины, Александра I, Александра II создан капитал, который нелегко растратить. Но последние поколения Романовых сделали все возможное, чтобы дискреди-

тировать традиционную власть. Унижения Берлинского конгресса и японской войны, горький опыт несчастных «барашков», вооруженных палками и посланных в траншеи под пулеметный огонь, наглая коррупция Распутина породили революцию в народном сознании, и среди сохранившихся отпрысков старой династии нет личностей, способных восстановить утраченное доверие.

Вопрос о возможной попытке возродить монархию на новой династической основе остается открытым, но было бы бесполезно рассуждать о шансах такой авантюры. Я бы хотел лишь отметить, что события 1613 года, когда Романовы, отнюдь не самый знатный аристократический род, взошли на трон, занимаемый до этого потомками Рюрика, не могут рассматриваться как исторический прецедент в этой связи. В атмосфере трехсотлетней давности это дело возрождения России было естественным. В политическом сознании народа не было никакой иной формы правления, помимо самодержавия. Все самозванцы и претенденты Смутного времени выдвигали притязания именно на эти титул и власть. Нет необходимости указывать дополнительно на то, что с тех пор возможные комбинации значительно увеличились: даже в самых темных углах страны знают сейчас, что существуют другие способы управления государством. Понятие республики вовсе не является чем-то незнакомым или вызывающим недоверие народа, в то время как, с другой стороны, любое обращение к монархической преемственности вызвало бы возражение и не могло бы быть выдвинуто без какой-нибудь степени традиционной власти. Политическое обучение народа шло медленно и в некоторых отношениях оно приобрело нежелательный оборот, но триста лет не прошли бесследно для политического сознания.

Другая форма монархического устройства, однако, является чем-то большим, нежели просто предметом для фантастических спекуляций. Я имею в виду попытку превратить военную диктатуру, вырастающую из смертельной схватки с большевизмом, в постоянную империю по наполеоновскому образцу. Такую возможность не стоит исключать как фантастическую и совершенно недопустимую. Разочарование в либеральных теориях, жажда покоя и порядка, требование возмездия и наказания, которые, несомненно, должны появиться вслед за наследием большевизма, дадут достаточно материала для «контрреволюции», и военачальник, который положит конец современной смуте, естественно, станет центром политических движений, направленных на восстановление личного правления по имперскому образцу. Позвольте, однако, выразить надежду, что откат в этом направлении приведет к непоправимым ошибкам.

Империалистическая революция означала бы возвращение к смертельной борьбе между властью и свободой, которая уже привела к современному разрушению страны. Власть является необходимым элементом при создании государства, но было бы величайшим несчастьем, если бы власть утвердилась в возрожденной России как единственный и абсолютный принцип управления. Власть должна сочетаться с правом и обосновываться правом, то есть упорядоченностью субъективных прав, и никакой упорядоченности субъективных прав нельзя установить, если жизнь государства зависит исключительно от личного усмотрения.

Признание этой взаимозависимости между властью и субъективным правом является сутью и общей чертой всех конституций, и мудрость государственных деятелей в цивилизованных странах состоит в установлении условий и пропорций, в которых эти два элемента стабильности должны сочетаться в отдельных случаях. Любое нарушение этой основополагающей формулы приведет к продолжительным беспорядкам и борьбе, к положению дел, подобному тому, что господствует в Китае или в Персии после крушения их традиционных политических систем. Помимо этого, контрреволюционная империя окажется вне процесса развития демократии в цивилизованном мире. Не может быть сомнений, что многие трудности в деле национального возрождения в России были созданы недоверием западного демократического общественного мнения в отношении целей и политики военных лидеров. *Coup d'état*⁷²⁹, совершенный Колчаком в Омске⁷³⁰, может быть, и был необходим, с точки зрения создания действенной силы и эффективной администрации, но он был прескорбным препятствием с точки зрения международного сотрудничества, и будущие историки, возможно, будут очень внимательно изучать возможность выработки действенного компромисса с антагонистски настроенными социалистами, представленными Авксентьевым и его коллегами. Тот факт, что эти люди, когда были отстранены от должностей и изгнаны, остались верными в своем обличении ленинской тирании, во всяком случае, показывает, что их нельзя обвинить в отсутствии патриотизма, даже если некоторые из их взглядов и мер служили препятствием для быстрых и решительных действий. Я упоминаю этот уже ушедший в прошлое эпизод только потому, что он служит предостережением против более амбициозных планов в будущем.

Постоянное отчуждение между возрожденной Россией и прогрессивными демократиями Запада обернулось бы непоправимой бедой для обеих сторон. Россия, во всяком случае, должна извлечь огромные

преимущества из поддержки и доброго отношения Запада: придерживаться курса на германские гавани означало бы двигаться к порабощению. Согласно притче в Евангелии не может быть ничего более страшного, чем возвращение злого духа, временно изгнанного из чьих-либо владений: он может вернуться еще более ожесточенным, и положение одержимого им станет хуже, чем было прежде⁷³¹. Возможно, были попытки вести переговоры с традиционными врагами славян, и страшные просчеты Антанты, такие как проект Принкипо или сдача Одессы, могли быть благовидным поводом для подобных попыток, однако насущные интересы России требуют от нее вступления в мир западной цивилизации, и любое отклонение от этого фундаментального принципа непременно в конце концов приведет к беде.

Таким образом, лидеры России должны стремиться к решению русских конституционных проблем. Задача обеспечить такое решение проблемы не из легких. Плачевное состояние невежества и отсутствие политического опыта создает серьезные преграды на пути такого решения. Наша главная цель заключается в том, чтобы подготовить народ к самоуправлению и политической деятельности. Но этого нельзя сделать за несколько лет, а утверждение конституционного порядка не может ждать. За него нужно будет взяться сразу же, как только страна будет освобождена от бацилл большевизма.

В любом случае, следует поддержать сильную исполнительную организацию. Разложение последних лет, выразившееся в неудачах войны, в анархическом деспотизме советов, должно быть остановлено; долгие годы российские правительства вынуждены будут вести борьбу с последствиями банкротства, с дезорганизацией транспорта, с деморализацией рабочих людей в городе и в деревне.

Чтобы успешно справиться с таким положением, нужен будет деятельный и сильный штат должностных лиц в исполнительной власти. Их задача не будет безнадежной, если принять во внимание громадные естественные ресурсы страны: она является самостоятельным миром, содержащим все возможные материалы и требующим только умных и энергичных работников, чтобы приумножить эти ресурсы. Но чиновники новой России должны не только осознать природу своих особых обязанностей и исполнять их как можно лучше, они должны быть осторожными, чтобы не воспринять духа, который сделал их предшественников в старой России предметом ненависти, а именно — духа иностранного господства над подчиненной и инертной массой. Нам нет нужды возвращаться к веку «просвещенного» деспотизма XVIII столетия для того, чтобы обнаружить действие этого духа в российской политической машине. Его наиболее

ярким проявлением стало управление графа Витте в период царствования Николая II. Это был хорошо образованный бюрократ, умный и деятельный, полный планов и предложений, имевший лишь один недостаток — полную отстраненность от жизни и чаяний народа. Некоторым проницательным британским наблюдателям, например, сэру Дональду Маккензи Уолласу⁷³² в поздний его период, казалось, что Россия нуждается в управлении умелой гражданской службой, наподобие той, что хорошо известна в Индии.

Бюрократия Витте точно соответствовала такому идеалу: ее руководители, несомненно, были хорошо образованными, умелыми администраторами, не связанными никакими реакционными предубеждениями, но все же они оставались вдали от всех великих проблем социальной организации и образования. Сам Витте был до такой степени ослеплен своей бюрократической любовью к власти, что противодействовал одному из самых многообещающих явлений того времени — земскому движению. Примерно за пять лет до революции 1905 года он посоветовал императору ограничить функции земств, потому что их действия представляли угрозу самодержавию. Отставка 1905 года не сделала его ошибочное понимание менее вопиющим или менее вредным. Какими бы ни стали внешние формы российской гражданской службы в будущем, следует помнить предметные уроки крушения властной бюрократии, отстранившейся от национальной жизни.

Проблема создания демократических основ управления не менее трудная. Непрактичные идеалисты 1905 года думали, что они открыли простую формулу для преодоления всех сложностей. Пусть страной управляет собрание, избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Эта известная формула «четырехвостки» провозглашалась с каждой трибуны, и любая попытка внести изменения в священные требования отвергалась как уловка реакционеров из среды аристократии и бюрократии. Священная формула была воплощена на практике после переворота 1917 года, в результате чего толпы необразованного народа наводнили выборы, следуя за беспринципными демагогами и политиками. Те, кто заседал в четырех Думах при Николае II, были *prima facie*⁷³³ поставлены в невыгодное положение самим фактом, что у них был какой-то опыт в государственных делах. Наивная теория, что современная республика может управляться общей суммой всех волей [ее] индивидуальных членов, является курьезным пережитком рационалистической концепции общества, господствовавшей в XVIII веке. К этому времени мы знаем, что голоса следует не только считать, но и взвешивать.

вать; фикция, что люди равны по своему опыту и способностям, когда она прилагается к политически неразвитым обществам, является простым оправданием политических жонглирования и подтасовки. Лучшим, что можно сказать в пользу всеобщих выборов, [является] то, что их трудно заменить разумной и справедливой градацией гражданских прав. Один избирательный ценз, во всяком случае, может быть введен без всякого ущерба для демократических принципов. Пусть мужчины и женщины участвуют в выборах независимо от их имущественного или классового положения, но пусть будет признано, что, по крайней мере, элементарное образование требуется от тех, кому доверена решающая функция в управлении их страной. Если бы потребовалась самая умеренная проверка грамотности, что-то наподобие тестов, используемых в Соединенных Штатах и которые хотят ввести в Канаде, то, возможно, одна треть населения России сразу же получила бы право голоса, и расширение права участвовать в выборах зависело бы автоматически от распространения образования. Это представляется достаточной гарантией как против грубых ошибок толп избирателей, так и против пагубных интересов плутократов и олигархических групп.

Однако другой «хвост» формулы лучше устранить. Нельзя обоснованно ожидать от огромных масс отсталого крестьянства ясно осознания важности проблем национального управления. В лучшем случае их участие будет выражаться в спорадических усилиях. Избирательные функции должны быть сокращены до минимума, если за ними следует сохранить их политическое значение. Даже население, более привычное к требованиям самоуправления, иногда демонстрирует недостаток постоянной активности: в выборной кампании 1918 года в Великобритании часто случалось, что в некоторых районах пятьдесят процентов выборщиков не принимали участия в голосовании. Простых людей в России просто тошнит от политической агитации, и число абстентистов, несомненно, значительно превысит число тех, кто действительно участвует в выборах. Непохоже, чтобы те, кто действительно голосует, ясно понимали запутанные проблемы и проводили сознательно различия между разными политическими программами. С другой стороны, нет достаточного основания для того, чтобы предположить, что у населения нет более жизненных интересов и достаточных знаний губернских и местных дел. Возможно, наиболее удобным было бы отбросить требование прямых выборов в Национальное собрание. Парламент, построенный как центральное собрание представителей земств и городов, предоставил бы лучшие гарантии здорового и умелого руководства, чем собра-

ние, выбранное прямым голосованием. Если бы такой способ был бы признан недемократичным, то следовало бы настоять на создании Сената или Второй палаты, представляющей губернские и городские объединения, так же как и другие организованные силы — университеты, духовенство, возможно, кооперативы и профсоюзы.

Но каковы бы ни были детали конституционного устройства, следует помнить, что свершилась великая социальная революция, и было бы более-менее бесполезным вернуться к ограничениям и привилегиям старого режима. Правительство, предпринявшее попытку восстановить бывшее положение землевладельцев, было бы сметено новым восстанием крестьянства. Захватывать земли помещиков сельские общины Великороссии и мелких крестьянских собственников Украины побудила не простая жадность. Основопологающей причиной социальной катастрофы послужил земельный голод рабочего населения, окруженного привилегированными земельными владениями немногих. Первым условием возвращения к социальному миру является признание экспроприации дворянства, предоставление ему, насколько это возможно, компенсации, и урегулирование нового распределения земли среди крестьян. Наполеон, и даже Бурбоны⁷³⁴ времен Реставрации признали силу *fait accompli*⁷³⁵ в подобных обстоятельствах, и правители новой России готовы сделать то же самое, как можно понять из их торжественных заявлений.

Мы коснулись институтов и механизмов управления по единственной причине, что расчеты относительно данной стороны процесса допускают некоторую вероятность. Но очевидно, что у всех этих институциональных изменений должна быть подоплека в виде моральной эволюции. Не только знание и опыт требуются для строительства республики, но определенный дух требовательности, самоконтроля, веры. Наиболее опасным аспектом большевистской мании является «утрата веры в государство», как выразился генерал Смутс, отвращение миллионов от политических связей и обязанностей. Это безверие составляет фон кровавой и безжалостной борьбы.

*Homo homini lupus*⁷³⁶ действительно является верным выражением для обозначения этого ужасного кризиса. Есть ли основания полагать, что русский народ способен преодолеть это наступление кровавого неистовства? В конце концов, пророки России — Толстой, Достоевский, Вл. Соловьев, раскрыли нам психологию русского народа не только во «Власти тьмы», одержимости «Бесов», отчаянии «Мертвого дома», но и как таинственную и благодетельную силу, восприимчивую к прекрасному и весьма чувствительную к правде и справедливости. Трудно говорить об этом в прозе, но я хотел бы указать

на один признак возвращения сознания добра и зла. Я имею в виду возрождение религии. В мрачные годы старого режима религия была унижена, как и все другое, обожанием абсолютизма. Священнослужители вместо того, чтобы выступать духовными учителями, были исполнителями церемоний, покорными епископальной бюрократии и оберпрокурору Синода, беспомощными в своем общении с интеллигенцией и простым народом. Переворот 1917 года породил кризис и в этом отношении. Было время, когда казалось, что большевики добились успеха в войне против религии; утративший веру народ был охвачен манией святотатства. Но оргия безбожия длилась недолго. Гонения на священников и верующих очистили нравственный характер христианской общины и воскресили в ней чувство непобедимой силы духа. Патриарх нашел в себе силы предать анафеме угнетателей и держать их в страхе своим моральным авторитетом.

Повсюду верующие погибали за свою веру и тем самым оправдывали искренность своих религиозных убеждений. Невозможно выразить силу этого движения в точных понятиях, но одно несомненно: деградация большевизма обеспечила более истинное и возвышенное понимание Церкви, чем то, что было достигнуто в ходе более мирного развития. Русская православная церковь не сможет вновь впасть в рабство Святейшего Синода после ее возрождения ее мучениками. Возрождение непорочной церкви означает воистину первый шаг на пути морального и политического образования народа. «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим»⁷³⁷.

Оглядываясь на широкий круг вопросов, поставленных в этой статье, я хотел бы подчеркнуть, что я не представляю вниманию читателей ни предсказаний, ни конкретного плана, ни даже доктринерских утверждений.

Обсуждаемые проблемы настолько важны, а предстоящие события слишком сложны, чтобы их можно было рассматривать догматически. И все же те, кто любит Россию, не могут не думать о лучших средствах возвышения ее до уровня цивилизованной нации. Возможно, некоторые из мыслей, выраженных в этой статье, смогут встретить сочувствие и одобрение у части тех, кто будет ответствен за воссоздание страны.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В РОССИИ

Огромные жертвы мировой войны требуют соответствующих последствий в виде радикального улучшения политической организации и социальных условий. Одно из наиболее примечательных требований в этом отношении касается фундаментального изменения в трактовке международных отношений. Народы мира устали от кровопролития и разрушения их благосостояния во имя бесполезного величия и эфемерного престижа. Они хотят гарантий нормального развития по пути материального и духовного прогресса. Ожидания, связанные с Лигой Наций, дающей такие гарантии, воистину велики, и столь же велика ответственность тех, кто должен будет заложить основания этой надстройки над национальными государствами.

Две крайне важные проблемы встают перед создателями Лиги: они должны с большой осторожностью определить свои цели для того, чтобы не разочаровать человечество нереальными планами. Они должны также позаботиться о том, чтобы не начать с ложного распределения территориальных и этнических прав: вполне очевидно, что такое ложное начало нанесло бы урон цели устройства, посеяв семена вражды и мятежей.

По-моему, величайшая опасность, подстерегающая Лигу Наций, состоит в приводящем в смятение богатстве идей, борющихся за превосходство в наших глазах. Представляется, что две великих идеи в области политической организации выпущены на волю: стремление национальностей к самоопределению и требование международной справедливости. Эти тенденции в значительной степени противоречивы и обязаны ограничивать друг друга. Было бы безумием ликвидировать традиционные организмы цивилизованного человечества для того, чтобы полностью удовлетворить возможные требования национальностей, включенных в эти организмы. В различной степени исторические государственные объединения должны быть согласованы со стремлением к самоопределению: и это ставит перед будущей Лигой одно существенное условие.

С одной стороны, поскольку наши государства должны быть усилены обращением к национальной психологии, постольку наши стремления к международной справедливости должны быть выраже-

ны в национальных понятиях. Не может быть и речи, во всяком случае на данной стадии, об отказе от национальных различий в пользу международного сообщества. Народы живо чувствуют, что они прежде всего британцы, французы, американцы, сербы, русские, а потом уже граждане человечества. Если это так, то новый порядок должен строиться как лига, а не как федерация, уступившая определенную долю автономии составляющим ее частям, но возвышающаяся над всеми ее членами и готовая подчинить их в том, что касается их жизненного интереса, даже вопреки их воле. Было бы не только непрактичным, но даже опасным создать возвышающееся над всем миром федеральное правительство и поручить ему окончательное направление сталкивающихся интересов человечества. Ни одно правительство не смогло бы исполнить такой задачи, ни один человек не сможет принять на себя такой ответственности. Как было хорошо сказано в одном из памфлетов, выпущенных в серии «Round Table», посвященной данной проблеме, строительные леса рухнули бы под тяжестью материала, нагроможденного на них неосторожными строителями. И все же пришло время и есть средства, чтобы объединить политику ведущих цивилизованных наций таким образом, чтобы избежать всеобщего пожара и обеспечить каналы для мирного сотрудничества. Для того, чтобы решить эти проблемы, мы должны переместить центр тяжести на третью ведущую идею, которая была признана давным-давно, но которую не следует упускать из вида. Это *самосохранение и самосознание государств как исторических организмов*. В конце концов, раса и язык не являются единственными образующими государство факторами в судьбах человечества. Общая оборона, экономические сношения, культурное влияние, воспитательное воздействие общих организаций играли и продолжают играть свою роль в формировании политических организмов. И верхом безрассудства было бы отбрасывать эти факторы ради необузданного расового сепаратизма и бесцветного интернационализма. Такая грубая ошибка привела бы к повторению в худшей форме рационалистических экспериментов восемнадцатого столетия. Сила исторических традиций и притяжения вскоре утвердилась бы вновь и привела бы к пересмотру сделанного.

Лучшая иллюстрация значения исторического государства представляется Великобританией. Каков был бы результат разложения этого могучего организма, созданного столетиями усилий и жертв, на составляющие его национальные элементы? Что бы случилось, возьмем лишь один пример, если бы шинфейнерам⁷³⁸ в полной мере было бы предоставлено право на национальное самоопределение?

Способствовало бы международному миру и прогрессу цивилизации, если бы Англия и Шотландия вынуждены были поддерживать стратегическое партнерство против врагов, которые могли нанести им удар в спину из Ирландии? Или опять же захват Гибралтара и Египта не сделал бы в значительной мере необходимой защиту торговых путей, связывающих различные национальные элементы империи?

Возьмем другой пример: чехи в своем стремлении к национальной независимости добились успеха в деле, казавшемся безнадежным, они вновь возвели живой бастион славянской культуры в самом центре враждебных германских сил. Если последовательно придерживаться принципа самоопределения, то немцы в Богемии, по крайней мере компактный немецкий район на севере, должен получить независимость от чешского населения. Однако президент Масарик и его соотечественники не допустят такого применения этого принципа: они отстаивают географическое, экономическое и историческое единство Богемии в противовес таким требованиям. Это значит, что нельзя подходить к проблеме территориальной реорганизации, применяя лишь единственный критерий самоопределения. Нужно также учитывать требования исторических государственных объединений. Их не следует рассматривать лишь как продукты империалистической алчности и бессмысленного угнетения. Во многих случаях они представляют сильное стремление к организации, соответствующей действительным экономическим и естественным потребностям.

Именно с этой точки зрения требования России заслуживают особого внимания. Могучая империя, плод многих столетий тяжелого труда и жертв, которая, несмотря на все ее недостатки, преобразовала огромные степи Восточной Европы в культурное сообщество — этот великий исторический организм искалечен и разорван на части тяготами войны и неосторожной поспешностью в глубоких преобразованиях. Экстремистски настроенные шарлатаны сумели изолировать центр от окраин и сделали все возможное, чтобы довести до полной деградации, до состояния животных несчастное население, над которым они господствуют. Со всех сторон малые народности, само существование которых было сохранено благодаря защите империи, шумно требуют отделения и мечтают о расширении «сферы влияния» за счет своих соседей. Здесь есть простор для второго Брест-Литовска, в результате чего латыши, эстонцы, литовцы, поляки, украинцы, татары, грузины, армяне получили бы из рук победивших держав территории, «усеянные русскими костями». Возможно, перспектива превращения бывшей Российской империи в своего рода «Белую Рутению», в которой союзники подстре-

кали бы Польшу принять миссию Сигизмунда⁷³⁹ и Владислава⁷⁴⁰, может показаться соблазнительной для некоторых политиков, которые все еще сохраняют ненависть и амбиции Дизраэли. Но были сделаны и другие заявления по данному вопросу: крылатые слова президента Вильсона о серьезном испытании на искренность все еще звучат в наших ушах. В этой стране (Великобритании) премьер-министр и г-н Бальфур неоднократно ярко выражали чувство признательности за те незабываемые услуги, которые оказала Россия делу союзников в первые три года войны. И помимо мотивов честного поведения, русские имеют все основания полагаться на здравый смысл государственных деятелей Антанты, которые должны признать, что разделение нации на две части ради сепаратистских стремлений некоторых интеллектуалов или лишение ее таких выходов к морю, как Одесса или Севастополь, из-за воспоминаний о Мазепе⁷⁴¹ или Девлет-Гирее⁷⁴² не послужило бы прочному миру. Ни один прогрессивно настроенный русский не оспаривает притязания народностей российского государства на автономию и культурное самоопределение, но русские патриоты не менее латышей или татар заботятся о нуждах и достижениях своей страны, и они имеют право высказываться в поддержку органического единства, закрепленного историей и географией — нельзя разрушить его росчерком пера, чтобы удовлетворить стремления каждой националистической группы в ее границах. Никто не упускает из виду громадные материальные ресурсы и возможности Восточной Европы, и все согласны, что было бы желательным способствовать открытию этой огромной страны для западного предпринимательства и капитала. С другой стороны, опасность союза отчаяния между недовольной Россией и недовольной Германией едва ли можно сбрасывать со счетов. Правда, Пауль Рорбах думает, что Россия рождена, чтобы быть униженной и запуганной, но хочется надеяться, что деятели Лиги Наций не воспримут мнение этого пангерманиста как выражение пророческой мудрости. Не поправим великой нации в дни ее страданий можно подготовить основания для дружеских и плодотворных отношений, но выражением веры в ее обновленческие усилия и более светлое будущее.

Сложное положение России можно рассматривать с двух различных точек зрения. Мы должны изучить: 1) каковы возможности ее мирной консолидации? 2) как могут быть улажены взаимоотношения между различными народностями империи?

Относительно первого вопроса политическая линия ясно указана историей. Нет никаких оснований предполагать, что длительный органический процесс, который продолжался в течение тыся-

чи лет на территории, ограниченной Балтикой и Северным океаном на севере, Черным морем на юге, Тихим океаном на востоке и польским национальным сосредоточением на западе, отклонится от своей цели или разложится. Как только мы взглянем на события при достаточно большой перспективе, мы сразу же заметим, что современные трудности и беспорядок являются только маленьким, хотя и трудным эпизодом общего роста. Уже первые три столетия жизни России (десятое, одиннадцатое, двенадцатое) внесли решающий вклад в современное положение: они обеспечили этнический перевес русских над финскими и тюркскими элементами вокруг единых центров Новгорода и Киева.

Этот изначальный факт свел диалектные и культурные контрасты между великороссами и малороссами до размеров домашних различий, которые не могут нарушить главной основы русского единства.

В течение последующих двух столетий (тринадцатого и четырнадцатого), в период монгольского завоевания, народ дорого заплатил за свое буферное положение между азиатскими ордами и более удачливыми западными странами, но ему удалось обезопасить сильный центр для восстановления в Москве.

В третий период (шестнадцатый и семнадцатый столетия) Московская Россия *постепенно заполнила рамку*, установленную для нее на западной равнине, и, несмотря на тяжелый кризис Смутного времени (около 1600 г.), она объединила основное население речных бассейнов Волги, Дона и Двины.

Затем наступил период европеизации России, отмеченный открытием балтийского пути Петром Великим, открытием районов Черного моря при Екатерине II, героической борьбой против французских нашествий в 1798–1814 гг. Процесс внешней европеизации, естественно, сопровождался переделкой обычаев и институтов по западным образцам. Начавшись с поверхностного влияния в восемнадцатом столетии, соединение русской культуры с культурой Центральной и Западной Европы достигло быстро возрастающей стремительности в девятнадцатом; это привело к хорошо известным блестящим достижениям в литературе и искусстве. Прогресс в социальной работе был не менее значительным, хотя и менее замечаемым и часто недооцененным за границей. Освобождение крепостных, рост местного самоуправления, реформы в законодательстве и судопроизводстве, огромные успехи, достигнутые в народном образовании, принесли бы славу любому народу, и нелишне будет повторить, что нынешние неудачи не должны ни на минуту отвлекать внимание от общего прогрессивного хода. Действительно, нынешний кризис

обусловлен прорывом освященных веками дамб, которые обеспечивали определенную закономерность в повседневной жизни, но препятствовали дальнейшему прогрессу.

Нынешняя смута, несомненно, является симптомом самого плачевного социального раздора, но этот раздор обусловлен излечимыми причинами, и он не показывает несостоятельность народ в целом и не определяет конец его политического роста. Он присущ не только России. Мы наблюдаем везде острую форму «спартаковского» восстания рабочих классов против их более образованных и обеспеченных лидеров: в России последствия, вызванные плохим бюрократическим управлением, приобрели особенно угрожающий вид, потому что пропасть между классами и массами глубже и численное превосходство последних значительнее. Но было бы также ошибкой видеть в этой борьбе существенное проявление русского характера или доказательство того, что у России нет ни людей, ни средств для того, чтобы утихомирить шторм. Можно спросить: продемонстрировали ли французские коммунары в 1871 году или шинфейнеры, или финские социалисты большую государственную мудрость или сдержанность. Когда иссякнет мутный поток большевистского деспотизма, практический здравый смысл и стойкость, которые отличали земских и университетских работников в России в безжизненную пору царизма, вновь заявят о себе. А что касается «спартаковского» движения масс, то оно успокоится, как только его введенные в заблуждение приверженцы поймут, что не хотят стать жертвами мести чиновникам и помещикам.

Одно обстоятельство бесспорно, однако, а именно: чем дольше разрушительный режим Ленина и Зиновьева сохранит контроль над казной, пулеметами и организованными бандами разбойников, называемыми красной гвардией, тем более ужасными будут бреши в рядах образованного класса, столь необходимого в России, тем большей будет угроза для других стран увлечься этой азартной погоней за властью и добычей. В этом отношении союзники могут сослужить неоценимую службу России, оказав помощь в ликвидации маниакальной тирании большевиков. Им достаточно только настоять на выполнении демократических обязательств. Президент Вильсон счел невозможным вести переговоры на равных со всеми высшими представителями милитаризма; ни он, ни его союзники не могут позволить себе терпеть дольше симуляции демократических институтов, закамуфлированных как управление советов и утверждающих свое правление простым расстрелом инакомыслящих. Только Учредительное собрание, выбранное при действительных гарантиях права

и порядка, может определенно решить проблемы России, и его созыв является необходимой мерой для оздоровления России, а также для переустройства мира, потому что никакая Лига Наций не может начать своей деятельности с брешью на месте России. Никакое представительство России невозможно до тех пор, пока большевики удерживают народ в его нынешнем положении вырождения.

Что касается второго вопроса, то русские будут выступать за прочно установленную на демократических основаниях федерацию, и они надеются, что, когда отступит первый прилив националистического возбуждения, малые народности империи полностью поддержат их. Действительно, со стороны здравомыслящих лидеров, принадлежащих к различным народностям, о которых идет речь, нет недостатка в понимании огромных перспектив такого решения. Преимущества такого решения могут быть проиллюстрированы экономическими выгодами, полученными от союза с Россией в прошлом, несмотря на бюрократический централизм. Даже Финляндия и Польша, чьи права на независимость базируются на историческом основании и не встречают противодействия со стороны ни одного прогрессивно настроенного русского, имели существенные выгоды от связи с империей. Финны стали страной — вместо отсталой провинции Швеции — под властью императоров: даже в худшие дни правления Александра III их национальные институты, хотя и урезанные, не были разрушены. Связь с Россией открыла финнам многочисленные возможности на русской службе и в торговле, в то время как их участие в несении бремени всей империи было почти ничтожным. Однако они предпочитают повернуться спиной к России и невозможно помешать им поступать так; но Россия должна позаботиться о том, чтобы финская граница, проходящая на расстоянии, преодолеваемом поездом за полчаса, не была бы превращена предприимчивыми врагами в трамплин.

Поляки, несомненно, таят большую обиду на Россию, как на участницу разделов их страны, но им следует помнить, что своим промышленным процветанием «конгрессовая Польша» обязана экономическому союзу с Россией. Стоит похоронить вражду между этими двумя народами, хотя бы уже имея в виду неизмеримые экономические выгоды, которые несет дружеское экономическое сотрудничество, даже после того, как граница была перенесена из Калиша в Брест-Литовск. Принять решение в этом отношении надлежит полякам; что касается русских, то они обязаны настаивать на конференции на одном условии: Польша должна отказаться от своих притязаний на Белоруссию (Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии). Тот

факт, что этот район отошел к России в результате первого раздела Польши не может скрыть еще более важного факта, что Белоруссия была завоевана поляками и литовцами в ходе их агрессивного движения на восток: огромное большинство населения в этих губерниях, несомненно, принадлежит к русскому народу.

Я не говорю уже о польских утверждениях о верховенстве на юго-западе: Волынь и Подолия, хотя и усеяны польскими помещиками, в основе своей являются малороссийскими (или украинскими); то же относится к Восточной Галиции, что поляки уже смогли почувствовать за последнее время. Для того, чтобы добиться превосходства в этих районах, полякам пришлось бы вести захватническую войну не только против великороссов, но также против украинцев, и даже те страны Антанты, которые поддерживают их с наибольшим энтузиазмом, едва ли будут помогать им в решении этой задачи.

Что касается Литвы, то мы вынуждены учитывать последствия исторического союза с Польшей, который длился более 400 лет; но в последнее время национальное самосознание литовцев пробудилось, а еврейские элементы этого района предпочли бы литовскую, а не польскую власть. Поскольку проблема затрагивает Россию, постольку мы можем только настойчиво убеждать в преимуществах тесного союза с российским государством и предлагать федерацию того или иного рода, потому что не похоже, чтобы демократическая Россия посягала на автономию и культурное развитие Литвы, предлагая в то же время широкий выход на внутренний рынок России, а также на Балтийское и Черное моря.

Подобные суждения приложимы в еще большей степени к балтийским провинциям — Эстонии, Ливонии, Курляндии. В этом случае мы имеем дело с тенденциями, вытекающими из этнических мотивов. Эстонцы и латыши — трудолюбивые и стойкие народы, которые никогда не были способны добиться обособленной политической жизни и которые не могут претендовать на высокий уровень культуры. Они против немецких угнетателей, но у них нет оснований к политическим связям с Россией, кроме того факта, что империя Готторп-Романовых была столь склонна поддерживать вторжения и заносчивость немецких баронов. Рига, Ревель, Либава являются бесценными выходами для торговли империи, и демократическая Россия сделает все для того, чтобы завоевать дружбу населения, проживающего вокруг них. Но эти жители не должны забывать, что порты являются как бы дверьми, ведущими в большие дома, и чем обширнее торговля, тем более широким должен быть район, из которого доставляются товары. Автономные балтийские провинции в рамках Россий-

ской республики, несомненно, должны стать процветающими: судьба этих провинций в случае отделения от русского континента и при соперничестве с его домашними морскими выходами для торговли действительно была бы весьма проблематичной.

Положение Крыма и Кавказа являет собой до некоторой степени противоположность положению балтийских окраин. Здесь мы имеем плодородные и красивые районы с богатейшими ресурсами в виде полезных ископаемых и металлов и с непревзойденными возможностями для курортов и отдыха. Но опять же именно связь с Россией открыла шлюзы к процветанию этих районов, и едва ли армяне, грузины и татары стремятся к самоопределению, чтобы вернуться к дикой простоте горных племен. Они не хотят быть в услужении надменных администраторов и коррумпированных работодателей, и в этом отношении они заслуживают полной симпатии и поддержки. Но все здравомыслящие люди из их числа знают, что русское господство принесло порядок на арену схваток, много раз спасало население от истребления турками и не может быть низвергнуто без возобновления безжалостной этнической борьбы.

Положение Бесарабии совершенно исключительное: она представляет собой пример произвольного пренебрежения русскими правами и интересами. Это можно объяснить замешательством, произведенным разрушительным правлением большевиков, но это никоим образом нельзя оправдать с точки зрения международной справедливости. Румыны захватили область России со смешанным русским и молдавским населением, и они удерживают ее не как оккупированную, а как присвоенную территорию; говорят, что их поддерживает в этих действиях французское правительство. Нам нет нужды обсуждать вопрос, оправдано ли забвение румынами того факта, что они своим существованием обязаны победоносным военным кампаниям России против Турции. Но русские заявляют решительный протест Румынии, обращающейся с русским населением как с пешками в шахматной игре.

Последней, хотя и отнюдь не самой малозначимой, предстает Украина. Ее распространение на весь район, окаймляющий Черное море, абсурдно и не может быть поддержано ни на минуту даже на ложных основаниях. На каком основании можно заявлять, что Одесса или Николаев украинские города? Эти города, а фактически и Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Ставропольская губернии есть порождение «Новороссии», колониационного давления в период правления преемников Петра Великого, направленного против хищного ханства крымских татар. Многие жители

района — малороссы по происхождению, другие — великороссы, некоторые — немецкие колонисты; но все образование не имеет ничего общего, ни исторически, ни психологически, с украинскими казаками и может быть отторгнуто от России только путем явного насилия. О донских, кубанских и терских казаках не стоит и говорить, потому что все это военное по характеру население, и они никоим образом не поддерживают украинское движение. Остается группа губерний вдоль Днепра — Киевская, Полтавская, Волынская и Подольская, Черниговская и Харьковская. Воронеж — частично малоросский, частично великоросский. Вследствие монгольского завоевания эта группа территорий следовала в своем развитии иным путем. Это ужасное завоевание разорвало связи между русскими землями. Юго-западные земли частично отошли под власть Польско-Литовского государства, а частично добились независимости, как воинственная республика днепровских казаков. Они отстаивали свое существование в ряде кровавых сражений против татар, поляков и московских войск, от случая к случаю и лишь внешне подчиняясь тому или другому из их могущественных соседей. Малороссийский ствол, выросший в эти мятежные времена, был результатом того, что остатки всевозможных кочевых племен — печенегов, половцев, татар, тюрок — были поглощены в значительном числе русскими славянами. Это наложило на малороссов, или украинцев, особый этнический отпечаток в противоположность их великоросским собратьям, которые, со своей стороны, в значительной степени смешались с финнами. К середине семнадцатого столетия, после четырехсот лет разделения, две ветви вновь были соединены политически в результате противодействия Московского государства полякам и подчинения Москве на условиях гетмана Богдана Хмельницкого⁷⁴³. Последующие два столетия действительно свидетельствовали о презрении и угнетении со стороны центрального правительства, но в целом для Украины это был период значительного прогресса во всех сферах жизни: юго-западные территории процветали экономически, политически, социально и культурно и вносили неоценимый вклад во всенародное дело России, и воспоминания об этом времени, несомненно, не менее живы, чем воспоминания о польском Киеве или о Запорожской сече (лагере казаков за Днепровскими порогами). В обществе не делалось различия между людьми из Петрограда и Харькова, из Москвы и Полтавы, большинство русских семей среднего положения связано как с Малороссией, так и с Великороссией, а что касается различий диалекта, то они, безусловно, не больше, чем различия между диалектами нижнешотландским и английским. Экономически север-

ная Россия не могла бы существовать без продуктов черноземного юга, как и юго-западная Россия едва ли смогла бы поддерживать самодостаточное существование без промышленных товаров и рабочей силы северной России. На деле вопрос об отделении едва бы возник, если бы безумие большевиков не оттолкнуло украинцев в руки немцам. Украинские губернии в свое время выбрали представителей в Учредительное собрание, где они выступили бы за широкую федерацию, а не за отделение. Ленина и Троцкого не волновали такие мелкие вопросы: во имя своей интернациональной классовой борьбы они разбрасывались русскими губерниями без каких-либо сомнений. Когда этот сорняк будет вырван с корнем в Москве и Петрограде, не будет никакого препятствия новому воссоединению двух главных частей русской нации. Открытие Рутении подле и в противовес России является самым коварным трюком псевдоисторической пропаганды, инспирированной Германией.

Невозможно уделить должное внимание многочисленным проблемам, возникающим из пересмотра русского политического устройства. Однако одна идея должна быть проводником в лабиринте данной ситуации. Русский народ по природе и склонности демократичен, терпелив и готов забыть обиды. Освободившись от гнета самодержавия и придя в себя после психологической сумятицы кризиса, он положит всю тяжесть своего влияния на чашу весов международного умиротворения и справедливости.

РОССИЯ НА РАСПУТЬЕ

Государственный секретарь Соединенных Штатов Хьюз⁷⁴⁴ охарактеризовал Россию как экономический «вакуум». Кроме украденного золота, единственной статьей экспорта, вывозимого из нее с замечательным успехом, является пропагандистская литература; что же касается импорта, то ощущается потребность во всем, но нет средств платить за товары. Это заявление является выражением не доктринерских взглядов, а практических выводов из наблюдений проницательного бизнесмена. Не может быть никаких сомнений относительно главных причин такого положения вещей. Правительство, которое объявило зажиточность и торговлю преступлениями, которое отказалось от выполнения государственных обязательств, которое высмеивает деньги как «тромб капитализма», не может надеяться на кредиты ни внутри страны, ни за рубежом. Экономисты, которые отреклись от самостоятельности и предприимчивости ради принудительного коммунизма, вынуждены полагаться на реквизиции и казни. Государственные деятели, которые не берут в расчет человеческую психологию и социальные привычки, едва ли найдут что-либо, кроме механической дисциплины, чтобы заменить их.

Истоки большевистского правления можно обнаружить в фанатичном педантизме «непоколебимых марксистов», в классовой ненависти Бланки и Ж. Сореля⁷⁴⁵, в жажде разрушения, присущей приверженцам теории Бакунина⁷⁴⁶. Но следует вспомнить и об еще одной традиции: образцом коммунистической организации является барак, где новобранцам выдают паек в соответствии с их предполагаемыми потребностями и заставляют работать в соответствии с их возможностями. Такой образец уже был испытан в России Аракчеевым⁷⁴⁷, военным министром при Александре I в дни его заката. По приказу царя в Новгородской, Могилевской, Харьковской и Херсонской губерниях были созданы поселения восемнадцати пехотных и шестнадцати кавалерийских полков, нескольких бригад артиллерии, помимо ряда транспортных и вспомогательных батальонов. Этим войскам приказали заниматься сельским хозяйством наряду с военной муштрой. Они были расквартированы в домах, построенных по единому образцу, четыре семьи занимали один дом, а каждая пара семей вела свои

дела совместно. Частное землевладение было отменено, а земель, являвшейся собственностью государства, владели общины.

Половину урожая следовало отдать правительству, в то время как вторая половина оставалась в распоряжении военных поселенцев. Работы на поле выполнялись главным образом организационными командами. За индивидуальным трудом домохозяев был установлен строгий надзор. Жизнь этих военных была также подчинена мелочной регламентации и постоянному контролю со стороны офицеров и унтер-офицеров, которые могли зайти в дом в любое время дня и ночи. Людей наказывали за любое нарушение чистоты и гигиены, за любое нарушение правил работы и т. д. Их дети оказывались в руках правительства с семи лет; они проводили большую часть времени в школах и на плацу. С восемнадцати лет их записывали в резервные батальоны, и они проходили военное обучение вместе с обучением ведению хозяйства. Несмотря на всякого рода денежные пособия и подарки, жители этих поселений ненавидели режим, которому они подчинялись, и постоянно выступали против него; эти выступления вылились в 1831 году в большое восстание, во время которого около ста офицеров было убито разъяренной толпой. После жестокого подавления Николай I понял, что обязан прекратить этот эксперимент в области военного коммунизма.

Большевики пытались перестроить всю Россию по образцу арачеевского барака: неудивительно, что они лишь вызвали ненависть повсюду, и все же их господство до сих пор внешне нерушимо. Они одержали победу над своими противниками на всех фронтах и утопили в крови многочисленные восстания в различных губерниях. Их успех можно свести к трем группам причин: неорганизованности их русских противников, психологическому воздействию всеохватывающей революции, нерешительности враждебной им зарубежной коалиции.

Фатальная и повторяющаяся ошибка белых армий заключалась в том, что они отставали в восприятии основополагающих результатов революции и в объединении народа для поддержки их действий.

В первых рядах сил Колчака, Деникина, Врангеля, наряду с героями и мучениками за идею, были представители разбитого *wdребезги ancien régime*⁷⁴⁸, коррумпированные бюрократы, своекорыстные помещики, авантюристы, ищущие наживы за счет награбленного добра. Они обещали аграрные реформы, но к этим обещаниям присоединялись перспективы больших выкупных платежей и тяжелые реквизиции, которые напоминали крестьянам старые времена земельного голода и крепостничества. Когда пшеница забита сорняками

ми, урожай обычно пропадает. Обычно белых встречали как освободителей по их прибытии и проклинали, как угнетателей, после нескольких недель их пребывания.

Едва ли внешний наблюдатель сможет оценить положение абсолютного морального и интеллектуального замешательства, в котором оказался русский народ, когда все освященные веками институты и верования были вырваны с корнем и втоптаны в грязь. Самодержавие, церковь, основанная на обычаях дисциплина общества и производства, семейные связи, институты образования, торговля, деньги – все это было разрушено, и на все это стали смотреть с презрением. Устремленность к провозглашенным идеалам братства, власти рабочих, общества всеобщего достатка и счастья превратилась в своего рода *danse macabre*⁷⁴⁹, исполняемый насилием, лицемерием, богохульством, похотью. Даже люди, читавшие работы по истории, экономике, философии, потеряли голову от этих диких сцен. Для неграмотных крестьян, полуобразованных рабочих, потерявших веру солдат вновь наступили древние Смутные времена, даже в более ужасной форме, чем в начале XVII века, потому что ведущие идеи религии, нравственности, социального порядка были проще и яснее три столетия назад, чем сейчас.

Если бы союзники проводили более дальновидную и последовательную политику, они смогли бы сказать свое веское слово и помочь России установить свободную конституцию. Но среди них не оказалось ни Питта⁷⁵⁰, ни Веллингтона⁷⁵¹. Их армии устали от войны и хотели вернуться домой любой ценой; многие империалисты все еще хранили верность традиции, согласно которой ослабление России желательно в любом случае. Радикалы далеко отклонились от пути, проложенного Гладстоном, и научились презирать людей, которые верят в свободу как руководящий принцип в политике: они благосклонно относятся к такому сверх-вешателю, как Дзержинский⁷⁵², потому что он ухитряется подчинить контролю русскую нацию путем широкомасштабных казней. Что касается социалистов, они восхищаются тираном Лениным, потому что он попирает образованные высшие классы. А правительства союзников не смогли разобраться в той путанице, которую они создали победоносным версальским миром, и их единственной заботой было удержать курс по ветру некоторое время, предоставив будущему позаботиться о себе самому.

Неудивительно, что большевики выстояли в борьбе с нерешительными и разрозненными враждебными силами. Является ли военный успех основанием для предположения, что их правление утвердится на сколь-нибудь длительное время?

Британское правительство, по-видимому, думает именно так, потому что оно не пошло бы на признание Советов *de facto* правительством России и не заключило бы торговое соглашение с ними, если бы предчувствовало их скорое падение⁷⁵³. В случае с Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей заключение мирных договоров⁷⁵⁴ может быть объяснено необходимостью положить конец военной напряженности на границах и обеспечить как можно быстрее уступки территорий и выплаты золотом. Помимо этого, все эти правительства заинтересованы в том, чтобы предотвратить восстановление национального русского государства, способного вновь поднять нити политики, оплаченной такой большой ценой Петром Великим, Екатериной II, Александром I. Но в случае с такой державой, как Великобритания, признание было вызвано главным образом желанием успокоить шумную оппозицию дома. Британские государственные деятели едва ли слепо верят торжественным клятвам верности, договорам, заверениям, которые не оправданы прошлой практикой и которым противоречат наглые заявления III Интернационала⁷⁵⁵. Нас подводят к заключению, что правительство Ллойд-Джорджа действительно верит, что большевики будут продолжать управлять Россией какой-то период времени и, похоже, вынуждены будут «измениться», как люди, которые «осознали свои ошибки и решили» придерживаться лучшего курса.

Как можно оценить изменение линии, провозглашенное в ленинских обращениях к десятому съезду коммунистов и собраниям Центрального исполнительного комитета⁷⁵⁶? Противоречие между заявлениями предыдущих съездов и нынешним отречением является, несомненно, вопиющим. Те же самые люди, которые провозглашали монополию хлебной торговли в 1918 и 1919 годах, сочли необходимым уступить крестьянам защищенное владение сельскохозяйственной землей и разрешить торговлю зерном. Те же лидеры, которые метали громы и молнии в «кулаков» в 1918 и 1919 годах и характеризовали крестьян в целом как «гибридное образование, полубуржуазию и полурабочих», провозглашают в 1921 году, что коммунистические идеалы должны предоставить место и мелкобуржуазным чаяниям крестьянства. Те же пролетарские диктаторы, которые восхваляли действия «комбедов» по разжиганию гражданской войны в деревне и разрушение ее традиционного уклада, признают сейчас, что большевистское правительство должно заключить мир с середняком и заменить реквизиции продналогом. Те же революционеры, которые слепо верили в организованную силу фабричных рабочих в мире и войне, направленной на сокрушение капитала, проповедуют целесообразность

приглашения иностранных капиталистов, чтобы вдохнуть жизнь в русскую промышленность и приучить русских рабочих к правильным методам производства. Возможно ли, чтобы все эти изменения произошли по взмаху волшебной дирижерской палочки Ленина?

Кажется, можно с полной уверенностью предположить, что план превращения крестьян в друзей не будет осуществляться быстро. Невозможно поверить, что люди, которых осуждали и подвергали гонениям комиссары и «комбеды», убивали карательные экспедиции красных и грабили вооруженные банды городских пролетариев, когда получали над ними волю, с готовностью построятся в шеренгу, потому что коммунисты преобразуют систему откровенных реквизиций в систему грабительского налогообложения. Как гласит русская пословица: «Соловья баснями не кормят». Легче вызвать ненависть, чем искоренить недоверие. Мы уже слышали, что поля засеваются неудовлетворительно, теперь мы ожидаем услышать от самих большевиков, что еще один год «жертв» уготован для несчастного населения, управляемого диктаторами. Слово «жертва» — подходящее слово, если под жертвоприношениями подразумевать закляние.

Холод и голод, несомненно, потребуют их жертвоприношений. Но органы дознания, которые должны быть созданы в каждом населенном пункте для того, чтобы установить, как много каждый хозяин может вспахать и посеять, едва ли будут встречены лучше, чем те, кто проводил реквизиции.

Другую неразрешимую проблему представляет допущение индивидуальной торговли при отсутствии какой-либо надежной валюты. Ленин неоднократно говорил с презрением о кипах бумаги, которая была выпущена его правительством под видом денег, и каждый слышал о миллионах рублей, которые предлагают за еду или пару ботинок. Но советская власть, возможно, может подойти к этому делу более серьезно сейчас, так что мелким торговцам будет разрешено торговать без опасения оказаться в тюрьме за незаконный оборот.

Золотой запас, созданный в царские времена, быстро тает, его нельзя обратить на восстановление денежных средств, необходимых для общих связей. Большевики могли бы, направив остатки этого резерва, обеспечить красноармейцев какой-то амуницией и улучшить железнодорожный инвентарь на некоторое время, и это, конечно же, облегчит подавление восстаний. Но восстановление денежной системы для торговли невозможно в нынешнем положении страны. Экономический провал коммунистического правления является вопиющим и ужасным, но он не мешает вождям рассуждать о действительности панацеи, то есть электрификации.

Согласно им вся Россия должна быть превращена в огромную фабрику, в которой всевозможные механизмы будут приводиться в движение центральными электрическими станциями. Донецкий бассейн, Московская область, окрестности Петрограда должны будут подвергнуться первыми этому чудесному превращению. Возможно, что именно для того, чтобы подготовить почву для таких чудес техники, около 900 шахтеров были недавно расстреляны в Донецком регионе за участие в забастовке. Способ, особенно характерный для этих «идеалистов», которые утратили всякое понимание человеческой личности: они пришли к рассмотрению общественной жизни как механического приспособления, над которым они экспериментируют на досуге. Торжеством такого метода стало бы превращение человечества в огромную систему наэлектризованных атомов.

Обо всех этих нелепостях не стоило бы и говорить, если бы ответственные государственные деятели не выдвинули бы аргументы, основанные на полном изменении политики «умеренными» большевиками. Ленина уже превозносят как проницательного, всемогущего правителя, отказавшегося от старых ошибок и повернувшего к практической программе увеличения производства и восстановления торговли. Некоторые предметные уроки национального разложения, несомненно, были признаны Лениным и его коллегами, но от такого вынужденного признания до реальной реформы — долгий путь. Единственный вывод, сделанный Лениным и его последователями, состоит в том, что несколько преждевременно навязывать систему барачной и пайковой 120-миллионному народу, преисполненному буржуазных целей и привычек. Но как это признание может сочетаться с диктатурой людей, которые ненавидят и презирают буржуазный образ мысли и уже пролили реки крови для того, чтобы уничтожить его? Можно ли найти общие взгляды у правителей и у подчиненных?

Очевидно, что такой режим может поддерживаться только силой безжалостного угнетения. Есть ряд умников, которые делают вид, что они верят, что для русского народа нет ничего лучше, чем правление деспотов. Согласно их мнению большевики достигли достаточно сильного влияния на страну потому, что в их распоряжении находится армия, в которой привилегиями всякого рода и дисциплиной они поддерживают подобающее настроение. Что касается остального народа, то слабый средний класс был совершенно разбит, а многочисленный низший класс можно направлять, как стадо овец. Данное понимание ситуации едва ли будет принято теми, кто жил и работал с русским народом. Народ нес ярмо исторической бюрократии, по-

тому что она была гарантией национальной независимости, общественного порядка и экономических связей; но их не могут, подобно феллахам, бесконечно запутывать узурпаторы, которые не принесли ничего, кроме страдания и унижения. Обращение за помощью к китайским, немецким, венгерским, литовским войскам для мучения русских открыли глаза даже слепому на антинациональный характер коммунистической олигархии, а приглашение иностранных концессионеров полностью завершит урок. Можно спросить, а каким образом будут поддерживаться и работать концессии, если не принудительным трудом из-под палки [в руках] иностранцев? Расстрел на Ленских золотых приисках⁷⁵⁷ покажется шуткой в сравнении с предполагаемой эксплуатацией шахт и лесов британскими и немецкими подрядчиками, если это только произойдет. Это, несомненно, не прибавит популярности западным капиталистам или московскому правительству, которое вынуждено служить у них полицейским.

Несомненно, трудно организовать всеобщее восстание народа, хотя местные восстания происходят и будут постоянно происходить. Большевики полностью используют технические преимущества государственной организации — железные дороги, аэропланы, радио, пулеметы, слежку, чрезвычайные комиссии. Но невозможно, чтобы они смогли укрепить свое управление таким образом. В их собственных рядах все больше людей испытывают ужас от бесконечных репрессий и казней, от страдания и ханжества разорения. Страна, по-видимому, перешла от стадии революционного возбуждения к стадии полуреволюционных приемов, от господства террора к правлению Директории. В случае Франции следующей стадией была военная диктатура, закрепившая результаты революции, но возвратившаяся к национальным традициям в экономический и духовной жизни. История не обязательно повторяется буквально: ни с военной, ни с политической точек зрения нет признаков прихода Наполеона. Тем не менее аналогию можно провести в более широком плане. Единственным институтом, который удастся относительно успешно поддерживать в эти ужасные дни, является армия, и армия, как бы о ней ни заботились, ни поддерживали в ней дисциплину и контролировали ее, едва ли сможет в конечном счете не отразить чувство отвращения, охватывающее народ, который кормит и окружает ее. В конце концов, у солдат есть отцы и матери. Такой замечательный знак, как кронштадтское восстание, показывает, что военных нельзя навсегда отгородить от страны и что семена восстания прорастают в их среде⁷⁵⁸.

Еще более важно то, что коммунизм признается негодным из-за абсолютно негативного характера его последствий. Большевики до-

бились успеха как разрушители, но ни одна из их позитивных мер не оказалась плодотворной. Они заявляют о ликвидации неграмотности, открытии школ и продленных классов, а американский концессионер г-н Вандерлип⁷⁵⁹ хвастается, что он наводнит Россию учебниками, напечатанными в Соединенных Штатах. Это заявление побивает самое себя: люди не верят в полное превращение неграмотной нации в грамотную в результате механического процесса. Чикагские бойни не подходят в качестве примера в данном случае. Правда заключается в том, что большевики безнадежно расстроили все образовательные учреждения России, разогнав или подчинив учителей, развратив тысячи детей, отказавшись от основополагающих понятий истины и свободного исследования в пользу пропаганды. Кроме того, предположим, что г-н Вандерлип добьется успеха в обучении всех русских детей алфавиту и эсперанто, даст ли это им какой-нибудь иной доступ к литературе и науке помимо того, который обеспечивает сервильная советская пресса? В коммунистической России нет никакой иной прессы, кроме раболепной.

Такой «урожай» положительных результатов сделал бы любое правительство, даже самое укоренившееся, невозможным. А каковы же корни коммунистической диктатуры? Можно ли хоть на мгновение подумать о *наследии* коммунистических правителей? Одной из наиболее настоятельных потребностей в современной России является потребность в свободных выборах. Большевики никогда не разрешат их, потому что свободные выборы, даже в соответствии с советской избирательной системой, выметут их как мусор. Даже сейчас под дулами большевистских пулеметов, когда у рабочих и крестьян появляется шанс сделать выбор, они выбирают «беспартийных», т. е. людей, противостоящих большевизму.

*Similia similibus curantur*⁷⁶⁰. Самым сильным противоядием коммунистическому безумию является практическое влияние их догм. Россия борется, чтобы преодолеть последствия отравления, диагноз которого был определен еще в 1871 году Достоевским в его пророческом романе «Бесы». Длинноухий Шингалев проповедовал уже в эти ранние дни: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом. [...] В виде конечного решения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать»⁷⁶¹. Сам себя назвавший под-

лецом Верховенский предложил программу социального образования, которую Ленин готов осуществить за сорок лет: « [...] Каждый член смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. [...] В стаде должно быть равенство. [...] Мы уморим желания: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве»⁷⁶². Эти слова «Бесов» стали повседневной реальностью в Республике Советов. Соответствующая реакция национального организма также становится с каждым днем все сильнее. Спасение придет не от эмигрантов или союзников. Его можно ждать от стихийного кризиса в болезни, которая по необходимости будет затяжной и мучительной.

РУССКИЙ ВОПРОС И ЛИГА НАЦИЙ

ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЛИГИ НАЦИЙ

Неуверенность и скепсис в отношении Лиги Наций порождаются в значительной мере смешением правовых и политических целей такой лиги. Многие полагают, что принятие идеи обязательно поведет к полному перевороту как в конституционном, так и в международном праве; к замене исторической организации государств неопределенным интернационализмом; к упразднению национальных армий и флотов ради создания космополитических вооруженных сил; к неразборчивому вмешательству в дела каждого отдельного государства; по сути дела — к своего рода мировому социализму, управляемому международными органами. По мнению других, хотя такой переворот нельзя заметить прямо сейчас, существует большая опасность, что принятие принципов международного контроля, даже в его умеренной форме, может стать первым шагом к постепенному разрушению системы национальных государств, с которой до сих пор был тесно связан прогресс европейской цивилизации. Иногда опять же выражаются опасения, что стремлением к правовому разрешению межгосударственных конфликтов неосторожные сторонники Лиги могут поставить под угрозу успех более умеренных и все же очень желательных проектов, путь для которых был открыт великим кризисом мировой войны.

Нам представляется, что строгое и четкое определение двусторонней природы предполагаемой Лиги может устранить многие опасения. Страдание и унижение Армагеддона заставили всех осознать, что дела не могут идти в старом русле коварной дипломатии, безжалостной жестокости и лицемерного эгоизма, сдерживаемых лишь необходимостью приготовления к успешному нападению. Отвратительные традиции государственной деятельности, завещанные Фридрихом II, Наполеоном, Меттернихом⁷⁶³ и Бисмарком, должны быть полностью изменены. Тот факт, что победоносный альянс ведущих держав сформировался для того, чтобы утвердить право вме-

сто насилия, делает такое изменение возможным и необходимым. Лучшую гарантию успеха в этом знаменательном предприятии следует искать не в ослаблении материальных сил альянса, а в направлении этих сил к целям справедливости и прогресса. Пройдет много времени прежде, чем можно будет осуществить широкомасштабное разоружение. Даже после заключения мира и демобилизации великие поборники гуманности — Великобритания, Соединенные Штаты, Франция — должны сохранять «блестящие доспехи» для того, чтобы удержать достигнутые результаты и составить ядро сил, без которых Лига Наций стала бы простой фикцией, обреченной на уничтожение любым беспринципным и решительным противником. Мы не можем позволить себе ослаблять национальные организации: мы обязаны опереться на них и соединить их для общих целей.

I

Очевидно, что эти цели двух видов. Отнюдь не вчера цивилизованное человечество признало необходимость подчинения взаимоотношений между государствами действию права. Вследствие мировой войны XVII века — тридцатилетней войны — сложилась совокупность обычаев и соглашений как основа реально действующего международного права, и мы были свидетелями уже в наше время многих попыток, особенно на Гаагской конференции, кодифицировать важные отрасли этого права. Слабой стороной всех этих попыток было отсутствие адекватных санкций, зависимость всех соглашений от доброй воли тех держав, которых они касались⁷⁶⁴. Дюжие бандиты вновь и вновь нарушали наиболее значимые правила, но не было трибунала, наделенного полномочиями привлечь их к суду, или силы, способной принудить их подчиняться этим правилам не посредством самопомощи, а во исполнение приговора. Мировая борьба XX столетия должна привести к завершению работы XVII века. Международное право должно быть обеспечено эффективными санкциями, и это является первой задачей, которую Лига Наций должна поставить перед собой. Отнюдь не является утопией стремление к тому, чтобы такие действия как аннексия Боснии и Герцеговины по инициативе Эрцгерцога⁷⁶⁵ или нарушение нейтралитета Бельгии одним из его гарантов⁷⁶⁶ преследовались в судебном порядке, и чтобы приговор, вынесенный виновному, приводился в исполнение объединенными силами Лиги или союзом ее лучше вооруженных членов. Действительно, если бы неопределенная угроза ответных действий со стороны случайных коалиций была заменена авторитетом Лиги,

то ни одно из этих двух бесчинств не случилось бы. Такие мастерские удары в духе Маккиавеллиевой беспринципности оказались возможными вследствие именно анархических условий мироустройства.

Очевидно также, что независимо от того, учреждена ли уже Лига Наций или нет, несчетные нарушения международного права в ходе настоящей войны должны быть рассмотрены какой-либо судебной властью; потопление всех встречных кораблей, атаки на плавающие госпитали, негуманное обращение с военнопленными, зверства на поле боя, бессмысленное разрушение городов и многое другое требуют возмездия. Несмотря на провозглашение высшей правовой власти, нам кажется, именно в этой правовой сфере обязанности Лиги Наций ясны и понятны.

А. В большинстве проектов признанием этого является создание *Суда* для решения всех споров, возникающих из нарушения признанных международных правил и соглашений между государствами.

Было бы бесполезным обсуждать в деталях способы выработки таких норм. Проекты, как правило, предполагают *Конференцию* или *Конгресс* членов Лиги, в ведении которой или которого передавались бы эти дела, а при создании *Конституции* Лиги ее разработчики должны будут рассмотреть вопросы членства, большинства (простого или квалифицированного), ратификации и т. д. Насколько Конгресс примет уже существующие законы, такие как Женевская или Гаагская конвенции⁷⁶⁷, и в какой степени должны быть заложены новые основания, будет решаться им самим. Наша цель на данный момент — указать, что первой обязанностью Лиги наций является обеспечение такого сочетания законодательного, правового и исполнительного механизмов, которое обеспечит такую же эффективность применения норм международного права как применение норм конституционного и частного права.

В. Осуществление *Конвенций* является второй ясно установленной обязанностью *Суда*. Существует несчетное число случаев, когда государства вступают в соглашения между собой, такие как торговые отношения, займы, использование шахт, лесов, вод для рыбной ловли и т. д., авторские права, использование водных ресурсов, железных дорог, телеграфных линий и т. д. Споры, возникающие как в отношении интерпретации, так и реализации этих соглашений, могут направляться в первой инстанции третейским судьям в соответствии с существующей практикой, но даже в этих случаях Суд Лиги должен действовать как кассационный суд (*Cour de Cassation*), а в особых случаях как Апелля-

ционный суд, одновременно сохраняя за собой высшую юрисдикцию в делах общего интереса, например, в отношении почтового союза⁷⁶⁸.

С. В проектах нет полного согласия относительно третьей группы случаев: в отношении исков частных лиц к государствам и государствам к частным лицам. Однако трудно понять, почему частные лица или корпорации, потерпевшие от действий государства, должны быть лишены права требовать возмещения через Суд Лиги. Во многих случаях такие лица или корпорации предпочтут действовать через государства, к которым они принадлежат, но это должно быть оставлено на их собственное усмотрение. Однако нет юридических оснований, по которым, например, банковский концерн, договорившийся о займе иностранному государству, может быть лишен права предъявлять иск к должнику в Суде Лиги. Венесуэльский конфликт⁷⁶⁹ развивался бы совсем иначе, если бы он решался подобным образом. Понятно, что должны быть приняты меры предосторожности против необоснованных исков, и должен быть создан какой-то комитет для предварительного отклонения исков, в то время как специальная секция Суда могла быть утверждена для рассмотрения случаев частного международного права в той мере, в какой Лига обратит на них внимание.

Д. Четвертая группа случаев может возникать, если государства или частные лица (и корпорации) обращаются в Суд с требованиями, основанными не на кодифицированных правилах или соглашениях, а на общих принципах справедливости. В настоящий момент на начальной стадии формирования международного права такие случаи будут возникать часто. Очевидно, например, что изобретаемые каждый день новые технологические процессы могут приводить к ситуациям, которые невозможно подвести под действие провозглашенных норм или конвенций. Использование субмарин или аэропланов уже породило множество бесконечно обсуждаемых вопросов подобного рода. В других случаях заявленное право может быть выведено из общих понятий справедливости; такие судебные решения должны распространяться на случаи произвола могущественных держав, формально нарушающих правовые нормы (например, случай с Сербией в 1914 г.). Должен ли Суд отказывать в разбирательстве таких случаев до тех пор, пока Конференция (или Совет) не провозгласит общие правила для данных дел? Такой подход был бы более чем педантичным. В значительной мере он лишил бы новую организацию ее практической полезности и авторитета. Вполне резонно ожидать,

что Суд мог бы обратиться в данных случаях не только к логическому расширению принципов, признанных существующими нормами, но и к соображениям *справедливости* (*equity*). Решения подобного рода могут, в конце концов, привести к формированию ведущих принципов, подобных нормам общего права, или к правовым доктринам французского *Государственного Совета* (*Counseil d'État*).

II

Политический аспект Лиги Наций представляет значительно больше проблем. Движение общественного мнения в направлении создания международной власти ни в коем случае не ограничивается разрешением конфликтов, которые могут быть подведены под действие юридического контроля. Цивилизованное человечество хочет не просто предотвратить грубые нарушения *права* (*right*), но и создать определенный механизм для примирения противоречивых *интересов* и для предотвращения вопиющих нарушений нравственного и социального порядка. Как Лига Наций отнеслась бы к таким случаям, как систематическое угнетение и резня в Турции или зверства белых правителей в Африке и Южной Америке? Международное право не может быть применено в таких случаях, но все же даже при старом архаическом режиме они вызывали негодование, а иногда даже протесты и бессильное вмешательство со стороны держав (Константинопольская конференция 1876 г.⁷⁷⁰, интервенция на Крите⁷⁷¹, инспекции в Македонии⁷⁷² и т. д.). Понятно, что желательно учредить центральную «расчетную палату» для разрешения бесчисленных случаев разногласий, которые неизбежно будут возникать даже после самого справедливого и разумного определения прав и полномочий по завершении данной войны. Стоит подумать о беспокойстве, вызванном притязаниями национальностей и необходимостью уравновесить эти притязания в соответствии с историческими и географическими потребностями существующих государственных организаций, о стремлениях диких или полуварварских народов к самоуправлению. Стоит подумать также о внутренних потрясениях, связанных с социалистическими тенденциями, о возможности большевистских погромов и о белом терроре. Лига Наций не может оставаться пассивным наблюдателем таких беспорядков. В то же время они не могут устраняться судебными методами, т. к. они вырастают из конфликта *интересов*, которые не приобрели еще форму *прав* (*rights*) и которые едва ли могут быть заключены в рамки правовой системы.

Вот почему оба принципиальных проекта, вынесенных на обсуждение общественности (британский и американский), предполагают создание *Совета* наряду с Судом. Этот институт задуман как Совет примирения, и само это название указывает, что предполагается использовать больше давление, нежели принуждение. Если убеждение и давление смогут произвести должный эффект, тем лучше. Но не нужно упускать из виду случаи неподчинения и уклонения. Меры, которые следует принимать в таких случаях, могут приобрести одну из трех форм.

А. Лига может предоставить возможность развиваться делу своим ходом, как *конфликту между суверенными государствами*, вплоть до состояния войны. Даже в таких случаях нужно «держат ринг» не только в смысле осуществления надзора за соблюдением принятых правил войны, но и ограничения действий воюющих. Предполагается обязательный шестимесячный «мораторий», предшествующий военным действиям, и такое требование могло бы сделать многое для устранения опасности скоропалительных действий. Ввиду очевидных военных приготовлений срок, возможно, может быть сокращен до четырех или трех месяцев.

В. Совет Лиги должен инициировать обсуждение и способствовать возможному урегулированию проблем, чреватых бедой. В некоторых случаях такие переговоры приводили бы к соглашениям, выработанным Конгрессом и представленным для утверждения квалифицированным большинством, скажем, двумя третями его членов. Прецеденты соглашений подобного рода можно найти в резолюциях начала XIX века, направленных против рабства, или в Берлинской декларации в отношении территориальных притязаний в Африке. Преимущество такого процесса заключается в том, что в большинстве случаев участвующим в таких обсуждениях державам было бы трудно оспаривать принципы, и в то же время они противодействовали бы соперничающей державе, выдвинувшей притязания подобного рода. Когда благодаря авторитету Лиги будет достигнуто общее согласие, сложится основа для правового действия и последующие конфликты между отдельными государствами будут исключены. Следует добавить, что такая процедура обеспечила бы линию наименьшего сопротивления в деле ограничения вооружений.

С. В крайних случаях Лига должна быть обязана непосредственно противодействовать нарушителям мира, угнетателям и пиратам

даже невзирая на обычные границы государственного суверенитета. История XIX века уже видела ряд таких вмешательств во имя гуманности и цивилизации, и недавняя интервенция стран Антанты в России может быть классифицирована подобным образом. Несомненно, это наиболее деликатный вопрос во всей программе, но его следует обозначить в надежде, что Совет или Конгресс Лиги Наций, ведомый великими демократическими державами — Великобританией, Францией и Соединенными Штатами, — сможет с честью оправдать возложенное на него огромное доверие в данном деле. Следует приступить к задаче, которую поставил перед собой Священный союз, но решать ее противоположным образом во имя свободы, просвещения и справедливости.

РЕАЛИИ ЛИГИ НАЦИЙ

I

Катастрофа войны убедила всех мыслящих людей в том, что мы являемся не только свидетелями, но и участниками величайшего кризиса истории. Империи брошены в плавильный тигль, и будущее зависит от того, насколько в преобразованном виде государства мира докажут, что они более едины и достаточны, чем их предшественники. Одной из самых вдохновляющих идей, возникающих из этого мощного потрясения, является убеждение, что цивилизованное человечество обязано предотвратить повторение варварских столкновений, в которой в жертву приносятся миллионы лучших и достойнейших и разрушается благосостояние поколений ради бесполезного роста и мнимого престижа. Героические усилия союзников уже предотвратили худшее: они отразили угрозу всемирного порабощения, но плоды победы нельзя промотать с безразличием и без смысла. «Неодолимый» союз Антанты смог потушить пожар мощными усилиями, прозорливостью и бдительностью он должен суметь предотвратить его новую вспышку. Антанта должна быть развита в Лигу Наций, чтобы сохранить мир и обеспечить справедливость. Это проблема, но прогресс политической мысли и условия времени дают такие средства и возможности, каких не существовало прежде. Мы совершили бы непростительное преступление, если бы не использовали в полной мере возможности, предоставленные переплавкой в мировом тигле.

Чтобы эта попытка принесла хорошие результаты, особенно важно замечать важнейшие препятствия и двигаться к определенным целям. По-моему, самая значительная опасность лежит не в традиционном скепсисе относительно возможного разрешения международных конфликтов, а в приводящем в замешательство богатстве идей, господствующих в наше время и состязающихся за превосходство в наших мыслях и делах. Три величайшие идеи выпущены, так сказать, на свободу в области политической организации:

- 1) стремление национальностей к самоопределению;
- 2) самосознание исторических государств;

3) требование рабочего класса адекватного места в *политической и социальной жизни*.⁷⁷³

Этих трех идей достаточно, чтобы поглотить всю энергию цивилизованного человечества в ходе эпохи. Все они действуют одновременно, хотя, по сути, они должны дополнять друг друга. Очевидно, например, что не может быть и речи о расчленении таких традиционных организмов цивилизованных империй, как Великобритания, для того, чтобы удовлетворить в полной мере возможные притязания всех национальностей, включенных в них. В разной степени между историческими государственными объединениями и тенденцией к самоопределению должны быть определенным способом достигнуты баланс и компромисс, и это накладывает на будущую Лигу одно материальное ограничение. Она не может состоять из всех наций, живущих на земле, но только из наций, воплощенных в самостоятельные государственные организации. Это будет Лига государств, сочетающаяся с широким осуществлением национальных прав. Представьте на минуту Великобританию, развалившуюся на ее национальные элементы — Ирландию, Уэльс и Шотландию, движущиеся каждый своим собственным путем, не говоря уже о неисчислимых отсталых и чуждых расах.

С другой стороны, поскольку основания наших государств должны быть усилены обращением к расовой психологии и национальному единству, постольку наше стремление к международной справедливости должно принять определенные формы. Невозможно на этой стадии, во всяком случае, разделение на отдельные государства и соединение их затем в международную республику. Люди остро чувствуют, что они прежде всего британцы, французы, американцы, русские, сербы, а потом уже граждане мира. Коль скоро это так, то новый порядок должен возводиться как Лига, а не как федеральное правительство, передающее какой-то объем автономии составляющим ее частям и возвышающееся над ее членами и готовое принуждать их в наиболее важных делах даже против их воли. Опять же одним из наиболее сильных потоков, создающих современный порядок, является, несомненно, стремление рабочих классов избавиться от анархического соревнования в экономических делах. Споры между трудом и капиталом не касаются нас в этой связи, пока они ограничиваются конфликтами внутри данного общества, но капитал интернационален по своей сути, и взаимозависимость различных стран как частей мирового экономического организма так велика, что невозможно рассматривать вопросы

снабжения или требования рабочих мест и определенного уровня зарплаты, исходя лишь из местных условий. Поэтому лидеры рабочего движения, естественно, склоняются к требованиям регулирования как распределения материалов, так и заработной платы, санитарного законодательства, жизненных стандартов, которые простираются над границами существующих государств и включают международное управление экономическими делами. Но упомянем лишь одну-две трудности: как свести к равным или хотя бы примерно соразмерным стандартам потребности английских, немецких, русских и китайских рабочих? Никакое законодательство, надзор и принуждение не уничтожит различия, созданные столетиями национального роста. В общем, лидеры Лиги Наций должны будут позаботиться о том, чтобы их покровительство производителям и служащим не выродилось в бюрократический деспотизм. В ограничениях нет вреда, когда полностью осознается, что общее выступление за мир и справедливость будет основываться в этом случае не столько на жестком установлении, сколько на свободной решимости членов предотвратить кровопролитие и агрессию. Было бы не только непрактичным, но даже пагубным возвести федеральное правительство над всем миром и поручить ему окончательное решение всех сложных дел и всех конфликтов человечества. Ни одно правительство не сможет справиться с такой задачей, ни одно человеческое образование не сможет взять на себя такой ответственности. Как хорошо было сказано в одной заметке, опубликованной «Round Table» по данному предмету: строительные леса Лиги Наций рухнули бы, если бы такая огромная тяжесть была бы нагромождена на нее беззаботными строителями. И все же пришло время и имеются средства для того, чтобы объединить политические усилия ведущих цивилизованных наций таким образом, чтобы избежать всеобщего конфликта и обеспечить каналы для мирного решения трудностей.

Для того, чтобы добиться такого результата, необходимо выдвигать и настойчиво проводить два принципа: международное право должно перестать быть игрушкой беспринципных властителей, и политические отношения между государствами должны регулироваться теми же основополагающими требованиями честности, здравого смысла, согласия, как это обычно имеет место во взаимоотношениях между частными лицами. Нужны институты и силы, чтобы реализовать эти два принципа на практике, но не вроде ханжеских пожеланий, хрупких украшений для речей, которые произносятся сегодня и забываются на следующий день.

II

Создание действенного международного права выдвигает потребность в одном главном устройстве. Нормы этого права должны быть обеспечены адекватными санкциями, т. е. гарантиями их принудительного применения. Нормы Женевской конвенции, Гаагских конвенций, Парижской декларации сами по себе являются тщательно сформулированными, общепризнанными законами. Их недействительность до сих пор означает отсутствие трибунала для осуждения нарушителей этих норм и исполнительного органа для их наказания. Торжественное провозглашение нейтралитета Бельгии было достаточным как заявление права (right), но за ним нет никакой регулярной санкции, и поэтому одна из стран, которая согласилась гарантировать его (нейтралитет), выбросила это соглашение в бумажную корзину, не рискуя ничем, кроме борьбы со случайными защитниками этой жертвы. Такое положение вещей не будет больше приемлемо, когда Лига примет решение призвать государство, нарушившее закон, к ответу перед действительным трибуналом и принудит его выполнить обязательства, компенсировать ущерб или подвергнет его определенному договору наказания. Создание Суда высшей инстанции в делах международного права и твердая решимость Лиги приводить в исполнение решения Суда является первой мерой, необходимой для того, чтобы сделать реальностью идеал Лиги Наций. Это стало бы огромным шагом по пути прогресса человечества. Уже с XVII века, когда бедствия тридцатилетней войны вызвали первые систематические попытки международного правоведения, уже со времен Гроция⁷⁷⁴ юристы и государственные деятели тщетно искали дорогу к гарантированной санкциями международной справедливости. [Задача] расчистить дорогу к решению этой проблемы сохранилась до нашего времени.

III

Но этого недостаточно. Во многих случаях ожесточенная вражда возникает между нациями и государствами не вследствие нарушения прав, а в результате конфликта интересов. Мы каждый день читаем о резких противоречиях между чехами и немцами, поляками и украинцами, русскими и турками, болгарами и сербами, итальянцами и югославами: многие из этих противоречий проистекают из противоречащих притязаний национальностей на территории; другие порождаются экономическим соревнованием; третьи могут иметь по-

доплекой религию или культурные антипатии. В прошлом эти антагонизмы разрешались бы сами собой в ходе кровопролитных войн и бесконечных колебаниях между так называемыми победами и вполне реальными поражениями. С возникновением Лиги Наций огромное влияние организованного общественного мнения человечества должно благотворно влиять на умиротворение, сводя эти раздоры на минимум и выдвигая против них здравый смысл и справедливость всего цивилизованного мира. В распоряжении Лиги будет много материальных средств для того, чтобы образумить противников: их можно будет принудить прибегнуть к третейскому суду или предостеречь от опрометчивых действий, установив обязательный период времени для размышления и переговоров, к ним могут быть применены меры экономической изоляции. В то же время следует согласиться, что Лига не может принять на себя ответственность за окончательное разрешение всех споров, в которых сталкиваются интересы, в отличие от нарушения законов. Например, на западе Североамериканских штатов и в государствах Австралийского содружества сильно мнение, что следует воспрепятствовать иммиграции китайцев и японцев: народы Калифорнии и Австралии хотят строить государство на прочной основе колонизации белой расы. С другой стороны, у японцев и китайцев сильно чувство, что дискриминация их в этом деле оскорбительна и несправедлива, и существуют веские материальные причины, почему ведущие государства «желтой расы» подталкивают экспансию путем эмиграции. Конечно, Лига Наций будет делать все возможное, чтобы уменьшить остроту конфликта и подготовить почву для компромисса, но может ли она взять на себя решение спора и принудить австралийцев допустить определенных иностранных поселенцев или принудить японцев отказаться от поисков мест поселения на тихоокеанском континенте? Очевидно, что нет, если только Лига не готовится стать всемирным правительством. В то же время ясно, что в случае непримиримого конфликта приход Лиги будет означать полную замену старых методов рассмотрения подобных дел. Вместо того, чтобы готовиться к вооруженному конфликту, который может разразиться в любой момент, соперничающие стороны, возможно, будут сдерживаться до тех пор, пока не будет найден подходящий компромисс, и в это время не будет предпринято никаких односторонних насильственных действий. В таких условиях даже негативное решение стороны, которая отвергает требование, имеет определенное преимущество, но, несомненно, обстоятельное рассмотрение целесообразности со временем даст почувствовать себя в смысле определенного предложения и принятия соглашения.

Вовсе не исключено, что некоторые из этих конфликтов интересов, ожесточенные расовым и культурным антагонизмом, могут развиться реальными военными действиями вопреки сдерживающему влиянию, оказанному на противников Лигой. Было бы опрометчиво надеяться на то, что южноамериканские республики или азиатские пограничные государства можно убедить навсегда перековать мечи на орала или что международная полиция будет всегда наготове под рукой. Судя по тому, что происходит сейчас в Восточной Европе перед лицом «несметных» войск Антанты, могут быть возражения против полицейских акций Лиги не только со стороны нарушителей, но и полицейских властей. Однако такие изолированные междоусобицы были бы менее значительными и более короткими и никоим образом не могли бы сравниться с гигантскими усилиями и изнурительными приготовлениями, столь характерными для условий, которые мы наблюдали до настоящего времени. Авторитетные представители трех ведущих держав Антанты заверили нас, что необходимы определенные основополагающие условия, чтобы не допустить поглощения интересов этих государств интересами Международной Конфедерации, чего в полной мере требует абстрактная доктрина. Франция не может разоружиться на суше, потому что ей противостоит амбициозная и неразборчивая в средствах нация, которая, хотя и побеждена сегодня, может думать о реванше и обладает населением в два раза превосходящим население самой Франции. Великобритания не может разоружиться на море, потому что ее существование и связь ее частей зависят от ее морского превосходства. Соединенные Штаты не собираются впутываться в конфликты и союзы европейских государств, намереваясь поддерживать материальное превосходство некоторых из них над другими. Действительно, президент Вильсон и его многочисленные последователи энергично выступают за Лигу всех народов, но легче выдвинуть идеал такой Лиги, чем придать миру форму, соответствующую его принципам. Беспорядок, бедствия, преступления порождают брожение, зловонием ударяющее в нос, и все же адепты нового порядка больше времени тратят на торжества и празднества, чем на успокоение встревоженного мира. Это знакомое присловье, что мы не должны вступать в новые войны, продолжение старых войн, что наши солдаты устали и очень хотят домой. Но это определенно неподходящее выражение духа руководства международными делами. Возможно, это трудная задача, но только компетентное и строгое рассмотрение современных проблем в их крайних и мучительных формах является той мерой, которая придаст практическую ценность любой схеме

улучшения международных отношений. Суровая обязанность нашего века — увидеть доведенным до конца дело, начатое великой борьбой против германского милитаризма, даже если это вызовет дальнейшие жертвы и трудности. Для выполнения задачи необходимо, чтобы она была сведена к ее существенным чертам⁷⁷⁵.

Кажется, как будто исторический процесс, которым был положен конец частным войнам в Средние века, собирается вновь повториться в случае международных войн в наше время. Европа около 1000 года н. э. представляла собой арену борьбы, где каждый барон и каждый укрепленный город находился в состоянии постоянной войны с соседними баронами и городами. Церковь первой стала проповедовать мир и вводить своего рода «международное право». Духовенство начало с того, что безуспешно попыталось связать воюющих обязательствами и установить полный мир. Но добиться полного отказа было невозможно, и многие из тех, кто давал торжественные клятвы, были первыми, кто нарушал их. Впоследствии были наложены частичные ограничения, показавшие свою эффективность и практичность: люди не могли сражаться в храмах и внутри церковной ограды; они не могли сражаться по праздникам и по определенным дням недели — с четверга по понедельник. Таким образом была подготовлена почва для усиления государственных властей, чтобы начать наступление на частные войны и уничтожить их на благо государственной монополии. Будем надеяться, что мы увидим возникновение эффективных мер для уничтожения этих государственных монополий ради Всемирной Лиги. Но было бы фатальной ошибкой считать, что мир готов к немедленному и постоянному соглашению о международном правительстве. Первой следует пройти стадию Лиги Наций, и потребуются определенная время, прежде чем ее задачи и возможности будут исчерпаны.

IV

Поскольку мы не можем отказаться от государств, построенных на национальном и территориальном принципе, перед нами неизбежно возникнет другая сложная проблема. До каких пор следует терпеть деспотизм и угнетение на территории этих отдельных государств? Конечно, хорошо признавать за государствами независимый суверенитет в управлении их внутренними делами, но нравственные пределы для невмешательства существовали во времена до [возникновения] Лиги, например, когда в начале XIX века турки собирались истребить греков, не только пламенные грекофилы, как лорд Байрон,

но и правительства Англии и Франции и даже воинствующий поборник Священного союза император Николай подняли оружие и спасли греческих подданных султана. Когда в семидесятые годы вырезали болгар, в Европе распространилось негодование, и Россия повела войну за их освобождение. Вследствие резни армян и македонцев пытались применить всякого рода неудовлетворительные средства — инспекции, конференции и т. п. — для того, чтобы сдержать законного суверена. Тем более такие исключительные случаи неудовлетворительного управления нельзя терпеть под надзором Лиги. Вопиющий случай такого рода, если так можно сказать, представлен большевистской тиранией в России, где всему образованному классу — не столь уж и многочисленному — грозит уничтожение. Таким образом, мы вынуждены признать возможность и необходимость вмешательства в дела суверенных государств от имени организованного общественного мнения, выражаемого Лигой. Однако нет надобности говорить, что такое вмешательство должно быть направлено на устранение вопиющих злоупотреблений, и едва ли следует начинать серию «крестовых походов» для того, чтобы исправить всякого рода изъяды и ошибки. Такая политика была бы не только непрактичной, но она привела бы к недопустимому угнетению и беспредельному недовольству со стороны наций, подвергнувшихся такому вмешательству. Невозможно твердо и быстро провести линию между мудрыми и глупыми мерами в этом отношении. Все, как и во многих других человеческих делах, будет зависеть от осмотрительности, такта и здравого смысла. Конгрессы и исполнительные представители Лиги, несомненно, будут иметь широкий простор для их обсуждения и для поддержания компетенции и репутации. Определенно эта задача будет достойной их исполненных благими намерениями усилий. Однако в настоящий момент не может быть и речи о том, чтобы хотя бы кратко обрисовать конституционный механизм, каким следовало бы наделить Лигу. Проблема сочетания надлежащего самоопределения ее членов с действенной организацией целого, несомненно, окружена огромными трудностями. Я могу только упомянуть вскользь сложную природу оценки значения, если так можно выразиться, в отношении к соответствующей весомости голосов и влияния разных государств, так различающихся по размеру, силе, благосостоянию и [уровню] цивилизации. Старая система учета каждой международной личности как единицы не подходит для Лиги, намеренной не выражать праведные желания, а вырабатывать решения и приводить их в исполнение. Нужно прийти к какому-то соглашению о значении голосов и определении прав и обязанностей. Бу-

дем надеяться, что огромные выгоды, которые можно извлечь из такого соглашения, сделают его реальностью. Во всяком случае, это та надежная перспектива, которая открывает нам вид на что-то еще, помимо залечивания ран, восстановления разрушенного и выплаты контрибуций. С войной еще не боролись, если не смогли сделать ее отправной точкой новой эры, в которой раз и навсегда отвергается циничный принцип необузданного эгоизма в политике и народы мира выбирают идею справедливости как путеводную звезду международных отношений.

СОГЛАШЕНИЕ О ЛИГЕ ВЕЛИКИЕ И МАЛЫЕ ДЕРЖАВЫ

Сэр, могу я попросить немного места на страницах «Таймс», чтобы предложить некоторые соображения относительно Соглашения о Лиге Наций, выработанного Комитетом мирной конференции⁷⁷⁶. Это предмет такой огромной важности, и проект Соглашения вызывает так много возражений, что долг каждого, кто одобряет основные принципы Лиги, содействовать, насколько это возможно, устранению серьезных недостатков в предлагаемой схеме. Было бы прискорбно, если бы уникальная возможность, представившаяся в результате войны, была бы потрачена на попытки возвести подобие Вавилонской башни, которую невозможно было бы поддержать без невыносимого напряжения ресурсов и дружного сотрудничества заинтересованных государств. Со своей стороны я хотел бы обратить внимание на следующие вопросы.

1. Формирование Исполнительного совета, как предполагается статьей 3⁷⁷⁷, вызывает то возражение, что до тех пор, пока «представители» малых государств будут выдвигаться пятью великими державами, Исполнительный совет будет выражать взгляды не Лиги Наций, а взгляды победителей. Но даже когда дополнительные члены будут выбираться Собранием делегатов, они определенно не будут «представлять» это Собрание, состоящее из столь многих разрозненных элементов; так же как никакой формальный отбор четырех депутатов не может удовлетворить различные интересы и устремления государств, сгруппированных в так называемое Собрание делегатов. В каком смысле, скажем, Бельгия, Швеция, Польша и Бразилия «представляли» бы интересы Норвегии, Чехословакии, России и Китая? Может ли быть вообще придумана какая-либо комбинация, посредством которой государства, конкурирующие друг с другом, могли бы принять представительство интересов, противоположных их собственным? И является ли интернационализм существующих государств достаточно сильным, чтобы создать основу для общих выборов? Не служит ли неистовая вражда между поляками и украинцами, между венграми и румынами, между итальянцами и южными го-

сударствами предостережением в этом отношении? Если признается, что меньшинства должны быть представлены во внутренних делах, то еще более очевидна необходимость предоставления выражения противоречивых устремлений в международном устройстве. Мне кажется, что от идеи создания фиктивного представительства следует отказаться и что Собрание делегатов должно иметь возможность самостоятельно формулировать свою точку зрения на проблемы, требующие решения. Иногда это будет приводить к столкновению мнений Собрания делегатов и Совета, но такие открытые конфликты будут менее вредными, чем постоянное несогласие с претензией на представительство, которое может быть воспринято как ухищрение для усиления влияния определенных великих держав.

2. Затруднение относительно «единогласия» решения в случае принудительных мер (статья 15)⁷⁷⁸ возникает в результате неудовлетворительной попытки обеспечить применение санкций ко всем видам споров. Санкции могут быть применены автоматически только в ходе судебных разбирательств в отношении права (*right*), установленного юридическим процессом; в таких случаях решения, которые должны быть исполнены в принудительном порядке, будут исходить не от Совета, а от Суда справедливости, так что вопрос о единогласии держав не будет возникать вообще. Подчинение таким решениям и исполнение таких решений может быть гарантировано заранее специальными договорами. Совершенно иной случай, когда перед Советом или Собранием делегатов предстают конфликты политических интересов. В таких случаях ни подчинение партий, ни исполнение формальностей Лигой не могут быть гарантированы соответственно ожиданиям или автоматически. Конфликты такого рода должны рассматриваться по их существу политическими учреждениями, и ни единогласие, ни большинство голосов не смогут [их] решить. Конституционные возражения, возникающие в США, выражают в резкой форме присущую обсуждаемому предмету сложность. Реальный прогресс, который может быть достигнут Лигой [в этих случаях], состоит в цивилизованном разбирательстве таких споров и в общей решимости предотвратить повторение ужасной катастрофы, подобной нынешней. Особенно важно будет знать, что в случае серьезной опасности наиболее могущественные нации, включая Соединенные Штаты, будут полны решимости отстоять общий мир, даже если невозможно будет гарантировать заранее, что все конфликты будут доведены до окончательного решения единодушным действием держав.

3. Третье предложение связано со вторым. Неясность и сложность настоящего Соглашения могут быть объяснены в некоторой степени подчиненным положением, отводимым юридическому фактору (статьи 13 и 14)⁷⁷⁹. Недостаточно обеспечить серию третейских судов, необходим Высший суд международного уровня, чтобы развивать на основе правового опыта юрисдикцию Лиги. Из этой коллегии должны будут выбираться судьи в различные суды, но желательно, чтобы была обязательно сохранена преемственность в трактовке традиционной справедливости (*equity*) и международного права.

4. Тот факт, что в проекте Соглашения юридические функции Лиги трактуются так пренебрежительно, может сам по себе произвести впечатление, что ее целью является не международная справедливость, а политическое господство стран Антанты. Это впечатление усиливается статьей, касающейся «мандатной» системы (статья 19)⁷⁸⁰. Очевидно, что Великобритания, Франция и, возможно, Италия будут принципиальными гарантами в соответствии с предлагаемой комбинацией. Это, может быть, необходимо по положению дел, но, несмотря на тяжелые обязательства, которые эти державы готовы взять на себя, их определенно заподозрят в создании протекторатов путем добывания мандатов у Лиги, в управлении которой они будут принимать наибольшее участие. Система мандатов является великолепным устройством, если мандат присуждается независимым мнением и соединяется с достаточными гарантиями административного и юридического рода; но, без сомнения, она может быть дискредитирована и вызовет противодействие, если возникнет как империалистическое посягательство с лицемерными притязаниями.

Таким образом, мы вновь приходим к выводу, что лучшим способом создания прочной и авторитетной Лиги Наций должно стать усиление Собрания делегатов и устройство Высокого суда международной справедливости с определенной компетенцией и непрерывной традицией.

СОКРАЩЕНИЯ

АРАН — Архив Российской академии наук
БВ — Биржевые ведомости
ВЕ — Вестник Европы
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИА — Исторический архив
ИЗ — Исторические записки
НВ — Новое время
ПВ — Правительственный вестник
РАН — Российская академия наук
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы
и искусства
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-поли-
тической истории
РМ — Русская мысль
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы
(Пушкинский дом)
РС — Русская старина
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской
академии наук
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив
г. Москвы
EHR — English Historical Review
HLSL MD SC — Harvard Law School Library Manuscript Devision
Special Collections
SEER — Slavic and East European Review

ПРИМЕЧАНИЯ

И. В. КИРЕЕВСКИЙ

И НАЧАЛО МОСКОВСКОГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

Публичная лекция, прочитанная 20 ноября 1891 г. в пользу населения местностей, пострадавших от неурожая. Впервые опубликована на русском языке: Вопросы философии и психологии. М., 1892. Кн. XI. С. 98–126. В основе статьи лежал текст одной из Ильчестерских лекций, прочитанных в Оксфорде в 1891 г. Впоследствии английский вариант лекции с незначительными изменениями был опубликован. См.: Vinogradoff P. The Slavophil Creed // Hibbert Journal. 1915. Vol. XIII. No. 2. P. 243–260.

1. *Киреевский Иван Васильевич* (1806–1856) — философ, литературный критик и публицист, один из основоположников славянофильства; *Киреевский Петр Васильевич* (1808–1856) — фольклорист, археограф, публицист, брат И. В. Киреевского.
2. *Хомяков Алексей Степанович* (1804–1860) — философ, общественный деятель, поэт. Основатель славянофильства.
3. *Станкевич Николай Владимирович* (1813–1840) — общественный деятель, философ, поэт. Лидер литературно-философского «кружка Станкевича» в Московском университете. С 1837 г. в Италии.
4. *Грановский Тимофей Николаевич* (1813–1855) — историк-медиевист и общественный деятель. С 1839 г. читал лекции в Московском университете по древней, средневековой и новой истории, с 1845 г. экстраординарный, а с 1849 г. ординарный профессор Московского университета.
5. *Герцен Александр Иванович* (1812–1870) — общественный деятель, писатель, философ и публицист.
6. *Белинский Виссарион Григорьевич* (1811–1848) — журналист, литературный критик.
7. *Пушкин Александр Сергеевич* (1799–1837) — поэт и писатель.
8. *Гоголь Николай Васильевич* (1809–1852) — писатель.
9. *Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих* (1770–1831) — немецкий философ.
10. *Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм* (1775–1854) — немецкий философ.
11. *Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг* (1749–1832) — немецкий писатель, поэт.
12. *Шекспир (Shakespeare) Уильям* (1564–1616) — английский драматург, поэт.
13. *Костомаров Николай Иванович* (1817–1885) — историк, писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1876). В 1847 г. был арестован как один из руководителей Кирилло-Мефодиевского общества, члены которого обсуждали возможность создания славянской федерации во главе с Украиной. В 1859–1862 гг. профессор Петербургского университета.

14. *Аксаков Иван Сергеевич* (1823–1886) — публицист и общественный деятель, идеолог панславизма.
15. *Аксаков Константин Сергеевич* (1817–1860) — публицист, историк, филолог, поэт, один из идеологов славянофильства, брат И. С. Аксакова.
16. *Самарин Юрий Федорович* (1819–1876) — общественный деятель, историк и публицист, один из лидеров славянофильства.
17. Очевидно, П. Г. Виноградов имел в виду «Записки по всемирной истории» А. С. Хомякова.
18. *Киреевский Василий Иванович* скончался в Орле 1 ноября 1812 г., заразившись тифом во время организации помощи раненым воинам русской армии.
19. Литературный салон *Елагиных* («республика у Красных ворот») был в 1820–1840-е гг. средоточием московской общественно-культурной жизни. Здесь бывали А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, Ю. Ф. Самарин. *Елагина Авдотья Петровна* (по первому мужу — Киреевская) (1789–1877) — племянница В. А. Жуковского, мать Ивана и Петра Киреевских; *Елагин Алексей Андреевич* (ум. 1846) — их отчим.
20. *Жуковский Василий Андреевич* (1783–1852) — поэт.
21. *Кошелев Александр Иванович* (1806–1883) — общественный деятель, славянофил, мемуарист. Автор умеренных проектов отмены крепостного права, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г.
22. *Ариост* (*Ариосто*, *Ariosto*) *Лудовико* (1474–1533) — итальянский поэт.
23. В 1830 г. И. В. Киреевский около девяти месяцев провел за границей. В Берлине он слушал лекции К. Риттера, Ф. Шлейермахера и Г. В. Ф. Гегеля, с которым беседовал лично. Потом он посетил Дрезден, а затем надолго остановился в Мюнхене, где находился в это время его брат. Здесь И. В. Киреевский познакомился с Ф. В. Шеллингом и Л. Океном, посещал их лекции.
24. *Шлейермахер* (*Schleiermacher*) *Фридрих* (1768–1834) — немецкий протестантский богослов и философ, с 1810 г. профессор Берлинского университета. Г. В. Ф. Гегель читал лекции в Берлинском университете с 1818 г., а Ф. В. Шеллинг — с 1841 г. (до этого, с 1827 г., он был профессором Мюнхенского университета).
25. Журнал был запрещен 22 февраля 1832 г. при подготовке второго номера.
26. *Погодин Михаил Петрович* (1800–1875) — историк, писатель, академик Петербургской АН (1841). С 1835 г. замещал кафедру русской истории Московского университета, оказал определенное влияние на исторические взгляды славянофилов. Издавал журналы «Московский вестник» и «Москвитянин».
27. См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Кн. IV. С. 8.
28. Там же.
29. «Москвитянин» — ежемесячный журнал, выходил в Москве в 1841–1856 гг. Редактор-издатель М. П. Погодин, его ближайший сотрудник С. П. Шевырев. В 1845 г. М. П. Погодин решил передать редактирование журнала И. В. Киреевскому, который выпустил лишь три номера и отказался от сотрудничества с издателем из-за его неумеренных претензий.

30. У А. И. Герцена: «...печальный покой морской зыби над потонувшим кораблем». См.: Герцен А. И. Былое и думы. 1852–1868. Часть IV // Герцен А. И. Собрание сочинений в 3 т. М., 1956. Т. 9. С. 159.
31. Родовое имение Долбино находилось в 40 верстах от Козельской Оптиной пустыни, куда часто приезжал И. В. Киреевский, любивший общение со старцами, особенно с о. Макарием, ставшим его духовным отцом.
32. *Чаадаев Петр Яковлевич* (1794–1856) — мыслитель и публицист. Испытал влияние идей католического провиденциализма и социального христианства. В «Философических письмах» обличал обособленность России от всемирной истории, духовный застой и национальное самодовольство, препятствующие осознанию и исполнению ее исторической миссии, определенной свыше.
33. *Гизо (Guizot) Франсуа Пьер Гийом* (1787–1874) — французский государственный деятель, историк, член Французской академии (1836).
34. *Николай I* (ум. 867) — папа римский, при котором произошел разрыв с Восточной христианской церковью.
35. *Лютер (Luther) Мартин* (1483–1546) — деятель Реформации в Германии, основатель лютеранства. В 1517 г. в Виттенберге выступил против практики индульгенций с 95 тезисами, отвергавшими основные догматы католицизма.
36. *Штраус (Schtrauß) Давид Фридрих* (1808–1874) — немецкий богослов и философ-младогегельянец. В сочинении «Жизнь Иисуса» (Т. 1–2, 1835–1836) подверг сомнению достоверность Евангелия, считал Иисуса исторической личностью.
37. *Аристотель* (Αριστοτέλης) (384–322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. Основоположник европейской философской традиции.
38. См.: Герцен А. И. Былое и думы. 1852–1868. Часть IV. С. 160
39. *Иван IV Грозный* (1530–1584) — великий князь с 1533 г., царь с 1547 г.
40. Имелась в виду сформулированная в письмах к нему монахом псковского Елизарова монастыря Филофеем концепция «Москва — третий Рим».
41. *Шишков Александр Семенович* (1754–1841) — государственный деятель, адмирал, писатель. Президент АН (с 1813 г.), министр народного просвещения (1824–1828), возглавлял «Беседу любителей русского слова».
42. *Карамзин Николай Михайлович* (1766–1826) — писатель, историк, почетный член Петербургской АН (1818). С 1803 г. по указу Александра I «историограф Российской империи», автор «Истории государства Российского» (Т. 1–12, 1818–1829).
43. В 1798–1803 гг. Ф. В. Шеллинг был профессором Йенского университета.
44. *Кант (Kant) Иммануил* (1724–1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. С 1770 г. развивал направленные против догматизма умозрительной метафизики и скептицизма идеи «критической философии», начало представления которых широкой публике было положено работой «Критика чистого разума» (1781).
45. *Фихте (Fichte) Иоганн Готтлиб* (1762–1814) — немецкий философ и общественный деятель, один из представителей немецкой классической философии.
46. *Гайм (Haim) Рудольф* (1821–1901) — немецкий историк идей. Главная заслуга Гайма

заклучалась в том, что он сумел доказать существенные отличия немецкой романтики от Sturm und Drang' а, ошибочно отождествлявшихся его предшественниками.

47. Шлегель (*Schlegel*) Фридрих (1772–1829) — немецкий критик, филолог, философ, писатель. В 1790-е гг. являлся одним из идеологов йенских романтиков, в конце жизни развивал идеи универсальной «христианской философии».
48. Тик (*Tieck*) Людвиг (1773–1853) — немецкий писатель. Принадлежал к кружку йенских романтиков, раскрывал ограниченность просветительского рационализма.
49. Новалис (*Novalis*) (настоящие имя и фамилия — Фридрих фон Харденберг, *Hardenberg*) (1772–1801) — немецкий поэт и философ. Входил в кружок йенских романтиков, развивал идеи «магического символизма», представляющего мир как символическое всеединство духа, Бога и природы, интуитивно познаваемое творческим сознанием художника, в котором преодолевается разделение духа и материи.
50. Имелся в виду религиозно-мистический цикл духовных стихов «Гимны к ночи», опубликованный в 1800 г.
51. Ф. Шлегель принял католичество в 1808 г.
52. Имелись в виду его «Речи о религии», опубликованные в 1799 г.
53. Речь шла об идеях сочинения Ф. В. Шеллинга «Система трансцендентального идеализма» (1800).
54. Баадеp (*Baader*) Франц Ксавер фон (1765–1841) — немецкий католический философ, врач, естествоиспытатель. Принадлежал к Мюнхенскому кружку романтиков, критиковал философию Просвещения с позиций мистицизма.
55. Бёме (*Böhm*) Якоб (1575–1624) — немецкий философ-мистик. Оказал большое влияние на немецкий философский романтизм.
56. Александр I (1777–1825) — российский император с 1801 г.
57. За два месяца до подписания Акта о Священном союзе Ф. Баадеp подал на имя Александра I записку, в которой излагал идеи своего произведения «О необходимости, созданной Французской революцией, нового и более тесного союза между религией и политикой». Сутью его являлось то, что Закон осуществляется через Божественную любовь. Идея любви неразрывно связана с идеей свободы. В качестве примера несовместимости деспотизма и рабства с христианской религией Ф. Баадеp приводил Французскую революцию. Александр I благосклонно принял записку и выделил автору 5 000 франков на публикацию его книги. Вполне возможно, что записка Ф. Баадера повлияла на выработку Александром I основных положений Акта о Священном Союзе. См. подробнее: Вишленкова Е. А. Идеи мира и экуменизма в политической жизни России первой четверти XIX в. // Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий. М., 2003. С. 195–224.
58. Стеффенс (*Steffens*) Хенрик (1773–1845) — немецкий философ, естествоиспытатель и писатель, уроженец Норвегии.
59. Как и Ф. Шлегель, его брат, писатель Август Вильгельм Шлегель (1767–1845) входил в кружок йенских романтиков.

60. *Савиньи (Savigny) Фридрих Карл фон* (1779–1861) — немецкий юрист и государственный деятель. Профессор Берлинского университета (1810–1842), прусский министр по реформе законодательства (1842–1848). Глава исторической школы права, представлявший право как органический продукт развития «народного духа».
61. *Гримм (Grimm) Якоб* (1785–1863) — один из основоположников мифологической школы в фольклористике, принадлежал к кружку гейдельбергских романтиков, возродивших интерес к народной культуре. Вместе с братом *Вильгельмом Гриммом* (1786–1859) собрал и издал «Детские и семейные сказки» (т. 1–2, 1812–1814).
62. П. Г. Виноградов цитировал «Фауста» И. В. Гёте в переводе Н. Грекова. В цитате сделано сокращение и изменена пунктуация. Ср.:
 Да презирай познания и ум —
 Источник главный сил! Прельщайся мишурою!
 Дай чёрту завладеть стремленьем пылких дум,
 Увлечь волшебством их и лживою мечтою,
 Тогда, любезнейший, ты мой!
 (Фауст. Трагедия Гёте. Перевод Н. Грекова. 2-е изд. М., 1865. С. 80.)
63. Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857. С. 191–192 (отд. паг.).

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ

Публичная лекция, читанная 11 февраля в пользу комитета грамотности. Впервые опубликована на русском языке: РМ. 1893. Кн. IV. Отд. 2. С. 44–66.

64. См.: Станкевич А. В. Тимофей Николаевич Грановский: (Биографический очерк). М., 1869.
Станкевич Александр Владимирович (1821–1912) — брат Н. В. Станкевича, беллетрист, биограф и издатель научного и литературного наследия Т. Н. Грановского.
65. *Строганов Сергей Григорьевич* (1794–1882) — граф, государственный деятель, почетный член Петербургской АН (1827), попечитель Московского учебного округа (1835–1847).
66. *Тьерри (Thierry) Огюстен* (1795–1856) — французский историк, один из основателей романтического направления во французской историографии.
67. *Мишле (Michelet) Жюль* (1798–1874) — французский историк.
68. *Гиббон (Gibbon) Эдуард* (1737–1794) — английский историк.
69. *Юм (Hume) Дэвид* (1711–1776) — английский философ, экономист и публицист.
70. *Нибур (Niebuhr) Бартольд Георг* (1776–1831) — немецкий историк античности, основатель критического метода в изучении истории. Основной труд «Римская история» (Т. 1–3), доведенный до 241 г. до н. э., остался незавершенным.
71. *Ранке (Ranke) Леопольд фон* (1795–1886) — немецкий историк. Профессор Берлинского университета (1825–1871), где сформировал школу критического изучения

- истории, официальный историограф Прусского королевства с 1841 г. П. Г. Виноградов посвятил ему специальный критический очерк «Ранке и его школа», опубликованный в «Русской мысли» (1888. Кн. IV).
72. *Тьер (Thiers) Адольф* (1797–1877) — французский историк, государственный деятель.
 73. *Минье (Mignet) Франсуа Огюст Мари* (1796–1884) — французский историк.
 74. Здесь и далее в ряде случаев П. Г. Виноградов цитировал рукописные материалы Т. Н. Грановского, хранившиеся в архиве. Выписки из них делал для Павла Гавриловича М. О. Гершензон, работавший в это время его секретарем. В данном случае цитировались лекции по истории Средних веков, записанные К. К. Гёрцем.
 75. Грановский Т. Н. Бартольд Георг Нибур // Современник. 1850. № 1. Отд. 2. С. 49–64; № 2. Отд. 2. С. 113–130. Эта статья, как и другие работы Т. Н. Грановского, цитировавшиеся П. Г. Виноградовым, затем неоднократно переиздавались в собраниях сочинений. П. Г. Виноградов цитировал третье дополненное издание 1892 г. «Современник» — литературный журнал (с 1859 г. литературный и политический), с 1847 г. выходил под редакцией Н. А. Некрасова и И. П. Плетнева.
 76. *Эйхгорн (Эйххорн) (Eichhorn) Карл Фридрих* (1781–1854) — немецкий юрист, историк права, один из главных представителей исторической школы права.
 77. П. Г. Виноградов цитировал лекции Т. Н. Грановского, записанные К. К. Гёрцем. Выписки из архивных материалов делались для П. Г. Виноградова работавшим у него тогда секретарем М. О. Гершензоном.
 78. Thierry A. Lettres sur l' histoire de France, pour server d' introduction à l' étude de cette histoire. Paris, 1827.
 79. Грановский Т. Н. Аббат Сугерий. Историческое исследование. М., 1849. *Сугерий (Сугерей)* (ум. 1151) — французский государственный деятель, с 1122 г. настоятель аббатства Сен-Дени, советник Людовика VI и Людовика VII.
 80. Guizot F. Histoire de la civilization en France depuis la chute de l' empire romain jusqu'à 1789. Paris, 1829–1832. V. 1–5; idem. Du gouvernement représentatif et de l' etat actuel de la France. Paris, 1816. П. Г. Виноградов перевел два тома «Истории цивилизации во Франции», опубликованных издательством К. Т. Солдатенкова.
 81. *Неверов Януарий Михайлович* (1810–1893) — русский писатель, друг Т. Н. Грановского.
 82. *Григорьев Василий Васильевич* (1816–1881) — историк-востоковед, профессор Петербургского университета с 1864 г. Редактор «Правительственного вестника» (1869–1870, 1874–1880), начальник Главного управления по делам печати (1874–1880). Написал воспоминания «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» («Русская беседа». 1856. Кн. III, IV), вызвавшие неоднозначные оценки современников.
 83. Мир разумно относится к тому, кто сам разумно относится к миру (*нем.*). А. В. Станкевич предлагал следующий перевод: «Кто смотрит на мир разумно, для того (sic! — А. А.) и он смотрит разумно». В отечественной философской литературе рассматривавшегося П. Г. Виноградовым времени бурно обсуждал-

- ся аналог этой гегелевской мысли: «Все действительное — разумно, все разумное — действительно».
84. Цит. по: Станкевич А. В. Тимофей Николаевич Грановский. С. 63–66.
 85. *Бокль (Buckle) Генри Томас* (1821–1862) — английский историк и социолог-позитивист, представитель географической школы в социологии, главный труд — «История цивилизации в Англии» (Т. 1–2, 1857–1861, рус пер. 1861).
 86. *Риттер (Ritter) Карл* (1779–1859) — немецкий географ. Профессор Берлинского университета (1820), член Прусской АН (1822), почетный член Петербургской АН (1835), один из основоположников школы сравнительной географии.
 87. *Фролов Николай Григорьевич* (1812–1955) — географ, издатель журнала «Магазин земледения и путешествий», первый том которого вышел в 1852 г.
 88. *Ефремов Александр Павлович* (1815–1876) — профессор географии Московского университета в 1844–1848 гг.
 89. Грановский Т. Н. Об Океании и ее жителях // Русский вестник. 1856. Т. 1. Кн. 2. С. 173–184.
 90. *Эдвардс (Эдвардс, Edwards) Уильям Фредерик* (1777–1842) — французский физиолог английского происхождения, доктор медицины, основатель Этнологического общества в Париже (1839). Автор «Lettre à M. Amédée Thierry sur les caractères physiologiques les races humaines considérées dans leur rapports avec l'histoire» (Paris, 1824).
 91. *Тьерри (Thierry) Амедей* (1797–1873) — французский историк, брат О. Тьерри.
 92. Грановский Т. Н. О физиологических признаках человеческих пород и их отношении к истории. Письмо В. Ф. Эдвардса к Амедею Тьерри, автору истории галлов, переведенное и дополненное Т. Н. Грановским // Магазин земледения и путешествий. М., 1852. Т. 1. С. 367–379.
 93. *Бер (Бэр, Baer) Карл Максимович (Karl Ernst)* (1792–1876) — естествоиспытатель, основатель эмбриологии, член Петербургской АН (1828). С 1819 г. профессор зоологии университета Кенигсберга, в 1834 г. переехал в Петербург, в 1841–1852 гг. профессор Медико-хирургической академии.
 94. Грановский Т. Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории // Сочинения. 3-е изд-е доп. Т. 1. С. 22–23.
 95. П. Г. Виноградов издал часть хранившихся в рукописном отделе Исторического музея материалов. См.: Задачи всеобщей истории. Отрывки из университетского курса Грановского // Сборник в пользу недостающих студентов университета св. Владимира. СПб., 1895. С. 308–322.
 96. Грановский Т. Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Московского университета 12 января 1852 года // Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета 12 января 1852 года. М., 1852. С. 1–26.
 97. Грановский Т. Н. Введение к учебнику всеобщей истории // Сочинения. Изд-е 3-е доп. М., 1892. Т. 2. С. 452–464.

98. *Шлецер* (Schletzer) *Август Людвиг* (1735–1809), немецкий историк.
99. *Чингисхан* (настоящее имя — Темучин) (ок. 1155–1227) — основатель Монгольской империи, полководец.
100. *Тамежан* (1336–1405) — среднеазиатский государственный деятель и полководец.
101. *Августин* (Augustinus) *Блаженный Аврелий* (354–430) — христианский теолог, представитель западной патристики. В своем основном труде «О граде Божием» изложил основы христианского видения истории.
102. *Лессинг* (Lessing) *Готхольд Эфраим* (1729–1781) — немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик.
103. *Гердер* (Herder) *Иоганн Готфрид* (1744–1803) — немецкий философ.
104. *Кондорсе* (Condorcet) *Жан Антуан Никола* (1743–1794) — маркиз, математик, французский философ-просветитель и политический деятель.
105. Свое отношение к теориям прогресса П. Г. Виноградов изложил позже в лекциях «О прогрессе» (1895). О его занятиях по данной проблеме упоминалось в 1890 г. в ходатайстве факультета о заграничной командировке П. Г. Виноградова во Францию и Англию. В нем говорилось, что «он собирает материалы для сочинения по литературе и методологии истории, но постоянно встречает трудности вследствие скудности нашей университетской библиотеки» (см.: РГИА, ф. 733, оп. 150, д. 610, л. 167 об.).
106. Грановский Т. Н. Волин, Иомсбург и Винета. Историческое исследование // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единовременных и единоплеменных. М., 1845. Т. 1. С. 143–184. Отдельное издание под названием: «Иомсбург и Винета» (М., 1845).
107. Грановский Т. Н. О родовом быте у древних германцев // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1855. Кн. 2. Ч. 1. С. 143–170.
108. *Вайц* (Waitz) *Георг* (1813–1886) — немецкий историк, ученик Л. Ранке, редактор «Forschungen zur deutschen Geschichte». Профессор Кильского (с 1842 г.), Геттингенского (с 1849 г.) и Берлинского (с 1875 г.) университетов. С 1875 г. возглавлял издание «Monumenta Germaniae Historica».
109. *Зибель* (Sybel) *Генрих фон* (1817–1895), немецкий историк и политический деятель, профессор Марбургского (1846–1856), Мюнхенского (1856–1860), Боннского (1861–1874) университетов. Основатель журнала «Historische Zeitschrift» (1859). Директор Прусского государственного архива в Берлине с 1875 г. Был депутатом прусского ландтага (1862–1864), в рейхстаге Северогерманского союза (с 1867 г.) примыкал к национал-либералам.
110. *Вебер* (Weber) *Георг* (1808–1888) — немецкий историк, автор «Allgemeine Weltgeschichte für die gebildeten Stände» (Leipzig, 1857–1880. Bd. 1–15). «Всеобщая история» Г. Вебера неоднократно переводилась на русский язык.
111. *Беккер* (Becker) *Карл Фридрих* (1777–1806) — немецкий историк, автор «Die Weltgeschichte für Kinder und Kinderlehrer» (Berlin, 1801–1805. Bd. 1–9). Первый

- и лучший перевод «Всемирной истории» К. Ф. Беккера на русский язык сделал Н. И. Греч.
112. *Шлоссер (Schlosser) Фридрих Кристоф* (1776–1861) — немецкий историк, профессор Гейдельбергского университета (с 1817 г.). Автор «Всемирной истории» (Т. 1–19, 1843–1857).
 113. *Лависс (Lavissee) Эрнест* (1842–1922) — французский историк, член Французской академии (1892); *Рамбо (Rimbaud) Альфред* (1842–1905) — французский историк и государственный деятель, член Академии моральных и политических наук (1897).
 114. См.: *Histoire générale du IVe siècle à nos jours. Ouvrage pub. sous la direction de mm. Ernest Lavissee... [et] Alfred Rimbaud.* Paris, 1893–1905. Т. 1–12. Перевод книги на русский язык был начат позже и печатался с 1897 г. издательством К. Т. Солдатенкова под названием «Всеобщая история с IV столетия до нашего времени». П. Г. Виноградов принимал участие в другом проекте Э. Лависа и А. Рамбо «История XIX века» (см.: Виноградов П. Г. Итоги XIX века // История XIX века (Западная Европа и внеевропейские государства). Под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. Перевод с французского с дополнительными статьями профессоров П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева. М., 1907. Т. 8. С. 248–269).
 115. *Медовиков Петр Ефимович* (1816–1855) — историк, профессор Дерптского университета. Магистерскую диссертацию защитил в 1849 г. Степень доктора политической экономии, статистики и исторических наук получил за сочинение «Историческое значение царствования Алексея Михайловича» (М., 1854).
 116. Грановский Т. Н. [Рец.] Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще. Историческое исследование П. Медовикова // Современник. 1850. № 5. Отд. 3. С. 1–13.
 117. *Шмидт (Schmidt) Вильгельм Адольф* (1812–1887) — немецкий историк. Имелась в виду рецензия Т. Н. Грановского на его книгу «Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserherrschaft und der Christenthumus» (Berlin, 1847). Рецензия была опубликована как статья вторая под общим названием «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году». См.: Соч. II. С. 239–266.
 118. *Людвиг IX Святой* (1214–1270) — король Франции с 1226 г.
 119. Четыре исторические характеристики. Публичные лекции, читанные в 1851 году. [М., 1851.] Среди исторических персонажей, которым посвящены лекции, третьим был Людвиг IX.
 120. *Александр II* (1818–1881) — император с 1855 г.
 121. *Каченовский Михаил Трофимович* (1775–1842) — историк, критик, издатель, член Петербургской АН (1841). Профессор (с 1810 г.) и ректор (с 1837 г.) Московского университета.
 122. Из воспоминаний Ю. Ф. Самарина об университете 1834–1838 г. // Русь. 1880. № 1. С. 18.

123. Погодин М. П. Лекции по Герену о политике, связи и торговле древних народов. М., 1835–1837. Ч. 1–2.
Герен (Heeren) Арнольд Герман (1760–1842) — немецкий историк, профессор философии и истории в университете Геттингена.
124. *Крюков Дмитрий Львович* (1809–1845) — филолог и историк. Профессор римской словесности и древностей Московского университета с 1835 г., участник кружка А. И. Герцена.
125. *Кавелин Константин Дмитриевич* (1818–1885) — историк, правовед, философ. В 1857–1861 гг. профессор Петербургского университета.
126. *Соловьев Сергей Михайлович* (1820–1879) — историк, профессор (с 1847 г.), декан историко-филологического факультета (1864–1870) и ректор Московского университета (1871–1877), академик Петербургской АН (1872).
127. *Леонтьев Павел Михайлович* (1822–1874) — филолог-классик, издатель, журналист. Магистр по кафедре римской словесности и древностей Московского университета, соиздатель «Московских ведомостей».
128. *Кудрявцев Петр Николаевич* (1816–1858) — историк и литератор. Профессор Московского университета, друг и приемник Т. Н. Грановского.
129. *Генрих II* (1133–1189) — король Англии с 1154 г.
130. *Бекет (Becket) Томас* (1118–1170) — английский церковный и политический деятель, сторонник сильной церковной власти, противник политики Генриха II Плантагенета, стремившегося подчинить английскую церковь светской власти.
131. *Карл Великий* (742–814) — король (с 768 г.) и император (с 800 г.) франков, основатель династии Каролингов.
132. *Альфред Великий* (849–899) — король Уэссекса с 871 г.
133. Элегантнейший (лат.).
134. *Редкин Петр Григорьевич* (1808–1891) — правовед. Профессор юридического факультета Московского университета (1835–1848) и Петербургского университета (1863–1878).
135. *Катков Михаил Никифорович* (1818–1887) — публицист, издатель журнала «Русский вестник» с 1856 г. и газеты «Московские ведомости» (185–1855, 1863–1887), один из идеологов политики контрреформ 1880-х гг. В 1845–1858 гг. преподавал в Московском университете логику, психологию и историю философии.
136. *Фишер Адам Андреевич* (1799–1861) — профессор философии и педагогики Петербургского университета, Духовной академии и Главного педагогического института.
137. *Бессонов Петр Алексеевич* (1828–1898) — студент историко-филологического отделения Московского университета, впоследствии известный литературовед, славист, с 1879 г. профессор кафедры славянских наречий Харьковского университета.
138. *Уваров Сергей Семенович* (1786–1855) — граф, русский государственный деятель, почетный член (1811) и президент (1818–1855) Петербургской АН, министр народного просвещения (1833–1849).

139. *Терновский Петр Матвеевич* (1798–1874) — протоирей, профессор богословия и церковной истории Московского университета (1827–1858).
140. Неточная цитата. У А. В. Станкевича она выглядела так: «Подчас глубоко завидую Белинскому, вовремя ушедшему отсюда» (ср.: Станкевич А. В. Тимофей Николаевич Грановский. С. 239.).
141. *Петр I Великий* (1672–1725) — русский царь с 1682 г., российский император с 1721 г.
142. *Тор (Thor)* — в скандинавской мифологии бог грома, сын Одина и Иорды, победивший великанов с помощью своего молота.
143. Кол. 3, 11.
144. П. Г. Виноградов не совсем точно (в оригинале: «Но жив Господь») цитировал стихотворение В. А. Жуковского «Деревенский сторож в полночь» (1816).

РУССКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Впервые опубликована на английском языке: Vinogradoff P. The Russian Political Thinker // The Saturday Review. 1915. August 7. P. 130–131. *Перевод А. В. Антощенко.*

145. И. С. Аксаков был создателем и руководителем в 1858–1878 гг. Московского славянского комитета.
146. *Аксаков Сергей Тимофеевич* (1791–1859) — прозаик, член-корреспондент Петербургской АН (1856). В 1805 г. был принят в только что открывшийся Казанский университет. Здесь впервые проявился его интерес к театру и литературе: он с успехом выступал в студенческих спектаклях, писал стихи. Не закончив университета, переехал в Петербург, где служил переводчиком в Комиссии по составлению законов. Но его больше увлекала художественная, театральная и литературная жизнь столицы. В 1816 г. женился на О. Заплатиной и уехал в родовое имение Ново-Аксаково. У Аксаковых было десять детей, воспитанию которых уделялось самое пристальное внимание. С 1826 г. жил в Москве и исполнял обязанности сначала цензора (1827–1832), затем инспектора Константиновского межевого училища (1833–1838) и директора Межевого института. С конца 1840-х гг. начал публиковать свои произведения.
147. В 1847 г. С. Т. Аксаковым были опубликованы «Записки об ужении рыбы», а в 1849 г. вышли в свет «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», в которых автор проявил себя проникновенным поэтом природы.
148. *Тургенев Иван Сергеевич* (1818–1883) — писатель.
149. Тургенев И. С. <О «Записках охотника» С. Т. Аксакова> // Тургенев И. С. Сочинения в 12 тт. М., 1989. Т. 4. С. 508. П. Г. Виноградов значительно упростил цитату.
150. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова увидела свет в 1856 г., а в 1858 г. — «Детские годы Багрова-внука», написанные на основе детских воспоминаний и семейных преданий.

151. См.: Aksakov S. La chronique d' une famille. 1856; *ibid.* Les années d' enfance du petit-fils Bagrov. 1856; Russische Familienchronik / von S. T. Aksakoff: aus dem Russischen bersetzt von Sergius Raczynski. Leipzig, 1858. Отметим, что в следующие два года после публикации данной статьи П. Г. Виноградова появились переводы воспоминаний С. Т. Аксакова на английский язык: Aksakov S. T. Years of Childhood. NY., London, 1916; *ibid.* A Russian Gentleman. London, 1917; *ibid.* A Russian Schoolboy. London, 1917.

ПРОРОЧЕСКИЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. A Prophetic Career // British Review. Vol. XII. No. 1. 1915. P. 3–14. *Перевод А. В. Антощенко.*

152. См.: Vinogradoff P. The Slavophile Creed // Hibbert Journal. Vol. XIII. No. 2. 1915. P. 243–260; *idem.* A Russian Political Thinker // Saturday Review. 1915. Vol. 120. No. 319. P. 130–131. В основу статьи о И. В. Киреевском была положена лекция «И. В. Киреевский и начало московского славянофильства», публикуемая в данном томе, как и перевод статьи о К. С. Аксакове.
153. *Моген (Mauguin) Франсуа* (1785–1854) — французский адвокат и политический деятель, член палаты депутатов. Летом 1840 г. он посетил Москву, где познакомился в литературном салоне Н. Ф. и К. К. Павловых с Ю. Ф. Самариным и другими славянофилами. Ю. Ф. Самарин написал ему письмо, в котором стремился кратко изложить исторические свои взгляды. Позже вместе с С. И. Пако, воспитывавшим Ю. Ф. Самарина с пятилетнего возраста до поступления в университет, Ф. Моген приезжал на один день в Измалково к его отцу — Федору Васильевич Самарину. См.: Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1911. Т. 12. С. 18 (Сн. 3) и сл.
154. См.: Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники. Рассуждение, писанное на степень магистра философских наук 1-го отделения кандидатом Московского университета Юрием Самариным. М., 1844. Опубликована была лишь третья часть работы, так как первые две не могли быть пропущены цензурой из-за критики Ю. Ф. Самариным церковных преобразований XVIII в. Диспут состоялся 4 июля 1844 г. *Феофан Прокопович* (1681–1736) — государственный и церковный деятель, архиепископ, писатель, сподвижник Петра I. *Стефан Яворский* (1658–1722) — церковный деятель, писатель, местоблюститель российского патриаршего престола (1700–1721).
155. П. Г. Виноградов сократил и несколько видоизменил фрагмент письма Ю. Ф. Самарина от 5 сентября 1875 г. Ср.: «Между ними построение русской истории по гегелевскому закону двойного отрицания занимает, по странности своей, далеко не первое место. В то самое время как Константин Аксаков выводил таким образом и оправдывал явление Петра I, один из близких его

- друзей трудился над сочинением, в котором доказывалось, что Гегель, так сказать, угадал православную церковь и а priori поставил ее, назвав религию одним из моментов (средним, но не последним) в логическом развитии абсолютного духа, стремящегося к полноте самопознания» (цит. по: Самарин Д. Предисловие // Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1880. Т. 5. С. XCII).
156. *Штейн (Stein) Генрих Фридрих Карл* фон и цум (1757–1831) — граф, немецкий политический деятель. В 1804–1807 гг. министр, а в 1807–1808 гг. глава прусского правительства, провел вопреки сопротивлению юнкерства ряд преобразований. Большое влияние на формирование его взглядов оказало знакомство с английским государственным устройством.
 157. *Гарденберг (Hardenberg) Карл Август* (1750–1822) — князь, прусский государственный деятель. В 1810–1822 гг. занимал пост государственного канцлера, продолжая реформы Г. Ф. К. Штейна.
 158. Церковь данной земли (страны) (*нем.*).
 159. Старый режим (*фр.*).
 160. *Николай I* (1796–1855) — российский император с 1825 г.
 161. Цит. по: Самарин Д. Предисловие // Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1889. Т. 7. С. XC–XCIII.
 162. Никаких стеснений свободы торговли (*фр.*).
 163. Самарин Ю. Ф. По поводу книги «L'église officielle et le messianisme par Adam Mickiewicz». 2 vol. Paris. Cours de littérature slave du collège de France // Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1877. Т. 1. С. 352.
 164. *Милютин Николай Алексеевич* (1818–1872) — государственный деятель. В 1859–1861 гг. товарищ министра внутренних дел, представитель либеральной бюрократии, фактически руководил подготовкой крестьянской реформы 1861 г. и земской реформы 1864 г. В 1864–1866 гг. статс-секретарь по делам Царства Польского, с 1865 г. член Государственного совета.
 165. *Черкасский Владимир Александрович* (1824–1878) — князь, государственный деятель, публицист. Активно принимал участие в подготовке и проведении реформы 18 февраля 1861 г., крестьянской реформы 1864 г. в Царстве Польском и реформы городского управления 1870 г.
 166. Установить источник цитаты не удалось. Она приводится в переводе с английского языка.
 167. *Мюллер (Müller) Фридрих Макс* (1823–1900) — английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии, профессор Оксфордского университета (1854–1876), куратор Библиотеки Бодлея (1856–1863, 1881–1894). С 1875 г. являлся редактором «Священной книги Востока» — серии английских переводов восточных произведений религиозного содержания.
 168. Случайные, попутные замечания (*лат.*).
 169. Письмо К. С. Аксакову. Казань. Накануне нового года (31 декабря 1843 г.) // Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1911. Т. 12. С. 46.

170. *Раден Эдита Федоровна* (1820–1885) — баронесса. Ее салон в Михайловском замке стал местом общения передовых общественных деятелей и либеральных представителей придворных кругов и высшей бюрократии.
171. П. Г. Виноградов представил сокращенный перевод на английский язык фрагмента из письма Ю. Ф. Самарина к Э. Ф. Раден, написанного по-французски. Ср.: Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессой Э. Ф. Раден. 1861–1876. М., 1893. С. 190–191.
172. Иоанн. 1, 1.

УЧЕБНОЕ ДЕЛО В НАШИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Впервые опубликовано на русском языке: ВЕ. 1901. Т. V. Кн. 10. С. 537–573.

173. *Екатерина II Великая* (1729–1796) — императрица с 1762 г.
174. *Деянов Иван Давыдович* (1818–1897) — граф, государственный деятель, почетный член Петербургской АН (1859). Попечитель Петербургского учебного округа с 1858 г., директор департамента министерства народного просвещения с 1861 г., товарищ министра с 1866 г., статс-секретарь с 1867 г., министр народного просвещения (1882–1897). Проводил политику контрреформ в области образования: усиление церковного влияния в начальной школе, ограничение приема детей из низших сословий в гимназии и высшие учебные заведения, введение процентной нормы приема евреев в учебные заведения, ограничение автономии университетов, закрытие высших женских курсов. И. Д. Деянов был назначен председателем комиссии для составления нового университетского устава в апреле 1875 г. О деятельности комиссии см.: Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 55–69.
175. См.: Материалы, собранные отделом высочайше учрежденной комиссии для пересмотра общего устава российских университетов при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 г. СПб., 1876.
176. *Тихонравов Николай Саввич* (1832–1893) — литературовед, археограф, представитель культурно-исторической школы, академик (1890). Профессор истории русской литературы (1859–1883), декан историко-филологического факультета (с 1876 г.) и ректор Московского университета (1877–1883), председатель Общества любителей Российской словесности с 1890 г.
177. *Буслаев Федор Иванович* (1818–1897) — филолог и искусствовед, палеограф, академик Петербургской АН (1860). Профессор Московского университета с 1847 г. Специалист по славянскому языку и мифологии, древнерусской литературе, фольклористике и изобразительному искусству.
178. *Срезневский Измаил Иванович* (1812–1880) — филолог-славист, этнограф, академик Петербургской АН (1851). Основоположник лингвистической географии в русском языкознании.

179. *Потебня Александр Афанасьевич* (1835–1891) — филолог-славист, член-корреспондент Петербургской АН (1875). Профессор Харьковского университета с 1875 г., глава харьковской лингвистической школы, развивал психологическое направление в российском языкознании.
180. *Каченовский Дмитрий Иванович* (1827–1872 / 73) — юрист, профессор международного права в Харьковском университете с 1849 г.
181. *Таганцев Николай Степанович* (1843–1923) — юрист, сенатор с 1887 г., почетный член Российской АН (1917). Профессор Петербургского университета (1867–1882), специалист в области уголовного права, представитель классического направления в криминологии.
182. *Сергеевич Василий Иванович* (1832–1910) — историк русского права, основоположник государственной юридической школы. Профессор Московского университета с 1871 г., профессор (с 1872 г.) и ректор Петербургского университета (1897–1900).
183. *Бутлеров Александр Михайлович* (1828–1886) — химик-органик, академик Петербургской АН (1874). Профессор Казанского и Петербургского университетов, основатель отечественной школы химиков.
184. *Менделеев Дмитрий Иванович* (1834–1907) — ученый-энциклопедист, академик Петербургской АН (1876). Профессор Петербургского университета (1865–1890).
185. *Столетов Александр Григорьевич* (1839–1896) — физик, профессор Московского университета с 1873 г., основатель физической лаборатории и глава научной школы.
186. *Боткин Сергей Петрович* (1832–1889) — терапевт, один из основоположников клиники внутренних болезней как научной дисциплины в России.
187. *Захарьин Григорий Антонович* (1829–1897 / 98) — терапевт, член Петербургской АН (1885). Профессор Московского университета с 1862 г., основатель клинической школы.
188. *Толстой Дмитрий Андреевич* (1823–1889) — граф, государственный деятель и историк. Почетный член (1866) и с 1882 г. президент Петербургской АН, в 1865–1880 гг. обер-прокурор Синода, одновременно министр народного просвещения (1866–1880), сторонник классической системы обучения и сословности народного образования. Министр внутренних дел с 1882 г., один из вдохновителей политики контрреформ.
189. Заседание комиссии, «высочайше учрежденной 21 апреля 1875 г.», состоялось 16 сентября 1876 г.
190. Проект устава был внесен для рассмотрения в Государственный совет министером народного просвещения И. Д. Деляновым 30 ноября 1882 г. (см. характеристику проекта в кн.: Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. С. 110–116). Его обсуждение проходило на заседании общего собрания Государственного совета 29 мая 1884 г.
191. «Московские ведомости» — одна из старейших российских газет, издававшаяся Московским университетом с 1756 г. и сдававшаяся в аренду различным лицам.

- В 1863–1887 гг. издавалась под редакцией М. Н. Каткова и являлась консервативным органом.
192. Русская филологическая семинария при Лейпцигском университете была учреждена по всеподданнейшему докладу Д. А. Толстого, утвержденному 14 августа 1873 г. В 1884 г. она была преобразована в институт, который готовил специалистов для кафедр историко-филологических факультетов российских университетов. В 1888 г. его существование было признано излишним, а средства (17 500 рублей в год) были переданы на содержание учрежденного в 1886 г. института римского права при Берлинском университете. По мысли министра народного просвещения, римское право должно было занять такое же место на юридических факультетах, какое занимали классические языки на историко-филологических.
193. *Валуев Петр Александрович* (1815–1890) — граф, государственный деятель. Министр внутренних дел (1861–1868), руководил проведением земской и цензурной реформ, министр государственных имуществ (1872–1879), председатель Комитета министров (1879–1881). В декабре 1874 г. под его председательством особое совещание министров обсуждало причины студенческих волнений.
194. *Головин Александр Васильевич* (1821–1886) — государственный деятель, почетный член Петербургской АН (1861). Статс-секретарь с 1859 г., управляющий (с 1861 г.), а затем министр народного просвещения (1861–1866). Под его руководством началось проведение либеральных мер реформирования среднего и высшего образования.
195. Серьезная педагогическая реформа лишь та, которая касается прежде всего экзаменов; вы ничего не сделаете, пока будете ограничиваться реформированием самого обучения (*фр.*). Возможно, речь шла о французском профессоре литературы *Биго (Bigot) Шарле Жюле* (1840–1893).
196. «Вестник Европы» — журнал историко-политический, основанный М. М. Стасюлевичем, выходил в Петербурге с 1866 г.
197. П. Г. Виноградов ошибался. Статья «старого профессора» под названием «К вопросу о наших университетах» была опубликована в декабрьской книжке «Русской мысли» за 1900 г. (с. 58–77). «Русская мысль» — ежемесячный научный, литературный и политический журнал, издавался в 1880–1918 гг. в Москве. Основан В. М. Лавровым. До 1885 г. славянофильской ориентации, позднее, когда редактором журнала стал В. А. Гольцев, превратился в одно из ведущих либеральных изданий.
198. *Кремлев Николай Александрович* (1833–1910) — правовед, профессор (с 1868 г.) и ректор (1872–1876 и 1885–1889) Казанского университета, директор Демидовского лицея (1883–1885).
199. Гревс И. М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки // ЖМНП. 1899. Ч. ССХХIV. Август (№ 8). Отд. 4. С. 27–74. *Гревс Иван Михайлович* (1860–1941) — историк, ученик В. Г. Васильевского. Профессор Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге (1892–1918), профессор Петербургского (с 1924 г.

Ленинградского) университета (1899–1941). *Васильевский Василий Григорьевич* (1838–1899) — историк-византист. С 1876 г. — член-корреспондент АН, с 1890 г. — академик. С 1870 г. преподавал курс истории Средних веков в Петербургском университете.

200. Под другим именем, но речь в басне идет о тебе (*лат.*).
201. Не многое, но много (*лат.*).
202. *Либих (Liebig) Юстус* (1803–1873) — немецкий химик, основатель научной школы, один из создателей агрохимии; *Рентген (Рёнтген) (Röntgen) Вильгем Конрад* (1845–1923) — немецкий физик, открыл излучение, названное его именем, лауреат Нобелевской премии (1901).
203. Точнее: *Solitudinem faciunt, расем appellant* — создают пустыню и называют это миром (*лат.*). П. Г. Виноградов цитировал фрагмент из книги Тацита «Агрикола» (Tacitus. *Agricola*. XXX), в котором вождь бритонцев Калгак бичевал надменность римлян: «...Они единственные, кто с одинаковой страстью жаждет помыкать и богатством и нищетой; отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовется господством; и создав пустыню, они говорят, что принесли мир» (Тацит П. К. Жизнеописание Юлия Агриколы // *Анналы. Малые произведения. История*. М., 2001. С. 445. Перевод А. С. Бобовича, ред. М. Е. Сергеенко).
204. Лучшее враг хорошего (*фр.*).
205. Здесь: платные занятия с самым ограниченным числом студентов.

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ И ЧТО ДЕЛАТЬ В РУССКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ?

Впервые опубликовано на русском языке: Освобождение. 1902. № 2. С. 21–23; № 3. С. 39–40. Подпись «абв». Авторство установлено по письмам П. Г. Виноградова П. Б. Струве, публикуемым в данном томе. Публикация сопровождалась редакторским примечанием: «Настоящая статья была написана в марте текущего года, т. е. до последней перемены декораций в Министерстве народного просвещения. Тем не менее автор и редакция считают возможным печатать статью без изменений и лишь с небольшими дополнениями, так как в университетской жизни, по крайней мере, никаких существенных новых событий за последнее время не произошло. Факты же, совершившиеся в течение „реформенной эры“ ген.-ад. Ванновского, сохраняют свое значение для оценки положения и видов на будущее».

206. *Трубецкой Евгений Николаевич* (1863–1920) — князь, философ и общественный деятель, профессор Киевского, а с 1905 г. — Московского университетов. П. Г. Виноградов имел в виду его записку о необходимых преобразованиях в университетах, приложенную к докладу комиссии Киевского университета по поводу мер, предложенных к исполнению циркуляром министра народного просвещения от 21 июля 1899 г. В мае 1899 г. С. Н. Трубецкой давал рукопись записки брата

- для прочтения коллегам (см.: Трубецкая О. Н. Князь С. Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. С. 190, 192–194).
207. См.: Свод мнений по вопросам, предложенным господином министром народного просвещения относительно желательных изменений в уставе российских университетов. СПб., 1902
208. *Ванновский Петр Семенович* (1822–1904) — военный и государственный деятель, министр народного просвещения (1901–1902). 22 декабря 1901 г. им были утверждены «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства министерства народного просвещения», которыми разрешалось «открытие студенческих кружков для научно-литературных занятий, кружков для занятий искусствами, ремеслами и разного рода физическими упражнениями, а равно студенческих столовых, касс (взаимопомощи, ссудно-сберегательных, вспомоществования, попечительств для приискания занятий для недостающих студентов, библиотек и читален» (см.: ЦГИАМ, ф. 418, оп. 232, д. 49, л. 35). «Временные правила» были опубликованы в ЖМНП (1902. Ч. СССХХХІХ. Февраль (№ 2). Отд. 1. С. 171–181).
209. *Боголепов Николай Павлович* (1846–1901) — русский юрист и государственный деятель, профессор (1876–1895) и ректор (1883–1887, 1891–1893) Московского университета, министр народного просвещения (1898–1901).
210. «Временные правила отбывания воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков» были введены 29 июля 1899 г. Они должны были предотвратить повторение массовых студенческих волнений, подобных тем, что охватили почти все университеты после избиения полицией петербургских студентов 8 февраля 1899 г. В ходе студенческих выступлений начала 1899 г. администрацией университетов широко практиковалось исключение не только их участников, но и всех студентов с закрытием университета. Впервые «Временные правила» 29 июля 1899 г. были применены к 183 студентам Киевского университета в январе 1901 г., что вызвало студенческие беспорядки в Киеве, Харькове, Петербурге, Москве.
211. В крайнем случае (*лат.*).
212. В связи со студенческими волнениями в Московском университете в начале 1901 г. попечитель Московского учебного округа П. А. Некрасов просил ректора университета А. А. Тихомирова «обратиться к профессорам и преподавателям с приглашением их стать в близкие отношения к студентам особенно в настоящее время при усиленной агитации группы лиц, стремящихся прервать беспорядками деятельность университета» (ЦГИАМ, ф. 418, оп. 70, д. 122, л. 1). 25 февраля 1901 г. профессора Московского университета обратились к студентам с воззванием о прекращении забастовки. П. Г. Виноградов не подписывал этого воззвания (см.: ЦГИАМ, ф. 418, оп. 70, д. 122, л. 34–39 об.; ф. 418, оп. 232, д. 49, л. 63).
213. П. Г. Виноградов, очевидно, имел в виду «Историю одного города», в которой сатирически изображались «четыре войны за просвещение».

214. В английском языке одно из значений слова «professor» — «исповедующий».
215. Вскоре после вступления на престол, 17 января 1895 г., Николай II принял депутацию от дворянства, земств и городов. Выступая перед ними, он назвал «бессмысленными мечтаниями» надежды земских деятелей на участие в делах внутреннего управления, произведя тяжелое впечатление на собравшихся.
216. Ограничение числа студентов из поляков 20 % было установлено после того, как следственная комиссия по делу Д. В. Каракозова, покушавшегося на императора Александра II, установила факт участия в революционной агитации многих студентов польского происхождения. В связи с развитием студенческого движения высочайше утвержденными положениями Комитета министров 5 декабря 1886 г. и 26 июня 1887 г. министру народного просвещения было дано право ограничивать число учащихся евреев в учебных заведениях. Циркуляром 10 июля 1887 г. была введена процентная норма для евреев: 10 % — в черте оседлости, 5 % — вне этой черты и 3 % — в столицах.
217. См.: Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 701.
218. Имелась в виду комиссия из четырех членов совета министра народного просвещения под председательством И. К. Ренера, назначенная для обобщения ответов университетов на предложенные в апреле 1901 г. вопросы. Результаты работы комиссии были опубликованы: Свод мнений по вопросам, предложенным господином министром народного просвещения относительно желательных изменений в уставе российских университетов. СПб., 1902; Сводная записка о материалах, поступивших в Министерство Народного Просвещения по вопросам о желательных изменениях в устройстве Императорских Российских университетов. СПб., 1902.
219. *Зенгер Григорий Эдуардович* (1853–1919) — филолог и государственный деятель, профессор Историко-филологического института в Нежине (с 1877 г.), профессор Варшавского университета (с 1887 г.), попечитель Варшавского учебного округа (с 1900 г.), министр народного просвещения (1903–1904). Высочайшим указом 17 ноября 1901 гг. Э. Зенгер был назначен товарищем министра народного просвещения, а 11 апреля 1902 г. он стал управляющим министерством.
220. Позор (*лат.*).
221. 28 февраля 1901 г. профессорским советом Московского университета была создана комиссия во главе с Д. Н. Зерновым для расследования причин студенческих волнений.
222. 28 октября 1901 г. профессорским советом Московского университета была избрана комиссия по руководству курсовыми совещаниями для обсуждения отношения студентов к статье кн. В. П. Мещерского в «Гражданине». В ее состав вошли К. А. Андреев, А. А. Бобров, П. Г. Виноградов, М. В. Духовский, Д. Н. Зернов (вышел из комиссии и был заменен кооптированным в ее состав В. К. Ротом), В. О. Ключевский, А. А. Мануйлов, И. Т. Тарасов, С. Н. Трубецкой, Н. А. Умов, А. Б. Фохт, В. К. Церасский. Председателем комиссии на заседании 29 октября

- был избран П. Г. Виноградов. См. о деятельности комиссии подробно: Антощенко А. В. История одной профессорской отставки // Казус. 2002. С. 234–272.
223. *Миллер Орест Федорович* (1833–1889) — фольклорист, литературовед, профессор Петербургского университета с 1870 г.
224. «Временными правилами» о студенческих организациях определялось: «§ 16. Начальнику учебного заведения предоставляется по собственной инициативе и по ходатайству по крайней мере половины всех старост разрешать общее собрание курсовых и факультетских старост. § 17. Определение вопросов, могущих подлежать обсуждению указанных в § 16 собраний старост, порядок их обсуждения и окончательное утверждение постановлений сих собраний предоставляется начальнику учебного заведения».
225. В разъяснении министра народного просвещения к § 8 «Временных правил» о студенческих организациях отмечалось: «Присутствующее согласно сему параграфу в собрании студентов должностное лицо не должно ограничиваться одним наблюдением того, что происходит в собрании. Лицо это имеет право давать студентам разъяснения, воздействовать на них в известном направлении, обращаться к ним с увещаниями и, наконец, как упомянуто в тексте самого параграфа, в случае неуспешности сделанных председательствующему замечаний, закрывать собрания» (см.: Право. 1902. № 6. Стлб. 288).
226. «Cetenim censeo Carthaginern esse delendam» — этой фразой заканчивал каждое свое выступление в сенате Марк Порций Катон Старший (234–149 до н. э.), непримиримый враг Карфагена.
227. *Щедрин* (лит. псевдоним, настоящая фамилия — *Салтыков*) *Михаил Евграфович* (1826–1889) — писатель-сатирик, публицист. П. Г. Виноградов цитировал наставления студента третьего курса Чудинову в «Мелочах жизни»: «Нынче у нас на первом курсе студенты чистенькие, напомаженные. И душа у них напомаженная. Ходят по улицам, шпагой поигрывают, думают: чем мы хуже пажей? И солдаты им честь отдают, — тоже лестно! Не тот уж нынче университет, что прежде» (См.: Салтыков-Щедрин М. Е. Мелочи жизни // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 10-ти т. М., 1988. Т. 9. С. 204).
228. Накануне торжественного акта в Петербургском университете 8 февраля 1899 г. в связи со слухами о готовящемся срыве его радикально настроенными учащимися ректор университета В. И. Сергеевич приказал вывесить объявление о мерах наказания студентов за участие в беспорядках. Эта мера спровоцировала волнения студентов, которые длились несколько дней. Комиссию, изучавшую причины этих волнений, возглавлял генерал-адъютант П. С. Ванновский.
229. *Бодуэн де Куртенэ (Baudouin de Courtenav) Иван Александрович* (1845–1929) — языковед, член-корреспондент Петербургской АН (1897). Профессор Казанского (1875–1883), Юрьевского (1883–1893), Краковского (1893–1899) и Петербургского (1900–1918) университетов.
230. *Борзман Иван Иванович* (1849–1914) — физик, профессор (с 1888 г.) и ректор Петербургского университета (1905–1910).

231. *Витте Сергей Юльевич* (1849–1915) — граф, государственный деятель, управляющий министерствами путей сообщения и финансов (с 1892 г.), министр финансов (1893–1903), председатель Комитета (с 1905 г. Совета) министров (1903–1906).

НОВЫЕ ВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА

Впервые опубликовано на русском языке: Освобождение. 1902. № 8. С. 116–119. Подпись: «абв».

232. 27 августа 1902 г. было разослано попечителям учебных округов циркулярное предложение за № 23120 министерства народного просвещения о «Правилах для студентов университетов», которыми предусматривалось изменение § 13, 14 и 15 «Правил», утвержденных 16 мая 1885 г. и временных правил о студенческих организациях, высочайше одобренных 22 декабря 1901 г. Эти правила, как и «Временные правила о профессорском дисциплинарном суде» и «Правила о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений», были утверждены 24 августа 1902 г. на особом совещании министров внутренних дел, финансов и путей сообщения, заведующего делами министерства земледелия и государственных имуществ и управляющего министерством народного просвещения (см.: ЖМНП. 1902. Ч. XXXXLIII. Октябрь (№ 10). Отд. 1. С. 80–83, 89–94).
233. *Георгиевский Александр Иванович* (1830–1911) — ученый и государственный деятель. В 1873–1898 гг. председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения. Записка А. И. Георгиевского «Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков» (СПб., 1890) была использована П. Б. Струве в сборнике «Материалы по университетскому вопросу» (Вып. I. Stuttgart, 1902), изданном как приложение к «Освобождению».
234. Предполагалось п. 6 «Временных правил о профессорском дисциплинарном суде».
235. Предполагалось п. 6 (подпункт 4) «Правил о взысканиях».
236. «Правилами о взысканиях» в п. 3 предусматривалось: «... лишение права участвовать в курсовых собраниях и быть избранным в курсовые старосты»; в п. 4: «...перевод на срок не сверх одного учебного полугодия из студентов в вольнослушатели с тем, что по истечении срока переведенный может, при безукоризненном поведении, быть обратно зачислен начальником заведения в студенты с правом на зачет ему удовлетворительных учебных занятий в истекшее полугодие, но без права на освобождение от платы за слушание лекций, а так же на пособие или стипендию».
237. *Фортинский Федор Яковлевич* (1846–1902) — историк, профессор (с 1877 г.) и ректор (с 1880 г.) Киевского университета.

238. Инструмент управления (*лат.*).
239. *Понтий Пилат (Pontius Pilatus)* — римский прокуратор Иудеи в 26–36 гг. Согласно новозаветной традиции, приговорил к распятию Иисуса Христа.
240. *Тихомиров Александр Андреевич* (1850–1931) — ученый-зоолог, профессор (1888–1904) и ректор (1899–1904) Московского университета.
241. *Маммона* — у некоторых древних народов божество богатства и наживы, в христианских текстах — символ стяжательства, жадности.
242. *Потапов Николай Гаврилович* — инспектор студентов Казанского университета, с 1890 г. — попечитель Казанского учебного округа. 4 декабря 1887 г. пощечину ему нанес студент К. А. Алексеев.
243. Попечителем Казанского учебного округа в это время был П. Н. Масленников.
244. *Владиславлев Михаил Иванович* (1840–1890) — философ, логик и психолог, профессор (с 1866 г.) и ректор (1887–1890) Петербургского университета.

КОМИЧЕСКАЯ ФИГУРА

Впервые опубликовано на русском языке: Освобождение. 1903. № 17 (31). С. 113–115. Подпись «абв».

245. *Плеве Вячеслав Константинович фон* (1846–1904) — русский государственный деятель. С 1902 г. министр внутренних дел и шеф отдельного корпуса жандармов. Убит эсером Е. С. Созоновым.
246. *Победоносцев Константин Петрович* (1827–1907) — государственный деятель, юрист, сенатор с 1868 г., член Государственного совета с 1872 г., обер-прокурор Синода (1880–1905).
247. *Квинт Гораций Флакк (Quintus Horatius Flaccus)* (65–8 до н. э.) — римский поэт, заложил теоретические основы классицизма.
248. П. Г. Виноградов иронизировал по поводу того, что результаты научных изысканий Г. Э. Зенгера ограничивались «поправками», «заметками», «догадками» и «разъяснениями» текстов Горация (см. библиографию: трудов Г. Э. Зенгера: Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 257), однако протекция Н. П. Боголепова обеспечила ему присуждение советом Московского университета степени доктора римской словесности без представления диссертации, «как преобретшему почетную известность своими научными трудами» (*honoris causa*).
249. П. Г. Виноградов использовал ставшие нарицательными фамилии персонажей сатирических произведений российской классики: квартальный Держиморда из гоголевского «Ревизора» и полковник Скалозуб из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».
250. В циркуляре № 16 593 от 20 июня 1902 г. «По поводу Высочайшего Рескрипта 10-го июня на имя управляющего министерством народного просвещения»

- Г.Э. Зенгер заявлял: «Я убежден также, что указание Высочайшего Рескрипта 10-го июня на необходимость разработать вопрос о лучшем материальном обеспечении лиц, призванных нести учебную и воспитательную службу, преисполнит их сердца горячею благодарностью. Заботливое попечение Государя императора о преуспевании русской школы поднимет их энергию и укрепит их веру в постепенное устранение тех разнообразных условий, которые затрудняют их деятельность. Об изложенном ваше превосходительство не преминете сообщить педагогическим советам подведомственных вам учебных заведений (см.: ЖМНП. 1902. Ч. CCCXLI. Август (№ 8). Отд. 1. С. 96).
251. Ирония П. Г. Виноградова относительно сторублевой прибавки вполне оправдана: будучи председателем училищной комиссии Московской городской думы, он разработал программу повышения жалованья учителям начальных училищ. К ежегодному окладу предлагалось добавить 160 рублей, что составляло половинную прибавку к жалованию обычных учителей и увеличение его на треть для старших учителей. Прибавки к жалованью рекомендовалось рассматривать как увеличение самого оклада, т. е. также строго следить за своевременной, не позже первого числа каждого месяца выдачей прибавки, как и основного оклада. Предусматривалось также повысить квартирное довольствие до 20 руб. в месяц (240 руб. в год). Причем П. Г. Виноградов настаивал на том, чтобы эти меры были проведены в короткий срок — в течение трех лет, что и было осуществлено с 1900 по 1902 гг. (См.: Антощенко А. В. Об общественной деятельности П. Г. Виноградова // Общество и власть. СПб., 2001. Ч. 1. С. 18–19.).
252. П. Г. Виноградов использовал для характеристики противников просвещения ставшие нарицательными образы, запечатленные в названиях произведений Д. И. Фонвизина («Недоросль») и М. Е. Салтыкова-Щедрина («Господа ташкентцы»). М. Е. Салтыков-Щедрин во введении к своему произведению указывал на генетическое родство главного героя комедии Д. И. Фонвизина Митрофана и его «ташкентцев».
253. См. об этом речь Г. Э. Зенгера при представлении ему чинов центрального управления министерства народного просвещения (ЖМНП. 1902. Ч. CCCXLI. Июнь (№ 6). Отд. 1. С. 102–105).
254. Публий Овидий Назон (*Publius Ovidius Naso*) (43 до н. э. — ок. 18 н. э.) — римский поэт.
255. П. Г. Виноградов оценивал результаты работы комиссии директоров гимназий и реальных училищ, обсуждавшей под председательством Г. Э. Зенгера с мая 1902 г. вопрос об устройстве учебной части в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах на 1902/1903 учебный год. Предложения комиссии были рассмотрены в ученом комитете и совете министра, одобрены и утверждены 20 июля (см.: Об учебной части в гимназиях и реальных училищах на 1902–1903 учебный год // ЖМНП. 1902. Ч. CCCXLIII. Сентябрь (№ 9). Отд. 1. С. 48–57; Указания относительно программ преподавания в реальных училищах и гимнази-

- ях на 1902–1903 учебный год // ЖМНП. 1902. Ч. XXXXLIII. Октябрь (№ 10). Отд. 1. С. 105–108).
256. «Прежде всего подтверждаю Мое требование, чтобы в школе с образованием юношества соединились воспитание его в духе веры, преданности Престолу и Отечеству и уважения к семье, а также забота о том, чтобы с умственным и физическим развитием молодежи приучать ее с ранних лет к порядку и дисциплине. Школа, из которой выходит юноша с одними лишь курсовыми познаниями, не сродненный религиозно-нравственным воспитанием и чувством долга, с дисциплиною и с уважением к старшим, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубные для каждого дела своеволие и самомнение» (см.: ЖМНП. 1902. Ч. XXXXLII. Июль (№ 7). Отд. 1. С. 3).
257. См.: 28 июня 1903 года № 19 744 Циркуляр гг. попечителям учебных округов о дисциплине в средних учебных заведениях // ЖМНП. 1903. Ч. XXXXLVIII. Август (№ 8). Отд. 1. С. 91–98.
258. Свидетельства об исповеди (*фр.*).
259. *Суворин Алексей Сергеевич* (1834–1912) — издатель, публицист, критик, с 1876 г. издавал в Петербурге консервативную газету «Новое время»; *Грингмут Владимир Андреевич* (1851–1907) — публицист, идейный преемник М. Н. Каткова, апологет неограниченного самодержавия, крайний националист и шовинист, с 1896 г. редактор газеты «Московские ведомости»; *Мещерский Владимир Петрович* (1839–1914) — князь, русский писатель и публицист, один из идеологов реакционной политики 1880-х гг. — начала XX века, издавал в Петербурге консервативную газету-журнал «Гражданин».

ПРОЕКТ НОВОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО УСТАВА

Впервые опубликовано на русском языке: РВ. 1908. 17 октября. № 241. С. 1.

260. *Фридрих Вильгельм I (Friedrich Wilhelm)* (1688–1740) — прусский король с 1713 г. из династии Гогенцоллернов, преемник Фридриха Вильгельма (1620–1688), «Великого курфюрста» Бранденбургского с 1640 г.
261. *Гумбольдт (Humboldt) Вильгельм* (1767–1835) — немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель. В 1809 г. основал Берлинский университет, носящий его имя.
262. В § 2 указанного повеления говорилось: «Заботы о поддержании правильного хода учебной жизни в университетах возлагаются на обязанность и ответственность совета» (см.: О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомств Министерства Народного Просвещения // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXV. 1905. Отд. 1. СПб., 1908. С. 658–659. № 26 692).

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ВОПРОС

Впервые опубликовано на русском языке: РВ. 1909. 1 января. № 1. С. 9.

263. *Шварц Александр Николаевич* (1848–1915) — филолог, государственный деятель. Профессор Московского университета (1884–1900), директор московской 5-й гимназии (с 1887 г.), попечитель Рижского (с 1900 г.), Варшавского (с 1902 г.) и Московского (с 1905 г.) учебных округов, министр народного просвещения (1908–1910).
264. *Шаняевский Альфонс Леонович* (1837–1905) — генерал-майор, золотопромышленник, меценат.
265. По условию А. Л. Шаняевского, его имущество передавалось на устройство Московского городского народного университета, если он будет открыт не позже 3 октября 1908 г. Одобренное Московской городской думой положение об университете было внесено на рассмотрение III-й Государственной думы, которое должно было состояться 25 января 1908 г. Однако вновь назначенный министр народного просвещения А. Н. Шварц отзывал его для исправления, в результате которого права университета были значительно сокращены. Из-за недостатка времени для дискуссий городская дума вынуждена была согласиться с этим (см. об этом: Московский городской народный университет имени А. Л. Шаняевского. М., 1914. С. 1–64; см. также: Одобренный Государственным советом и Государственной думой закон «Об утверждении положения о Московском городском народном университете имени Альфонса Леоновича Шаняевского» // ЖМНП. 1908. Новая серия. Ч. XVIII. Декабрь (№ 12). Отд. 1. С. 82–89). П. Г. Виноградов выступил в торжественном собрании Московской городской думы по случаю открытия университета (см.: Виноградов П. Г. О значении городского Народного университета им. А. Л. Шаняевского // РВ. 1908. 2 октября. № 228). Он также прочитал в университете лекции «Практика государственных учреждений Англии» 15 и 22 ноября 1908 г.
266. См.: Циркуляр 16 мая 1908 года № 12 179 «Об условиях приема в студенты и вольнослушатели университетов и других высших учебных заведений» // ЖМНП. 1908. Новая серия. Ч. XVII. Октябрь (№ 10). Отд. 1. С. 104–106; Циркуляр 14 июля 1908 года «О студенческом представительстве» // ЖМНП. 1908. Новая серия. Ч. XVI. Сентябрь (№ 9). Отд. 1. С. 81–82.
267. См.: Министр народного просвещения об институте старост // РВ. 1908. 17 октября. № 214.
268. В циркуляре министра народного просвещения со ссылкой на определение Правительствующего сената отмечалось, что «должностные лица, получившие свои полномочия от государственной власти и действующие в силу ее поручений, не могут, очевидно, быть врагами существующего государственного порядка, противодействовать начинаниям правительства и поддержи-

- вать враждебное к нему отношение, а потому не могут принадлежать к таким политическим партиям, цели и стремления коих направлены для противодействия правительству». Циркуляр напоминал, что нарушающие его «должны увольняться от службы или увольняться от должности... даже помимо их согласия» (см.: Циркуляр министра народного просвещения // РВ. 1908. 17 октября. № 241. С. 2).
269. «В последнее время Совет министров решил дать возможность лицам женского пола, хотя и незаконно допущенным в университеты, но добросовестно считавшими себя студентками, дослушать начатые ими университетские курсы, причем если бы технические условия проведения этого постановления в жизнь требовали каких-либо разъяснений, то за таковыми университеты должны были обращаться к министру народного просвещения» (см.: РВ. 1908. 25 сентября. № 210. С. 1).
270. Высочайшее повеление 29 октября 1908 г. «О разрешении лицам женского пола, допущенным в высшие учебные заведения в качестве посторонних слушательниц, окончания курса на одинаковых с посторонними слушателями условиях» // ЖМНП. 1908. Новая серия. Ч. XVIII. Декабрь (№ 12). Отд. 1. С. 42; ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXVIII. 1908. Отд. 1. СПб., 1911. С. 786 (№ 51 104).
271. «Правительство не лишило отдельные учебные группы права обращаться к своим профессорам по интересующим их академическим вопросам через избранных посредников-студентов, но оно не признавало допустимым объединение этих посредников в какую бы то ни было постоянную представительную организацию, так как опыт показал, что такие организации приобретают неминуемо политический характер» (см.: РВ. 1908. 25 сентября. № 210. С. 1). Ссылаясь на это разъяснение совета министров, совет Московского университета 13 декабря 1908 г. разрешил избрание из среды студентов посредников для сношения с учебной администрацией и преподавателями университета (см.: Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1908 год. М., 1909. Ч. 2. С. 60–61).
272. Указ сената об университетской автономии // РВ. 1908. 30 ноября. № 278. «Русские ведомости» пристально следили за ходом обсуждения вопроса с того времени, когда министр народного просвещения А. Н. Шварц «вошел в Правительствующий сенат с рапортом от 12 сентября 1908 г. за № 697» о разъяснении высочайшего повеления 27 августа 1905 г. (см.: Рапорт министра народного просвещения // РВ. 1908. 21 октября. № 244; Разъяснение университетской автономии // РВ. 1908. 30 октября. № 252; К вопросу о разъяснении университетской автономии // РВ. 1908. 5 ноября. № 257).
273. См. об этом: Проект Донского политехнического института // РВ. 1908. 15 октября. № 239; В совете министра народного просвещения // РВ. 1908. 14 ноября. № 265; Проект Положения о донском политехникуме // РВ. 1908. 19 ноября. № 269.

ШКОЛА И ВОСПИТАНИЕ

Публикуется впервые. Рукопись хранится в библиотеке Гарвардской школы права: HLSL. SC. MD. Vinogradoff's Papers. B. 8. F. 7.

274. Во время своих визитов в Москву в 1908–1911 гг. П. Г. Виноградов не обошел вниманием вопросов начального образования, с которым была неразрывно связана его прошлая деятельность на посту председателя училищной комиссии Московской городской думы. Проводимые им уже в конце XIX в. меры по обеспечению общедоступности образования в Москве выражали характерное для передовой общественности сознание потребности во всеобщем начальном образовании в России. Сознание такой необходимости проникало в правительственные круги, о чем неоднократно заявляли в Думе премьер-министры И. Л. Горемыкин и П. А. Столыпин (См. их выступления: Государственная дума. Стенографические отчеты. Первый созыв. Сессия I. Ч. 1. Стл. 321–323; Там же. Второй созыв. Сессия I. Ч. 1. Стлб. 109–119; 122–129; Там же. Третий созыв. Сессия I. Ч. 1. Стлб. 308–309). На это указывалось в законопроекте министерства народного просвещения, дебаты по которому во II Государственной думе были прерваны ее досрочным роспуском и продолжились в Думе третьего созыва, став одной из важных проблем в ее законодательной работе. Созданный ею комитет по народному образованию, в котором ведущую роль, как и в Думе в целом, в это время играли октябристы, включал подкомитет по начальному образованию. Обсуждение в комитете и на общих заседаниях Думы предложений министерства по постепенному переходу к всеобщему начальному образованию вскоре показало, что предлагаемые меры, прежде всего финансирование, недостаточны. В ходе дебатов раздавались голоса как в поддержку безотлагательного решения вопроса о значительном увеличении ассигнований, на чем настаивали представители более левых по сравнению с октябристами партий, так и против — со стороны правых. Одним из ведущих аргументов последних было утверждение, что быстрое развитие начального образования приведет к новому революционному взрыву (см. подробнее: Phillip Santa Maria. *The Question of Elementary Education in the Third Russian State Duma. 1907–1912.* NY., 1990).
275. В оригинале — почерком.
276. Правые в Думе выступали против передачи церковноприходских школ в ведение министерства народного просвещения, считая, что последующее за этим усиление светского элемента в них будет служить подрыву нравственности в народе. Они предлагали увеличить ассигнования из казны на эти школы, оставив их в ведении Святейшего Синода (см. подробнее: Phillip Santa Maria. *The Question of Elementary Education in the Third Russian State Duma. 1907–1912.* P. 61, 74).

РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРА II

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. The Reforming Work of the Tzar Alexander II. // Lectures on the History of the Nineteenth Century, delivered at the Cambridge University Extension Summer Meeting August 1902. Ed. by F. A. Kirkpatrick. Cambridge: University Press, 1902. P. 237–256. *Перевод А. В. Антощенко, А. В. Голубева.*

277. Жуковский императрице Александре Федоровне 20 октября 1826 года. Цитата выверена по изданию: Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб, 1903. С. 17–18.
278. *Талейран (Талейран-Перигор, Talleyrand-Périgord) Шарль Морис* (1754–1838) — французский дипломат, министр иностранных дел в 1797–1799 гг. (при Директории), в 1799–1807 гг. (при Наполеоне), в 1814–1815 гг. (при Людовике XVIII), мастер тонкой дипломатической интриги.
279. Высказывание Ш. М. Талейрана по поводу приказа консула Бонапарта казнить герцога Энгиенского.
280. Господин Все (*нем.*).
281. *Константин Николаевич* (1827–1892) — великий князь, второй сын императора Николая I. В 1857–1861 гг. участвовал в подготовке крестьянской реформы 1861 г., в 1860–1861 гг. председатель Главного комитета по крестьянскому делу.
282. *Лорис-Меликов Михаил Тариелович* (1825–1888) — граф, государственный деятель, генерал от кавалерии. В феврале 1880 г. назначен главным начальником Верховной распорядительной комиссии, фактически стал диктатором. За стремление сочетать решительную борьбу против революционного движения с либеральными мерами был прозван «бархатным диктатором». В 1880–1881 гг. министр внутренних дел, представил проект политических и экономических реформ, для обсуждения которых наметил созвать «сведущих людей», что одобрил Александр II (так называемая «конституция Лорис-Меликова»). После убийства Александра II в отставке.
283. *Муравьев Михаил Николаевич* (1796–1866) — граф, генерал от инфантерии. В 1857–1861 гг. министр государственных имуществ, противник проведения крестьянской реформы 1861 г. Генерал-губернатор Северо-Западного края (1863–1865), руководил подавлением Польского восстания (1863–1864). В 1866 г. возглавлял следственную комиссию по делу о покушении Д. В. Каракозова на Александра II.
284. *Александр III* (1845–1894) — российский император с 1881 г.
285. *Бисмарк (Bismarck) Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен* (1815–1898) — германский государственный деятель, с 1862 г. министр-президент и министр иностранных дел Пруссии, рейхсканцлер Германской империи (1871–1890).
286. *Лермонтов Михаил Юрьевич* (1814–1841) — поэт.
287. *Гончаров Иван Александрович* (1812–1891) — писатель.

288. *Петр III* (1728–1762) — российский император с 1761 г.
289. Имелся в виду Манифест 18 февраля 1762 г.
290. *Павел I* (1754–1801) — российский император с 1796 г.
291. См.: Письмо В. Г. Белинского П. В. Анненкову [1–10 декабря] 1847 // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1956. Т. XII. С. 438.
292. Речь шла о высочайшем рескрипте на имя В. И. Назимова, назначенного в 1855 г. виленским военным губернатором и гродненским, минским и ковенским генерал-губернатором. В мае 1857 г., проезжая через Брест-Литовск, император Александр II поделился с встречавшим его В. И. Назимовым своим недовольством по поводу косности великорусского дворянства в вопросе об освобождении крестьян. В. И. Назимов предложил начать это дело с северо-западных губерний и, получив одобрение, добился того, что к нему поступило от дворянских собраний ходатайство о дозволении возбудить вопрос о крестьянах. Это ходатайство он представил в Петербург. В ответ на него на имя В. И. Назимова последовал рескрипт 20 ноября 1857 г., в котором повелевалось открыть в северо-западных губерниях дворянские губернские комитеты для проектирования новых положений о крестьянах. В рескрипте указывались следующие обязательные для комитетов основания реформы: вся земля признавалась собственностью помещиков, но крестьянам должны были быть сохранены их усадьбы, которые они должны были выкупить. Помимо этого, им должны были быть отведены полевые угодья в таком размере, чтобы они обеспечивали их быт и давали возможность им отбывать свои повинности казне и помещику. За отведенные угодья крестьяне должны были отрабатывать барщину или платить оброк в определенном размере. Лично свободные, они должны были составить сельские общества, но помещикам должна была быть предоставлена вотчинная полиция.
293. В 1855 г. К. Д. Кавелин составил и распространял в списках «Записку» об освобождении крестьян с землей за выкуп в пользу помещиков при содействии государства, опубликованную А. И. Герценом в «Голосах из России» (1857) и Н. Г. Чернышевским в «Современнике» (1858), что повело к отстранению К. Д. Кавелина от чтения лекций наследнику престола по истории и правоведению.
294. *Ростовцев Яков Иванович* (1803 / 1804–1860) — государственный деятель, генерал от инфантерии (1859). В 1825 г. словесно сообщил Николаю I о заговоре декабристов, не называя имен. С 1835 г. начальник штаба военно-учебных заведений, с 1849 г. их главный начальник. Один из руководителей подготовки крестьянской реформы 1861 г. В 1857 г. член Секретного, в 1858 г. — Главного комитетов по крестьянскому делу. В 1858 стал решительным сторонником отмены крепостного права, выступал за выкуп крестьянами своих наделов, ограничение вотчинной власти помещиков. Будучи в 1859 г. председателем Редакционных комиссий боролся с консерваторами, стремившимися значительно ущемить интересы крестьян.
295. *Панин Виктор Никитич* (1801–1874) — граф, государственный деятель, почетный член Петербургской академии наук (1855). В 1841–1862 гг. министр юстиции. Уча-

- стник подготовки крестьянской реформы 1861 г., отстаивал интересы помещиков. С 1860 г. председатель редакционных комиссий.
296. *Гагарин Павел Павлович* (1789–1872) — князь, государственный деятель. С 1857 г. член Секретного (затем Главного) комитета по подготовке крестьянской реформы 1861 г. Принадлежал к так называемой консервативной партии. Участвовал в подготовке судебной реформы 1864 г.
297. См.: Января 18. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, опубликованное 15 февраля «О преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений» // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLI. Отд. 1. СПб., 1868. С. 34–37 (№ 42 899); Ноября 24. Именной, данный Сенату, опубликованный 1 декабря О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях // Там же. С. 280–283 (№ 43 888).
298. См. именные указы 19 февраля / 2 марта 1864 г.: «Об устройстве крестьян Царства Польского», «Об устройстве сельских гмин в Царстве Польском», «О ликвидационной комиссии Царства Польского» // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 1. 1864. СПб., 1867. С. 120–160 (№№ 40 609–40 611).
299. Община, приход (нем.).
300. *Зафудный Сергей Иванович* (1821–1887) — юрист, специалист по гражданскому праву и процессу. Участвовал в подготовке крестьянской 1861 г. и судебной 1864 г. реформ; *Стояновский Николай Иванович* (1820–1900) — юрист, государственный деятель. В 1862–1867 гг. товарищ министра юстиции, активно содействовал разработке и реализации крестьянской, земской и судебной реформ 1860-х гг., составил «Учреждение судебных следователей» и «Наказ» судебным следователям, положившие начало отделению судебной власти от административной.
301. См. именной указ 20 ноября 1864 г.: Об учреждении судебных установлений и о судебных уставах // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 2. 1864. СПб., 1867. С. 179–180 (№ 41 473), а также высочайше утвержденные Учреждение судебных установлений; Устав уголовного судопроизводства; Устав гражданского судопроизводства; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Там же. С. 180–418 (№ 41 475–41 478).
302. Следственный судья (фр.).
303. Кассационный суд (фр.).
304. См. законодательные акты 6 апреля 1865 г.: Именной, данный Сенату указ О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XL. Отд. 1. 1865. СПб., 1867. С. 396 (№ 41 988); Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 5 апреля 1865 г. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях // Там же. С. 397–406 (№ 41 990).

ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. The Meaning of the Present Development in Russia // Lectures on the History of the Nineteenth Century, delivered at the Cambridge University Extension Summer Meeting August 1902. Ed. by F. A. Kirkpatrick. Cambridge: University Press, 1902. P. 257–276. *Перевод А. В. Антощенко.*

305. Особое совещание для выяснения современных нужд дворянства было создано «по Высочайшему повелению» 13 апреля 1897 г.
306. См.: Именной высочайший указ, данный Сенату (Собрание узаконений 1889 г., августа 3, № 690), «О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в Империи» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. IX. 1889. СПб., 1891. С. 507–508 (№ 6195); Высочайше утвержденные: I. Положение о земских участковых начальниках; II. Правила об устройстве судебной части в областях, в которых введено означенное Положение; III. Временные правила о волостном суде в тех же местностях; и IV. Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках // Там же. С. 508–535 (№ 6196).
307. В тексте ошибочно: «provincial councils» (т. е. губернскими управами).
308. Статья 61 определяла: «В случае неисполнения законного распоряжения или требований земского начальника лицами, подведомственными крестьянскому общественному управлению, он имеет право подвергнуть виновного, без всякого формального производства, аресту на время не свыше трех дней или денежному взысканию не свыше шести рублей. В каждом случае наложение означенных взысканий должен быть составлен земским начальником особый протокол».
309. Персонал (*фр.*).
310. См. подробнее: Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция. М., 1977. С. 71–72; Pearson Th. S. Russian Officialdom in Crisis: 1861–1900. Camb., 1989. P. 55–56.
311. См.: 12 октября 1866 г. Циркуляр министра внутренних дел № 204 // Сборник правительственных распоряжений по делам, до земских учреждений относящимся. СПб., 1868. Т. 1. С. 293.
312. См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета Об изменении редакции ст. 9 и ст. 11 временных Правил для земских учреждений, касательно обложения торговли и промышленности сборами на земские повинности // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLI. 1866. СПб., 1868. С. 258–259 (№ 43 874).
313. См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, объявленное Сенату Управляющим Министерства народного просвещения 6 июня По проекту нового Положения о начальных народных училищах // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLIX. 1874. СПб., 1876. С. 834–840 (№ 53 574).
314. См. высочайше утвержденное 19 августа 1879 г. положение Комитета министров: О предоставлении губернатору прав при замещении постоянных должностей.

- стей по земским и городским учреждениям // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. LIV. Отд. 2. 1879. СПб., 1881. С. 56 (№ 59 947). В тексте ошибочно указан 1889 г.
315. *Каханов Михаил Семенович* (1833–1900) — государственный деятель, с 1875 г. управляющий делами комитета министров, с 1881 г. товарищ министра внутренних дел и председатель комиссии при МВД для составления проектов местного управления (Кахановская комиссия). С усилением реакции деятельность комиссии становилась бесплодной, и в 1885 г. она была упразднена.
316. См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета (собрание узаконений 1900 г., июля 28, № 1786) Об установлении предельности земского обложения в губерниях, в коих введено в действие Положение о губернских и уездных земских учреждениях, и об освобождении земств от некоторых расходов // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XX. 1900. Отд. 1. СПб., 1902. С. 790–792 (№ 18 862).
317. См.: Высочайше утвержденные Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельского населения // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XX. 1900. Отд. 1. СПб., 1902. С. 764–778 (№ 18 855).
318. Данный вывод противопоставлялся основному положению записки о взаимоотношениях самодержавия и земства, составленной С. Ю. Витте, который утверждал в ней: «Борьбы обществ с Правительством — той борьбы, которая определила собой всю историю Запада и выработала там конституционный принцип, т. е. властное участие общества в законодательстве и управлении — наша история совершенно не знает» (см.: Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899) с предисловием Р. Н. С. Stuttgart, 1901. С. 209).
319. Победоносцев К. П. Московский сборник. М., 1896.
320. Победоносцев К. П. Закон // Там же. С. 90–91.
321. 14 декабря 1898 г. С. Ю. Витте подготовил специальную печатную записку «Объяснения министра финансов на записку министра внутренних дел о политическом значении земских учреждений», которая больше известна под названием «Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899) с предисловием Р. Н. С.» (Stuttgart, 1901). Записку П. Г. Виноградову передал написавший к ней предисловие П. Б. Струве.
322. Витте С. Ю. Самодержавие и земство. С. 212.

КРЕСТЬЯНСКОЕ СОСЛОВИЕ В РОССИИ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. The Peasant Caste in Russia // Independent Review. 1904. Vol. IV. No. 13. P. 89–101. *Перевод А. В. Антощенко.*

323. *Ибсен (Ibsen) Генрик* (1828–1906) — норвежский драматург, автор исторических пьес и романтических драм на сюжеты скандинавских саг. Драматическая поэма «Пер Гюнт» была написана Г. Ибсеном в 1867 г., когда он находился в Италии.

324. Образ восходит к норвежскому фольклору, в котором *Вøуген* (букв.: препятствие) — огромное невидимое змееподобное существо, живущее в опасных для человека реках.
325. П. А. Валуев возглавлял комиссию для исследования положения сельского хозяйства и сельской производительности, которая работала с мая 1872 г. по апрель 1873 г.
326. Кахановская комиссия начала свою деятельность в 1881 г.
327. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С. Ю. Витте было создано 22 января 1902 г. и действовало до 30 марта 1905 г., когда его дела были переданы вновь образованному Особому совещанию по вопросам о мерах к укреплению крестьянского землевладения под председательством И. Л. Горемыкина.
328. См.: Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904. Т. 1–2. Авторами статей были: К. К. Арсеньев, В. М. Гессен, И. В. Гессен, М. И. Ипполитов, А. А. Леонтьев, П. Н. Милоков, В. А. Розенберг, И. М. Страховский, Н. В. Чехов, Г. И. Шрейдер, Н. Ф. Анненский, М. Я. Герценштейн, А. И. Каминка, А. П. Мертваго, А. В. Пешехонов, М. Н. Соболев, В. В. Хижняков, А. И. Чупров.
329. Здесь упоминается инцидент с участниками воронежского комитета — земским гласным С. В. Мартыновым и «старцем» Н. Ф. Бунаковым (см.: Воронежский комитет о нуждах с.-х. промышленности и г. Плеве // Освобождение. 1902. № 11. С. 173–175). П. Г. Виноградов в оценке деятельности комитетов больше ориентировался на публикации «Освобождения», нежели на статью П. Н. Милокова в сборнике «Нужды деревни».
330. Цит. по: Страховский И. М. Крестьянский вопрос // Нужды деревни. Т. 1. С. 101. Сн. 2.
331. Цит. по: Гессен В. М. Основы правопорядка // Там же. С. 73.
332. Цит. там же.
333. Цит. там же. С. 75.
334. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета (Собрание узаконений 1886 г., апреля 3, ст. 288) О порядке разрешения семейных разделов в сельских обществах, в которых существует общинное пользование мирскою полевою землею // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. VI. 1886. СПб., 1888. С. 116–117 (№ 3578).
335. См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета (Собрание узаконений 1893 г., августа 3, ст. 939) Об утверждении правил о пределах мирской земли // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XIII. 1893. СПб., 1897. С. 425–427 (№ 9754); Высочайше утвержденное мнение Государственного совета (Собрание узаконений 1894 г., января 28, ст. 94) О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских надельных земель // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XIII. 1893. СПб., 1897. С. 653–654 (№ 10 151).
336. «Судьи, что чурки» — это выражение из доклада Е. П. Шольца Красноярскому уездному комитету приводил в своей статье В. М. Гессен. См.: там же. С. 68.
337. Ср.: Страховский И. М. Крестьянский вопрос // Там же. С. 136.

338. В ней было записано: «В случае неисполнения законных распоряжений или требований земского начальника лицами, подведомственными крестьянскому общественному управлению, он имеет право подвергнуть виновного, без всякого формального производства, аресту на время не свыше трех дней или денежному взысканию не свыше шести рублей. В каждом случае наложения означенных взысканий должен быть составлен земским начальником особый протокол».
339. Ср.: Розенберг В. А. Земские начальники // Там же. С. 172.
340. Цит. по: Гессен И. В. Юридическая помощь населению // Там же. С. 180–181.
341. *Безбородко Александр Андреевич* (1747–1799) – государственный деятель и дипломат, канцлер и светлейший князь (1797).
342. *Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич* (1859–1927) – генерал, военный юрист, политический деятель и писатель, профессор Военно-юридической академии.
343. Цит. по: Страховский И. М. Крестьянский вопрос // Там же. С. 102–103. Статья В. Д. Кузьмина-Караваева «Правовые нужды деревни» была опубликована в еженедельнике «Право» (1903. № 15–17. Стлб. 1073–1083, 1154–1162, 1209–1216. Цитируемое место – стлб. 1214–1215).
344. Цит. по: Розенберг В. А. Земские начальники // Там же. С. 151.
345. Цит. по: Гессен В. М. Основы правопорядка // Там же. С. 44. Речь идет об учреждении земских начальников.
346. См.: там же. С. 45.

РОСТ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. Growth of Provincial Self-Government // Times. Russian Supplement. 1915. April 26. *Перевод А. В. Антощенко.*

347. *Монтескье (Montesquieu) Шарль Луи* (1689–1755) – французский просветитель, философ, правовед, писатель. В работе «Дух законов» (1748) обосновывал различия государственного устройства и общественных нравов в зависимости от природных особенностей стран, вслед за Дж. Локком отстаивал принцип разделения властей. Противник абсолютизма и сторонник конституционной монархии по английскому образцу.
348. См.: Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства // ПСЗРИ. Сорб. 1. Т. XXII. 1784–1888. СПб., 1830. С. 544–358 (№ 16 187).
349. См.: Грамота на права и выгоды городам Российской империи // ПСЗРИ. Сорб. 1. Т. XXII. 1784–1888. СПб., 1830. С. 358–384 (№ 16 188).
350. Знать, дворянство (*фр.*).
351. *Столыпин Петр Аркадьевич* (1862–1911) – государственный деятель, с 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров Российской империи.

352. См.: Именной высочайший указ, данный сенату (Собрание узаконений 1911 г., марта 14, отд. 1, ст. 419) О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую, Подольскую губернии // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXXI. 1911. Отд. 1. СПб., 1914. С. 170–175 (№ 34 903).
353. *Святополк-Мирский Петр Дмитриевич* (1857–1914) — князь, российский государственный деятель. В августе 1904 г. — январе 1905 г. министр внутренних дел, пытался привлечь либеральную оппозицию к сотрудничеству с правительством, смягчил цензуру, провел частичную амнистию, подготовил программу реформ, но был отправлен в отставку.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

Впервые опубликовано на русском языке: РВ. 1905. 5, 14 и 19 августа. №№ 210, 219, 224.

354. *Толстой Лев Николаевич* (1828–1910) — писатель.
355. П. Г. Виноградов цитировал мораль басни И. А. Крылова «Квартет».
356. *Токвиль (Toqueville) Алексис де* (1805–1859) — французский историк, социолог и политический деятель. Лидер консервативной партии порядка, министр иностранных дел (1849). В работах «О демократии в Америке» и «Старый порядок и революция» рассматривал развитие демократии как ведущую тенденцию американского и европейского развития, вскрывая ее противоречия, делал вывод о несовместимости свободы с тенденциями к социальному равенству и нивелированию индивидуальных различий. П. Г. Виноградов имел в виду книгу А. Токвиля «Старый порядок и революция», переведенную под его редакцией и изданную с его предисловием в 1896 г.
357. *Достоевский Федор Михайлович* (1821–1881) — писатель.
358. *Чехов Антон Павлович* (1860–1904) — писатель.
359. *Наполеон (Napoléon) III (Луи Наполеон Бонапарт)* (1808–1873) — президент Французской республики (1848–1852), император (1852–1870). Во время франко-прусской войны сотысячная армия во главе с Наполеоном III капитулировала под Седаном. Император был пленен и после освобождения выехал в Великобританию.
360. *Чичерин Борис Николаевич* (1828–1904) — юрист, историк, философ и публицист.
361. См.: Трубецкой Е. Н. Борис Николаевич Чичерин как поборник правды в праве // Вестник права. 1904. № 3. С. 1–16.
362. П. Г. Виноградов ссыался на так называемый конституционный конфликт в Пруссии в 1862–1866 гг. Начало ему положило предложение военного министра генерала А. Роона об увеличении военных ассигнований, которое было отвергнуто нижней палатой, распущенной после этого. Выборы новой пала-

- ты обеспечили большинство в ней прогрессистам, поставившим своей целью борьбу с реакционным правительством. В ответ на это по совету А. Роона прусский король Вильгельм I назначил на должность министра-президента О. Бисмарка. О. Бисмарк и А. Роон, опираясь на поддержку короля и верхней палаты, ежегодно утверждавшей бюджет, игнорировали протесты депутатов нижней палаты против увеличения военных расходов и нарушения их прерогативы утверждать бюджет. Они провели преобразование армии, которое стало залогом успешного объединения Германии «мечом и кровью».
363. *Мольтке (Moltke) Хельмут Карл* (1800–1891) — граф, германский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1871) и военный теоретик. В 1871–1888 гг. начальник германского генштаба, фактический главнокомандующий в войнах с Данией (1864), Австрией (1866) и Францией (1870–1871).
364. *Вильгельм (Wilhelm) II Гогенцоллерн* (1859–1941) — германский император и прусский король с 1888 по 1918 гг.
365. *Линкольн (Lincoln) Авраам* (1809–1865) — американский государственный и политический деятель. Один из основателей республиканской партии, президент США (1860–1865), руководитель северных штатов в Гражданской войне.
366. *Гамбетта (Gambetta) Леон Мишель* (1838–1882) — французский политический и государственный деятель, министр внутренних дел (1870–1871), председатель палаты депутатов (1879–1881), премьер-министр и министр иностранных дел (1881–1882).
367. *Булыгин Александр Григорьевич* (1851–1919) — государственный деятель. Гофмейстер двора его императорского величества с 26 мая 1896 г. В январе — октябре 1905 г. — министр внутренних дел. 18 февраля 1905 г. назначен председателем Особого совещания для обсуждения путей осуществления высочайшей воли о привлечении избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений, участвовал в работе так называемых «Петергофских совещаний» в июле 1905 г. Результатом работы стал высочайший манифест об учреждении Государственной думы, в котором представительное учреждение определялось как «особое законодательное установление в составе высших государственных учреждений». Оценивая манифест в наброске статьи под названием «Наш государственный строй», П. Г. Виноградов писал: «При более внимательном анализе исследование грядущих веков без труда различит в канве русских конституционных актов, особенно самого обстоятельного из них — закона 6 августа, знакомые из западноевропейской истории мотивы: это явно продукты канцелярского творчества, предназначенные к сохранению приемов и видимостей парламентаризма при отсутствии реального содержания» (HLSL. SC. VP. B. 20. F. 12. P. 20–21).
368. «Лица женского пола на участие в Избирательных Собраниях могут уполномочивать только своих отцов, мужей, сыновей, зятей, внуков, родных братьев или племянников» — формула общая для земского и для городского положений. Ср.:

Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. X. 1890. Отд. 1. СПб., 1895. С. 497; Высочайше утвержденное Городовое положение // Там же. Т. XII. 1892. Отд. 1. СПб., 1895. С. 437.

17-го ОКТЯБРЯ 1905 г.

Впервые опубликовано на русском языке: Слово. 1905. 14 и 15 ноября. № 300, 301.

369. Союз 17-го октября (октябристы) — праволиберальная политическая партия, объединявшая крупных землевладельцев и предпринимателей. Оформление Союза подтолкнуло принятие Манифеста 17-го октября 1905 г., знаменовавшего, по мнению октябристов, начало преобразование России в конституционную монархию. Союз выступил с требованием введения народного представительства, демократических свобод, гражданского равенства и др. П. Г. Виноградов был лично знаком с некоторыми лидерами складывающегося политического образования. Приехав на два месяца в Россию осенью 1905 г., он встретился с А. И. и Н. И. Гучковыми, предложившими ему стать редактором печатного органа создаваемой партии. П. Г. Виноградов не принял предложения, мотивируя свой отказ отсутствием склонности к журнализму. Однако после повторной встречи с А. И. Гучковым, а также с Д. Н. Шиповым, познакомившими его с программой Союза 17-го октября, он решил высказать свои мысли о ней в печати. Так, за день до появления в газете «Слово» программы октябристов на ее страницах появилась статья П. Г. Виноградова.

ПРЕДМЕТНЫЕ УРОКИ

Публикуется впервые. Рукопись на русском языке статьи, которую П. Г. Виноградов, по утверждению Г. Фишера, готовил к публикации в газете «Голос Москвы», хранится в библиотеке Гарвардской школы права. (Автограф. HLSL. SC. VP. B. 18. F. 7).

370. П. Г. Виноградов вновь обращался к произведению Д. И. Фонвизина «Недоросль», главным персонажем которого был недоросль Митрофанушка.
371. *Руссо (Rousseau) Жан Жак* (1712–1778) — французский писатель и философ. Представитель сентиментализма. Эстетические и педагогические взгляды отразились в романе-трактате «Эмиль, или О воспитании» (1862).
372. *Пугачев Емельян Иванович* (1740 или 1742–1775) — донской казак, предводитель казацко-крестьянского восстания 1773–1775 гг. на Урале и в Поволжье. Четвертован.

373. П. Г. Виноградов противопоставлял период якобинского террора фазе конституционного развития Французской революции. Ср.: Лекции по истории Франции XVIII в., читанные профессором П. Г. Виноградовым в 1886/87 году. Б. м., б. г. См. подробный анализ его взглядов: Алпатов М. А. П. Г. Виноградов как историк Французской буржуазной революции конца XVIII в. // Французский ежегодник. 1958. М., 1959. С. 560–574.
374. 2 декабря 1905 г. в ряде столичных газет был опубликован «Финансовый манифест», принятый Петроградским советом рабочих депутатов и поддержанный Всероссийским крестьянским союзом, российскими и польскими социал-демократами и эсерами. В манифесте содержался призыв не платить казенных платежей, брать вклады из сберегательных касс и Государственного банка, требовать выплаты зарплаты золотой монетой с целью подорвать финансовое положение правительства (см.: Высший подъем революции 1905–1907 гг. Ноябрь–декабрь 1905 г. М., 1955. Ч. 1. С. 25–26).
375. П. Г. Виноградов неточно цитирует Евангелие от Марка (ср.: Мар. 3, 24).
376. *Созонов Егор Сергеевич* (1879–1910) — участник революционного движения, член партии эсеров и ее Боевой организации (с 1903). 15 июля 1904 г. убил министра внутренних дел В. К. Плеве, был приговорен к вечной каторге и покончил с собой в Горном Зерентуе. *Каляев Иван Платонович* (1877–1905) — революционер. С 1898 г. член петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, с 1903 г. член партии эсеров и ее Боевой организации. 4 февраля 1905 г. убил бомбой московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Повешен в Шлиссельбургской крепости. *Хрусталеv Петр Алексеевич* (настоящая фамилия — *Носарь Георгий Степанович*) (1879–1919) — российский политический деятель. Летом 1905 г. член Союза освобождения, выступал за создание беспартийной либеральной рабочей организации, был арестован. В октябре 1905 г. избран председателем Петербургского совета, в ноябре арестован, в 1906 г. сослан в Сибирь. *Шмидт Петр Петрович* (1867–1906) — лейтенант флота в отставке. В 1904 г. мобилизован на флот. В 1905 г. основал в Севастополе Союз офицеров, вновь уволен в отставку в чине капитана 2-го ранга. В ноябре 1905 г. возглавил Севастопольское восстание. Расстрелян на острове Березань.
377. *Того Хэйхатио* (1847–1934) — адмирал японского флота (1913). Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. командующий 1-й эскадрой, затем главнокомандующий Соединенным флотом. Командовал флотом под Порт-Артуром в феврале 1904 — январе 1905 гг., в Цусимском сражении (май 1905 г.) и в сражении в Желтом море (август 1905 г.).
378. *Сипягин Дмитрий Сергеевич* (1853–1902) — государственный деятель, министр внутренних дел с 1900 г. Инициатор карательных мер против революционных выступлений. Убит эсером С. В. Балмашевым.

РОССИЯ НА РАСПУТЬЕ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. Russia at the Parting of the Ways // *Fortnightly Review*. 1906. Vol. LXXIX. New Series. P. 1016–1025. *Перевод* А. В. Антощенко.

379. Здесь и далее в тексте статьи даты приводятся по новому стилю, т. е. по григорианскому календарю.
380. Обломки (*фр.*).
381. *Сперанский Михаил Михайлович* (1772–1839) — граф, государственный деятель. С 1807 г. ближайший советник Александра I, автор плана либеральных преобразований, инициатор создания Государственного совета (1810) и издания «Общего учреждения министерств» (1811), регламентировавшего систему центральных государственных учреждений. Под руководством М. М. Сперанского составлено первое «Полное собрание законов Российской империи» и «Свод законов Российской империи».
382. *Шувалов Петр Аркадьевич* (1827–1889) — граф, государственный деятель, дипломат, генерал от кавалерии (1872). В 1866–1874 гг. шеф корпуса жандармов и главный начальник Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии, ближайший советник Александра II.
383. Имелся в виду закон 12 июня 1900 г., ограничивавший 3% рост расходов земств.
384. С. Ю. Витте повторил эту формулу К. П. Победоносцева в записке «Самодержавие и земство» (С. 211).
385. *Шипов Дмитрий Николаевич* (1851–1920) — видный земский деятель, в 1893–1904 гг. председатель Московской земской управы, один из организаторов партии октябристов.
386. Собрания прошли 6–9 ноября (ст. ст.).
387. Имелся в виду указ 12 (25) декабря 1904 г. См.: Именной высочайший указ, данный Сенату (Собрание узаконений 1904 г., декабря 14, отд. 1, ст. 1916) О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXIV. 1904. Отд. 1. СПб., 1907. С. 1196–1198 (№ 25 495).
388. *Наполеон I Бонапарт (Napoléon Bonaparte)* (1769–1821) — французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799–1804), император Франции (1804–1814, 1815).
389. Такой порядок был установлен Конституцией VIII года Республики, принятой 13 декабря 1799 г. в результате плебисцита, проведенного в виде сбора подписей в реестрах, которые вели мировые судьи и нотариусы.
390. Имелись в виду высочайшие манифесты «Об учреждении Государственной думы», подписанный 6 августа (ст. ст.) 1905 г., и «Об изменении учреждения Государственного совета и о пересмотре учреждения Государственной думы» (20 февраля (ст. ст.) 1906 г.). См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXV. 1905. Отд. 1. СПб.,

1908. С. 640–645 (№ 26 661); там же. Т. XXVI. 1906. Отд. 1. СПб., 1909. С. 148–160 (№ 27 423–27 425).
391. *Дурново Петр Николаевич* (1845–1915) — государственный деятель, министр внутренних дел в январе — апреле 1906 г. Один из организаторов подавления революционных выступлений 1905–1906 гг.
392. *Горемыкин Иван Логгинович* (1839–1917) — государственный деятель. Министр внутренних дел (1895–1899), член Госсовета с 1899 г., председатель Совета министров (апрель — июль 1906, 1914–1916), во время Первой мировой войны занимал враждебную по отношению к Государственной думе и Прогрессивному блоку позицию.
393. *Стишинский Александр Семенович* (1851–1922) — государственный деятель, с 1904 г. член Государственного совета, главноуправляющий землеустройством и земледелием (апрель — июль 1906).
394. *Шишинский-Шихматов Александр Александрович* (1862–1930) — князь, государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода (апрель — июль 1906), член Государственного совета с 1906 г.
395. Порядок (*фр.*).

ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ДУМЫ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. The First Month of the Duma // Independent Review. 1906. Vol. X. No. 34. P. 48–63. *Перевод А. В. Антощенко.*

396. Левеллеры (levelers, букв.: уравниатели) — партия времен Английской революции XVII в., защитники полной индивидуальной свободы. Основываясь на идеях народного суверенитета и естественного права, левеллеры в 1647 г. выступили за уничтожение монархии, палаты лордов и сословных привилегий, за превращение Англии в республику с однопалатным парламентом. Поднятые левеллерами солдатские восстания в мае и сентябре 1649 г. потерпели поражение, после чего движение пошло на спад.
- «Люди пятой монархии» — английская религиозная секта хилиастов в период революции. Проповедовала наступление после смены четырех «земных» царств «пятой монархии» — тысячелетнего царства Христа. 6 января 1661 г. ближе к полуночи 35 сектантов вышли с оружием в руках из своего молельного дома в Лондоне с криками «Король Иисус! Король Иисус! К оружию!» и терроризировали весь город в течение четырех дней. Мятеж был жестоко подавлен.
397. *Брандес (Brandes) Георг* (1842–1927) — датский литературный критик, сторонник реализма, автор ряда очерков о России.
398. Осенью 1905 г. П. Г. Виноградов был в Москве и встретился с А. И. и Н. И. Гучковыми, предложившими ему стать редактором печатного органа создавае-

- мой партии. П. Г. Виноградов не принял предложения, мотивируя свой отказ отсутствием склонности к журнализму (см.: Fisher H. A. L. A Memoir // Collected Papers of Paul Vinogradoff. Oxford, 1928. Vol. 1. P. 41–42).
399. Речь шла о Н. Н. Львове и Е. Н. Трубецком, активно участвовавших в создании партии кадетов, но вышедших из нее из-за несогласия с аграрной программой и с «нежеланием проводить точную границу налево» партийных лидеров. Н. Н. Львов стал одним из учредителей партии мирного обновления, а Е. Н. Трубецкой — редактором-издателем «Московского еженедельника», проводившего близкие мирнообновленцам идеи. Идеологию этой партии в это время поддерживал и П. Г. Виноградов, выступивший с критикой кадетов на страницах еженедельника (см.: Виноградов П. Г. Возможно ли было образование либерального министерства // Московский еженедельник. 1906. № 20. С. 11–16. Статья публикуется в данном томе).
400. Сразу же после баллотировки председателя Думы с речью об амнистии выступил И. И. Петрункевич.
401. 15 мая 1906 г. члены фракции кадетской партии подали мотивированное заявление об образовании особой думской комиссии «для сосредоточения всех поступающих в Государственную думу данных о незаконных действиях администрации». 18 мая с подобным предложением выступили трудовики, предложившие создать парламентскую комиссию «для расследования преступлений, совершенных должностными лицами со времени объявления манифеста 17-го октября». Комиссия была избрана 26 мая.
402. Хотя идея ответного адреса на тронную речь возникла еще до открытия Думы (26 апреля 1906 г. на собрании оппозиционных депутатов), комиссия по его подготовке официально работала с 30 апреля по 2 мая, а обсуждение происходило с 3 по 5 мая.
403. *Бентам (Bentham) Иеремия* (1748–1832) — английский философ, экономист, юрист, родоначальник утилитаризма.
404. См.: Манифест (Собрание узаконений 1906 г., февраля 21, отд. 1, ст. 196) Об изменении учреждения Государственного совета и о пересмотре учреждения Государственной думы // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXVI. Отд. 1. 1906. СПб., 1909. С. 148–149 (№ 27 423). Здесь и далее П. Г. Виноградов приводил даты по новому стилю.
405. См.: Основные государственные законы. Именной высочайший указ, дан Сенату (Собрание узаконений 1906 г., апреля 24, отд. 1, ст. 603) // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. Отд. 1. 1906. СПб., 1909. С. 456–461 (№ 27 805). Полномочия правительства определялись в главе 5.
406. Декларация правительства 13 (26) мая 1906 г., зачитанная И. Л. Горемыкиным, была опубликована как приложение к «Правительственному вестнику» и раздалась депутатам Думы (см. также: РВ. 1906. 14 мая. № 127).
407. Имелось в виду выступление 4 (17) мая 1906 г. См.: Заседание Государственного Совета // НВ. 1906. 5 мая (№ 10 826); Гр. Витте об амнистии // РВ. 1906. 6 мая (№ 121).

408. П. Г. Виноградов указывал на передовую статью «Московского еженедельника», издававшегося Е. Н. Трубецким, в которой отмечалось: «Мы не видим ни в декларации министерства, ни в дальнейших объяснениях министра юстиции Щегловитова признаков сознательно делаемого вызова, сознательного бросания перчатки народному представительству. Напротив, все говорит в пользу того, что дебют министерства в палате представителей разыгрался на почве полного непонимания бюрократией всего происходящего вокруг нее, на почве трогательно-наивного отношения гг. русских министров к началам конституционного строя» (см.: Москва, 18 мая // Московский еженедельник. 1906. 20 мая. № 11. С. 326).

ВОЗМОЖНО ЛИ БЫЛО ОБРАЗОВАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО МИНИСТЕРСТВА?

Впервые опубликовано на русском языке: Впервые опубликовано на русском языке: Московский еженедельник. 1906. 5 августа. № 20. С. 11–16. В конце статьи указаны место и время написания: St. Blasien, 4 августа 1906 г. (т. е. 22 июля ст. ст.)

409. *Герценштейн Михаил Яковлевич* (1859–1906) — правовед, профессор политической экономии и статистики Московского сельскохозяйственного института (с 1904 г.), кадет, член земельного комитета I Государственной думы, был убит агентом «Санкт-Петербургской каморры народной расправы» 18 июля 1906 г. в Терриоках. *Беклемишев Николай Александрович* — контр-адмирал флота — был тяжело ранен мятежными матросами, а *Родионов Александр Андреевич* — капитан 1-го ранга, командир 20-го экипажа 2-й дивизии Балтийского флота — заколот штыками во время выступления в Кронштадте, начавшегося в ночь с 19 на 20 июля 1906 г. Мичмана *Деливрона*, снявшего красный флаг с дома начальника порта на о. Скадунен, застрелил матрос-анархист. П. Г. Виноградов приводил эти случаи вместе, в то время как кадетская «Речь» начиная с 19 июля помещала обширные материалы об убийстве М. Я. Герценштейна, сообщая кратко о происходящем в Кронштадте и Свеаборге, а «Новое время» главное место в номерах 20 и 21 июля отдало подробнейшему описанию мятежа.
410. Именным высочайшим указом, подписанным 8 июля 1906 г. в Петергофе, Дума распускалась на основании ст. 105 свода «Основных государственных законов» с назначением времени созыва вновь избранной Думы на 20 февраля 1907 г., о чем сообщалось в манифесте 9 июля. В день подписания указа были «уволены от должностей»: И. Л. Горемыкин — председатель Совета министров, А. С. Стишинский — главноуправляющий землеустройством и земледелием, а через день А. А. Ширинский-Шихматов по прошению покинул должность обер-прокурора Святейшего Синода.

411. Назначенный 8 июля 1906 г. председателем Совета министров министр внутренних дел П. А. Столыпин начал переговоры с представителями «общественного мнения» о возможности их участия в формируемом кабинете. «Новое время» оптимистично писало сначала о переговорах с Г. Е. Львовым и Д. Н. Шиповым, которые, однако, настаивали на парламентском правительстве, а потом — с А. И. Гучковым, Н. Н. Львовым и П. А. Гейденом (см.: К образованию нового кабинета // НВ. 1906. 13 июля. № 10 894; Общественные деятели в составе нового кабинета // НВ. 1906. 14 июля. № 10 895). Сообщая о вхождении общественных деятелей в правительство как о решенном вопросе и о принятии их условий, корреспондент газеты писал: «Лица, пользующиеся большой популярностью в широких слоях населения, входят в состав кабинета целую группой. Им передаются портфели следующих пяти министерств: юстиции, народного просвещения, земледелия и землеустройства, торговли и промышленности и государственного контроля. Министром юстиции называют одного из выдающихся юристов, имеющего весьма крупное имя; министром народного просвещения — профессора — историка, хорошо известного не только в России, но и за границей. Остальные имена мы уже сообщали: министр торговли и промышленности А. И. Гучков, земледелия и землеустройства Н. Н. Львов, бывший саратовский депутат, и государственный контролер граф П. А. Гейден» (см.: Кабинет из общественных деятелей // НВ. 1906. 18 июля. № 10 899. С. 2). Имена неназванных кандидатур на министерские портфели дезавуировали «Русские ведомости», корреспондент которых по прозрачным намекам легко догадался, что переговоры ведутся еще с профессором П. Г. Виноградовым и А. Ф. Кони (об этом заявило и «Новое время» в рубрике «Вечерняя хроника» 19 июля). Отмечая, что ответственное решение принимал лишь А. И. Гучков, газета замечала: «В такой ли мере отдают себе отчет в последствиях своего поступка остальные из названных лиц, для нас не совсем ясно. Много нужно оптимизма, чтобы не видеть при данных условиях гораздо легче очутиться в противоречии с самим собой и всем своим прошлым, чем принести действительную пользу стране!» (см.: Последние известия // РВ. 1906. 19 июля. № 183. С. 1). Именно эта реплика, как представляется, стала причиной написания данной статьи П. Г. Виноградовым.
412. Встреча П. А. Столыпина с репортером агентства «Рейтер» 13 июля 1906 г. положила начало ряду его интервью иностранным газетам.
413. «Habeas Corpus Act» — закон о неприкосновенности личности, принятый английским парламентом в 1679 г., один из важнейших конституционных актов Великобритании, который оказал немалое влияние на правовое развитие и за ее пределами. Содержит юридические гарантии неприкосновенности личности. Закон устанавливал, что любой задержанный полицией должен быть доставлен к судье, который решал вопрос: отправить задержанного в тюрьму или отпустить под залог до рассмотрения дела судом. Термин «Habeas corpus» вошел в правовой лексикон как синоним свободы и неприкосновенности личности.

ПАРТИЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Впервые опубликовано на русском языке: Слово. 1908. 6/19 декабря. № 642.

414. Именной высочайший указ, данный Сенату (Собрание узаконений 1906 г., ноября 11, отд. 1, ст. 1859) О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXVI. 1906. Отд. 1. СПб., 1909. С. 970–974 (№ 28 528)
415. 28 ноября 1908 г. в Думе прошло голосование первой статьи законопроекта: о переходе к наследственному участковому владению тех обществ и селений, где или совсем не было, или не производилось в течение последних 24-х лет общих переделов. Голосовались отдельно первая часть (т. е. формула «где совсем не было») и вторая часть («не производилось в течение последних 24-х лет») статьи, которые были приняты при весьма запутанной процедуре. См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия вторая. Часть 1. Заседания 1–35 (с 15 октября по 20 декабря 1908 г.). СПб., 1908. Стлб. 1902–1915.
416. Имелась в виду Высочайше учрежденная 16 ноября 1901 г. комиссия по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России, которую в 1901–1903 гг. возглавлял В. Н. Коковцов. Материалы комиссии были опубликованы в 1903 г. в трех частях.
417. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности были опубликованы в Санкт-Петербурге в 1903 г. в 58 томах.
418. П. Г. Виноградов упоминал хорошо известный ему по публикациям «Освобождения» случай преследования участников воронежского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности Н. Ф. Бунакова и С. В. Мартынова. После того как выбранная на заседании уездного комитета 26 августа 1902 г. комиссия под председательством Ф. А. Щербины выработала доклад, в котором были сформулированы требования свободы слова, печати, собраний и др., и передала его на рассмотрение губернского комитета, В. К. Плеве приказал арестовать С. В. Мартынова и предписал Н. Ф. Бунакову «отправиться в 24 часа в Петербург и явиться к директору департамента полиции» (см.: Воронежский комитет о нуждах с.-х. промышленности и г. Плеве // Освобождение. 1902. 18 ноября (1 декабря). № 11. С. 173–175; К событиям // Там же. С. 175–176).
419. 87 статья Основных законов Российской империи предполагала, что «во время прекращения занятий Государственной думы» при «чрезвычайных обстоятельствах» правительство имеет право представлять законопроекты на утверждение «Государю императору непосредственно». Принятые таким образом законы, как определялось этой статьей, не могли касаться Основных государственных законов, учреждения Думы и постановления о выборах и должны

были прекращать свое действие, если соответствующее ведомство не вносило их на обсуждение Государственной думы в течение двух месяцев после возобновления ее работы.

420. *Тюдоры* — королевская династия в Англии в 1485–1603 гг.
421. П. Г. Виноградов имел в виду резкую критику проекта гражданского уложения (*Bürgerliches Gesetzbuch*), составленного в руководимой романистами комиссии, начавшей свою работу в 1874 г. Он писал об этом в разделе «Германское право» статьи «Германия», подготовленной для седьмого издания энциклопедии братьев Гранат (см.: Энциклопедический словарь Т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°. Седьмое, совершенно переработанное издание. Т. 14. Стлб. 233).

РОССИЯ. ПСИХОЛОГИЯ НАЦИИ

Впервые опубликовано на английском языке в «Таймс» 14 сентября 1914 г., затем в виде брошюры в серии «Оксфордские памфлеты» на английском языке и в переводе на языки нейтральных стран, симпатизирующих Антанте. *Перевод с английского А. В. Антощенко.*

422. *Гарнак (Харнак, Harnack) Адольф* (1851–1930) — немецкий протестантский богослов и церковный историк. С 1888 г. профессор в Берлине, президент Евангелически-социального конгресса (1903–1912), с 1910 г. президент основанного по его инициативе Общества содействия науке императора Вильгельма.
423. *Эйкен (Eucken) Рудольф* (1846–1926) — немецкий философ, последователь И. Г. Фихте, создатель концепции «метафизики духа». Профессор философии в Базеле (с 1871 г.) и Йене (с 1874 г.), лауреат Нобелевской премии по литературе (1908).
424. *Вандамм (Vandamme) Жозеф Доминик* (1771–1830) — один из генералов Наполеона I, участвовал во всех его войнах.
425. *Вильгельм (Wilhelm) I Гогенцоллерн* (1797–1888) — в 1858–1861 гг. регент при слабоумном короле Фридрихе Вильгельме IV, с 1861 г. король Пруссии и с 1871 г. германский император, дядя российского императора Александра II.
426. *Седан* — город во Франции, на реке Мёз. Около Седана 1–2 сентября 1870 г., во время франко-прусской войны 1870–1871 гг., германские войска под фактическим командованием генерала Х. Мольтке-старшего окружили и разбили французскую армию маршала П. Мак-Магона, которая капитулировала во главе с императором Наполеоном III.
427. Созданное в ходе революции Государственное собрание Венгрии приняло 14 апреля 1849 г. «Декларацию независимости», которой династия Габсбургов объявлялась низложенной. 21 апреля император Франц Иосиф обратился к Николаю I с просьбой о помощи в борьбе с революционной Венгрией. В мае русские войска под командованием И. Ф. Паскевича начали наступление против венгерской армии, руководимой А. Гёргием. 13 августа при Видагоше произош-

- ла капитуляция основных венгерских сил, а через несколько недель революция в Венгрии была подавлена.
428. П. Г. Виноградов имел в виду нейтралитет России во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. и реваншистские устремления части командования австрийской армии, потерпевшей поражение от прусских войск 3 июня 1866 г. при Садовой (Кеннигреце), что привело в соответствии с пражским миром (23 августа 1866 г.) к исключению Австрии из Германского союза и образованию Северного германского союза под главенством Пруссии.
429. *Лувен* (*Louvain*, гол. *Leuven*) — город в бельгийской провинции Брабант, на реке Диле, в 1914–1818 гг. оккупирован немецкими войсками.
430. Мат. 7, 16, 20.
431. Высокомерие, надменность (*зфеч.*).
432. *Бернгарди* (*Bernhardi*) *Фридрих* фон (1848–1930) — немецкий военный, писатель. Автор опубликованной в 1912 г. книги «Германия и будущая война», в которой утверждал, что Германия не может избежать войны, и тем самым вызвал обвинения в защите пангерманской политики.
433. П. Г. Виноградов намекал на широко известную характеристику рейхсканцлером Т. Бетманом-Гольвегом договора о гарантиях нейтралитета Бельгии, названного «клочком бумаги» во время его встречи с английским послом в Берлине Э. Гашеном 4 августа 1914 г.
434. *Карл* (*Karl*) *XII* (1682–1718) — король Швеции с 1697 г., из династии Пфальц-Цвайбрюккен, полководец. В начальный период Северной войны 1700–1712 гг. одержал ряд побед, но вторжение в Россию в 1708 г. завершилось его поражением в Полтавской битве (1709).
435. 1 (14) августа 1914 г. верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич обратился к полякам с воззванием, обещая им воссоединение под скипетром русского царя: «Под скипетром этим воссоединится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении» (см.: Год войны с 19 июля 1914 г. по 19 июля 1915 г. Высочайшие манифесты и воззвания Верховного Главнокомандующего. Пг., 1915. С. 3). Несмотря на то, что манифест не содержал в себе никаких конкретных обязательств, он вызвал положительную реакцию у союзников и в польских политических кругах, ориентированных на Россию.
436. Движение за гомруль (от англ. *Home Rule*, букв.: самоуправление, автономия) возникло в Ирландии в конце 1860-х гг. и было направлено на создание ирландского парламента и национальных органов управления при сохранении над Ирландией верховной власти Великобритании. Программа автономии Ирландии была выдвинута ирландским либералом И. Баттом в 1869 г. В 1870 г. им же была основана Ассоциация самоуправления Ирландии, преобразованная в 1873 г. в Лигу гомруля, которая вела борьбу за гомруль парламентскими средствами. Однако предложенный либералами билль о гомруле был провален в 1886 и 1893 гг. депутатами от консервативной партии или юнионистами (от официального названия партии — Национальный союз консервативных

- и юнионистских организаций, The National Union of Conservative and Unionist Associations). В 1912 г. либеральное правительство вновь внесло билль о гомруле, который в 1912–1914 гг. трижды отклонялся палатой лордов. После начала Первой мировой войны королевской санкцией биллю о гомруле была придана сила закона (17 сентября 1914 г.), однако с оговоркой, что его введение откладывается до окончания войны и будет сопровождаться дополнительным актом, изымающим из действия закона Северную Ирландию.
437. *Бурцев Владимир Львович* (1862–1942) — общественный деятель, публицист и издатель ряда антиправительственных журналов. С 1883 г. входил в народовольческие кружки, с 1888 г. в эмиграции во Франции, а с 1891 г. — Лондоне. В 1905 г. вернулся по амнистии в Россию, с 1907 г. вновь в эмиграции. В августе 1914 г. вернулся в Россию, с 1918 г. в эмиграции сначала в Швеции, затем — во Франции.
438. *Крамской Иван Николаевич* (1837–1887) — живописец, художественный критик. Один из инициаторов создания Товарищества передвижных художественных выставок.
439. *Вережагин Василий Васильевич* (1842–1904) — живописец, реформатор русского батального жанра.
440. *Репин Илья Ефимович* (1844–1930) — живописец.
441. *Глинка Михаил Иванович* (1804–1857) — композитор, основоположник русской классической композиторской школы.
442. *Мусоргский Модест Петрович* (1839–1881) — композитор, член творческого объединения композиторов «Могучая кучка».
443. *Чайковский Петр Ильич* (1840–1894) — композитор.
444. *Мечников Илья Ильич* (1845–1916) — биолог и патолог, один из основоположников сравнительной патологии, эволюционной эмбриологии, иммунологии, отечественной микробиологии, создатель научной школы, член-корреспондент (1883), почетный член (1902) Петербургской АН. Нобелевский лауреат (1908, совместно с П. Эрлихом).
445. *Павлов Иван Петрович* (1849–1936) — физиолог, академик Петербургской АН (1907), Российской АН (1917), АН СССР (1925). Создатель учения о высшей нервной деятельности, крупнейшей физиологической школы. Нобелевский лауреат (1904).
446. *Ключевский Василий Осипович* (1841–1911) — историк, академик (1900) и почетный академик (1908) Петербургской АН.
447. Цабернский инцидент 1913 г. — столкновение между немецкими военными властями и жителями эльзасского г. Цаберн (Zabern), аннексированного Германией в 1871 г. Инцидент выявил резкое недовольство населения политикой насильственного опруссачивания. Непосредственным поводом к инциденту (7 ноября 1913 г.) послужило оскорбление немецким офицером национальных чувств населения Эльзаса. В ответ на репрессии военных властей против возмущенных жителей Цаберна в Эльзасе прошли демонстрации протеста. 4 декабря 1913 г. германский рейхстаг 293 голосами против 54 голосов консерваторов вынес

- порицание рейхсканцлеру Т. Бетман-Гольвегу, взявшему под защиту действия военных властей. Цабернский инцидент и связанные с ним события отразили начавшийся в Германии глубокий политический кризис.
448. *Милютин Дмитрий Алексеевич* (1816–1912) — граф, государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Представитель либеральной бюрократии, провел военные реформы 1860–1870-х гг. *Унковский Алексей Михайлович* (1828–1893/94) — общественный деятель. Один из авторов либерального проекта отмены крепостного права, предложенного тверским дворянством.
449. *Лагерлеф (Lagerlöf) Сельма* (1858–1940) — шведская писательница, член Шведской академии (1914), лауреат Нобелевской премии (1909).
450. *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853–1900) — религиозный философ, поэт и публицист.
451. Освободительная война (нем.).

РУССКАЯ ПРОБЛЕМА

- Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. The Russian Problem // Yale Review. New Series. 1914. Vol. IV. No. 1. P. 267–282. Переиздана в: The Russian Problem. London: Constable and Co. Ltd., 1914. P. 1–28. *Перевод А. В. Антощенко.*
452. П. Г. Виноградов имел в виду «Конституционный закон, изменяющий закон 26 февраля 1861 года об имперском представительстве» от 21 декабря 1867 г. См.: Собрание конституций. Вып. II. Конституции Австрии, Австро-Венгрии, Венгрии, Англии, Соединенных Штатов. М., 1905. С. 24.
453. *Франц Иосиф I (Franz Joseph)* (1830–1916) — император Австрии и король Венгрии с 1848 г., из династии Габсбургов. В 1867 г. преобразовал австрийскую империю в двуединую монархию Австро-Венгрию, один из организаторов Тройственного союза 1882 г.
454. Имелась в виду победа Пруссии в войне с Францией, которой завершилось объединение Германии, провозглашенной империей.
455. П. Г. Виноградов упоминал поражения в австро-итало-французской войне (1859) и в австро-прусской войне (1866), приведшие к замене единой Австрийской империи дуалистической монархией Австро-Венгрией (1867).
456. Левиафан в библейской мифологии огромное морское чудовище, напоминающее гигантского крокодила. Английский философ и правовед *Томас Гоббс (Hobbes)* (1588–1679) назвал этим именем вышедшую в 1651 г. книгу, в которой обосновывал необходимость абсолютизма для предотвращения всеобщей анархии или «войны каждого против всех». Такое состояние повело бы к взаимному истреблению, но люди для сохранения общего мира отказываются от части своих прав, передавая их тому, кто обязуется мир. Эту задачу берет на себя госу-

- дарство, союз людей, в котором все обязуются подчиниться воле одного. Государственная власть монарха, согласно Т. Гоббсу, едина, бесконтрольна, стоит над законами. Все подданные — рабы, служащие государству.
457. Франкфуртский парламент — общегерманское национальное собрание, созданное в период революции 1848–1849 гг. с целью объединения страны и выработки конституции. Открылось 18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне. В результате долгих дебатов собрание завершило в марте 1849 г. выработку конституции, в соответствии с которой германские государства должны были составить монархическую федерацию, но не сумело провести ее в жизнь. Вскоре австрийское и прусское правительства отозвали своих депутатов из Франкфурта. Вслед за ними собрание покинули также либеральные депутаты других государств. Депутаты левого крыла перенесли заседания в Штутгарт. 18 июня 1849 они были разогнаны войсками вюртембергского правительства.
458. Речь шла о высочайшем манифесте 20 июля (3 августа) 1914 г., в котором в частности говорилось: «Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные. <...> В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага». См.: НВ. 1914. 21 июля (3 августа). № 13 777.
459. *Грегем (Graham) Стивен* (1884–1975) — журналист и путешественник, в начале войны находился на Алтае, в 1914–1916 гг. опубликовал ряд очерков о России в «Таймс».
460. *Гамильтон (Hamilton) сэр Айян* (1853–1947) — английский генерал, участник ряда военных компаний. С 1910 г. главнокомандующий средиземноморскими экспедиционными силами Великобритании.
461. *Коковцов Владимир Николаевич* (1853–1943) — государственный деятель, министр финансов в 1904–1905 и 1906–1914 гг., председатель Совета министров в 1911–1914 гг.
462. Знать, дворянство (*фр.*).
463. Король царствует, но не управляет (*фр.*).
464. Государство это — я (*фр.*). Выражение короля Людовика XIV.
465. П. Г. Виноградов использовал сравнение войны против Германии с крестовыми походами, впервые прозвучавшее в речи Д. Ллойд Джорджа 19 сентября 1914 г. в Королевском зале (Queen Hall).

АНГЛИЯ И РОССИЯ

Впервые опубликовано на русском языке: БВ. 1915. 15/28 января. № 14 612.

466. *Рождественский (Рождественский) Зиновий Петрович* (1848–1909) — вице-адмирал русского флота (1904), командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой, совершив-

шей переход из Балтики на Дальний Восток и потерпевшей поражение в Цусимском сражении (1905).

В ночь 8–9 (21–22) октября 1904 г. российские корабли 2-й Тихоокеанской эскадры неподалеку от Доггер-банка (обширной отмели в центральной части Северного моря) в результате ложной тревоги открыли огонь по британским сейнерам. Несколько британских судов было повреждено, убито двое и ранено 6 рыбаков. Этот инцидент был назван «гульским» по месту приписки кораблей (порт Гуль — Hull). Он чуть было не послужил поводом для войны с Великобританией, угрожавшей разрывом дипломатических отношений и требовавшей наказания виновных морских командиров. Пока русская эскадра не прошла Бискайский залив, ее сопровождали британские крейсера.

467. *Дизраэли (Disraeli) Бенджамин* лорд *Биконсфилд (Beaconsfield)* (1804–1881) — английский государственный деятель и писатель. Премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 гг., проводил политику колониальной экспансии.
468. *Андраши (Andrassy) Юлий* (1823–1890) — австрийский государственный деятель, министр иностранных дел Австро-Венгрии (1871–1879), сторонник прогерманской политики.
469. Третий радующийся (*лат.*).
470. Берлинский конгресс проходил с 13 июня по 13 июля 1878 г. На нем были рассмотрены условия Сан-Стефанского мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Инициаторами конгресса явились Австро-Венгрия и Англия, выступившие против усиления позиций России на Балканах, против национального освобождения славянских народов Балканского полуострова, особенно против образования там крупного славянского государства — Болгарии. Россия под угрозой войны с Англией и Австро-Венгрией, ослабленная только что завершившейся войной с Турцией и не поддержанная Германией, была вынуждена согласиться на созыв конгресса. По его итогам был подписан Берлинский трактат, изменивший условия Сан-Стефанского договора в ущерб России и славянским народам Балканского полуострова. Берлинский трактат сохранял силу до Балканских войн 1912–1913 гг., но часть его постановлений осталась невыполненной или была позднее изменена.
471. В 1902 г. во время учений российских броненосцев Вильгельм II приказал передать на яхту «Штандарт», на которой находился Николай II, телеграмму: «Адмирал Атлантического океана шлет привет адмиралу Тихого океана».
472. *Уильямс (Williams) Уильям Фенуик* баронет (1800–1883) — английский военный, генерал (с 1868 г.). В июне — ноябре 1855 г. руководил обороной Карса. После многомесячной осады из-за голода и начавшейся эпидемии холеры вынужден был сдаться русским войскам под командованием Н. Н. Муравьева. Однако условия капитуляции были почетными, а пребывание в плену в Рязани — кратковременным. В марте 1856 г., после аудиенции с царем, У. Ф. Уильямс возвратился на родину, где был встречен как национальный герой: награжден медалью и пожалован титулом баронет «Карский».

473. *Солсбери (Salisbury) Артур Роберт*, маркиз (1830–1903) — британский государственный деятель и дипломат, министр по делам Индии (1866–1867 и 1874–1878), министр иностранных дел Великобритании (1878–1880 и 1895–1900), премьер-министр (1885–1886, 1886–1892 и 1895–1902), приверженец политики «блестящей изоляции».
474. *Дефферин (Dufferin) Фредерик Темпл*, маркиз, лорд Ава и Дефферина (1826–1902) — английский политический деятель, генерал губернатор Канады и вице-король Индии (с 1884 г.), британский посол в Италии (1889–1891) и во Франции (1892–1896).
475. *Эдуард (Edward) VII* (1841–1910) — английский король с 1901 г., из Саксен-Кобург-Готской династии. Содействовал созданию Антанты.
476. *Элиот (Eliot) Чарльз Уильям* (1834–1926) — президент Гарвардского университета с 1869 по 1909 гг.
477. П. Г. Виноградов использовал характеристику значения Бельгии для Англии, данную Наполеоном: «Бельгия — пистолет, приставленный к виску Англии».
478. Слух о русских новобранцах, с «нерастаявшим на ботинках снегом» пересекших Британию для укрепления западного фронта, не опровергался официально до 16 сентября. В основе его, как позже выяснял А. Понсонби, лежала не то неверно понятая телеграмма о присылке партии яиц из России, названных «русские», не то неясный ответ бородатого солдата из окна вагона, что он и его товарищи прибыли из Ross-shir' а (см.: Ponsonby A. Falsehood in War Time. NY., 1928. Ch. V.).
479. Да не будет дурным знаком (*лат.*).
480. *Людовик (Louis) XIV* (1638–1715) — французский король из династии Бурбонов.

АНГЛИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ВОЙНА

Впервые опубликовано на русском языке: БВ. 1915. 27 февраля/12 марта. № 14 696.

481. *Трейчке (Treitschke) Генрих фон* (1834–1896) — немецкий историк и публицист, сторонник объединения Германии под гегемонией Пруссии. Официальный историограф прусского государства с 1886 г., редактор журнала «Preussische Jahrbücher» (1866–1889), депутат рейхстага (1871–1884).
482. *Филипп (Felipe) II Габсбург* (1527–1598) — испанский король с 1556 г., вел войны с Англией и Францией.
483. *Грей (Gray) Эдуард* баронет и виконт Фаллодона (1862–1933) — английский государственный деятель. Член парламента от либеральной партии с 1885 г. Министр иностранных дел Великобритании (1905–1916). Сторонник активной внешней политики и колониальной экспансии. В 1907 г. заключил соглашение с Россией, способствовавшее оформлению Антанты.
484. «Manchester Guardian» издавалась с 1821 г., с 1855 г. — ежедневно. Популярность газете принес Ч. П. Скотт, ставший ее редактором в 1872 г. и выкупивший газе-

- ту у наследника основателя (Дж. Э. Тейлор). «The Daily News» основана в 1846 г. Наибольшей популярностью газета пользовалась с 1870-х гг. до начала XX в., после того, как У. Ю. Гладстон сделал ее органом либеральной партии. «The Westminster Gazette» выходила в Лондоне с 1893 г.
485. 30 июля 1914 г. «Manchester Guardian» писала, что победа Германии в войне при нейтралитете Великобритании означала бы победу европейской цивилизации, а на следующий день газета опубликовала на первой странице подборку писем читателей против вступления в войну. В этот же день «Daily News» заявила: «Во всяком случае, совершенно ясно, что то, что нас просят сделать, — это нанести удар по западной культуре, чтобы поддержать бесконечно более низкую культуру Восточной Европы». 1 августа «Times» и «Manchester Guardian» поместили протесты ученых против войны с Германией. См. подробнее: Harnak H. Great Britain and Austria-Hungary During the First World War. A Study of the Formation of Public Opinion. London, Oxford, 1962. P. 36–38.
486. Заявление группы кембриджских профессоров в пользу нейтралитета было опубликовано 3 августа 1914 г. См. об этом: Marwick A. The Deluge: British Society and the First World War. London, 1965. P. 31.
487. *Гошен* (*Goschen*) сэр *Вильям Эдуард* (1847–1924) — английский дипломат и государственный деятель, посол в Берлине накануне Первой мировой войны.
488. *Бунзен* (*Бунсен, de Bunsen*) сэр *Морис Уильям Эрнест де* (1852–1932) — английский дипломат, посол в Вене в 1913–1914 гг.
489. Далее в тексте ошибочно напечатано: «Whymeareatnear». Очевидно, в оригинале речь шла о сборнике «Why we are at war; Great Britain's case, by members of the Oxford faculty of modern history. With an appendix of original documents, including the authorized English translation of the White book issued by the German government», составленном преподавателями новой истории Оксфордского университета и напечатанном университетским издательством Clarendon Press. Сборник включал в себя документы, в том числе «Белую книгу», изданную германским правительством с целью объяснить основания для начала войны Германией.
490. *Мьюр* (*Muir*) *Джон Рамзе* (*Рамсей*) *Брюс* (1872–1941) — английский историк и политический деятель, профессор современной истории университетов Ливерпуля (1906–1913) и Манчестера (1914–1921). См.: Britain's cause against Germany; an examination of the historical background of the German action in 1914, by Ramsay Muir. Manchester, 1914.
491. *Бетман-Гольвег* (*Bethmann Hollweg*) *Теобальд* (1856–1921) — германский государственный деятель, имперский министр внутренних дел и заместитель рейхсканцлера (1907–1909), рейхсканцлер (1909–1917), сыграл активную роль в подготовке Первой мировой войны.
492. *Крюгер* (*Kruger*) *Стефанес Йоханнес Паулус* (1825–1904) — президент бурской республики Трансвааль в 1883–1902 гг. Во время англо-бурской войны (1899–1902), после падения Претории в 1900 г., отправился в Европу, где искал поддержки бурам у правительств европейских государств.

493. *Джемсон (Джеймсон, Jameson) Линдер Стафф* (1853–1917) — английский колонизатор в Южной Африке. Вместе с С. Родсом руководил «Британской южно-африканской компанией». В декабре 1895 г. по инициативе С. Родса и с ведома английского правительства отряд во главе с Л. С. Джемсоном вторгся в Трансвааль, но был разбит бурами.
494. *Бейли (Baillie) Чарльз Уоллес Александр Напир Росс Кохрейн барон Ламингтон* (1860–1940) — британский политический деятель, консерватор, член парламента (1886–1890), губернатор Квинсленда (1895–1901) и Бомбея (1903–1907).
495. *Керзон (Curzon) Джордж Натаниел* (1859–1925) — государственный деятель Великобритании, дипломат, консерватор.
496. *Ага-Хан III (Ага Султан сэр Мухаммед-шах)* (1877–1957) — мусульманский политический деятель, 48-й имам исмаилитов с 1885 г. В 1902–1904 гг. член Совета при вице-короле Индии, в 1906–1913 гг. председатель Мусульманской лиги. Выступал за модернизацию ислама. Английское образование, а позже общение с крупными политиками Великобритании, включая королеву Викторию, усилили традиционный пробританский настрой его семьи. Выдвинул ряд идей, предвосхищавших принципы британского Содружества наций.
497. *Али (Ali) Сейд Амир* (1849–1928) — правовед, историк, мусульманский мыслитель. Степени магистра истории (1867) и бакалавра права (1868) получил в Калькуттском университете. В 1867–1873 гг. жил в Лондоне и практиковал как юрист и участвовал в политических и социальных движениях. По возвращению в Индию организовал Национальную ассоциацию магометан, стал судьей Высокого суда Калькутты (1890–1904), преподавал право в Калькуттском университете. Во время второй поездки в Лондон создал Лондонское отделение Мусульманской лиги, которое возглавлял с 1908 по 1913 гг. Во время войны оказывал поддержку правительству, хотя и продолжал поддерживать мусульманскую идею, создав организацию Британский красный полумесяц.
498. Речь шла о *Дэвиде Эркарте младшем*, сыне *Дэвида Эркарта* (1805–1877), известного английского дипломата, бывшего в ноябре 1831 г. атташе в Турции при сэре Стратфорде Каннинге для решения вопроса о Греко-турецкой границе.
499. *Браун (Browne) Эдуард Гренвилл* (1862–1926) — английский востоковед. Путешествовал по Ирану (1887–1888). Преподавал персидский и арабский языки в Кембридже (1888–1925). Изучал медицину, литературу и культуру народов Ближнего Востока.
500. *Ллойд Джордж (Lloyd George) Дэвид* (1863–1945) — английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1916–1922).
501. *Стратфорд Каннинг (Stratford Canning) виконт Стратфорд де Редклифф (Stratford de Redcliffe)* (1786–1880) — английский дипломат, поверенный в делах и посол в Турции (1810–1812, 1825–1827, 1841–1858), посланник в Швейцарии (1814–1818) и в США (1819–1823). В 1832 г. назначен послом в Россию, но не был принят правительством Николая I. Содействовал развязыванию Крымской войны, спровоцировав главу русской миссии в Турции А. С. Меншикова на предъявление Турции ультиматума, повлекшего за собой разрыв русско-турецких отношений. Будучи

- в отставке с 1858 г., опубликовал ряд статей по восточному вопросу, выдержанных во враждебном по отношению к России духе
502. *Чиrolь (Chirrol) Уолентайн* (1852–1929) — английский журналист, писатель, путешественник, с 1896 г. иностранный корреспондент «Таймс». Выступал в поддержку создания Антанты и за сближение с Россией.
503. *Асквит (Asquith) Герберт Генри* лорд Оксфорд и Асквит (1852–1928) — английский государственный деятель, один из лидеров Либеральной партии. С 1892 г. неоднократно входил в правительство. В 1908–1916 гг. был премьер-министром. Идея защиты малых национальностей была определена им в качестве одной из главных целей вступления в войну Великобритании 4 августа 1914 г. во время выступления в Лондоне (Asquith H. H. The Justice of our Cause // Asquith H. H. Four Speeches. 1914. P. 5). Подробнее см.: Rothwell V. H. British War Aims and Peace Diplomacy, 1914–1918. Oxford, 1971. P. 18–19.
504. *Фишер (Fisher) Герберт Альберт Лоуренс* (1865–1940) — английский историк, государственный деятель. Заместитель ректора Шеффилдского университета (1912–1916), член парламента (1916–1926).
505. *Бюлов (Bülow) Бернхард фон* (1849–1929) — германский государственный деятель, рейхсканцлер и министр-президент Пруссии (1900–1909), добивался увеличения военной мощи Германии с целью ее усиления перед войной за новый передел мира.
506. *Остин (Austin) Джон* (1790–1859) — английский юрист, профессор юриспруденции Лондонского университета (с 1826 г.), автор труда «Определение принципа юриспруденции» (1832).
507. *Голланд (Holland) Томас Эрскин* (1868–1947) — английский юрист, профессор международного права и дипломатии в Оксфордском университете (1874–1910), принадлежал к школе английской аналитической юриспруденции, основанной Дж. Остином.
508. *Платон (Πλάτων)* (428 или 427 г. до н. э. — 348 или 347 г.) — древнегреческий философ.
509. Софист Фразимах (Фрасимах) из Халкидона и сын Аристона Главкон, прототипом которого был родной брат Платона, являются персонажами платоновского диалога «Государство» («Республика»).
510. Союз демократического контроля был создан на следующий день после вступления Англии в войну — 5 августа 1914 г. Его основали Дж. Р. Макдональд, Ч. Ф. Тревелльян, Н. Энджел, Э. Д. Морел, А. Понсонби. Вскоре был распространен частный циркуляр с призывом отказаться «от старых традиций секретной и классовой дипломатии», взять под парламентский контроль дипломатию и начать переговоры о мире с европейскими демократиями. 10 сентября газета «Morning Post» опубликовала письмо членов Союза, в котором выдвигались следующие условия справедливого мира: 1) ни одна область не может перейти от одного государства к другому без одобрения плебисцита; 2) ни один договор, соглашение или протокол британского правительства не может вступить в силу без санкции парламента; 3) необходимо создать международный совет для защиты междуна-

родных соглашений и гарантии обязательств; 4) необходимо провести национализацию военных предприятий и разоружение, наладить взаимный контроль за этим. См. о Союзе подробнее: Swartz M. The Union of Democratic Control in British Politics during the First World War. Oxford, 1971.

511. *Макдональд (Macdonald) Джеймс Рамзе (Рамсей)* (1866–1937) — английский политический и государственный деятель, один из лидеров Лейбористской партии. Председатель Независимой рабочей партии (1906–1909), секретарь Лейбористской партии (1900–1912, до 1906 г. — Комитет рабочего представительства) и ее казначей (1912–1924). Член парламента от Лейбористской партии с 1906 г. и руководитель ее фракции с 1911 г. Во время Первой мировой войны занимал пацифистские позиции.
512. *Тревелиан (Тревелиян, Trevelyan) Чарльз Филипп* (1870–1958) — английский политический деятель. Член парламента от Либеральной партии с 1899 г. Критиковал внешнюю политику британского правительства, направленную на сближение с Францией и Россией.
513. *Энджел (Энджел, Angell) Норманн* (1874–1967) — английский публицист и общественный деятель. После Марокканского кризиса 1905 г. активно поддерживал идеи пацифизма. 28 июля 1914 г. создал Лигу за нейтралитет Великобритании, ставшую предшественницей Союза демократического контроля.
514. *Брайс (Bryce) Джеймс* виконт (1838–1922) — английский юрист, историк и государственный деятель.
515. Лекция «Этническое чувство как фактор в истории» была прочитана Дж. Брайсом в Королевском колледже Лондонского университета. См.: The Bond of Race. Lord Bryce on Rival Claims. The National Movement in Germany // Times. 1915. February 23. P. 7.
516. *Шоу (Shaw) Джордж Бернард* (1856–1950) — английский писатель, один из учредителей социал-реформистского «Фабианского общества» (1884). См.: Shaw B. Common Sense About the War. London, 1914.
517. *Горький Максим* (настоящие фамилия и имя — *Пешков Алексей Максимович*) (1868–1936) — писатель, публицист. П. Г. Виноградов имел в виду его произведение «Городок Окуров». Во время Первой мировой войны П. Г. Виноградов и М. Горький были членами комиссии по проверке деятельности российской администрации в прифронтовой полосе.

ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. The Causes of the War // Scientia. Bologna, 1915. Vol. XVII. P. 426–436. *Перевод А. В. Антощенко.*

518. *Тиса (Tisza) Иштван* (1861–1918) — граф, венгерский государственный и политический деятель. С 1886 г. депутат венгерского Государственного собрания,

- в 1903–1905 и 1913–1917 гг. возглавлял правительство, проводил милитаристскую политику.
519. Частичная мобилизация российской армии была проведена 16/29 июля 1914 г. по Высочайшему указу Правительствующему Сенату.
520. Суждение мира верно (*лат.*). П. Г. Виноградов цитировал Аврелия Августина, полемизировавшего с донатистами (*Contra Epist. Parmen.* III. 24. Ср.: Потому суждение мира верно относительно того, что не хороши те, кто отделяет себя от мира в какой-либо части земли). Под «*orbis terrarum*» Августин понимал католическую церковь, с нападка на которую выступили донатисты (благодарю за уточнение перевода Дм. Гальцина). В англоязычной литературе фраза Августина стала широко известна благодаря Дж. Г. Ньюмену. Тем самым П. Г. Виноградов вновь обращался к хорошо знакомой западному читателю терминологии, позволяющей представить войну с Германией как борьбу за истинное христианство (ср. уподобление войны против Германии крестовому походу с статье «Русская проблема»).
521. *Шварценберг (Schwarzenberg) Феликс* князь (1800–1852) — австрийский государственный деятель. Министр-президент и министр иностранных дел Австрии (с 1848 г.), сторонник прогерманской внешней политики.
522. *Эренталь (Aehrenthal) Алоиз* фон (1854–1912) — австро-венгерский политический деятель и дипломат, министр иностранных дел (1906–1912), проводил активную экспансию на Балканах.
523. Мировая политика (*нем.*).
524. *Франц Фердинанд (Franz Ferdinand)* (1863–1914) — австрийский эрцгерцог, племянник Франца Иосифа I, наследник престола. С 1898 г. заместитель главнокомандующего, один из инициаторов аннексии Боснии и Герцеговины (1908). Убит в Сараево участником конспиративной группы Г. Принципом.
525. Движение на восток (*нем.*).
526. Венский конгресс — международный конгресс, завершивший войны коалиций европейских держав с наполеоновской Францией. Происходил в Вене в сентябре 1814 г. — июне 1815 г. В нем участвовали представители всех европейских государств (кроме Турции). Ведущую роль на конгрессе играли Россия (Александр I, К. В. Нессельроде, А. К. Разумовский), Великобритания (Р. С. Каслри, позднее А. У. Веллингтон) и Австрия (Франц I, К. Меттерних). Прусскую делегацию возглавляли К. А. Гарденберг, В. Гумбольдт, делегацию Франции — Ш. М. Талейран. Резкие расхождения между союзниками выявились по многим проблемам переустройства Европы и прежде всего по польско-саксонскому вопросу. Царское правительство ставило своей целью присоединить к России почти все польские земли; оно рассчитывало компенсировать потерю Пруссией части Польши передачей ей Саксонии. Этот план встретил противодействие Великобритании, опасавшейся дальнейшего роста могущества России, а также Австрии, стремившейся помешать укреплению позиций как России, так и своей соперницы Пруссии. Расколом между союзниками воспользовался Ш. М. Талейран, про-

возгласивший себя защитником принципов легитимизма и прав малых стран. Ему удалось добиться допуска Франции на закрытые совещания России, Великобритании, Австрии и Пруссии, определявшие всю деятельность Венского конгресса. 3 января 1815 г. Великобритания, Австрия и Франция подписали тайный договор, направленный прежде всего против России, а также против Пруссии. Россия и Пруссия вынуждены были пойти на уступки в польско-саксонском вопросе. Общая опасность, возникшая после бегства Наполеона с острова Эльба и его высадки 1 марта 1815 г. во Франции, способствовала сближению участников конгресса, которые образовали новую коалицию против него. 9 июня 1815 г. был подписан заключительный (генеральный) акт Венского конгресса. В нем были закреплены новое соотношение сил, сложившееся к концу наполеоновских войн, а также ведущую роль России и Великобритании в международных отношениях, которая сохранялась затем несколько десятилетий.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Впервые опубликовано на русском языке: БВ. 1915. 24 июня / 7 июля. № 14 923.

527. *Бэджет* (*Bagehot, Bagehot*) *Уолтер* (1826–1877) — английский социолог.
528. *Спенсер* (*Spencer*) *Герберт* (1820–1903) — английский философ и социолог, основатель органической школы в позитивизме.
529. *Дэрхам* (*Durham*) *Мэри Эдит* (1863–1944) — английская журналистка и писательница, много путешествовавшая по Балканам написавшая к этому времени ряд книг об Албании. См.: Durham M. E. High Albania. London, 1909; idem. The Struggle for Scutari (Turk, Slav, and Albanian). London, 1914.
530. *Бекстон* (*Buxton*) *Нозл барон Нозл-Бекстон* (1869–1948) — публицист и английский политический деятель, член парламента от либеральной (1905–1906 и 1910–1918) и лейбористской (1922–1930) партий, один из основателей Балканского комитета (1903). См. его книгу об Армении: Noel-Buxton N. Travel and Politics in Armenia. NY., 1914.
531. *Сетон Уатсон* (*Сетон Уатсон, Сетон-Уотсон, Seton-Watson*) *Роберт Вильям* (1879–1951) — английский историк и публицист. Выдвинул и активно пропагандировал идею расчленения Австро-Венгрии после поражения тройственного союза, выступал за создание в результате этого ряда славянских государств.
532. См.: The War and Democracy / By R. W. Seton-Watson, J. D. Wilson, Alfred E. Zimmern and Arthur Greenwood. London, 1914.
533. *Зиммерн* (*Zimmern*) сэр *Альфред Эшхард* (1879–1957) — английский историк античности, политический деятель.
534. *Уильсон* (*Вильсон, Wilson*) *Джон Довер* (1881–1969) — английский литературовед, историк литературы, знаток творчества У. Шекспира.

535. *Гринвуд (Greenwood) Артур* (1880–1954) — английский политический деятель, член секретариата Д. Ллойд Джорджа во время Первой мировой войны.
536. *Немьер (Нэмир, Namier)* (настоящая фамилия — *Намировский*) сэр *Льюис Бернстейн* (1888–1960) — английский историк, сотрудник министерства иностранных дел (1915–1920), профессор Манчестерского университета (1931–1953).
537. См.: Namier L. B. *Germany and Eastern Europe* / With an introduction by H. A. I. Fisher. London, 1915.
538. Движение на Восток (*нем.*).
539. *Тойнби (Toynbee) Арнольд Джозеф* (1889–1975) — английский историк и социолог, профессор Оксфордского университета (1919–1924), Лондонской школы экономических наук (1925–1955), развивал теорию локальных цивилизаций.
540. *Тойнби (Toynbee) Арнольд* (1852–1883) — английский историк-экономист, с 1878 г. читал лекции по политической экономии и истории экономики. Сторонник вмешательства государства в отношения между трудом и капиталом, социального законодательства, организатор просветительских центров для рабочих.
541. См.: Toynbee A. *Lectures on the Industrial Revolution in England; popular addresses, notes and other fragments*. London, 1884.
542. Заранее (*лат.*).
543. П. Г. Виноградов цитировал строфы из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1829).
544. *Виктория (Victoria)* (1819–1901) — королева Великобритании с 1837 г., последняя представительница Ганноверской династии.

АНГЛИЯ И РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Впервые опубликовано на русском языке: БВ. 1916. 9 / 22 февраля. № 15 347.

545. *Бенкендорф Софья Петровна* (1857–1928) — графиня, жена российского посла в Великобритании А. К. Бенкендорфа.
546. *Райт (Wright) Гэгберг (Чарльз Теодор)* (1862–1940) — библиотекарь лондонской библиотеки с 1893 г., специалист по русской литературе.
547. *Стэнли (Stanley) Эдуард Георг Виллаиерс*, лорд *Дарби* (1865–1948) — английский политический и государственный деятель, консерватор, член парламента (с 1892), организатор воинского призыва в Великобритании.
548. *Маллет (Mallet) сэр Луис дю Пэн* (1864–1936) — английский дипломат, сотрудник министерства иностранных дел с 1902 г., личный секретарь Э. Грея (1905–1906), посол в Константинополе (1913–1914).
549. *Бальфур (Balfour) Артур Джеймс* лорд *Бальфур* (1848–1930) — английский философ и государственный деятель консервативных убеждений, член парламента с 1885 г., премьер-министр Великобритании (1902–1905), входил в «военный совет», собираемый главой кабинета министров с ноября 1914 г., первый лорд Адмиралтейства с мая 1915 г.

550. *Моррисон (Morrison) Вальтер* (1836–1921) — английский бизнесмен и филантроп.
551. Бюро помощи военнопленным (*фр.*).
552. Бюро помощи раненым и военнопленным (*фр.*).
553. *Шелгунов Василий Андреевич* — сотрудник русской секции Международной организации помощи раненым и военнопленным. В архиве Гарвардской школы права сохранилось несколько его писем, направленных П. Г. Виноградову в конце 1915 г. — начале 1916 г., с предложениями о координации усилий секции и Лондонского комитета.
554. *Паджет (Paget) Мюриэл Эвелин Вернон* (1876–1938) — английская благотворительница, активно помогавшая раненым и военнопленным стран Центральной и Восточной Европы. См. о ней подробнее: Blunt W. Lady Muriel (Lady Paget, Her Husband, and Her Philanthropic Work in Central and Eastern Europe). London, 1962.
555. *Навашин Дмитрий Сергеевич* (1889–1935) — член Московского отделения, состоящего при Центральном справочном бюро о военнопленных при Особом комитете помощи военнопленным. См.: Помощь русским военным, находящимся в плену: 2. Положение военнопленных и организация помощи им (Сообщение Д. С. Навашина) // Известия Главного комитета. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. М., 15 ноября 1915. № 27. С. 41–47.

МЕЧТЫ О МИРЕ

Лекция, прочитанная в заседании общества английского флота 21 марта 1916 г. Впервые опубликована на русском языке: БВ. 1916. 22 марта / 4 апреля. № 15 456.

556. *Диккинсон (Dickinson) Голдсворси Лойес* (1862–1932) — английский литератор, историк, философ. Преподаватель политических наук в Кембридже (1896–1920), работал и активно пропагандировал схему основания Лиги Наций.
557. *Джакс (Jacks) Лоренс Пирсаль* (1860–1955) — английский теолог, первый редактор «Hibbert Journal» (1902–1947), преподаватель философии колледжа Манчестера в Оксфорде (с 1903 г.), ректор колледжа (1915–1931).
558. *Поллок (Pollock) сэр Фредерик Уильям* (1845–1937) — английский юрист, профессор Оксфордского университета (1883–1903), замещал кафедру сравнительного правоведения, на которую затем был избран П. Г. Виноградов.
559. *Фарнел (Фарнелл, Farnell) Льюис Ричард* (1856–1934) — английский ученый-антиковед, ректор Эксетерского колледжа в Оксфорде (1913–1928).
560. *Ремекекс (Raemaekers) Луи* (1869–1956) — голландский художник-карикатурист. Его карикатуры антигерманского содержания стали публиковаться в газете «Амстердам телеграф» после вторжения Германии в Бельгию. После того как правительство предприняло неудачную попытку обвинить его в судебном порядке в деятельности, «угрожающей нейтралитету Голландии», а германские власти

- назначили награду в 12 000 гульденов за его выдачу, Л. Ремекерс решил переехать в Англию, где публиковал свои карикатуры в «Таймс».
561. *Елизавета I (Elizabeth) Тюдор* (1533–1603) — английская королева с 1558 г. В ее правление была разгромлена испанская Непобедимая армада (1588).
562. *Листер (Lister) Томас барон Рибблсдейл (Ribblesdale)* (1854–1925) — английский политический деятель и спортсмен-собаковод, отвечавший за королевских охотничьих собак в 1892–1895 гг., член палаты лордов и главный партийный организатор либералов в палате.
563. *Масарик (Masaryk) Томаш Гаврик* (1850–1937) — чехословацкий государственный и политический деятель, философ-позитивист. Профессор философии Пражского университета (1882–1914). Президент Чехословакии в 1918–1935 гг.
564. Школа славянских исследований (School of Slavonic Studies) в Лондонском университете начала свою деятельность в 1915 г.
565. *Дмовский (Dmowski) Роман* (1864–1939) — польский политический деятель. Один из организаторов и лидеров национально-демократической партии (1897), депутат I и III Государственной Думы, лидер Польского коло. В годы Первой мировой войны возглавлял Польский национальный комитет, выступал за объединение всех польских земель под протекторатом России. В ноябре 1914 г. выехал за границу, где пытался при посредничестве влиятельных политических деятелей стран Антанты оказать давление на Россию в польском вопросе.
566. П. Г. Виноградов имел в виду вступление в войну Болгарии 1 октября 1915 г. на стороне тройственного союза в соответствии с болгаро-германским договором 6 сентября 1915 г. Данный факт свидетельствовал, по мнению П. Г. Виноградова, о забвении болгарским правительством героизма русских войск при обороне Шипкинского перевала и в боях за Плевну в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., победа России в которой практически обеспечила независимость Болгарии.
567. *Рорбах (Rohrbach) Пауль* (1869–1956) — немецкий историк и публицист.
568. *Гогенцоллерны (Hohenzollern)* — династия германских императоров (1871–1918).
569. *Лист (List) Франц фон* (1851–1919) — австрийский юрист, один из основателей Международного союза криминалистов, представитель социологической школы уголовного права.
570. *Бота (Botha) Луис* (1862–1919) — южноафриканский государственный деятель, генерал. В период англо-бурской войны командовал войсками буров (с 1900 г.). Глава правительства Трансвааля с 1907 г., премьер-министр Южно-Африканского Союза (1910–1919). В 1914 г. активно содействовал вступлению ЮАС на стороне Антанты в Первую мировую войну. Правительство Л. Боты подавило восстание бурских националистов во главе с Х. Деветом, поддержанное Германией. В 1915 г. войска ЮАС под руководством Л. Боты захватили Юго-Западную Африку.
571. *Смутс (Смэтс, Smuts) Ян Христиан* (1870–1950) — южноафриканский политический деятель, философ-идеалист. Во время англо-бурской войны был бурским генералом, затем стал сотрудничать с английскими властями. Во время Первой мировой войны руководил операциями против немцев в Юго-Западной и Вос-

точной Африке. Занимал ряд постов в правительствах ЮАС. Участник Парижской мирной конференции, был одним из авторов устава Лиги Наций и инициатором создания мандатной системы.

НЕКОТОРЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. Some Impressions of the Russian Revolution // Contemporary Review. 1917. Vol. CXI. No. 115. P. 553–561. Перевод А. В. Антощенко.

572. *Александра Федоровна* (урожденная герцогиня *Гессен-Дармштадтская*) (1872–1918) — российская императрица, супруга Николая II.
573. *Виктория Федоровна (Виктория-Мелита)* (1876–1936) — великая княгиня, дочь герцога *Альфреда Эдинбургского* (1844–1900), сына королевы Виктории. В первом браке была замужем за братом императрицы Александры Федоровны великим герцогом Эрнстом-Людвигом Гессен-Дармштатским (с 1894 по 1901 гг.), после развода вышла замуж за великого князя Кирилла Владимировича (в 1905 г.). Второй брак (между двоюродными братом и сестрой) считался противозаконным по церковным православным канонам и не был разрешен Николаем II, призвавшим его только в 1907 г.
574. *Николай Михайлович* (1859–1919) — великий князь, генерал от инфантерии, историк, председатель Русского географического (1892–1917) и Русского исторического (1910–1917) обществ.
575. *Мария Федоровна (Луиза-Софья-Фредерика-Дагмара)* (1847–1928) — императрица, супруга императора Александра III.
576. *Елизавета Федоровна (Елизавета-Александра-Луиза-Алиса)* (1864–1918) — великая княгиня, дочь великого герцога Гессен-Дармштатского Людвига IV, сестра императрицы Александры Федоровны, супруга великого князя.
577. *Распутин* (настоящая фамилия — *Новых*) *Григорий Ефимович* (1864 или 1865, по другим данным 1872–1916) — крестьянин Тобольской губернии, получивший известность как «прорицатель» и «целитель». Оказывая помощь больному гемофилией наследнику цесаревичу Алексею, Григорий Распутин имел значительное влияние на императрицу Александру Федоровну и императора Николая II в годы Первой мировой войны.
578. Кого Юпитер хочет погубить, того он лишает разума (*лат.*).
579. *Кривошеин Александр Васильевич* (1857–1921) — государственный деятель, товарищ министра финансов (1906–1908), главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908–1915).
580. *Штюрмер Борис Владимирович* (1848–1917) — государственный деятель. При поддержке Г. Е. Распутина и императрицы Александры Федоровны был назначен председателем Совета Министров (январь — ноябрь 1916 г.), одновременно

- был министром внутренних дел (март — июль) и министром иностранных дел (июль — ноябрь). После Февральской революции Б. В. Штюмер был арестован, умер в Петропавловской крепости.
581. *Игнатьев Павел Николаевич*, граф (1870–1926) — государственный деятель, министр народного просвещения (1915–1916), почетный академик (1917).
582. *Поливанов Алексей Андреевич* (1855–1920) — военный деятель, генерал от инфантерии. В 1906–1912 гг. помощник военного министра, за близость к либеральным лидерам Государственной думы уволен военным министром А. В. Сухомлиновым в отставку. В 1915–1916 гг. военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства.
583. *Сазонов Сергей Дмитриевич* (1860–1927) — государственный деятель, в 1910–1916 гг. министр иностранных дел царского правительства, в 1918–1919 гг. член правительств А. В. Колчака и А. И. Деникина, с 1921 г. в эмиграции.
584. *Щегловитов Иван Григорьевич* (1861–1918) — государственный деятель. С апреля 1906 г. по июнь 1917 г. министр юстиции.
585. *Протопопов Александр Дмитриевич* (1866–1917/18) — государственный деятель. Управляющий МВД (с сентября 1916 г.), а затем министр внутренних дел (декабрь 1916 г. — февраль 1917 г.) и главноначальствующий Корпуса жандармов. Пытался подавить революционные выступления в Петрограде в феврале 1917 г. Расстрелян ВЧК.
586. *Курлов Павел Григорьевич* (1860–1923) — государственный деятель, один из организаторов политического сыска, товарищ министра внутренних дел (1909–1911), с вступлением А. Д. Протопопова в должность министра внутренних дел вновь назначен товарищем министра и заведующим делами Департамента полиции (до декабря 1916 г.). После Февральской революции арестован и заключен в Петропавловскую крепость.
587. *Белецкий Степан Петрович* (1872–1918) — один из организаторов политического сыска, директор Департамента полиции (1911–1914), товарищ министра внутренних дел (1915–1916). Как и П. Г. Курлов обвинялся в нечистоплотности в финансовых и служебных делах. После Февральской революции арестован Временным правительством и заключен в Петропавловскую крепость.
588. *Макиавелли (Machiavelli) Николо* (1469–1527) — итальянский политический мыслитель. Считал допустимым использовать любые средства для упрочения государственной власти (отсюда понятие «макиавеллизм»).
589. *Беляев Михаил Алексеевич* (1863–1918) — генерал от инфантерии. В годы Первой мировой войны исполняющий обязанности начальника (с октября 1914 г.), а с апреля 1916 г. начальник Генштаба, с июня 1915 г. помощник военного министра, с января 1917 г. — министр, назначенный по выбору императрицы Александры Федоровны. После Февральской революции арестован за попытку организовать выступление войск против Временного правительства и уволен в отставку.
590. *Кладо Николай Лаврентьевич* (1862–1919) — историк и теоретик российского флота, генерал-майор флота, заслуженный профессор Морской академии с 1916 г.

591. *Миллюков Павел Николаевич* (1859–1943) — историк, политический и государственный деятель. Ученик П. Г. Виноградова в Московском университете, приват-доцент Московского университета (1886–1895). Теоретик и лидер партии кадетов. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства (до 2/15 мая 1917 г.). Активный участник Белого движения. С 1919 г. в эмиграции. Хорошо знавший и неоднократно критиковавший его политическую позицию П. Г. Виноградов охарактеризовал его в очерке, подготовленном для «Британской энциклопедии» (см.: Milyukoff, Paul Nikolayevich (1856–) // *Encyclopaedia Britannica*. 12th ed. Vol. XXXI. P. 947).
592. *Маклаков Василий Александрович* (1869–1957) — общественный и политический деятель, адвокат. Выпускник Московского университета, ученик П. Г. Виноградова. Один из лидеров кадетской партии, член ее ЦК с 1906 г. Депутат II–IV Государственных дум. В 1917 г. посол Временного правительства во Франции. Остался за границей.
593. *Николай II* (1868–1918) — российский император в 1894–1917 гг. П. Г. Виноградов дал обобщенную характеристику ему в очерке для «Британской энциклопедии» (см.: Vinogradoff P. Nicholas II. (1868–1918) // *Encyclopaedia Britannica*. 12th ed. Vol. XXXI. P. 131–132).
594. *Гучков Александр Иванович* (1862–1936) — общественный и политический деятель, участник земского движения. Выпускник Московского университета, ученик П. Г. Виноградова. Один из основателей «Союза 17 октября». С 1906 г. председатель ЦК партии октябристов. Депутат III Государственной Думы и ее председатель с марта 1910 г. по март 1911 г. С 1915 г. член Государственного совета, один из инициаторов создания Прогрессивного блока в IV Государственной Думе. 2 марта 1917 г. вместе с В. В. Шульгиным в качестве представителя Временного комитета Государственной Думы принял отречение Николая II. Военный и морской министр Временного правительства. С 1919 г. в эмиграции. П. Г. Виноградов подготовил биографический очерк о нем для «Британской энциклопедии» (см.: Vinogradoff P. Guchkoff, Alexander (1862–) // *Encyclopaedia Britannica*. 12th ed. Vol. XXX. P. 323).
595. *Шульгин Василий Витальевич* (1878–1976) — политический деятель, публицист. Один из правых лидеров во II–IV Государственных думах, в 1917 г. член Временного комитета Государственной думы. После 1917 г. участвовал в создании белой Добровольческой армии, эмигрировал.
596. *Алексей Николаевич* (1904–1918) — цесаревич, наследник престола, сын Николая II.
597. *Михаил Александрович* (1878–1918) — великий князь, наследник в 1899–1904 гг., младший сын императора Александра III.
598. *Романовы* — боярский род, царская (с 1613 г.) и императорская (1821–1917) фамилии.
599. *Трубецкие* и *Долгорукие* — знатные фамилии, восходящие к литовским и русским князьям.

600. Имперское загнивание, разложение (фр.).
601. *Гинденбург (Hindenburg) Пауль фон* (1847–1934) — германский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. В годы Первой мировой войны командовал войсками Восточного фронта с ноября 1914 г., с августа 1916 г. начальник Генштаба, фактически главнокомандующий. Один из лидеров пангерманистов.
602. *Ревентлов (Reventlow) Эрнст фон* (1869–1943) — германский политический деятель, публицист, один из лидеров Пангерманского союза.
603. *Шейдеман (Scheidemann) Филипп* (1865–1939) — германский общественный и государственный деятель, один из лидеров Социал-демократической партии Германии, член правления партии с 1911 г. Во время Ноябрьской революции 1918 г. в Германии один из председателей Совета народных уполномоченных.
604. *Львов Георгий Евгеньевич, князь* (1861–1925) — русский политический деятель. Активный участник земского движения, примыкал к кадетам. В годы Первой мировой войны председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей Земгора. Глава первых двух кабинетов Временного правительства (март — июль 1917 г.). В начале октября 1918 г. отбыл в США с целью получения финансовой помощи для борьбы с советской властью, в эмиграции в Париже.
605. *Плеханов Георгий Валентинович* (1857–1918) — теоретик марксизма, философ, общественный деятель.
606. *Крыжановский Сергей Ефимович* (1862–1938) — государственный деятель. В 1906–1911 гг. товарищ министра внутренних дел, ближайший помощник П. А. Столыпина, автор закона о выборах в Государственную думу 3 июня 1907 г.

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. Some Elements of the Russian Revolution // *Quarterly Review*. 1917. Vol. 228. No. 452. P. 184–200. *Перевод А. В. Антощенко.*

607. Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Соч. М., 1988. Т. II. С. 372.
608. В тексте ошибочно указан 1903 год.
609. Арестованный 26 октября 1902 г. С. В. Мартынов обратился с прошением к председателю Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности С. Ю. Витте, в котором писал: «Поистине сказать, моя вина, если это только можно назвать виной, заключается в том лишь, что поверив словам председателя о желательности выслушать откровенное и искреннее мнение о способах и мерах к улучшению положения сельского хозяйства, я высказал свое мнение о том, каким способом, мне казалось, правительство могло бы скорей и лучше достигнуть желаемой цели. И вот за это скромное и откровенное выражение своего мнения, высказанное притом не тайным и противоправительственным образом, в закон-

- ном собрании с разрешения председателя его, я очутился теперь в положении государственного преступника» (Письмо-прошение С. В. Мартынова // Освобождение. 1902. 10 декабря (1 января 1903). № 13. С. 215–216; см. также: Г. Витте и С. В. Мартынов // Освобождение. 1903. 8 (21) мая. № 22. С. 408; Отставка г. Витте // Там же; Разные сведения и слухи // Там же. 1903. 2 (15) июня. № 24. С. 455).
610. *Урусов Сергей Дмитриевич* (1862–1937) — государственный деятель, выпускник Московского университета (1885), в 1903–1904 гг. губернатор в Бесарабии.
611. См.: Урусов С. Д. Записки губернатора: Кишинев 1903–1904. Очерки прошлого. М., 1907. Т. 1. С. 12–13.
612. *Лойола (Loyola) Игнатий* (1491–1556) — основатель ордена иезуитов (1534), в 1541 г. избран пожизненно «генералом» ордена. В сочинении «Духовные упражнения» изложил систему иезуитского воспитания, целью которого ставил подавление индивидуальной воли человека и превращение его в послушное орудие церкви, считал приемлемыми любые средства ради «вящей славы божьей».
613. П. Г. Виноградов ссылался на стихотворение А. С. Хомякова «Россия» (1854). О замысле стихотворения и об отношении к нему современников см.: Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX — начало XX века. Л., 1974. С. 301–304.
614. *Ломоносов Михаил Васильевич* (1711–1765) — ученый-естествоиспытатель, поэт, первый русский академик Петербургской АН (1745), заложил основы русского литературного языка и физической химии, по его инициативе открыт первый в России Московский университет (1755).
615. *Державин Гаврила Романович* (1743–1816) — поэт, представитель русского классицизма.
616. *Байрон (Byron) Джордж Нозль Гордон* (1788–1824) — английский поэт, один из ведущих представителей романтизма.
617. Сословие буржуа, буржуазия (*фр.*).
618. *Челноков Михаил Васильевич* (1863–1935) — общественный деятель, участник земского движения. Член ЦК партии кадетов, депутат II–IV Государственной Думы, в начале Первой мировой войны избран главноуполномоченным Всероссийского союза городов, московский городской голова (1914–1917). В 1918 г. участвовал в деятельности «Правого центра», затем эмигрировал.
619. П. Г. Виноградов приводит факты, свидетельствующие о нарастании противоречий между правительством и обществом к концу 1916 г. Действия правительства, возглавляемого Б. В. Штюрмером с 20 января 1916 г., постоянно подвергались резкой критике в Думе со стороны Прогрессивного блока, что привело в конечном итоге к отставке премьера 10 ноября 1916 г. Одним из признаков неспособности официальных властей справиться с положением дел в стране стали частые смены в правительстве, так называемая министерская чехарда. За 1916 г. произошло около половины всех крупных перестановок в правительстве с начала Первой мировой войны. Были уволены 3 председателя Совета министров, 13 министров, 17 товарищей министров, 25 начальник управлений и директоров департаментов

- (см. подробно: Куликов С. В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914—февраль 1917) // Из глубины времен. 1994. № 3. С. 42–57). Прошедшие 24 ноября—5 декабря 1916 г. выборы гласных Московской городской думы на четырехлетие 1917–1920 гг. принесли победу сторонникам Прогрессивного блока в Государственной думе. Это вызвало желание официальных властей аннулировать их результаты, ссылаясь на жалобы о нарушениях при их проведении (см. раздел «Московские вести» в «Русских ведомостях» 6, 8, 10, 13, 20, 22, 23 декабря). Съезды Всероссийских городского и земского союзов, назначенные на 9 декабря 1916 г., были запрещены командующий Московским военным округом. Эти «московские события» стали предметом рассмотрения в Государственной думе, начиная с заседания 13 декабря 1916 г. 16 декабря оно переросло в обсуждение общей политики правительства и требование министерства общественного доверия, что вызвало роспуск Думы «на каникулы».
620. Запрещенный съезд земских представителей все же собрался в помещении главного комитета Всероссийского земского союза в виде расширенного заседания комитетов, однако его работу прервала полиция.
621. Текст выступления не удалось найти. Цитата приводится в обратном переводе с английского языка.
622. Имелась в виду Февральская революция.
623. *Маркс (Marx) Карл* (1818–1883) — немецкий мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма. Организатор и лидер I Интернационала (1846–1876). Об эволюции отношения П. Г. Виноградова к марксизму см.: Моисеенкова Л. С. Патриарх российской медиэвистики: жизнь и научное творчество П. Г. Виноградова. Симферополь, 2000. С. 53, 61, 63–64. Хотя едва ли можно согласиться со сведением исследовательницей значения историко-юридических работ последних лет жизни ученого к тому, что он «пытался решать задачу опровержения марксизма» (там же. С. 38).
624. *Церетели Ираклий Георгиевич* (1881–1959) — политический и государственный деятель. Один из лидеров Российской социал-демократической партии (меньшевиков), депутат II Государственной думы, председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В 1917 г. министр почт и телеграфов Временного правительства.
625. *Рибо (Ribot) Александр* (1842–1923) — французский политический деятель. В 1890–1892 гг. в должности министра иностранных дел содействовал франко-российскому сближению, приведшему к заключению союза (август 1892 г.). Неоднократно на короткое время становился премьер-министром Франции (1892–1893, 1895–1896, 1917).
626. *Вильсон (Уилсон, Wilson) Томас Вудро* (1856–1924) — американский политический и государственный деятель, президент США (1913–1921) от демократической партии. Накануне вступления США в Первую мировую войну выдвинул условия заключения мира («Четырнадцать пунктов», январь 1917 г.), среди которых было создание союза государств для урегулирования международных конфлик-

- тов. Участвовал в Парижской конференции, где руководил комитетом, разрабатывавшим соглашение о Лиге наций.
627. Циммервальдская конференция состоялась 5–8 сентября 1915 г. В ее работе участвовало 38 делегатов социалистических партий из России, Польши, Италии, Швейцарии, Болгарии, Румынии, Германии, Франции, Нидерландов, Швеции, Норвегии. Основным вопросом, обсуждавшимся на конференции, был вопрос о борьбе пролетариата за мир. Конференция приняла манифест, который признавал империалистический характер войны и указывал на измену вождей II Интернационала. Участники конференции приняли «Резолюцию симпатии жертвам войны и преследуемым», выражавшую братское сочувствие большевистским депутатам Думы, сосланным в Сибирь, а также К. Либкнехту, Р. Люксембург, К. Цеткин «и всем товарищам, которых преследуют и арестуют за то, что они борются с войной».
628. *Ленин* (настоящая фамилия — Ульянов) *Владимир Ильич* (1870–1924) — политический и государственный деятель, создатель и лидер Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), позже переименованной в Российскую коммунистическую партию (большевиков), руководитель восстания в Петрограде в октябре 1917 г. На II Всероссийском съезде Советов избран председателем СНК, был одним из инициаторов создания ВЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем, широко применявшей насилие, настаивал на ликвидации оппозиционных партий и органов печати, проведении репрессий по отношению к интеллигенции и духовенству. П. Г. Виноградов подготовил биографический очерк о нем для «Британской энциклопедии» (см.: Vinogradoff P. Lenin, Vladimir Ilich (1870–) // Encyclopaedia Britannica. 12th ed. Vol. XXXI. P. 756–757).
629. *Гримм* (*Grimm*) *Роберт* (1881–1958) — швейцарский политический деятель, секретарь Социал-демократической партии Швейцарии (1909–1918), член швейцарского парламента (с 1911 г.), председатель Циммервальдской и Кинтальской конференций, председатель Международной социалистической комиссии.
630. П. Г. Виноградов приводил главную мысль выступления П. А. Столыпина в Государственной думе 5 декабря 1908 г., когда, объясняя принятие «в порядке статьи 87» закона 9 ноября 1906 г. правительством, он заявил: «Оно сделало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных» (см.: Сборник речей П. А. Столыпина, произнесенных в заседаниях Государственного совета и Государственной думы (1906–1911). СПб., 1911. С. 36).
631. Государственный переворот (фр.).
632. *Успенский Глеб Иванович* (1843–1902) — писатель.
633. Успенский Г. И. Бог грехам терпит. VII. Деревенская молодежь // Успенский Г. И. Полн. собр. соч. в 14 тт. М., 1950. Т. 7. С. 421–422.
634. *Тихон Задонский* (в миру — *Соколов Тимофей Савельевич*) (1724–1783) — православный подвижник, писатель, богослов.
635. Успенский Г. И. Грехи тяжкие. V. «Невидимки». IV // Успенский Г. И. Полн. собр. соч. в 14-ти т. М., 1952. Т. 11. С. 413.

636. См.: Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. Июль-август. Глава вторая. IV. Помещик, добывающий веру в Бога от мужика // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Л., 1983. Т. 25. С. 202 и след.
637. Там же. С. 203.
638. Герцен А. И. Россия // Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1955. Т. 6. С. 199–200. Ср. с французским оригиналом: там же. С. 162–163.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. The Liberation Movement in Russia // Manchester Guardian. Russian Supplement. 1917. July 7. *Перевод А. В. Антощенко.*

639. См.: Манифест (Собрание узаконений 1903 г., февраля 26, ст. 246) О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка // ПСЗРИ. Собр. 3, Т. XXIII. 1905. Отд. 1. СПб., 1905. С. 113–114 (№ 22 581). Имелась в виду фраза: «Преобразовать губернское и уездное управление для усиления способов непосредственного удовлетворения многообразных нужд земской жизни трудами местных людей, *руководимых сильной и закономерной властью, пред нами строго ответственной*» (курсив мой. — А. А.).
640. *Аракчеев Алексей Андреевич* (1769–1834) — государственный и военный деятель, генерал от артиллерии. В 1808–1810 гг. военный министр, провел ряд реформ в армии. В 1815–1825 гг. наиболее доверенный советник Александра I. Организатор и главный начальник военных поселений, в которых военная служба совмещалась с занятием сельским хозяйством.
641. Речь шла о русском художнике Алексее Тарасовиче Маркове (1802–1878).
642. Письмо Н. В. Станкевича Е. П. и Н. Г. Фроловым от 7 апреля 1840 г. из Рима // Станкевич Н. В. Избранное. М., 1982. С. 216.
643. Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания. Вместо вступления // Тургенев И. С. Сочинения в 12 тт. М., 1983. Т. 11. С. 9.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ЕЕ РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. The Russian Revolution. It's Religious Aspect // Land and Water. 1917. August 17. P. 43–44. *Перевод А. В. Антощенко.*

644. Лук. 4, 4.
645. *Андрей Уфимский* (в миру — *Ухтомский Александр Алексеевич*, князь) (1872–1937) — церковный деятель, епископ Уфимский и Мензелинский (1913). Сторонник каде-

- тов, придерживался либеральных взглядов, выступал за свободу вероисповеданий. После Февральской революции одобрял политику Временного правительства. Осудил установление большевиками советской власти в России. Сотрудничал с А. В. Колчаком. Расстрелян.
646. См. об этом подробно: Зеленогорский М. Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991. С. 60–66.
647. П. Г. Виноградов цитировал письмо Ю. Ф. Самарина к А. И. Герцену от 3 августа 1864 года. См.: Переписка Ю. Ф. Самарина с А. И. Герценом // Русь. 1883. 3 января. № 1. С. 36–37.
648. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти т. М., 1976. Т. 14. С. 64–65.
649. П. Г. Виноградов в сжатой форме характеризовал основную идею чеховского произведения. Главный герой — «заслуженный профессор» Николай Степанович, «тайный советник и кавалер» — отмечает про себя: «Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинах, которые рисует мое воображение, даже самый искушенный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или Богом живого человека. [...] Отсутствие того, что товарищи философы называют общей идеей, я заметил в себе только незадолго перед смертью [...]». См.: Чехов А. П. Скучная история // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт. М., 1977. Т. 7. С. 307, 309.
650. *Шопенгауэр (Schopenhauer) Артур* (1788–1860) — немецкий философ. В своем главном сочинении «Мир как воля и представление» (т. 1–2, 1819–1844) охарактеризовал сущность мира как неразумную волю, слепое бесцельное влечение к жизни, от которого можно освободиться лишь через сострадание, бескорыстное эстетическое созерцание, близкое к буддийской нирване.
651. *Ницше (Nietzsche) Фридрих* (1844–1900) — немецкий философ, поэт, представитель «философии жизни», испытал влияние А. Шопенгауэра и Р. Вагнера. В сочинениях, написанных в жанре философско-художественной прозы, выступал с анархической критикой культуры, призывал к переоценке всех «ценностей», в том числе и христианства, проповедовал эстетический имморализм.
652. П. Г. Виноградов имел в виду реплики главного персонажа пьесы Николая Александровича Иванова, обращенные к Саше во втором и третьем действиях: «Я умираю от стыда при мысли, что я, здоровый, сильный человек, обратился не то в Гамлета, не то в Манфреда, не то в лишние люди... сам черт не разберет! Есть жалкие люди, которым льстит, когда их называют Гамлетами или лишними, но для меня это — позор! Это возмущает мою гордость, стыд гнетет меня, и я страдаю»; «Мое нытье внушает тебе благородный страх, ты воображаешь, что обрела во мне второго Гамлета, и, по-моему, эта моя психопатия, со всеми ее аксессуарами, может служить хорошим материалом только для смеха и больше ничего!». См.: Чехов А. П. Иванов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. М., 1978. Т. 12. С. 37, 57–58.

653. Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Репринтное воспроизведение издания 1928–1958 гг. М., 1992. Т. 25. С. 365.

ЗАДАЧИ СОВЕЩАНИЯ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. Tasks of the Conference // Times. 1917. August 28. *Перевод А. В. Антощенко.*

654. См.: Vinogradoff P. Some Impressions of the Russian Revolution // Contemporary Review. 1917. Vol. CXI. No. 115. P. 553–561. «Contemporary Review» — английский еженедельный журнал по проблемам международных отношений, политики, литературы и искусства, издававшийся в Оксфорде с 1866 г.
655. Генеральные Штаты (*фр.*).
656. Чистая доска (*лат.*).
657. Имелся в виду второй закон Ньютона.
658. *Керенский Александр Федорович* (1881–1970) — политический деятель. В марте — мае 1917 г. министр юстиции Временного правительства, в мае — сентябре военный и морской министр, с 8 июля министр-председатель. С 30 августа верховный главнокомандующий. После захвата власти большевиками вместе с П. Н. Красновым организовал поход на Петроград, закончившийся провалом. С 1918 г. в эмиграции во Франции, с 1940 г. — в США. Имелись в виду обвинения в провале июльского наступления 1917 г., предпринятого после поездок А. Ф. Керенского во фронтовые части. Позже П. Г. Виноградов довольно язвительно характеризовал деятельность «фаворита революции» на посту военного и морского министра (см.: Vinogradoff P. Russia // Encyclopaedia Britannica. 12th ed. Vol. XXXII. P. 320).
659. *Савишков* (литературный псевдоним — *В. Ропшин*) *Борис Викторович* (1879–1925) — политический деятель. С 1903 г. член Боевой организации партии эсеров, организатор ряда террористических актов. После 1906 г. отошел от революционной деятельности и осудил террористическую тактику эсеров. Участвовал в Первой мировой войне в составе добровольческих соединений французской армии. После Февральской революции вернулся в Россию. Весной — летом 1917 г. был комиссаром Временного правительства сначала 8-й армии, а затем — Юго-Западного фронта, поддерживал предлагаемые Л. Г. Корниловым жесткие меры по восстановлению дисциплины в армии. С 19 июля 1917 г. товарищ военного министра, управляющий министерством, активно принимал участие в разработке корниловской программы стабилизации фронта и тыла. Из-за колебаний А. Ф. Керенского подал в отставку 9 августа, но после принятия ее основных пунктов главой правительства 17 августа 1917 г. отказался от своего заявления об отставке. Выступил против мятежа Л. Г. Корнилова. В октябре 1917 г. исключен из партии. Руководитель ряда антисоветских заговоров и вооруженных выступлений, руководитель «Народного союза защиты Родины и Свободы». С 1920 г. в эмиграции.

660. *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870–1918) — генерал, участник русско-японской и Первой мировой войн. После Февральской революции назначен Временным правительством командующим Петроградским военным округом. Во время апрельского правительственного кризиса высказался за решительные действия с применением военной силы против демонстрантов, после чего исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов поставил вопрос о контроле его распоряжений. В ответ Л. Г. Корнилов подал в отставку с должности командующего военным округом. Весной — летом 1917 г. командовал сначала 8-й армией Юго-Западного фронта, затем — фронтом. Накануне Государственного совещания в Москве разработал программу стабилизации в стране, переданную А. Ф. Керенскому, ее основные пункты изложил в речи на совещании. В конце августа 1917 г. выступил против большевистского Петроградского совета и оказавшегося под его влиянием Временного правительства, но потерпел поражение. Противник Советской власти, с конца 1917 г. — один из лидеров белого движения и организаторов Добровольческой армии на юге России. П. Г. Виноградов подготовил о нем очерк для «Британской энциклопедии» (см.: Korniloff, Lavr Georgievich (1870–1918) // *Encyclopaedia Britannica*. 12th ed. Vol. XXXI. P. 686–687).
661. Центральная Рада, возглавлявшая украинское национальное движение, стремилась лишь к автономии Украины в составе России, о чем свидетельствовали обнародованные 10 июня и 3 июля 1917 г. I и II Универсалы Рады (см. об этом подробно: *Українська Центральна Рада. Документи I матеріали*. Київ, 1996. Т. 1.).
662. Речь шла об июльских событиях в Петрограде. Подробнее оценку П. Г. Виноградова см.: Vinogradoff P. Russia // *Encyclopaedia Britannica*. 12th ed. Vol. XXXII. P. 321.
663. *Скобелев Матвей Иванович* (1885–1938) — политический и государственный деятель. Депутат IV Государственной думы, член ее социал-демократической фракции, меньшевик. После Февральской революции товарищ председателя ВЦИК первого созыва, в мае — сентябре 1917 г. министр труда Временного правительства. В статье о России для «Британской энциклопедии» П. Г. Виноградов охарактеризовал появление М. И. Скобелева и В. М. Чернова в составе Временного правительства как показатель того, что страна «подвергнется социалистическим экспериментам самого экстремистского рода» (см.: Vinogradoff P. Russia // *Encyclopaedia Britannica*. 12th ed. Vol. XXXII. P. 320).

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. The Outlook in Russia // *Welsh Outlook*. New Town, 1918. January. P. 18. *Перевод А. В. Антощенко*.

664. *Михаил Федорович* (1596–1645) — основатель династии Романовых, избран царем Земским собором в 1613 г.

665. *Гермоген* (ок. 1530–1612) — патриарх Московский и Всея Руси в 1606–1612 гг. С декабря 1610 г. рассылал по городам грамоты с призывом бороться против польской интервенции, был заключен в тюрьму Чудова монастыря, где скончался от голода или убит.
666. *Дионисий* (в миру — *Давид Федорович Зобниковский*) — архимандрит Троице-Сергиева монастыря в 1610–1618 гг. и с 1619 г. В 1611–1612 гг. рассылал грамоты по городам с призывом подняться на борьбу против интервентов.

СУДЬБА РОССИИ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. The Fate of Russia // Times. 1918. October 22. Перевод А. В. Антощенко.

667. *Абдул-Хамид II (Abdülhamit)* (1842–1918) — турецкий султан (1876–1909), противник конституционного строя в Турции, низложен младотурками. Его правление отмечено армянскими погромами, получил в литературе прозвище «кровавый султан».
668. 9 сентября 1918 г. в Уфе было созвано Государственное совещание представителей оппозиционных большевикам сил. 23 сентября на нем было провозглашено Всероссийское временное правительство (Уфимская директория), переехавшее 9 октября в Омск.
669. *Авксентьев Николай Дмитриевич* (1878–1943) — политический деятель, правый эсер. В 1917 г. член исполкома Петроградского совета, председатель Всероссийского совета крестьянских депутатов и Временного совета республики (Предпарламента), министр внутренних дел в правительстве А. Ф. Керенского. Противник большевистской власти, участник белого движения в Сибири. С 1919 г. в эмиграции.
670. *Вологодский Петр Васильевич* (1863–1928) — общественный и политический деятель, министр иностранных дел, а затем председатель совета министров Временного сибирского правительства, с сентября 1918 г. Уфимской директории, поддержал колчаковский переворот, возглавлял Омское правительство и входил в Совет верховного правителя, с 1919 г. в эмиграции.
671. *Астров Николай Иванович* (1868–1934) — общественный и политический деятель, один из учредителей партии кадетов. В 1914–1917 гг. член Главного комитета Всероссийского союза городов. После октября 1917 г. член «Национального центра» и других антибольшевистских организаций. Летом 1918 г. выехал из Москвы на Юг для переговоров с генералом М. В. Алексеевым об установлении в стране военной диктатуры, для создания филиалов «Национального центра» и координации действий московского подполья и Добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции.
672. *Чайковский Николай Васильевич* (1850–1926) — политический деятель. В 1869–

- 1874 гг. участник народнического движения, в 1874–1906 гг. в эмиграции, с 1904 г. член партии эсеров. В 1917 г. член ЦК Трудовой народно-социалистической партии. После октября 1917 г. один из руководителей «Союза возрождения России», в 1918–1920 гг. председатель правительства Северной области (Архангельск). С 1920 г. в эмиграции. П. Г. Виноградов подготовил биографический очерк о нем для «Британской энциклопедии» (см.: Vinogradoff P. Tschaikovsky, Nicholas Vasilievich (1850–) // Encyclopaedia Britannica. 12th ed. Vol. XXXII. P. 782).
673. *Болдырев Василий Георгиевич* (1875 – после 1932) – генерал-лейтенант. После Октябрьской революции за неподчинение приказам советского командования арестован, но вскоре освобожден. В 1918 г. член «Национального центра» и «Союза возрождения». В сентябре – ноябре 1918 г. член Уфимской директории и главнокомандующий ее войск. После переворота А. В. Колчака выслан в Японию. Активно участвовал в антисоветских выступлениях на Дальнем Востоке.
674. *Деникин Антон Иванович* (1872–1947) – генерал-лейтенант. После Февральской революции сторонник военной диктатуры, после октября 1917 г. активный участник белого движения. С апреля 1918 г. командующий, а с октября – главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. Летом – осенью 1919 г. предпринял неудачное наступление на Москву. В апреле 1920 г. передал командование генералу Н. Н. Врангелю и эмигрировал. П. Г. Виноградов подготовил биографический очерк о нем для «Британской энциклопедии» (см.: Vinogradoff P. Denikin, Anton (1872–) // Encyclopaedia Britannica. 12th ed. Vol. XXX. P. 825–827).
675. *Дутов Александр Ильич* (1879–1921) – генерал-лейтенант. С сентября 1917 г. атаман Оренбургского казачьего войска, после прихода к власти большевиков вел боевые действия против них в Оренбуржье. В июле 1918 г. создал правительство Оренбургского казачьего войска. В 1920 г. вынужден был бежать в Китай, где был убит.
676. Сибирская областная дума была создана в декабре 1917 г. в Томске, однако в январе 1918 г. она была ликвидирована органами советской власти. Оставшиеся на свободе члены думы создали подпольное Сибирское временное правительство. После падения власти большевиков в Омске в июне 1918 г. был сформирован новый состав Сибирского временного правительства под председательством П. В. Вологодского. По решению Уфимского совещания Сибирская областная дума самораспустилась в сентябре.
677. Бухарестский мирный договор был подписан 7 мая 1918 г. между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с одной стороны и Румынией – с другой. Румыния вынуждена была уступить значительные территории Австро-Венгрии и Болгарии, а над Северной Добруджей устанавливался кондоминиум держав германской коалиции, но взамен с санкции стран Четверного союза она присоединила в конце года к своей территории Бесарабию.
678. Брест-Литовский мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, был заключен 3 марта 1918 г. По его условиям Россия теряла значительные территории (Польшу, Литву, часть Белоруссии и Латвии). Одновременно германские войска вводили

- лись в Латвию и Эстонию. Германия сохраняла за собой Рижский залив, Моонзундские острова. Округа Ардагана, Карса и Батума передавались Турции.
679. *Калибан (Caliban)* — получеловек, получудовище, олицетворение грубой стихийной животности в человеке в «Буре» У. Шекспира и в драме «Калибан» Ж. Э. Ренана, где воплощает торжествующую демократию.
680. *Зиновьев Григорий Евсеевич* (настоящие фамилия и имя — *Радомысльский Овсей-Герш Аронович*) (1883–1936) — политический деятель, большевик. С декабря 1917 г. председатель Петроградского совета, один из организаторов «красного террора».
681. *Петерс Яков Христофорович* (1886–1938) — заместитель председателя ВЧК, председатель Ревтрибунала в 1918 г.
682. *Френч (French) Джон Дентон Пинкстон* (1852–1925) — британский фельдмаршал с 1913 г. Во время Первой мировой войны с августа 1914 г. по декабрь 1915 г. командующий британскими экспедиционными силами во Франции. Из-за разногласий с военным министром Г. Китченером был отозван и назначен командующий войсками в метрополии. В 1918–1921 гг. лорд-лейтенант (наместник) Ирландии.

РОССИЯ НА РАСПУТЬЕ

- Впервые опубликовано на норвежском языке: Vinogradoff P. *Rusland ved korsveien* // Atlantis. Kristiania, 1919. 2 Aargang. Nr. 2. S. 67–76. *Перевод О. Н. Санниковой.*
683. *Джагернаут* — одно из воплощений бога Вишну. Во время религиозных процессов верующие бросались под колесницу Джагернаута.
684. «Союз Спартака» (Spartakusbund) — революционная организация немецкий левых социал-демократов — был создан 11 ноября 1918 г. Руководителями «Союза» были К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, Л. Йогихес, В. Пик и др. В конце декабря 1918 г. на общегерманской конференции спартаковцев и радикалов была создана Коммунистическая партия Германии.
685. 21 марта 1919 г. была провозглашена Венгерская социалистическая республика и сформировано ее правительство — Революционный правительственный совет, в который вошли объединившиеся на платформе диктатуры пролетариата социал-демократы и коммунисты. 22 марта В. И. Ленин направил правительству Венгерской социалистической республики приветственную телеграмму от имени 8-го съезда РКП (б). В конце марта была создана венгерская Красная армия и стали осуществляться социальные преобразования по образцу советской России. В апреле начались боевые столкновения между венгерской Красной армией и военными формированиями Румынии и Чехословакии.
686. *Морел (Morel) Эдмунд Дэне* (1873–1924) — английский журналист и политический деятель, член парламента сначала от либералов (1912–1914), а затем от лейбористской партии (1921–1922), к которой присоединился после Первой миро-

- вой войны. Один из организаторов «Союза демократического контроля», в 1917–1918 гг. находился в тюрьме за нарушения акта о защите королевства (Defence of the Realm Act).
687. *Понсонби (Ponsonby) Артур* (1871–1946) — английский политический деятель, член парламента (1908–1918, 1922–1940). Один из организаторов «Союза демократического контроля», после Первой мировой войны окончательно перешел от либералов к лейбористам.
688. *Сноуден (Snowden) Филипп* (1864–1937) — английский политический деятель. Эволюционировал от либерализма к христианскому социализму, председатель Независимой рабочей партии с 1903 г., член парламента (1906–1918 и с 1922 г.).
689. «The Nation» — еженедельник, выходивший со 2 марта 1907 г. в Лондоне под редакцией Г. У. Массингема.
690. *Робеспьер (Robespierre) Максимилиан* (1758–1794) — деятель Французской революции конца XVIII в. Один из лидеров якобинцев, фактически возглавлял в 1793 г. правительство, способствовал казни Людовика XVI, созданию революционных трибуналов, казни лидеров жирондистов, организатор массового террора. Казнен термидорианцами.
691. *Троцкий* (настоящая фамилия — *Бронштейн*) *Лев Давыдович* (1879–1940) — политический и государственный деятель. Один из руководителей восстания в Петрограде в октябре 1917 г., нарком по иностранным делам (1917–1918) и по военным делам (1918–1925), член Реввоенсовета Республики.
692. Встреча в Принкипо (на Принцевых островах) представителей всех противоборствующих политических сил в России была предложена Т. В. Вильсоном и поддержана Д. Ллойд Джорджем. Днем встречи было определено 15 февраля 1919 г. На встречу согласились большевики и представители национальных образований. Отказ лидеров Белого движения участвовать в ней привел к краху проекта Принкипо. П. Г. Виноградов считал, что этот проект нанес моральный удар Белому движению. Вскоре после того, как истек назначенный срок встречи, в «Observer» появилась его очень язвительная статья, в которой он резко критиковал «учеников Линкольна и Гладстона» (см.: Vinogradoff P. The Russian Realities. The Truth and the Paradoxes // Observer. 1919. February 19). Об эвакуации Одессы было объявлено 3 апреля 1919 г. Войска союзников были эвакуированы полностью 6 апреля. Объяснением этого шага было признание политическими лидерами Антанты опасности выступлений в воинских частях под влиянием революционной пропаганды.
693. *Колчак Александр Васильевич* (1874–1920) — военачальник, адмирал (1918). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Один из лидеров белого движения, в 1918 — начале 1920 гг. руководил борьбой против Советской власти в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. П. Г. Виноградов подготовил биографический очерк о нем для «Британской энциклопедии», назвав его ошибочно Владимиром (см.: Vinogradoff P. Kolchak, Vladimir (sic!) Vasilievich (1875–1920). // Encyclopaedia Britannica. 12th ed. Vol. XXXI. P. 683–684).

694. *Юденич Николай Николаевич* (1862–1933) — генерал от инфантерии (1915), один из лидеров белого движения. Весной — летом 1919 г. руководил наступлением на Петроград, после поражения осенью отступил в Эстонию. С 1920 г. в эмиграции в Англии.
695. *Гладстон (Gladstone) Уильям Юарт* (1809–1898) — английский государственный деятель, один из лидеров либеральной партии. Премьер-министр Англии (1868–1874, 1880–1885, 1892–1894).
696. *Панина Софья Владимировна* (1871–1957) — графиня, член ЦК партии кадетов, товарищ министра призрения, а затем товарищ министра просвещения во Временном правительстве, депутат Петроградской городской думы, активно занималась благотворительностью. С 1920 г. в эмиграции.
697. *Нестров Григорий Абрамович* (настоящие фамилия и имя — *Цыпин Гири*) (1877–1941) — революционер, член Союза эсеров-максималистов с 1906 г., его теоретик, в 1917 г. член Центрального совета.
698. *Сухоминов Владимир Александрович* (1848–1926) — генерал от кавалерии, военный министр (1909–1915). В результате военных неудач 1915 г. был снят с должности, а затем арестован. После Февральской революции по обвинению в неподготовленности русской армии к войне приговорен к пожизненному заключению. В 1918 г. был амнистирован по старости и уехал за границу.
699. *Кассо Лев Аристович* (1865–1914) — главноуправляющий министерства народного просвещения (1910) и министр (1911–1914). Проводил политику ограничения университетских свобод и прав студентов, усиления надзора за преподаванием, что привело в 1911 г. к отставке большого числа профессоров Московского университета, среди которых был и П. Г. Виноградов.

ЗАПАДНЫЕ И ВОСТОЧНЫЕ ИДЕАЛЫ В РОССИИ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. Western and Eastern Ideals in Russia // *Fortnightly Review*. 1919. No. DCXXIX. New Series. P. 670–677. *Перевод А. В. Антощенко.*

700. *Ртищев Федор Михайлович* (1626–1673) — государственный деятель, дворецкий, окольничий, глава ряда приказов, член «Кружка ревнителей благочестия». На свои средства открыл больницы-богадельни, школу в Москве при Андреевском монастыре; *Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич* боярин (ок. 1605–1680) — дипломат, воевода. Руководил внешней политикой России в 1667–1671 гг., Посольским и другими приказами, участвовал в русско-шведской войне (1656–1658); *Никон* (в миру — *Никита Минин*) (1605–1681) — патриарх Московский и всея Руси с 1652 г. Проведенные им реформы вызвали раскол Русской православной церкви. Собор 1666–1667 гг. снял с него сан патриарха. Вслед за С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским П. Г. Виноградов связывал с именами Ю. Крижанича,

- Ф. М. Ртищева, А. Л. Ордина-Нащекина и Никона этапы в осознании русским обществом необходимости преобразований, осуществленных Петром I.
701. Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения в 9-ти тт. М., 1988. Т. III. С. 337.
702. Стих XLII. О Антихристе // Киреевский П. В. Русские народные песни. Ч. 1. Русские Народные стихи. М., 1848. С. 75.
703. П. Г. Виноградов цитировал данный фрагмент по книге М. О. Гершензона «Социально-политические взгляды А. И. Герцена» (М., 1906. С. 19), который, в свою очередь, использовал книгу А. И. Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» (ср.: Герцен А. И. Собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 7. М., 1956. С. 45.).
704. *Долгоруков Яков Федорович* боярин, князь (1639–1720) — сподвижник Петра I, его советник и доверенное лицо.
705. *Шафиров Петр Павлович* барон (1669–1739) — государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра I.
706. *Бестужев-Рюмин Алексей Петрович* граф (1693–1766) — государственный деятель и дипломат, генерал-фельдмаршал (1762), канцлер (1744–1758).
707. *Шувалов Иван Иванович* (1727–1797) — государственный деятель, меценат, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, генерал-адъютант (1760), первый куратор Московского университета и президент Академии художеств (1757–1763).
708. *Бецкий (Бецкой) Иван Иванович* (1704–1795) — общественный деятель, в 1762–1779 гг. личный секретарь Екатерины II, разработавший систему учебно-воспитательный учреждений.
709. Блэкстон (Blackstone, William) Уильям (1723–1780) — английский юрист и писатель. Первый том прославившего Блэкстона труда «Комментарии к английским законам» (Commentaries on the Laws of England) появился в 1765 г.; оставшиеся три части он выпустил в течение последующих четырех лет.
710. В тексте ошибочно: 1763 г.
711. *Новиков Николай Иванович* (1744–1818) — просветитель, писатель-сатирик, журналист, книгоиздатель. В 1792 г. без суда и следствия был заключен по приказу Екатерины II в Шлиссельбургскую крепость. Освобожден с воцарением Павла I. *Радищев Александр Николаевич* (1749–1802) — публицист, революционный мыслитель. Его произведение «Путешествие из Петербурга в Москву» Екатерина оценила как попытку «произвести в народе негодование противу начальников и начальства», «негативные изращения противу сана и власти царской», что стало основанием для вынесения ему смертного приговора, замененного ссылкой в Сибирь (1790–1797).
712. Цит. по: Станкевич Н. В. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857. С. 169. П. Г. Виноградов приводил более пространно цитату в статье «И. В. Киреевский и начало московского славянофильства» (Вопросы философии и психологии. М., 1892. Кн. XI. С. 123) и в таком же виде в статье «Европа и Россия» (Исторический архив. 1997. № 1. С. 212).

713. *Юрьев Сергей Андреевич* (1821–1888) — литературный и театральный деятель, издатель журналов «Беседа» и «Русская мысль». Примыкая к славянофилам, он вместе с тем сочувствовал «европейскому прогрессу».
714. *Златовратский Николай Николаевич* (1845–1911) — писатель, народник.
715. *Юзов* (настоящая фамилия — *Каблиц*) *Иосиф Иванович* (1848–1893) — публицист, народник.
716. Воронцов В. П. Наши направления. СПб., 1893. С. 104–105.
717. Там же. С. 105.
718. Там же. С. 107.
719. Там же. С. 108.
720. П. Г. Виноградов значительно сократил и упростил в целях перевода цветистый пассаж В. П. Воронцова: «Это [т. е. русское. — А. А.] общество своими собственными силами не способно выполнить сколько-нибудь серьезные задачи общенародного характера, почему и представляется настоятельная необходимость стремиться к тому, чтобы это общество не осталось единственным источником культурных средств в стране; стремиться к тому, чтобы живая вода знания могла оказывать оплодотворяющее влияние на ниву народной жизни...» (Там же. С. 207).
721. Там же.
722. *Михайловский Николай Константинович* (1842–1904) — публицист, литературный критик, социолог, идеолог либерального народничества.
723. В тексте именно так, хотя псевдоним «Волгин» использовал Г. В. Плеханов.
724. П. Г. Виноградов ошибался дважды. Во-первых, в тексте было неверно указано имя персонажа — Иван Герасимович. Во-вторых, речь шла о цикле «Крестьянин и крестьянский труд», а не «Власть земли».
725. Плеханова Г. В. Гл. Успенский // Плеханов Г. В. Сочинения в 24-х т. М., Пг., б. г. Т. X. С. 19, 62.
726. Цитата приводится в обратном переводе с английского языка. Возможно, П. Г. Виноградов таким образом суммировал вывод работы Г. В. Плеханова «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)» (ср.: Плеханов Г. В. Сочинения. М., Пг., б. г. Т. IX. С. 285–286).
727. Тургенев И. С. Новь // Тургенев И. С. Сочинения в 12-ти т. М., 1982. Т. 9. С. 363–364.

ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИИ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. Prospects in Russia // Contemporary Review. 1919. Vol. CXV. P. 606–612. *Перевод А. В. Антощенко.*

728. Фраза, приписываемая также Ш. М. Талейрану.
729. Государственный переворот (*фр.*).
730. 18 ноября 1918 г. в результате переворота А. В. Колчак, являвшийся военно-морским министром Временного всероссийского правительства (Директории)

в Омске, был провозглашен Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим всеми ее сухопутными и морскими силами. В ходе переворота был арестован ряд членов Директории (Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов, В. М. Зензинов и другие), которых выслали затем за границу.

- 731. См.: Мар. 9, 17–27 (особенно 26).
- 732. *Уоллас (Wallace) Дональд Маккензи* (1841–1919) — английский журналист и писатель. В 1870–1875 гг. посетил Россию, автор труда «Россия» (1877).
- 733. На первый взгляд (*лат.*).
- 734. *Бурбоны* (франц. *Bourbons*) — королевская династия во Франции (1589–1792, 1814–1815, 1815–1830).
- 735. Свершившийся факт (*фр.*).
- 736. Человек человеку волк (*лат.*).
- 737. Лук. 4, 4; Мат. 4, 4.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В РОССИИ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. The Situation in Russia // The Reconstruction in Russia. Essays edited by Sir Paul Vinogradoff. Oxford etc., 1919. P. 7–26. *Перевод А. В. Антощенко.*

- 738. *Шинфейнеры* — члены созданной в 1905 г. ирландской политической организации Шин феин (ирл. Sinn Fein, букв.: мы сами), выступавшей за освобождение Ирландии от английского колониального господства. В 1919 г. после успеха на выборах в британский парламент шинфейнеры создали в Дублине ирландский парламент, который провозгласил независимость Ирландии. Однако в дальнейшем правые лидеры организации заключили компромиссный англо-ирландский договор (1921), что привело к расколу ирландского национально-освободительного движения и гражданской войне (1922–1923).
- 739. *Сигизмунд III Ваза (Waza)* (1566–1632) — король польский (1587–1632), король шведский (1592–1604), один из активных участников интервенции в Россию в Смутное время.
- 740. *Владислав IV Ваза (Waza)* (1595–1648) — польский король с 1632 г., в Смутное время претендент от Польши на русский престол.
- 741. *Мазепа Иван Степанович* (1644–1709) — гетман Украины (1687–1708). Стремился к отделению Левобережной Украины от России.
- 742. *Девлет-Гирей* (ум. 1577) — крымский хан с 1551 г., вассал Турции, организатор набегов на Московскую Русь, в 1571 г. сжег Москву.
- 743. *Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович* (ок. 1595–1657) — гетман Украины (с 1648 г.), руководитель казацко-крестьянского восстания на Украине за освобождение от Речи Посполитой. Утвердил на Переяславской раде договор об объединении Украины с Россией (1654).

РОССИЯ НА РАСПУТЬЕ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. Russia at the Cross Roads // Contemporary Review. 1921. Vol. CXIX. P. 738–745. *Перевод А. В. Антощенко.*

744. *Хьюз (Hughes) Чарльз Эванс* (1862–1948) — американский юрист, политический и государственный деятель, республиканец, Госсекретарь США (1921–1925).
745. *Бланки (Blanqui) Луи Огюст* (1805–1881) — французский революционер, утопист-коммунист; *Сорель (Sorel) Жорж* (1847–1922) — французский философ, социолог, теоретик анархо-синдикализма.
746. *Бакунин Михаил Александрович* (1814–1876) — революционер, идеолог анархизма и народничества
747. *Аракчеев Алексей Андреевич граф* (1769–1834) — государственный и военный деятель, генерал от артиллерии (1807).
748. Старый режим (*фр.*).
749. Танец смерти (*фр.*).
750. *Питт (Pitt) Вильям Младший* (1759–1806) — английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1783–1801 и 1804–1806), один из организаторов коалиции европейских государств против Франции.
751. *Веллингтон (Уэллингтон, Wellington) Артур Вэлсли* (1769–1852) — герцог, английский фельдмаршал (1813), главнокомандующий (1827–1852), премьер-министр (1828–1930), министр иностранных дел (1834–1835). В войнах против наполеоновской Франции командовал союзными войсками на Пиренейском полуострове и англо-голландской армией при Ватерлоо (1915 г.).
752. *Дзержинский Феликс Эдмундович* (1877–1926) — советский государственный деятель, председатель ВЧК (с 1917 г.), ГПУ, ОГПУ (с 1922 г.), один из организаторов красного террора. П. Г. Виноградов готовил о нем очерк для «Британской энциклопедии» (см.: Антощенко А. В. Архивная коллекция академика П. Г. Виноградова в библиотеке Гарвардской школы права // *Россика в США*. М., 2001. С. 131).
753. 16 марта 1921 г. было заключено торговое соглашение с Великобританией, которое означало фактическое признание советского правительства.
754. Мирный договор с Эстонией был подписан советской Россией 2 февраля 1920 г.; с Литвой — 12 июля 1920 г.; с Латвией — 11 августа 1920 г.; с Финляндией — 14 октября 1920 г.; с Польшей — 18 марта 1921 г.
755. I (Учредительный) конгресс III Коммунистического интернационала, прошедший в Москве со 2 по 6 марта 1918 г., была принята платформа, призывавшая рабочих всех стран объединиться в революционной борьбе за свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата. На II конгрессе Коминтерна, открывшемся в Петрограде 19 июля 1920 г. и закончившем работу 23 июля — 17 августа в Москве, были приняты решения, в которых ставились задачи слить революционную борьбу пролетариата развитых стран с национально-освободительной борьбой угнетенных народов в единый антиимпериалистический поток.

756. См.: VIII Всероссийский съезд советов 20–29 декабря 1920 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд-е. М., 1974. Т. 42. С. 89–199; X съезд РКП(б) 8–16 марта 1921 г. // Там же. Т. 43. С. 1–127.
757. Расстрел 4 апреля 1912 г. мирного шествия рабочих Ленских золотых приисков, протестовавших против произвола администрации и ареста членов стачечного комитета, унес жизни 270 человек и вызвал бурный протест по всей Российской империи.
758. Выступление моряков и гарнизона Кронштадта под лозунгом «За советы без коммунистов» началось 28 февраля 1921 г. и было окончательно подавлено 18 марта.
759. *Вандерлип (Vanderlip) Вашингтон* — американский инженер, приехавший в Москву осенью 1920 г. для переговоров о концессии на рыбные промыслы, на разведку и добычу нефти и угля на Камчатке и в Восточной Сибири. В обмен на предоставление концессии «синдикату Вандерлип» он обещал содействие американских предпринимателей в признании американским правительством советской власти в России. В. И. Ленин неоднократно упоминал в своих выступлениях перед московскими коммунистами в конце 1920 г. об этих переговорах с «дальним родственником известного миллиардера» (на самом деле — однофамильцем Ф. А. Вандерлипа) как открывающих возможность прорыва экономической блокады империалистами советской России. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. в 55-ти т. М., 1974. Т. 42. С. 23, 62–66, 92–93.
760. Подобное лечат подобным (*лат.*).
761. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 10. С. 311–312.
762. Там же. С. 322–323.

ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЛИГИ НАЦИЙ

Впервые опубликовано на английском языке: *The Legal and the Political Aspects of the League of Nations* // *Russian Commonwealth*. 1918. November 1. P. 5–9. *Перевод А. В. Антощенко.*

763. *Меттерних-Виннебург (Metternich-Winneburg) Клеменс* князь (1773–1859) — австрийский государственный деятель. Министр иностранных дел (1809–1821), канцлер (1821–1848). Один из организаторов «Священного союза». Во время Венского конгресса подписал в январе 1815 г. секретный договор с представителями Великобритании и Франции против России и Пруссии.
764. Гагская конференция мира была созвана 18 мая 1899 г. по инициативе России для обсуждения возможностей сокращения вооружений и военных расходов, расширения сферы действия третейских судов для предотвращения военных конфликтов, гуманизации войны. Конференция закончилась подписанием трех

конвенций и трех деклараций. Особое значение имела конвенция «О мирном решении международных столкновений», согласно которой государства согласились прилагать все усилия к тому, чтобы обеспечить мирное решение международных споров, и наметили основные средства для достижения этой цели: «добрые услуги» и посредничество, международные следственные комиссии и международный третейский суд.

765. В октябре 1908 г. Босния и Герцеговина, оккупированные Австро-Венгрией на основании решений Берлинского конгресса 1878 г., но находившиеся под номинальным суверенитетом турецкого султана, были аннексированы. Этому предшествовало соглашение, достигнутое 16 сентября 1908 г. в Бухлау (Австро-Венгрия) между министрами иностранных дел России А. П. Извольским и Австро-Венгрии А. Эренталем. В соответствии с ним царское правительство обещало не возражать против аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в обмен на поддержку плана открытия черноморских проливов для русских военных кораблей. Турция, после безуспешного протеста против аннексии, по соглашению с Австро-Венгрией от 26 февраля 1909 г. отказалась от своего суверенитета над Боснией и Герцеговиной за денежную и территориальную компенсации. Против аннексии выступала Сербия, надевшаяся на помощь России. Царское правительство, не сумевшее из-за противодействия Англии и Франции осуществить сделку в Бухлау в части, касающейся проливов, выражало крайнее недовольство односторонними действиями Австро-Венгрии. Однако Россия, ослабленная поражением в русско-японской войне 1904–1905 гг., стремилась урегулировать кризис дипломатическим путем. 22 марта 1909 г. в обстановке военных приготовлений Австро-Венгрии к нападению на Сербию германское правительство, выступившее в поддержку союзницы, в ультимативной форме потребовало от царского правительства немедленного признания аннексии. Царское правительство было вынуждено в тот же день принять требование Германии. 31 марта 1909 г. о признании аннексии Боснии и Герцеговины и о прекращении антиавстрийской агитации внутри страны заявило правительство Сербии. В апреле 1909 г. аннексия была признана Англией и Францией.
766. 4 августа 1914 г. Германия вторглась в Бельгию, отвергнувшую ультиматум о пропуске германских войск через ее территорию. Тем самым был нарушен нейтралитет Бельгии, одним из гарантов которого на Лондонской конференции в 1830 г. выступила Пруссия.
767. Женевская конвенция заключена 22 августа 1864 г. представителями 16 государств для облегчения участи раненых солдат на войне. Ее главными положениями являются неприкосновенность военных госпиталей и их персонала, оказание помощи раненым без различия Национальности. В 1868 г. положения Женевской конвенции были дополнены и распространены также на морскую войну. Гаагские конвенции о законах и обычаях войны были приняты на первой и второй мирных конференциях в Гааге в 1899 и 1907 гг. Первая Гаагская конференция приняла три конвенции: «О мирном решении международных столкно-

вений»; «О законах и обычаях сухопутной войны»; «О применении к морской войне начал Женевской конвенции». Вторая Гаагская конференция приняла 13 конвенций: «О мирном решении международных столкновений»; «Об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам»; «Об открытии военных действий»; «О законах и обычаях сухопутной войны»; «О правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны»; «О положении неприятельских торговых судов при начале военных действий»; «Об обращении торговых судов в суда военные»; «О постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин»; «О бомбардировании морскими силами во время войны»; «О применении к морской войне начал Женевской конвенции»; «О некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне»; «Об учреждении Международной призовой палаты» (не вступила в силу); «О правах и обязанностях нейтральных держав в случае войны».

768. Всеобщий почтовый союз был создан в 1874 г. на I Международном почтовом конгрессе. В 1878 г. была заключена Всемирная почтовая конвенция, регулирующая обмен корреспонденцией, содержащей письменные сообщения, а союз стал называться Всемирным.
769. Венесуэльский конфликт 1902–1903 гг. возник в результате стремления Великобритании, Германии, Италии и США получить с Венесуэлы долги и возмещение ущерба, причиненного им в ходе гражданской войны в этой стране в 1899–1902 гг. В декабре 1902 г. – феврале 1903 г. Германия и Великобритания, предъявившие ультиматум о немедленной уплате долгов, а также Италия потопили три венесуэльские канонерки и высадили десант. США добивались снятия блокады Венесуэлы, но в то же время требовали от нее уплаты долгов европейским державам. В результате дипломатического нажима США в феврале 1903 г. были подписаны соглашения европейских держав с Венесуэлой об использовании 30 % таможенных доходов от венесуэльских портов Пуэрто-Кабельо и Ла-Гуайра для удовлетворения их претензий.
770. П. Г. Виноградов упоминал случаи международного вмешательства в целях урегулирования внутренних проблем Турции, вызванных национально-освободительным движением подвластных ей народов. В декабре 1876 г. по инициативе Великобритании в Константинополе была созвана международная конференция с участием России, Франции, Австро-Венгрии и Турции. Ее целью являлось мирное урегулирование затруднений, возникших в связи с восстаниями в Герцеговине и Боснии, беспорядками в Болгарии, войной Турции с Сербией и Черногорией. В результате соглашения между Россией и Великобританией были разработаны требования к Турции, поддержанные другими европейскими державами. Главными среди них были присоединение к Черногории большей части восставших герцеговинских округов и предоставление ей выхода к морю, возвращение Сербии территорий, захваченных у нее Турцией в ходе войны 1876 г., введение в трехмесячный срок автономии и местного само-

- управления в Боснии, Герцеговине и Болгарии. Требования европейских держав были предъявлены 20 января 1877 г. в виде ультиматума Турции. Отклонение его стало прологом русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
771. Интервенция европейских держав на Крите была вызвана восстанием против турецкого владычества в 1896–1897 гг. Десант, высадившийся после бомбардировок острова с кораблей европейских держав, заставил турецкие войска удалиться. В 1898 г. Турция в результате дипломатического давления предоставила Криту административную автономию под протекторатом Англии, Франции, Италии и России.
772. В целях успокоения Македонии, где с конца XIX в. участились антитурецкие выступления, 3 октября 1903 г. в Мюрцштеге при личном свидании императоров Николая II и Франца-Иосифа было заключено соглашение о программе реформ, которые должна была осуществить Турция на этой территории. Наиболее важными пунктами соглашения были следующие: 1) назначение при македонском генеральном инспекторе двух гражданских агентов со стороны России и Австрии; 2) реорганизация жандармерии с назначением туда офицеров из иностранцев; 3) создание смешанной комиссии для разбора политических и уголовных дел; 4) допущение местных христиан в администрацию и суд. Турция согласилась выполнить эти требования.

РЕАЛИИ ЛИГИ НАЦИЙ

- Публикуется впервые. Машинописный оригинал статьи на английском языке хранится в библиотеке Гарвардской школы права: HLSL SC MD. Vinogradoff's Papers, b. 7, f. 10. В описании коллекции бумаг П. Г. Виноградова ошибочно указано, что это текст письма в «Таймс», опубликованного под названием «The Covenant of the League» (Соглашение о Лиге). Перевод письма публикуется ниже.
773. На полях статьи был вписана четвертая идея: «4. Идеал международной справедливости, вызывающий чувство гордости за прошлое и вселяющий надежду на будущее».
774. *Гроций, Гуго де Гроот (Grotius, Hugo de Groot)* (1583–1645) – голландский юрист, социолог и государственный деятель. Один из основателей теории естественного права и науки международного права.
775. Далее было указано: Contin [ue] ins [ertion] 4 from Russ [ian] Comm [onwealth]. (Продол [жить] вст [авку] 4 из «Русс [кого] Народо [правства]»). П. Г. Виноградов предполагал дополнить рукопись материалом из статьи «Политический и правовой аспекты Лиги наций», изданной в еженедельнике «Russian Commonwealth». Перевод этой статьи публикуется в данном томе.

СОГЛАШЕНИЕ О ЛИГЕ

Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. The Covenant of the League. Great and Small Powers // Times. 1919. March 28. P. 7. *Перевод А. В. Антощенко.*

776. Комитет по выработке соглашения о создании Лиги Наций был создан 25 января 1919 г. на Версальской мирной конференции. В течение первых десяти заседаний он подготовил первоначальный текст соглашения, обнародованный американским президентом В. Вильсоном 14 февраля 1919 г.
777. Статья 3 определяла, что Исполнительный Совет будет состоять «из представителей Соединенных Штатов Америки, Британской империи, Франции, Италии и Японии вместе с представителями четырех других Государств, членов Лиги». Право выбора этих четырех государств закреплялось за Собранием делегатов (в окончательном документе — Ассамблеей) «на таких принципах и таким образом, какие они сочтут целесообразными» (первоначальный текст соглашения см.: Miller D. H. The Drafting of the Covenant. NY, London, 1928. Vol. 2. P. 327–335. Document 19.). Однако в первоначальном документе предполагалось, что уже до избрания будут определены эти четыре члена совета. И хотя в соглашении не оговаривалось, каким образом они будут выбраны, было ясно, что решение об этом будет принято «большой пятеркой» Версальской конференции, состоящей из глав держав-победителей в Первой мировой войне. Данную идею выдвинул британский представитель в комитете лорд Р. Сесил, который на заседании 27 января предлагал составить Совет из представителей «великих держав» и представителей тех государств, которые они выберут. Он же увязал представительство «малых держав» в Исполнительном совете с принципом единогласия с тем, чтобы сохранить возможность любому из его постоянных членов заблокировать неприемлемое решение.
778. Статья 15 первоначального текста предусматривала процедуру разбирательства споров, которые не нашли предварительного решения дипломатическими способами или в третейских судах. Обращение одной из спорящих сторон, являющихся участницей соглашения о Лиге Наций, в Исполнительный совет непосредственно или через Генерального секретаря предполагало для решения спора единогласное принятие Советом доклада, «излагающего все необходимые факты и разъяснения, рекомендацию, которую Совет считает справедливой и подходящей для разрешения спора». Все государства, вступающие в соглашение о Лиге Наций, брали обязательство подчиниться такому единогласно принятому советом решению. В случае отказа какого-либо участника соглашения подчиниться совет должен был «предложить меры, необходимые для того, чтобы осуществить рекомендацию». В случае отсутствия единогласия при рассмотрении спора в совете за большинством признавалась «обязанность», а за меньшинством «привилегия» опубликовать заявления с их собственным

пониманием фактов и рекомендаций, которые они считают справедливыми и подходящими для данного случая. В соответствии со статьей 15 предполагалась также возможность передачи Исполнительным советом или по требованию одной из спорящих сторон рассмотрения спора в Собрание делегатов.

779. Статья 13 закрепляла обязательство участников соглашения о Лиге в случае неспособности решить спор дипломатическим путем передавать его рассмотрение в третейский суд, определенный по согласованию или в существующем между ними договоре, и подчиняться решениям такого суда. В случае неудачи в проведении судебного решения Исполнительный совет обязывался предложить такие шаги, которые обеспечили бы лучше всего его реализацию. Статья 14 предполагала создание Постоянного суда международной справедливости, который будет компетентным заслушивать и выносить решения по делам, которые вступающие в соглашение о Лиге Наций стороны признают подсудными ему в соответствии со статьей 13.
780. Зачитывая и комментируя первоначальный текст соглашения, президент В. Вильсон отметил, что до включения в документ статья 19 «была предметом очень тщательного обсуждения представителями пяти великих держав», которые единогласно одобрили ее содержание (см.: Miller D. H. *Op. cit.* P. 561. Document 23). Эта статья без существенных изменений была включена в окончательный документ как статья 22.

П. Г. Виноградов
Россия на распутье
(историко-публицистические статьи)

Корректор *Е. Макеева*
Оформление серии *В. Коршунов*
Верстка *С. Зиновьев*

Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 38,7. Уч.-изд. л. 45,6. Тираж 1100 экз.
Заказ №

Издательский дом «Территория будущего»
125009, Москва, ул. Б. Дмитровка, 7/5, стр. 2

Отпечатано в ГУП ППП «Типография „Наука“»
121099 Москва, Шубинский пер., 6